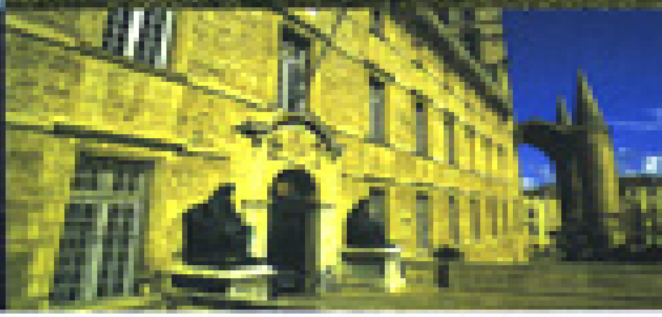
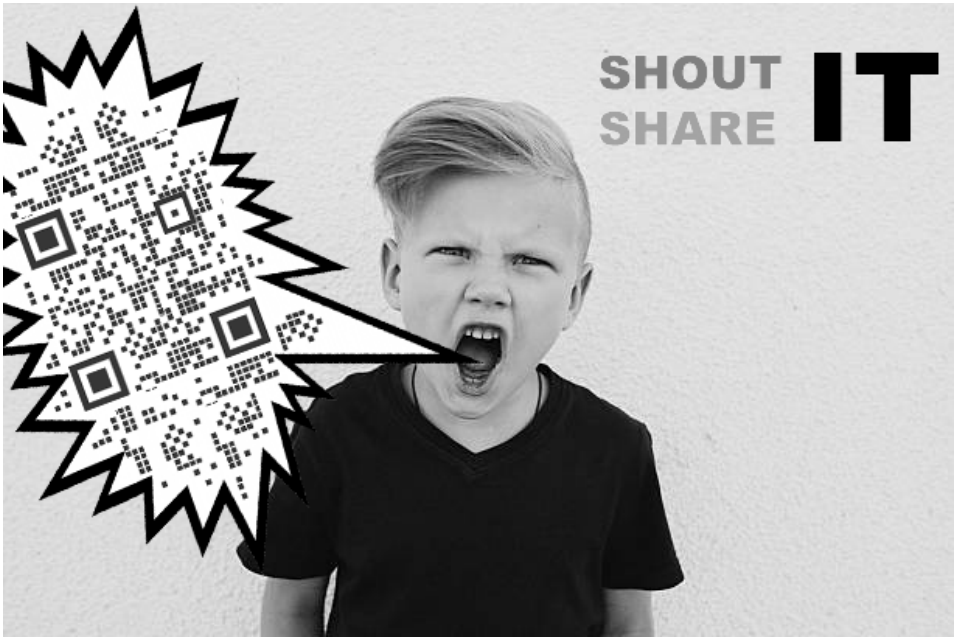
НОСТРАДАМУС



Алексей Пензенский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мишеля Нострадамуса (1503–1566) по праву можно назвать одной из самых загадочных личностей мировой истории. Он был астрологом, поэтом, философом, врачом, но потомкам запомнился в первую очередь как автор «Пророчеств» или «Центурий», предсказывающих судьбы человечества на сотни лет вперед. Многие и сегодня верят Нострадамусу, находя в его трудах множество совпадений с реальными историческими событиями. Ежегодно в разных странах появляются новые «расшифровки», в которых подлинные слова французского пророка беззастенчиво искажаются в угоду политической конъюнктуре. Иначе подходит к наследию Нострадамуса один из лучших его знатоков Алексей Пензенский. В его новаторском исследовании Нострадамус из мистика превращается в мыслителя-утописта, скрывающего под маской пророчеств свои мечты о справедливом общественном устройстве. Значительная часть книги посвящена поискам подлинного смысла нострадамовских катренов (четверостиший), язык которых очень труден для понимания. Первая в России научная биография Нострадамуса снабжена справочным аппаратом и редкими иллюстрациями.

- Алексей Пензенский
  - ОТ АВТОРА
  - Часть первая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая
  - Часть вторая
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая

- Глава восьмая
- Глава девятая
- Глава десятая
- Глава одиннадцатая
- Глава двенадцатая

- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- ПРИЛОЖЕНИЕ
  - ПОТЕРЯННЫЕ КАТРЕНЫ НОСТРАДАМУСА
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИШЕЛЯ НОСТРАДАМУСА
- БИБЛИОГРАФИЯ
  - I. ИСТОЧНИКИ
    - 1. СОЧИНЕНИЯ НОСТРАДАМУСА
    - 2. АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ
    - 3. БИБЛИЯ И ПАТРИСТИКА
    - 4. ИСТОЧНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ
  - II. ЛИТЕРАТУРА
    - 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ
    - 2. НОСТРАДАМОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ
    - 3. ПЕРЕВОДЫ И ТОЛКОВАНИЯ ПРОРОЧЕСТВ НОСТРАДАМУСА
  - III. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ
- ИЛЛЮСТРАЦИИ

- notes
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64

- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154

- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178

Алексей Пензенский
Нострадамус

Ung Moscouite en conseil de soy mesme,
Sera epris de belle EUGENIE:
Par son amour, auant apres Caresme
Il minera ce liure infini.

ОТ АВТОРА

Отношение к Мишелю Нострадамусу в общественном сознании было и остается двояким. Почти пять веков он пребывает в центре интереса любителей «таинственного» и одновременно на периферии внимания исторической науки. В отличие от таких его современников, как Леонардо да Винчи, Парацельс, Джордано Бруно, также отдавших дань ренессансной мистике, Нострадамус вошел в историю лишь как астролог и автор поэтических пророчеств. Ученые упорно считали его шарлатаном, юродивым, в лучшем случае – курьезной фигурой, не стоящей серьезного разговора.

Однако такой подход идет вразрез с фактами. Вряд ли простой обманщик мог ввести в заблуждение знаменитую «черную королеву» Екатерину Медичи, которую можно заподозрить в чем угодно, но не в наивности. Да и в последующие столетия далеко не всех поклонников Нострадамуса можно было отнести к разряду легковерных простаков. Напомним, что к ним относились Ронсар и Гёте, Виктор Гюго и Гийом Аполлинер. Безусловно, посмертная репутация Нострадамуса была подорвана толкователями-любителями, с упрямой настойчивостью использующими «Пророчества» как повод для высказывания своих политических пристрастий. Эти толкователи, вырывая предсказания из их культурно-исторического контекста, вкладывают в уста Нострадамуса то, что он никогда не имел (и не мог иметь) в виду. Достаточно вспомнить невольное участие французского пророка в пропагандистской дуэли между Третьим рейхом и западными союзниками; обе стороны выпускали массовыми тиражами листовки и памфлеты, в которых сообщалось, что Нострадамус предрек победу именно им.

Однако предсказания Нострадамуса – это прежде всего памятник эпохи. Как бы мы ни относились к самой его личности, к астрологии и натурфилософии, необходимо признать: «Пророчества магистра Мишеля Нострадамуса» с завидным постоянством переиздаются уже более 450 лет. Никаких опросов не проводилось, однако вполне вероятно, что книга французского астролога – самое известное поэтическое произведение всех времен. Во всяком случае, по числу переизданий она оставляет позади Гомера, Вергилия и Овидия, не говоря уже о поздних классических поэтах. Стало быть, как всякий культурный феномен, она заслуживает изучения – как и биография ее создателя.

Первые попытки научно-критического исследования

творчества Нострадамуса предпринимались достаточно давно, еще до Французской революции. Главная задача сегодняшнего историка – рассмотрение жизни и трудов предсказателя в контексте европейской политики и культуры XVI века. Отличие от подхода «комментаторов» заключается в том, чтобы прочитать «Пророчества» так, как их могли бы понять современники Нострадамуса, в то время как самозваные толкователи озабочены исключительно поиском в них указаний на Наполеона, Гитлера, Сталина и других политиков, вплоть до Усамы бен Ладена.

Заслуживает внимания тот факт, что прижизненную славу Нострадамусу принесли отнюдь не его «Пророчества», а ежегодные альманахи, которые пользовались огромной популярностью во всей Европе и переводились практически на все основные языки. Как было установлено недавно, издавались они фантастическими тиражами, которым мог бы позавидовать и современный писатель – 40–50 тысяч, при том, что население Франции в середине XVI века едва превышало 20 миллионов человек, из которых грамотными были не более 15 процентов. Популярность Нострадамуса вела к тому, что под его именем выпускались «фальшивые» пророчества, продолжавшие выходить еще много лет после его смерти.

Эта книга предлагает читателю максимально полный и подробный (насколько это позволяют сохранившиеся документы) рассказ о жизни «пророка всех времен». Современному историку крайне важны все свидетельства, прямо и даже косвенно связанные с жизнью и творчеством Мишеля Нострадамуса. Именно этим объясняется обилие цитат в нашем исследовании. Здесь мы следовали принципу Пьера Брендамура, канадского исследователя Нострадамуса, который писал: «Я цитирую обширные отрывки из использованных мною источников, оставляя читателю возможность отбора информации и позволяя ему ощутить особый вкус текстов XVI века… Когда идет речь о Нострадамусе, требуется абсолютная прозрачность; иначе мы рискуем запутать и без того достаточно туманные тексты. Но есть и другое объяснение (кто-то скажет – извинение) этим длинным цитатам. О Нострадамусе в прошлом было рассказано больше анекдотов, чем правды, бытовало больше спекуляций, чем установленных фактов, и даже благонамеренные авторы цитировали источники из вторых и третьих рук. Я проверял оригинальные источники всякий раз, когда только мог, и то, что я находил, часто отличалось от установившейся традиции. Я счел своим долгом цитировать источники *in extenso* на языке оригинала, чтобы создать солидное основание не только для моих утверждений, но и для будущих исследований».

Вторая часть книги познакомит читателя с пророчествами Нострадамуса, рассмотренными в контексте эпохи их написания. XVI век – один из самых сложных в истории человечества, и решительно невозможно в одной книге подробно рассказать обо всех перипетиях Реформации и войн в Италии, Центральной и Юго-Восточной Европе, о географических открытиях и прогрессе науки. Автор лишь старался воссоздать необходимый для понимания тех или иных катренов исторический и филологический фон – для этого, в частности, в книге приводятся оригинальные тексты четверостиший.

Очарование текстов Нострадамуса не пропадает от того, что некий Гистер, трижды упомянутый им, оказывается не Гитлером, а рекой Дунаем, а предсказание Великой французской революции – заимствованным из средневековых астрологических трактатов. Обилие катренов, где описаны события, уже свершившиеся к моменту написания «Пророчеств магистра Мишеля Нострадамуса», не в силах лишить нас удовольствия от созерцания мистической фантасмагории, развернутой перед потомками высокообразованным и не лишенным наития прорицателем XVI столетия.

Часть первая
ПУТЬ ПРОРОКА

Глава первая
СЫН ВОЗРОЖДЕНИЯ

Понимание условий, в которых формировалось мировоззрение будущего автора «Пророчеств», необходимо не только для адекватного восприятия его личности, но и для правильного прочтения его труда. Прослеживая путь, которым шел молодой Нострадамус, мы можем получить представление о том, что он хотел высказать в своих сочинениях и какими возможностями для этого обладал.

О первых годах жизни Мишеля де Нотрдама известно немногое. Его ранние годы словно ускользнули от внимания летописцев, оставив лишь случайные следы на страницах официальных документов. Только с 1550-х годов, когда Нотрдам стал Нострадамусом, мы можем уверенно рассуждать о его биографии. В этом нет ничего удивительного – ведь Нострадамус не принадлежал к числу коронованных особ, чья жизнь с рождения фиксировалась на бумаге чуть ли не ежедневно. Пробелы в биографии – явление типичное для той эпохи. Мы мало знаем о молодых годах Франсуа Рабле, Этьена Доле и многих других представителей *«republique des lettres»* – уникального сообщества образованных людей, эрудитов, гуманистов, придавших эпохе позднего Возрождения во Франции неповторимый колорит и историко-культурную ценность.

Череда географических открытий, проникновение европейцев в Америку и на Восток, повторное открытие античных литературных памятников знаменовали собой беспрецедентное расширение горизонтов сознания среднего европейца; новый мир уже не вмещался в рамки старого мировоззрения. Этому новому миру, в свою очередь, требовалась новая философия, и ее неоднократно пытались создать. Нет нужды перечислять здесь десятки имен от Марсилио Фичино и Эразма Роттердамского до Джордано Бруно и Кампанеллы. При всех различиях между этими мыслителями их объединяла одна цель – создать такую картину мира, в которой человек занял бы место, подобающее ему как венцу творения Природы. Новому миру нужна была и новая религия – ведь если папа римский ничего не знал о существовании Америки, то не мог ли он ошибаться и в других, не менее важных вопросах? Реформация XVI века началась в германских землях смелым выступлением Мартина Лютера и быстро завоевала сторонников во всех слоях населения, в том числе и среди высшей знати. Протестантское движение быстро

проникло во Францию, Швейцарию, Англию, где англиканство – местная форма протестантизма – стало государственной религией.

Переоценке глобальных жизненных ценностей способствовало и бурное развитие типографского дела. Если за первые полвека книгопечатания до 1500 года во всей Европе было издано около 27 тысяч названий книг, то только в Париже и Лионе и только за первые 30 лет XVI столетия увидели свет 8500 изданий. Печатные дворы становились рупором политической и религиозной мысли, источником информации о событиях, происходивших на других концах Европы. Большие тиражи влекли за собой резкое снижение цен; книги перестали быть роскошью, появились первые домашние библиотеки (у Нострадамуса впоследствии тоже будет такая). Доступность книг привела не только к расширению образованной прослойки, но и к росту ее культурного уровня.

В то же время XVI век – столетие трагических противоречий. Кризис, вызванный столкновением идей ренессансного гуманизма и старого мировоззрения, светлых надежд и мрачных реалий, породил массовые суеверия, немыслимые даже в эпоху Средневековья, которую ренессансные эрудиты и философы окрестили «варварской». По беспокойному небу Возрождения ведьмы на помеле проносились значительно чаще, чем веком раньше или веком позже, а знамения в виде комет, говорящих животных, «летающих щитов» подстерегали людей того времени на каждом шагу.

Парадоксы Возрождения, которые сейчас, в начале XXI века, кажутся вопиюще противоречивыми, для самой эпохи были естественными, вытекающими из самой цели ренессансной натурфилософии – создания всеобъемлющего философского и научного синтеза. Вооруженный этой новой синтетической идеей, человек смог бы преобразовать Вселенную и создать мир, достойный себя. Именно поэтому итальянский медик Джироламо Фракасторо, высказывая правильные догадки о причинах инфекционных заболеваний, ставил эпидемии в зависимость от конфигураций Юпитера и Сатурна. Плодами гения Леонардо да Винчи стали и смелые технические разработки, и вполне традиционные по форме пророчества. В творческом наследии Николая Коперника гелиоцентрическая теория органически сочетается с алхимическими рецептами и ссылками на Гермеса Трисмегиста. Джироламо Кардано оставил после себя не только важные математические и технические открытия (например, карданный вал), но и гороскоп Иисуса Христа.

В 1555 году, когда одна часть ренессансных авторов была

занята воспеванием красот женского тела и природы, заостряя внимание не на содержании, а на форме, а другая – изучением прошлого, французский мыслитель по имени Мишель Нострадамус обратил свой взор в будущее. Увидев в этом будущем непрерывные войны, заговоры, убийства, эпидемии и природные катаклизмы, он в стремлении предупредить своих сограждан создал и развил жанр поэтического политического пророчества, совершенно отсутствовавший в современной ему Европе. Безусловно, то будущее, каким его видел магистр и доктор медицины Нострадамус, было очень и очень далеко от ренессансного идеала. Настроения, вызванные кризисом гуманистического мировоззрения, были в целом свойственны искусству и общественной мысли второй половины XVI века. Однако «Пророчества» Нострадамуса обозначили этот кризис раньше других произведений.

Жак де Нотрдам, сын торговца фуражом и зерном, много лет исполнял обязанности нотариуса провансальского[2] городка Сен-Реми. В декабре 1503 года его законная супруга Рейньер (или Рене) произвела на свет первенца, названного Мишелем. Длительное время датой его рождения считалось 14 декабря; на ней настаивал и сам Нострадамус, писавший в одном из писем: *«Decembris, die autem ant natalem meum secunda»* – «12 декабря, за два дня до дня моего рождения».[3] Однако недавние изыскания французского исследователя Патриса Гинара показали, что будущий предсказатель увидел свет 21 декабря.[4] Эта же дата фигурирует и в «Истории Прованса», вышедшей впоследствии из-под пера сына Нострадамуса Сезара. Ошибка – случайная или преднамеренная – оказалась долгоживущей. Но лишние семь дней не меняют сути: Мишель де Нотрдам появился на свет в Южной Франции в царствование короля Людовика XII и в понтификат папы Юлия II, на заре XVI века.

Семья, в которой родился будущий предсказатель, хоть и исповедовала христианство, была еврейской по происхождению. Предки Нострадамуса происходили от испанских евреев-сефардов, еще в XV веке бежавших от погромов и притеснений в веротерпимый папский город Авиньон во Франции. Там предки Мишеля приняли католичество, а вместе с ним – фамилию Нотрдам в честь Богоматери (*Notre Dame)*. Его сын Пьер был уважаемым в Авиньоне негоциантом. Там, в процветающем Авиньоне, городе Петрарки, и был заложен фундамент семьи Нотрдамов. Подобно многим своим соотечественникам в те годы, Нотрдамы благодаря оживившейся торговле поднялись из рядов простых горожан до звания «благородных» *(gentilhommes)*, что позволило им добавить к фамилии дворянскую приставку «де».

Старший из семерых детей Пьера Жом (Жайме), по-французски называвшийся Жаком, тоже занялся коммерцией. Женившись на дочери врача из Сен-Реми, он осел в этом тихом провансальском городке, названном в честь святого Ремигия, который некогда обратил в христианство первого короля франков Хлодвига. Немного отстав от отца, Жом стал отцом пяти сыновей, сделавших успешную карьеру в торговле, военном деле и юриспруденции. Адвокат Жан де Нотрдам к 1552 году стал прокурором парламента Экса, Антуан исполнял должности прокурора и консула в родном Сен-Реми. Эктор, Бертран, разбогатев на торговых предприятиях, приобрели поместья в окрестностях города. Один лишь Мишель пошел по стопам предков матери, избрав своей профессией медицину. Семейство Сен-Реми, сделавшее своей фамилией название города, занималось врачеванием уже несколько поколений. Дед Нострадамуса Жан де Сен-Реми, согласно легенде, был лейб-медиком герцога Калабрии, а его более отдаленный родственник Пьер Абрагам Соломон занимал должность личного врача знаменитого графа Рене Прованского – последнего независимого правителя края. Стоит отметить, что по отцу Нострадамус, по некоторым данным, принадлежал к иудейскому колену Иссахара – пятого сына патриарха Иакова от Лии. Традиция приписывала этому древнему роду особый пророческий дар.

Во Франции, несмотря на в целом лояльное отношение государства, крещеные евреи испытывали определенные трудности. Будучи подозреваемыми в том, что они остались верны религии предков, новообращенные христиане вынуждены были постоянно доказывать обратное. В некоторых храмах для них строились специальные входы; в Провансе крещеные евреи обязаны были платить особый налог. Как показывают архивные документы, отец Нострадамуса Жак де Нотрдам был одним из трех выкрестов Сен-Реми, обложенных таким налогом. Отношение простонародья к «новообращенным» долгое время оставалось, как правило, негативным. В ходу было оскорбительное прозвище *retaillon* («обрезок», в смысле «обрезанный»), распространенное до такой степени, что парламент Экса, орган местного самоуправления Прованса, в 1542 году принял особый закон, угрожающий серьезным наказанием тому, кто осмелится назвать «обрезком» или «марраном» еврея, принявшего святое крещение. В первый раз виновному урезали язык, во второй – секли до крови, а в случае нового рецидива подвергали смертной казни через повешение с конфискацией имущества.

Благожелательное отношение местной власти позволило

многим «новым христианам» добиться устойчивого положения в провансальском обществе. Уже в 1511 году семья Нотрдамов разбогатела настолько, что смогла купить дом в центре Сен-Реми. Примерно тогда же Мишель отправился в начальную грамматическую школу. В таких школах, где один и тот же педагог – как правило, регент церковного хора – вел все предметы, дети вызубривали латинские псалмы, часто не понимая их смысла. Школьники учились также письму, счету и хорошим манерам. Образование было довольно посредственным, поэтому родители побогаче нанимали своим чадам домашних учителей.

Отец сочувственно отнесся к желанию Мишеля продолжить образование и осенью 1518 года отправил сына в Авиньон, находившийся всего в пяти лье от Сен-Реми. На факультете искусств тамошнего коллежа он получил среднее образование. Учеба в коллеже длилась около трех лет. Привычную зубрежку латинских гимнов здесь дополнило изучение «свободных искусств» – наследников классического античного образования. Это были тривий (грамматика, риторика, диалектика) и квадривий (геометрия, арифметика, астрономия, музыка), к которым христианская эпоха прибавила теологию – Священное Писание и каноническое право. Грамматика и риторика, «искусство красноречивого убеждения», были сходны с современной филологией, а диалектику в дальнейшем заменила логика – с уклоном больше в философию, чем в ораторское искусство.

Система образования в Авиньоне была достаточно либеральной. Порка полагалась лишь за серьезные провинности, и молодежь в полной мере наслаждалась свободой от семейной опеки. Регулярные пирушки, шалости и общение с местными девицами скрашивали досуг авиньонских школяров, которые снискали сомнительную славу самых недисциплинированных во всех французских землях – они охотнее ходили на танцы, чем на занятия.

Мы не располагаем сведениями о том, как проявил себя Мишель де Нотрдам в качестве ученика. Лишь его первый биограф Жан-Эме де Шавиньи сообщает, что в коллеже Мишель поражал соучеников и преподавателей великолепной, почти божественной памятью: *«Memona pene divina prosditus erat».* И, хотя биография, написанная Шавиньи для книги «Первый лик французского Януса», явно идеализирует Нострадамуса, этому утверждению можно поверить: широта интересов и уровень познаний Мишеля далеко выходили за средние рамки той эпохи. Это видно по впечатляющему литературному наследию,

оставленному бывшим учеником авиньонского коллежа.

По окончании школы в 1521 году Мишель получил звание магистра искусств – некий эквивалент современного аттестата или степени бакалавра. В то время, однако, магистрами были немногие. К тому же это звание было необходимо, чтобы облегчить поступление на медицинский факультет университета, куда юноша стремился попасть.

Медицина XVI века была еще очень далека от современной, хотя в эпоху Возрождения некоторые разделы этой науки претерпели значительный прогресс. Анатомия была обновлена еще в XIV веке с началом анатомирования трупов в университетах – сначала в Италии, а потом и в других странах. Церковь, вопреки легендам, не противилась этому; в 1472 году папа Сикст IV признал полезность анатомии как медицинской и художественной дисциплины, и обучение ей было формально дозволено Климентом VII. Наиболее активным центром анатомических занятий в первой половине XVI века был Парижский университет (Сорбонна), где анатомию преподавали Жак Дюбуа (он же Сильвий, 1478–1555) и Иоганн Гюнтер Андернахский (1505–1574).

Властителем дум первых анатомов оставался великий античный медик Гален, чьи идеи были сохранены в Средние века арабскими врачами. Его влияние многократно усилилось благодаря типографскому делу: в 1490 году в Венеции было опубликовано первое издание латинского перевода его сочинений по анатомии, а в 1525 году – греческий оригинал. Но со временем опыты по анатомированию обнаружили противоречия между тезисами Галена и наблюдаемой реальностью; врачи все больше и больше убеждались, что экспериментальные данные следует предпочесть книжному знанию. Хотя в своих медицинских трудах Жак Дюбуа еще всецело зависел от трактатов Галена, опыт, приобретенный благодаря препарированию, позволил ему обойти своего предшественника и составить новую анатомическую номенклатуру, в частности, точно описать желудочки мозга.

Около 1539 года ученик Дюбуа Шарль Этьен, сын знаменитого печатника-гуманиста Анри Этьена, в сотрудничестве с хирургом Этьеном де Ла Ривьером написал иллюстрированный трактат по анатомии «Рассечение на части человеческого тела» *(De dissectione partium corporis humani),* в котором отказал в доверии ортодоксальной галеновой медицине. Книга была опубликована только в 1545 году и уже через год вышла на французском языке. В это время в Базеле у издателя Опорина уже вышло «Строение человеческого тела» *(Humani corpore fabrica)* Андреаса Везалия (1514–1564) – научный и художественный шедевр,

проиллюстрированный более чем 300 гравюрами профессиональных живописцев школы Тициана. Везалий, родившийся в Брюсселе и получивший образование в Монпелье, Париже, Лувене и Падуе, пришел к выводу, что Гален препарировал преимущественно трупы животных, а не человеческие, чем и объяснялись его ошибки в анатомии.

В этот же период родилась физиология, основанная Жаном Фернелем, придворным врачом короля Генриха II. Само слово *physiologia* впервые появилось в его трактате «Медицина» (1554), выступая названием первой его части, посвященной исследованию функций различных органов человеческого тела (вторая часть была посвящена патологии, а третья – терапии). Арагонский врач Мигель Сервет, который был в Парижском университете наставником Жака Дюбуа, описал легочный круг кровообращения в «Восстановлении христианства» *(Christianismi restitutio,* 1553), но тираж книги был конфискован и сожжен (позже за ним на костер последовал и автор). Несмотря на интуитивные догадки некоторых врачей, физиологам пришлось дожидаться 1628 года, когда англичанин Уильям Гарвей изложил в законченном виде учение о кровообращении.

Произведения «отца медицины» Гиппократа были известны еще лучше, чем Галена. В 1532 году Франсуа Рабле выпустил в Лионе издание «Афоризмов» великого грека; французский перевод гиппократовых текстов появился в Лионе благодаря Пьеру Вемеи в 1539 году. В 1544 году латинский перевод хирургических трактатов, приписывавшихся Гиппократу *(Chirurgia e Graeco in Latinum conversa),* был опубликован Гвидо Гиди при содействии Бенвенуто Челлини. Наряду с анатомическим атласом Везалия эта книга признана самым красивым медицинским изданием всех времен.

Хирургия также выиграла от изобретения и распространения книгопечатания, которое позволило повторно открыть труд Цельса «О медицине» – единственное древнеримское медицинское сочинение, которое дошло до нашего времени (опубликовано в 1478 году). Одновременно распространялись средневековые учебники Ги де Шольяка и Гийома де Салисето. Много древнегреческих хирургических трактатов было опубликовано в Венеции в латинском переводе в конце XV века, а затем, почти в полном собрании, в Цюрихе Конрадом Геснером *(Be chirurgia scriptores optimi,* 1555). Достижения хирургии во Франции отмечены успехами знаменитого Амбруаза Паре, но он был не одинок. Немалой искусностью отличались и другие практики – такие, как земляк Нострадамуса провансалец Пьер Франко, который успешно оперировал ущемленные грыжи и

удалял камни из почек; он опубликовал в 1556 и 1561 годах трактаты о грыжах.

Другим разделом науки, где ощущалось влияние новых идей, была химическая медицина. Ее развитие привело к отказу от учения о жидкостях, согласно которому доброе здоровье следует из равновесия в теле между кровью, флегмой, желтой желчью и черной желчью, соответствующими четырем качествам природы – сухости, влажности, холоду и теплу. Считалось, что болезнь происходит от нарушения равновесия между этими качествами, вызванного излишком или нехваткой одного из них. Лечение заключалось в удалении «нездоровой жидкости» путем опорожнения организма одним из четырех базовых способов: кровопусканием, слабительным, клизмой (которую упростило распространение клистира, изобретенного в 1532 году итальянским врачом Марко Гаттенаной) и банками. К этим методам добавлялись различные гомеопатические средства на основе растений.

Эта концепция болезни была пересмотрена швейцарским врачом и алхимиком Теофрастом Бомбастом фон Гогенгеймом, называвшим себя Парацельсом (то есть «идущий вслед за Цельсом», «равный Цельсу»). Его труды были опубликованы и распространялись главным образом после его преждевременной смерти в 1541 году на 48-м году жизни. Парацельс придавал большую значимость отношениям между микрокосмом (человек) и макрокосмом (внешний мир); он полагал также, что влияние планет соединяет оба мира. Он объяснял болезнь не нарушением равновесия между качествами, но плохим функционированием ведущего принципа, жизненного начала – «архея». Парацельс предлагал лечить эти патологии не противоположным, как того требовала классическая теория, но подобным; таким образом, он прибегал к металлам, из которых химии (или алхимии; разницы между ними еще не было) предстояло извлечь «квинтэссенцию» жизни. При этом в качестве «жизнетворных» выступали такие ядовитые вещества, как свинец, мышьяк, сурьма. Новые идеи вызвали во Франции оживленные споры, которые во второй половине XVI века привели к настоящей научной «сурьмяной войне».

Несмотря на развитие медицины, как теоретической, так и клинической, врачи оставались безоружными перед тяжелыми, особенно эпидемическими заболеваниями. Если проказа, подлинный бич Средневековья, быстро исчезала из Европы, то чума постоянно напоминала о себе. Врачи были бессильны и перед тифом, появившимся впервые в 1470-е годы и бушевавшим в действующей армии, тюрьмах и бедных городских кварталах.

Несколько больший успех ожидал их в борьбе с сифилисом, который стремительно распространялся во Франции в конце XV века: терапия ртутью и мышьяком давала сильные побочные эффекты, но позволяла продлить больному жизнь на 20–30 лет.

В конце 1520 года в Лангедоке[5] разразилась чума. Вскоре она добралась и до Авиньона. Факультет начал работать с перебоями, а затем и вовсе закрыл на время свои двери. Студенты разбежались кто куда, причем некоторые даже не забрали свои дипломы – так велик был страх перед эпидемией. Мишель также оставил папский город. В 18 лет его планы на будущее уже определились – он станет врачом. Путь его лежал в университет Монпелье, где действует один из лучших в ренессансной Европе медицинских факультетов. Проучившись там три года, он получил степень бакалавра медицины… и отправился в путешествие, чтобы ощутить себя взрослым и конечно же набраться опыта – как жизненного, так и профессионального.

Глава вторая
МОНПЕЛЬЕ: ОТ ГУМАНИТАРИЯ К МЕДИКУ

Около пяти лет молодой Мишель странствует по Провансу и соседним регионам Французского королевства. Хотя он учится на врача и собирается продолжить образование, чтобы получить степень доктора медицины, его привлекает фармацевтика. В каждом городе, который он минует, он посещает лавки аптекарей, интересуется целебными травами, бережно записывает лекарственные, косметические и даже кулинарные рецепты. Много лет спустя он напечатает их отдельной книгой, снабдив пространными автобиографическими экскурсами. Мишеля привлекают и античные памятники – эпоха Возрождения ознаменована пробуждением глубокого интереса к культуре Древнего Рима и Древней Греции, и любознательный юноша не избежал этого увлечения.

Как пишет сам Нострадамус, он объездил все земли Южной Франции, то есть Гиень, Лангедок, Прованс, Дофине и Лионнуа:

«После того, как я посвятил большую часть моих молодых лет, о благосклонный читатель, фармацевтике и изучению трав во многих странах и землях с 1521 по 1529 год, я непрестанно путешествовал, чтобы узнать и изучить источники и происхождение растений и иных трав, касающиеся вершин медицинской науки… Завершив и исчерпав эти восемь лет, я обнаружил, что не смог в полной мере овладеть суммой великой науки. И я поступил так, как говорит светило латинского языка в словах: *«Et egressus syluis uicina coegi»*[6] – закончил свою учебу, продолжавшуюся до сего момента и занявшую 31 год моего призвания, до 1552 года. Во время частых и продолжительных занятий я прочел все у всех авторов – как греческих и латинских, так и варварских, переведенных большей частью на латынь, а иных – на иностранных языках».[7]

Итак, именно к 1521 году Нострадамус относит начало своего медицинского образования. Любопытно, что позднее, 9 сентября 1561 года, в частном письме своему германскому другу Иоганну Розенбергеру, Нострадамус пишет, что занимается медициной и астрологией вот уже 40 лет; это вновь отсылает нас к 1521 году как ко времени окончательной «профессиональной ориентации» будущего врача из Салона.

Точная дата зачисления Нострадамуса на медицинский факультет университета Монпелье до сих пор неизвестна. Большинство исследователей сходятся на 1529 годе – именно

этим временем датирована запись с его именем в учетном реестре факультета. С другой стороны, уже в 1534 году в Ажене Нострадамус выступал в качестве практикующего врача, что было немыслимо без соответствующей степени. Но пять лет – срок слишком короткий для того, чтобы заслужить звание доктора медицины; даже самые способные студенты тратили на это 6–7 лет. Таким образом, как утверждают другие биографы Нострадамуса (например, Робер Беназра), начало учебы Нотрдама в Монпелье приходится на 1521 год. Но возможно ли было стать доктором медицины в 26 неполных лет? Таких случаев факультет медицины Монпелье не знал; следовательно, вопрос остается открытым. Важно другое: так или иначе, с 1521 года Мишель де Нотрдам официально или неофициально посвятил себя медицине.

В эпоху арабского завоевания в Испании процветала еврейская ученость, распространившая свое влияние на Прованс. Наиболее образованные из раввинов перевели произведения Гиппократа на провансальский язык и привлекли массу учеников, которые получили образование в рамках арабской медицинской традиции. Таким образом, Южная Франция, всегда бывшая открытой как греко-романским, так и иудео-арабским влияниям, стала своеобразным научно-культурным заповедником, наиболее ярким выразителем духа которого стал университет Монпелье. Его медицинская школа находилась под высоким покровительством местного епископа. Административное управление осуществлялось деканом – старейшим из действующих врачей. Заметной была и должность канцлера: он выступал арбитром между преподавателями и студентами, а также между университетом и местным населением. Именно он созывал ассамблеи, где решались различные вопросы обучения.

Когда ученики прибывали в Монпелье, канцлер регистрировал их в соответствии с их дипломами и аттестатами. Тот, кто, как Мишель де Нотрдам, уже имел степень магистра, освобождался от вступительных экзаменов. Университет брал студентов под свою защиту – они выводились за пределы юрисдикции светской власти и передавались в ведение канцлера и судьи университета. Порой студенты злоупотребляли этой привилегией и нарушали законы, оставаясь при этом безнаказанными. Студенческая вольница имела давние традиции, уходившие корнями в Средневековье. Например, студенты-медики Монпелье избирали своего «короля», которого они торжественно водили по всему городу. Университет воспротивился было выборам «короля студентов», но школяры тут же перекрестили его в «аббата» с теми же привилегиями и

торжественными шествиями.

Студент, поступивший на медицинский факультет, должен был вытерпеть годичный период инициации – своеобразной студенческой дедовщины, называемой в современной Франции *bizutage;* в XVI веке ее называли *bejaunage* (вероятно, искаженное *bee jaune* – «желторотик»). «Желторотые» медики вынужденно выполняли обязанности слуг – вытирали столы, бегали с мелкими поручениями «стариков».

Их инициация достигала апогея в довольно своеобразном танце, называемом «Прыжок» – он был главным событием соответствующего праздника с музыкой и неизбежной хмельной пирушкой.

По примеру нынешних студенческих ассоциаций, ренессансные студенты-медики возглавлялись председателем – прокуратором студентов и бакалавров *(procurator baccalaure-orum et studentium)*. Главная его миссия состояла в том, чтобы следить за исполнением законоположений университета. Прокуратора избирали сами студенты из своей среды перед ежегодным началом занятий 18 октября – в праздник святого Луки, который считался покровителем врачей. В обязанности ему вменялась также регистрация вновь прибывших студентов в специальной книге. Затем он в течение недели после приезда новичков в город представлял их канцлеру. Наконец, председатель получал и хранил сборы со студентов, которые шли на нужды университета, будь то периодические банкеты или приобретение учебных пособий, в том числе трупов для анатомирования. С 1520 года медицинский факультет Монпелье располагал человеческим скелетом, купленным в Эгморте, где он был обнаружен в подземелье. Вскрытие трупов проводилось еще крайне редко; разрешалось вскрывать только тела казненных, а их, вопреки устоявшемуся мнению о свирепости тогдашних законов, было очень и очень мало.

Занятия начинались в самый ранний час, после рассветного колокола, и проходили в столь неудобных помещениях, что сторожа в холодную погоду вынуждены были утеплять их соломой. Устное образование состояло главным образом в чтении и заучивании наизусть комментариев на Гиппократа и Галена. Как уже отмечалось, учебный год начинался в октябре, а заканчивался на Пасху. Старшие студенты, однако, были обязаны оставаться в Монпелье до Ивана Купалы (21 июня) на практических занятиях лиценциатов, готовившихся к получению докторской степени.

Что же до развлечений, то студенты не знали в них недостатка. Франсуа Рабле, не понаслышке знавший

медицинский факультет университета Монпелье (он закончил его и некоторое время там преподавал), оставил пространные описания праздников и попоек, поводом для которых могло стать все: прибытие новых студентов, отбытие выпускников и конечно же успешное прохождение экзаменов. Неспроста Пантагрюэль, оказавшись в Монпелье, обнаружил там отменные вина и веселую компанию, после чего подумал: а не остаться ли ему изучать медицину?

Впрочем, студенты не чуждались и высокого искусства, например, любительских спектаклей. Вот что рассказывает тот же Рабле об одном таком спектакле, в котором и он принял участие:

«– Уважаемый учитель, как же я рад вас видеть! Я слушал вас с великим удовольствием и за все благодарю Бога. Мы с вами не встречались с тех самых пор, как вы вместе с нашими старинными друзьями, Антуаном Сапорта, Ги Бугье, Балтазаром Нуайе, Толе, Жаном Кентеном, Франсуа Робине, Жаном Пердрие и Франсуа Рабле, разыгрывали в Монпелье нравоучительную комедию о человеке, который женился на немой.

– Я был на этом представлении, – сказал Эпистемон. – Любящий супруг хотел, чтобы жена заговорила. Она и точно заговорила благодаря искусству лекаря и хирурга, которые подрезали ей подъязычную связку. Но, едва обретя дар речи, она принялась болтать без умолку, так что муж опять побежал к лекарю просить средства, которое заставило бы ее замолчать. Лекарь ему сказал, что в его распоряжении имеется немало средств, которые могут заставить женщину заговорить, и нет ни одного, которое заставило бы ее замолчать; единственное, дескать, средство от беспрерывной женской болтовни – это глухота мужа. Врачи как-то там поворожили, и этот сукин сын оглох. Жена, обнаружив, что он ничего не слышит и что из-за его глухоты она только бросает слова на ветер, пришла в ярость. Лекарь потребовал вознаграждения, а муж сказал, что он и правда оглох и не слышит, о чем тот просит. Тогда лекарь незаметно подсыпал мужу какой-то порошок, от которого тот сошел с ума. Сумасшедший муж и разъяренная жена дружно бросились с кулаками на хирурга и лекаря и избили их до полусмерти. Я никогда в жизни так не смеялся, как над этими дурачествами во вкусе Патлена».[8]

На медицинском факультете Монпелье студенты отдыхали по средам – этот день был посвящен Гиппократу. Каникулы начинались за неделю до Рождества и заканчивались через неделю после него; не учились также последние три дня перед началом Великого поста и две пасхальные недели. Летние (скорее, летне-осенние) каникулы продолжались с 24 июня по 18

октября.

Первый цикл занятий был посвящен тому, что биограф Нострадамуса Жан-Эме де Шавиньи назвал «философией и теорией медицины». Философия основывалась, главным образом, на учении Аристотеля. Этот цикл включал также начальные сведения по фармакологии, которые под названием основ медицины и поныне преподаются фармацевтам, а также анатомию. Этот период обучения увенчивался степенью бакалавра медицины, затем студент мог поступить на второй цикл, ведущий к лиценциату, а затем к докторской степени. После трех первых лет обучения Мишель де Нотрдам должен был предстать перед экзаменаторами, чтобы получить степень бакалавра. Как и остальным студентам, ему предложили рассказать о какой-либо болезни или же прояснить вопрос физиологии по выбору профессоров. Экзамен длился четыре часа, с восьми утра до полудня; Мишелю пришлось ответить на все вопросы и возражения строгих ученых-медиков. Очевидно, на выходе из аудитории его по сохранившемуся до сих пор у французских студентов-медиков обычаю, встретили тумаками и радостными криками *«Vade et occide Cain» (лат.* «Изыди и убей, Каин»). Степень бакалавра медицины позволяла кандидату вести медицинскую практику, но лишь вне территории города и его пригородов.

Если предположение Робера Беназра верно и Нотрдам поступил в университет в 1521 году, то степень бакалавра он должен был получить в 1524-м. О пробуждении его интереса к астрологии нам мало что известно. В своих воспоминаниях он не упоминает о том, при каких обстоятельствах он стал заниматься этой древней наукой, столь популярной среди натурфилософов Возрождения. Однако о месте, которое наука о влиянии светил на земные события занимала в общественном сознании Европы XVI века, известно достаточно, чтобы утверждать: интерес Нострадамуса к астрологии был не случайным.

Эпоха Возрождения являла собою переломный период в развитии человечества. Стремительные перемены во всех областях знаний – географии, технике, астрономии – самым тесным образом переплелись со сдвигами в общественном сознании. Более того, эти сдвиги зачастую опережали развитие техники. При этом Возрождение отнюдь не сводилось к чисто интеллектуальной или художественной революции, борьбе «старого» мировоззрения с «новым». С открытием Тихого океана выяснилось, что размеры Земли намного превышают предполагаемые; как оказалось, даже бывший владелец лавки морских карт Христофор Колумб сильно ошибался в оценке

величины нашей планеты. Картина мира внезапно расширилась; география и космология вторглись в обыденное сознание эпохи.

Масштабные исторические перемены неизбежно повлекли за собой изменение сознания самых широких масс населения. Общество эволюционировало от совокупности замкнутых в себе цехов и корпораций к сообществу отдельных индивидов, превращаясь, таким образом, в нацию. В эпоху Возрождения появляется новое социальное понятие – понятие личности. Мы уже говорили, что новому обществу нужно была новое мировоззрение. Наука в этот период перестала быть уделом узкого круга лиц – школяров и священнослужителей. Она вышла из монастырей и университетов, где существовала прежде, и явилась в королевские замки, светские салоны и торговые дома. При этом гуманисты и мыслители в той или иной мере привлекали к формированию своей новой идеологии магическое мировосприятие. Это была «родовая память» – в прежние времена именно магия позволяла человеку стать свободным. Астрология как часть магии с ее системой уникальных, неповторимых гороскопов объективно способствовала «вычленению» индивидуума в отдельную личность со своими законами развития.

Более того, оказалось, что астрология в состоянии прогнозировать судьбу не только человека, но и государства. При этом – прямо или косвенно – подвергалась сомнению главенствующая роль Бога в человеческой судьбе; деятели же Церкви, «уполномоченные» Бога на земле, и вовсе выглядели в этой концепции обычными людьми со своими слабостями и пороками; ведь звезды одинаково действуют на всех. Кардано даже составил и опубликовал гороскоп Христа, в котором Распятие объяснялось не божественным промыслом, а расположением светил. Удар по авторитету Церкви в том же XVI веке нанесла и астрономия в лице верного католика Николая Коперника. Гелиоцентрическая система отныне помещала в центр мира Солнце, символизирующее королевскую, то есть светскую власть. Британский историк Кейт Хатчинсон в своих заметках «К политической иконологии коперниковой революции» приходит к выводу, что символизм Птолемеевой и Коперниковой систем представляет различные модели политической организации – прежнюю средневековую децентрализацию и централизованную абсолютную монархию.[9] Так что в борьбе за создание образа нового мира астрология и астрономия – по крайней мере до определенного этапа – действовали рука об руку.

С высоты нынешней эпохи проще простого объявить астрологию дремучим суеверием и удивиться, чем она могла

привлечь Нострадамуса, чья биография вроде бы типична для человека, стремящегося к научным, а не паранаучным знаниям (к последним в наше время принято относить астрологию). Однако дело в том, что в XVI веке астрология выступала именно в качестве *науки.* Увы, не все исследователи, даже самые авторитетные, это понимают. Л. М. Баткина неприятно поразили «настойчивые астрологические черты» «Города Солнца» Кампанеллы.[10] Якоб Буркхардт отмечал, что в эпоху Ренессанса культура и просвещение были почти «бессильны» против «помрачения» астрологии, в которой-де поддерживалась жизнь благодаря пылкому воображению людей и их страстному желанию проникнуть в будущее.[11] Однако то, что Буркхардт называет помрачением, имеет, на наш взгляд, более сложные и глубокие причины, чем те, которые предлагает швейцарский культуролог.

В эпоху, о которой идет речь, вера в скрытую власть звезд над человеком вовсе не свидетельствовала об интеллектуальной отсталости – напротив, была важной составляющей гуманистического мировоззрения. Ведь ренессансное общество отнюдь не являлось гармоничным: Реформация, последовавшие за ней религиозные войны, варварское истребление коренных народов Центральной и Южной Америки стали частью мучительного процесса рождения новых общественных отношений. Так что было бы по меньшей мере нелогично ожидать логической цельности и непротиворечивости от философии «переходного периода» XV–XVI веков. Каждый интеллектуал Возрождения, считавший себя ученым, обязательно отдавал дань магии. В своей работе «Магия и астрология в культуре Возрождения» известный французский культуролог Эжен Гарэн пишет: «Чтобы адекватно оценить значение темы магии на заре культуры Нового времени, следует прежде всего иметь в виду, что она, будучи распространеннейшим мотивом и в эпоху Средневековья, теперь выходит из подполья культуры и, приняв новый вид, становится общей для всех великих мыслителей и ученых, которыми она как бы освящается; при этом все обязаны ей импульсом, даже… если они, как Леонардо, ведут резкую полемику против нелепых ревнителей практики некромантов».[12] Для Марсилио Фичино магия играла важнейшую роль; Пико делла Мирандола посвятил ей горячую апологию; Джордано Бруно оставил после себя целый ряд магических сочинений. Именно магии, а не науке, отводилась роль главного инструмента познания и изменения жизни. Память об этом сохранилась в титаническом образе доктора Фауста – вспомним, что Освальд Шпенглер назвал «фаустовской» всю европейскую культуру.

В противовес позитивизму XIX столетия Возрождение не разделяло науку и магию, объединив их понятием «тайных наук», к которым относилась и астрология. Быть может, астрологическим и астрономическим трудам действительно нет места на одной полке, хотя еще в XVII веке Иоганн Кеплер придерживался иного мнения. Но столетием раньше в глазах Нострадамуса и его коллег-современников не было принципиальной разницы между астрологией и астрономией, наукой и магией – та и другая служили идее преобразования Земли, установлению гармонии природы и человека.

Итак, в своде знаний эпохи Возрождения астрология имела статус официальной науки. Она была седьмым из свободных искусств, преподававшихся на гуманитарных факультетах. В астрологии различалось три основных направления: юдициарная астрология, которая определяет влияние светил на людей, естественная астрология, изучавшая их воздействие на земные стихии, и сферическая астрология или астрономия, которая мало-помалу выделялась в самостоятельную науку. Эрудиты вели оживленные дискуссии по поводу границы между первыми двумя направлениями и третьим, претендующим на самостоятельность. Франсуа Рабле устами Гаргантюа, наставляющего своего сына Пантагрюэля, вроде бы отвергал астрологию: «…изучи все законы астрономии; астрологические же гадания и искусство Луллия пусть тебя не занимают, ибо все это вздор и обман». Однако все не так просто.

Юдициарная астрология, в свою очередь, разделялась на два аспекта. Первый, медицинский, принимался практически безоговорочно всеми учеными. В самом деле, в системе натурфилософии Возрождения, озабоченной поиском аналогий между «макрокосмом» (Вселенной) и «микрокосмом» (человеком), было естественно предположить, что звезды могут влиять на человеческий организм; таким образом, требовалось изучить планетные конфигурации, чтобы поставить правильный диагноз и выбрать оптимальный курс лечения. Другой аспект юдициарной астрологии – гадательный, с помощью которого пытались предсказывать будущее. Именно такую астрологию (более того – упрощенное, популярное ее применение) отвергал Франсуа Рабле, сочинивший в 1533 году очень удачную пародию на астрологический альманах. Но сарказм его не был нацелен на научную, особенно медицинскую астрологию. Это всего лишь естественное раздражение ученого, уверенного в ценности астрологического знания и раздосадованного злоупотреблениями, способными обесценить его в глазах мыслящей публики.

А таких злоупотреблений было и в самом деле много – предсказательная астрология оставалась очень популярна, и астрологи (а также книгоиздатели) спешили нажиться на ней. В зажиточных семьях вошло в обычай при рождении ребенка заказывать его гороскоп. Здравомыслящий Эразм Роттердамский в своем трактате «О достойном воспитании детей с первых лет жизни» вдоволь посмеялся над этой «звездной одержимостью»: «Едва округляются животы их жен, как они посылают за составителем гороскопов: родители спешат узнать, будет ли их будущее чадо мальчиком или девочкой. Они хотят знать и его судьбу. Если астролог заявил, что, согласно гороскопу, их отпрыск будет удачлив в войнах, они говорят: „Мы направим его к королевскому двору“. Если прочит церковную стезю – „Мы подыщем ему епископство или богатое аббатство; мы сделаем из него прево или настоятеля“».

Даже монархи активно стремились обеспечить себе астрологический «сервис» со стороны одного или нескольких звездочетов, вопрошая их об исходе войн и переговоров, о своем здоровье, о будущем других государственных деятелей – как соперников, так и союзников. Во Франции «астрологическая» статья расходов появляется впервые в 1451 году; королевские астрологи получали ежегодное содержание от 200 до 240 ливров. Астрологом Карла VIII был знаменитый Симон де Фар, располагавший в своем доме в Лионе библиотекой в 200 томов по оккультным наукам, среди которых были, в частности, ценнейшие арабские сочинения. Екатерина Медичи, помимо контактов с Нострадамусом, постоянно держала при дворе многочисленных итальянских магов и астрологов. В самой же Италии астрологи занимали официальные посты при дворах, в том числе и папском, уже с XIII века. В письме от 30 декабря 1535 года, направленном из Рима епископу Жоффруа д'Эстиссаку, Франсуа Рабле писал: «…никогда еще Рим так не отдавался этой суете и гаданиям, как ныне».

Гуманисты Возрождения относились к использованию астрологии лишь в качестве гадательного инструмента, как правило, враждебно. Немалое влияние имел антиастрологический трактат Пико делла Мирандолы *«Disputationes adversus astrologiam divinatricem».* Лефевр д'Этапль в предисловии к своему трактату по астрономии, опубликованному в 1503 году, высоко отзывался об этой науке, которая «позволяет увидеть в движениях небесных тел проявление Божественного разума», но добавил, что «было бы серьезной ошибкой основать на астрономии пустую науку предсказателей и составителей гороскопов».

С другой стороны, например, Медлен де Сен-Желе,

французский поэт и любитель астрологии, утверждал, что человеку нельзя препятствовать в его желании понять и осознать таинственные силы Вселенной. Если человек останется привязанным к земному, писал Сен-Желе, никогда не обращая свой взгляд и свой разум к небесам, он останется на уровне остальных земных существ, вместо того, чтобы стать их господином.[13] Для Сен-Желе предсказание по звездам – не главная цель истинного астролога, а лишь дополнение к его земным и небесным изысканиям. Вообще астрологии в магической системе знаний отведено одно из важнейших мест. Ибо астрология, подкрепленная духовностью магии, не только не фаталистична, – напротив, она помогает человеку освободиться от оков несвободы, в чем бы они ни выражались. Парацельс писал:

«Звезды не дают нам ничего, чего мы не согласны принять; они не склоняют нас ни к чему, чего бы мы сами не желали… Нелепо верить, будто звезды повелевают человеком. Все, что могут сделать звезды, можем сделать мы сами, ибо мудрость, получаемая нами от Бога, могущественнее небес и выше звезд».[14] Знаменитый ученый также утверждал: «Индивидуальная земная человеческая жизнь должна быть в согласии с законами, правящими Вселенной; духовные устремления человека должны быть направлены к тому, чтобы прийти в гармонию с мудростью Бога. Если мы достигнем этого, внутреннее сознание будет разбужено и сможет постичь влияния звезд и таинства природы будут открыты его духовному восприятию».[15]

Джордано Бруно также высказывался в пользу предсказательной практики:

«Да снизойдут вместе вниз Гнусность, Насмешка, Презрение, Болтовня, Обман, а на их место взойдут Магия, Пророчество и всякое отгадывание и Прорицание, по своим плодам признанные добрыми и полезными».[16]

А вот что пишет об астрологии Пьетро Помпонацци (1462–1525), учитель Коперника и Фракасторо, чей трактат «О причинах естественных явлений, или О чародействе», изданный в 1516 году в Болонье, ознаменовал собой зарождение экспериментального естествознания: «Ни у кого не вызовет сомнений, что эта наука сама по себе есть истинная деятельная наука, подчиненная натуральной философии и астрологии, как медицина и многие другие науки, и сама по себе она есть благо и совершенство разума, и обладающие ею считаются преуспевшими в разумной деятельности. В таком случае она не делает обладающего ею человека дурным».[17]

В целом же в отношении к астрологии образованных авторов

XVI века можно выделить четыре линии. Представители первой из них отрицательно относились к юдициарной (предсказательной) астрологии при позитивном отношении к астрологии натуральной (расчетная часть астрологии; впоследствии выделилась в астрономию как отдельную научную дисциплину, потеряв, впрочем, весьма важные составляющие, такие как астрометеорология и предсказание эпидемий). При этом корни отрицания предсказательной астрологии у них могли быть очень различными – от сомнений в действенности астрологических методов до принципиального признания положения того, что по звездам будущее предсказать можно, однако это противоречит промыслу Божьему. К первой линии относились, например, Леонардо да Винчи, Кальвин и, по-видимому, Джироламо Фракасторо, а позднее – Галилей.

Вторая линия (Парацельс, Пьетро Помпонацци, Медлен де Сен-Желе, позднее – Джордано Бруно, Кампанелла и даже Кеплер) фактически настаивала на божественной сущности юдициарной астрологии, на ее неразрывной связи с астрологией натуральной. Астрология в их глазах была мощным инструментом построения новой картины природы и даже – как у Кампанеллы, – строительства нового гармоничного общества. Примечательно, что для этих авторов астрология выступала в первую очередь не как ремесло, но как искусство, доступ в храм которого закрыт людям с нечистой совестью.

Для представителей третьей линии ценность астрологии лежала в основном в практической плоскости. К «науке о звездах» они относились как к любой другой специальности (например, медицине), где есть и добросовестные профессионалы, и злостные шарлатаны. В астрологии они видели в основном средство облегчения и упорядочения повседневной жизни человека. К этой линии относились прежде всего «чистые» астрологи (Штеффлер, Лука Гаурико, Лихтенбергер и многие другие), а кроме них – Франсуа Рабле и, как это ни парадоксально на первый взгляд, рационалист Фрэнсис Бэкон.

Якоб Буркхардт и многие современные исследователи истории и культуры Ренессанса, признавая магию, алхимию и астрологию явлениями типичными для Возрождения, видели в них лишь переплетение античных и поздних суеверий, обусловливая рост их популярности прежде всего кризисом веры – обратной, иррациональной стороной Возрождения. Однако ученые XVI–XVII веков отнюдь не были склонны противопоставлять позитивное знание знанию оккультному. Напротив, эти источники познания были для них неразрывно связаны:

«Все, что совершается учеными в подражание природе или в помощь ей тайным искусством, кажется магическим действием не только несведущей черни, но и всем людям вообще, так что не только вышеозначенные науки, но и все прочие прибегают к магии…пока искусство не становится понятным, его всегда называют магией; только потом – просто наукой. Изобретение пороха, огнестрельного оружия и книгопечатания было делом магическим; и также в отношении магнита; но сейчас, когда соответствующие им искусства всем известны, они стали вещами тривиальными… То же, с чем имеет дело физика, астрология и религия, в редчайших случаях становится широко известно; недаром в них древние черпали искусство [магии]».[18]

Эти слова принадлежат Томмазо Кампанелле, одному из последних «осколков» Ренессанса, успешно совмещавшему религиозные изыскания и политическую борьбу с усиленными астрологическими штудиями.

Итак, для людей Возрождения магия – это прежде всего постижение природы во всех ее проявлениях, основное содержание творческого процесса, одновременно и неразрывно связанного с потребностями эпохи, и в то же время выходящего за её рамки, опережающего и во многом определяющего их. Разница между магией и наукой заключается исключительно в методе познания; до торжества же материализма в науке было еще очень и очень далеко.[19] Э. Гарэн пишет: «Большая часть историографии, начиная с XIX века и позже, можно сказать, с просвещенческого рационализма и далее, понимала Возрождение как первый шаг к разрыву между чистым, картезианским, научным, рассудочным мышлением и тайными жизнедеятельными силами, душами небес и вещей, реликтами, по словам Буркхардта, мрачных пережитков античности и средневековья. В действительности же шла борьба как раз против такого разрыва и такого рода противопоставления за новое их слияние».[20]

Угасание Возрождения совпало по времени с размежеванием магии и естественной науки. Более того – второе было неизбежным следствием первого. Фрэнсис Бэкон потребовал «очистить» астрологию, удалить из нее мистический компонент, не поддающийся рациональной проверке, оставив лишь голые формулы сферической тригонометрии. Галилей, потерпев неудачу на астрологическом поприще, разочаровался в астрологии и посвятил себя астрономическим наблюдениям. Пожалуй, последним профессиональным астрологом среди ученых был Иоганн Кеплер, пытавшийся наполнить астрологию новым содержанием. Немецкий астроном посвятил свою жизнь

выведению закона гармонии Вселенной, «музыки сфер», где в одинаковой степени нашлось бы место как астрологии, так и астрономии. Как известно, он потерпел неудачу. И тем не менее до самого конца жизни Кеплер возил с собой тетрадь с подробным истолкованием своего гороскопа, сделанным собственноручно.

Церковь также относилась к гадательной астрологии с подозрением. Одним из свидетельств этого стало знаменитое дело Симона де Фара, в которое оказался вовлечен факультет теологии Сорбонны. В начале 1493 года астролог де Фар предстал перед трибуналом церковного суда по инициативе архиепископа Лиона. Обвиняемый воззвал к парижскому парламенту, который передал дело теологам. В течение десяти месяцев авторитетные богословы изучали изъятые у астролога книги. Свое заключение они огласили 19 февраля 1494 года: «Мы заявляем, что Судьба, если можно ее так называть, сторонники которой часто именуются математиками, иногда генетлиаками, халдеями или астрологами, абсолютно пуста, абсолютно не существует, не опирается ни на какую вероятную причину, полна лжи и суеверий, узурпируя честь, которая принадлежит Богу, портит хорошие обычаи, была изобретена демоном… Мы говорим и заявляем, что никакой христианин не может прибегнуть к ней без опасности впасть в смертный грех».[21] Сорок томов из библиотеки Симона де Фара были конфискованы и сожжены. Факультет теологии с особой заботой отделил астрономию от астрологии и прокомментировал силу обольщения последней фразой из Второго послания апостола Павла к Тимофею: «Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням».

Один из лидеров Реформации Жан Кальвин резко осудил гадательную астрологию в своем знаменитом трактате «Предостережение против астрологии, называемой юдициарной» (1549) – ответе на «проастрологическое» сочинение французского придворного поэта Меллена де Сен-Желе. Кальвин счел своим долгом уточнить, что он не выступает против «настоящей астрологии» (астрономии) и не отрицает естественного влияния планет. Согласно фазам Луны, говорит он, устрицы заполняются или опустошаются, костный мозг костей растет или истончается. Ему кажется абсолютно нормальным, чтобы врачи были внимательны к планетным конфигурациям при назначении медицинских процедур или приема лекарств. Кальвин признавал, что между телом человека и звездами или планетами существует определенная связь. Но он отвергал идею, что планеты могут

влиять на судьбу человека.

Однако все антиастрологические выступления, от кого бы они ни исходили, оказались бессильными перед престижем астрологии и ее адептов, поддержанных верой в вездесущность оккультных сил и суеверный ужас, который вызывали затмения, кометы и другие небесные явления, чей механизм был неясен даже ученым.

Впрочем, Нострадамус не называл себя астрологом, предпочитая другое слово – «астрофил» (звездолюб). Оно фигурирует на фронтисписах альманахов, в письмах, в завещании. Это не просто любовь к красивой фразе. Само слово «астролог» во времена Нострадамуса часто ассоциировалось с придворным звездочетом, ярмарочным «предсказателем будущего», недобросовестным автором сомнительных альманахов, – короче, с шарлатаном. Те из ренессансных астрологов, кто отделял себя от этой массы, ставили себя весьма высоко. Полагая себя демиургами нового общества, где астрологии отводилась одна из центральных ролей, они просто не могли не проводить четкую границу между собой и астрологами-ремесленниками уже на уровне самонаименования. Некоторые – Кардано, например, – называли себя натурфилософами, показывая таким образом, что астрологами они являются лишь во вторую очередь. Нострадамус, Иоганн Штеффлер, Пьер Тюррель, Клод Гролье и многие другие предпочли называться «астрофилами». Это слово в то время было широко известно; у Рабле спятивший от ужаса Панург, бегая на четвереньках по палубе застигнутого бурей корабля, обращается к кормчему, желая выказать ему свое уважение, не находит лучшего слова: «Ай-яй-яй! Ой-ой-ой! Ради Бога, господин астрофил, гляньте на стрелку вашего компаса, – откуда к нам идет этот шторм? О Боже мой, я умираю со страху!»[22]

Медицинское обучение Нострадамуса проходило на фоне многолетних Итальянских войн. Начавшись в конце XV века при короле Карле VIII, войны Франции и Священной Римской империи за главенство в Италии с небольшими перерывами продолжались до 1559 года. В них так или иначе вовлекались все основные государства Европы; политические, экономические и культурные последствия этих войн были колоссальными. Благодаря им Франция познакомилась с ренессансной культурой Италии; вместе с модой на все итальянское в страну проник интерес к античному наследию, вызвавший к жизни культуру чуть запоздавшего «галльского Ренессанса».

В 1519 году король Испании Карл Габсбург был избран императором Священной Римской империи германской нации –

аморфного государственного образования, бледной тени некогда могущественной империи Каролингов. Это резко осложнило положение Франции: Габсбурги ставили задачу создания централизованной европейской империи под скипетром императора. Французское королевство оказалось в кольце владений Габсбургов, которое оно попыталось прорвать на последнем этапе войн. Фронты сражений Валуа и испанских Габсбургов отныне пролегали не только в Италии; масштабные столкновения происходили в Пиренеях, Фландрии и Пикардии; английские союзники Испании высаживались в портах Франции; французские моряки, в свою очередь, пытались утвердиться в Шотландии. Однако практическая отдача от этих баталий была минимальна: стороны лишь взаимно изматывали друг друга, то и дело теряя завоеванные территории. Более того, сражения в Европе опустошили и ввергли в нищету некогда процветающие регионы. Война вызывала огрубление нравов, лишала страну цвета нации – дворян – и развращала их, поощряя низменные инстинкты. От работы отрывались тысячи крестьян, отчего поля приходили в запустение. Во Франции звучали голоса недовольных интеллектуалов: «Нужно как следует уразуметь, что французам нечего делать в Италии. Такова правда, и прошлое это показало. Горы образуют [естественную] границу, так говорят все здравомыслящие люди».[23]

Период 1521–1529 годов совпал с новым витком ожесточенных войн между королем Франции Франциском I Валуа и его соперником – императором Священной Римской империи Карлом V Габсбургом. Шарль де Бурбон, один из самых могущественных французских феодалов, коннетабль (главнокомандующий) и французский наместник Милана, в 1517 году был отстранен от этих должностей Франциском I, испугавшимся роста влияния и популярности молодого (и сказочно богатого) полководца. Впоследствии король путем сложных интриг и судебного преследования попытался лишить Бурбона его законных владений. Франциском I двигали централизаторские устремления; новой Франции были нужны сильная королевская власть и избавление от дворянской вольницы. Однако, с точки зрения феодальных законов, король превысил свои сеньориальные полномочия, что позволяло его вассалу на законном основании искать себе другого сеньора («право отъезда»). Бурбон заключил тайное соглашение с Карлом V и Генрихом VIII Английским; в 1523 году, когда о заговоре донесли Франциску I, он бежал в Италию. В следующем году он возглавил вторжение имперских войск в Прованс; города сдавались один за другим, столица провинции Экс без

сопротивления открыла свои ворота, и Бурбон, приняв присягу от магистрата, провозгласил себя графом Прованским. Однако победоносное поначалу шествие беглого коннетабля по Южной Франции натолкнулось на сопротивление защитников Марселя. Под контрударами королевских войск Бурбон 29 сентября снял осаду этого важнейшего порта и отбыл в Италию. В 1525 году в битве при Павии он встретился с армией Франциска I; разбив своего бывшего сюзерена, Бурбон взял его в плен.

К тому времени Нострадамус, уже увлекавшийся астрологией, имел возможность убедиться, насколько популярные астрологические прогнозы могут расходиться с действительностью. Большой всплеск предсказаний вызвало ожидавшееся в 1524 году соединение Юпитера и Сатурна и других планет («парад планет») в знаке Рыб. Основная масса этих прогнозов исходила из Германии; волею случая наибольшую известность обрело предсказание Иоганна Штефлера, одну из строк которого можно было понять так, что Землю ожидает новый вселенский потоп *(Sindflut)*. Астрологическая составляющая, а также оговорки Штефлера вроде «Держите голову выше, добрые христиане» (на латыни *Levate igitur viri christianissimi capita versa)* были отброшены в популярных переложениях ученого текста; Европу, уже охваченную эсхатологическими настроениями, охватил ужас грядущего катаклизма. Потопа так и не произошло, и вся история вызвала длительную полемику между астрологами, пытавшимися оправдаться за Штефлера, и их скептически настроенными противниками.

Тем не менее ни война, ни пленение короля, воспринятое французами как национальная трагедия, не помешали Мишелю Нотрдаму продолжать свои ученые занятия, в полном соответствии со словами великого итальянского гуманиста Лоренцо Баллы: «Я непрестанно сопротивлялся и в конце концов, насколько возможно, противостоял обстоятельствам; плавая и бродя по свету, борясь – я все же часто обращался к занятиям… Пусть и не было должных условий; этот урон, я полагаю, возмещался сведениями о многих вещах, которые мне довелось увидеть или испытать».[24]

Глава третья
ЧУМА ПРОТИВ ЧЕЛОВЕКА

В 1525 году во Флоренции началась чума, которая быстро пришла во Францию – в Авиньон, Тулузу, Каркассон и Бордо. Нарбонн стал первым населенным пунктом, которого коснулось бедствие. Нострадамус, который тут же отправился туда, на всю жизнь запомнил этот небольшой и, в общем, малозначительный город; в «Пророчествах» он упоминается 11 раз – столько же, сколько Париж. Тулуза, ставшая следующим пунктом маршрута борца с эпидемией, была гораздо более значимым городом.

Столица Лангедока в первой половине XVI века процветала. Ее население выросло с 30 тысяч в 1478 году до 50 тысяч к 1560-м годам. Богатство города основывалось на торговле сельскохозяйственной продукцией, древесиной, кожей, мехами, оливковым маслом, морской солью из Нижнего Лангедока. Тулузские торговцы приумножали капитал и за счет перепродажи товаров из дальних стран: центральноевропейской меди, английского олова, бразильского дерева, португальского сахара. Основными столпами местной экономики были красители для шерстяных тканей и зерно. Мельницы работали круглые сутки, изготавливая муку и синюю краску из листьев вайды. «Мельничный» район Базакль на правом берегу Гаронны служил объектом неизменного восхищения путешественников. Базельский студент Томас Платтер назвал его красивейшим местом христианского мира. На мельницах также валяли сукно и производили бумагу для печатных дворов. Для Рабле Базакль выступает образцом мельничного ремесла: «На таком ручье с Божьей помощью можно было бы и мельницу поставить, но, конечно, не такую, как Базакльская мельница в Тулузе».[25] После опустошительного пожара 1463 года, когда Тулуза почти полностью сгорела, город был заново отстроен из красного кирпича, доныне придающего ему неповторимый облик.

Позднее, когда в Лангедок придут идеи Реформации, Тулуза станет оплотом католицизма. Французский гуманист и книгоиздатель Этьен Доле (1509–1546), учившийся на юридическом факультете Тулузского университета, резко выступал против городских властей, бичуя их религиозный фанатизм – и был изгнан из города, чтобы уже в Лионе выпустить памфлеты, осуждающие «тулузское варварство». Участь профессора права Тулузского университета Жана Катюрса из Кагора, известного гуманиста, оказалась еще более печальной:

его обвинили в ереси и летом 1532 года сожгли. У того же Рабле Пантагрюэль, проследовав в Тулузу, «отлично выучился танцевать и фехтовать обеими руками, как то принято у местных студентов, но едва он увидел, что эти самые студенты живьем поджаривают своих профессоров, точно это копченые сельди, то не стал там долее задерживаться и, отбывая, воскликнул:

– Не дай мне бог умереть такой смертью! Я от природы человек пылкий, куда мне еще подогреваться на костре!»[26]

Позднее, в 1550–1554 годах, тулузский парламент отправит на смерть больше еретиков, чем даже парижский: на долю Тулузы пришлось 40 процентов смертных приговоров от общего числа по всей стране.[27] Терпение протестантов исчерпается, и в 1562 году религиозные распри выльются в хаос и кровавые уличные бои. И, хотя в конечном счете католикам удастся одержать верх над гугенотами, звезда тулузского процветания закатится навсегда.

Но это будет потом, а в 1525 году молодой врач Мишель Нотрдам в охваченной чумой Тулузе своими глазами видит: от бедствия не защищают ни деньги, ни положение в обществе. Перед лицом смерти нет ни бедного, ни богатого, ни знатного, ни безродного. Мишель своими глазами видел железную клетку на мосту Сен-Мишель, в которую по приговору суда заключались «богохульники» перед тем, как опустить ее в воду на время, достаточное для того, чтобы осужденный захлебнулся. Быть может, тогда в его голову закралась мысль: не является ли чума Божьим наказанием за человеческую жестокость?

В 1528 году весь юг Франции вновь охватила эпидемия, еще более жестокая, чем прежняя. После ее окончания, осенью следующего года, Мишель вернулся в Монпелье, чтобы получить степень доктора. Впоследствии он вспоминал, что пять лет активной медицинской практики отдалили его от книжных занятий и он чувствовал себя очень плохо подготовленным к экзаменам.[28] Ему было 26 лет.

Согласно правилам, по прибытии на медицинский факультет Университета Монпелье 3 октября 1529 года *«Michelet de Nostre-Dame»* представился прокуратору студентов Гийому Ронделе, с тем чтобы тот внес его имя в реестр. Этот любопытный документ, в деталях повествующий о событиях студенческой жизни с 26 марта 1526-го по 15 декабря 1535 года, находится в Межуниверситетской библиотеке Монпелье.[29] Его страницы сохранили следы скандала, виновником которого стал молодой Нострадамус. Имя его вычеркнуто, а на полях красуется пояснение: «Тот, кто здесь записан, был аптекарем. Мы были уведомлены аптекарем этого города [господином] Шант (имя не расшифровано. – *А. П.),* а также он дурно отзывался о докторах.

Потому-то я, Гийом Ронделе, как прокуратор студентов, вымарал его из реестра».[30] Помимо хулы на авторитетных врачей, Нотрдаму вменяется в вину и то, что он смешивал две специальности, собственно врачебную и фармацевтическую, в то время как это были разные профессии с разными правилами. Однако конфликт удалось уладить. Двадцатью днями позже Нотрдам был принят Антуаном Ромье, который вписал его в книгу регистрации студентов под номером 943.

Оплатив регистрационный сбор, Мишель отправился к канцлеру, где должен был подтвердить, что он рожден в законном браке, что ему не менее 22 полных лет, что он исповедует религию римско-католического обряда, а также то, что он никогда не занимался ручным (ремесленным) трудом. Хирургия и фармацевтика считались тогда ремеслами, и ими пробавлялись изгои медицинского мира – аптекари и цирюльники, которым пришлось вести долгую войну за признание их ремесел частью медицинской профессии (первым признанным стал знаменитый Амбруаз Паре, основоположник военно-полевой хирургии).

В реестре сохранилось собственноручное письменное заявление будущего предсказателя: Мишель де Нотрдам, родом из Прованса, из города Сен-Реми Авиньонской епархии, прибыл для обучения в университет Монпелье, чей устав он клянется соблюдать. Он оплатил регистрационный сбор и избрал Антуана Ромье своим руководителем. Все это случилось 23 октября 1529 года.[31] Через месяц, 23 ноября, в университете Монпелье произошло важное событие. Было принято решение о сооружении анатомического театра – каменного стола для вскрытия и препарирования, каменной же кафедры для профессора и скамеек для студентов. «Официальные» анатомирования были редким событием и, как правило, производились публично. Помимо студентов, на них присутствовали любопытствующие представители дворянского сословия и местной буржуазии, в том числе и женщины (вскрывались чаще всего мужские трупы). В числе зрителей встречались даже монахи и священники. Жажда знаний была распространена во всех образованных слоях общества, и малоаппетитное зрелище собирало не меньше публики, чем ныне показ модной одежды. Само вскрытие осуществлял ремесленник-хирург, орудуя скальпелем согласно распоряжениям преподавателя.

Обычно для анатомических опытов служили тела казненных. Медики получали также тела самоубийц и неопознанных лиц (как правило, утопленников), но подобные «бесхозные» трупы, как уже отмечалось, были большой редкостью. В этих условиях студенты шли на преступление, всеми правдами и неправдами добывая

мертвые тела для своего образования. Смелые школяры отбивали с оружием в руках трупы висельников и даже раскапывали могилы на кладбищах, как это делал Андреас Везалий, основоположник научной анатомии, также учившийся в Монпелье.

Уже упомянутый студент из Базеля Феликс Платтер, слушавший лекции в Монпелье с 1552 по 1556 год, оставил нам живописный рассказ о своей студенческой жизни. Он подробно повествует о ночных предприятиях, в ходе которых он с товарищами выкапывал свежепохороненные тела на кладбище монастыря Сен-Дени за городом. Легко представить себе молодого Нострадамуса, подкупившего палача и пришедшего в компании нескольких однокашников, чтобы снять с виселицы тело приговоренного и в рассветном тумане повысить свой уровень анатомической грамотности…

Мы ничего не знаем о четырех годах учебы будущего пророка в Монпелье. Можно лишь предположить, что летом 1530 года он стал лиценциатом, а двумя годами позже получил звание доктора. Между получением степеней бакалавра и лиценциата проходило минимум два года. Столько же требовалось лиценциату, чтобы получить докторскую степень. В общей сложности полное медицинское образование занимало самое меньшее пять лет; обычно же на него требовалось семь. Бакалавр медицины мог претендовать на лиценциат и докторскую степень лишь только проведя курс публичных лекций. Кандидат в лиценциаты должен был подтвердить пять лет медицинских занятий (учебный год считался равным 8 месяцам), если к началу обучения он уже являлся магистром искусств.

Чтобы стать лиценциатом медицины, Мишель в присутствии своих товарищей, других студентов-медиков, должен был прочитать три предварительных курса, состоящих из комментариев к классическим медицинским текстам. В течение трех месяцев с первого понедельника после Пасхи и до дня Ивана Купалы, Мишель каждую среду читал лекции по текстам, выбранным деканом. Затем он был допущен до экзаменов на степень лиценциата. Они состояли из четырех испытаний *per intentionem,* то есть «с намерением», – имелось в виду стремление получить степень лиценциата, чтобы затем претендовать на докторскую.

Четыре экзамена занимали примерно неделю. Будущий лиценциат выплачивал, как это полагалось, некоторую денежную сумму каждому из своих экзаменаторов, и, кроме того, выставлял им добрую бутыль белого вина (оно считалось более благородным, чем красное). Понятно, что поскупившиеся вряд ли

могли рассчитывать на благоприятный результат. Наконец, через неделю после финального экзамена, кандидат должен был пройти через то, что называлось «строгими пунктами» – вопросы о точных фрагментах медицинских текстов. Студент получал день на то, чтобы проконсультироваться с книгами, предоставленными в его распоряжение деканом. На следующий день после полудня, в часовне Сен-Мишель церкви Нотрдам-де-Табль, он держал ответ в присутствии одних только профессоров. В день дискуссии по «строгим пунктам» Мишель также должен был выдать определенную денежную сумму каждому профессору, а затем устроить пир для всего факультета. Кормить и поить экзаменаторов, чтобы смягчить их суровые сердца, было в обыкновении того времени; этот обычай дошел и до вузов наших дней как пережиток седой старины. Таким образом, высшее образование стоило не только времени, но и денег. Отец Нострадамуса, материально поддерживавший сына все эти годы, особо отметил это в своем завещании.

Пройдя все экзамены, через неделю кандидат направлялся в епископский дворец, чтобы получить лиценциатское свидетельство из рук епископа Маглонского, хранителя привилегий медицинской школы, в присутствии профессоров, делегированных факультетом. По прошествии необходимых двух лет новоявленному лиценциату разрешалось пройти экзамены на докторскую степень – назывались они *triduanes,* состояли из шести последовательных испытаний и проходили в течение трех полных дней. Кандидат, собравший голоса минимум двух третей профессоров, становился доктором.

Нострадамус успешно сдал экзамены летом 1532 года. С этого момента он уже мог называть себя доктором медицины. Ему оставалось только пройти пышную многолюдную церемонию по случаю присуждения высшей ученой степени, совершаемую в приходе Сен-Фирмен. Там Мишелю де Нотрдаму вручили знаки докторской степени: четырехугольную шапочку черного сукна с верхушкой темно-красного шелка, золотое кольцо, расшитый золотом пояс и горностаевую пелерину. После торжественного вручения ему книги Гиппократа молодой доктор произнес врачебную клятву. После этой утомительной, но радостной церемонии он по обычаю отпраздновал свой выпуск с учителями и товарищами по учебе в лучшей таверне Монпелье.

В рассказе о медицинском обучении Нострадамуса мы неоднократно упоминали имя Франсуа Рабле. В сентябре 1530 года будущий автор «Гаргантюа и Пантагрюэля» записался на факультет медицины университета Монпелье. Молодые люди, бесспорно, были хорошо знакомы уже в тот период, но характер

их отношений до сих пор остается неясным. Мы не знаем точно, каким было мировоззрение обоих медиков в тот период, и не можем определить степень их влияния друг на друга. Неизвестно, как часто во время жарких дискуссий друзья прибегали к помощи воспетого Рабле «оракула Божественной Бутылки».

Тем же 1533 годом датировано первое дошедшее до наших дней произведение Нострадамуса – «Парафраза (перевод) Галенова увещевания Менодота в изучении изящных искусств, а также медицины». Этот небольшой по объему греческий текст приписывался Клавдию Галену, общепризнанному авторитету старой европейской медицины. Эразм Роттердамский перевел его в свое время на латынь; Нострадамус, в свою очередь, сделал французский перевод. Сам Нотрдам сообщил в предисловии, что в работе он опирался на труды гуманистов, а также на советы своего брата и «известнейшего человека» Жана де Нотрдама, будущего автора «Жизнеописаний провансальских трубадуров». Судя по всему, «Увещевание» было основной темой докторской диссертации Нотрдама; в предисловии автор хвалит врачей из университета Монпелье, «людей весьма ученых».

С получением докторской степени была завершена целая глава жизни Нотрдама. Учение закончилось – начиналась взрослая жизнь практикующего врача. Мишель покинул Монпелье, и ему предстояло найти себе место для работы. Он возобновил кочевую жизнь. Путь его лежал в края, которые он знал не понаслышке – в долину Гаронны. О жизни Нотрдама с 1533 по 1539 год нам известно немного. Все биографы предсказателя, начиная с Жана-Эме де Шавиньи, описывают этот период очень кратко. Сам Нострадамус ограничился замечанием, что вел практику в основном в окрестностях Ажена и в самом этом городе.

Сообщается, что однажды, во время пребывания Нотрдама в Тулузе, молодой врач получил письмо от Жюля Сезара Скалигера, известного французского филолога, критика, поэта и врача итальянского происхождения. Скалигер, наслышанный о Нотрдаме как о молодом, но весьма способном медике, пригласил его в гости в Ажен, город неподалеку от Тулузы, где сам он проживал уже пять лет. Конечно, Скалигер в то время был фигурой намного более известной, чем Нотрдам. В свои неполные 50 лет он прославился на всю Европу резкой критикой Эразма Роттердамского и его латинского перевода Нового Завета (в 1536 году, после смерти Эразма, Скалигер взял свои резкие выпады назад и посвятил памяти гуманиста волнующую элегию, где писал, что самые яркие звезды, увы, тоже гаснут). У Нотрдама к тому времени не было ни одной печатной публикации. Несмотря

на такую «неравновесность» фигур, в приглашении Нотрдама Скалигером все же нет ничего необычного: старые книжники охотно подыскивали себе учеников и помощников из числа молодых ученых. Как бы то ни было, Мишель, откликнувшись на приглашение Скалигера и прибыв в Ажен на несколько дней, задержался там на несколько лет.

Характер у Скалигера был непростой. Смирение и скромность вообще не были свойственны гуманистам и эрудитам XVI века. Как метко выразился А. Х. Горфункель, «скромность вообще не была достоинством создателей философии итальянского Возрождения: за безличную анонимность монашеских орденов и университетских коллегий держались скорее защитники традиционного авторитарно-догматического сознания».[32] Но пылкая итальянская натура Скалигера отличалась особой нетерпимостью к чужим интеллектуальным достижениям, что выделяло его из ряда «нескромных эрудитов». Складывается впечатление, что его задевала за живое чужая слава; всякий раз, когда кто-либо из его бывших друзей или коллег становился более или менее знаменитым, Скалигер разрывал с ним отношения и осыпал агрессивно-оскорбительными эпиграммами и письмами. Впоследствии он так же поступит и с Нострадамусом – после успеха последнего при королевском дворе.

Но тогда, в 1533 году, Нотрдам явно понравился Скалигеру, и это впечатление было взаимным – молодой безвестный врач принял предложение маститого филолога и поселился по соседству с ним. Вскоре он обзавелся семьей, взяв в жены, по словам Шавиньи, «весьма достойную и очень красивую девушку». Впоследствии, когда семья Нотрдама погибнет и он уедет из Ажена, он никогда не будет вспоминать ни в своих книгах, ни в устных беседах о своей первой жене. Мы не знаем даже ее имени, хотя по непроверенным данным Торне-Шавиньи, ее звали Генриетта д'Энкосс. Эта странная забывчивость Нотрдама наводит на мысль, что в Ажене случилось что-то такое, что он пожелал потом забыть, но что именно – до сих пор неизвестно.

Мишель и его «прекрасная незнакомка» принимали у себя высший свет Ажена в лице Жюля Сезара Скалигера и его друзей, также образованных людей. Среди них заслуживает упоминания молодой профессор Филибер Саразен, чей старший сын, названный в честь ученого друга и покровителя Скалигером, уже ходил в школу. Саразен принадлежал к числу новоявленных «лютеров», как называли поклонников немецкого реформатора, но Мишелю были гораздо важнее его познания древних текстов, чем религиозные взгляды.

Оноре Буш рассказывает в своем исследовании по истории

Прованса, что местные нотабли, которым однажды сообщили, что Скалигер и Нострадамус собираются покинуть Ажен, пришли к ним и предложили ученым ценные подарки, чтобы те остались в городе. Оба врача, пожилой и молодой, отклонили дары со словами, что если отцы города желают одарить кого-либо, то лучше пусть одаривают больных, инвалидов и обездоленных. Этот ответ вызвал восхищение у горожан, и на следующий день обоих врачей торжественно пронесли по улицам на руках. Этому анекдоту, красивому и трогательному в своем гуманизме, вряд ли можно верить. Учитывая особенности характера Скалигера, можно утверждать наверняка, что он вряд ли допустил бы возвышение Нотрдама на ту же высоту, на которой стоял сам.

Тем временем у Мишеля родились двое детей, мальчик и девочка (их имен мы также не знаем). Он вел обширную врачебную практику. К молодому эскулапу часто обращались за помощью влиятельные горожане, и его часто видели верхом на муле – именно эти недорогие, смирные и выносливые животные служили транспортным средством для поездок врачей к больным.

Достоверные источники, найденные в архивах, рассказывают, что в начале 1538 года Нотрдам и Скалигер попали в поле зрения инквизиции Тулузы (той самой Тулузы, которая, как мы помним, славилась своим религиозным консерватизмом). Скалигер оказался скомпрометированным в связи с делом Филибера Саразена – протестанта, не скрывавшего своих взглядов. Инквизиция Тулузы именем короля Франциска I отрядила в Ажен одного из своих самых грозных следователей для сбора сведений о взглядах Саразена и его благонадежности. Скалигер подвергся допросу, на Мишеля Нотрдама также пало подозрение.

Монах-доминиканец Луи де Роше по прозвищу Рошето был Великим инквизитором в землях Лангедока и герцогстве Гиень с постоянной резиденцией в Тулузе. На него возлагалась задача выявления и искоренения среди аженцев «лютерской ереси». Рошето прибыл в Ажен в конце февраля, и уже первая его проповедь в церкви святой Фебады носила угрожающий характер. Он призвал паству доносить на соседей и друзей, высказывающих еретические (с точки зрения римской церкви) взгляды. Как всегда в подобных обстоятельствах, в добровольцах не было недостатка. Большое число доносчиков высказало желание свидетельствовать перед выездным судом инквизиции. Все эти устные доносы были тщательно зафиксированы в документах, которые ныне хранятся в архивах Аженского епископства. В ходе расследования, проводившегося в Ажене с 6 марта по 30 апреля 1538 года инквизитором Рошето, три монаха местного францисканского монастыря дали показания против Нострадамуса. Они сообщили,

что в 1533 или 1534 году он в их присутствии произносил речи против образов Христа и святых и их почитания.

Подробный рассказ об «антикатолических» выпадах Нострадамуса выглядит следующим образом. Ажен являлся важным центром сельскохозяйственной торговли, и рыночная площадь всегда была оживленной. Где лавки – там и балаганчики с развлечениями. Однажды Мишель де Нотрдам, заинтригованный особенно крупным скоплением народа у стены монастыря августинцев, с трудом протиснулся сквозь толпу, чтобы посмотреть, кто же ее собрал. Героем дня был молодой послушник, который разливал расплавленный свинец в приготовленные формы. После охлаждения глазам зевак предстали свежеотлитые фигурки Богоматери. Еще через мгновение статуэтки пошли на продажу; монах уверял покупателей, что, купив статуэтку, добрый христианин получает благословение самой Девы Марии. Мишель прервал монаха-ремесленника: «А знаете ли вы, брат мой, что, делая подобные изображения, вы изготовляете только идолов? Я рекомендую вам изучить послания апостола Павла». Эта отсылка к апостольским посланиям, направленным против язычества и идолослужения, была прямым выпадом против культа святых, в данном случае – Богоматери, чье прозвание *(Notre Dame),* по иронии судьбы, носил сам иконоборец. В другой раз Нотрдам заявил, что, будь на то его власть, он бы выкинул из храмов все иконы. Таким образом, Нотрдам открыто заявил о своей симпатии, если не сказать больше, к зарождающемуся протестантизму. Отметим, что в то время он был близок к Скалигеру и Саразену, которые разделяли идеи нового вероучения, как, впрочем, и немалая часть французских интеллектуалов той эпохи. «Подрывные» речи произносились Нотрдамом в период относительной терпимости королевской власти к новым реформационным идеям; поэтому в тот момент они не имели никаких негативных последствий для молодого врача. Однако в 1538 году ситуация изменилась, и дознание могло кончиться для Нотрдама очень печально.

Против Филибера Саразена также были получены показания; многочисленные доносчики уличили его в том, что он проповедовал учение Лютера о свободе воли человека. Его обвинили и в том, что он переводил книги Эразма Роттердамского. Хотя они отнюдь не запрещались во Франции, инквизиторам этого было достаточно, чтобы отдать приказ об аресте Саразена. Однако, когда в его двери постучали, молодой доктор, имевший неосторожность увлечься модными религиозными идеями, уже сбежал.

История с дознанием породила раскол между Скалигером и

Нотрдамом. Впоследствии, когда Нотрдам прославился на всю Европу и получил поддержку королевской семьи, Скалигер обрушился на него со злобными эпиграммами доносительского и даже антисемитского характера:

> Легковерная Галлия, на что ты надеешься, чего ты ждешь, Подвешенная на оракулах, которыми искусно злословит Иудея?
> Отягченная трофеями стольких древних королевств,
> стольких королевств новых,
> Страдаешь ли ты от этого злодея,
> который играет столь славными скипетрами?
> Видишь ли ты, насколько вздорен язык этого презренного болтуна?
> Выносимо ли для тебя, что этот человек смеется над твоим доверием?
> Кто глупее – этот злобный шут или ты,
> покровительствующая столь многим его наветам?
> Если ты настолько глупа, что не желаешь страдать от этого,
> страдай хотя бы оттого, что не можешь страдать![33]

В то же время Нотрдам еще в 1552 году писал о Скалигере в восторженном тоне, называя его «человеком сведущим и ученым… словом, личностью, которую я не знаю с кем можно сравнить, кроме Плутарха или Марка Варрона».[34] Ученик оказался намного тактичнее своего учителя.

Как известно, беда не приходит одна. Нотрдам на своем примере убедился в правильности этой «международной» поговорки (ее французская версия – un *malheur n 'arrive jamais seul)*. Примерно в то же время скоропостижно умерли жена и оба ребенка Мишеля. Были ли это чума, несчастный случай или преступление? Мы не знаем ровно ничего, и это, конечно, оставляет широкий простор для воображения. Большинство исследователей обвиняют в случившемся чуму, однако в те годы (1537–1538) в долине Гаронны не зафиксировано вспышек этой страшной болезни. Правда, «чумой» в те годы еще называли любое эпидемическое заболевание, от которого вполне могли скончаться юная супруга доктора и его маленькие (не старше четырех лет) дети.

При любом положении дел Нотрдаму больше не следовало оставаться в Ажене. Аббат Торне-Шавиньи, известный исследователь творчества Нострадамуса, живший в XIX веке, изучавший не дошедшие до нас документы, сообщил, что семья

умершей жены Нотрдама возбудила против него процесс с целью возвращения приданого.[35] Вкупе с вызовом к тулузскому инквизитору Рошето это не сулило ничего хорошего; Нотрдам счел за лучшее по примеру Саразена покинуть Ажен, вдруг ставший таким негостеприимным. Он оставил дом, практику, ставший привычным круг общения и вновь пустился в странствия.

О втором периоде скитаний Нотрдама (1539–1544) нам известно больше, чем о первом. В частности, мы знаем, в каких городах он побывал, хотя порядок их посещения не всегда ясен. Кроме того, о втором большом путешествии будущего предсказателя ходило немало легенд и анекдотов, которые некритичные авторы добросовестно перепечатывали, искажая и приукрашивая, из века в век. Современные исследования показали, что большинство этих рассказов были опубликованы впервые лишь в XVII столетии, что заставляет относиться к ним с крайней осторожностью.

Покинув Ажен, Нотрдам побывал в разных городах Европы – от Парижа до Венеции. Вероятно, он посетил также Священную Римскую империю, Эльзас и Лотарингию. Некоторые биографы говорят даже о его пребывании на берегах Нила или Ганга, а также «отправляют» в Иран для изучения восточной алхимии. Именно в ходе этих далеких странствий якобы проявился впервые пророческий дар Мишеля. Конечно, нет никаких документальных оснований для того, чтобы посылать будущего предсказателя в столь далекие края и связывать с путешествиями пробуждение его таланта прорицателя. Все это – чистой воды художественный вымысел.

Сам Нотрдам сообщал только, что вел врачебную практику в Бордо, Тулузе, Нарбонне и Каркассоне – на юго-западе Франции. По его рассказу, в 1539 году он некоторое время жил в Бордо, где часто бывал в лавке аптекаря Леонарда Бодона. Однажды к Бодону заявился крестьянин с двумя кусками амбры для продажи. Один из кусков, правда, больше походил на экскременты какого-то морского животного. Ученые, которые присутствовали в лавке, заспорили, не спермацет ли это, но крестьянин их уверил, что это была именно амбра, выброшенная Атлантикой на берег в дни после зимнего солнцестояния. Лиса, унюхавшая амбру издалека, проглотила это кусок, но тут же исторгла его сзади. «Это именно то, что мы называем амброй, исторгнутой лисицей», – заключает Нострадамус; такая амбра особо ценна для косметических снадобий. В Каркассоне Нотрдам побывал при дворе епископа Амедея де Фуа, которого он успешно вылечил от болезни – опять-таки по его собственным воспоминаниям.

Затем Нотрдам изменил направление своих странствий и

отправился к низовьям Роны, двигаясь вдоль течения реки. О городах, где останавливался странствующий врач, он оставил краткие заметки, по которым невозможно определить, сколько времени он там проводил. В Марселе, согласно Нотрдаму, медицинское дело поставлено хуже некуда; тамошних фармацевтов он называет худшими во всем королевстве, «за исключением врача Луи Серра». В Балансе Мишель познакомился с «превосходнейшим аптекарем», имя которого он, к сожалению, не запомнил. Во Вьенне он общался с несколькими коллегами, среди которых он называет Жерома Монтиля, будущего первого врача короля Франциска II, и Франческо Валериолу, который впоследствии возглавил первую медицинскую кафедру Туринского университета.

Многие биографы рассказывают о пребывании Нотрдама в Лотарингии. Сам он о нем ничего не сообщает, но хронологически он мог побывать там только в 1540–1543 годах, так как нам известно, что в Бордо Нотрдам жил в 1539 году, а к 1544 году уже проживал в Марселе. Один из ранних биографов Нострадамуса, Этьен Жобер, поведал любопытный исторический анекдот,[36] относящийся к якобы имевшему место визиту Нотрдама в лотарингскую область Баруа:

«Приехав однажды в Бар-ле-Дюк, Нострадамус остановился у неких де Флоренвилей в их замке Фэн,[37] куда он был приглашен как врач к бабушке названного господина. Проходя однажды в обществе Нострадамуса по скотному двору своего замка, господин де Флоренвиль, много слышавший о пророческом даре своего спутника, спросил его забавы ради, что станет с двумя поросятами, черным и белым, попавшимися им по дороге. Нострадамус немедля ответил: «Мы съедим черного, а волк съест белого». Флоренвиль, желая уличить Нострадамуса во лжи, тайно приказал повару зарезать белого поросенка и подать его к ужину. Повар исполнил приказание и, зарезав поросенка, воткнул его на вертел, чтобы зажарить, лишь только придет время ужина. В то время, как повар должен был выйти из кухни, туда вбежал прирученный волчонок и полакомился приготовленным к ужину белым поросенком. Возвратившийся на кухню повар испугался последствий своего недосмотра и зарезал черного поросенка, которого и подал к ужину. Флоренвиль, не зная о происшедшей подмене, ехидно торжествуя, сказал за столом, обращаясь к Нострадамусу: «Итак, мосье, мы в этот момент едим белого поросенка, а волк и не нюхал его». – «Я не верю этому, – заявил Нострадамус, – на столе находится черный поросенок». Призванный для объяснения, повар должен был признаться, к удивлению и смеху всех присутствовавших, в происшедшей

замене белого поросенка черным».[38]

Тот же Жобер рассказывает, что в 1655 году он познакомился в Бар-ле-Дюке с некой госпожой Терри, чей сын был адвокатом в местном суде. По утверждению биографа, ее в детстве лечил сам Нострадамус! Нетрудно подсчитать, что старушке в это время было никак не меньше 115 лет, что сильно подрывает доверие не только к этому, но и к другим сообщениям Жобера.

Многочисленные комментаторы вслед за аббатом Торне-Шавиньи приписывают Нострадамусу знаменитые пророчества под названием «Прорицания отшельника», хотя другие считают, что их автором был врач и астролог Оливарий *(Olivarius)*. Этот текст был обнаружен в знаменитом аббатстве Орваль в нынешней Бельгии в 1793 году, но первое пророчество в нем датировано 1543 годом. Предполагается, что Нострадамус закончил второй цикл своих странствий на востоке Франции пребыванием именно в аббатстве Орваль. Некоторые биографы датируют это пребывание 1543 годом, другие – зимой 1544/45 года. В 1793 году, в разгар Французской революции, некий Франсуа де Мец обнаружил в архивах аббатства рукопись под названием «Книги пророчеств, составленные Филиппом-Дьедонне-Ноэлем Оливарием, доктором медицины наук, хирургом и астрологом». Рукопись представляла собой, как сообщается, копию, сделанную орвальским аббатом, и содержала на последней странице пометку: *«Finis, MDXLII* (Окончено в 1542 году). «Орвальское пророчество» было опубликовано лишь в 1821 году. Оно не имеет абсолютно ничего общего с загадочным стилем центурий Нострадамуса. Этот текст рассказывает о наполеоновской эпопее и выступает за возвращение во Францию Бурбонов в лице Людовика XVIII. Вполне очевидно, что перед нами – поздняя подделка, созданная не ранее первой четверти XIX века. Существуют десятки таких псевдопророческих документов, приписываемых Нострадамусу, что серьезно затрудняет работу исследователей.

Около 1543 года Нотрдам написал свою вторую сохранившуюся работу – «Перевод „Иероглифики“ Гораполлона». Это стихотворный пересказ сочинения позднеегипетского (IV век н. э.) автора в двух главах с прологом, посвященный королеве Наварры Жанне д'Альбре. Он содержит 182 эпиграммы (кратких стихотворных описания). «Предисловие переводчика» также написано стихами (116 строк) и пересказывает классические и авторитетнейшие в ту эпоху труды античных авторов – Плиния и Аристотеля, – о том, что касается разных волшебных свойств растений и животных. После первой части книги следуют четыре эпиграммы, переведенных, по словам Нострадамуса, с очень

древнего греческого экземпляра якобы друидического происхождения.

После второй – десять эпиграмм, переведенных, скорее всего, с греко-латинского издания трактата Гораполлона, выпущенного в свет в 1551 году Жаном Мерсье. В 1505 году оригинальный трактат вышел в Италии в латинском переводе и неоднократно перепечатывался, в том числе и во Франции. Нострадамус отдал дань моде своего века; интерес к египетским иероглифам, которые в то время еще не были расшифрованы, усиливался тем обстоятельством, что ренессансные ученые-гуманисты полагали, что эти загадочные письмена таят в себе великие знания. Нострадамус не остался в стороне от этого интереса и тоже попытался объяснить значение египетских иероглифов:[39]

Поскольку мудрая природа, мать симпатии,
Любые вещи изменяет антипатией,
В согласии радостном душу встречает,
А после разладом ее разрушает,
Постольку мне кажется необходимым
Поведать хоть несколько слов о загадках,
Чью тайну наш разум не в силах постичь.
Я не напрасно перевел две эти книги —
Лишь для того, чтоб показать прилежным людям,
Что к изучению мудрости им нужно обратиться.
Познать они сумеют тайный смысл секретов,
В которых истина сокрыта, ведомая древним.
Когда разумный человек изучит мой пролог,
То станет знатоком учений сокровенных.
Придет он в восхищенье от того,
Насколько превосходят разум бренный
Те случаи, что встретим мы в природе.
Эпаф описывал их собственной рукой,
В старинном Мемфисе найдя следы священных знаков,
И был тот труд их первым описаньем.

ЧТО ОЗНАЧАЛ ЗМЕЙ-ВАСИЛИСК

Изображение змея египтяне на то употребляли,
Чтоб век времен прошедших обозначить,
Три разновидности которых они знали.
Все люди смертны, но не страшно горе
Тем, кто бессмертен. Ибо одним лишь ликом,

Одним дыханием своим они несут другим погибель,
Распоряжаясь жизнью или смертью,
Они богам всесильным подражают.

КАК ОНИ ОБОЗНАЧАЛИ ГОД

Исиду, царицу свою и богиню,
Они рисовали, чтоб год показать нам.
Ее в Египте почитали за планету,
Что по-египетски носила имя Сетос.
Ее же греки Астромион называли.
Она величественна и сильна,
То больше она кажется, то меньше,
И сеет свет при первом появленье.
Восход ее дает возможность часто
Судить о будущем, не делая ошибок.

КАК ОНИ ОБОЗНАЧАЛИ МЕСЯЦ

Желая дать нам месяца обозначенье, египтяне
Ветвь пальмы зеленеющей изображали,
Иль полумесяц, что рогами вниз повернут.
Ветвь – по причине, нам уже известной,
А полумесяц – так как полагали,
Будто растущая луна приобретает
Пятнадцать составных частей, пока не обратится вверх.
На убыль же пойдя, луна вновь обратится вниз,
Но на тридцатый день опять
Вернется на то место, что и прежде.

КАК ОНИ ОБОЗНАЧАЛИ ВРЕМЯ ГОДА

Когда египтяне хотят показать нам
Сезон, то рисуют четвертую часть
Пространства, в которое вписано поле
Длиной в сто локтей, симметрично лежащих.
На языке египтян целый год
Четвертью назван: ведь на целую четверть

День прирастает от появленья
До появленья звезды под названием Сотис.
У солнца год на триста шестьдесят частей поделен,
Но к ним пять дней и пять часов добавить нужно,
И раз в четыре года они новый день вставляют,
Чтобы пополнились четыре года новым днем.

ЧТО ОЗНАЧАЛО ИЗОБРАЖЕНИЕ ЯСТРЕБА

Изобразить желая бога или силу,
Иль превосходство, иль паденье, или взлет,
Победу или кровь – круг с ястребом рисуют.
Ту птицу плодовитость отличает,
По долголетию она не знает себе равных,
За что и дан ей символ Солнца-Государя.
Поскольку ястреб по своей природе превосходит
Любую птицу и способен видеть солнце,
Лучи которого в глазах его сверкают —
Постольку для леченья глаз болящих лекарь,
Отмерив, ястребиную траву употребляет.
Способность видеть нам дана всесильным солнцем,
Оно одно – хозяин зрения и властный господин
Тех сил, что жизнь рождать способны.

КАК ОНИ ОБОЗНАЧАЛИ МАРСА И ВЕНЕРУ

Когда изобразить они хотели Марса и Венеру,
Двух рисовали ястребов изящными значками,
К ним добавляя рядом двух ворон.
Самец – то символ Марса, самка же – Венеры.
Животные других родов не столь в любви сильны,
Но ястребы – не им чета.
Подруга ястреба отдаст себя самцу,
Хотя бы тридцать раз до этого с ней близок
Он был, а после захотел любви бы вновь.
Вот почему в Египте самку этой птицы,
Столь ненасытную в любви, с Венерой почитали.
Сам ястреб солнцу посвящен —
Ведь солнце также тридцать раз вступало
В любовные сношения с людьми.

КАК ОНИ ИЗОБРАЖАЛИ БРАК

Когда они хотели символ дать для свадьбы —
Когда начаться ей, когда же завершиться —
А также чтобы отразить природу человека,
То рисовали с удивительным искусством
Картинку, а на ней – изображенье двух ворон,
Или двуполое созданье, разделенное надвое,
Чтоб показать, как вновь оно соединится
Воедино стараниями Марса и Венеры.

КАК ОНИ РИСОВАЛИ ВУЛКАНА

Чтобы дать нам понять, что мы видим Вулкана,
Рисовали они скарабея-жука и стервятника рядом.
Их же знаки скрывали Минерву, ведь ими
Источник и сила любви обозначены тайно.
Лишь старанья Минервы хранят этот мир —
Для того ей не нужен пол мужской.
Стервятник же служит символом этой богини.
Ведь от всех остальных небожителей
Эти два бога – Вулкан и Минерва – отличны
Тем, что гермафродиты они.

ЧТО ОНИ ПОДРАЗУМЕВАЛИ ПОД СТЕРВЯТНИКОМ

Когда они хотели обозначить мать,
Границу или край, или способность видеть,
Предвиденье иль год нарисовать желая,
А также жалость, или двух богинь —
Палладу и Юнону, следуя заветам,
Или драконов двух желая к ним прибавить —
Стервятником все это рисовали.
Мать – потому что нет у них самцов, —
Стервятники рождаются, не зная связи
С самцом, и это доказать нетрудно.

ЧТО ОНИ ОБОЗНАЧАЛИ ПРИ ПОМОЩИ ЗВЕЗД

Обозначая бога иль судьбу,
Иль неизбежный фатум, или цифру «пять»,
Они звезду изображали, принимая ее за божество.
Как и звезда, божественное Провиденье
Своею тенью всех укроет.
Мир наш существовать не может
Без Фатума: рок – главный средь божеств.
Никто из смертных не способен оказать
Сопротивленья власти звезд и их движенью.
Число же «пять» нетрудно объяснить:
На небе светят мириады звезд,
Но только пять из них своим движеньем вечным
Определяют судьбы мира и людей.

ЧТО ОНИ ОБОЗНАЧАЛИ ПРИ ПОМОЩИ БАБУИНА

Изобразить луну желая или письма,
Весь круг земной, иль плаванье, иль гнев,
Или жрецов священного Египта,
Или вращение земли желая показать —
Рисуют бабуина, что привязан нежно
К ночному божеству златой луны.
Когда луна темнеет, приближаясь к солнцу,
То бабуин-самец не ест, не спит, не пьет.
В печаль впадая, радость забывает,
Склонив глаза к земле, оплакивает он
Все, что с луной должно свершиться,
Которой нет прекрасней и не может быть.[40]

Общий тон трактата Нострадамуса – радостный и оптимистичный. По сути, это гимн наукам и образованности, без которых невозможно постичь тайны природы и ее творений. Если искусство чтения иероглифов утрачено и оказалось окутанным тайной, если природа еще скрывает некие загадки, превосходящие возможности человеческого разума, – надо приложить все усилия, чтобы разгадать их. История циклична, когда-то иероглифы читать умели, а теперь нет; но возвращается время, когда это знание вновь откроется трудолюбивым и ценящим ученость людям. В общем, нет ничего невозможного:

надо только внимательно изучать культурное наследие древних.

Идея «Перевода» во многом проясняется, если вспомнить концепцию герметизма – мистического учения, якобы дарованного людям богом Гермесом Триждывеличайшим (Трисмегистом) в очень глубокой древности. «Герметический свод» – сборник античных сочинений соответствующей тематики – был переведен на латынь флорентийским филологом и философом Марсилио Фичино еще в XV столетии с греческих рукописей, специально приобретенных на юго-востоке Европы. Писания Гермеса стали откровением для западной публики, не искушенной в изысках восточной мистики. В довольно-таки туманных пассажах герметического свода видели даже некое предвосхищение учения Нового Завета. Появление перевода подвигло многих европейских гуманистов на поиски смысла египетских иероглифов, в которых, как считалось, заключен сокровенный смысл учения Гермеса. Однако все попытки их расшифровки вплоть до исторического открытия Жана Франсуа Шампольона оказались неудачными. Не стала исключением и книга Нострадамуса, чье толкование иероглифов было весьма далеко от истины.

«Перевод „Иероглифики“ Гораполлона» остался неопубликованным при жизни Нострадамуса. Изданию этого сочинения помешали грозные события, полностью поглотившие время и силы будущего пророка. В ноябре 1544 года обильные дожди в Провансе вызвали наводнение, которое разрушило часть городской стены Авиньона. Рона вышла из берегов, и по воде в своих гробах плавали трупы с кладбищ. Затоплен был весь Юг: из Шато-Ренара можно было на лодке доплыть до Сен-Реми. Из-за разлива рек погибли тысячи домашних животных. Их разлагающиеся трупы способствовали распространению страшной, неизлечимой в те годы болезни – чумы.

Термин «чума», означающий в современной медицине конкретную болезнь, в прежние эпохи использовался в широком смысле для названия почти всех эпидемических, инфекционных, быстро распространяющихся заболеваний. Если дизентерию (*flux de sang,* «кровотечение») относительно легко опознать по симптомам, описанным в дошедших до нас текстах, то другие эпидемические заболевания историку «вычислить» труднее. Под названиями «чума» *(pestis),* «зараза» *(contagium)* или «пагуба» *(morbus)* могли скрываться сыпной тиф, эпидемический менингит, геморрагические лихорадки, а также различные формы собственно чумы – болезни, которая вызывается бациллой, открытой в 1894 году А. Йерсеном и С. Китасато, и передается человеку через блох и черных (чумных) крыс либо, в первичной

форме, воздушно-капельным путем.

Под именем чумы в свое время «действовали» и другие, неизвестные в настоящее время заболевания. До сих пор не идентифицирована так называемая «английская потовая горячка», масштабная эпидемия которой разразилась в 1517–1518 годах: «Она поражала своих жертв обильной потливостью, от них начинало смердеть, а лицо и все тело становились красными… На голове и теле появлялась сыпь, иногда в виде обширных струпьев. Больной умирал прежде, чем осознавал, что следует обратиться к лекарю. Эта безжалостная внезапность смерти от потницы ужасала тех, кто пока еще оставался здоровым. Люди падали на улицах, во время работы, в церкви, некоторые успевали добрести до дома, чтобы рухнуть бездыханными там. Внимательно изучивший болезнь лекарь писал, что она убивала „некоторых в тот момент, когда они открывали окно, других, когда те играли с детьми у дома; одних болезнь уничтожала часа за два, другим хватало и часа… Кое к кому смерть приходила во сне, к иным в момент пробуждения, одни умирали в веселье, другие в заботе, некоторые голодные, а иные сытые, некоторые занятые, другие же праздные; в одном доме иногда погибали трое, иной раз пятеро и больше, а порой и все“. Часто не было времени ни составить завещание, ни послать за священником, а ведь тех, кто умер без завещания или без соборования, на освященной земле хоронить запрещалось».[41]

Собственно чума принадлежит к числу высокозаразных заболеваний. Простого контакта с больным или принадлежавшей ему одеждой было достаточно, чтобы заразиться. Обычно чума начиналась с легкого озноба, за которым следовали жар, державшийся в течение всей болезни, краснота глаз и воспаление горла, сухой черный язык с трещинами, неутолимая жажда, зловонный запах изо рта и затрудненное дыхание. Некоторые несчастные, обезумев от мучительной жажды, бросались в реки или колодцы. У больного наблюдалось мертвенно-бледное лицо и шатающаяся походка. Затем болезнь переходила на грудь, за первыми симптомами следовали частое чихание, изнурящий кашель, хрипота (симптомы легочной формы чумы), тошнота, кровохарканье и желчная рвота. Затем приходили судороги и общее истощение. Бубонная чума сопровождалась вздутием лимфоузлов шеи, подмышек и паха, а также высокой температурой и бредом. Даже если на улице было прохладно, кожа становилась красной и сухой, тело покрывалось кровоизлияниями (петехиями) и черными нарывами (карбункулами). Образованию язв в точках укусов блох – переносчиков чумы – предшествовали тяжелая рвота, черные и

зловонные испражнения, липкий пот. Возбуждение и помрачение сознания (симптомы поражения оболочек мозга), частые спутники чумы, приводили к страшным, шокирующим сценам. Многие больные практически не спали, пребывая в постоянном возбуждении. Люди впадали в отчаяние и с нетерпением ждали смерти – лишь она могла положить конец их страданиям. *Exitus letalis* наступал в среднем в течение недели (отмечались и случаи молниеносной формы чумы, когда болезнь убивала человека в первые же сутки). Одни больные умирали в летаргическом состоянии, другие – в бреду и приступах ярости.

В Европе о чуме долгое время не слышали. В VI веке н. э. в Восточной Римской империи разразилась первая известная пандемия этой страшной болезни – так называемая «Юстинианова чума», которая за 50 лет уничтожила около 100 миллионов человек. В 1346 году она снова пришла в Европу; это была знаменитая «черная смерть», от которой за 6 лет погибло 25 миллионов человек – почти четверть населения континента. С этого периода чума долго оставалась в тлеющем состоянии, периодически давая всплески эпидемий. В среднем возвращение эпидемий происходило один раз в 11 лет, а с 1536 года – один раз в 15 лет. Между тем, несмотря на свое постоянное присутствие, чума все же не собирала такой жатвы, как во время «черной смерти» или пандемии 1628–1632 годов, хотя смертность от нее постоянно росла.

Исследователи спорят о связи между эпидемиями и голодом (старая французская поговорка гласит: «…чума происходит от голода, холода и страха»). До сих пор неясно, были ли европейские эпидемии явлением циклическим или случайным следствием проникновения заразы с Востока, стихийных бедствий или неурожаев. Факты свидетельствуют, что вспышки чумы (или других болезней, известных под этим именем) происходили и в благополучные урожайные годы. Демографический урон, причиняемый эпидемиями, трудно подсчитать из-за неполноты доступных источников. Вспышки могли быть очень сильными, уничтожавшими 20–25 процентов жителей населенных пунктов, а «черная смерть» XIV века выкашивала многие деревни и города до последнего жителя. В опустевших, заваленных трупами поселениях даже здоровые люди становились жертвами пожаров и голода. Хронисты отмечают немало случаев людоедства.

Упоминания чумы, настоящего бича народа и кошмара властей той эпохи, довольно многочисленны; с конца XV века число их неуклонно растет, в особенности в городских архивах. Когда слухи об эпидемии достигали города, его власти спешили сработать на опережение, предпринимая меры предварительной

защиты путем запрета или хотя бы ограничения сношений с пораженными чумой регионами. Например, в 1516 году муниципалитет Мулена воспретил въезд в город людей из Невера, Эне, Колевра и Сент-Аманда под угрозой штрафа. Под особое наблюдение попадали бедняки, как наиболее уязвимая в плане заболеваемости и санитарных условий группа; часто их даже изгоняли из населенных пунктов. Но эти меры вряд ли были эффективными, особенно в периоды, когда неурожай или голод вызывали миграции больших масс населения. Нантские эдилы (члены городского муниципалитета) в 1546 году выражали беспокойство из-за бедняков, каждый день умирающих на полях от чумы и голода – вдруг они занесут заразу в город? Если же поступали сведения о случае чумоподобного заболевания в самом населенном пункте, городские власти посылали эмиссаров на место, чтобы те установили реальность факта и, если это необходимо, приняли экстренные меры – вплоть до полной изоляции пораженного района. Все зараженные дома отмечались крестом красного цвета.

Наиболее отчетливо воспринимаемая угроза исходила от «зараженного» воздуха, который считали ответственным за болезнь и который нуждался в «оздоровлении». Муниципалитеты отдавали приказы о вывозе нечистот, переполнявших улицы и рвы у городских стен, и об очищающих окуриваниях перекрестков улиц и зараженных домов. Главной же задачей было выявление больных. Она возлагалась на гражданские власти и на медицинский персонал – от простого цирюльника до доктора медицины, которые в ту эпоху могли только диагностировать болезнь, но не излечить ее. Средства диагностики также были крайне несовершенными, что еще больше затрудняло сдерживание эпидемии. Зараженные дома обычно закрывались, а больных собирали в стороне в импровизированных госпиталях – в очень различных условиях. Если в Руане в 1521 году было решено построить больницу для зараженных, то в Мулене в 1518 году консулы отдали приказ возвести деревянные нары с соломой на удалении от центра города, чтобы в дальнейшем, после утихания эпидемии, сжечь их. Бывали случаи, когда зачумленные городские кварталы сжигались целиком, вместе с оставшимися там живыми людьми.

Как бы там ни было, «пагуба», хотя за ней и признавалось естественное происхождение, в широком смысле, как и любое бедствие, воспринималась как следствие божественного вмешательства. Консулы Монлюкона рассудили в 1472 году, что чума «пришла потому, что так было угодно Господу». Значит, надо было уговорить Бога прекратить эпидемию, вознося молитвы

и устраивая крестные ходы. Власти часто организовывали процессии к местам, связанным со святыми защитниками от чумы (чаще всего святому Себастьяну и святому Роху[42]), чтобы они замолвили слово перед Создателем для избавления народа от заразы. Обращались и к местным святым, и к Деве Марии, и к самому Спасителю – в борьбе с непонятным и беспощадным врагом все средства были хороши.

Таким образом, муниципалитеты предпринимали широкий спектр мер для того, чтобы остановить бедствие. Но за редчайшими исключениями эти меры оставались хаотическими и плохо координированными. Они воплощались в жизнь с трудом из-за нехватки средств и невозможности тотальной мобилизации населения на борьбу с чумой. В то же время, в отличие от разгула «черной смерти» XIV века, отмечается новая тенденция – последовательное стремление бороться против болезни и победить ее. Важным этапом стало создание в ряде городов специальных госпиталей для жертв эпидемии. Принципиальным прорывом стали и усилия по расширению медикаментозной базы – в бюджете городов они отмечены ощутимым повышением расходов на лекарства в период эпидемий.

Урон, наносимый чумой обществу, был очень велик. Нормальная жизнь нарушалась, суды прекращали свою работу, останавливалась торговля. Наиболее эффективным средством против чумы оставалось бегство из зараженных районов. В Мулене в 1521 году народ массово бежал от чумы. Первыми город оставляли зажиточные слои населения, у которых было больше возможностей найти приют в других местах. В некоторых случаях, наоборот, город покидали больные – по принуждению. Практика изгнания недужных была широко распространена в сельской местности, где лечить их было негде и некому. В одном приходе округа Ко, в Нормандии, в 1533 году насчитывалось 15 больных, изгнанных за пределы населенного пункта. Так же поступали и с трупами – их просто выбрасывали за городские ворота.

И все же остановка общественной жизни чаще всего была неполной. Большая часть горожан и селян продолжали трудиться и передвигаться по своим населенным пунктам. Иногда даже не отменялись многолюдные традиционные праздники. Кроме того, несмотря на страх заражения, невзгоды и смерть жертв давали повод для многочисленных проявлений солидарности, в том числе и между разными слоями населения. К тому же посреди общего разлада находились люди, которые предавались тем же удовольствиям, что и прежде. Они играли в азартные игры, пьянствовали, объедались и даже посещали дома терпимости – там, где они не были закрыты из-за эпидемии. Часто это делалось

с особым чувством обреченности, блестяще переданным А. С. Пушкиным в «Пире во время чумы»:

Итак, – хвала тебе, Чума,
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы
И девы-розы пьем дыханье, —
Быть может… полное Чумы!

Неизвестность – благодатная почва для суеверий. В атмосфере тайны, которой сопровождался приход чумы, страх смерти пробуждался при одном лишь упоминании этой ужасной болезни. Тревога, внушаемая чумой, была ничуть не менее, а иногда и более заразной, чем само бедствие. Естественно, человеческий разум, несмотря на несовершенство методов исследования и неполноту научно-эпидемиологических знаний, пытался разрешить загадку «черной смерти» – в рамках возможностей своего времени. Как же объяснялись эпидемии в добактериальную эпоху?

Итальянский ученый и гуманист Джироламо Фракасторо (1478–1553), автор работ по астрономии, философии и медицине, преподаватель Падуанской академии, ученик Пьетро Помпонацци, друг и учитель Коперника и Джордано Бруно, обогатил медицинскую науку положением о специфическом и размножающемся заразном начале (контагии) как главной причине эпидемий. Не следует считать Фракасторо основоположником современной эпидемиологии; нельзя также преувеличивать степень его новаторства. Он лишь систематизировал и обобщил установленное его предшественниками, подобно ему, искавшими в космических влияниях объяснения наиболее сложных закономерностей явлений природы и человеческой жизни. Медицинские теории Фракасторо в значительной степени базировались на астрологии:

«Ни один контагий не может сам по себе явиться с неба. Но может все же случиться, что не будет никаких препятствий к возникновению контагиозных болезней от влияний неба, а также к тому, чтобы астрологи могли предсказать их. Ведь астрологи, зная явления, многократно вызываемые светилами, могут предвидеть и то, что косвенными образом связано с их действием. Сами по себе светила могут согревать землю, а согревание вызывает обильные испарения из воды и из земли, что производит разнообразное разложение, то обычное, то новое, более обширное, смотря по сочетанию светил. Так, наблюдая

положение светил, астрологи и ученые предсказывают действия, которые светила обыкновенно производят; действия эти, хотя и являются косвенным последствием влияния светил, тем не менее часто сопутствуют тому, что происходит под их непосредственным влиянием».[43]

Глобальные причины эпидемий виделись в затмениях Солнца и Луны, конфигурациях планет, особенно Марса и Сатурна, считавшихся злотворными, а также комет. Под влиянием этих астрологических факторов, как считалось, происходит выброс «контагия» из его природных источников под землей. Эти астрологические факторы считались «посредниками» между карающей волей Создателя и эпидемиями среди людей. Приведем полностью весьма показательный документ – отчет Парижского медицинского факультета о причинах эпидемии «черной смерти», подготовленный в мае 1347 года для короля Филиппа VI (1293–1350):[44]

«Мы, члены Парижской медицинской коллегии, по зрелом обсуждении и глубоком рассмотрении теперешней смертности и согласно с мнением наших древних учителей, полагаем обнародовать причины этого чумного мора *(pestilence)* по законам и принципам астрологии и естественных наук. Вследствие сего мы заявляем следующее: известно, что в Индии и в странах Великого моря небесные светила, которые борются с лучами солнца и с жаром небесных огней, оказывают особое влияние на это море и сильно борются с его водами. От того рождаются испарения, которые помрачают солнце и изменяют его свет в тьму. Эти испарения возобновляют свое поднятие и свое падение в течение 28 дней непрерывно; но, наконец, солнце и огонь действуют так сильно на море, что они вытягивают из него большую часть вод и превращают эти воды в испарения, которые поднимаются в воздух, и если это происходит в странах, где воды испорчены мертвыми рыбами, то такая гнилая вода не может быть ни поглощена теплотою солнца, ни превратиться в здоровую воду, град, снег или иней; эти испарения, разлитые в воздухе, покрывают туманом многие страны. Подобное обстоятельство случилось в Аравии, в Индии, в равнинах и долинах Македонии, в Албании, Венгрии, Сицилии и Сардинии, где ни одного человека не осталось в живых; то же самое будет во всех землях, на которые будет дуть воздух, зачумленный Индийским морем, пока солнце будет находиться в знаке Льва.

Если жители не будут соблюдать следующие предписания или другие аналогичные, то мы возвещаем им неизбежную смерть, если только милосердие Христа не призовет их к жизни каким-либо другим образом.

Мы думаем, что небесные светила, вспомоществуемые природой, делают усилия, в своем небесном могуществе, для покровительства человеческому роду и для исцеления его болезней и, вместе с солнцем, для проникания силою огня, через густоту тумана в продолжение десяти дней и до 17-го числа ближайшего месяца июля. Этот туман превратится в гнилой дождь, падение которого очистит воздух; тотчас как гром или град возвестит его, каждый должен остерегаться этого дождя, зажигая костры из виноградных ветвей, лаврового или другого зеленого дерева; равно пусть жгут в больших количествах полынь и ромашку на общественных площадях и в местах многолюдных; пусть никто не выходит в поле прежде, нежели совершенно не высохнет земля, и три дня после того, каждый в это время пусть позаботится принимать немного пищи и остерегаться утренней, вечерней и ночной прохлады. Пусть не едят ни живности, ни водяных птиц, ни молодой свинины, ни старого быка, в особенности же жирного мяса. Пусть употребляют мясо животных, одаренных натурой горячей и сухой, но не горячащей, не раздражающей.

Мы рекомендуем приправы с толченым перцем, корицу и пряности, особенно лицам, которые привыкли ужинать немного и из отборных блюд; спать днем вредно; пусть сон продолжается только до восхода солнца или немножко позже. Пусть мало пьют за завтраком, ужинают в 11 часов и могут во время стола пить немножко больше, чем утром; пусть пьют вино чистое и легкое, смешанное с шестою частью воды; фрукты сухие и свежие, употребляемые с вином, не вредны, без вина же они могут быть опасны. Красная морковь и другие овощи, свежие или маринованные, могут быть вредны; растения ароматические, такие как шалфей и розмарин, напротив здоровы; съестные припасы холодные, водянистые или влажные вообще вредны. Опасно выходить ночью и до трех часов утра по причине росы. Не должно есть никакой рыбы, излишнее упражнение может повредить; одеваться тепло, остерегаться холода, сырости, дождя, ничего не варить на дождевой воде, принимать за столом немного териака; оливковое масло в пище смертельно; тучные люди пусть выходят на солнце; очень большое воздержание, беспокойство духа, гнев и пьянство опасны; дизентерии должно бояться; ванны вредны; пусть поддерживают желудок свободным при помощи клистиров; сношение с женщинами смертельно. Эти предписания применимы особенно для тех, которые живут на берегах моря или на островах, на которые подул гибельный ветер».

Следует сказать об еще одном объяснении причины эпидемий – мнимом, однако чрезвычайно распространенном в тогдашней

Европе. Народная молва обвиняла в преднамеренном распространении заразы группы злоумышленников, чаще всего – евреев, желающих-де извести христиан. Евреи якобы отравляли колодцы и скамьи в храмах специальными снадобьями или же наводили пагубу магическими средствами (тот факт, что евреи сами болели и умирали от эпидемий, в расчет не принимался). И хотя в XVI веке теория «еврейского заговора» не разделялась властью и Церковью, немало ни в чем не повинных евреев и их мнимых пособников из числа христиан стали жертвами самосуда невежественной толпы в качестве так называемых «сеятелей чумы».

Между прочим, ходил упорный слух, что «сеятели» изготавливают экстракт из чумных бубонов умерших и мажут им ручки и замки входных дверей жилых домов. Одного прикосновения к «отравленным» дверям якобы достаточно, чтобы со стопроцентной вероятностью подхватить чуму. С современной точки зрения, эти слухи, скорее всего, распускались мародерами, которых во время любой эпидемии находилось немало – распространяя их, они стремились к тому, чтобы горожане даже не приближались к вымершим домам, давая ворам тем самым возможность беспрепятственно в них хозяйничать.

Лечение чумы и медикаментозная борьба с эпидемиями осуществлялись объединенными силами обычно враждующих цехов – врачей и хирургов-цирюльников, а также аптекарей. Для медиков той эпохи чума была ядом, с которым надо было бороться и изгонять из тела всеми доступными методами. В числе наиболее употребительных терапевтических средств были потогонные, слабительные, отвлекающие (раздражающие) средства, призванные устранить яд, затем – внутренние антисептики и, наконец, защитные препараты.

Одной из самых распространенных технологий оставалось кровопускание – извлечение крови из кровеносного русла с лечебными целями. Считалось, что оно помогает изгнать инфекцию. В современной медицине показания к кровопусканию строго ограничены (острая сердечная недостаточность, тяжелый гипертонический криз, некоторые заболевания крови, некоторые отравления, например угарным газом) и в любом случае не включают в себя острые инфекционные болезни. Однако врачи добактериальной эпохи то и дело пускали больным кровь – с известными, то есть плачевными результатами. Кроме кровопусканий, практиковалась каутеризация, то есть прижигание. Этот метод, опять-таки крайне малораспространенный в современной медицине (применяется он чаще всего для излечения небольших кожных патологий), широко

практиковался средневековыми и ренессансными целителями, причем в наиболее болезненной, термической форме: чумные бубоны прижигали раскаленным железом. Современные российские исследователи М. В. и Н. С. Супотницкие указывают: «Этот примитивный способ „очистки“ организма действительно давал результат, если человек, по отношению к которому он был применен, не умирал от сердечного приступа, не впадал в необратимый шок, не сходил с ума от боли».[45]

Методы защиты от инфекции логически проистекали из учения о воздухе как главном переносчике контагия. Уже упомянутый автор труда «О контагии, о контагиозных болезнях и лечении» итальянский врач Джироламо Фракасторо, высказавший правильную догадку о связи той или иной болезни с конкретным контагием и ее саморазмножающемся характере, предложил следующие способы профилактики чумы: «Главный источник тех контагиев, которые входят в нас извне, – это воздух… Следует опасаться воздуха, который окружает больного. Поэтому следует открывать окна и двери, особенно обращенные на север, а вокруг больного должны быть пахучие и холодные цветы и плоды: розы, волчьи ягоды, ненюфары, фиалки, тыквы, персики; кроме того, следует делать окуривания из розовой воды, камфоры и гвоздики…Для того, чтобы вдыхаемый воздух входил более чистым, всегда держи во рту или зерна можжевельника, или корень горечавки, или корицу, или лимонное семя. Следует также смазывать ноздри губкой, пропитанной уксусом или розовой водой».[46]

В соответствии с этими принципами окуривания (фумигации) составлялись из смеси ароматических, растительных и минеральных веществ. Таким образом, медиками для очистки воздуха применялся целый арсенал средств. В него входили сено, политое вином или уксусом, лаванда, розмарин, ягодоносный можжевельник, лавр и различные благовония, в том числе и самые дорогие, таких как стиракс, росный ладан, камедь, можжевеловое масло, кора коричного дерева и другие ароматические вещества. Употреблялись также кипарисовый орех, душистые смолы – фимиам, мирра, ладан; чабрец, ладанник, душица, майоран и т. д.

Жилые помещения опрыскивались розовой (или обычной холодной) водой с уксусом. Этот ингредиент был наиболее рекомендуемым во время чумы – вследствие его способности «препятствовать гниению и разложению». Уксус следовало употреблять с пищей в течение всего дня, а неприятные для желудка последствия исправлялись корицей или водой с мастиковой смолой. Следовало также есть побольше другого

защитного средства – чеснока. Но главным образом, рекомендовалось вдыхать как можно меньше воздуха, особенно в присутствии больных. Использовали и алхимические средства для «нейтрализации» яда – изумруд, гранат, бирюзу и аметист. Однако эффективность всех этих средств была крайне невысокой, да она и не могла быть иной в медицине, еще не знавшей антибиотиков и вакцин. Как гласила старая французская поговорка, «лучший рецепт от чумы – убежать пораньше и подальше, а вернуться попозже».

Врачи, боровшиеся с чумой, носили специальную защитную одежду. Чтобы отгородиться от воздуха, пораженного контагием, они надевали накидку с капюшоном, наподобие монашеской, из красной кожи или непромокаемой ткани. Под накидкой врачи носили рубахи, пропитанные защитными ароматическими маслами, во рту держали зубчики чеснока. На лице крепился «фальшивый нос» – длинный дыхательный раструб, отдаленный предок современных респираторов, который заполнялся ароматическими веществами. На голову надевалась шляпа с защитными очками. На ноги крепились бубенцы, чтобы предупредить горожан или крестьян о приближении врача. В общем, «победитель чумы» в защитном костюме образца XVI века являл собой зрелище не для слабонервных; остряки говорили, что одного его вида достаточно, чтобы свести в могилу даже здорового человека…

Кроме врачей, аптекарей и парфюмеров (они были ответственными за ароматические окуривания), деятельное участие в противоэпидемических мероприятиях принимали санитарные команды. В разное время и в разных условиях они пополнялись за счет самых различных слоев населения – от горожан-добровольцев (эта опасная работа хорошо оплачивалась) до каторжников с галер. Санитарные команды вывозили из города трупы умерших от чумы; их черные тачки народ прозвал «воронами». Часто так называли и самих санитаров. О приближении «ворона» народ узнавал по звуку колокольчика. Во время регулярных обходов города (как правило, один раз в день) родные отдавали санитарам умерших за последние сутки. Мародеры нередко орудовали, прикидываясь санитарами. Трупы вверялись могильщикам, которые хоронили покойников без гробов, завернутыми в саван, часто – в глубоких рвах, служивших братскими могилами. Если эпидемия была особенно жестокой, ряды трупов пересыпались негашеной известью.

Мишель Нотрдам, уже опытный врач, принимал активное участие в «умиротворении» чумы 1544 года. Он действовал под руководством марсельского медика Луи Серра, о котором

впоследствии высоко отозвался в своих воспоминаниях. Два года спустя мы вновь встречаем Нотрдама в жутковатом противочумном облачении. На этот раз эпидемия разразилась в административном центре Прованса Эксе и не утихала целых девять месяцев. В эпоху Возрождения Экс-ан-Прованс был так же известен своей антисанитарией, как Авиньон и Марсель. За неимением водостоков жители сваливали мусор на крышах домов, из-за чего в воздухе стоял тяжелый смрад – особенно в жару и после дождя, когда вода смывала отбросы на мостовую. Старая провансальская поговорка гласит: «В Эксе дождь не из воды, а из дерьма». Неудивительно, что чума собрала здесь обильную жатву. В первые же дни эпидемии эксский парламент благоразумно сбежал в Пертюи. Что касается врачей, то те из них, кто не последовал за представителями власти, вымерли почти полностью. В этой ситуации город пригласил врачей-добровольцев, и Нотрдам стал одним из медиков, откликнувшийся на призыв Экса о помощи. Как сообщает он сам, «в год 1546-й я был избран и принят на жалованье города Экс-ан-Прованс, где волей сената и народа трудился ради сохранения города, где чума была столь же сильной, сколь и ужасной».

В городском архиве Экса найдено официальное подтверждение присутствия Нотрдама в городе в эти дни. Местный казначей записал в своем реестре счет на расходы за июнь 1546 года на имя господина *Micheou de Nostredame.* Сам Нотрдам оставил выразительное описание клинической и социальной картины эпидемии:

«Чума… началась в последний день мая и продолжалась целых девять месяцев, когда люди умирали все подряд, всех возрастов, в таких количествах, что кладбища оказались сплошь заполнены мертвецами, и не находилось более освященной земли, чтобы их хоронить. Большая часть на второй день впадала в лихорадку; на тех, кто впал в лихорадку, появлялись пятна, а те, на ком они появлялись, скоропостижно умирали. После смерти каждый был покрыт черными пятнами. Контагий был столь силен и зловреден, что было достаточно приблизиться менее чем на пять шагов к зачумленному, чтобы каждый, кто это сделал, оказался пораженным. И на многих появлялись язвы, спереди и сзади; и они не жили более 6 дней. Кровопускания и укрепляющие лекарства оказывались неэффективными. Когда проводили осмотр города и удаляли из него зачумленных, на другое утро их было еще больше, чем накануне… Многие, запятнанные чумой, кидались в колодцы; иные выбрасывались из своих окон. Другие, у кого были язвы сзади плеча и спереди грудной железы, испытывали носовое кровотечение, которое

продолжалось и ночью и днем, пока они не умирали. Короче говоря, отчаяние было столь велико, что часто умирали в отсутствие стакана воды, с серебром и золотом в руках… Среди всех достопамятных событий, которые я видел, была женщина, которая звала меня из окна. Я разглядел, что она в одиночестве шила себе саван, начиная с ног. Подошла санитарная команда. Я пожелал войти в дом этой женщины и нашел ее лежащей мертвой посреди дома, рядом со своей наполовину сшитой плащаницей». [47]

В той же книге Нострадамус сообщает рецепт снадобья, который он с успехом, по его словам, применял в зачумленных местностях:

«Возьмите… опилки кипариса самого зеленого, какой только сможете найти – одну унцию. Флорентийского ириса – шесть унций. Гвоздики – три унции. Ароматического тростника – три драхмы. Алоэ – шесть драхм. Разотрите все это в порошок и позаботьтесь о том, чтобы оно не выветрилось. Затем возьмите красные зрелые розы, три или четыре сотни, хорошо очищенные, самые свежие и собранные до росы, тщательно разотрите их и смешайте с [полученным ранее] порошком. Когда все хорошо перемешается, изготовьте из этого маленькие плоские пилюли, сделайте из них род пилюль с отверстиями посредине и высушите в тени… Все, кто этим пользовались, спасались, и наоборот».

Состав, разработанный Нострадамусом, на современном медицинском языке можно назвать биологически активным препаратом дезинфицирующего действия, не выходящим за рамки медицинских знаний своей эпохи. Очевидно, эффект его был таким же, как и рецептов Фракасторо, то есть весьма невысоким. Однако это не умаляет безусловной личной смелости Нотрдама, предлагавшего свое лекарство смертельно больным людям.

Жан-Эме де Шавиньи сообщает, что Нотрдам целых три года состоял на жалованье властей Экс-ан-Прованса. Вряд ли это так – сам лекарь пишет, что летом 1547 года он уже боролся с очередной эпидемией чумы в Лионе. Здесь Нотрдам встретил врача Филибера Саразена, с которым он был знаком еще в Ажене и который невольно навлек на него подозрение инквизиции в неблагонадежности. В своих воспоминаниях, написанных около 1552 года, Нотрдам называет Саразена «человеком высочайших познаний» и сообщает, что именно тот научил его, Нотрдама, «первым устоям» *(premiers principes)*. «Устоям» чего? Науки? Астрологии? Религии? Общего жизненного мировоззрения? Нотрдам не прояснил этот важный вопрос, ограничившись сожалением, что, как ему известно, Саразен впоследствии

перебрался в протестантский Вильфранш, а зря: исповедуемая им ложная доктрина долго не просуществует…

Глава четвертая
ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРОВАНС

Осенью 1547 года Нострадамус, которому исполнилось уже 44 года, решил прекратить жизнь странствующего врача. Местом своего проживания он избрал Салон-де-Кро – маленький городок в родном Провансе, насчитывавший около трех тысяч жителей. Ныне Салон пересекает канал Крапон, названный так в честь своего создателя Адама де Крапона – талантливого инженера, у которого впервые возникла мысль о прорытии каналов во Франции. Оросительный канал, вырытый по проекту и под руководством де Крапона, привел воды реки Дюранс в бесплодную степь Кро. *«Eci I'aigo es d'or»* (вода здесь – золото) – гласит провансальская поговорка. Крапон по праву считается благодетелем этой части Прованса, однако мало кому, в том числе из местных жителей, известно, что Мишель Нострадамус в значительной части финансировал строительство канала. В общей сложности он выделил инженеру 8775 экю, по тем временам целое состояние.

Почему Нотрдам выбрал для жительства именно Салон? Возможно, причиной тому стали родственные связи. Брат врача Бертран был женат на девушке из этого города – Томине Ру. Скорее всего, свояченица и познакомила Нотрдама с Анной Понсар (Понсард) по прозвищу Жемелла – «близняшка». Эта молодая вдова из хорошей семьи была дочерью Паскаля Понсара и Томазы Арно. Ее первый муж, городской торговец Жан Бом, безвременно скончался от чумы, не оставив потомства. Брачный договор был подписан 11 ноября 1547 года городским нотариусом в присутствии адвоката Этьена Озье.

Обзаведясь семьей, Мишель купил в квартале Ферьеру, ниже замка архиепископа, просторный дом под номером 2 на темной узкой улочке, которая носит сегодня его имя. Над домом возвышается местная достопримечательность – замок Шато-д'Эмери, возведенный в XIV веке на крутой скале. Войдя в дом, посетитель попадал на винтовую лестницу, освещенную высоким окном, которая через этажи вела в маленькую комнату под крышей, где Нотрдам устроил себе обсерваторию и одновременно рабочий кабинет. Именно там он, без сомнения, написал в скором времени свои знаменитые «Пророчества». Первое время в Салоне Нотрдам вел врачебную практику, продавал косметику и мази, изготовленные по собственным рецептам.

К этому же периоду относится и первая его поездка в Италию.

Началось путешествие осенью 1548 года с посещения Венеции. В конце 1548-го или начале 1549 года он, вероятно, побывал в ломбардском городке Савона, где познакомился с Антонио Вигерчо – торговцем пряностями и лекарствами, «весьма достойным человеком». Этому Антонио, как пишет Нострадамус, медицинская наука должна вручить лавровый венок или пальму первенства за то, что он вложил столько сил в разработку чудесной мази для выведения веснушек. Эту мазь Нострадамус прописал жене мессера Бернардо Грассо и невесте мессера Джованни Ферлино из Карманьолы, причем мазь оказала свое замечательное воздействие чрезвычайно быстро – в течение одной ночи.

В 1549 году Нострадамус все еще путешествовал по итальянским землям. В Савоне он узнал у синьоры Бенедетты, сестры маркиза Фината, рецепт варенья из пиний, приводимый им в XXVI главе его кулинарной книги. С пребыванием Нострадамуса в этом городке связана красивая и очень популярная, в том числе и среди современных авторов, но увы, ничем не подтвержденная легенда. Будучи в Савоне, он якобы встретил на улице монаха по имени Феликс Перетти и почтительно преклонил перед ним колени. Молодой и никому не известный монах, конечно, удивился, и тогда Нострадамус объяснил ему, что именно так следует себя вести в присутствии Его Святейшества папы римского. Стоит ли говорить, что через много лет, в 1585 году, Перетти стал папой под именем Сикста V?

Затем Нострадамус посетил Милан. Скорее всего, именно в этом городе он услышал рассказы о замечательном свадебном пире, на который некий синьор Тривульцио в 1488 году созвал гостей из высшего миланского общества. Этот поистине царский пир обессмертил в своем написанном на латыни письме итальянский гуманист и переводчик басен Эзопа Эрмолао Барбаро. Нострадамус впоследствии опубликовал его французский перевод: «У меня не было аппетита, поэтому я больше смотрел по сторонам, чем ел. Сначала принесли розовую воду для мытья рук. Потом предложили пастилки из кедровых орешков и засахаренный миндаль, называемый здесь марципаном. На второе были гренки со спаржей. Третье блюдо: отварная сепия, гарнированная мелко нарубленной жареной печенью. На четвертое: жаркое из газели. Пятое блюдо: отварная телячья голова. Шестое: ассорти из каплуна, откормленных голубей, кур, говяжьего языка и ветчины. Седьмое блюдо: жаркое из козлятины. Восьмое: куропатки, фазаны и другая птица, а к ним – оливки. Девятое блюдо – жареный петух в медовом соусе. Десятое блюдо: жареная свинина в соусе. Одиннадцатое блюдо:

жареный павлин в соусе с фисташками. Двенадцатое: сладости, сделанные из яиц, молока, сахара, шалфея. Тринадцатое: артишоки с сосновыми орешками. Четырнадцатое: засахаренная айва. Пятнадцатое: финики, фрукты, сладкие вина и прочий десерт».[48]

Летом того же 1549 года Нострадамус посетил Геную, а затем вернулся в Салон. Отныне Нострадамус очень редко и неохотно будет выезжать за пределы родного Прованса. Он посвятит себя своей семье, пациентам, переписке с корреспондентами из разных стран и, наконец, научным трудам. Очевидно, уже осенью он начал публиковать свои знаменитые альманахи и предсказания в стихах и в прозе. К сожалению, его ранние публикации вплоть до 1554 года не дошли до наших дней. В то же время многочисленные выдержки из них содержатся в первой главе рукописи под названием «Сборник прозаических предзнаменований г. Мишеля де Нострадама», составленной Жаном-Эме де Шавиньи в 1589 году и сравнительно недавно частично опубликованной известным нострадамоведом Бернаром Шевиньяром (далее она упоминается под названием «рукопись Шавиньи»).

«Предсказания» *(prognostications),* которые составляли большую часть астрологических альманахов XVI века, были маленькими книжками по 10–20 страниц, содержащими прогнозы на год. Эти предсказания были очень популярны. Торговцы вразнос продавали их на ярмарках, однако их читали и дворяне, и помещики, и ученые.

Альманахи (от арабского «аль-мана» – «календарь») появились вскоре после распространения в Европе книгопечатания. Вначале это были просто календари, содержащие месяцы и дни года с указанием церковных праздников. Затем к ним стали добавляться всяческие сведения познавательного и нравоучительного характера, в первую очередь астрологические прогнозы. Жанр альманаха был чрезвычайно распространен в Европе XV и особенно XVI веков. Они были полны предсказаний самой разной тематики – политика, войны, медицина, церковная жизнь, погода… Все это для пущего авторитета пересыпалось цитатами из Альбумазара, Алькабита, Птолемея и других известных астрологов древности. Астрология тогда была в чести, новорожденное книгопечатание – тем более, и эти маленькие, дешевые книжечки воспринимались как последнее слово науки. В XVI веке в Европе уже выходили сотни альманахов – на латыни, а также английском, итальянском, немецком, испанском, французском и многих других языках (точнее, диалектах, – ведь единых национальных языков тогда еще не

было). Любой читатель мог выбрать альманах, исходя из своего вкуса и образованности.

Франсуа Рабле также выпускал подобные альманахи, деля свою писательскую деятельность между астрологией, комментированием древних медицинских трактатов и сочинением «Гаргантюа и Пантагрюэля». В 1533 году великий насмешник издал весьма удачную пародию на астрологический альманах – «Пантагрюэлево предсказание»:

«В этом году слепцы почти не будут видеть, глухие будут плоховато слышать, немые будут не особо разговорчивыми, богачи будут чувствовать себя чуть лучше бедняков, а здоровые – лучше больных. Многие бараны, быки, свиньи, гуси, куры и утки умрут. Среди обезьян и верблюдов смертность будет не такой жестокой. В этом году старость будет неизлечимой – вследствие ушедших лет. Заболевшие плевритами испытают большие боли в боку, страдающие истечением живота часто будут ходить с дырявым брюхом, катары в этом году опустятся из мозга в нижние члены. Болезни глаз будут сильно мешать зрению, а в Гаскони уши будут более короткими и редкими, чем обычно.[49]

И воцарится почти во всем мире болезнь весьма ужасная и грозная, пагубная, дурная, страшная и досадная, которая ввергнет мир в страх, и многие не будут ведать, из какого дерева делать стрелы [против нее], и начнут частенько составлять умозаключения в пустых мечтаниях о философском камне и ушах Мидаса.[50] Я дрожу от страха, когда думаю о ней, ибо говорю вам, что она будет эпидемической. Аверроэс в седьмой книге «Коллигета»[51] именует ее «безденежьем».

Вследствие прошлогодней кометы и попятного движения Сатурна в больнице умрет великий плут, пораженный астмой и изъязвленный. По случаю его смерти случится ужасная смута между кошками и крысами, между собаками и зайцами, между соколами и утками, между монахами и яйцами…

В этом году благородное Французское королевство пребудет в процветании и торжестве со всеми радостями и удовольствиями, да такими, что чужеземные народы добровольно отойдут подальше. Будут пирушки, милые утехи, тысячи озорных проделок, в которых каждый найдет удовольствие. Невиданное количество вин и лакомств, урожай репы в Лимузене, обилие каштанов в Перигоре и Дофине, обилие олив в Лангедоке, обилие песков в Олони, обилие рыбы в морях, обилие звезд в небесах, обилие соли в Бруаже.[52] Изобилие зерна, овощей, фруктов, зелени, масел, молочных продуктов, и никакой чумы, никакой войны, никаких неприятностей, никаких тебе бедности, хлопот, меланхолии…

Италия, Романья, Неаполь, Сицилия пребудут там же, где они были в прошлом году.[53] Они погрузятся в глубокие мечтания к концу Великого поста и станут порою предаваться сну в середине дня.[54] Германия, Швейцария, Саксония, Страсбург, Антверпен и прочие будут процветать, если не разорятся. Торговцы реликвиями должны опасаться: в этом году предстоит не так много именин.[55] Испания, Кастилия, Португалия, Арагон претерпят внезапные перемены к худшему, и [там] переживут сильный страх смерти молодые, как и старики, и все же удержатся в тепле и часто будут пересчитывать свои экю – если у них они есть.

Англия, Шотландия, ганзейские города также будут дурными пантагрюэлистами. Их вино будет столь же здоровым, как и пиво, лишь бы оно было добрым и вкусным. За каждым столом их надежда обратится к задней игре.[56] Святой Треньян Шотландский явит чудес хоть отбавляй, но при свечах, которые ему поднесут, он ничегошеньки не увидит яснее, если только восходящий Овен в рот ему не упадет и рогов себе не обломит.

Московиты, индийцы, персы и троглодиты[57] изойдут кровавым поносом, потому что не пожелают быть обманутыми папистами, принимая во внимание восходящий знак Стрельца… Австрия, Венгрия, Турция – ей-богу, ребятки, я понятия не имею, как у них пойдут дела, да и мало меня это занимает, ввиду славного вхождения Солнца в знак Козерога. Ну а если вы узнаете об этом больше – молчите, пока не придет Хромоногий…[58]

На протяжении всего года будет лишь одна Луна, и она совершенно не будет новой.[59] Вы будете этим опечалены – вы, кто нисколько не верит в Бога, преследует Его святой и божественный Глагол, и всех тех, кто его охраняет. Но хоть удавитесь, не будет иной Луны кроме той, которую Господь создал при зарождении мира, и которая силой Его святого Глагола укрепилась на небесах, чтобы светить и указывать людям дорогу в ночи. Но Боже мой, я не собираюсь из этого делать вывод, что она не явит земле и людям ущерб или усиление своего света, в зависимости от своего приближения к Солнцу или удаления от него.

Осенью соберут виноград или раньше, или позже – мне все едино, лишь бы было вина в достатке. Мыслители придутся ко двору, и тот, кто помыслит испортить воздух, бойко покакает. Те, кто дал обет поститься молодыми, пока на небе не покажутся звезды,[60] ныне могут насытиться по моему разрешению и пожалованию. Они сильно припозднились, ибо им уже 16 тысяч с чем-то дней. Говорю вам – не принимайте [полет] жаворонков за падение небосвода, ибо он не обрушится на вашем веку, клянусь

честью. Ханжи, святоши и торговцы реликвиями, молельщики и прочие пузаны вылезут из своих берлог. Спасайся каждый, кто хочет. Берегитесь также рыбьих костей, когда будете есть рыбу, и охранит вас Господь от яда».

Стоит отметить, что Рабле чрезвычайно точно пародировал назидательный и туманный стиль тогдашних альманахов, которому позже умело следовал и Нострадамус. Именно альманахи, написанные в подобном стиле, считались лучшими и пользовались наибольшим успехом. Среди гуманистов нередко раздавались насмешки над подобными «точными» предсказаниями. Например, автор знаменитой книги «Кимвал мира» Бонавентюр Деперье также написал и опубликовал большой потешный «астрологический» альманах в стихах.

Как правило, рукописи альманахов готовились весной года, предшествующего тому, на который они рассчитывались. Привилегия (разрешение на издание) выдавалась официальными органами власти осенью, незадолго до публикации. Книготорговцы стремились успеть к традиционной лионской книжной ярмарке, проходившей в начале ноября, чтобы к этому времени выпустить альманахи на рынок. Раскупались они очень хорошо, несмотря на ожесточенные дискуссии вокруг них и обилие подделок, часто искажавших саму идею популярного астрологического прогноза. Астролог Лоран Видель, критик Нострадамуса, так живописал массовую популярность альманахов:

«Месяц назад – это происходило, кажется, в ноябрьские ноны [1555 года], близ того дня, когда пробуют вино, – я находился не на проповеди, но в кабачке „Железная калитка“ в Орлеане. Там были и вино, и компания добрых выпивох-завсегдатаев. [Компания пила полными стаканами, ведя разговор обо всем и ни о чем.] Болтаясь [за стойкой] в промежутках без дела, кабатчик услышал торговца-книгоношу, который кричал на улице: „Пророчества на продажу!“ Тогда он начал вращать глазами и задирать нос, как продавец штопоров, прося нас позвать этого книгоношу. Что мы и сделали, будучи, со своей стороны, весьма рады его появлению – ведь он нам показал (пророчества) всех сортов. Одни были написаны прозой, другие – туманными и загадочными виршами, третьи были прогнозами легкими для понимания и ясными, как погожий южный день. После прочтения, сравнения и сопоставления этих пророчеств, написанных разными математиками (здесь: астрологами. – *А. П.*), обнаружились прогнозы совсем одинаковые, вплоть до последнего слова, отличающиеся разве что титульными страницами, где были указаны разные авторы. Происходит это злоупотребление, по

моему мнению, не по вине предсказателей, но из-за охочих до прибыли печатников – дело весьма вредное для нашего французского государства».[61]

Как бы то ни было, с альманахов Нострадамуса началось триумфальное шествие его славы по Западной Европе. Свой первый альманах, как уже говорилось, он выпустил в 1549 году и выпускал брошюры этого рода ежегодно до самой своей смерти, в течение семнадцати лет. Альманахи он публиковал на французском языке, но с многочисленными вставками на латыни, ориентируясь, таким образом, на средний уровень образованности читателя. Альманахи состояли из трех частей. Первая включала в себя подробный календарь на год и данные о движении планет и светил (эфемерид), вторая – пророческие катрены (четверостишия), где в образной форме рассказывалось об основных событиях грядущего года. В каждый свой альманах Нострадамус, начиная с 1555 года, включал 13 катренов – первый общий, о годе вообще, и 12 о каждом месяце в отдельности. По-видимому, успех этой «астрологической поэзии» и подсказал Нострадамусу в дальнейшем идею большой книги пророчеств. Третья, самая объемная, часть альманаха представляла собой развернутые предсказания в прозе на каждый месяц и другие материалы – обращение к читателю, истолкования разных значимых, по мнению автора, астрологических событий и так далее.

Сферы человеческой деятельности, охваченные Нострадамусом в альманахах, весьма широки. Здесь и военные конфликты, и церковные события, и даже кладоискательство:

«Обнаружится сокровище» *(Almanach nouveau pour 1562,* август).

«По смерти многих людей будут найдены огромнейшие сокровища, спрятанные в земле и в других потаенных местах, в частности, в домах» *(Alm. 1563,* март).

«Продолжительные грозы, град, бури и неиссякаемые дожди своими потоками откроют древнейшие гробницы и сокровища» (там же, июль).

«Будет найдено сокровище отца» *(Aim. 1566,* март).

«В эту часть лета неожиданно будут найдены спрятанные большие сокровища, которые будут явлены многим людям, не ждавшим и не надеявшимся на это» (там же, июнь).

Тут же и алхимия, тесно связанная в те годы с порчей монеты и подделкой денег:

«Большой ущерб, урон и неудобство произойдут по причине алхимических дел и подделки монет» *(Alm. 1563,* март).

«Тригон Марса к Меркурию означает, что люди примутся

подделывать и портить все виды монет и прилепятся к алхимии» *(Alm. 1563,* август).

«Также люди, прежде забросившие [опыты по] трансмутации металлов и другие виды мастерства, основанные на огне, весьма прилепятся к упомянутой трансмутации, не без величайшего довольства самых великих мира сего» *(Alm. 1565,* февраль).

«Будут такие, кто станет обманывать самых великих метаморфозами металлов, осуществляемых воздействием огня; которые [великие] весьма будут рассержены подделками металлов» (там же, май).

«Некоторые будут вынуждены забросить свое оружие… и, оставив мастерство булатное, примутся за мастерство огненное, и займутся в уединенных, удаленных от скоплений людей местах превращением металлов» (там же).

«Бесконечное число людей тайно отдадутся тому, чтобы понять и постичь проклятые процедуры запрещенных искусств; и бесконечное же число других отдадутся трансмутации металлов воздействием огня» (там же, август).

«Под воздействием тригона Марса к Меркурию некоторые пойдут против древнего закона „Чекань монету прилюдно“; они станут с помощью новейших изобретений по ночам портить монету и подделывать клейменое золото и серебро. Большая часть тайно прилепится к алхимическим занятиям и познанию всяких тайных вещей, посредством которых смогут достичь великого мастерства и тонкости, орудуя гербами, штемпелями и крючьями в местах, удаленных от скоплений людей, чтобы надежнее утаить свое злодеяние» *(Alm. 1566,* январь).

И так далее – погода и стихийные бедствия, эпидемии и виды на урожай. Истолкование затмений и других планетарных конфигураций дается здесь в совершенно неподражаемом и оригинальном для XVI века стиле. С одной стороны, Нострадамус словоохотлив, и, кажется, ему есть что сказать буквально по любому поводу, но в то же время стиль его предсказаний туманен и часто допускает несколько толкований. Вот несколько катренов из альманахов:

> 1555 год (общий раздел).
> Душа получит предвестие от Божественного духа.
> Грядут смута, голод, чума, войны.
> Потопы, засухи, земля и море окрасятся кровью.
> Миру и перемирию [суждено] родиться, прелатам и принцам – умереть.

> Март 1555 года.

О жестокий Марс, какой страх ты вызовешь!
А еще больше – Серп, соединенный с Серебром (Сатурн с Луной. – *А. П.)*.

Флот, войско, вода, ветер, окружают паразиты.
Перемирие на море и суше, друг соединился с L.V.[62]

Сентябрь 1555 года.
Небо плачет: ему ли свершить это дело?
Море готовится. Ганнибал строит свои козни.
Дождливый день Святого Дени, флот опаздывает, не молчать,
Не узнал тайну, и что тебя веселит?

Октябрь 1555 года.
Венера; Нептун продолжит предприятие.
Вольнодумцы заточены, противостоящие в смуте.
Флот в Адрии, города у Темзы.
4-го ночью шум потревожит отдыхающих.

Июль 1557 года.
Бродячий герольд (Меркурий. – *А. П.)* идет от [созвездия] Пса ко Льву.
Огонь сожжет город, грабеж, новое взятие.
Замечены легкие галеры, схваченный принц возвращается.
Развед[чик] схвачен галлами, Девственница в соединении с Великим (Венера в соединении с Солнцем. – *А. П.)*.

Август 1558 года.
Молва окажется пустой, ослабленные связаны.
Бритоголовые взяты, избран Пемпотан.
Падут двое красных и четверо весьма крестоносных.
Дождь – помеха могущественному монарху.

Декабрь 1558 года.
Игры, пиры, свадьбы, умрет известный прелат.
Молва, соглашение о перемирии, пока враг делает

подкоп.
Молва по морю и земле [о] деянии великого Бренна (предводитель галлов, взявших Рим; в переносном смысле – завоеватель галльского, то есть французского, происхождения. – *А. П.)*.
Крики, золото, серебро, врага разобьют.

Январь 1563 года.
Сколько воды, сколько умерших, сколько оружия готовится.
Ни в чем нет согласия, правитель удержал пленников.
Никогда еще не было столько человеческой крови, ярости, гнева.
Позднее раскаяние, чума, повод к войне.

Август 1567 года.
Тайные враги будут заточены в тюрьму.
Короли и магистраты удержат там твердой рукой.
Жизни нескольких унесут болезни глаз и носа.
Двое великих уйдут оттуда очень далеко в недобрый час.

Вот еще несколько прозаических предсказаний: «В течение всего этого месяца июля в самой глубине Востока, в Вавилонии начнется смертельная война; в дальнейшем они (жители Востока. – *А. П.*) ослабнут из-за свар между собой. Также смертельная война случится в Персии между теми, кто носит белую чалму, и теми, кто носит чалму синего или небесного цвета; и люди, носящие небесный цвет, пожелают попытаться пройти из Азии через Африку в Европу, чему воспрепятствуют жители Африки.[63] Затем в течение следующего месяца будут заключены некие мирные соглашения, сопровождаемые [все же] постоянной ненавистью, раздором и убийствами между белыми и синими» *(Alm. 1565,* июль).

«Планеты, собравшиеся в западной части неба, предвещают нам некие зловещие события, которым суждено случиться в этом месяце и следующем, – столь изощренные, что у меня, держащего перо в руке, слезы наворачиваются на глаза. Это произойдет в пределах Франции, от Лиона до Парижа. Кто решит, что это очень далеко, тот будет нашептывать, что это случится далеко; однако [это случится] ближе, чем ему хотелось бы» (рукопись Шавиньи, PP II, с. 247).

«Путь, открытый галлами-христианами варварам, приведет к

поражению самих христиан. Ибо в 1655 году варвары захватят все. Поэтому я едва сдерживаю слезы, хотя срок этот и далек. Ибо могущество обитателей Юга поднимется на столь высокий престол, что следует опасаться, как бы варвары через сто лет не заняли [Европу] до сих пределов (то есть до Франции. – *А. П.*), но это случится не на памяти ныне живущих (PP I, с. 351–352).

Этот туманный и вместе с тем доверительный стиль снискал Нострадамусу широкую известность; именно альманахам он был обязан своей прижизненной славе. За очень редкими исключениями, темой обсуждения среди современников были именно альманахи, а не «Пророчества». Другой причиной славы Нострадамуса как составителя альманахов был всеохватный характер его предсказаний; он стал создателем жанра ренессансного политического пророчества, затрагивающего положение не городов или знатных фамилий, а целых государств. Конечно, и до него астрологи предсказывали политические события (Иоганн Лихтенбергер с его *«Prognosticationes»,* Антонио Торквато с его книгой *«De euresione Europae»,* Парацельс), но лишь Нострадамус превратил политические прогнозы в подобие периодического издания.

При этом он не забывал поминать Господне имя – надо полагать, искренне и в любом случае поэтично: «О мой Господин, Господь вечный, Отец, Сын и Святой Дух, в этот ночной час и в этот миг воскресенья 11 марта 1565 года, когда Солнце входит в первый градус знака Овна, сложив руки, я обращаюсь к Тебе с трепетной молитвой, чтобы Ты, в милосердии Своем, простил меня и открыл мои чувства, память и рассудок, дабы я смог правдиво объяснить знаки и предзнаменования грядущего 1566 года, произведя точное суждение по звездам; чтобы Ты даровал мне способность судить о них ясным и чистым умом, удаленным ото всякой земной беседы, с душой, очищенной ото всей мерзости и низости греха, – чтобы я, следуя верной тропой истины, смог возвестить французскому народу, что звезды обещают нам в следующем году».

Как уже отмечалось, ни одного экземпляра альманаха на 1550 год не сохранилось, однако выдержки из него содержатся в рукописи Шавиньи. Неизвестно, выпускал ли Нострадамус альманах на 1551 год – Шавиньи жалуется, что он так и не смог достать эту книжку. Альманах на 1552 год также сохранился в выписках Шавиньи. В том же году были написаны целых два альманаха на следующий 1553 год; отрывки из одного из них также сохранены Шавиньи. Тогда же Нострадамус оформляет в единую книгу плоды своих почти тридцатилетних странствий, в ходе которых он старательно собирал у аптекарей и других

сведущих людей рецепты «украшения лица» и различных варений, мороженого, марципанов и прочих лакомств. Это небольшое по объему сочинение получило типичное для того времени длиннейшее название: «Превосходная и весьма полезная книжица, необходимая всем, кто желает ознакомиться с множеством дивных рецептов, разделенная на две части. Первая рассказывает о разных способах приготовлять всевозможные румяна и ароматы для украшения и обеления лица. Вторая показывает нам способы и приемы изготовления варенья многих видов, из меда, сахара и обработанного теплом вина, полностью разбитая на главы, как об этом пространно сообщается в содержании. Заново составлена магистром Мишелем де Нотрдамом, доктором медицины из Салона-де-Кро, что в Провансе». Книга известна также под кратким названием «Трактат о притираниях» – такое название носило одно из последующих изданий.

Кулинарные и косметические книги только начали появляться и быстро завоевывали популярность в самых широких читательских кругах. Книга Нострадамуса попала в эту волну читательского спроса и выдержала несколько переизданий, в том числе и на иностранных языках. Очевидная цель ее – донести до широкой публики опыт практикующего врача-терапевта. Длинное предисловие знакомит нас с некоторыми фактами из биографии автора, его взглядами на призвание медика, а также соображениями по поводу состояния современной ему медицины. Особо отметим итальянское влияние на книгу Нострадамуса – многие кулинарные рецепты он, по его словам, привез из Италии, где под влиянием Византии и арабских стран культура косметики и ухода за телом распространилась куда шире, чем на севере Европы.

Рецепты и советы Нострадамуса, предложенные в «Книжице», предельно близки к реальности. Они не содержат никаких магических «ужасов», свойственных подобной литературе того времени; среди ингредиентов нет ни сушеных змей, ни ядовитых растений, ни иных веществ волшебного свойства. Компоненты приводимых Нострадамусом составов вполне доступны; отдельно оговорены варианты рецептов для тех читателей, которые не могут позволить себе приобрести некоторые особенно дорогие ингредиенты. И хотя не всем медицинским и косметическим рекомендациям Нострадамуса можно следовать сегодня, они более рациональны, чем рецепты большинства современных ему медиков. Кулинарная же часть книги выше всяких похвал. В ней Нострадамус сосредоточил свое внимание на разных прохладительных напитках – сидрах, крюшонах, шербетах,

вареньях из персиков, апельсинов и других плодов, по его словам, достойных стола королевской особы. Это лучшие образцы того, что могли предложить итальянская, провансальская и французская кухни.

Изучая эту книгу сегодня, приходится признать, что Нострадамус как кулинар и косметолог много сильнее Нострадамуса-стилиста. Судя по тексту, он куда лучше писал на латыни или провансальском языке, чем на французском, который явно не был для него родным. Неуклюжее построение фраз и некорректные обороты, которыми он пользуется, затрудняют понимание некоторых его мыслей. Впрочем, в том, что касается собственно рецептов, его пассажи не допускают двоякого толкования – ими вполне можно пользоваться и сегодня.

Для склонных к кулинарным экспериментам читателей приведем несколько рецептов Нострадамуса:

«Варенье из груш.

Возьмите маленьких груш любого сорта, годящихся для консервирования согласно природе вашей провинции и вашим знаниям. Снимите с них кожуру и почистьте их как только сможете. Если черенки кажутся вам слишком большими, слегка подрежьте их, хотя пусть уж лучше они будут слишком длинными, чем слишком короткими, чтобы было легче взять их, когда пожелаете.

Очистив груши, вымойте их в холодной воде так, чтобы они не потемнели. Помыв, доведите их до кипения в любом сосуде в хорошей ключевой воде или в лучшей, какую сможете найти, и проследите за тем, чтобы они достаточно проварились (чтобы, когда вы колете их булавкой, она входила в них легко). Как только они проварятся, снимите груши с огня, извлеките их шумовкой и остудите в чистой воде, а затем положите на хорошую, чистую белую ткань и оставьте на какое-то время, чтобы они подсохли. Когда груши подсохнут, положите их в фаянсовый, фарфоровый или обычный керамический сосуд и переверните его вверх ногами, чтобы остатки воды стекли до последней капли.

Затем возьмите достаточное, на ваш взгляд, количество сахара и растворите его в таком же, не большем и не меньшем, объеме воды, а когда он растворится, при необходимости профильтруйте раствор. Впрочем, если ваш сахар в головах, а особенно если он еще и мадейрский, то нет нужды очищать его, так как он от природы белый. А все потому, что когда производится сахар, рыхлая глина насыпается на верхушку банки, чей заостренный конец находится в маленьком отверстии, через которое из сахара истекают отстой и вся влага. И то, что остается

наверху, в широкой части, чище всего. Когда сахар начинает высыхать, он покрыт ошметком сухой глины, прикрывающей его и поглощающей влагу.

Вот поэтому-то и возьмите сахар из широкой части сахарной головы, а когда он подтает, разогрейте его в воде до сиропа, а потом дайте немного остыть. Когда сироп охладится, положите туда груши. Если же вы увидите, что груши переварились, добавьте побольше горячего сахарного сиропа, чтобы они стали покрепче. Когда сироп два дня настоится в горшке с грушами, вновь отдельно доведите его до кипения, а когда он полностью остынет, опять налейте в посуду с грушами. Дайте ему постоять четыре дня, вылейте сироп в кастрюльку, а груши переложите в миску или в горшок и поместите в каждую грушу 1–2 гвоздики и немного корицы. Сделав это, верните груши в их сосуд и еще раз нагрейте сахарный сироп. Когда он закипит, залейте им груши и как следует закройте горшок. Теперь у вас есть варенье, достойное быть поданным к столу королевской особы…

Как приготовить айвовое желе необычайной красоты, качества и аромата, достойное быть поданным к королевскому столу и сохраняющееся долгое время.

Возьмите айвы по вкусу, полностью созревшей и желтой. Нарежьте ее на четвертинки, не очищая их (тот, кто очищает, не ведает, что творит, ибо кожица усиливает аромат), и разделите каждую четвертинку на 5–6 кусков. Уберите семечки, потому что плод прекрасно превращается в желе и без них. Нарезав айву, отварите ее в достаточном количестве воды до готовности, почти до того момента, когда она начнет сморщиваться. Когда она целиком сварится, сцедите отвар через кусок плотного полотна и отожмите плоды так сильно, насколько это возможно. Затем положите в них мадейрского сахару из расчета полфунта сахара на 6 фунтов отваренной айвы и держите на слабом огне древесного угля, пока сахар не уменьшится заметно в объеме. После этого ослабьте огонь, чтобы айва не подгорела по краям – это может дать желе плохой цвет. Затем, уже ближе к концу готовки, чтобы узнать, подошло ли желе, возьмите каплю его лопаткой или серебряной ложкой и положите на тарелку. Если вы увидите, что, когда она охлаждается, то без всякой посторонней помощи превращается в шарик, то это значит, что желе готово. Снимите его с огня, подождите, пока осядет пена, а затем разлейте еще горячий отвар по маленьким деревянным или стеклянным посудинам. И если вы хотите что-нибудь написать или выгравировать на дне посуды, то это легко сделать, ибо надпись легко будет видна. Цветом это желе как восточный рубин. Цвет его настолько превосходный – а вкус еще лучше, –

что это желе можно давать как больным, так и здоровым…

Как приготовить апельсиновое варенье, обладающее превосходным вкусом.

Возьмите несколько апельсинов и разрежьте каждый на 4 или 6 долек, но не меньше, чем на 4. Удалите мякоть и зернышки, чтобы не осталось ничего, кроме кожуры. Полученные корки замочите в хорошей чистой воде, добавив в этот первый раз добрую пригоршню соли, потому что соль избавит апельсины от избыточной горечи. Оставьте корки на 24 часа, затем замените воду на свежую. Продолжайте в том же духе 9 дней. По их истечении прокипятите корки в хорошей родниковой воде, чтобы, когда вы ткнете в них булавкой, она легко входила в них. Когда булавка будет легко входить в корки, снимите их с огня и шумовкой переложите в холодную воду. Когда они охладятся, слегка обсушите их при помощи белой полотняной ткани, и, убрав часть воды, наполните корками стеклянный или керамический сосуд.

Затем возьмите 2–3 фунта сахара, в зависимости от объема сосуда, и, если сахар хорошего качества, не очищайте его, а просто растворите в массе воды, равной всему сахару. Когда он растворится, тщательно прокипятите его до консистенции сиропа. Снимите с огня и дайте остыть. Когда сироп остынет, положите в него корки и дайте сиропу как следует впитаться в них. На следующий день слейте упомянутый сироп в миску, убрав кожуру, доведите его до кипения, как и раньше, и снова дайте ему остыть. Затем верните его в сосуд с корками и дайте постоять 3 дня. В конце третьего дня вновь вскипятите его, как раньше. Когда сироп закипит, бросьте в него корки и верните на огонь 5 или 6 раз, но не больше, иначе они станут слишком твердыми. Затем снимите его с огня, снова дайте остыть, поместите его назад в сосуд и не трогайте месяц или около того. Если через месяц вы сочтете, что его нужно вновь вскипятить, сделайте это, иначе же оставьте как есть.

Если вы хотите, то после того, как сироп полностью прокипятится, вы можете добавить в него маленькую палочку корицы и несколько зубчиков гвоздики, истолченные вместе, что придаст варенью исключительно ценные свойства. Если же вы желаете сварить ваши апельсиновые корки в меду, возьмите меда по вкусу, поместите его в миску и растапливайте до тех пор, пока вся пена не соберется наверху, и тогда дайте ему остыть. Затем снимите пену шумовкой или ложкой с отверстиями и выбросьте ее. Затем возьмите очищенный мед, добавьте к апельсинам и продолжайте дело так, как это описывалось для сахара…

Как приготовить вкуснейшее варенье из сорта вишни, который

в Италии называется «амарена», лучшим и превосходнейшим в мире путем, так что даже если оно стоит уже год, кажется, что оно сделано в этот же день.

Возьмите лучших амарен, вкусных и зрелых (ибо если они созрели не до конца, после готовки от них останутся лишь кожица и сердцевина) и отрежьте черенки, если они вам кажутся чересчур длинными. Наберите их 3 фунта или около того. Затем возьмите полтора фунта сахару и растворите его в соке 3–4 фунтов других вишен. Позаботьтесь о том, чтобы сахар был без задержки растворен в соке, как только последний будет извлечен из вишни. Затем поставьте сок на огонь и убедитесь, что сахар растаял. Вскипятите его так быстро, как это возможно, и, когда он закипит, снимите всю пену, плавающую на поверхности. Сняв пену и увидев, что ваш сахар стал красным, как и вначале, и полностью очистился, не дайте ему убежать, но немедленно, не снимая с огня, положите в него заготовленные амарены, помешивая их не слишком быстро и не слишком медленно и все время снимая пену с поверхности лопаткой.

Не снимайте их с огня, пока они не сварятся полностью без необходимости вновь ставить их на огонь. В ту же пору поместите одну каплю на оловянную подставку, и когда увидите, что она не стекает в каком-либо направлении, варенье готово. Как только вы увидите, что оно дошло до кондиции, вылейте его еще горячим в маленькие емкости по 3–4 унции каждая. Тогда вы получите превосходные красные амарены, обладающие чудесным вкусом, который сохранится надолго.

Я бывал во многих сторонах света и знакомился с людьми, готовившими амарены тем или иным образом, и, если я буду описывать все, что я повидал, не хватит бумаги. Я мог бы решить, что лучше всего готовят их в Италии, но там (по крайней мере, по моим наблюдениям) к этому подходят ужасно [неаккуратно]. Я видел, как его несколькими методами делают в Тулузе, Бордо и Ла-Рошели, на всем протяжении Гиени и Лангедока, по всему Провансу, Дофине и Лионне. Но я никогда не встречал лучшего способа, чем этот. В Тулузе вишни кипятят 5–6 раз, так же как в Бордо и Ажене. В результате, когда им 5–6 месяцев, они портятся – иногда загнивают, иногда высыхают. Если вы хотите сохранить их надлежащим образом, вам следует использовать в качестве жидкости только сок амарен, так как он увеличивает их ценные свойства, мякоть и вкус настолько, что, если больной человек съест хотя бы одну вишню, она подействует на него как бальзам или иное укрепляющее средство. А через год они точно таковы, как в день, когда были приготовлены».

Можно отметить, что стиль кулинарно-косметического

сочинения Нострадамуса – рассудительный, рациональный, временами иронический, – контрастирует с «Пророчествами», которые будут опубликованы тремя годами позже и чей стиль будет загадочным, темным и тревожным. К этому периоду относится, по-видимому, изменение мироощущения Нострадамуса. Еще в 1552 году в своей кулинарной книге он горько жаловался: «…в Салоне, где я проживаю, я нахожусь… среди скотов и варваров, смертных врагов словесности и досточтимой образованности». Однако уже годом спустя все неожиданным образом изменилось: он завоевал у горожан авторитет ученого и уважаемого человека. Городские власти обращались к нему всякий раз, когда требовалось сочинить приветственный адрес важному гостю или составить надпись на каком-либо памятнике.

Так, в 1553 году Нострадамус принял живейшее участие в торжественном открытии консулами Салона общественного фонтана. Он составил надпись на латинском языке, которую вырезали на трехстороннем мраморном фронтоне:

«1553
SI HVMANO INGENIO PERPETVO SALONAE CIVIB. PARARI VINA POTVISSET
NON AMOENVM QVEM CERNITIS FONTEM AQVARVM. S.P.Q. SALON. MAGNA
IMPENSA NON ADDVXISSET DICTA. N. PALAMEDE MARCO ET ANTON. PAVLO COSS.
M. NOSTRADAMVS DIIS IMMORTALIB. OB. SALONE-NESES. M.D.LIII».

Вот ее перевод: «Если посредством человеческого мастерства сенат и магистраты Салона могли бы вечно обеспечивать вином своих сограждан, им не пришлось бы воздвигать с большими расходами, в дни консульства Антуана Поля и Паламеда Марка, скромный источник воды, который вы видите здесь. Бессмертным богам – М. Нострадамус для жителей Салона, 1553». Стиль надписи точно копирует античные образцы вплоть до обращения к языческим божествам, которое могло сойти с рук только в условиях повального увлечения античной культурой.

В том же 1553 году Нострадамус пишет альманах на следующий год, опять-таки дошедший до наших дней только в выписках Шавиньи. Он был напечатан в Лионе в типографии Берто Бургундца. Нострадамус отправил издателю рукопись пешим курьером, но оттиски, доставленные автору, были полны опечаток и искажений. Разъяренный предсказатель передал право на публикацию другому лионскому печатнику – Антуану де Руйе

Лизеро. По этому поводу была оформлена официальная доверенность, датированная 11 ноября 1553 года. А 18 декабря у Нострадамуса и Анны Понсар рождается сын Сезар, будущий видный деятель провансальской культуры и биограф отца. К тому времени у супругов уже была дочь Мадлен, появившаяся на свет двумя или тремя годами раньше. Позже в семье, с промежутком в год-два, родились еще четверо детей – Шарль, Андре, Анна и Диана.

В 1554 году Салон был взбудоражен тревожной вестью – на свет появились сразу два урода, человек и животное. Как уже отмечалось, к подобным событиям в те времена относились настороженно, видя в них предзнаменования больших несчастий. В конце января или начале февраля в местечке Сена, что в 12 километрах к северу от Салона, родился двухголовый ребенок. Он был доставлен Нострадамусу, который вместе с другими учеными осмотрел его и пришел к выводу, что страшный младенец являет собой крайне дурной знак.[64] Через полтора месяца из Оргона, лежащего в 5 километрах к северо-востоку от города, был доставлен двухголовый козленок. Нострадамус настолько поразился этой мрачной игре природы, что созвал целый консилиум. В него, в частности, вошел Паламед Марк, тогдашний первый консул Салона. «Комиссия» была расширена за счет губернатора Прованса Клода Савойского, графа де Танда, и барона де Ла Гарда – знаменитого флотоводца, адмирала Восточного флота, бывшего прежде послом Франции в Османской империи. Граф и барон, равно как и Паламед Марк, были близкими друзьями и покровителями Нострадамуса. В завещании пророка (назначившего, кстати, Паламеда своим душеприказчиком) фигурирует астролябия, презентованная ему де Ла Гардом. Губернатор неоднократно защищал Нострадамуса от врагов – особенно позднее, когда во Франции разразилась гражданская война. Но уже в 1554 году тот считал необходимым сообщать графу де Танду о феноменальных событиях, которые, по его мнению, могли предупредить о грядущих трудностях.

В том же году, во время Великого поста, Нострадамус стал свидетелем падения необычайно крупного и яркого метеора или болида, о чем он написал подробное сообщение, адресованное губернатору Прованса. Вскоре оно было издано на немецком языке в Нюрнберге Иоахимом Геллером, печатником и астрологом, близким к одному из лидеров протестантов Филиппу Меланхтону. Французский оригинал не сохранился, поэтому приведем перевод с издания Геллера:

«Страшный и чудесный знак, увиденный многими людьми в субботу 10 марта, в канун воскресенья *Judica,* между семью и

восьмью часами в Салоне во Франции.

Блистательному, светлейшему и могущественнейшему господину Клоду, графу де Танду, шевалье короля и монаршего ордена, губернатору Прованса, от Мишеля де Нотрдама, его скромного послушного слуги – поклон и приветствие.

Благородный господин, когда я изучал звездные конфигурации на первый день февраля нынешнего 1554 года, ужасающее и ужаснейшее зрелище явилось здесь, в Салоне, 10 марта между 7 и 8 часами вечера. Оно наблюдалось, как мне сообщили, до самого Марселя, затем до Сен-Шама около моря, поблизости от Луны, которая в этот момент почти достигла первой четверти: великий огонь пришел с востока и направился к западу. Этот громадный огонь, такой яркий, что он походил на большой пылающий жезл в форме факела, произвел необычайный взрыв, из которого изошли языки пламени, как из раскаленного докрасна железа под молотом кузнеца. И этот огонь бросал многочисленные искры, сверкающие подобно серебру и разлетавшиеся на огромное расстояние, подобное протяженности Млечного пути, именуемому также Галактикой, с быстротой стрелы и с великим грохотом и треском, *immensum fragorem (лат.:* безмерным грохотом), как говорят поэты, выглядевшим как листья, сдуваемые с деревьев жестоким ветром.

Явление длилось долго, по крайней мере 20 минут, прежде чем направилось к каменистой области Кро близ Арля. Затем оно повернуло к югу, высоко над морем, и созданная им горячая струя хранила свой алеющий цвет и продолжала являть вокруг себя пламенеющие искры, подобно молнии, падающей с неба. Это знамение было столь ужасным, что никакой человеческий язык не смог бы его описать. Я решил было, что оно могло бы прийти со стороны холма напротив Экса, именуемого Сент-Виктуар. Однако 14-го дня того же месяца, будучи призванным в Экс, я опросил многих людей, видели ли они его тоже, но его никто [там] не видел. Между тем оно появилось в двух лье оттуда, так как господин, проживающий в том месте и заметивший его, желал, чтобы я мог свидетельствовать о том, что он увидел и сохранить об этом память. Через два дня после [моей] встречи с этим человеком один цирюльник из Сен-Шама навестил меня и сообщил, что он и другие горожане увидели одно и то же и что оно приняло форму радуги, простиравшейся до самого Испанского (Средиземного. – *А. П.)* моря, и что там, где оно заканчивалась, ввиду своей высоты, оно должно было сжечь и испепелить все, через что прошло. Затем в небе огонь брызнул во все стороны на ширину примерно одного стадия и исчез.

Насколько я могу судить о положении в этом крае, это

явление новое и странное, и было бы лучше, чтобы оно не происходило, так как это явление или комета предзнаменует в этой области Прованса, так же как в других приморских местах, неожиданное и непредвиденное бедствие, войну, пожар, голод, чуму или другие ужасные болезни, или же что эти края будут осаждены и захвачены чужеземными народами. Это знамение видели более тысячи людей и меня попросили упомянуть о нем и сообщить Вашей светлости ввиду того факта, что я сам его видел и слышал, когда оно происходило. И я молю Господа нашего Иисуса благословить Вашу светлость и даровать Вам долгую жизнь, благополучие и счастье.

Писано в Салоне в Провансе 19 марта 1554 года. Скромный и преданный слуга Вашей Светлости Мишель де Нотрдам. Переведено с французского языка и напечатано в Нюрнберге М. Иоахимом Геллером».

В ноябре 1554 года Нострадамус написал новый альманах на следующий год, который был издан в Лионе Жаном Брото, и по крайней мере один экземпляр которого дошел до наших дней. От внимания биографов ускользнула любопытная деталь. На титульном листе Нострадамус представлен как доктор медицины из Салона, «который Аммиан Марцеллин назвал Саллувием». Перед нами свидетельство своеобразного городского патриотизма автора. Действительно, в «Римской истории» Аммиана Марцеллина, созданной в IV веке нашей эры, можно прочитать: «В Нарбонской провинции первое место среди городов занимают Элуза, Нарбона и Толоза (Тулуза). В Виеннской провинции очень много прекрасных городов; наиболее замечательны из них сама Виенна, Арелат (Арль) и Валенция (Баланс). К ним присоединяется Массилия (Марсель), которая, как мы читаем, не раз оказывала поддержку Риму в трудные времена его жизни, пребывая с ним в союзе. Поблизости от этих городов лежат Саллувии, Никея (Ницца), Антиполь (Антиб) и Стехадские острова (11, 14–15)».

Упоминание Салона Аммианом поставило бы этот маленький населенный пункт в ряд древних городов Юга Франции, которые по праву гордились своей многовековой историей, приобщавшей их к немеркнущей славе Древнего Рима. Однако римские Саллувии *(Salluviae)* и Салон-ан Прованс не идентичны. Лигурийско-кельтское племя саллувиев проживало на берегу Средиземного моря вокруг Массилии, и названный их именем город, вероятно, находился там же – достаточно далеко от Салона. Но нас в данном случае интересует другое: именно в альманахе на 1555 год, если верить Жану-Эме де Шавиньи, впервые появляются пророческие четверостишия (катрены),

прославившие имя Нострадамуса на века.

Глава пятая
ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ

Для наших современников Нострадамус – прежде всего астролог. Сам он, как мы помним, этого слова не любил, предпочитая называться «астрофилом». При этом провансальский пророк конечно же ощущал себя наследником астрологической традиции, восходящей к древним временам. Согласно принятой в эпоху Возрождения версии, основателем астрологии был не кто иной, как библейский праотец Авраам. Авторы этого утверждения основывались на знаменитых словах, сказанных Богом патриарху: «Посмотри на звезды и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их» (Быт., 15:5). В той же Книге Бытия сказано, что Господь разместил на небе светила для своих знамений людям. Во всяком случае, мы знаем, что история астрологии насчитывает не одну тысячу лет – об этом говорят надписи на стенах древнеегипетских гробниц и уцелевшие вавилонские глиняные таблички.

Методы и задачи астрологии были интернациональными. В Китае, в индейских государствах Южной и Центральной Америки, в арабских странах, в Европе астрологи говорили на разных языках, но их основной принцип оставался неизменным: «Что вверху, то и внизу». Опытным путем установив связь между движением планет и событиями на Земле, астрологи считали возможным предсказывать будущее людей и целых государств на основании взаимного положения светил. Развиваясь параллельно с астрономией (вплоть до наступления Нового времени едва ли не все астрономы были одновременно астрологами), астрология разработала методы определения координат звезд и планет, составления на их основе гороскопов (натальных карт) и их интерпретации. Конечно же Нострадамус владел всеми этими методами, но было бы ошибкой утверждать, что его предсказания основывались исключительно на них. Помимо астрологических вычислений, источником пророчеств в его время (а также до и после того) могли быть необычные природные явления, различные виды гаданий, известные еще в античную эпоху, а также «божественное вдохновение», вызывающее вещие сны и видения наяву.

В творчестве Нострадамуса причудливо переплелись три пророческих традиции: античная, ветхозаветная, а также позднеевропейская, процветавшая в Средневековье до начала XVI века. История искусства прорицания в Древней Греции исчисляется веками; упоминания об этом детстве встречаются

еще у Гомера и Гесиода, древнейших греческих поэтов. Традиции и методы предсказания будущего, познания воли богов были многочисленными и разнообразными. Применялись гадания по внутренностям животных (гаруспиции), по полету птиц (ауспиции), по жребиям (клеромантия), по числам (арифмомантия), по старинным стихам (рапсодомантия). Очень большое значение придавалось продигиям или знамениям (от латинского *prodigia)*. Согласно многовековой традиции, природные феномены – рождение уродов, удары молнии, свечение в небе, метеоры, необычные дожди – являлись свидетельством гнева богов и служили предвестниками катастрофических для государства и народа событий. В Древнем Риме толкование продигий стало частью сакрального права; им занималась жреческая коллегия гаруспиков, назначавшая для умилостивления богов различные обряды – очищения (экспиации), массовые молебствия (супплликации), искупительные жертвы, шествия по городу. О продигиях упоминали почти все крупные древнеримские историки – Плутарх, Тит Ливий, Светоний. Они упоминаются у Овидия, Вергилия, Лукана, многих других поэтов. Валерий Максим и Юлий Обсеквент посвятили предзнаменованиям отдельные сочинения. О громадном разнообразии античных знамений дают представление следующие цитаты из «Книги продигий» Обсеквента, написанной в IV веке н. э.:

«91-й год. Консульство Луция Марция и Секста Юлия.

Когда в Италии во время законотворчества плебейского трибуна Ливия Друза начиналась война, в Городе было много знамений. На рассвете огненный шар с шумом пролетел от северной части неба. Когда в Арретии люди разламывали хлеб, из него сочилась кровь. У вестинов семь дней шел дождь из камней и черепков. Землетрясение у дворца Нумы разрушило часть города и его стены. У Сполетия огненный шар золотого цвета слетел на землю; видели, как, увеличившись в размерах, он взлетел с земли по направлению к востоку; он был таким большим, что мог закрыть солнце. В Кумах в крепости изваяние Аполлона источало пот. В закрытый храм Благочестия во Фламиниевом цирке ударила молния. В Аскуле во время игр римлянам была устроена бойня. Когда латиняне вели табуны и стада из сел в Город, люди погибали всюду. Стада, возбужденные к безумию, затоптали своих хозяев и предрекли таким образом жестокую войну, а собаки выли очень жалобно, предвещая несчастья своему народу».

«63-й год. Консульство Марка Цицерона и Гая Антония.

Молния произвела много разрушений. Варгунтий был

насмерть поражен с неба в Помпеях. Пылающее бревно простерлось по небу с запада. Землетрясение заставило дрожать Сполетий и разрушило в нем несколько зданий. Помимо всего прочего, сообщалось, что двумя годами ранее на Капитолии молния убила волчицу Рема и Ромула и что статуя Юпитера вместе с колонной была разбита, но заменена на форуме по ответу вопрошенных гаруспиков. Бронзовые таблички с законами получили удар с неба, и буквы расплавились. С этими знамениями начался отвратительный заговор Катилины».

«44-й год. Консульство Марка Антония и Публия Долабеллы.

Согласно воле своего отца Юлия Цезаря, Гай Октавиан причислил себя к Юлиеву роду в Брундизии. И когда в третьем часу дня он вошел в Рим, окруженный огромной толпой, солнце, очерченное маленьким кругом чистого и ясного неба, окружило Октавиана концом дуги, подобной той, какую в небесах являет радуга. Во время игр в честь Венеры Прародительницы, проводимых им для товарищества, в 11-м часу под созвездием Большой Медведицы появилась косматая звезда, видимая всякому. Поскольку эта звезда появилась во время игр в честь Венеры, было решено посвятить ее в качестве коронной жемчужины обожествленному Юлию. Хотя сам Цезарь много страдал из-за противоестественной злобы консула Антония, он проявил прекрасную стойкость, терпя ее. Были часты землетрясения. Молния била в верфи и многие другие места. Из-за лютости урагана статуя, которую Марк Цицерон поставил перед внутренним святилищем Минервы за день до того, как был сослан в ссылку по всенародному решению, упала на свое лицо с оторванными ногами; ее плечи, руки и голова разбились; это предвещало беды самому Цицерону. Смерч вырвал бронзовые таблички из храма Верности. Были разбиты двери храма Опы. Деревья вырывало с корнями, и сорваны многие крыши. В небе видели светоч, двигавшийся к западу. Семь дней горела приметная звезда. Сияли три солнца, и вокруг нижнего из них образовался венок, похожий на венок из колосьев, а когда солнце осталось одно, его свет в течение нескольких месяцев оставался болезненным. В храме Кастора отвалилось несколько букв из имен консулов Антония и Долабеллы, что предрекало их будущее изгнание из отечества. Перед жилищем великого понтифика ночью слышали вой собак, и то, что крупнейшая собака была растерзана остальными, предрекало позорное бесчестие Лепида. В Остии косяк рыб сел на мель во время морского отлива. Пад вышел из берегов, а когда он вернулся в свои берега, то оставил после себя огромное количество гадюк. Началась война между Цезарем и Антонием».

Эпоха Возрождения с ее повышенным интересом к античным традициям и литературе стала и периодом массового увлечения продигиями. Огромным спросом пользовались переиздания «Книги предзнаменований» Обсеквента (первая печатная публикация – 1508 год, Венеция), выдержек из «Истории Рима» Тита Ливия и «Собрания достопамятных сведений» Валерия Максима, – как на латыни, так и в переводах на национальные языки. Нострадамус проявлял к продигиям большой интерес. На страницах его альманахов появляются уроды человеческие и животные, звери, ведущие себя аномально, дожди из лягушек, крови, камней или «молока», прочие небесные, погодные и атмосферные феномены – светящиеся шары, свечение в небе, метеоры, кометы, огни святого Эльма, ложные солнца, сражения армий в небе, падение «небесного огня» и даже обычные удары молний.

Наиболее авторитетными источниками предсказаний в античную эпоху считались оракулы – святилища, посвященные богам, где специальные жрецы входили в экстатическое состояние и изрекали пророчества. Прорицания эти, как правило, были невнятными и двусмысленными; при святилищах состояли и другие жрецы, в чью обязанность входило истолкование этих изречений. С оракулами советовались государственные деятели перед началом того или иного важного предприятия; считалось, что устами прорицателей говорят боги и что через них можно узнать, благоволят ли они начинанию или нет. При этом предпочтение отдавалось таким видам получения божественного откровения, которые сопровождались бессознательным состоянием предсказателя. Главным покровителем оракулов считался бог Аполлон – именно ему были посвящены наиболее авторитетные оракулы. Самое знаменитое прорицалище древней Эллады находилось в Дельфах; пифия, восседая на медном (или бронзовом) треножнике, изрекала оракулы, надышавшись ядовитых испарений. Известен был и оракул в Бранхидах, где жрица вещала, вдыхая водяные пары.

Авторитет оракулов в античном мире был непререкаем; о них много рассказывается в произведениях античных авторов – Геродота, Страбона, Плутарха и многих других. В поздние времена, однако, оракулы стали орудием в руках противоборствующих политических группировок и пришли в упадок. Нострадамус, будучи знакомым с античной традицией оракулов, хорошо усвоил их стиль. Форма, в которой написаны «Пророчества» – лаконичная, нередко двусмысленная и неясная, – также очень близка к речениям античных оракулов, как они дошли до наших дней. Много сходства у «Пророчеств» и с

«Книгами Сивилл» – легендарными стихотворными пророчествами, с незапамятных времен составлявшими часть сакрального права Древнего Рима. Специальная коллегия жрецов консультировалась с этими, как считалось, крайне древними текстами, когда требовалось принять важное решение, от которого зависела судьба Рима.

Подчеркнем, однако, что речь идет исключительно о внешнем, концептуальном сходстве. Конкретное содержание «Пророчеств» Нострадамуса сильно отличается от оракулов и «Книг Сивилл». То же относится к ветхозаветным пророчествам, сохранившимся в библейских книгах Иеремии, Иезекииля, Даниила и других пророков (небиим). Как правило, они касались прежде всего судеб еврейского народа, грозили ему всяческими бедствиями за нарушение божественной воли, говорили о грядущем пришествии Мессии. О других народах ветхозаветное пророчество говорит гораздо меньше, хотя предусматривает общее спасение и рисует смутные картины райского блаженства.

Христианство, вполне усвоив обличительный пафос и этико-социальные акценты ветхозаветного пророчества, создало свою пророческую традицию, начатую знаменитым Апокалипсисом Иоанна Богослова. Пророчество у христиан тесно смыкается с эсхатологией, в центре которой – тема Второго пришествия Христа и фигура Антихриста. Со времен раннего христианства Антихрист волновал умы церковных мыслителей. «Сын греха, человек погибели», упомянутый апостолом Павлом, этот грядущий бесочеловек, которому суждено стать во главе объединенного мира перед Вторым пришествием, появляется в бесчисленных откровениях монахов, в видениях полуграмотных крестьян и в богословских трудах Отцов Церкви. Легенда об Антихристе обрастает все новыми подробностями. Сообщается, что он заставит поклоняться себе, как Богу, что ему будет сопутствовать некий великий лжепророк, который как бы подготовит почву для пришествия этого мучителя. У Коммодиана Антихрист – гонитель первых христиан Нерон, внезапно воскресший и явившийся сразу в двух лицах. В «Откровении Мефодия Патарского» Антихриста сопровождают мусульмане, выступившие в его поддержку. У него же появляется последний император объединенного христианского мира, который выступает антагонистом Антихриста. В других пророчествах появляется Ангельский пастырь – святейший пророк, который станет во главе церковной власти, в то время как Последний император будет светским властителем. После последнего крестового похода против Антихриста Последний император сложит с себя венец, передавая власть Всевышнему; это будет

предвестием Второго пришествия. Эсхатологическая традиция христианства крайне разнообразна; Антихрист и последние времена в разное время разными авторами изображались очень по-разному, так что представленная картина далека от полноты.

XV век пережил взлет эсхатологических ожиданий. В середине столетия под турецким натиском пала Византия – форпост христианства на Востоке. В 1492 году истекало 7 тысяч лет от Сотворения мира по византийской (так называемой «константинопольской») системе, весьма распространенной в средневековой Европе. Все это только способствовало усилению эсхатологических ожиданий. Христофор Колумб, например, считал, что выполнил миссию, возложенную на него Господом, – открыть новую землю, в которой накануне Второго пришествия соберутся праведники; до конца жизни по всей Европе он собирал соответствующие пророчества, собираясь издать их в виде книги с надлежащими комментариями. То, что в 1492 году Антихрист так и не пришел, мало что изменило. Эсхатологическими настроениями проникнуты писания Мартина Лютера и других реформаторов, особенно радикальных. Например, Иоанн Лейденский построил на них повседневный быт своей коммуны в Мюнстере.

Изобретение книгопечатания позволило наводнить книжный рынок огромным количеством книг об Антихристе и конце света, и они пользовались стабильно высоким спросом. Попытки римского престола остановить эту, в общем-то, истерию, запреты, налагавшиеся на попытки вычислить точную дату Второго пришествия, успеха почти не имели. А таких попыток предпринималось немало. Ощущение, что мир находится на волоске от гибели, вызвало второе рождение мунданной астрологии, в основе которой лежит утверждение, что будущее государств и церквей можно предвычислить по движению планет. Астрологи предпринимали попытки установить, под какой конфигурацией планет может родиться Антихрист, что ожидает Европу, удастся ли объединить силы, чтобы нанести решительный контрудар исламу и отвоевать Константинополь.

Одно из центральных мест в ряду предсказателей конца XV столетия занимает Антонио Торквато или Аркоато (лат.: *Torquatus),* врач и астролог из Феррары, состоявший во время оно на службе у венгерского двора. Его знаменитое «Предсказание о ниспровержении Европы» *(Prognosticon de eversione Europae)* охватывает период 1480—1540-х годов; первое дошедшее до наших дней печатное издание его датировано 1522 годом. «Ниспровержение» часто переиздавалось с изменениями и дополнениями (известны издания 1536, 1544, 1552 годов;

отметим, что многие предсказательные тексты подвергались значительным исправлениям при поздних перепечатках). Торквато известен также как автор годичных предсказаний на 1491 и 1495 годы, посвященных Альфонсо Арагонскому, герцогу Калабрии, и предсказания на 1494 год, посвященного королю Фердинанду Испанскому, а также предсказания на 1492 год. «Предсказание о ниспровержении Европы» написано раньше и посвящено венгерскому королю Матиашу Корвину, после смерти которого в 1490 году Торквато, так, по-видимому, и не успев напечатать свое сочинение при жизни, вернулся в Италию.

«Предсказание о ниспровержении Европы», как уже было сказано, пользовалось в Европе большой популярностью на протяжении всего XVI века. Авторитету автора не повредило даже то, что в предсказании на 1492 год ему не удалось предречь ни открытия Колумба, ни отвоевания Гранады испанцами у арабов. «Ниспровержение», впрочем, также не отличалось большей точностью. Торквато успешно предсказал вторжение Валуа в Италию, разграбление Рима имперскими войсками в 1527 году, а также победу испанских Габсбургов в борьбе за главенство в Италии. Однако эти успехи нивелируются в глазах современного читателя серьезными просчетами. Торквато обещал упадок Турции до 1538 года, отвоевание Константинополя христианским императором, которому удастся объединить Запад и Восток, а также смерть османского султана от руки венгерского короля (на деле получилось наоборот). С другой стороны, предсказанные Торквато католической церкви бедствия и измены идентифицировались современниками как «бунт» Лютера с тем большей готовностью, что, как писал астролог, они продлятся лишь восемь лет. «Ниспровержение» сулило также невиданные ранее болезни, жесточайшие эпидемии, которые сведут на нет население пяти крупнейших городов Италии, страшные потопы и разгул средиземноморского пиратства. Для нострадамоведа примечательно выглядит популярный характер сочинения Торквато: за очень редкими исключениями он не раскрывает астрологические конфигурации, которые послужили базой для его предсказаний, и текст «Ниспровержения» больше похож на пророчество, чем на прогноз.

Конкретика предсказаний Торквато столь же динамична, сколь и смела. Турцию охватит гражданская война в Греции и Малой Азии, затем эти области опустошит чума, Османская империя распадется, и султан потеряет свой трон. В Северной Африке также будут войны и опустошение. Венецию ждут страшные войны и эпидемии, из которых она, впрочем, выйдет с честью. Милану и Луке тоже придется несладко. С севера Европы

придет бессердечный правитель с огромной армией и устроит жестокий разгром. Между Францией, Англией, Германией и Венгрией будут непрерывные войны. Сражения, набеги пиратов, нищета, наводнения (которые поглотят целые регионы) и чума вызовут такую смертность, что в Европе мало кто уцелеет. На Севере объявится ересиарх, который станет прельщать людей и восстанавливать их против Рима, пользуясь поддержкой северных правителей. Римско-католическая церковь «опустит крылья», ряд иерархов лишится своих постов и имущества, и даже папа станет изгнанником. Но в скором времени прелаты восстановят свою власть и будет избран новый понтифик, по происхождению не итальянец. Все это Торквато предсказывал на время около 1507 года, но в поздних изданиях этот срок естественным образом отодвигался.

«Предсказание о ниспровержении Европы» оказало сильнейшее влияние на Нострадамуса. Нечестивые северные принцы, угроза для Венеции, упадок Турции, засилье пиратства, гонения на Церковь и особенно войны между европейскими странами часто и подробно рассматриваются им в катренах и послании королю Генриху II, освещаются и в альманахах. С «Ниспровержением» Торквато успешно конкурировало написанное в 1488 году «Предсказание» *(Prognosticatio)* Иоганна Лихтенбергера *(Johannes Lichtenberger),* эльзасского монаха и астролога императора Фридриха III. О самом Лихтенбергере известно немного, и его биография до сих пор далека от полноты. Его текст – яркий образец *имперского* пророчества, всеохватывающего и обращенного исключительно в политику, сочетающего и астрологические выкладки, и символические образы (например, широко используются животные для аллегорического изображения стран и их правителей – орел для империи, петух для Франции). Лихтенбергер ввел в астрологию понятие истории, повторяющейся на уровне конкретных персонажей; так, он называет Фридриха III вторым Октавианом Августом.

Предсказание Лихтенбергера охватывает конец XV и большую часть XVI столетия и сосредоточено в основном на судьбе германских земель, составлявших ядро Священной Римской империи германского народа, и их ближайших соседей – Франции, Чехии, Венгрии, Турции и Скандинавии. Согласно Лихтенбергеру, империя ослабеет вследствие непрекращающихся смут в Генте, Брюгге, Фландрии и габсбургской части Пикардии. После смерти Фридриха III в Европе воцарится предательство и вероотступничество. Турецкий султан захватит 16 островов Средиземноморья и часть Италии – Апулию, Калабрию, Кампанию

и Абруцци.

Но Максимилиан, наследник Фридриха, спасет Европу от исламской угрозы и восстановит крест над храмом Святой Софии в Константинополе. Однако Лихтенбергер подчеркивает это особо – если германские принцы не помогут императору, события пойдут по совсем другому сценарию и османы опустошат Польшу, центральную Германию и вторгнутся в Пикардию, Брабант и Фландрию.

Вследствие цикла соединений планет в Скорпионе в 1484–1485 годах появится целое поколение пророков, первый из которых увидит свет около 1496 года. Он станет побуждать народ к бунту, отменит старые законы и притеснит законодателей. Около 1503 года родится новый пророк, чья проповедь продлится 19 лет. Это будет монах в белом, и он станет творить чудеса и изгонять бесов самим своим присутствием. Он вызовет большое кровопролитие и будет опираться на «халдейскую веру». Наконец, вслед за ним «из страны Льва» придет еще один пророк, который станет проповедовать уже в Риме. Он «проверит» и сожжет множество людей, прельстит многих прелатов и правителей, особенно в Ломбардии и Верхней Германии. Он получит огромную поддержку народа, но умрет позорной смертью. Наконец, исполнится пророчество Иоахима Флорского, и на Святой престол взойдет Ангельский пастырь – папа римский, благочестивейший из всех, и процарствует четыре года. Ему унаследуют трое праведников, которые продолжат укрепление и восстановление Церкви.

Текст Лихтенбергера содержал обширные экскурсы в историю, алхимические сведения, моральные наставления и объемную апологию астрологии. Издание было иллюстрировано привлекательными гравюрами, что, конечно, способствовало его популярности – несмотря на критику и даже обвинения в плагиате со стороны других астрологов. Нострадамус заимствовал из «Предсказания» Лихтенбергера очень многое – от стиля и настроения (письмо к Генриху II местами сильно напоминает сочинение эльзасского монаха) вплоть до конкретных образов и событий.

Большой всплеск предсказаний вызвало ожидавшееся в 1524 году соединение Юпитера и Сатурна и других планет в знаке Рыб. Основная масса их исходила из Германии; волею случая наибольшую известность обрело предсказание Иоганна Штефлера, одну из строк которого можно было понять так, что Землю ожидает новый вселенский потоп *(Sindflut)*. Астрологическая составляющая, а также оговорки Штефлера вроде «Держите голову выше, добрые христиане» (лат.: *Levate igitur*

viri christianissimi capita versa) были отброшены в популярных переложениях ученого текста. Европу, уже охваченную эсхатологическими настроениями, охватил ужас грядущего катаклизма. Потопа не произошло, и вся эта история вызвала длительную полемику между астрологами, пытавшимися оправдаться за Штефлера, и их противниками. Непосредственного отношения к Нострадамусу предсказание Штефлера не имеет, однако оно дает представление об общем научно-историческом контексте, в котором были написаны «Пророчества».

Иоганн Карион, астролог Бранденбургского электора (избирателя Священной Римской империи), в 1521 году также предсказывал потоп на 1525 год, однако не всемирный; согласно Кариону, вслед за потопом мир станет свидетелем полного преобразования Церкви, великого пролития крови христиан, рождения Антихриста в 1693 году и общеевропейского кризиса после завершения большого цикла Сатурна в 1789 году. В 1474 году астролог Иоганн Любекский предсказал рождение Антихриста на 1506 год; подобные предсказания появлялись впоследствии неоднократно – разумеется, с постоянно отодвигающейся датой. Над ними посмеялся Франсуа Рабле, вложив в уста брата Жана следующие слова:

«– Разве ты не знаешь, что близится конец света?.. Я слышал, Антихрист уже народился. Правда, пока он только царапает кормилицу и нянек и до времени не обнаруживает своих сокровищ: он еще мал» (III, XXVI).

Во второй половине XVI столетия среди значительных фигур европейской астрологии следует назвать Киприана Леовица (1524–1574), младшего современника Нострадамуса. Крупный немецкий астролог Леовиц является автором как популярных годичных предсказательных календарей (альманахов), так и справочных таблиц и теоретических трудов. Одним из главных его сочинений стали эфемериды (планетные таблицы) на 1556–1606 годы, а также свод солнечных затмений на 1554–1606 годы. Эфемериды сопровождались обширными предсказательными экскурсами, где Леовиц смог проявить свои прогностические способности. Особый интерес немецкого астролога вызывал период между 1564 и 1583 годами; эти годы отмечены соединениями дальних планет, Юпитера и Сатурна, которые, по астрологическим представлениям, вызывают большие перемены в мире. Леовиц широко использовал исторические аналогии, сравнивая, например, эпохи императоров Барбароссы и Константина, времена Яна Гуса и Мартина Лютера. Соединение 1583 года будет последним соединением Юпитера и Сатурна в

знаке водной стихии, что роднит его с соединением, произошедшим незадолго до рождения Иисуса Христа; это, писал Леовиц, наводит на мысль, что Второе пришествие близко. Вторую половину XVI века, по мнению Лео-вица, можно сравнить с эпохой Карла Великого; вторым Карлом призван стать правитель из дома Габсбургов, а именно – будущий император Максимилиан П. В осторожных выражениях Леовиц прочил императору корону последнего христианского монарха, объединителя Востока и Запада. Расчетная часть эфемерид Леовица была выполнена на высоком уровне, что делало их популярнейшими среди астрологов Европы; Нострадамус также пользовался ими.

Предсказания, о которых идет речь, были широко распространены в Европе. Знакомство с ними Нострадамуса могло быть облегчено благодаря *Mirabilis Liber,* или «Книге чудес» – своеобразному дайджесту, включавшему в себя как церковные и околоцерковные пророчества, так и астрологические предсказания. На протяжении XVI века эта книга неоднократно переиздавалась во Франции. Стоит отметить, что эта страна отнюдь не стояла на периферии европейской эсхатологической астрологии. Одним из крупнейших мастеров предсказания по звездам в этой стране был Пьер Тюрель из Отена *(Pierre Turret),* эрудит, поэт и астролог. Теодор де Без квалифицирует его как одного из ведущих предсказателей своего времени. О Тюреле и его жизни известно немногое. Мы знаем, что он состоял в дружбе с магом Корнелием Агриппой, что его творчество, вероятно, оказало влияние на законодательный корпус Французской Бургундии, наконец, сохранились как изданные и комментированные им классические астрологические труды (Алькабит), так и его собственные сочинения – альманахи на 1523 и 1525 годы (современники говорили, что Тюрелю удалось предсказать пленение Франциска I при Павии) и специальные трактаты *(Computus novus)*. Известно, что ученик Тюреля, Пьер Дюшатель, стал впоследствии епископом и королевским раздатчиком милостыни при Франциске I.

Около 1531 года Тюрель издал книгу под названием «Период, или, иными словами, Конец света, содержащий подчинение земных вещей силе и влиянию небесных тел». В ней, постоянно заверяя читателей в своей преданности католической вере, он сообщает, что миру отведено 7 тысяч лет, каждая четвертая часть которых (1750 лет) отмечена такими событиями, как Всемирный потоп, Исход, разрушение Иерусалима и, наконец, конец света. Кроме того, Тюрель популяризовал теории средневекового еврейского астролога Абенезера (Ибн Эзра) о «планетных годах»

(каждый такой год, по Тюрелю, составляет 357 солнечных лет и 4 месяца) и концепции арабского астролога Абу Машара о смене триплицитетов каждые 240 лет и 300-летних периодах, состоящих из 10 обращений Сатурна. Опираясь на них, Тюрель предсказывал приход Антихриста в течение 25 лет после окончания большого цикла Сатурна в 1789 году (позже это пророчество связали с Наполеоном). В ближней же перспективе Тюрель предупреждал о невзгодах, которые должно было принести соединение Юпитера и Сатурна в знаке Скорпиона в 1544 году.

Трудно сказать, читал ли Нострадамус книгу Тюреля. Предсказательные концепции отенского астролога не имеют самостоятельного характера; к тому же они получили дальнейшее развитие в гораздо более известной книге, вышедшей из-под пера другого французского автора, Ришара Русса, с которой Нострадамус, как читатель увидит из комментариев, несомненно был знаком.

Завершая этот вынужденно краткий обзор картины прогностической мысли Запада на заре Нового времени, следует остановиться на таком важном аспекте, как отношение Церкви к предсказаниям в интересующую нас эпоху. Общее подавленное настроение, нагнетаемое потоком пугающих предсказаний, разумеется, совершенно не нравилось священноначалию. В то же время Церковь не отрицала возможность пророчества под воздействием Божественного духа. Однако пророк должен был доказать, что он вдохновляем именно Божественным духом, а не каким-либо еще. Согласно доктрине католической Церкви, Враг рода человеческого не может знать будущее – он в состоянии лишь случайно его угадывать, в то время как Бог видит время в едином потоке, где настоящее, будущее и прошлое в одинаковой мере открыты Его взору. В церковной литературе приводится немало случаев, когда человек, прельщенный падшим духом, представившимся Богом, изрекал пророчества, которые, однако, не сбывались. Поэтому, чтобы избежать утомительных объяснений, Нострадамус в «Послании к Сезару» и «Письме Генриху II» постоянно подчеркивает, что не является пророком. Несмотря на то что это входит в противоречие с другими пассажами из тех же текстов, где Нострадамус указывает именно Божественное озарение в качестве источника своего пророческого вдохновения, официальные претензии к нему со стороны Церкви не зафиксированы.

Другая составляющая пророческих штудий Нострадамуса, астрология, была на гораздо лучшем счету; Церковь выступала лишь против злоупотреблений ею профанами в конъюнктурных политических целях. В 1550-е годы Святой престол неоднократно

запрещал астрологические сочинения, в которых политические цели, что называется, лежали на поверхности (например, книги Луки Гаурико; надо сказать, что сами авторы этих книг очень редко наказывались персонально). Однако астрология как таковая считалась серьезной наукой и серьезных профессиональных астрологов церковная власть не преследовала, тем более что среди астрологов было немало и священнослужителей.

В сжатом, хотя и несколько гротескном виде отношение католической церкви к такому явлению, как предсказания, изложено в знаменитом романе младшего современника Нострадамуса, Мигеля Сервантеса, «Дон Кихот». Главный герой, беседуя со своим верным оруженосцем Санчо Пансой об обезьянке-прорицательнице, которую они только что видели, говорит:

«[Ее хозяин], вероятно, вступил в соглашение с дьяволом, благодаря чему обезьяна получает эту способность, хозяин же зарабатывает себе на жизнь, а затем, когда он разбогатеет, ему придется отдать черту душу, ибо врагу рода человеческого только этого и надобно. И навело меня на эту мысль то обстоятельство, что обезьяна угадывает лишь прошедшее и настоящее, а дьявольская премудрость ни на что другое и не распространяется: насчет будущего у дьявола бывают только догадки, да и то не всегда, – одному Богу дано знать времена и сроки, и для Него не существует ни прошлого, ни будущего, для Него все – настоящее. А когда так, то ясно, что устами обезьяны говорит сам дьявол, и я поражаюсь, как это на нее до сих пор не донесли священной инквизиции, не сняли с нее допроса и не допытались, по чьему внушению она прорицает: ведь я уверен, что она не астролог и что ни она, ни ее хозяин не чертят и не умеют чертить так называемые астрологические фигуры, ныне получившие о Испании столь широкое распространение, что всякие никудышные бабенки, мальчишки на побегушках и самые дешевые сапожники воображают, будто составить гороскоп легче легкого, и своим враньем и невежеством подрывают доверие к этой поразительно точной науке» (II, XXV).

Глава шестая
СЛАВА И ХУЛА

В мае 1555 года Нострадамус выпустил у печатника Масе Бонома книгу, отличающуюся от всех вышедших из-под его пера – «Пророчества магистра Мишеля Нострадамуса».

Это было собрание пророчеств о будущем мира, записанных в стихотворной форме. Первое издание книги предварялось предисловием, написанным в форме обращения к сыну предсказателя Сезару. Оно содержало 353 пророческих четверостишия (катрена), объединенных в главы (центурии) по 100 катренов. Четвертая центурия была неполной и включала в себя лишь 53 катрена. 353 – символическое число; 353 дня содержал обычный еврейский год и столько же лет включал в себя «большой цикл» каждой из 7 известных в то время планет. Теорию этих циклов Нострадамус активно использовал в написании своих пророчеств.

В 1557 году он выпустил второе издание книги – оно содержало 286 новых четверостиший, что довело общий объем до 642 катренов в 7 центуриях, последняя из которых по-прежнему была неполной. Тираж обоих изданий точно неизвестен, но примерно определяется в 2–3 тысячи книг. Из первого издания до нас дошли всего два экземпляра, хранящиеся в библиотеке города Альби (Лангедок) и в Национальной библиотеке Австрии в Вене. Из трех уцелевших экземпляров второго издания первый находится в голландском городе Утрехт, второй – в Будапеште, третий – в Музее книги Российской государственной библиотеки. Первый экземпляр полнее: он включает 642 катрена, а вариант Будапешт—Москва—639. Предполагается, что в 1557–1568 годах вышло не менее трех новых изданий «Пророчеств магистра Мишеля Нострадамуса», однако ни одно из них до сих пор не обнаружено. Первое дошедшее до нас расширенное издание датируется лишь 1568 годом; оно содержало 302 новых катрена (общее число которых выросло до 942 в 10 центуриях), а также большое пророчество в прозе, написанное в виде послания к королю Франции Генриху 11.

Каждое четверостишие (катрен) внутри книги имеет свой порядковый номер; однако все они объединены общим смыслом, заданным темой книги, и стихотворным размером – пентаметром, заимствованным у античных авторов (в частности, у Овидия). Несмотря на то что форма центурии уже в XVI веке была редкой и архаичной, Нострадамус здесь не оригинален. Можно вспомнить

«Рассуждения о четырех мирах» Гийома де Ла Перьера, вышедшие в 1552 году в Лионе в типографии того же Масе Бонома.

К лету 1555 года относится и другое чрезвычайно важное событие в жизни Нострадамуса – приглашение к королевскому двору. В популярной литературе можно встретить утверждение, что Нострадамус побывал при дворе в 1556 году, однако это не так. О том, что это случилось годом раньше, свидетельствуют и документы, и сам предсказатель, посвятивший Генриху II альманах на 1557 год и в посвящении, датированном 13 января 1556 года, упомянувший о «прошлогодней» встрече с монархом. Что послужило причиной приглашения Нострадамуса в Париж? Биографы предсказателя долгое время были единодушны: король Генрих II и его царственная супруга Екатерина Медичи так впечатлились, прочитав «Пророчества», что немедленно пожелали увидеть их автора. Несомненно, это объяснение восходит к рассказу сына Нострадамуса Сезару, который был еще в колыбели, когда происходили все эти события:

«Прошел год после того, как Мишель де Нотрдам посвятил мне, бывшему еще в колыбели, и выпустил в свет центурии, которые, обессмертив его, провели по стопам и путям добродетелей его предков. В конечном счете эти пророчества стали столь известными, хотя и были написаны темными стихами в сивиллином стиле (потому что подобные вещи нельзя осквернять простонародным языком), что молва о нем разошлась повсюду, а его имя повторялось всеми с таким великим восхищением, что и писать неудобно. Скажу лишь, что королева отправила графу Клоду письмо с курьером, где требовала немедленно направить к ней этого человека, которого хочет видеть король. О распоряжении Ее Величества губернатор, который любил и ценил его (Нострадамуса. – *А. П.*), сообщил ему, и тот, собравшись, отбыл из дома в возрасте 53 лет 14 июля и достиг стен Парижа 15 августа, в день Успения Богоматери, чье имя он носил, въехав в ворота Святого Михаила, чтобы счастливое предзнаменование было полным. Господин коннетабль (Анн де Монморанси. – *А.П.*) оказал ему необычайную милость, отвел его в свое жилище и представил королю, который велел поселить его у кардинала де Санса (Луи де Бурбон-Вандома). Там его свалила подагра, которая держала его в постели десять или двенадцать дней, во время которых Его Величество отправил ему сто золотых экю в бархатном кошельке, а королева – почти столько же. Согласно четкому приказу Его Величества, как только он избавился от мучительных болей, он с удовольствием направился в Блуа, чтобы повидать французских принцев. Что касается почестей, королевских одежд,

драгоценностей и великолепных подарков, которые он получил от Их Величеств, принцев и величайших людей двора, я лучше оставлю их на кончике пера, чем буду рассказывать о них с отменным избытком тщеславия, опасаясь сказать больше, чем позволяет скромность».[66]

Рассказ Сезара выглядит вполне правдоподобно, однако ни один современник не упоминает о мгновенном успехе «Пророчеств» в 1555 году, достаточном для того, чтобы королева пригласила Нострадамуса в Париж всего через несколько недель после выхода книги. Вряд ли книга, малопонятная современникам Нострадамуса (как и нашему поколению), могла вызвать столь острый интерес королевской семьи к ее автору. Есть и другие детали, заставляющие усомниться в абсолютной достоверности рассказа Сезара Нострадамуса. Так, в указанные дни двор никак не мог находиться в Блуа – он пребывал в Сен-Жермене.

Подлинную причину приглашения Нострадамуса в Блуа раскрыл его непримиримый критик, астролог Лоран Видель: «Немедля вслед за этим (после описания полнолуния 7 января 1555 года. – *А. П.*) ты говоришь, что не осмеливаешься писать, что случится в этом году. Зачем ты прибегнул к таким хитростям? Явно для того, чтобы тебя пригласили ко двору, поскольку в [предсказании] на июль месяц того же года ты пишешь: «Королю следует остерегаться человека или группы людей, преследующих такие цели, что я не осмеливаюсь изложить на письме то, что показывают звезды в согласии с оккультной философией». Ты конечно же хотел, чтобы король пожелал узнать правду».[67]

Таким образом, именно альманах на 1555 год стал причиной необыкновенной популярности славы Нострадамуса. Клод Атон, кюре города Прована, авторитетный мемуарист и современник Нострадамуса, отметил в своих записях, что в том году о провансальском пророке говорили очень много: «В это время обрел большую славу астролог и математик из Салона-де-Кро в Провансе по имени магистр Мишель Нострадамус, доктор медицины, автор пророчеств и альманахов. В этих альманахах и пророчествах он рассказывал о многих грядущих событиях в христианском мире, в частности, об упадке христианства, прежде всего во Франции и Германии. Иногда он говорил о будущих бедах в этих странах открыто, иногда – затемненными выражениями, загадками и скрытыми намеками. Особенно часто – о будущих невзгодах во Франции после перемен во французской королевской власти, церкви и католической религии. Эти вещи не могли понять самые сведущие люди, пока они не становились свидетелями предсказанного события. Он написал кое-что и о

комете [1556 года], но не пожелал публично это разглашать из-за зловредности грядущих событий, которые она предрекала.

У Нострадамуса было много хулителей, которые как только возможно порочили его, утверждая, что он-де сносился с бесами, что он – колдун, маг и волшебник, потому и может предсказывать будущие события. Другие извиняли его, считая, что знания, коими он был обязан математической науке, – в которой он был самым сведущим человеком на земле, – помогали ему в его писаниях. Иные же, кому казалось, что он писал и изрекал вещи сверхъестественные, говорили, что Господь посредством Святого Духа подталкивал его писать вещи, которые он сам мог и не понимать, на манер пророчества, о несчастьях, произошедших спустя 10, 12 или 15 лет после того, как он их предсказал и описал. Эти-то пророчества и становились понятными, когда они сбывались у всех на глазах. Пока Нострадамус был жив, ни один из альманахов, написанных математиками, не обретал славу и хождение во французском королевстве, если он не был подписан именем упомянутого Нострадамуса».

Интересно, что Нострадамус явно колебался, ехать ли ему в Париж, но в итоге решился. Путь его лежал через Лион и Авиньон. В Лионе Нострадамус гостил у Гийома де Гваданя, сенешаля города, которому он впоследствии посвятил свой альманах на 1558 год. Местный торговец Жан Геро записал в своих «Хрониках»: «В то же время через этот город (Лион. – *А. П.*) проезжал астролог по имени Мишель де Нотрдам из Салона-де-Кро в Провансе, человек очень сведущий в хиромантии, математике и астрологии, который говорил великие вещи другим как об их прошлом, так и о будущем; рассказывали, что он чуть ли не угадывает мысли. Он направлялся ко двору короля, куда был вызван, и очень боялся, что ему там устроят плохой прием; сам он говорил, что ему до 25 августа угрожает большая опасность быть обезглавленным».[68]

К счастью, у нас есть письмо самого Мишеля Нострадамуса, где он подробно описывает свое пребывание в Париже. Письмо написано в 1561 году, однако речь в нем идет именно о событиях 1555 года. Нострадамус сильно поиздержался в пути и, оказавшись в Париже, был вынужден занять денег у Жана Мореля, дворянина из Эмбрена в Дофине, сеньора дю Плесси и де Криньи, чье имя хорошо известно историкам французского Возрождения. В доме Мореля в Париже собирался литературный кружок, который посещали Ронсар, дю Белле, Дора, Жодель (будущие создатели «Плеяды»), Медлен де Сен-Желе и другие известные интеллектуалы. Судя по письму, это был не столько заем, сколько плата за протекцию – в обмен на деньги Нострадамус взялся

рекомендовать Мореля королеве. Морель не потребовал отдачи долга, но и рекомендацией оказался недоволен, в связи с чем Нострадамус стремится, что называется, внести ясность в их отношения. Приведем это письмо полностью:

«Господин мой, в эту субботу, 29 ноября 1561 года, я получил Ваши письма, посланные из Парижа 12 октября этого года. Мне показалось, что Ваши послания полны желчи, враждебности и негодования, которые Вы испытываете ко мне по неизвестной мне причине. Вы жалуетесь, что, когда я был в Париже и отправился засвидетельствовать почтение Ее Величеству Королеве, Вы предоставили мне два нобиля с изображением розы и два экю, что верно, честно и истинно. Вместе с тем Вы заявляете – что было правдой и правдой останется, – что ни я не знал Вас, ни Вы меня, кроме как понаслышке.

Вы должны понять, господин, что сразу после того, как я прибыл ко двору и коротко переговорил с Ее Величеством Королевой, я особо упомянул ей великодушие и более чем царскую щедрость, с которыми Вы ссудили меня деньгами. И это был не единственный случай, когда я говорил с нею об этом; я заверяю Вас, что упомянул об этом еще четырежды. Я огорчен, что Вы так дурно думаете обо мне, чтобы полагать, что я столь невежествен, чтобы не знать: *«Quod benefacta male locata male facta arbitror»* («Благодеяния, оказанные недостойному, я считаю злодеяниями», слова Энния из трактата Цицерона «Об обязанностях», II, 18. – *А. П.*). Но из Вашего письма следует, что Вы говорите в гневе и негодовании и, как мне представляется, зная обо мне лишь немногое.

Теперь относительно того [письма], что, по Вашим словам, Вы послали мне через некоего управляющего из Экса. Уверяю Вас, господин, что я никогда не получал никакого письма от Вас, кроме этого, и посему твердо полагал, что Вы удовлетворены результатом того, что я сказал Ее Величеству Королеве. Но *de minimis etc.* (сокр. латинская пословица *«De minimis non curat lex»:* «мелочи не заботят закон». – *А. П*). Возвращаясь к сути, поскольку было бы справедливо и разумно удовлетворить Вас, уверяю, что в этом вопросе, как и во всех других, я выступаю как человек благородный не только по отношению к Вам, но также и ко всем другим – как и Вы показали себя благородным и доблестным.

Я собирался отправляться ко двору согласно высочайшему повелению (хотя были и противные тому приказы тех, кто не желал, чтобы я отправлялся туда), и это произошло не без того, чтобы не спросить Вас и удовлетворить Вас полностью. Недавно в доме моего господина барона де Ла Гарда гостил молодой паж из дворян, утверждавший, что он Ваш пасынок, так что я часто

беседовал с ним и позволял ему сообщать мне о Ваших новостях, чтобы убедиться, что я достаточно удовлетворил Вас во всех отношениях. Но он никогда не заговаривал со мной об этом [случае] – даже при том, что я упоминал об этом ему весьма часто. Что касается того, что Вы написали, что я оставил Париж *hospite insalutato* (не попрощавшись. – *А. П*), то уверяю вас, что, хотя Вам и было угодно так написать, я сам так не считаю. Это не в моей природе – я не умею ни обижать, ни обижаться, не признаю в себе таких недостатков, которые не свойственны мне, а, напротив, глубоко чужды моей натуре, свойствам и характеру.

Просто я заболел, получив за это прекрасную награду от двора. Его Величество Король заплатил мне сто экю, Королева – тридцать. Недурная сумма для того, кто покрыл две сотни лье и затратил сто экю, заработав, таким образом, тридцать! Но дело не в этом. После того, как я вернулся в Париж из Сен-Жермена, некая весьма благородная дама, незнакомая мне, но показавшая при своем появлении большую представительность и благородство, кем бы она ни была, приехала повидать меня вечером того дня, когда я вернулся [из дворца], чтобы поговорить со мной о разных вещах, не могу сказать о каких, и ушла, когда уже совсем стемнело. На следующее утро она вновь пришла ко мне, и после того, как Ее Милость поговорила со мной как о ее личных делах, так и о других, она сказала мне, что господа из Парижского суда собираются навестить меня, чтобы расспросить, какой наукой я занимаюсь и что использую в своих предсказаниях. Я ответил ей, что им не стоит беспокоиться и приезжать по такому делу, поскольку я освобождаю квартиру и имею намерение уехать следующим утром, чтобы вернуться в Прованс, что я и сделал. Я никоим образом не думал Вас обидеть.

И хотя Вы можете думать обо мне как угодно дурно, теперь я уверен, что вкратце Вы все знаете. Я очень недоволен тем, что Вы не написали мне ранее, поскольку тогда Вы ранее узнали бы о причине. Хотя я знаю Вас только по письмам, но *conniventeis oculos* (закрыв глаза. – *А. П.*), представляю Ваш образ, Вашу исключительную честность, доброту, веру, порядочность, ученость и эрудицию. Но Вы можете подумать, что я считаю эти мои слова, обращенные к Вам, достаточными для Вашего удовлетворения. Это не так. Прилагаю к сему письму два векселя, которые Вам будет благоугодно обменять на деньги, как только Вы их получите. Я убежден, что деньги также будут доставлены Вам без промедления. Один вексель относится на счет дамы из Сен-Реми, а другой – моего друга господина де Физа. Любезно прошу Вас не пренебречь ими. Впоследствии я получу ответ от них, не было ли какой-нибудь ошибки при получении. Есть

многие другие в Париже и при дворе, которые не откажут мне и в намного большей сумме. Если я могу сослужить Вам какую-либо иную службу, умоляю самым искренним образом, чтобы Вам или Вашим друзьям было угодно обратиться ко мне.

Будьте уверены, что Вы можете рассчитывать на меня так же, как и на любого другого человека. И если бы не религиозные беспорядки, которые случаются теперь ежедневно, я бы отправился в дорогу [к Вам в Париж], чтобы подробно справиться насчет Вас. Я жду Ваших писем с тревогой, пребывая в уверенности, что Ваш ответ покажет Вашу удовлетворенность. Я надеюсь поехать к [королевскому] двору, чтобы отправить моего сына Сезара Нострадамуса на учебу и удовлетворить нескольких человек, просящих меня приехать, что я и сделаю. Однако я прошу Вас написать мне, сообщив новости о Вас, как только Вам это будет угодно. Я не премину оказать Вам любую возможную услугу, на которую я способен, и Вы узнаете по моим делам весомость моих слов.

Мой господин де Морель, Ваша Милость, молю Господа, чтобы он ниспослал Вам здоровье, долгую жизнь, приращение чести и исполнения Ваших благородных и доблестных достоинств.

Из Салона де Кро в Провансе, в последний день октября *[sic]* 1561 года.

Ваш скромный и покорный слуга, готовый повиноваться Вам,

М. Нострадамус».

Действительно, Нострадамус посетил королевскую семью не в Блуа, а в Сен-Жермене; действительно, как он сам туманно сообщает в письме, были некие могущественные противники его поездки в столицу. Да и подарки, полученные Нострадамусом от их величеств, оказались вовсе не такими царскими—130 экю, – что наполняет последние строки сообщения Сезара горькой иронией, вряд ли предусмотренной автором. Следует добавить к этому пристальный интерес к Нострадамусу со стороны столичной полиции – и получается картина, позволяющая назвать приключения предсказателя в столице скорее злоключениями.

С другой стороны, письмо Морелю приподнимает завесу над глубокой и до сих пор не изученной темой разногласий Нострадамуса с интеллектуальными кругами. Мы уже знаем, с какой яростной ревностью набросился Скалигер на своего бывшего друга и, надо полагать, ученика после того, как тот своим трудом добился общеевропейской славы. Из кружка Мореля вышла латинская эпиграмма на Нострадамуса, ходившая уже в конце 1559 года:

Nostra damus, cum verba damus, nam fallere nostrum est,
Et cum verba damus, nil nisi nostra damus.

Переводится она так: «Преподнося наше достояние, мы преподносим слова, так как нам свойственно обманывать, и, кроме слов, мы ничего другого преподнести не можем». Об этой эпиграмме упоминает адресованное Жану Морелю письмо поэта Жоашена Дю Белле, автора манифеста «Плеяды» – трактата «Защита и прославление французского языка» (1549): «Я видел пророчество Нострадамуса, над которым я и месье Како не смогли помочь вам посмеяться. Взамен я посылаю вам двустишие, которое мне вчера дали и которое мне кажется уместным для толкования упомянутого пророчества. Не знаю, видели ли вы его, но мне оно показалось очень милым».[69]

Отношение крупнейшего поэта эпохи Ронсара и его друга Жана Дора к Нострадамусу было доброжелательным, однако оба поэта явно были исключением на общем фоне. Ревность интеллектуалов к провансальскому врачу-астрологу легко объяснима. Подобно тому, как лучшие охотники не состоят в охотничьих клубах, лучшие ученые и писатели – всегда одиночки, чаще всего негативно воспринимаемые членами всевозможных кружков. Такими одиночками были и Амбруаз Паре, и Франсуа Рабле, и Этьен Ла Боэси, и – уже после смерти Нострадамуса, – Мишель Монтень, Рене Декарт, Бенедикт Спиноза… Настоящая культура и наука рождаются «на стыке и на границах», они маргинальны в исконном смысле этого слова и не нуждаются в соавторах, наставниках и советчиках. В итоге неприязнь к «неправильному» индивидуалисту Нострадамусу доходила до того, что у него требовали долг шестилетней давности, да еще и через третьих лиц, чтобы поставить его в неловкое положение. Однако имя Мореля сейчас помнят лишь специалисты, в то время как о Нострадамусе слышали почти все.

На промежуток с 1556 по 1559 год приходится наиболее интенсивный период творчества салонского предсказателя. В 1556 году у парижского издателя Жака Керве (Кервера) выходит сразу три альманаха на следующий год. Первый из них *(Almanach pour I'an 1557. Compose par Maistre Michel Nostradamus, docteur en medecine de Salon de Craux en Provence)* был посвящен Екатерине Медичи (предисловие подписано 13 января 1556 года). На титульном листе его помещено следующее стихотворное заявление:

Всем, кто столько раз предавал меня смерти.
Я буду бессмертен – и живой, и умирающий,

И долго после моей смерти имя мое будет жить во Вселенной.

Второй альманах *(Les Presages Merveilleux pour 1`an 1557. Dedies au Roy treschrestien, Henri deuxiesme de ce nom, Composez par Maistre Michel Nostradamus, docteur en medecine de Salon de Craux en Provence)* был посвящен королю Генриху II (предисловие также датировано 13 января 1556 года) и имел на титульном листе такую же отповедь врагам. Мы не знаем, была ли она отзвуком злоключений Нострадамуса в Париже или его разногласий с французскими интеллектуалами. Та же «эпитафия наоборот» красовалась на титуле третьего альманаха *(La Grand Pronostication nouvelle avec portenteuse prediction, pour l'an 1557. Composee par Maistre Michel de Nostre Dame, Docteur en Medicine de Salon de Craux en Provence),* посвященного королю Наварры Антуану де Бурбону (альманах закончен в марте 1556 года).

Популярность альманахов росла как во Франции, так и за ее пределами – об этом свидетельствует тот факт, что альманах, посвященный Екатерине Медичи, был издан в Милане в переводе на итальянский язык. Ровно через год после выхода Нострадамовых «Пророчеств» известный парижский эрудит Антуан Куйяр, владелец замка Павийон-ле-Лорис в Гатене, выпустил игривую пародию на пророчества Нострадамуса – «Пророчества сеньора дю Павийон-ле-Лорис». Это первый и, пожалуй, самый остроумный из памфлетов против Нострадамуса:

«Я часто задолго предсказывал то, что впоследствии сбывалось в определенных странах – например, что после дождя наступит хорошая погода… и многие другие пророчества, которые я вычитал в „Пастушьем календаре“ или „Предсказании для пахарей“… Я избегаю показывать свой язык простонародью, ибо считаю это тем же самым, что бросать святыню псам и рассыпать ромашки перед свиньями… [Мои пророчества] заставят покраснеть всех, кто не столь меланхоличен (здесь в смысле „безумен“. – *А. П.),* как я… Я вовсе не желаю и не собираюсь говорить о непрерывных пророчествах от нынешнего времени до 3797 года. Хоть дьявол и помогает мне рассуждать о таких дальних временах, однако наши нынешние пророки грозят нам, что мир приближается к анархической революции и вскоре погибнет… Сын мой Марциал, чей возраст [читатель,] я не хочу скрывать от тебя, подобно тому как наш магистр Нострадамус, великий философ и пророк, пожелал в своем послании самым ужасным образом утаить лета своего сына Сезара. Моему-то 4 года, 6 месяцев, 10 дней, 3 часа и 30 с половиной минут».[70]

Пародируя стиль провансальского пророка, Куйяр доказывает, что воля Господа сильнее всех астрологических предсказаний.

17 августа 1556 года адвокаты Контрольной палаты Парламента Прованса дали разрешение на строительство канала от реки Дюранс к Салону. Нострадамус проявил живой интерес к строительству канала, которое проводилось под руководством Адама де Крапона. В день начала работ в присутствии салонского нотариуса Нострадамус ссудил инженеру двести экю. Без сомнения, он и позже поддержал хорошие отношения с семьей Крапонов: его старший сын Сезар впоследствии возьмет в жены Жанну де Гриньян, внучатую племянницу инженера.

В том же году Нострадамус некоторое время находился в Турине. Это стало известно в декабре 1807 года, когда некий Каррера сообщил об обнаружении любопытной надписи, вырезанной на мраморной доске над дверью сыроварни Мороцо на вилле Лессона к северо-западу от Турина. В эпоху Возрождения, как предполагается, эта вилла называлась Виттория («Победа»), а земли, окружавшие ее, носили названия Рай, Ад и Чистилище в соответствии с «Божественной комедией» Данте.

На плите вырезаны прописные буквы, составляющие довольно загадочные строки, которые, возможно, оставлены в память о пребывании пророка в этом городе:

1556
NOSTRE DAMVS A LOGE ICI
ON IL HA LE PARADIS LENFER
LE PVRGATOIRE. IE MA PELLE
LA VICTOIRE QVI MHONORE
AVRALA GLOIRE QVI ME
MEPRISE OVRA LA
RVINE HNTIERE

Перевод надписи гласит: «1556. Здесь жил Нострадамус. Есть Рай, Ад, Чистилище. Имя мое – Победа. Кто чествует меня – обретет славу. Кто презирает меня – полностью погибнет». Эта надпись на французском языке действительно напоминает загадочный стиль Нострадамуса. Однако опытный глаз легко отметит ошибки, которые свидетельствуют о том, что ее автор – скорее итальянец, для которого французский не является родным. Если же Нострадамус действительно в 1556 году ездил в Италию, то мы можем только догадываться о причинах и длительности этой поездки.

В 1557 году у авиньонского издателя Ру выходит очередной памфлет против Нострадамуса: «Первая инвектива господина Французского Геркулеса против Монстрадамуса, переведенная с

латинского языка». Анонимный автор этого памфлета, укрывшийся под псевдонимом «Геркулес», – явно кальвинист, раздраженный пророчествами провансальского астролога, слишком благоприятными, по его мнению, для католиков. Тогда же в Лионе, у Антуана дю Рона, выходит второе издание «Пророчеств» под названием «Пророчества магистра Мишеля Нострадамуса, триста из которых никогда не были напечатаны». Помимо «Письма Сезару», оно включает семь центурий, из которых седьмая содержит только 42 катрена, а на месте последнего четверостишия шестой – ненумерованный латинский катрен под названием «Законное поручительство против глупых критик». Вот его перевод:

> Пусть те, кто будет читать эти стихи, зрело обдумают их.
> Да не коснется их непосвященная и невежественная толпа.
> И все астрологи, невежды, варвары пусть держатся от них подальше.
> Тот, кто поступит иначе, да будет проклят согласно обряду.

Сам катрен написан не Нострадамусом; он с незначительными изменениями взят из книги *«De honesta disciplina»*, написанной в 1543 году Петром Кринитом – итальянским гуманистом-неоплатоником, учеником Марсилио Фичино. Повеление «черни» держаться подальше от научных сочинений не является чем-то из ряда вон выходящим. Марсилио Фичино писал: «Божественные вещи непозволительно открывать черни». Ему вторил Пико делла Мирандола: «Хватит говорить о магии, ибо, я знаю, есть многие, которые осуждают и ненавидят то, чего не понимают, подобно собакам, которые всегда облаивают незнакомых». При этом под «чернью» здесь понимается не только и не столько простонародье – существовало и понятие «придворной черни». На первый взгляд удивительно, что Нострадамус атаковал астрологов, к числу которых принадлежал сам. Дело в том, однако, что его врагами были не все звездочеты, а лишь те из них, которые отказывали ему в праве на вдохновение, ставя во главу угла сухие цифры. Как мы увидим впоследствии, такие «формалисты» считали Нострадамуса своим злейшим врагом.

В том же 1557 году Нострадамус публикует свой альманах на следующий год, ни один экземпляр которого не дожил до наших дней. Весной он написал «Новое предсказание на

1558 год», которое вышло в Лионе у Жана Брото и Антуана

Волана и в Париже у Гийома ле Нуара. Книжка была посвящена Гийому де Гаданю, сенешалю Лиона, у которого Нострадамус гостил во время поездки в Париж в 1555 году. Тогда же он опубликовал у издателя «Пророчеств» Антуана дю Рона плоды своих изысканий студенческих лет – «Парафразу (перевод) Галенова увещевания Менодота в изучении изящных искусств, а также медицины». Труд предваряет довольно длинная эпистола, датированная 17 февраля 1557 года и посвященная барону де Ла Гарду. Вскоре доктор права Ольриас де Кадене, выходец из семьи нотариуса Тома де Кадене, в 1512 году вместе с отцом Нострадамуса обложенного налогом из-за еврейского происхождения, вынес резко отрицательное суждение об этом труде Нострадамуса. Последовал диспут в письмах, несколько фрагментов которого сохранились до наших дней.

1558 год принес новый виток полемики вокруг Нострадамуса и его сочинений: один за другим вышли три памфлета против провансальского предсказателя. Первым стало дополненное переиздание анонимного памфлета «Первая инвектива господина Французского Геркулеса против Монстрадамуса, переведенная с латыни». Автор вновь неистово сражается с «фанатичными (!) предсказаниями Монстрадамуса», обвиняя их автора в намерении нарушить монополию Всевышнего на знание будущего:

«Это [Божественное] преимущество и прерогативу некий безрассудный и безмозглый безумец, который вопит, как наскипидаренный, и оглашает свои предсказания на каждом углу, пытается приписать и присвоить себе. Словно человек, призванный в консисторию и совет Господа, как пророк наивысшей пробы, он предсказывает положение королей и императоров, их жизнь и смерть, начало войн и смут, их завершение, мир и союзы, положение городов и сообществ, перемены в королевствах, чуму, голод – короче говоря, все, что [только] Господь желает и может [свершить] в силу абсолютного могущества. А он уверен в [своих пророчествах] на все сто, с такой дерзостью, будто он может подчинить мир своей власти. И что же? Послушав его трескотню и пророчества [спросишь], не он ли производит грозы, дожди, град, ветер, морское волнение и штиль, усмиряет погоду, когда ему это покажется удобным, в назначенный день, час и столько-то минут? И этот несомненный лжец столь хорошо поддерживается простым легковерием людей (над которыми он царит посредством двух лукиановых тиранов – Надежды и Страха), что они целиком и полностью убеждены его двузначной и двусмысленной болтовней, будто небо, стихии, да и вся вселенная не осмелятся пренебречь или замешкаться в исполнении своих обязанностей в то время и в том месте,

которые сей благородный вольнодумец предначертал ей в своих колдовских альманахах».[71]

В том же году Лоран Видель публикует небольшой полемический трактат «Обличение злоупотреблений, невежества и подстрекательства Мишеля Нострадамуса», напечатанный в Авиньоне Пьером Ру и Жаном Трамбле. Вступление датировано 20 ноября 1557 года, а сама книга вышла в январе 1558 года тиражом 6 тысяч экземпляров. Видель, врач и астролог, работавший в Авиньоне и Лионе и сочинявший вместе с Клодом Фабри собственные сборники предсказаний, выступил не против «Пророчеств», как это делал Антуан Куйяр, но против альманахов и прогнозов последних лет. В центре его внимания – технические аспекты, на которых основываются астрологические прогнозы Нострадамуса. Приведем обширные цитаты из этого труда, весьма характерного для «формальных» критиков пророка того времени и всех последующих лет:

«Тебе не нужно ни прикрываться астрологией, потому что она не может научить таким бредням, ни глупить, отправляясь по ночам смотреть на звезды. Я хорошо знаю, что тем, кто хочет научиться астрологии, необходимо смотреть на небо, чтобы лучше узнавать неподвижные звезды и планеты, а также их движение. Но заявлять, будто нужно смотреть на небо, чтобы писать альманахи или производить расчет движения [планет], есть надувательство; ты в этом ничего не смыслишь. Если бы знал хоть какие-то принципы астрологии, ты бы знал, что не нужно выходить из кабинета, чтобы писать альманахи, потому что в наше время есть достаточно ученых и искусных людей, которые уже рассчитали для нас движение восьми небесных сфер. Но это материи слишком сложные для твоего ума, ибо ты определенно не умеешь рассчитывать ни по небесам, ни по каким-либо таблицам. Я не сбрасываю со счетов возможные возражения, как то: „А вдруг таблицы неправильно рассчитаны?“ Или: „Я не хочу принимать на веру, что та или иная планета находится в том или ином знаке, я хочу убедиться в этом на собственном опыте“. Все это верно, но когда я так говорю, то не надеваю на голову большое покрывало, равно как и не рисую под ногами круги, знаки и прочую ерунду, которая лишь вводит людей в заблуждение. Я просто-напросто беру мою астролябию или иной инструмент для замера высоты звезд или других необходимых расчетов.[72]

Один благородный и почтенный человек, достойный доверия, рассказывал мне однажды, что, отобедав в компании с врачом, ты сообщил ему [дату] его рождения, его имя, [дату] его брака и количество его детей. Не предстаешь ли ты великим

обманщиком, когда внушаешь другим, что делаешь все это благодаря астрологии? Но ты обманул сам себя, когда обнаружилось, что ты ничего не смыслишь в астрологии, а это со всей очевидностью следует из всех твоих сочинений. Это сильно подвело тебя, когда ты уклонился от составления натальных карт, в каковом деле ты не знал, с чего начать; сознавая это, ты составлял их по жребию. Та из них, которую я видел, составлена посредством геомантии, поскольку ты изобразил геомантические фигуры – *Populus, Amissio, Albus* и подобные им. Хотя она и смахивает на астрологическую, они отличаются, как небо от земли. Недавно я видел одну [карту], которую ты попытался сделать согласно астрологии, – она попала в руки одного их моих учеников, который, убедившись в твоем невежестве и глупости, передал ее мне. Ты являешь в ней такое незнание, что не сыскать второго такого же невежественного, как ты. Ты пишешь, что [событие, на которое рассчитана карта] произошло между полуночью и часом, но в чертеже поставил Солнце на восходе, хотя оно должно быть на линии полуночи (нижняя точка эклиптики, *Imum Coeli. – А.П.*) или немного выше ее. Погляди-ка, невежественный осел: ты хочешь, чтобы Солнце было одновременно и полуночным, и восточным; то, что должно находиться в четвертом доме, ты ставишь в первый, а что должно быть в первом, ставишь в десятый![73]

Верно, что ты в какой-то мере прав, когда говоришь, будто за тобой по пятам следует стадо скотов, поскольку речь идет о твоей тени. Скажу больше: те, кто следует за таким животным, еще большие скоты, чем ты полагаешь, и их следовало бы отправить на мельницы. Но ты являешь свое безрассудство, утверждая, что трое людей беспричинно клевещут на тебя перед монархами. Я так понимаю, что ты говоришь об авторах других альманахов, заявляя, что они лишены каких бы то ни было математических (здесь: астрологических. – *А. П.)* познаний. Отвечаю тебе, что они определенно лишены [знаний] Мекасефа (древнееврейское название колдуна, волшебника, чародея, в Вульгате переведенное как *maleficos,* а в Септуагинте *pharmakos;* аллюзия на Второзаконие, 18, 10–11: «…не должен находиться у тебя проводящий сына своего или дочь свою чрез огонь, прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебник и вопрошающий мертвых». – *А.П.*), который обучал Аббату (?) или кого-нибудь еще из того же теста, и в этом они [действительно] ничего не смыслят и не занимаются изучением этого – по крайней мере, я так думаю. В одном я уверен и отвечаю тебе за всех троих, что они столько знают о математике, сколько тебе никогда не узнать, потому что ты слишком поздно начал, да

и вошел не в ту дверь. Ты говоришь, что они не смогут проникнуть туда, откуда ты черпаешь свои познания. Они не занимаются такими делами, поскольку эти знания и наблюдения – безусловно зловредные пагубные суеверия, пусть даже таким невеждам, как ты, они кажутся божественными науками…[74]

[По твоей вине] большинство людей ныне полагают, что все, кто предсказывает или составляет прогнозы, используют магическое суеверие. Вот почему в своих посланиях я стремился показать, что настоящие астрологи не занимаются подобным колдовством, и, используя выражение «выходить за пределы астрологии», я намеревался лишь отвратить их от этого суждения. Мое мнение о тебе вовсе не было плохим, о чем знает множество добрых людей – когда меня спрашивали, хотя я знал о твоем невежестве, я всегда о тебе отзывался хорошо, и ради дружбы, которую я распространяю и на науку, я прощал тебе твои безумные предсказания. Так что тебе не следовало так чесаться при словах «выходить за пределы», будто ты чесоточный и шелудивый, как ты это сделал во всех своих предсказаниях на 1557 год. Это стало причиной того, что я отказался от какого бы то ни было доброго мнения о тебе. Присмотревшись к тебе, я понял, что ты – полный невежда и совершенный профан, особенно в возвышенных дисциплинах. Вот почему я присоединился к всеобщему мнению, что ты связан с чародейством, злыми духами, земной и скверной магией, будучи несведущим в магии естественной – священной, помогающей познать и полюбить Бога… Я никогда не был так уверен в том, что ты ее используешь, чем когда ты разозлился, будучи в этом обвиненным».[75]

Завершает этот критический ряд памфлет некоего Жана де Ла Дагеньера, еще более резкий, чем оба предыдущих. В названии его также обыгрывается имя провансальского пророка: «Чудовище кощунства *(Le Monstre d'abus),* изначально описанное на латыни магистром Жаном де Ла Дагеньером». Вышел он в Париже в типографии Барб Реньо. Возможно, однако, что на самом деле этот пасквиль был напечатан в кальвинистской столице Женеве и автор лишь прикрылся именем первой французской книгоиздательницы Барб Реньо – дочери Франсуа Реньо. С другой стороны, «настоящая» Реньо в 1563 году издала фальшивый альманах Нострадамуса. Особо отметим, что критика во всех известных нам случаях касается исключительно альманахов и не содержит никакого намека на «Пророчества».

Изобретательный Ла Дагеньер, помимо всего прочего, бросил Нострадамусу в лицо обвинение в еврейском происхождении; от его альманахов-де «за версту разит иудаизмом»: «Провансалец

[зовет тебя] „обманщиком“, „безумцем“, и (что намного чаще) – „обрезком“, словом, которое, как мне кажется, употребляют почти что исключительно в Провансе и которое используется для обозначения выходцев из племен и родов Иудеи. Это я узнал от тех, кто впервые начал использовать его по твоему адресу, и у них есть все резоны, причины и аргументы называть тебя таким образом».[76]

Помимо одиозности обвинения (не будем забывать, что в Провансе за использование прозвища «обрезок» по отношению к крещеным евреям полагалось суровое наказание), оно было еще и несправедливым. В отличие от многих магов позднего Возрождения – таких, как Корнелий Агриппа и Гийом Постель, – Нострадамус подчеркнуто держался в стороне и от иудаизма, и от каббалы. Он утверждал, что унаследовал пророческий дар от прапрадеда по материнской линии Жана де Сен-Реми – то есть от христианской ветви своего рода. Нигде и никогда он не упоминал о еврейских предках своего отца. Что же до каббалы, то ее Нострадамус порицал даже в личной переписке: «Что касается господина Ферье, который отрицает, что можно что-то узнать благодаря юдициарной астрологии, он сам увидит, верны ли его суждения. [Хотя] довольно странно [слышать подобное] от человека, который вдохновляется каббалой».[77]

Составленный в 1558 году альманах на следующий год не сохранился, однако существуют два его английских перевода. В том же году вышла стихотворная сатира «Французская песнь на взятие Гиня и Кале», посвященная взятию герцогом Гизом в январе 1558 года Кале и других крепостей – последнего оплота англичан во Франции. Анонимный поэт возмущается тем фактом, что Нострадамус удачно предсказывал только губительные для Франции события, в то время как успехи французского оружия его не интересовали. Анонимный поэт также именует пророка «Монстрадабусом» и обвиняет его в потворстве «бургундцам» и их хозяевам (бургундцы в Столетней войне были союзниками англичан, а потом – испанских Габсбургов):

ТОЛЬКО ГЛУПЕЦ ДОВЕРЯЕТСЯ МОНСТРАДАБУСУ

Ты изумляешься, почему сей великий лжец,
Монстрадабус, в своих новых сочинениях
Совершенно не был открывателем
Взятия Кале и других замков?
В былые времена, когда бургундцы
Портили воздух, он без промедления

Изрекал предсказания, что мгновенно
Разносились повсюду его приспешниками.
Если бургундцы захватывали голубятню
Или шестерку сапных и ледащих лошадей,
Или когда французы терпели неудачу,
Или случалось еще что-либо дурное,
Всем тут же говорили:
«Монстрадабус, конечно, это предсказывал».
Но теперь, когда фортуна повернулась другой стороной,
Его слава сразу обернулась против него.
И каждый говорит, что этот Монстрадабус
В былое время служил лишь кощунству.[78]

Поскольку таких памфлетов появлялось еще немало и их авторы с редким единодушием сулили Нострадамусу скорое фиаско, салонский астролог счел нужным ответить им. 14 августа 1558 года, спустя несколько дней после завершения работы над очередным альманахом, Нострадамус пишет посвящение Джакомо Марии Сале, наместнику кардинала Александро Фарнезе и папскому легату Авиньона. Произведение, посвященное церковнику, озаглавлено «О значении затмения, которое случится 16 сентября 1559 года». Оно представляет собой пространное толкование предстоящего лунного затмения, которому суждено, как пишет Нострадамус, открыть новую страницу в истории Франции. Он сообщает, что кровь прольется в немыслимых количествах, что религиозные раздоры ослабят страну и породят долгую гражданскую смуту. Пагубное влияние затмения, согласно Нострадамусу, продлится до 1560 года, а его последствия будут ощущаться вплоть до начала XVII столетия.

В этом же сочинении, обозвав своих критиков скотами и неучами, Нострадамус обвинил их в полном незнании предмета, о котором они взялись судить. В частности, он упрекнул «Французского Геркулеса» за то, что тот взял свой псевдоним из литературной классики, не упомянув источника: «Затмение будет таким сильным, что его влияние полностью уничтожит влияние трина (угла в 120 градусов между планетами. – А.П.), что может показаться невозможным некоторым тупым и невежественным ослам, которые говорят о себе, что дали обет знать все, а [не знают] ничего и которые со всей своей клеветой и хулой будут брошены в огонь, как низкопробное серебро. Их злобная натура находит занятие лишь в том, чтобы злословить пером и устами. Но их грубый язык и дурные проклятия падут на них к их же великой погибели и конфузу. Это про них писано, они хотят

ощипать красивую птицу, чтобы вырядиться в ее перья. Следует оставить их как они есть, а именно – ослами, ведь это животное присвоило себе звание философа, которое Марк Цицерон, отец римского красноречия, с его столькими добрыми заветами философии, не осмеливался себе присвоить. Это грубое животное столь дерзко и тупоумно, что именует себя философом.

Я уверен, что, кто бы ты ни был, ты поступаешь слишком глупо, используя цитаты из Боккаччо, и уверяю тебя, что если бы ты был философом, за которого себя выдаешь, ты бы не вставлял их в альманах… Что заставляет тебя клеветать на того, кто не делает и не говорит дурного никому в мире? Ведомо мне, что такова твоя натура, и знающим тебя хорошо известно, что ни разу в твоей жизни твой язык не изрекал ничего хорошего ни о ком. Должно быть, ты – тучное и горделивое животное наподобие быка, весьма похожее на то, которое я описываю.

Здесь не место для апологии, в которой я чуть более пространно сделаю внушение тебе и твоим приверженцам. Довольствуйтесь тем, что написано тут. И, возвращаясь к тому, с чего начали: «Поскольку этот аспект, то есть аспект Юпитера и Венеры, по причине противостояния этой другой планеты» уходит, чтобы продолжиться дальше, он не доходит до места затмения, «потому что он уничтожает благотворную силу Юпитера и Венеры по причине оппозиции этой другой планеты». Но сей еретик, или скорее ересиарх этого не разумеет, а еще меньше [это понимает] тот дерзкий дурак, то грубое животное, которое титулует себя философом, не зная дельфийского речения, согласно которому самое трудное в мире – это познать самого себя. О тупейшая скотина, ты не можешь оспорить, что ты – скотина и есть, слишком глупая, чтобы включить в своем невежестве и незнании уведомление, что ты заимствовал [свой псевдоним] из «Генеалогии богов» Боккаччо, где он говорит о поэтических сочинениях, [а также] из Палефатова "De *non credendis fabulosis narrationibus* " и Гигинова "De *rebus celestibus*"».

Отметим, что бранная лексика Нострадамуса и его оппонентов была вполне обычной для того времени – в интеллектуальном поединке стороны слов не выбирали, и начало этому положили еще итальянские гуманисты, нередко печатно именовавшие своих оппонентов «тупицами», «негодяями», «содомитами» и так далее.

Несмотря на резкую критику, популярность Нострадамуса оставалась на чрезвычайно высоком уровне. Его альманахи циркулировали во всех слоях общества. Простые люди покупали их ради сельскохозяйственных рекомендаций. Жиль де Губервиль, нормандский провинциальный помещик, занимался

исключительно земными вещами: выращиванием яблок, лошадей, баранов, изготовлением сидра, охотой, своей семьей и самим собой. В общем, этот человек читал не больше, чем требовали от него его немудреные занятия. Тем не менее в его дневнике, охватывающем период с 1558 по 1562 год, четыре раза упоминается Нострадамус:

«29 ноября 1558 года. Нострадамус говорит в своем альманахе, что в этот день надо прилежно работать.

19 ноября 1560 года. Сен-Сансон ездил в Байе… и привез альманах Нострадамуса, который стоил 8 денье…»[80]

Что касается высокопоставленных читателей, то они в первую очередь интересовались глобальными событиями, в указаниях на которые у Нострадамуса недостатка не было. Знаменитый маршал Блез де Монлюк рассказывает в своих мемуарах, что 21 июня 1558 года герцог де Гиз, руководящий осадой Тионвиля, был близок к взятию города. Он послал курьера, который должен был сообщить королю Генриху II о скорой победе. Курьер прибыл к монарху в тот же день. Оказывается, что «Его Величество накануне велел прочесть ему предсказания Нострадамуса и узнал, что завтра его ожидают добрые вести… На следующий день город сдался. Можно назвать это бреднями, если бы я не видел многих подобных вещей, связанных с этим человеком…». [81] Отметим доверие к провансальскому предсказателю со стороны крупного полководца, как и то, что король, оказывается, каждый день читал альманахи Нострадамуса.

Генриху II Нострадамус посвятил третье, законченное издание своих «Пророчеств». Именно эта книга являет собой камень преткновения исследователей жизни и творчества Мишеля Нострадамуса. Дело в том, что до наших дней дошли лишь посмертные издания, напечатанные в 1568–1588 годах. В то же время послание к Генриху II, предваряющее последние три центурии последнего издания, датировано июнем 1558 года (в начале письма упомянута более ранняя дата– март 1557-го). Прочел ли король, погибший летом 1559 года, послание Нострадамуса? В ноябре 1560 года посол Венеции в своем донесении процитировал катрен из десятой центурии; это показывает, что последние три центурии были написаны до этой даты, хотя могли расходиться и в рукописных копиях. В настоящее время библиографы предполагают, что в 1558–1566 годах вышло не менее четырех изданий «Пророчеств», ни одного экземпляра которых до наших дней не сохранилось. Скорее всего, некоторые из них уже содержали все 942 катрена и оба послания – Сезару и Генриху II.

Как бы то ни было, летом 1558 года Нострадамус закончил

работу над своими «Пророчествами» и более к ним не возвращался. В октябре того же года умер Жюль Сезар Скалигер – друг и наставник Нострадамуса в аженский период его жизни. К моменту своей кончины он рассорился с бывшим учеником и писал на него злобные эпиграммы. Астрология тут ни при чем: известно, что Скалигер хорошо относился к этой науке и хвалил многих астрологов (например, Луку Гаурико). Причиной ссоры была, очевидно, банальная ревность к чужой славе.

1559 год стал прологом к грандиозной смуте, вошедшей в историю Франции под названием Религиозных войн. В конце царствования Генриха II экономика страны дала трещину – сказывались многолетние войны вкупе с непомерными аппетитами королевской фаворитки Дианы де Пуатье и ее окружения. 7 февраля Нострадамус закончил работу над альманахом на 1560 год, который впоследствии был напечатан в Париже у Гийома Ле Нуара. Посвящен он был его старинному другу – Клоду Савойскому, графу де Танду, губернатору Прованса. Полемизируя с хулителями, Нострадамус поместил в начало альманаха латинскую поговорку *«Carpet citius aliquis quam imitabitur»* – «легче порицать, чем подражать». Он опубликовал также другой прогноз, озаглавленный: «Большое новое предсказание на 1560 год», напечатанное в Лионе Жаном Брото и Антуаном Воланом. Оно посвящалось монсеньору де Савиньи, королевскому генерал-лейтенанту Лионской провинции.

Глава седьмая
ВОЙНА НА ПОРОГЕ

В апреле 1559 года Генрих II был вынужден заключить мир с Испанией и ее союзниками. По соглашению в Като-Камбрези Франция лишалась всех захваченных ею земель, а династия Валуа вступала в личный союз с испанским королем. Сестра Генриха Маргарита выходила замуж за герцога Савойского, а дочь Елизавета – за Филиппа II. Мир в Като-Камбрези знаменовал окончание многолетних Итальянских войн и одновременно начало смуты во Франции. Падение уровня жизни населения в сочетании с колоссальными тратами двора привело к подъему гугенотского движения. На юге страны дворяне-кальвинисты начали захватывать церковные владения. Ответом на это стали погромы протестантов, прошедшие в Париже во время Великого поста.

Огромная армия была распущена по домам. Тысячи людей, умеющих только грабить и убивать, остались не у дел. Логика событий подсказывала необходимость передела земли, чтобы обеспечить ветеранов работой и доходом. Но крупные сеньоры, духовные и светские, не собирались идти навстречу «попрошайкам», как они называли солдат и офицеров, многие из которых годами не получали жалованья, питаясь за счет военной добычи. В итоге правительство бросило демобилизованных солдат на произвол судьбы, а недовольным пригрозило виселицей. Обездоленные вояки стали легкой добычей противоборствующих сторон – как католиков, так и гугенотов, – что вкупе с экономическим банкротством страны способствовало началу гражданских войн.

2 июня 1559 года в Экуанском замке король подписал эдикт, фактически ставивший гугенотов вне закона. Однако эдикт натолкнулся на неожиданное сопротивление в Парижском парламенте, советник которого Анн Дюбур резко выступил против короля. Генрих пришел в ярость и бросил «хулителей короны» в тюрьму. В ходе торжеств в честь двойной династической свадьбы 1 июля был устроен рыцарский турнир – явный анахронизм для той эпохи, допущенный из любви к красивым зрелищам и ностальгии по «добрым старым временам». В одном из поединков приняли участие капитан шотландской гвардии Габриэль Монтгомери и сам король. По роковой случайности, обломок копья Монтгомери попал в прорезь королевского шлема, выбил Генриху II глаз и нанес ему тяжелую

мозговую травму. 10 июля король умер, завещав своему преемнику, юному и болезненному Франциску II, защищать католическую веру. Франция содрогнулась. Юность наследника престола заставила многих вспомнить слова Екклесиаста: «Горе тебе, земля, когда царь твой отрок» (10.16).

В позднейшей литературе утверждается, что современники увидели в гибели короля реализацию пророчества Нострадамуса, изложенного в катрене 1—35:[82]

> Le lyon jeune le vieux surmontera,
> En champ bellique par singulier duelle,
> Dans caige d'or les yeux luy crevera:
> Deux classes une, puis mourir, mort cruelle.
>
> Молодой лев победит старого
> На ратном поле в одиночном поединке.
> В золотой клетке выколет ему глаза.
> Из двух флотов – один, затем умрет жестокой смертью.

У нас нет никаких свидетельств, что этот катрен увязывался со смертью короля при жизни Нострадамуса (первые зафиксированные утверждения об этом появились лишь в XVII веке). Однако он так часто упоминается адептами Нострадамуса как неоспоримое свидетельство его пророческого дара, что следует остановиться на нем подробнее.

Во-первых, нет никакого удовлетворительного объяснения «золотой клетке». Многие считают, что имеется в виду парадный золоченый шлем, но ни в одном документе не говорится, что король на турнире был в таком шлеме. Во-вторых, в катрене явно идет речь о выкалывании обоих глаз; король же погиб не по причине ослепления, а вследствие проникающего ранения головы. В-третьих, слово «флоты» *(classes* – от латинского *classis)* в последней строке совершенно не увязывается с историей смерти Генриха II. Наконец, можно ли считать Генриха «старым львом», если королю тогда было только 40 лет?

Очевидно, что в катрене 1—35 идет речь о событиях, весьма далеких от того, что на самом деле произошло 1 июля 1559 года. Не исключена его связь с катреном 6—77:

> Par la victoire du deceu fraudulente,
> Deux classes vne, la reuolte Germanie,
> Le chef meurtry & son fils dans la tente,
> Florence, Imole pourchassez dans Romaine.

После победы, одержанной обманом,
Из двух флотов – один, германский бунт.
Умерщвлены вождь и его сын в шатре,
Флоренция, Имола изгнаны в Романью.

Сам Нострадамус утверждал, что на гибель Генриха указывает совсем другой катрен. В альманахе на 1562 год он опубликовал послание к своему другу Жану де Возелю, который, по словам Нострадамуса, правильно понял многие его пророчества, такие, «как, например, „в год, когда во Франции будет править одно око, семя Блуа убьет своего друга“…».[83] Речь идет о катрене 3—55:

En l'an qu'un oeil en France regnera,
La court sera a un bien fascheux trouble:
Le grand de Bloys son ami tuera:
Le regne mis en mal & doute double.

В году, когда во Франции будет править одно око,
Двор будет ввергнут в весьма тягостное смятение.
Великий из Блуа убьет своего друга;
Царство ввергнуто во зло и удвоенный страх.

Очевидно, что Нострадамус задним числом заменил слово *grand* (великий) на *grain* (семя), чтобы связать предсказание с Монтгомери, который за службу королю получил земли в Блуа. Шотландского капитана никак нельзя было назвать «великим», хотя другом Генриха II он тоже мог считаться лишь с явной натяжкой.

Праздник сменился трауром. Жениха принцессы Елизаветы, Филиппа II Испанского, в Париже в те дни не было; он прислал вместо себя герцога Альбу, который представлял его во время бракосочетания. 26 августа английский посол в Испанских Нидерландах сэр Томас Челлонер сообщил государственному секретарю сэру Уильяму Сесилу, что испанский флот отплыл из Антверпена с монархом на борту:

«В минувшую пятницу король отправился со всем своим флотом в Испанию с очень слабым восточным ветром, близким к штилю, достаточным, однако, для того, чтобы он радостно попрощался с нами, словно слишком длительное пребывание здесь было ему в тягость. У него было 20 испанских и бискайских судов, 30 голландских галионов и 40 парусников меньшего типа. Он собирается высадиться в первой же части Испании, которой

достигнет… Этот глупый Нострадамус с его угрозами бурь и кораблекрушений в этом месяце сильно напугал моряков.[84] И действительно, в альманахе Нострадамуса на 1559 год август отмечен как месяц, чрезвычайно опасный для навигации…

Брак Эммануила-Филиберта Савойского и Маргариты Французской 9 июля был отмечен более чем скромно. Коронование Франциска II имело место двумя месяцами позже в Реймсе (18 сентября), после чего герцог Савойский и его окружение направились в Ниццу. 21 сентября, узнав, что в его владениях бушует эпидемия чумы, герцог решил не спешить и остановился в Салоне, чтобы пообщаться со знаменитым Нострадамусом. Он появился в Салоне в октябре, но Нострадамуса там не было: провансальский врач отбыл в Нарбонн по делам. По пути он заехал в Безье по просьбе епископа Лоренцо Строцци, в 1557 году получившего сан кардинала. Епископ страдал от приступов головной боли, а также болей в плечах, ногах и желудке (возможно, речь идет об артрозе). Нострадамуса не остановила чума, унесшая в октябре в Безье 7–8 тысяч человеческих жизней, о чем сообщает в своих хрониках Сезар де Нотрдам.[85] Он посетил больного, осмотрел его и оставил подробное врачебное предписание, предваренное ссылками на астрологию «юдициарную и естественную». Предписание[86] сводилось к прижиганию (каутеризации) ног, имевшему целью вызвать истечение из них жидкости и вместе с нею недуга. Это лечение не помогло и, хотя епископ пережил самого Нострадамуса, он до конца жизни страдал от своей болезни.[87] Необходимо отметить, что прижигания были широко распространены в галеновой медицинской традиции и практиковались врачами вплоть до Нового времени.

В декабре Нострадамус был уже в Салоне. В этом месяце там сделала остановку принцесса Маргарита, которая следовала за мужем с многочисленным штатом придворных. В XVI веке уже было принято торжественно встречать важных особ с приветственными адресами. Как всегда, эрудиция Нострадамуса оказалась востребованной: магистраты и дворянство поручили ему составление приветственного адреса принцессе. Среди латинских строк, сочиненных Нострадамусом, были такие: *«Sanguine Troiano, Troiana stirpe creata, et Regina Cypri»* (Дочь троянской крови и троянского корня, королева Кипра). Согласно распространенной со времен Средневековья традиции, все три французские королевские династии (Меровинги, Каролинги и Капетинги) ведут свое происхождение от Франка, сына троянца Гектора и потомка Венеры Киприды. Номинальный титул королей Кипра, давно захваченного турками, сохранял Савойский дом,

поэтому сестра Генриха II Маргарита Валуа, став женой герцога Савойского, именовалась кипрской королевой.

Принцесса остановилась в замке Эмпери, резиденции кардинала Ленонкура, только что назначенного архиепископом Арльским; замок был владением примасов этой епархии. Маргарита Французская лично встретилась с предсказателем и беседовала с ним. Сезар Нострадамус рассказывал, как дворянин, который присутствовал при всех этих событиях, уверял его, что принцесса очень долго разговаривала с его отцом и «оказала ему большую честь, последовав в этом по стопам королевской добродетели Франциска Великого, ее родителя».

В этом рассказе Сезара сомневаться не приходится; более чем вероятно, что Нострадамус действительно встречался с Маргаритой Савойской, которой он в начале следующего года посвятил свой очередной альманах. Канцлер Мишель де л'Опиталь, сопровождавший принцессу[88] во время этой поездки в Ниццу, сам уроженец Савойи, рассказал в 1560 году об этой поездке в своей поэме *Iter Nicaeum* («Дорога в Ниццу» или «Путь победы»). Вот что он пишет о знаменитом обитателе Салона:

> Вдали появились крыши каменистого Салона.
> Здесь лжет Нострадамус, вещая двусмысленные оракулы вопрошающим его людям,
> Со своими речениями он уже царит в умах и сердцах суверенов и знати (какое безумие!)
> Это ясновидение – не от Бога,
> Ибо смертным не дозволено предвидеть грядущие события.[89]

Конечно, канцлер предпочел бы, чтобы суверены прислушивались к речам министров, а не предсказателей…

В 1559 году под именем Нострадамуса вышла еще одна книжка – «Превосходный трактат о болезнях». Французское издание до сих пор не найдено, но в Оксфордской библиотеке сохранился английский перевод *(An excellent Tretise, shewing suche perillous, and contagious infirmities, as shall insue 1559 and 1560 with the signes, causes, accidentes, and curation, for the health of such as inhabit the 7, 8, and 9 climat compiled by Maister Michael Nostrodamus, Doctor in Phisicke, and translated into Englysh at the desire of Laurentius Philotus, Tyl.)*. В предисловии, датированном 12 августа 1558 года, автор обращается к Аманье де Фу, епископу Макона. Сообщается, что трактат написан по пожеланию означенного епископа, который, ознакомившись с альманахами Нострадамуса, 26 мая 1558 года прислал ему письмо с просьбой опубликовать

результаты своих медицинских штудий – они-де пригодятся всем добрым людям в следующем году, в котором, как следует из тех же альманахов, надо опасаться эпидемий самых разных болезней, в том числе и смертельных. За предисловием следует десяток глав с описанием разных болезней и способов их лечения. Однако в момент публикации книги епископ Аманье был давно уже мертв! После же ознакомления с так называемыми рецептами (безграмотными и бесполезными) не остается сомнений, что перед нами – подделка, попытка издателей заработать на имени Нострадамуса.

Осенью 1559 года советник парижского парламента Анн дю Бур, арестованный по приказу Генриха II за симпатии к протестантам, неоднократно обращался к властям предержащим с просьбой о своем освобождении. Все его обращения остались без ответа; более того, в сентябре кардинал Парижа приказал удвоить охрану дю Бура, ибо, по его мнению, готовился заговор с целью освобождения последнего. На это якобы указывала строка из катрена Нострадамуса, помещенного в альманахе на соответствующий период: «…добрый Бур будет далеко». Свидетельствует современник:

«В те же дни посредством прокурора Дюрана, коему по недосмотру было адресовано письмо, которое он тут же доставил председателю Сент-Андре, было установлено, что некие друзья советника дю Бура собираются попытаться освободить его из заключения, условия которого по этой причине были ужесточены, вплоть до помещения его в железную клетку, в ожидании извещения кардинала. А поскольку Нострадамус, астролог и заклинатель бесов, написал ранее в своих предсказаниях „добрый Бур окажется далеко“, то кардинал, жаждущий крови этого человека (дю Бура), приказал усилить его охрану, да так, что если кто-нибудь, проходя мимо Бастилии, останавливался, ему грозило самому оказаться узником…»[90]

С февраля следующего года Нострадамус начал писать очередной альманах – на 1561 год, который был предназначен для публикации в Париже у Гийома ле Нуара. Посвятительное предисловие, как уже отмечалось, было адресовано Маргарите Савойской. Однако получилось так, что альманах вышел уже осенью – издателям, да и самому автору было не до него. В жизнь Нострадамуса и миллионов его сограждан ворвалась гражданская война. Уже в 1560 году столкновения на религиозной почве усилились. В то время как основная масса населения оставалась католиками, дворяне и интеллектуалы охотно переходили в кальвинизм. Даже те из них, кто не отрекался от католической веры, высказывали большую или меньшую симпатию новым

религиозным веяниям. Новые идеи, однако, вызывали неприятие у простых горожан и особенно крестьян, которые, подогреваемые проповедями фанатично настроенных священников, видели в них угрозу вековым устоям жизни. Все, кто выделялся из общего ряда, занимаясь такими «сомнительными» науками, как натурфилософия или астрология, подозревались в несогласии с церковными догмами. В силу этого на Нострадамуса с самого начала конфликта многие смотрели как на заблудшую овцу – то ли тайного иудея, то ли лютеранина или кальвиниста (простонародье плохо разбиралось в различиях между направлениями протестантизма). Тем более что среди сторонников протестантских течений тоже было немало христиан еврейского происхождения…

Хотя Нострадамус и не был гугенотом, он пребывал в хороших отношениях с местным нобилитетом и интеллектуальными кругами – например, с семьей д'Озье, Крапонами и родственниками его супруги Понсарами. Первый консул Салона, Паламед Марк, был личным другом предсказателя. Все эти люди оказались последователями протестантизма, и с началом религиозного конфликта дружба с ними стала опасной. Даже предельная осторожность не избавляла Нострадамуса от подозрений, а, скорее, усугубляла их. Так, в одном из альманахов Нострадамус осуждает реформатов, чья религия «больше похожа на иудаизм, чем на христианство». Однако для антисемита такие слова в устах крещеного еврея – скорее похвала, чем осуждение. Да и более подробные ортодоксальные рассуждения в посланиях Сезару и Генриху II не могли защитить пророка от возбужденной, фанатично настроенной толпы неграмотных крестьян…

Как пишет Сезар Нострадамус, его отец чуть было не разделил судьбу своего друга, нотариуса Этьена д'Озье, который, будучи заподозренным в принадлежности к новой религии, подвергся нападению «бушлатов» и позднее умер от побоев (его топтали ногами). «Бушлатами» *(cabans)* в Салоне и других городах Прованса называли крестьян из окрестных деревень из-за длинных курток серого цвета с рукавами и капюшонами, которыми они зимой покрывали головы.

Погромы и убийства начались с того, что сторонники нового культа «ввели в обращение» лютеранские песнопения, которые их дети распевали на улицах и в местах для прогулок. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы католические фанатики учинили погром. Явных протестантов пришлось даже заключить в тюрьму, чтобы спасти от самосуда толпы. Безусловно, во многом дело было не в религии, а в политике. Католики Салона пытались

захватить власть в городе, используя «бушлатов» как весомый рычаг давления, в то время как «лютеры» из числа дворян и буржуазии оказались не готовыми к такой игре. 1 мая 1560 года сельское население устроило беспорядки, спровоцированные Луи Вилерменом-Курнье и другими лидерами католической партии. Селяне собрались на пути от площади Бур-Неф до площади дез Арбр, выкрикивая: «Ура религии! Долой лютеров!» Большая часть крестьян была вооружена большими палками, чьи концы увенчивались крестами из белой бумаги. В качестве отличительного знака они втыкали в волосы или в головные уборы петушиные перья. Не тратя времени на митинги и речи, «бушлаты» устремились к домам заподозренных в лютеранстве, выволокли их жителей на улицу и, подгоняя палками, потащили в тюрьму в замок Эмпери, не прекращая скандировать: «Долой лютеров! Ура „бушлатам“!»

По сообщению Сезара Нострадамуса, беспорядки длились около пяти дней. Окна домов горели по ночам ярким светом, чтобы освещать путь смутьянам, которые беспрерывно маршировали по улицам под звуки барабанов и труб, выкрикивая угрозы в адрес «лютеров». Их заводила Виллермен-Курнье находился в смертельной вражде с Антуаном Марком Триполи, также заподозренном в принадлежности к новой религии. По злосчастному совпадению, Антуан Марк был близким другом Нострадамуса. О последствиях этого рассказывает Сезар:

«Так как былые обиды сделали эту неприязнь непримиримой – один был из дворян, другой из народа, – случилось так, что 2 июля, в первый день нон, посвященный Посещению Богородицей святой Елизаветы, Виллермен был сражен пулей из аркебузы и час спустя помер. Тотчас же слух начал шириться, бежать и облетать город, переходя из ушей в уши и из уст в уста. Взволнованно сообщали, что убили и первого консула и что лютеране вознамерились захватить город. В этом столкновении „бушлаты“ выступили с большими напором и наглостью, чем ранее. Они шли, как дикие звери, с воем, роняя пену, как кабаны, с оружием, с вероломными криками и кровавыми угрозами стереть с лица земли лютеранские дома и взять на шпагу всех подозреваемых… Они били в колокола всех церквей и в набаты всех колоколен, как если бы город охватил пожар или враги уже подкопались под городские стены».[91]

Этот второй мятеж «был поистине ужасен», хотя в нем было «больше беспорядка, страха и шума, чем крови, несчастий и разрушений». К счастью, подошло время жатвы. «Бушлаты» большей частью оставили город, а «оставшихся было так мало, что их легко привели к повиновению – уговорами или силой».

Можно себе представить, что испытывал маленький Сезар вместе со своей семьей в дни беспорядков, если через полвека он описывал события так ярко и экспрессивно. Между прочим, сын предсказателя упоминает, что его семейство также подверглось грабежам и вымогательству.

Сражения происходили не только на городских улицах, но и на бумаге. В 1560 году вновь активизировался былой критик Нострадамуса Антуан Куйяр – автор первой пародии на «Пророчества». Его новый памфлет был озаглавлен «Опровержение сеньором дю Павийоном лживых и непотребных пророчеств Нострадамуса». Как сообщает сам автор, сей труд был задуман им еще в 1555 году. Интересно, что автор упоминает имя Нострадамуса уже в названии своей книжки – разумеется, чтобы заинтересовать покупателя, учитывая широкую известность салонского пророка. Сам труд представляет собой искреннюю попытку опровергнуть пророчества Нострадамуса, а также и других астрологов, осмеливающихся предвещать глобальные события. С особым удовольствием он издевается над астрологическими предсказаниями больших перемен в Европе около 1789 года. Без сомнения, Куйяр имеет в виду строки из послания Нострадамуса Генриху II, ставшими знаменитыми после Французской революции: «Начиная с этого года будет организовано величайшее гонение на христианскую церковь, какого не бывало [даже] в Африке, и оно продлится до 1792 года, который будут полагать [годом] возобновления века».

В сентябре 1560 года вышел другой памфлет, на этот раз в Лондоне, подписанный Уильямом Фулком (1538–1589): «Антипрогностикон, или Инвектива против тщетных и бесполезных предсказаний астрологов вроде Нострадамуса» *(Antiprognosticon that is to saye, an Invectiue agaynst vayne and unprofitable predictions of the Astrologians as Nostrodame)*. Допустив ошибку в имени Нострадамуса (Фулк пишет ее через два «о»), автор возмущается безапелляционностью пророчеств провансальского «волшебника» и легковерием народа:

«Надо ли умалчивать, с какой нерадивостью народ, соблазненный смешными пророчествами Нострадамуса, в прошлом [1559] году отдавался отправлению Господнего культа? Боже милостивый, какой трепет! какой страх! какое напряженное ожидание! какое опасение того, что все будет потрясено сверху донизу, до того, что почти никто из тех, кто придает некоторое основание предсказаниям, не осмеливался исповедовать религию или веру, скрытую в своем сердце. Ибо Нострадамус со своими пророчествами царит здесь столь тиранически, что без его предсказаний ничего не делается. Знаете, что говорит чернь?

„Сегодня римский епископ непременно будет исключен из Парламентского совета; завтра королева получит титул высшего главы государства; через двадцать дней все пойдет прахом; не пройдет и месяца, как случится Страшный суд!“ Так что если бы проповедники Божественного Глагола не делали бы строгих внушений народу, который повсюду верит предсказаниям, то не было бы конца напряженному ожиданию и трепету.

Но до чего же ловок этот Нострадамус, облекающий свои пророчества в столь темные и малопонятные обороты, что никто не может извлечь из них смысл или определенное значение! О да, он явно наслышан об оракулах Аполлона в Дельфах, которые сатана через посредство идола поверял тем, кто вопрошал о советах, а именно о двусмысленных безапелляционных оракулах, которые могли осуществиться тем или совершенно иным способом, как тот, который был дан Пирру: *"Aio te, Aeacida, Romanes vincere posse "*» (знаменитый двусмысленный ответ дельфийского оракула эпирскому царю Пирру, приведенный Цицероном в трактате «О предсказаниях» (2,56) означающий либо «Эакид (то есть Пирр) может победить римлян», либо «Римляне могут победить Эакида». – *А.П.*).[92]

К тому же 1560 году относится поездка Нострадамуса в Лион, во время которой он предсказал этому городу серьезные невзгоды. Свидетельство об этом пророчестве тем более ценно, что исходит от критика Нострадамуса, каноника Габриеля Саконе:

«За два года до первой смуты [1562 года] Нострадамус во время пребывания в Лионе был приглашен отобедать в хорошей компании в одном из самых красивых и высоких домов в городе. После обеда он высунул голову в окно и некоторое время стоял, созерцая город, который был виден оттуда почти целиком. Когда его спросили, о чем он думает, он ответил: „Я смотрю на эту красивую церковь Святого Иоанна, разрушение которой предопределено, и, хотя она и находится под Господней защитой ввиду богослужений, которые совершаются в ней столь благоговейно, от нее скоро не останется камня на камне“. И пусть теперь не говорят, будто сатана непричастен к замешиванию этих козней, поскольку он так хорошо предуведомил о них своего любимчика Нострадамуса».[93]

Во время Религиозных войн, 30 апреля 1562 года, собор Святого Иоанна действительно был разграблен и осквернен реформатами. Саконе своими глазами видел, с каким ожесточением гугеноты уничтожали образа, о чем написал в 1569 году: «Один из их главарей по имени Руфи, вооруженный двуручным мечом, который он носил на свои проповеди, вошел со

своими спутниками в большой собор Святого Иоанна, где сбил и растоптал изображение Распятия».[94] Через три года Саконе написал другую антипротестантскую книгу, в которой сообщил о предсказании покойного пророка: «Нострадамус предсказал времена, когда гугеноты взбунтуются – быть может, под влиянием звезд, или же сатана, которых их вел, предуведомил его».[95]

Но это было позже, а пока слухи о грозных пророчествах Нострадамуса продолжали разноситься по Европе. Ламарк, камердинер французского двора, был отправлен в Шотландию, чтобы справиться о состоянии здоровья Марии Лотарингской. Однако 9 января 1560 года английские власти арестовали его по подозрению в шпионаже. Томас Рэндольф, английский чиновник, в письме военному казначею сообщает о багаже Ламарка: «С собой он привез три книги: одна – из самых папистских, которые когда-либо были написаны; другая о любви, для поддержания его ослабленного духа; третья – предсказания почтенного Нострадамуса на этот год. Я бы отправил ее Вам, но и здесь слишком многие верят подобным глупостям».[96] Католический памфлет, любовный роман и книжка Нострадамуса – вот вся библиотека одинокого француза в чужой стране…

Летом или осенью 1560 года у предсказателя появился секретарь по имени Жан де Шевиньи. Долгое время его отождествляли с первым биографом Нострадамуса Жаном-Эме де Шавиньи, выпустившим в 1594 году книгу «Первый лик французского Януса». Она стала первым систематизированным трудом, посвященным трактованию катренов. Шавиньи озаботился поиском параллелей между пророчествами и событиями французской истории; в предисловии он пообещал в скором времени выпустить другую книгу – «Второй лик французского Януса», которая должна была быть посвящена толкованиям катренов, касающихся будущих событий. Эта книга так и не увидела свет.

«Янус» написан на хорошем французском языке с полным параллельным латинским переводом, также выполненным на высоком уровне. Судя по всему, Жан-Эме де Шавиньи был хорошо образован для своего времени; он вскользь говорит, что учился у королевского поэта Жана Дора. Впрочем, больше о себе он почти ничего не сообщает – мы даже не знаем его возраста к моменту написания «Януса». Двуязычность книги открыла пророчествам Нострадамуса путь в общеевропейскую культуру. К 1594 году Нострадамуса уже 28 лет как не было на свете; его громкая слава, которой он был обязан исключительно своим альманахам, переводившимся на немецкий, итальянский и английский языки, осталась позади. Шавиньи, снабдив «Януса» латинским

подстрочником, сделал «Пророчества магистра Мишеля Нострадамуса» достоянием всех грамотных европейцев, для которых латынь являлась языком международного общения на огромном пространстве от Испании и Британии до Речи Посполитой и Московии.

Книга Шавиньи предваряется пространным рассказом о жизни прорицателя, выполненным в стиле жизнеописаний древнеримского историка и биографа Светония. Биография носит идеализированный характер, как, собственно, большинство подобных сочинений того времени. Рассказ Шавиньи, утверждающего, что он был учеником и секретарем Нострадамуса в последние годы жизни прорицателя, естественно, вызывает доверие. Тем более что книга Шавиньи содержит первую в истории биографию Нострадамуса и первый подробный рассказ об участии Нострадамуса в борьбе с эпидемиями чумы на юге Франции, а также об его ученых дедах, якобы научивших будущего пророка астрологии и другим наукам, о теплых отношениях между Нострадамусом и королевской семьей и прочие сведения, которые впоследствии легли в прочный фундамент легенды о Нострадамусе. У Шавиньи же опубликован и рассказ о первом браке Нострадамуса, в котором он прижил двоих детей и который трагически окончился гибелью всей его семьи от чумы. То же касается и обстоятельств смерти самого Нострадамуса, якобы предсказанной им самим, и его религиозных взглядов, бывших, по утверждению Шавиньи, ультракатолическими. Все эти эпизоды впоследствии некритично заимствовались сотнями авторов во Франции и за ее пределами. Почти все книги на русском языке, посвященные Нострадамусу и его пророчествам, в своей биографической части так или иначе отталкиваются от «Януса» – разумеется, речь идет не о прямых, а о косвенных заимствованиях.

В том, что касается катренов (письма королю Генриху II и сыну Сезару Шавиньи игнорирует), автор применяет весьма спорные методы. Во-первых, сообщает он, катрены из альманахов описывают события отнюдь не 1555–1567 годов, как, собственно, следует из самой сути этих изданий, а других времен. Во-вторых, по его утверждению, центурий всего не 10, а 12, однако последние две остались незавершенными; Шавиньи предлагает читателю эти апокрифы общим числом 13 катренов. Число центурий, по Шавиньи, противоречит словам самого Нострадамуса, который в послании Генриху II четко и ясно возвестил, что посвящает монарху «три центурии остатка моих пророчеств, завершающие мириад». Мириад – это тысяча, а не 1200. В-третьих, Шавиньи «препарирует» катрены, разбивая их не

только на строки, но и на полустрочия, привязывая полученные фрагменты к событиям истории и местностям, отстоящим друг от друга на десятки лет и тысячи миль. И если некоторые лексические и исторические сведения, приводимые Шавиньи в комментариях, никак нельзя назвать бесполезными, то вольность его обращения с оригинальными текстами Нострадамуса вызывает возражения. Но, в конце концов, книга написана четыреста с лишним лет назад и в наши планы не входит спор с ее автором о методах трактовки катренов (к слову сказать, катрены из нескольких не дошедших до наших дней альманахов сохранились именно благодаря Шавиньи). Необходимо провести четкую границу между правдой и вымыслом, определить, чему у Шавиньи можно верить, а чему – нет.

При прочтении биографии Нострадамуса в изложении Шавиньи возникает множество вопросов. Например, на первой же странице этого жизнеописания Шавиньи безапелляционно заявляет, что Нострадамус не был евреем по происхождению; такое заявление нужно Шавиньи, чтобы, как он пишет, «заткнуть рот некоторым завистникам, которые проклинали его… не зная правды». Однако как раз эта сторона родословной Нострадамуса не вызывает разногласий; как было доказано, в частности, доктором Эдгаром Леруа, Нострадамус был евреем по обеим линиям своей родословной.

Вызывает вопросы и утверждение Шавиньи о будто бы активной прокатолической жизненной позиции Нострадамуса, якобы «призывавшего католиков теснее сплотить ряды против протестантов». Как мы знаем из вновь обнаруженных документов (в том числе и таких важных, как личная переписка самого прорицателя), взгляды Нострадамуса были гораздо более терпимыми, и если он и порицал кого-либо во время религиозных войн во Франции, то как раз папистов, а не гугенотов. На закате жизни он сам чуть не стал жертвой разъяренного простонародья; Шавиньи вскользь сообщает об этом, «забыв» уточнить, что причиной этого стали подозрения в скрытой принадлежности Нострадамуса к протестантизму.

Комментарии Шавиньи к катренам, представляющие конечно же большой интерес и позволяющие судить о том, как современники воспринимали тексты Нострадамуса, также не свободны от ошибок, иногда в самых неожиданных местах. Комментируя строку *«Mer close, monde ouvert»* («Море закрыто, мир открыт»), взятую из катрена на ноябрь 1557 года и содержащую аллюзии на древнеримские «та*r*e clausum* и *«mundus patet»* (первое выражение указывает на закрытие навигационного сезона с 11 ноября, а второе – на 8 ноября, один из трех дней в году, когда,

согласно древнеримской религии, подлунный мир открыт для контактов с царством теней), Шавиньи коротко бросает: «Он (Нострадамус) играет милой антитезой». То есть, согласно Шавиньи, «море закрыто, мир открыт» – поэтический оборот, и не более того. Однако Нострадамус был прежде всего прорицателем, весьма дорожившим емкостью поэтической строки, и среди многих недостатков его слога нет склонности к красивым, но бессмысленным, не несущим полезной информации пассажам. К тому же такой подход выдает элементарное непонимание Шавиньи текстов Нострадамуса – по крайней мере их части.

В целом книга Шавиньи изобилует ошибками разной степени серьезности. Рано или поздно возникает ощущение, что тут что-то не так и автор был не настолько близок к Нострадамусу, как утверждает. Эдгар Леони, глубокий американский исследователь жизни и творчества Нострадамуса, предложил даже считать Шавиньи самозванцем – на основании подобных ошибок в книге и потому, что его имя не фигурирует в завещании пророка, в котором не были забыты даже самые далекие родственники. Было бы логичным предположить, рассуждает Леони, что любимый и близкий друг и ученик Нострадамуса мог рассчитывать хотя бы на мелкое вознаграждение – в память о своем покровителе.

В 1990-е годы три историка – французы Жан Сэар и Жан Дюпеб и канадец Пьер Брендамур – исследовали фигуру Шавиньи настолько тщательно, насколько это вообще возможно. Результаты их изысканий столь неожиданны, что с ними будет полезно ознакомиться всем, кто так или иначе интересуется жизнью и пророчествами Мишеля Нострадамуса. Жан де Шевиньи родился в городе Боне 23 января 1533 года. Он действительно учился в Париже у Жана Дора и в 1560 году познакомился с Нострадамусом, к которому его направили парижские поэты. И Пьер Ронсар, и сам Дора с большой теплотой и уважением относились к прорицателю с Юга; видимо, Жан де Шевиньи был призван служить своего рода посредником между столичными литературными интеллектуалами и резиденцией салонского пророка. Нострадамус составляет гороскоп де Шевиньи, и тот просит выполнить такую же работу для своего брата Жерара. К концу лета 1561 года де Шевиньи уже живет в доме пророка. В 1563 году, после вынужденного бегства в Авиньон от агрессивно настроенной толпы Нострадамуса и других именитых салонских горожан, пророк высоко отзывается о своем секретаре в присутствии Жана-Фабриса де Сербеллона, кузена римского папы и губернатора Авиньона. Губернатор предложил Жану де Шевиньи перейти к нему на службу, однако получил отказ, который сам де Шевиньи мотивировал тем, что работа у

Нострадамуса полностью утоляет его жажду знаний и любовь к «счастливому спокойствию» *(beata tranquillitas)*. С мая 1563 года эти слова становятся его личным девизом – по-латыни и по-древнегречески. Де Шевиньи сочиняет катрен и двустишие, опубликованные в «Альманахе» Нострадамуса на 1566 год.

В конце 1565 года Нострадамус, жестоко страдающий от приступов артрита, диктует письмо «своему Жану Шевиньи», как говорит он в этом письме. Де Шевиньи действительно не фигурирует в завещании пророка, однако наследует все его бумаги (кроме, по-видимому, личной переписки). В год смерти Нострадамуса де Шевиньи пропадает из поля зрения биографов, чтобы вновь появиться в 1570 году, когда он делает латинский перевод поэмы Жана Дора, посвященной рождению в Париже 21 июля 1570 года гермафродита. Поэт и бывший секретарь прорицателя, увидевшие в этом событии реализацию одного из пророчеств Нострадамуса (катрен 2—45), истолковали рождение урода как знак свыше, предрекающий великие победы королю Карлу IX и его брату, будущему Генриху III, в то время польскому властителю.

2-45
Trop le ciel pleure l" Androgyn procrtee,
Pres de ce ciel sang humain respandu,
Par mort trop tarde grand peuple recree
Tard & tost vient le secours attendu.

Небо горько оплакивает рождение гермафродита.
Близ этого неба пролита человеческая кровь.
Слишком поздней смертью возрожден великий народ.
Рано и поздно придет ожидаемое спасение.

В 1577 году де Шевиньи вновь выходит на сцену в качестве автора стихотворения памяти Антуана дю Вердье. В следующем году он принимает участие в издании книги известного французского хрониста XVI века Гийома Парадена, а также в публикации интересной утопии (некоторые исследователи, напротив, называют ее первой антиутопией в истории литературы) флорентийца Франческо Дони «Миры небесные, земные и адские» и нескольких других книг. Все они вышли в Лионе. С 1578 года де Шевиньи исчезает навсегда; вероятно, этот год стал последним не только в его литературной карьере, но и в жизни.

Однако в 1582 году на литературной сцене появляется другой уроженец города Бона, Жан-Эме де Шавиньи. В книжке,

посвященной памяти своего друга Антуана Фиансе Бизонтена, «новый» Шавиньи обращается к безвременно ушедшему товарищу как к ровеснику. Поскольку Бизонтен, согласно эпитафии того же Шавиньи, опубликованной в той же книге, родился в 1552 году и умер в неполные 30 лет, получается, что Жан-Эме де Шавиньи младше Жана де Шевиньи на 20 лет или около того. Таким образом, новоявленный Шавиньи принадлежит к поколению Сезара Нострадамуса, сына прорицателя.

Жан-Эме действительно тоже учился древнегреческому у королевского поэта Жана Дора и в 1588 году, незадолго до смерти мэтра, посвятил ему диалог, позднее напечатанный в «Янусе». В диалоге принимают участие сам Шавиньи, под прозвищем *Collector* (Собиратель), и Жан Дора. Тема диалога – пророчества Нострадамуса и комментарии к ним. Диалог проходит в дружеском тоне, и несогласие между учеными проявляется лишь в отношении к осознанности пророчеств. Дора утверждает, что Нострадамус, записывая свои предсказания за диктовавшим ангелом, не понимал ни слова из того, что он фиксирует на бумаге. Собиратель же придерживается противоположной точки зрения. В заключение Дора призывает автора быть осторожнее в своих писаниях: «Говори со сдержанностью о правителях и с еще большей сдержанностью – о религии».

К этому можно добавить, что Жан Дора считался первым толкователем предсказаний Нострадамуса. По сообщению современника, Ла Круа дю Мена, «все ученые люди немало почитают пророчества упомянутого Нострадамуса, и среди них я назову господина Дора, королевского поэта, столь почитаемого своим веком и настолько удачливого толмача или толкователя этих катренов, что он кажется гением упомянутого автора, как бы подпророком, какового греки называли Гипофитом». Дворянин Антуан дю Вердье писал в своих мемуарах, что королевский поэт активно интересовался «центуриями Нострадамуса, содержащими некие пророчества, которым он давал истолкования, подтвержденные многими событиями, и говорил, что они были продиктованы написавшему их Мишелю Нострадамусу ангелом». Однако поэт не оставил после себя никаких записей и тем более печатных публикаций на эту тему; это делал его ученик Жан-Эме де Шавиньи, который вследствие недоразумения в дальнейшем стал считаться учеником самого Нострадамуса, хотя он явно не мог им быть. И хотя Жан-Эме де Шавиньи взял себе девиз Шевиньи – *Beata tranquillitas,* – эти два автора отнюдь не тождественны друг другу.

В 1589 году в Гренобле Шавиньи создает большую рукопись,

представляющую собой попытку объединения под одной обложкой прозаических предсказаний Нострадамуса, взятых из его альманахов, с историческими и текстологическими комментариями. Этот текст так и не был издан – автор особо оговорил на второй странице манускрипта, что старается исключительно для себя и своих друзей. Позже Шавиньи публикует еще несколько книжек, связанных с пророчествами: о Турции и о грядущем торжестве Генриха IV, которому он прочил мировое господство. Итак, было два человека с похожими фамилиями; возможно даже, они были родственниками, и Шавиньи унаследовал какие-то материалы, доставшиеся Жану от Нострадамуса. Однако Жан-Эме не был знаком с пророком, не работал у него секретарем, и, хотя он оставил книгу, значение которой трудно переоценить, биографические сведения, приводимые в ней, грешат против исторической истины. Это важно хотя бы потому, что версия биографии Нострадамуса, предложенная Шавиньи, на разные лады в течение веков повторялась более поздними авторами и активно эксплуатируется по сей день.

Жан Дора был наставником не только Шавиньи, но и великих поэтов «Плеяды» Пьера Ронсара и Жоашена дю Белле, которые также являлись горячими поклонниками Нострадамуса. В 1560 году Ронсар посвятил провансальскому предсказателю стихотворный панегирик. В своих «Речах о несчастьях нашего времени», в «Элегии Гийому Дезотелю» поэт упрекает Францию в глухоте к голосу прорицателя:

И столь же ты глуха к пророкам, что Господь
Избрал меж чад своих, и коим кровь и плоть
Дал в сем краю, чтоб здесь твою беду пророчить
Грядущую, но ты спешишь их опорочить.
Да, может быть, смогла миров Господних высь
Чрез Нострадамуса с пророчеством срастись,
Иль мужем демон злой иль добрый дух владеет,
Иль от природы он душой взмывать умеет,
Засим среди небес сей смертный муж парит,
Пророчества свои нам сверху говорит,
Иль мрачный ум его, томясь глухой тоскою,
От жидкостей густых стал сочинять такое:
Но он таков, как есть: что ни тверди мы, все ж
Неясные слова, что в нас вселяют дрожь,
Как встарь у эллинов оракул, многократно
Предсказывали нам весь ход судьбы превратной.
И я б не верил им, коль Неба, что дает

Нам зло или добро, я в них не видел ход.[97]

Эти стихи не остались без ответа: через три года анонимные критики Нострадамуса выступят с пародиями на них. Гораздо менее известны строки Ронсара, написанные в 1567 году, уже после смерти Нострадамуса, в разгар Религиозных войн во Франции, где поэт говорит о наследии пророка как о том, чем не следует увлекаться, пока душа молода и не отягощена печалями. Обращаясь к де Вердену, королевскому секретарю и советнику, Ронсар наставляет его:

Будь веселым, здоровым и радостным,
Ни завистливым, ни озабоченным
Материями, которые гложут душу.
Беги от всех скорбей
И не беспокойся о несчастьях,
Предсказанных Нотрдамом.[98]

При дворе также внимательно прислушивались к оракулам салонского астролога. В ноябре 1560 года там активно обсуждался катрен 10–39 из «Пророчеств» Нострадамуса:

Premier fils vefue malheureux mariage,
Sans nuls enfans deux Isles en discord:
Auant dixhuict incompetant eage,
De l'autre pres plus bas sera l'accord.

Первый сын вдовы [от] несчастного брака
Совсем бездетен, – два острова в раздоре, —
Не достигнув восемнадцати, в несознательном возрасте
Наряду с другим, младшим, заключит помолвку.

В этих строках легко узнавались династические перипетии тех дней. Молодой король Франциск II, которому не было еще 16 лет, заболел лихорадкой и находился на грани смерти. Он был старшим сыном Генриха II, а его жена, шотландская принцесса Мария Стюарт, как раз в тот период заявила о своих правах на английский престол (Шотландия и Англия и были «двумя островами в раздоре»; островами тогда назывались не только части суши, со всех сторон окруженные водой, но и любые страны, куда нужно было плыть по морю). Детей у них не было в силу юности и болезненности монарха. Мария, которая была

старше мужа на два года, компенсировала отсутствие супружеских отношений, принимая ухаживания галантных французских дворян. Среди них был и Пьер Ронсар, расточавший стихотворные комплименты красоте и обаянию молодой королевы.

Упомянутый катрен был написан весьма туманным языком, но сказанного в нем оказалось достаточно, чтобы вызвать беспокойство. Микеле Суриано (Сориано), венецианский посол во Франции, сообщал в своем донесении: «[Здесь] также обсуждают предсказание, сделанное астрологами, а именно что король не переживет 18-й год своей жизни. Так что каждый рассказывает сообразно своим тревогам, приводя расчеты, по которым ожидается некое несчастье в это время, которое Господь не пожелает предотвратить – не только замешательство тех, кто ныне находится у власти, но и полную перемену королевства в том, что касается религии, поскольку его наследник, вследствие юного возраста, будет отдан под опеку короля Наварры, как более старшего и близкого по крови. Тот же, либо уступая общему настроению народа, в значительной массе своей зараженного этой болезнью (протестантизмом. – *А.П.*), или же не имея возможности сдержать и обуздать его, откроет дорогу распущенности и беспорядку, которые приведут к крушению королевства и всего христианского мира, поскольку с таким примером соседние страны, и особенно Италия, станут заносчивыми и не будут более подчиняться правящим особам».[99]

В последний день октября 1560 года английский посол сэр Николас Трокмортон в письме из Парижа уведомил своего начальника, сэра Уильяма Сесила, о концентрации французских войск в Нанте и Орлеане под командованием герцога Гиза. К донесению он приложил копию приказа о сборе войск в Орлеане, а также… альманах Нострадамуса! Все эти дипломатические казусы объединяет то, что их авторам явно не нужно было объяснять своим правителям, кто такой Нострадамус. Его слава давно перешагнула Пиренеи, Альпы и Ла-Манш.

В письме от 3 декабря 1560 года тосканский посол Лоренцо Торнабуони писал своему государю Козимо Медичи, цитируя альманах Нострадамуса на следующий год: «Состояние здоровья короля все еще неопределенное. Вот что говорят люди, в частности Нострадамус, путем пророческого духа, который в своем предсказании на нынешний месяц говорит, что „юнец потеряет царство из-за внезапной болезни“».[100] И действительно, Франциск умер 5 декабря, а на следующий день трагически погиб 12-летний маркиз де Бопро, сын одного из младших принцев королевского дома. Испанский посол Шантоне

писал Филиппу II 12 января 1561 года из Орлеана: «Было отмечено, что за месяц умерли первый и последний по порядку члены царственного дома. На следующий день после кончины короля мимо [маркиза] проехал какой-то юноша на большой лошади, которая… несколько раз лягнула его в голову. Эти трагедии вызвали при дворе ошеломление, в том числе из-за угроз Нострадамуса, которого стоило лучше высечь, чем позволять продавать свои предсказания, способствующие пустым суевериям».

Новым королем стал второй сын Генриха – 10-летний Карл IX. Другой венецианский посол Джованни Микеле сообщал в своем отчете: «Ныне этот государь рискует, как говорят, потерять глаз, что напоминает мне очень популярное во Франции пророчество знаменитого астролога по имени Нострадамус, которое угрожает всем принцам, утверждая, что королева всех их увидит на троне».[101] Опять Нострадамус!

Поневоле создается впечатление, что в те дни предсказания салонского пророка обсуждались чуть ли не в каждом доме.

В 1561 году Микеле Суриано вновь пишет Козимо Медичи из Парижа: «Что продолжает здесь вызывать подозрения, так это то, что астролог Нострадам, который уже давно всегда предсказывал правду о многочисленных невзгодах во французском королевстве и обрел доверие многих, предсказал королеве, что она увидит королями всех своих сыновей. Поскольку она уже видела на троне двоих, Франциска и Карла, остаются двое – Александр, герцог Орлеанский, и Генрих, герцог Анжуйский; второму 10 лет, первому семь. Королеве необходимо понять по их поводу, что такая задержка очень скоро вызовет полное разрушение королевства, поскольку, если и дальше будет продолжаться долгое царство отроков, не достигших взрослого возраста и управляемых опекунами, слишком нескоро придет король, наделенный верховной властью, которого слушаются подданные и уважают соседи, который внушит страх смутьянам и своими надлежащими замечательными деяниями вернет короне ее славу и величие».[102]

Здесь, вероятно, впервые упоминается знаменитая легенда о пророчестве Нострадамуса, сделанном при посещении им Парижа в октябре 1555 года. В присутствии Екатерины Медичи он якобы предсказал, что все четверо ее сыновей будут один за другим занимать французский престол. Никакие свидетели не подтверждают этот случай, и, вероятнее всего, предсказание было просто выдумано задним числом. Тем не менее оно почти сбылось – из четырех принцев королем не стал только рожденный в 1554 году Франциск, герцог Алансонский, а затем Анжуйский.

Этот любитель авантюр истощил свой организм всевозможными излишествами и умер от лихорадки во время военного похода во Фландрию, едва дожив до 30 лет. Надо сказать, что все сыновья Генриха II отличались слабым здоровьем; это стало одной из причин, по которой они не оставили потомства и привели династию Валуа к печальному концу.

Велик соблазн предположить, что при виде принцев Нострадамус наметанным глазом врача определил их недолговечность, после чего и изрек свое предсказание. Им могло руководить и политическое чутье: слишком неустойчивой была политическая обстановка во Франции, чтобы юные, не блещущие силой и здоровьем короли могли долго усидеть на троне. Именно в такие эпохи интерес к предсказаниям обостряется как никогда, и этому обстоятельству Нострадамус не в последнюю очередь был обязан своей громкой славой.

Глава восьмая
ПОСЛЕДНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1561 год начался с плохой для Нострадамуса новости. Похоже, призывы Виделя, Куйяра и других врагов провансальского оракула дошли до властей предержащих. 31 января был подписан так называемый Орлеанский ордонанс, 26-я статья которого гласила: «Поскольку те, кто предсказывает грядущее, публикуя свои альманахи и предсказания, переходят границы астрологии вопреки ясному Господнему велению, что не должны терпеть христианские правители, мы запрещаем всем печатникам и книготорговцам под угрозой тюрьмы и произвольного штрафа печатать или пускать в продажу какие бы то ни было альманахи и предсказания без предварительного ознакомления с ними архиепископов, епископов или тех, кому они это доверят. А те, кто составят или напишут такие альманахи, будут преследоваться нашими судьями в чрезвычайном порядке и подвергнутся телесному наказанию».[103]

Одним из авторов этого постановления был новый министр юстиции Мишель де л'Опиталь, который побывал проездом в Салоне в декабре 1559 года в обществе Маргариты Савойской и оставил стихи, в которых порицал Нострадамуса. Неприязнь л'Опиталя к астрологии доходила до смешного. Например, в послании, направленном кардиналу Лотарингскому перед его отъездом в Рим, канцлер предостерегал духовное лицо от опасностей Вечного города; кардиналу-де придется защищать свой эскорт от самых разных соблазнителей, в первом ряду которых называются местные астрологи. Таким образом, французское правосудие оказалось в руках человека, враждебного к астрологии вообще и к Нострадамусу в частности. Впрочем, верно и то, что для пророка, неизменно осторожного в выборе слов, не представляло никакой трудности получение епископальных разрешений, оговоренных ордонансом.

Тогда же Нострадамус был приглашен в Турин – то ли Екатериной Медичи, то ли герцогом Савойским, – чтобы посетить герцогиню Маргариту, которая тогда была беременна. Согласно Самюэлю Гишенону, автору «Генеалогической истории Савойского королевского дома», Нострадамус предсказал его отцу, что его супруга родит сына, которому суждено стать крупнейшим полководцем своего века. Нострадамус также составил гороскоп Карла-Эммануила Савойского, согласно которому герцог должен был умереть, «когда девятка будет

предшествовать семерке». Действительно, Карл-Эммануил умер в возрасте 69 лет, хотя, поняв предсказание буквально, рассчитывал дожить до 97. Впрочем, никаких подтверждений этой истории не найдено.

В 1561 году Нострадамус публикует новый альманах на следующий год. Издателями его выступили парижские печатники Гийом Ле Нуар и Жеан Бонфон. Этот альманах в предисловии, датированном 17 марта, посвящен римскому папе Пию IV. Затем Нострадамус пишет «Новое предсказание на 1562 год», который он напечатает в Лионе у Антуана Волана и Пьера Брото. Посвящение его адресовано Жану де Возелю. 1 мая 1561 года издатели Брото и Волан лично явились к Нострадамусу для переговоров об издании очередного альманаха. Случай это редкий, демонстрирующий авторитет пророка: обычно авторы сами приезжали на деловые переговоры к издателям.

Сохранилась рукопись на французском языке, включающая несколько автографов Нострадамуса: «Предсказания Мишеля Нотрдама из альманаха на 1562, 1563 и 1564 годы». Эта рукописная копия объемом в 222 страницы осталась неизданной. «Предсказания» также посвящены папе Пию IV. Несмотря на заголовок, труд охватывает исключительно 1562 год, выходя за его пределы лишь короткими прогнозами, как это было в обычае Нострадамуса. Непохоже, что эта рукопись была действительно послана папе римскому. Обширные пробелы в тексте говорят о том, что автор не смог полностью завершить альманах. Из переписки Нострадамуса мы знаем, что его секретарь оставлял пробелы, чтобы заполнить их позже в случае, если не был готов оригинальный текст. О причинах, по которым текст остался незавершенным, гадать не приходится – они известны из личной переписки самого пророка.

В Страстную пятницу, 4 апреля 1561 года, после церковной службы толпа из примерно 500 крестьян-католиков, вооруженная палками, ворвалась на улицы Салона. Ее возглавлял фанатично настроенный францисканский проповедник, считавший Нострадамуса одним из главных лютеран.[104] Толпа имела целью окончательно решить религиозный вопрос в отдельно взятом городе, и Нострадамус счел за благо бежать в Авиньон, подобно многим горожанам, заподозренным в симпатии к еретикам. В этом городе он провел два с лишним месяца, пока губернатор Прованса Клод Савойский, граф де Танд, не восстановил порядок в Салоне и его окрестностях. Нострадамус даже арендовал на год дом в Авиньоне, в приходе Сент-Агриколь (аренда обошлась ему в 18 золотых экю-пистолей, 12 из которых получил нотариус).

Очевидно, он планировал переселиться в этот город, но

передумал.

В письме от 15 июля 1561 года, адресованном Лоренцу Тюббе, своему немецкому другу и клиенту, он сообщает обстоятельства очередного погрома, учиненного «бушлатами»: «В этом городе (Салоне. – *А.П.*), как и везде, среди знати назревают ненависть и споры из-за религии; неистовство начинает расти как среди тех, кто защищает папистскую традицию – то есть в массах, особенно среди простых людей, – так и среди тех, кто выражает учение истинного благочестия. Некий францисканец, весьма красноречивый на проповеднической кафедре, постоянно вдохновляет народ против лютеран, также подталкивая его к насилию и даже побуждая ко всеобщей резне. Что почти и произошло на Страстной пятнице; пять сотен людей, вооруженных железными палками, бросились вон из церкви подобно фанатикам. Среди лютеран они называли Нострадамуса. Почти все подозреваемые бежали. Что касается меня, то я, испуганный этой сильной яростью, уехал в Авиньон. Иными словами, чтобы избежать ярости сорвавшейся с привязи толпы, я отсутствовал в моем доме в течение более чем двух месяцев».[105] Стоит обратить внимание на слова об «учении истинного благочестия» – Нострадамус уже не в первый раз высказал свое сочувствие к протестантам.

16 декабря, когда очередной альманах появился на книжном рынке, губернатор Прованса Клод Савойский, граф де Танд, проезжая через Салон, увез с собой Нострадамуса и фактически пленил его в своем замке. Вот что он писал королю, ссылаясь на его приказ от 23 ноября того же года: «Что касается Нострадамуса, то я приказал его схватить и забрал с собой, запретив ему писать альманахи и предсказания, что он мне и пообещал. Соблаговолите дать мне распоряжение сделать с ним то, что Вам заблагорассудится».[106] Неизвестно, что ответил Карл IX, но, судя по тому, что Нострадамус остался жив и продолжил свои публикации, ответ короля был не таким уж суровым.[107] Создается впечатление, что граф, задержав астролога в своем роскошном замке, хотел по приказу короля оградить его от какой-то гораздо более серьезной опасности.

В Эксе, где господствовала католическая партия, в день Пятидесятницы 25 мая 1561 года консулом был избран дворянин Дюран де Понтев, сеньор де Флассан, усиливший преследование гугенотов. Собравшись в Риезе, последние делегировали адвоката Мютони к королю и королеве и добились отправки в Прованс следственной комиссии. Эта комиссия, возглавленная графом Антуаном де Крюссолем, прибыла в провинцию зимой 1561/62 года. Крюссоль посетил ряд провансальских городов и встретился

с местными протестантами, папским легатом и губернатором де Тандом, который предоставил в его распоряжение несколько сотен солдат. Во главе большого отряда Крюссоль подошел к Эксу, где упомянутый Флассан препятствовал местному парламенту зарегистрировать эдикт 17 января о религиозной терпимости и даже отказался открыть городские ворота королевским дознавателям. Под угрозой воинства Крюссоля, стоявшего лагерем в Мариньяне на подходе к Эксу, парламент сместил Флассана и открыл ворота города; 10 февраля эдикт был зарегистрирован.

Флассан со своими наиболее горячими сторонниками бежал на восток, через Трец, Турв и Бриньоль, по пути истребляя протестантов и поднимая католиков на восстание. Крюссоль оставил в Эксе гарнизон в несколько сот солдат под командованием салонца Антуана Марка, дальнего родственника Нострадамуса, симпатизировавшего протестантам, после чего осадил Баржоль, где окопался Флассан и его единомышленники. Мирные переговоры провалились, и 6 марта 1562 года Баржоль был взят штурмом. Взятие города сопровождалось избиением католиков, что стало поводом для дальнейшего объединения папистов. Во время этих событий арлезианец Жан де Кинкеран по прозвищу Вентабрен собирал в Камарге войска и лошадей, чтобы прийти на помощь осажденному Баржолю, но его помощь опоздала. Флассану удалось бежать.

Об этом периоде Религиозных войн до наших дней дошел анекдот, связанный с Нострадамусом. Оказавшись проездом в Салоне, Крюссоль якобы обратился к пророку с вопросом о шансах на успех своей миссии. Нострадамус оказался в трудном положении, так как любой прогноз мог обернуться против него. В итоге он сказал своему высокопоставленному клиенту, что тот «оставит деревья отягченными новыми плодами». Прогнав непримиримых католиков из Экса, Крюссоль настиг их в Баржоле, где и развесил пленных папистов по окрестным деревьям. Эти-то «новые плоды» и имел в виду Нострадамус, согласно легенде – впрочем, она была опубликована впервые лишь в 1712 году.

В феврале—марте Нострадамус снова находился в Авиньоне, а 12 марта отправился домой, в Салон. В нотариальных архивах города обнаружен интересный и весьма важный документ – акт, датированный 18 марта 1562 года и составленный нотариусом Нострадамуса, мэтром Жозефом Роше. Из текста следует, что Нострадамус собирался отправиться в опасную поездку. При этом он не сообщал, куда собирается, и не знал, вернется ли он. Нострадамус написал фразу длиной в одну строку на листе пергамента, затем разрезал его пополам и вручил половину

нотариусу. Затем он вновь разрезал пополам свою часть и отдал половину ее своему брату Жану Нотрдаму, прокурору Экса, а другую половину – своей жене Анне Понсар. Если Нострадамус не вернется из поездки, гласит документ, его супруга попросит деверя взять свою четверть пергамента; затем оба отправятся к нотариусу, который, сложив три фрагмента пергамента, восстановит целый лист. Если три куска совпадут, нотариус вручит Анне Понсар некую сумму в золотых монетах, оставленную Нострадамусом. В заявлении не сообщаются ни размер суммы, ни место ее хранения. Скорее всего, нотариус получил от Нострадамуса запечатанное письмо, содержавшее сведения о тайнике, где было оставлено золото для его жены. Нотариус должен был вскрыть это секретное письмо только в том случае, если у него в руках будет полный пергамент.

Эта сложная манипуляция была весьма невыгодной для супруги Нострадамуса – она оказывалась в полной зависимости от его брата Жана, который мог потерять или просто уничтожить свою треть пергамента. Возможно, что Жан, которому Мишель явно доверял больше, чем кому бы то ни было, получил от брата точные инструкции на случай, если тому не удастся вернуться из поездки, о целях которой нам ничего не известно. Нострадамус явно ощущал смертельную опасность, нависшую над ним.

Поздней весной 1562 года, после отбытия Крюссоля в Париж, католики обратились к королевской чете с жалобой на эксцессы со стороны оставленных на местах чиновников. В результате преследование протестантов возобновилось с удвоенной силой. В апреле, под влиянием Гизов, король заменил графа де Танда на посту губернатора Прованса его сыном Оноре Савойским – ярым католиком 24 лет от роду. В Эксе 25 апреля католики изгнали Антуана Марка и его гарнизон, позволив Флассану вернуться в город. Май был отмечен противостоянием войск отца и сына – графа де Танда и Оноре Савойского, – имевшим место у подножия холмов Люберона, у реки Дюранс. В Салоне повторились события годичной давности: жители, заподозренные в протестантизме или симпатии к гугенотам, покинули город. В письме от 13 мая 1562 года, также адресованном Лоренцу Тюббе, Нострадамус вновь недвусмысленно отдает предпочтение реформатам, которых называет «христианами» в противовес католикам, именуемым им «папистами»: «Был назначен новый губернатор, и в течение четырех дней все сторонники религии были вынуждены уехать, в то время как паписты поднимали войска. Совсем недавно мы узнали, что христиане (протестанты. – *А. П.*) взяли Лион».[108]

Комментируя католические гонения на протестантов, Нострадамус пишет о папистской «гидре», которая «делала все,

чтобы запретить евангелические проповеди», «в то же время каждый город имел своих служителей слова Господня (то есть протестантов. – *А.П.*)».[109] Следует отметить, что письмо написано уже в ходе религиозной войны: «Что касается нового гороскопа, то мои секретари еще не смогли его переписать; если я его не высылаю, то только потому, что я пока не успел его окончательно отредактировать, в чем мне мешают религиозные войны… Заподозренные в принадлежности к христианской религии *(qui de religione Christiana suspecti)* бежали; я остался один со своей семьей… по причине народного бешенства».[110]

Все это время папский легат Фабрис де Сербеллон, обеспокоенный занятием Лиона протестантами, укреплял Авиньон и готовил экспедицию против Оранжа, где мессы не служились с декабря. Лионские протестанты продавали на переплавку изъятые из церквей предметы культа, чтобы купить оружие и взять Авиньон. Их план провалился, и католики 6 июня овладели Оранжем. В то время как Флассан возобновил свое консульство в Эксе и католики выступили в поход против крепости Систерон, считавшейся ключом к Провансу, протестанты попытались перенести фронт к воротам Авиньона. Оранж вновь был взят; с конца июля началось победное шествие армии гугенотов по Провансу. Однако 5 ноября пришло известие о прибытии подкрепления к осаждавшим Систерон; город пал, что деморализовало протестантов, и уже 8—10 сентября они ушли на север и рассеялись. Один из вождей гугенотов, президент Оранжа Перрен Парпаль, 9 сентября был казнен в Авиньоне. Торжество победителей, за которое была заплачена немалая цена, везде и повсюду сопровождалось избиениями протестантов. Сожженные и разграбленные дома заподозренных в протестантизме, расправы с кальвинистами вызывали у Нострадамуса возмущение: «Какое чудовищное варварство, направленное против христиан! Мы живем в мерзкие времена, и грядут еще худшие; как бы я хотел не видеть этого!»[111]

Возвратившись в Салон, он погрузился в составление альманаха на 1563 год, работу над которым закончил 7 мая. Альманах был напечатан в Авиньоне Пьером Ру. Посвятительное предисловие, написанное на хорошем итальянском языке, обращено к папскому легату Франсуа Фабрису Сербеллону и датировано 20 июля 1562 года. Ни словом не обмолвившись о гражданских смутах, Нострадамус выступил в защиту астрологии:

«Ничего так не желает и не жаждет человеческий разум, о знаменитейший сеньор, как путем познания вполне постигнуть все части вселенского механизма, который по причине его высшего местоположения греки назвали Космосом, а латиняне –

Миром *(Mundus)*. Потому для нашего разума так естественно стремиться познать тайны Природы и будущие события, что ни я, ни кто-либо другой не мог бы это выразить, не имея другой пищи, чтобы утолить этот голод, кроме знания отрадной астрологии. Нет ничего приятнее, чем овладеть наукой о высших предметах, узнать, как зарождаются ветры, где берут начало дождь и град, откуда происходят небесные вспышки и грозы, почему бывает молния… Кто не знает, что нет ничего слаще и приятнее, чем любоваться благотворными или зловредными аспектами звезд неподвижных и блуждающих, счастливым или несчастливым их влиянием? Кто не знает, как радуется каждое сердце (ведь человек рожден прежде всего для созерцания небес), изучая природу и сущность Луны, быстроту Меркурия, благосклонность Венеры, силу и властность Солнца, необузданность и свирепость Марса, умеренность и доброту Юпитера, холод и вредоносность Сатурна, а также свойства иных сферических тел и небесных влияний? Так мы приходим к выводу, что всякому приятно изучать будущие мировые события».

6 июня 1562 года под стенами Лиму, где окопались протестанты, молодой капитан-католик первым устремился к штурмовой лестнице, приставленной к стене города, но был тут же изрешечен пулями, пущенными из мушкета. Ла Поплиньер, который был свидетелем события, пояснил, что честолюбивый офицер, неудовлетворенный своим послужным списком, навестил в Салоне Нострадамуса, чтобы тот предсказал ему будущее. Астролог сказал, что шансы капитана Пена (так звали честолюбца) на блестящую карьеру велики, но что он должен прежде проявить себя достойным ее. Отсюда и самоубийственная отвага, которую тот выказал на поле своей последней битвы. Мемуарист заканчивает свой рассказ назиданием: вот что значит «следовать предсказаниям астрологов и некромантов, не ведая того, что лишь одному Богу оставлено предвидение будущего!». [112] Впрочем, не нужно быть астрологом, психологом или богословом, чтобы снять с Нострадамуса ответственность за гибель несчастного храбреца. Никто, кроме войны, не виноват в том, что молодой офицер пал на поле битвы; это так же очевидно, как и то, что Нострадамус не советовал ему бросаться грудью на дула мушкетов. Это признает даже Ла Поплиньер (к слову сказать, протестант, стремившийся этим рассказом разоблачить «католические суеверия»).

К августу—сентябрю 1562 года относится переписка Нострадамуса с авиньонцем Франсуа Бераром,[113] фискальным адвокатом папской легации и страстным алхимиком. Будучи моложе Нострадамуса на 25 лет, Берар являлся горячим

поклонником предсказателя. В марте, когда Нострадамус был в Авиньоне, он направил ему некое магическое кольцо, чтобы салонский маг изучил его. Религиозные войны и повседневные дела отвлекли друзей от переписки, и лишь 17 августа Нострадамус получил с оказией письмо от Берара, в котором тот просил предсказателя одолжить ему свою астролябию, герметическую книгу и «другие предметы», составить несколько астрологических карт (в том числе и самого Берара), исследовать кольцо, но главное – разрешить ему, Берару, принять участие в оккультных изысканиях пророка. Тот ответил своему адепту длинным письмом на латыни, которое в конце августа сам отвез в Авиньон и из которого бедный Берар не понял ничего. Адвокат-алхимик пригласил Нострадамуса в гости, чтобы вручить ему плату за исследование и, видимо, позаниматься вместе натурфилософией. Что было дальше – неизвестно.

Письмо Нострадамуса Берару сохранилось; помимо туманных рассуждений о волшебных свойствах кольца, в нем содержатся любопытные алхимические сведения, в частности – рецепт пресловутого «эликсира жизни». В «Альманахах» и «Пророчествах» Нострадамус решительно отвергал алхимию как преступный промысел (в XVI веке большое число алхимиков было подвергнуто наказаниям разной степени тяжести за подделку и порчу монеты). Однако в реальности его отношение к этой науке было более сложным. Подобно тому как астрологи в тогдашнем общественном и научном сознании разделялись на шарлатанов и натурфилософов, алхимия в высшем своем проявлении была призвана помочь человеку в исследовании природы, в том числе и в медицинских целях. «Эликсир жизни» Нострадамуса – именно из этого натурфилософского ряда. Его рецепт написан акростихом, первые буквы строк которого образуют слово NOSTRADAMES. Последовательность действий по синтезу эликсира такова: в реторту помещается очищенное серебро, руды, содержащие цинк и медь, миртовое масло, молибденовые опилки и сера. Затем сосуд герметично закупоривается и подвергается термической обработке на сильном огне, раздуваемом мехами; в качестве топлива используется виноградная лоза. Результатом должно стать жидкое золото, каковым следует поить принцев, королей и императоров для продления жизни. По-видимому, в результате этого совместного кипячения металлов и руд в масле получались нерастворимые в воде оксиды и сульфиды, действительно напоминающие мелкодисперсное золото в масляной взвеси,[114] – соединения для организма столь же безвредные, сколь и бесполезные.

Следует отметить, что Нострадамус ездил в Авиньон вместе с

сыном Сезаром, который впоследствии утверждал, что своими глазами видел труп казненного 9 сентября Перрена Парпаля.[115] Возможно, что вместе с письмом предсказатель отвез в Авиньон рукопись своего альманаха на 1563 год. Лион, где обычно печатал свои книги Нострадамус, был в руках протестантов, и ему пришлось обратиться к авиньонскому издателю Пьеру Ру. В свое время тот выпустил памфлеты «Французского Геркулеса» и Лорана Виделя, однако теперь он с радостью взялся за печатание альманаха Нострадамуса; и автор, и книгоиздатель перед лицом религиозной смуты приноравливались к обстоятельствам.

В 1562 году ярый кальвинист Конрад Бадий опубликовал очередную сатиру на Нострадамуса:

> Я забыл сказать вкратце,
> Что он бурлит рифмами, как кипящая смола,
> Но для служителя заутрени
> Он слишком плохо строит женские рифмы.
> Его стихи – как стременные ремни:
> Чересчур короткие спереди и длинные сзади,
> И рождены под тем горизонтом,
> Где нет ни смысла, ни разума.
> Так что этот ученый Гомер,
> Кажется, сын глупой матери,
> Которая когда-то рифмовала во сне
> Или, скорее, спала, рифмуя.[116]

Бадий явно не знал о том, что объект его критики был причислен толпой католических фанатиков к числу гугенотов и чуть не лишился из-за этого жизни. В определенном смысле Нострадамус оказался между двух огней – жесткого неприятия со стороны протестантов и подозрения католиков. Будучи интеллектуалом-одиночкой, он не мог примкнуть ни к одному из враждующих лагерей и по этой причине получал удары от обоих.

Позиция Нострадамуса была весьма схожа с «верой» Франсуа Рабле, которую автор «Гаргантюа» изложил в сатирическом рассказе об острове, населенном «папеманами» и «папефигами» (то есть теми, кто показал фигу портрету папы). Французскому интеллектуалу XVI века и те и другие представлялись одинаково ущербными, ограниченными в своем интересе к узким вопросам схоластики, казавшимся смешными и незначительными перед лицом Космоса. А поскольку любая ограниченность приводит к злобе, насилию и оскудению разума, то интеллектуал позднего Возрождения считал ниже своего достоинства смешивать религию – как и науку[117] – с политикой и примыкать к тому или иному

течению. Историк Джордж Сартон пишет: «Отрадно вспомнить, что Копернику в его расчетах помогал гораздо более молодой человек, Георг Иоахим Ретик, который посещал его и жил с ним более двух лет… Коперник был каноником Фромборкского собора, в то время как Ретик являлся профессором протестантского Виттенбергского университета. В то время, когда ненависть, отделявшая католиков от протестантов, была горячей, словно адское пламя, старый каноник и молодой протестант-математик жили и работали вместе, словно братья. Наука не просто интернациональна, она почти всегда находится *«au dessus de la melee» (фр.:* над схваткой); она объединяет всех людей в величественном труде – поиске истины».[118]

Сочувствие к гонимым протестантам было проявлением гуманности к людям, вся вина которых заключалась в том, что они исповедовали религию, отличную от государственной. Такая симпатия во времена Нострадамуса отнюдь не исключала верности католицизму – во всяком случае, в среде образованных гуманистов. Лозунгом многих из них было: «Я христианин, а принадлежность к той или иной церкви не так важна». Тем более что за религиозными столкновениями чаще всего стояло нечто гораздо более приземленное – борьба за власть и передел собственности.

Конфронтация «папеманов» и «папефигов» привела к кровопролитию, вступавшему в вопиющее противоречие с идеалами христианства, за чистоту которого якобы боролись обе стороны. Нострадамусу и его единомышленникам претила как лицемерная религиозность властей предержащих, в большинстве своем использовавших христианскую риторику для укрепления личного господства, так и наивно-агрессивное кликушество простонародья; в Святую пятницу 1561 года Нострадамус на своем опыте убедился, до каких эксцессов может довести то, что французы называют «верой угольщиков». Вслед за Рабле он мог сказать словами Пантагрюэля: «Я велю проповедовать Твое святое Евангелие так, чтобы оно доходило во всей своей чистоте, простоте и подлинности, ересь же кучки папистов и лжепророков, отравивших весь мир своими чисто человеческими нововведениями и извращенными вымыслами, будет у меня искоренена».

1563 год ознаменовался новой волной критики Нострадамуса. Вышли два анонимных кальвинистских сочинения, пародирующих приведенные выше стихи Пьера Ронсара, посвященные Нострадамусу. Правда, главной мишенью их авторов был сам поэт, но Нострадамус стал своего рода символом, «другом врага», которого следовало втоптать в грязь,

чтобы тем самым опорочить и воспевателя.

«Палинодия Пьеру Ронсару на его „Речи о невзгодах нашего времени“» обличала Нострадамуса ни много ни мало в служении Сатане:

> Франция, все это несчастье – от твоего безрассудства.
> Господь своим гласом тысячу раз предупреждал тебя об этом.
> Но добро ты не принимаешь в расчет,
> Ты должна покраснеть от стыда
> Оттого, что смеешься над пророками, которых Господь
> Избирает в число детей твоих и помещает
> В твое чрево, чтобы они, появившись на свет, предсказали тебе
> Твою приближающуюся беду, над которой ты просто смеешься.
> Но лишь возвысится в тебе какой-нибудь Юлиан,
> Обманщик Постель, безумный чародей,
> Вольнодумец, настоящий бес, тогда ты не ленишься
> Его слушать и верить ему – о, суеверная!
> Это мерзкая ложь, что вечностью
> Вдохновлен энтузиазм этого Нострадамуса.
> Ибо его не ведет Бог, а подстрекает Лукавый,
> Когда он думает, что от природы наделен стремительной душой,
> И, возносясь над смертными, устремляется в самые небеса,
> Чтобы оттуда поведать нам о знамениях..
> Это умы безрассудные, мрачные, меланхолические,
> Насыщенные грубой жидкостью, которая породила их фантазии.
> В общем, они стократ хуже дьявола,
> Сомнительными словами их лживых голосов,
> Подобно античному оракулу, они не один год
> Предсказывают одним счастье, другим – горе.
> Верить им не надо; небо не делит
> Добро и зло между людьми, это исходит от другой стороны.

Другой автор, напечатавший в Лионе «Предостережение Королеве-матери относительно „Речей о невзгодах нашего времени“ Пьера Ронсара», обличал Нострадамуса как дерзкого астролога, приписывающего хороводу созвездий власть над судьбами людей в ущерб Божьему промыслу:

Ронсар, я далеко не первый возвещаю тебе
О проклятии, которое исторг
Из уст Своих Господь против этих горе-философов,
Каббалистов-гадателей, предсказывающих по звездам,
Их неведомой жизни и непонятным движениям
Течение нашей жизни и события ее,
Хотя час будущего не определен
И влияние небесных тел также тщетно,
Они не властны над человеком, созданием высших небес,
Которые достойнее и ценнее любого Зодиака
И всех знаков, и бессильного войска [Ориона],
И посоха Святого Иакова, и всего скопища
Постоянных и неподвижных, и падающего Сокола,
И колоса Девы, и всего этого ветхого хоровода
Эфирных звезд; они созданы для использования
Тем, кто сохраняет образ и подобие Бога,
Над которым никакая сила, кроме одного Бога,
Не имеет силы и власти.
Это гадательное искусство осуждено Им
И ясно приговорено Им к смерти.
О безумный Ронсар, ты смеешь привечать
Этого проклятого Нотрдама, одобряешь его вымыслы,
Именуя его правдивым, и ради безумца
Отвергаешь безошибочный Господень оракул?
Но ты сам написал в его поддержку,
Что поэт и гадатель обладают почти одним и тем же духом…

Обеим пародиям крайне далеко до поэтического слога Ронсара, но суть не в этом: слова «этот проклятый Нотрдам», безусловно, отражают мнение влиятельных кальвинистских кругов о салонском прорицателе.

К началу 1563 года относится и событие, описанное видным протестантом Теодором де Безом. Он сообщал о панике, вызванной не дошедшим до наших дней письмом Нострадамуса в Тулузу (в предыдущем году в ходе уличных боев между гугенотами и католиками этому городу был нанесен тяжелейший ущерб): «15 февраля того же года город чуть не был полностью разрушен из-за новой смуты, произошедшей вследствие письма, которое прислал в Тулузу пресловутый астролог Нострадамус. В нем он писал, обращаясь к нескольким гражданам, что им следует быть начеку, поскольку городу в тот день угрожает опасность быть захваченным. По предписанию указанного

пророка были усилены караулы и другая стража по всему городу. Народ, увидев оружие в руках даже у представителей судебной власти, так возмутился, что той же ночью в городе чуть было не воцарился полный беспорядок… Вот что значит доверять этим канальям предсказателям и гадателям, наказуемым по всем законам божественным и человеческим, в частности согласно пункту, принятому Штатами в Орлеане! Ныне эти мерзости, как справедливо назвал их Господь, разрушают царства и республики. Во Французском же королевстве более, чем в любом другом государстве на земле, правильные и благочестивые ордонансы остаются лишь на бумаге».[119]

Умеренная критика Нострадамуса в тот период была представлена Жаном Марконвилем, дворянином из Монгубера, автором небезынтересной книги под названием *«Recueil memorable des cas merveilleux»* («О таинственных и знаменательных событиях»). Марконвиль возражал против категоричности, с которой в альманахах, подписанных именем Нострадамуса, предсказывались политические и религиозные катаклизмы: «Также они (астрологи. – *А. П.*) писали и предсказали, что нынешний 1563 год трудно пережить, потому что он полон невзгод и несчастий, а один из них (Нострадамус. – *А. П.*) дерзнул написать, будто в [этом году] сдвиги и изменения произойдут не только в погоде и государственной жизни, но также и в религии. Но я думаю, что это переходит границы натурфилософии и [он] похож более на лукианового Икароменииппа, чем на математика или астролога, чье дело – описывать и предсказывать смену времен года, разнообразие погоды, движение планет согласно их естественному курсу, а не предрекать события в жизни королей, их смерть, начало войн и смут, их завершение, перемены в государстве, сдвиги в религии. Ибо это выходит за границы природы и является [попыткой] присвоить себе свойство, которое Господь оставил за Собой, а именно предведение, знание будущих событий, предопределенных Его священной непреложной волей. В этом-то и состоит совершенство Его божественности, всевластия и всезнания, каковые превосходства и преимущества Он не предоставляет никому, сохраняя это знание за собой в первой и последней инстанции. Вот почему стремление предсказывать такие вещи, превосходящие человеческий рассудок, есть намерение присвоить Божественное предведение и намерение (поскольку оно в этом и заключается) удалить Бога из Его консистории и узкого совета, или уподобиться Икароменииппу, который бахвалился тем, что летал по небу, [проникнув туда] через железную калитку».[120]

Здесь Марконвиль почти дословно повторяет аргументы

«Французского Геркулеса», хотя тон его значительно мягче – першеронский дворянин дискутирует, а не проклинает. Альманах на 1563 год, на которой ссылается Марконвиль, сохранился до наших дней; он действительно содержит предсказания «серьезных перемен в царствах и религиях». Однако этот альманах… поддельный! В подлинных альманахах Нострадамуса на этот год столь категоричных заявлений нет.

Впрочем, Марконвиль несомненно читал как минимум одно подлинное сочинение Нострадамуса. В той же книге он приводит подробное описание эпидемии чумы в Провансе в 1546 году, слово в слово заимствованное из кулинарно-косметического трактата предсказателя.[121] Однако имени автора этого описания Марконвиль не счел нужным упомянуть – как и нынешние критики пророка, он не желал видеть в его творениях ни единой крупицы истины.

Глава девятая
ТРИУМФ И ПРОЩАНИЕ

После окончания (точнее, во время недолгого перерыва) смут на юге страны, свидетелем которых оказался Нострадамус, королева-мать Екатерина Медичи стремилась примирить французов – гугенотов и католиков, – сплотив их вокруг королевской власти. После Амбуазского мира, подписанного 19 марта 1562 года и разрешившего протестантам свободное отправление их культа, Екатерина организовала длительную поездку королевского двора по стране. В конце февраля 1564 года она отправилась в путь в сопровождении юного короля Карла IX (ему было 14 лет), герцога Анжуйского (будущего Генриха III), герцога Алансонского, а также маленького Генриха Наваррского (будущего Генриха IV) и многочисленной свиты политиков, государственных деятелей и придворных. Их путь лежал через Труа, Бар-ле-Дюк, Макон, Лион и Баланс. 24 сентября кортеж прибыл в Авиньон, а 16 октября покинул его. Было решено, что двор пересечет реку Дюранс по специально построенному понтону из бревен и кораблей, и направится в Марсель. Современник пишет:

«После прибытия двора в Авиньон явился достойнейший и великолепнейший принц господин д'Альбёф, который сообщил королю о приготовлениях, которые совершали господа в Марселе, чтобы с почестями принять его. И хотя при дворе ходил слух, что король (согласно кругообращениям и расчетам Нострадамуса) не поедет дальше, а вернется (в Париж. – *А. П.),* было приказано быстро построить мост, чтобы пересечь реку Дюранс. Христианнейший правитель, исполненный Божественного духа, руководствуясь добрым советом своего королевского двора, направился в Марсель, следуя учению Соломона, который изрек: мудрец управляет звездами».[122]

17 октября двор сделал краткую остановку в Салоне. От имени жителей города Нострадамус составил приветственный адрес для высокопоставленных гостей, впоследствии напечатанный в его альманахе на 1565 год. Кортеж въехал в Салон через ворота Сен-Лазар, сопровождаемый многочисленными дворянами. Сезар Нострадамус в своей объемистой «Истории и хронике Прованса» оставил живописный рассказ об этом визите. Из него следует, что консулы около месяца готовились к встрече короля. Из-за разразившейся летом эпидемии чумы, спровоцированной, по предположению Сезара,

гниением трупов, которых оставили повешенными на деревьях, жители разбежались по окрестным деревням и небольшой (около 3 тысяч жителей) город опустел. В соседние поселки были направлены эмиссары, чтобы обязать жителей вернуться в Салон и подготовить свои дома к приему высокопоставленных гостей.

По всему пути следования королевского кортежа от ворот Авиньона до салонского замка Эмпери дороги и улицы были украшены лентами и временными триумфальными арками, увитыми ветками самшита. Дороги вымостили камнем и устлали лавандой и розмарином. Салонские буржуа задрапировали фасады своих домов лучшими гобеленами. При въезде молодого монарха зазвонили колокола. Во главе кортежа ехал Карл IX в плаще из фиолетового бархата с серебряным шитьем. На голове его был фиолетовый берет, украшенный белым султаном и великолепной бриллиантовой кокардой. Шею короля украшал воротник в два ряда дорогих испанских кружев; на него опускались два крупных алмаза, подвешенных к ушам на золотых цепочках. Карл гарцевал на коне, пышно убранном в серую попону и упряжь из черного бархата с золотой бахромой. Салонцы, заполнившие улицы, бурно приветствовали молодого красавца короля.

У главных ворот консульские власти Салона встретили гостя под дамастовым фиолетово-белым балдахином. Первый консул Антуан де Корд ранее просил Мишеля Нострадамуса присоединиться к муниципальной делегации, поскольку, как было известно, астролога высоко ценила королева-мать. Пророк, однако, отказался войти в комитет по приему королевского двора, хотя первый консул, как сообщает Сезар, был его близким другом. У астролога имелся другой сценарий, скорее всего, согласованный с королевской семьей. Он скромно сказал, что предпочитает наблюдать церемонию вместе с массой простых горожан. На деле это «скромное» присутствие обернулось красочным представлением во имя торжества справедливости. Когда кортеж проезжал мимо дома Нострадамуса (ныне № 11 по улице, названной его именем), Антуан де Корд и другие консулы указали королю на астролога. Карл IX остановился, и Нострадамус, с достоинством поклонившись монарху, изрек витиеватое латинское приветствие: *«Vir magnus bello, nulli pietate secundus»* («Муж, великий в войне, непревзойденный в набожности»).

Затем он повернулся к толпе и громко произнес по-латыни: «*O ingrata patria, veluti Abdera Democrito!»* («О отечество, неблагодарное ко мне, как Абдера к Демокриту!»; согласно преданию, глупые жители греческого города Абдеры изгнали

своего великого земляка Демокрита). Он напомнил горожанам, что всего лишь несколько лет назад католические фанатики чуть не убили его, заподозрив в тайной принадлежности к протестантизму. Сезар Нострадамус особо отметил эту реплику своего отца, направленную против невежественных «бушлатов», «кровавых мясников», которые притесняли предсказателя, «принесшего столько славы своему краю».

Карл IX, заверив Нострадамуса в своем особом уважении, предложил ему сопровождать кортеж до замка Эмпери, который архиепископ Арля предоставил в распоряжение двора. Пророк согласился и под взглядами сотен горожан пошел рядом с лошадью короля с непокрытой головой, держа в в одной руке бархатный берет, а другой опираясь на свою красивую трость из морского тростника (улекс европейский), инкрустированную серебром, – в конце жизни Нострадамуса сильно мучила подагра. Так Нострадамус с королем добрались до стен Эмпери. Когда «кочующий двор» расположился в замке, Нострадамус достаточно долго беседовал в королевских покоях с Карлом IX и его матерью. Королева и ее царствующий сын остались очень довольны консультацией. В письме коннетаблю Анну де Монморанси Екатерина Медичи писала: «Проезжая Салон, повидали Нострадамуса, который обещает моему сыну королю всяческое счастье, а также что он проживет столько же, сколько вы, а именно 90 лет».[123]

Посол Испании дон Франсиско де Алава, сопровождавший королевский двор в течение поездки в Салон, сообщал Филиппу II: «Чтобы Ваше Величество убедилось, насколько люди здесь безумны, расскажу Вам, что королева, проезжая местечко, где живет Нострадамус, призвала его и подарила ему 200 экю залога. Она приказала ему построить гороскоп для короля и другой, ее собственный. Поскольку это самый лукавый человек на свете, он никогда не говорит ничего, что не понравилось бы вопрошающим; он так обольстил этими гороскопами короля и королеву, что они велели ему следовать за двором, обращаясь с ним наилучшим образом, пока не устали от него и не оставили его в Арле. Когда я выразил надежду, что с Божьей помощью из этих встреч произойдет великое благо для христианского мира, королева спросила меня: „А известно ли вам, что Нострадамус пообещал мне, что в 1566 году на свете воцарится всеобщий мир и что французское королевство умиротворится и его положение укрепится?“ Когда она это говорила, то имела такой вид, будто цитировала святого Иоанна или святого Луку».[124]

В Салоне Нострадамус предсказал брак Елизаветы Английской и Карла IX; это пророчество произвело настоящую

сенсацию и вызвало сильное неудовольствие испанцев. Вскоре английский посол направил своей королеве гороскоп Карла с комментариями Нострадамуса, но Елизавета вежливо отвергла предложение (в тот момент она была почти вдвое старше предполагаемого жениха). К этому же визиту относится другое знаменитое предсказание Нострадамуса – он якобы посулил 11-летнему Генриху Наваррскому корону Франции. Матери этого принца Жанне д'Альбре он еще в 1545 году посвятил свой перевод «Иероглифики» Гораполлона. Стоит отметить, что в 1564 году шансы Беарнца на трон были практически равны нулю. Однако Нострадамус пожелал непременно увидеть мальчика. Присутствуя на утренней церемонии одевания принца, он внимательно осмотрел его, после чего сообщил воспитателю, что Генрих в будущем станет королем Наварры и Франции.

В музее Кро в Салоне выставлена картина Дени Вальверана (1870–1943), представляющая «историческую» сцену этой консультации в присутствии королевы Екатерины Медичи. В центре полотна стоит обнаженный мальчик, будущий Генрих IV. Длиннобородый Нострадамус держит правую руку на голове отрока. Слева сидит королева-мать, внимательно наблюдающая всю эту сцену. За Екатериной Медичи мы видим короля Карла IX в окружении нескольких слуг; он тоже с интересом смотрит на кузена. Ренессансный камин на заднем плане позволяет опознать зал замка Эмпери, где Карл и его мать встречались с Нострадамусом.

Изображает ли картина подлинное событие? Скорее всего, единственная достоверная вещь на картине – это камин.

Очень маловероятно, чтобы Нострадамус, крайне осторожный во всех своих предсказаниях, подлежащих огласке, публично предрек французскую корону молодому беарнскому принцу, да еще и в присутствии королевы-матери, известной своим мстительным нравом. Ведь это означало, что Карл и его братья вскорости умрут… Возможно, подобное предсказание действительно имело место, но касалось оно не Беарнца, а герцога Анжуйского – брата короля Карла IX и будущего Генриха III. Тем не менее Генрих Наваррский, уже став королем Франции, очень любил рассказывать эту историю. Об этом пишет, например, хронист Пьер Летуаль.[125] Осмотрев ребенка, Нострадамус якобы сказал его гувернеру: «Если Бог окажет вам милость и вы проживете достаточно, вашим хозяином будет король Франции и Наварры». Генрих IV, по словам Летуаля, добавлял, что в то утро он очень испугался, так как решил, что незнакомый старик с длинной седой бородой собирается выпороть его (воспитатель долго не давал ему рубашку, чтобы

Нострадамус мог основательно осмотреть «знаки» на теле принца).

Согласно последним исследованиям, встреча астролога с Генрихом Наваррским все-таки имела место. Проходила она тайно в доме друга и племянника жены Нострадамуса, Пьера Тронка де Кудуле, чтобы не возбуждать подозрения у Екатерины Медичи. В то время Карлу IX было только 14 лет, и никто не мог предусмотреть, что он умрет бездетным, как и его братья, и что Бурбоны в 1589 году сменят династию Валуа.

Другой анекдот, сообщаемый несколькими хронистами, касается того же принца Наваррского, будущего Генриха IV. Незадолго до прибытия в Салон королевский караван остановился в Марселе, где двор отправился на службу в собор. Разумеется, молодой Генрих Наваррский, воспитанный в протестантской вере, не пошел туда. Тогда его кузен, будущий Генрих III, в шутку сорвал с него берет и забросил его внутрь собора, чтобы заставить мальчика все-таки переступить порог католического храма. Принцу пришлось войти и взять берет. Когда об этой истории поведали Нострадамусу, он сказал, что она предвещает возвращение наваррского принца в лоно католической церкви. Действительно, Генрих IV отрекся от протестантизма дважды – сначала через восемь лет, после Варфоломеевской ночи, потом почти 30 лет спустя, в июле 1593 года.

На следующий день, в среду 18 октября, король пожаловал городу Салону новый герб и разрешил ему назначать третьего консула, после чего направился дальше. На обратном пути королевский кортеж был остановлен в Арле паводком Роны. Король послал за Нострадамусом – очевидно, чтобы тот сообщил, сколько времени понадобится, чтобы воды реки вернулись в прежнее русло. Очевидно, он был удовлетворен ответом пророка, поскольку вручил ему 200 экю золотом; королева-мать со своей стороны добавила еще 100 экю. Вдобавок Карл IX назначил Нострадамуса лейб-медиком и королевским советником. Документы, подтверждающие этот статус, были направлены в Салон позднее. Высокая должность предполагала и соответствующую оплату, что было весьма кстати для салонского провидца, уже не способного работать с прежней интенсивностью. Захватив с собой новоиспеченного лейб-медика, двор направился в Мариньян, Экс, Тулон, Марсель. С 16 ноября по 7 декабря он пребывал в Арле, где Нострадамус дал ряд новых консультаций – в частности, сообщил Екатерине Медичи, что ее дочь Елизавета Валуа, королева Испании, беременна.

В середине декабря предсказатель вернулся в Салон. После

триумфа при дворе его здоровье стало ухудшаться. Подагра мучила его все сильнее и сильнее. 16 октября он написал посвятительное предисловие к своему альманаху на 1566 год, который должен был выйти в Лионе у Антуана Волана и Пьера Брото. Оно было посвящено Оноре Савойскому, графу де Танду. Незадолго до этого из-под пера Нострадамуса вышло еще одно сочинение – гороскоп принца Рудольфа, сына императора Максимилиана II, работа над которым заняла 14 месяцев. Сохранилась немецкая версия этого документа, датированного 20 июля 1565 года, которая включает около 250 страниц комментариев. Недавно найден и французский оригинал.

22 декабря, за несколько месяцев до смерти, Нострадамус отправил Екатерине Медичи последнее письмо: «Госпожа, я услышал, что приближается собрание Вашего королевства. И хотя Ваше Величество могло уже быть об этом уведомлено кем-нибудь другим, тем не менее, согласно тем познаниям, которыми меня наделил Господь, и исполняя мой долг перед моим королем, как покорнейший слуга и подданный, я со всей ответственностью чина, которым меня наградило Ваше Величество, обязан уведомлять Ваше Величество всякий раз, когда с помощью звезд будет возможно узнать и понять будущее. Благодаря нескольким воздвигнутым здесь небесным фигурам, я нахожу, что после краткой отсрочки во времени и пространстве, повсюду установятся неподдельные мир, любовь и согласие, сколько бы ни было великих противоречий и распрей. Но к концу каждый вернется оттуда с радостью на устах и в сердце – [те,] срок возвращения которых зависит от исчерпания (вопросов. – *А.П.*). В конце концов эта ассамблея станет основой великого мира и счастья во всем Вашем королевстве. Я приготовил небольшое рассуждение об этом, однако не набрался смелости отправить его Вашему Величеству до тех пор, пока Вы не изъявите более ясного желания. То, что Ваше Величество скажет и назначит, будет быстро сделано и выполнено.

Благоволите также, Ваше Величество, прислать мне небесную астрономическую фигуру 17-го года жизни Христианнейшего короля, чтобы [я мог] сделать ее объяснение в завершенном виде; ибо я нахожу в этом году некую великую и очень счастливую удачу длительного мира в его королевстве. Необходимо, чтобы она (фигура. – *А. П.*) была точно рассчитана и я мог бы сопоставить ее с моей. И я буду изо всех сил делать то, что должен, для моего короля, моего суверена, сеньора и хозяина.

После этого я буду молить Создателя всего мира даровать Вам, госпожа, жизнь долгую, многодетную, сопровождаемую полным исполнением желаний Вашего Величества.

Из Вашего города Салона-де-Кро в Провансе, 22 дня декабря 1565 года.

С подписью:

Ваш покорнейший и послушнейший слуга и подданный, Мишель Нострадамус.

И внизу: Королеве, нашей государыне и госпоже».

В 1566 году был напечатан последний альманах Нострадамуса. Ни одного экземпляра его не сохранилось, но, к счастью, в 1904 году фанатичный поклонник творчества пророка аббат Риго, обладавший экземпляром этого альманаха, напечатал копию с единственного уцелевшего экземпляра, ныне также утраченного. Сохранился и его итальянский перевод. Этот альманах состоит из трех частей и включает в себя два посвящения: первая часть посвящена Рене де Бирагу – королевскому прокуратору Лиона, позже ставшему сюринтендантом финансов. Посвящение датировано 15 июня 1566 года, когда до смерти Нострадамуса оставалось 17 дней:

«Знаменитейшему господину, сеньору де Бирагу, советнику Тайного королевского совета Франции, наместнику и генерал-губернатору Его Величества в области Лиона и Божоле в отсутствие сеньора принца и герцога Немурского – Мишель Нострадамус посылает свое приветствие и желает доброй и счастливой жизни.

Среди живущих, монсеньор, не дозволено доискиваться и стремиться познать времена и сроки, поскольку такое любопытство порождает и вызывает лишь длительное и разрушительное мучение по причине сложности, заключающейся в невозможности достичь определенности. Вот почему, следуя своей судьбе, я дерзаю предсказывать… благодаря моим исследованиям и суждениям только то, что юдициарная астрология сулит мне и иногда позволяет узнать – в основном через предупреждение, чтобы люди знали о том, в чем им угрожают небесные светила. Я никогда не был настолько глуп, чтобы претендовать на роль пророка или иного чародея на основе уже опубликованных моих предсказаний и частично уже сбывшихся, как мы убедились в прошедшем году во время чумы. Потому-то нет никакой необходимости проклинать предзнаменования и предсказания, которые Небо открывает и возвещает посредством неких знаков тем, чей дух способен прикоснуться и приобщиться к Вечной Сущности.

Молю о том, чтобы Вы, монсеньор, соблаговолили принять мою апологию против клеветников и злодеев, скорых на проклятия и злословие, которые говорят, будто подобные [пророческие] речения происходят от семейного демона (если это

угодно Богу, Который один может отвратить его или помешать ему). Этот демон, говорят они, служит мне до сего дня. Это столь же далеко от правды, как они, несомненно, далеки от разума и здравомыслия, ибо их чувства ввергнуты в смятение завистью и невежеством.

Из Салона-де-Кро в Провансе, 15 июня 1566 года».

Вторая часть альманаха посвящена Эммануилу-Филиберту Савойскому; посвящение датировано 22 апреля 1566 года.

17 июня того же года, страдая от болезни, Нострадамус пригласил в свой дом в Салоне нескольких друзей и городского нотариуса Жозефа Роше. Последний записал в своем регистре пространное завещание предсказателя, которое мы приведем целиком:

«Завещание Мишеля Нострадамуса

В год от Рождества нашего Господа 1566-й, 17-го дня месяца июня.

Так же, как нет ничего более определенного, чем смерть, так нет и ничего менее определенного, чем ее час. По этой причине рядом со мной, Жозефом Рошем, королевским нотариусом и присяжным письмоводителем города Салона Арльской епархии, и свидетелей, поименованных ниже, присутствует магистр Мишель Нострадамус, доктор медицины и астрофил упомянутого города Салона, королевский советник и лейб-медик.

Последний, будучи в полном рассудке и понимании, чувствуя себя хорошо и владея зрением и слухом, хотя и будучи ослабленным старостью и определенной телесной болезнью, которая в настоящее время сковывает его, желает, пока он еще жив, распорядиться своим имуществом, которое Создатель даровал и уделил ему в сем смертном мире, с тем, чтобы после его кончины не возникло споров, тяжб и разногласий об этом имуществе.

Поэтому упомянутый магистр Мишель Нострадамус по своей доброй воле, по свободному желанию, по собственному побуждению и по обдумывании, распорядился и определил и в присутствии указанных людей распорядился и определил своим словесным завещанием окончательное постановление и распоряжение каждого из благ, которые Создатель даровал и уделил ему в сем смертном мире, в следующей форме.

Во-первых, завещатель Мишель Нострадамус, будучи добрым, истинным и верным христианином, препоручает свою душу Создателю, моля Его, чтобы по его кончине, когда Богу будет угодно его призвать, Он проявил жалость, сострадание и милосердие и забрал его душу в Царствие небесное.

Поскольку после души тело – самая достойная вещь в этом

мире, – завещатель Мишель Нострадамус пожелал и распорядился, чтобы, когда его душа покинет тело, последнее было почтительно отнесено в гробницу в церкви монастыря Святого Франциска упомянутого города Салона, между большой дверью и алтарем Святой Марфы, где, как он пожелал, будет его захоронение или могила у стены. Он пожелал и распорядился, чтобы вышеуказанное тело было окружено четырьмя свечами по одному ливру (фунту) весом каждая. Он пожелал также, чтобы его похороны и все погребальные обряды проводились по усмотрению нижепоименованных исполнителей.

Указанный завещатель также пожелал и распорядился, чтобы после его кончины каждому из тринадцати нищих было единовременно выдано по 6 су. Он также отписал братьям монастыря Сен-Пьер-де-Канон 1 экю единовременно тотчас после его кончины. Он также завещал капелле Богоматери Кающихся грешниц упомянутого города Салона 1 экю единовременно тотчас после его кончины. Он также завещал братьям-миноритам монастыря 2 экю единовременно тотчас после его кончины.

Он также завещал благородной девице Магдалене Безодин, дочери своего родича Луи Безодина, сумму в 10 золотых экю-пистолей, которые, согласно его воле, будут переданы ей, когда она выйдет замуж, и не иначе, так что если упомянутая Магдалена умрет прежде замужества, это наследство завещателя не возымеет законной силы.

Также завещатель, магистр Мишель Нострадамус, отписал и оставил юной госпоже Магдалене Нострадамус, своей законной и родной дочери от госпожи Анны Понсард, его жены, сумму в 600 золотых экю с изображением солнца, подлежащих единовременной выплате только в день, когда она выйдет замуж.

Также завещатель, магистр Мишель Нострадамус, завещал юным госпожам Анне и Диане де Нострадамус, своим законных и родным дочерям от упомянутой Анны Понсард, его жены, сумму в 500 золотых экю-пистолей, подлежащих выплате каждой в день, когда они выйдут замуж. В случае же если упомянутые госпожи сестры Магдалена, Анна и Диана или одна из них умрут, будучи под опекой, или иным образом, без законных и родных наследников, – на этот случай он заменил каждую из упомянутых Магдалену, Анну и Диану своими нижеперечисленными наследниками.

Также завещатель, магистр Мишель Нострадамус завещал и оставил госпоже Анне Понсард, своей возлюбленной жене, сумму в 400 золотых экю-пистолей, каковые, по желанию завещателя, будут переданы ей немедленно после кончины завещателя и каковыми Понсард будет пользоваться, пока пребудет во вдовстве

с фамилией завещателя. Если же Понсард вступит в повторный брак, то в этом случае по желанию завещателя эти 400 экю будут возвращены его нижеперечисленным наследникам. Если же Понсард не вступит в повторный брак, то в этом случае, согласно желанию завещателя, она передаст и оставит в наследство упомянутые 400 экю одному из детей завещателя – тому или тем, кому она сочтет нужным, с непременном условием, что она не оставит их никому, кроме детей завещателя.

Также он завещал Понсард, своей жене, пользование и жительство в одной трети всего дома завещателя, каковую треть Понсард возьмет по своему выбору и которой она будет пользоваться, пока пребудет во вдовстве с фамилией завещателя. Он также завещал и оставил госпоже Анне Понсард, своей жене, ларь орехового дерева, именуемый большим ларем и находящийся в гостиной дома завещателя, вместе с другим, маленьким, у кровати, а также кровать, находящуюся в гостиной, вместе с чехлом для матраца, матрацами, пружинами, подпоркой, тканым покрывалом, пологами и занавесями на упомянутой кровати; а также 6 покрывал, 4 полотенца, 12 салфеток, полдюжины блюд, полдюжины тарелок, полдюжины мисок, два кувшина, большой и маленький, чашку и солонку, все из олова, и другое движимое имущество в доме, которое ей будет потребно согласно ее положению, три бочки для вина и маленький квадратный чан, которые стоят в подвале. Это движимое имущество после смерти упомянутой Понсард или в случае, если она вступит в повторный брак, по желанию завещателя вернется к его нижеперечисленным наследникам.

Также завещатель завещал и оставил госпоже Анне Понсард, своей жене, все ее платья, одежды, кольца и драгоценности, чтобы она могла взять все, что она пожелает и захочет. Завещатель также оставил для выдачи до раздела всего наследства все свои книги тому из своих сыновей, кто достигнет наибольших успехов в учебе и более остальных вкусит аромата лампового масла. Эти книги, вкупе со всеми деловыми письмами, которые будут найдены в доме завещателя и которые завещатель не пожелал никаким образом ни инвентаризировать, ни описывать, должны быть связаны в пачки, уложены в корзины и заперты в одной из комнат дома завещателя до тех пор, пока тот, кто должен получить их, не достигнет возраста, чтобы забрать их.

Он также завещал для выдачи до раздела всего наследства Сезару де Нострадамусу, своему законному и родному сыну от госпожи Понсард, своей жены, свой дом, в котором завещатель проживает ныне. Кроме того, он завещал ему для выдачи до раздела всего наследства свою накидку, вышитую дважды

позолоченным серебром, а также большое кресло из дерева и железа, находящееся в упомянутом доме – наследство, переходящее, однако, к Анне Понсард, его жене, до тех пор, пока она пребудет во вдовстве с фамилией завещателя. Этот дом останется общим и нераздельным в том, что касается его использования упомянутым Сезаром и его братьями Шарлем и Андре, пока все упомянутые братья не достигнут 25-летнего возраста, после чего весь упомянутый дом полностью перейдет в собственность Сезара в соответствии с его желанием и волей, с тем, однако, чтобы наследство, полученное Понсард, его матерью, относительно дома, оставалось в силе.

Указанный завещатель также завещал для выдачи до раздела всего наследства Шарлю де Нострадамусу, своему законному и родному сыну от госпожи Понсард, своей жены, сумму в 100 золотых экю-пистолей единовременно, каковые 100 экю Шарль сможет взять в качестве всего своего наследства перед тем, как оставить дом по достижении 25-летнего возраста.

Указанный завещатель также завещал для выдачи до раздела всего наследства Андре де Нострадамусу, своему законному и родному сыну от госпожи Понсард, своей жены, сумму в 100 золотых экю-пистолей единовременно, каковые 100 экю Андре сможет забрать в качестве всего своего наследства перед тем, как оставить дом по достижении 25-летнего возраста.

А поскольку определение наследников есть главное и основное в каждом завещании, без чего завещание становится недействительным и не имеющим законной силы, завещатель, магистр Мишель де Нострадамус, по своей доброй воле, чистому и свободному желанию, со знанием дела, по своему собственному побуждению, суждению и воле, все свое иное имущество, движимое и недвижимое, настоящее и будущее, права, имена, основания и деяния, какие-либо долги, когда бы они ни проявились, в установленном порядке своими устами назвал по именам и фамилиям своих наследников в общем и частном. Это упомянутые Сезар, Шарль и Андре де Нострадамусы, его законные и родные дети от Анны Понсард, его жены, в равных частях, замещаемых в том случае, если они умрут, будучи под опекой, или иным образом, без законных и родных наследников.

Если госпожа Анна Понсард, его жена, беременна и произведет на свет одного или двух сыновей, он делает их наследниками одинаково с другими, с подобным замещением; если она произведет одну или двух дочерей, он завещает каждой из них сумму в 500 экю-пистолей с теми же условиями выплаты и замещением, как и другим.

Также завещатель пожелал, чтобы его перечисленные сыновья

и дочери не могли вступить в брак без согласия и одобрения Понсард, их матери, и ближайших родственников завещателя. В случае, если все они умрут без законных и родных наследников, указанный завещатель заменил последнего из них госпожами сестрами Магдаленой, Анной и Дианой де Нострадамус, дочерями завещателя.

И, поскольку завещатель, понимая, что его состояние состоит главным образом из наличных денег и долгов, пожелал эти наличные деньги и долги передать в руки двух или трех платежеспособных торговцев с честными доходами и прибылями.

Поскольку он понимает, что его дети пребывают в детском и подопечном возрасте, он назначил им опекуна и завещательную душеприказчицу для них и их имущества: Анну Понсард, свою жену, которой он особенно доверяет, обязав ее только сделать правильную и верную опись имущества. Не желая, однако, чтобы она была вынуждена продать любую недвижимость или посуду из дома наследства, пока она пребывает во вдовстве с фамилией имени завещателя, он запрещает ей производить какое бы то ни было отчуждение движимого имущества, чтобы оно было сохранено, а затем разделено среди упомянутых детей и наследников, когда они, как уже было сказано, достигнут 25-летнего возраста.

Эта опекунша будет получать и забирать прибыль и выгоду от упомянутых денег, переданных в руки торговцев ради этой прибыли, чтобы кормить, обувать и одевать себя и детей, обеспечивая им всем необходимым согласно их состоянию, без того, чтобы она давала какой-либо отчет об этих прибылях, заботясь лишь о детях, как было сказано.

Завещатель особо запрещает указанным его наследникам требовать свою долю наследства, хранящуюся в деньгах, прежде, чем они достигнут 25-летнего возраста. Что касается наследства указанных дочерей, то оно будет получено ими из денежного капитала, который будет вверен упомянутым торговцам, когда дочери выйдут замуж, согласно завещанию.

Далее, завещатель желает, чтобы ни один из его братьев не нес бы никакой ответственности и не управлял бы наследством, поскольку полное заведование и управление им и детьми он оставил на госпожу Анну Понсард, свою жену.

Чтобы это его завещание было наилучшим образом исполнено, особенно в том, что касается его бренных останков и его души, указанный магистр Мишель Нострадамус назначил исполнителями и душеприказчиками его существующего завещания Паламеда Марка, дворянина, господина де Шатенеф, и господина Жака Сюфрана, горожанина Салона, каковых наделяет

полными властью и силой для исполнения нынешнего завещания, для распоряжения его имуществом и совершения всего, что обычно делают истинные душеприказчики (следует приписка нотариуса, содержащая указания соблюдений всех формальных установлений).

Указанный магистр Мишель Нострадамус точас заявил в присутствии нижеперечисленных свидетелей, что владеет наличными деньгами в сумме 3444 экю 10 су, которые он показал в присутствии нижеперечисленных свидетелей, в монетах, перечисленных ниже. Во-первых, 36 нобилей с изображением розы (золотая английская монета, весившая 5 денье 10 гран. – *А.П.*); 101 простой дукат; 79 ангелотов; 126 двойных дукатов; 4 старых экю; 2 лиондора в форме старых экю; один экю короля Людовика [XII]; золотая медаль стоимостью 2 экю; 8 немецких флоринов; 10 империалов; 17 марионеток (золотая монета XV века с изображением Девы Марии. – *А.П.*); 8 пол-экю; 1419 экю с изображением солнца; 1200 экю-пистолей; 3 куска золота, называемого португальским, стоящие 36 экю[-пистолей], в сумме же упомянутые наличные деньги дают 3444 экю 10 су. Завещатель также прояснил своей счетной книгой, обязательствами и долговыми расписками, что он имеет долги на сумму 1600 экю.

Эта сумма наличных денег была заперта в три ящика или шкатулки в доме упомянутого де Нострадамуса, ключи от которых были поручены: один – Паламеду Марку, господину де Шатенеф, другой – господину Жаку Сюфрану, буржуа упомянутого города Салона, которые они фактически получили сразу после того, как собственноручно положили деньги в означенные ящики.

Составлено, оформлено и записано в Салоне, в кабинете дома завещателя, магистра Мишеля Нострадамуса, в присутствии господ буржуа Жозефа Райно, консула Мартена Мансона, казначея Жана Алегре, дворянина Марка Паламеда, господина де Шатенеф, знатного Гийома Жиро, [знатного] Арно д'Амизана, дворянина Жоме Вигье и брата Видаль де Видаля, настоятеля монастыря Св. Франциска, из города Салона, призванные согласно требованию свидетели. Согласно королевскому ордонансу, я, нотариус, потребовал подписи завещателя и свидетелей, и они подписались, за исключением упомянутого Райно, который не умеет писать.

Таким образом, подписали: Мишель Нострадамус; Мартен Мансон, консул; Жан Аллегре, казначей; Видаль де Видаль, настоятель; Бальтазар д'Амизан, свидетель; П. Марк, свидетель; Ж. Вигье, Гийом Жиро.

(Подписал нотариус Рош)».

Тринадцатью днями позже, 30 июня 1566 года, Нострадамус, предчувствуя близкий конец, зарегистрировал у того же нотариуса приписку к завещанию:

«Акт, изменяющий завещание магистра Мишеля Нострадамуса, доктора медицины, астрофила, королевского советника и лейб-медика

В году от Рождества нашего Господа 1566-й, в последний день месяца июня.

Знайте все присутствующие и те, кто увидит этот документ в будущем, что в присутствии меня, нижеподписавшегося Жозефа Роша, королевского нотариуса и присяжного письмоводителя города Салона, Арльской епархии, и свидетелей, поименованных ниже, Мишель Нострадамус, доктор медицины и астрофил упомянутого города Салона, королевский советник и лейб-медик, обдумал и пересмотрел в своей памяти словесное завещание, которое он продиктовал и которое было принято и подписано мной, нотариусом, 17 числа июня месяца нынешнего года, и в котором, между прочим, он назначил наследниками своих детей Сезара, Шарля и Андре де Нострадамусов.

Поскольку право на изменение завещания и внесение в него дополнений является дозволенным и законным и разрешается каждому с тем, чтобы он мог добавить или убавить что-либо из высказанной воли, или полностью изменить и отменить ее, упомянутый магистр Мишель де Нострадамус желает сделать дополнение, завещая упомянутому Сезару де Нострадамусу, любимому сыну, свою медную астролябию, вместе с большим золотым кольцом со вставленном сердоликом, в дополнение к имуществу для выдачи до раздела всего наследства в его пользу упомянутым Нострадамусом, его отцом, согласно его высказанной воле.

Он также завещает госпоже Магдалене де Нострадамус, своей законной и природной дочери, кроме того, что завещал ей в соответствии с его высказанным желанием, два ящика орехового дерева, которые находятся в кабинете завещателя, вместе с одеждой, кольцами и драгоценностями, которые упомянутая госпожа Магдалена найдет в упомянутых ящиках, с тем, чтобы никто не мог увидеть, что в них хранится. Таким образом, она станет владелицей упомянутого наследства тотчас после кончины завещателя. Это наследство госпожа может взять своею властью, не будучи никем удержанной от этого и не дожидаясь ничьего разрешения.

Все другое, содержащееся и заявленное в его высказанной воле, магистр Мишель де Нострадамус одобрил, ратифицировал и подтвердил, пожелав, чтобы завещание имело постоянную силу.

Завещатель пожелал, чтобы это изменение и все его содержание имели постоянную силу, согласно праву на изменение завещания и согласно праву на любую другую последнюю волю, в лучшей форме, которая может быть достигнута. Он потребовал, чтобы я, нижеподписавшийся нотариус, и нижеперечисленные свидетели запомнили это изменение. Свидетелей он хорошо знает и помнит по именам, и свидетели также знают его.

Упомянутый магистр Мишель де Нострадамус пожелал, чтобы я, упомянутый нижеподписавшийся нотариус, составил документ о том, что и кому будет принадлежать по праву.

Составлено, оформлено и записано в Салоне, в доме завещателя, в присутствии господина казначея Жана Алегре, магистра Антуана Пари, доктора медицины, Жана Гиро де Бессона, аптекаря Гильена Эйро и магистра Жерве Берара, хирурга, из города Салона, призванных согласно требованию в свидетели. Согласно королевскому ордонансу, я, нотариус, потребовал у завещателя и свидетелей их подписей, и они подписались за исключением упомянутого Райно, который не умеет писать.

Таким образом, подписали: М. Нострадамус; Жан Аллегре, Жерве Берар, А. Пари, Гильена Эйро (свидетели).

(Подписал нотариус Рош)».

Мы знаем, что Нострадамус имел личную печать, на которой, помимо его имени, значились астрологические символы трех планет, восходящих над символом Солнца. Скорее всего, эти символы указывали на его натальный гороскоп, в котором Солнце противостояло соединению самых дальних из известных в то время планет Солнечной системы – Марса, Юпитера и Сатурна. Согласно астрологическим принципам, такая конфигурация указывает на большой талант и славу, но также и на трудную жизнь, полную испытаний, взлетов и падений.

2 июля 1566 года эта жизнь прервалась. Мишель Нострадамус был похоронен по католическому обряду в церкви братьев-миноритов. Его эпитафия гласила:

D.M. OSSA CLARISSIMI MICHAELIS NOSTRADAMI VNIVS
OMNIVM MORTALIVM IVDICIO DIGNI CIVIVS PENE DIVINO
CALAMO TOTIVS ORBIS EX ASTRORVM INFLVXV FVTVRI
EVENTVS CONSCRIBVNTVR. VIXIT ANNOS LXII. MENSES VI.
DIES X. OBIIT SALLONЖ DLXVI.

QVIETEM POSTERI NE INVIDETE
ANNA PONTIA GEMELLA CONIVGI OPTIMO. V.F.

Вот ее перевод: «Богам Манам. Здесь покоится прах знаменитейшего Мишеля Нострадамуса, признанного достойнейшим, по суждению всех смертных, чье почти божественное перо описало события, которые, под влиянием звезд, произойдут во всем мире. Он прожил на свете 62 года, 6 месяцев и 10 дней (при реконструкции в начале XIX века исправлено на „17 дней“. – *А. П.)*. Он умер в Салоне в 1566 году. Да не позавидуют потомки его покою. Анна Понсар Жемелла исполнила своей обет лучшему из мужей».

Жена Нострадамуса пережила его на 16 лет. После него остались шестеро детей – три сына и три дочери. Старший сын Сезар (1553–1630), на которого отец возлагал большие надежды, посвятив ему первое издание «Пророчеств», стал живописцем (ему, в частности, принадлежит самый известный портрет Нострадамуса-отца), поэтом, драматургом и историком Прованса. Людовик XIII Справедливый произвел его в камергеры и даровал статус шевалье. Андре де Нотрдам (1557–1601), второй сын салонского прорицателя, унаследовал, очевидно, отцовскую вспыльчивость и в конце концов был арестован за убийство на дуэли; после помилования он вступил в орден капуцинов. Еще один сын пророка, Шарль де Нотрдам (1556–1629), также стал стихотворцем и даже входил в тройку лучших провансальских поэтов своего времени.[126] Старшая дочь пророка Мадлен вышла замуж за салонского юриста Клода де Перюсси и умерла в 1623 году. Вторая дочь, Анна, ставшая женой торговца Пьера де Сева, скончалась около 1597 года. Третья, Диана, в полном соответствии со своим именем осталась незамужней и дожила до 1630 года.

Стоит упомянуть и еще одного сына Нострадамуса – на сей раз поддельного. По давней и удивительно живучей легенде, сын пророка Мишель-младший, тоже ставший астрологом, предсказал в 1574 году пожар во французском городе Пузен *(Pouzin),* потом поджег его сам, был схвачен стражей с факелом в руках и предан смерти. Однако у Нострадамуса не было ни сыновей, ни близких родственников по имени Мишель; к тому же никто из его потомков, насколько известно, не занимался астрологией. Хотя легенда о неудачливом поджигателе возникла гораздо позже, в эпоху Просвещения, вскоре после смерти пророка на книжном рынке появились книги, написанные «Мишелем Нострадамусом-младшим». Брат покойного Жан сразу же назвал их автора самозванцем, «о котором в нашей семье никто не имеет никакого

понятия».

Жан де Нотрдам (1507–1577) в 1575 году издал на французском и итальянском языках «Жизнеописания самых древних и славных провансальских поэтов, процветавших во времена графов Прованса». Как автор пишет в посвящении королеве, к написанию этого труда его побудил брат, «достопочтенный Мишель Нострадамус, магистр медицины и астрологии в Салоне-де-Кро».[127] Книге Жана де Нотрдама был посвящен ряд специальных исследований, которые закрепили за этим трудом репутацию мистификации. В ней причудливо переплетаются правда и вымысел, а исторически верные (или хотя бы правдоподобные) факты перемежаются с явными анахронизмами. Так, средневековые трубадуры у него изучают античные трактаты, пишут свои песни в форме центурий (!), активно занимаются магией и астрологией, но главное – выступают против светской и духовной тирании и даже становятся авторами тираноборческих сочинений, выступая предшественниками ренессансных гуманистов. Буйная фантазия Жана расширила список жизнеописаний за счет стилизованных под общую канву биографий его реальных друзей и современников, чьи имена он анаграмматически превращал в имена мифических трубадуров. Одно из жизнеописаний обыгрывает имя и жизнь его знаменитого брата, изображенного под именем Ансельма де Мостьера:

«Ансельм де Мостьер был сыном Жоакима, богатого авиньонского горожанина. Нескольких других детей, коих тот имел от провансальской дворянки, сей Ансельм превосходил во всех добродетелях, был славный пиит на всех наречиях, а такожде на нашем родном провансальском, и сочинял токмо стихами. Изучив математические науки, он сделался одним из совершеннейших и превосходнейших людей в мире, благодаря своим познаниям и доброму расположению к нему короля Роберта Сицилийского и графа Прованского, у коего он был на службе, а оный любил его и жаловал, оказуя ему великие милости, и не отпускал его от себя, когда не бывал занят войнами и неурядицами в своем королевстве Неаполитанском.

Он [Ансельм] предрек ему преждевременную кончину его единственного сына Карла, который был герцогом Калабрийским и Флорентийским, и злосчастный конец Иоанны, его внучки, дочери сего Карла, оскудение Неаполитанского королевства, графства Прованского и города Авиньона из-за войн и мятежей, кои там размножились, и показал ему все сие воочию на грозных созвездиях по правилам астрологии, ибо сей пиит почитался докою по части древних предсказаний. Король Роберт пожаловал

ему должность подесты в Авиньоне, куда он и удалился по смерти вышепомянутого Роберта. Женился он на провансальской дворянке и имел от нее прекрасных детей – сына с не меньшими познаниями, нежели отец, и дочь совершеннейшей красоты. Скончался он в Авиньоне около того времени, когда вышереченная Иоанна I, королева Неаполитанская, дочь Карла, сына короля Роберта, графиня Прованская продала город Авиньон папе Клименту VI, что произошло в лето 1348-е. Монахи Златоостровский и от святого Цезария повествуют о жизни сего Ансельма в сущности то же, что сказано выше, а первый присовокупляет, что у него был роковой перстень, сработанный с великим умением и обладавший неким удивительным свойством, который он оставил своей дочери».[128]

Надгробная фраза «Потомки да не позавидуют его покою» оказалась поистине пророческой. В 1791 году Революционный марсельский батальон разбил гробницу и надругался над останками самого Нострадамуса и его сына Сезара. Мэр Салона Давид с трудом уговорил марсельцев оставить прах в покое, заявив им, что Нострадамус в свое время предсказал революцию. Спасенные останки были захоронены под полом часовни Святого Роха и Девы Марии при салонском храме Святого Лаврентия. Плиту, также сохраненную мэром, прикрепили к стене над местом погребения. В таком состоянии могила существует и поныне.

В связи с осквернением могилы Нострадамуса существует легенда, с некоторыми отличиями пересказываемая разными нострадамоведами. Сообщается, что все участники этого акта вандализма впоследствии погибли. Говорят также, что один из гвардейцев пил вино из черепа Нострадамуса, чтобы стать таким же мудрым. Именно этот гвардеец, гласит вариант легенды, был найден на следующий же день убитым неподалеку от города. Следует подчеркнуть, что при всей живописности этой легенды она остается легендой, и только.

В сегодняшнем Салоне действует музей Нострадамуса; улица, на которой жил предсказатель, теперь носит его имя. В городе установлены целых три памятника Нострадамусу – рекорд по числу монументов профессиональному астрологу и прорицателю.

Был ли Нострадамус пророком – иными словами, сбывались ли его предсказания? Что представляют собой его «Пророчества» – книга, о которой все слышали, но которую мало кто читал? Верно ли, что в них предсказаны события на много веков вперед? Автор сознает, что многие читатели приобрели его книгу именно для того, чтобы получить ответы на эти вопросы. Именно поэтому вторая часть настоящей работы посвящена «Пророчествам»,

больше известным под названием «Центурии».

Две стороны проблемы – ясновидческие способности Нострадамуса и содержание его книги предсказаний, – очень различны. Перед тем как приступить к разбору собственно «Пророчеств», следует сказать, что Мишель Нострадамус, безусловно, был образованным и очень одаренным человеком. Ему удалось без какой-либо существенной сторонней поддержки, своим собственным трудом и талантом добиться общеевропейской славы и заставить говорить о себе при дворах монархов влиятельнейших европейских стран. Не будем забывать, что слава Нострадамуса пережила его на 400 с лишним лет, а это что-нибудь да значит.

Но на чем зиждется эта слава, прижизненная и посмертная? Был ли Нострадамус сознательным шарлатаном, дурачившим наиболее легковерную часть публики? Или, быть может, он исполнял роль общеевропейского юродивого, о котором все говорят, но которого никто не слушает? Судить о том, насколько популярным был тот или иной автор в свою эпоху, можно, лишь имея данные о тиражах его книг. В XVI веке тиражи книг редко превышали 3–5 тысяч экземпляров; каковы же были тиражи альманахов и пророчеств Мишеля Нострадамуса? Следует учесть, что он издавал не по одному календарю в год. Как правило, он готовил несколько различных видов годовых астрологических прогнозов – собственно альманахи, *«Presages»* («предвестия»), *«Pronostications»* («предсказания», «прогнозы») и так далее. Важно отметить, что далеко не все из них дошли до наших дней; многие сохранились лишь в библиографических описаниях, а от некоторых не осталось и следа: календари – товар скоропортящийся.

Наконец, часть годовых прогнозов Нострадамуса переиздавалась за границей – в Италии, в Англии, в Германии. Если речь шла об авторизованных (не пиратских) перепечатках, то Нострадамус также получал за них гонорары.

Так каковы же были тиражи и цены изданий?

В руанских архивах сохранилось дело о тяжбе книготорговца, печатника и отливщика шрифтов Робера Граньона и лионских книготорговцев Гийома Геру и Жана Иессе. Между прочим, дело содержит любопытнейший документ, где подробно перечислены поставки книг для продажи, закупленные Иессе и Геру, а также их оптовые цены. Среди них упомянуты и издания Нострадамуса (примечательно, что все они, кроме «Пророчеств», не дошли до наших дней):

«300 экз. альманахов на 1558 г. по 44 су за сотню – 6 ливров 12 су.

200 экз. *«Presages»* на 1558 г. по 44 су за сотню – 4 ливра 8 су.

500 экз. "*Pronostications*" на 1558 г. по 16 су за сотню – 4 ливра.

25 экз. «Пророчеств» по 4 су 7 денье.

200 экз. альманахов в листах (несброшюрованных) по 25 су за сотню – 50 су».

К этим цифрам добавлены 6 экземпляров альманахов,

1 экземпляр «Пророчеств», 6 экземпляров *«Pronostications»,*

2 экземпляра альманахов в листах и 2 *«Presages».* Поскольку ливр равнялся 20 су, а су – 12 денье, оптовая цена за экземпляр каждого издания составляла:

Альманах – 5,28 денье.

Альманах в листах – 3 денье (несброшюрованная книга стоила значительно дешевле. – *А. П.*) *«Presages»* – 5,28 денье. *«Pronostications»* – 1,92 денье. «Пророчества» – 4 су 7 денье».

В дневнике нормандского помещика Жиля де Губервиля указана розничная цена альманаха Нострадамуса – 8 денье. Десяток яиц стоил тогда 10 денье; фунт (полкило) мяса шел примерно по такой же цене. Годовая аренда комнаты в хорошем доме обходилась в 4 экю (около 2400 денье).

Согласно интерполяции Патриса Гинара, эти данные (не будем забывать, что речь идет о поставках только лионских тиражей и только в один книготорговый дом) позволяют предположить, что общий годовой тираж календарей Нострадамуса приближался к 50 тысячам экземпляров, а возможно, и больше.[129] Это головокружительная цифра – к слову сказать, и для наших дней.

Тираж «Пророчеств», как и их востребованность, был гораздо скромнее; это видно по тому, что масштаб поставки этой книги Нострадамуса на порядок ниже альманахов. Однако можно заключить, что в целом тиражи книг салонского пророка были необыкновенно высокими и популярность его подтверждается объемами продаж.

Нострадамус был, как сейчас принято говорить, хорошим психологом. Судя по донесениям послов и реальным фактам его биографии, он очень тонко чувствовал настроение других людей, не опускаясь, однако, до лицемерия. Вероятно, этим свойством характера «провансальского волшебника» объясняется то доверие, которое испытывала к нему Екатерина Медичи. Несомненно также, что Нострадамус обладал определенным даром предвидения. Исследование сохранившихся до наших дней альманахов Нострадамуса только начинается; сверяя реальные события 1555–1567 годов с тем, что предсказано в альманахах, мы, возможно, поймем причину их высокой и устойчивой популярности во всех грамотных слоях французского общества.

Однако уже сейчас можно сказать, что Нострадамус явно предвидел разрушительные гражданские смуты на своей родине; осуждая войны между Валуа и Габсбургами, он еще в 1555 году предсказывал: «После великой человеческой смуты приближается еще большая» (катрен 2—46). Как мы увидим, Нострадамус (вместе с другими астрологами) предвидел и серьезные политические перемены в Европе в начале XVII и в конце XVIII века.

Как и его современники Франсуа Рабле, Амбруаз Паре, Леонардо да Винчи и многие другие деятели науки и искусства позднего Возрождения, Мишель Нострадамус был одиночкой. Он не примыкал ни к каким группировкам, кружкам и партиям; он также воздерживался от критики и тем более агрессивных выпадов по адресу таких же одиночек, как он. Критики Нострадамуса, напротив, выступали не от своего имени. Примечательно, что эти «герои» нострадамической контроверзы обвиняли провансальского астролога во многих грехах – дерзости, самоуверенности, слабых астрологических познаниях, ереси, еврейском происхождении и т. д. Однако никто из них не обвинил Нострадамуса в том, что его пророчества не сбывались.

Часть вторая
ПОД ОБЛОЖКОЙ «ЦЕНТУРИЙ»

Глава первая
ПО МАНОВЕНИЮ ВОЛШЕБНОГО ПОСОХА

Итак, перед нами – «Пророчества магистра Мишеля Нострадамуса», самая известная книга предсказаний в истории мировой литературы. Откроем ее и внимательно, но непредвзято всмотримся в ее страницы. Попытаемся понять книгу Нострадамуса в контексте эпохи ее написания.

При первом же знакомстве становится ясно, что перед нами – одно из самых «трудночитаемых» произведений в мировой литературе. Во-первых, жанр пророчества сам по себе предполагает двусмысленность и многозначность. Нострадамус великолепно усвоил уроки античных оракулов: язык его пророческих четверостиший, написанных «под старину», нередко допускает самые разные толкования. Во-вторых, стихотворная строфа – форма очень тесная для пророчества. Как известно, поэтом командуют рифма и ритм строки, что, конечно, придает пророчествам изящество, но с другой стороны вынуждает автора загонять свою мысль в прокрустово ложе строфы – нередко в ущерб ясности мысли.

Есть и объективные трудности. В XVI веке французский язык еще не сформировался окончательно; это эпоха активного словотворчества, поиска и утверждения оптимальных грамматических, лексических и синтаксических норм. «Пророчества» Нострадамуса переполнены латинизмами, словами греческого происхождения и старинными французскими словами, ныне забытыми или употребляющимися в ином, чем тогда, значении. «Пророчества» полны опечаток – даже прижизненные их издания заметно отличаются друг от друга. К тому же Нострадамус, видимо, диктовал свои катрены секретарю, и тот не всегда правильно понимал некоторые слова на слух; это приводило к искажениям на этапе подготовки рукописи. Неудивительно, что и типографские работники допускали опечатки – во-первых, не бывает книг без опечаток, а во-вторых, текст «Пророчеств» весьма сложен и ошибиться при его наборе несложно.

Следует особо оговорить проблему топонимов – названий населенных пунктов. В XVI веке они сильно отличались от современных, даже с учетом того, что Нострадамус часто использовал латинские (римские), а следовательно, стандартные, принятые среди ренессансных эрудитов топонимы.

Наконец, нельзя не упомянуть об образности поэтического

языка Нострадамуса; поэзия диктовала ему свои правила. Прозвища и намеки (использование которых объясняется политической осторожностью автора) не всегда легко понять. Например, «красными» Нострадамус называл либо кардиналов (по цвету шапок и мантий), либо вообще католиков, либо испанских и имперских солдат (по цвету знамен). «Белыми» в его «Пророчествах» названы французы – по цвету белого флага Валуа. В катренах появляется персонаж по прозвищу Полумесяц, однако речь идет вовсе не о турецком султане (в то время мало кто в Европе знал, что на флаге Османской империи красуется полумесяц), а о французском короле Генрихе II, сделавшем полумесяц личной эмблемой в честь своей любовницы Дианы Пуатье (Диана – богиня Луны). «Варварами» в катренах названы берберийские (алжирские) корсары и т. д.

Но главное, что следует учитывать при чтении катренов, – это исторический контекст эпохи, в которую они были написаны. Ошибка многих сотен комментаторов и толкователей «Пророчеств магистра Мишеля Нострадамуса» в том, что они, как правило, во всех без исключения катренах видели описание *будущих* событий, вырывая их из контекста XVI века. В то же время, как мы увидим, адекватное понимание смысла «Пророчеств» невозможно без рассмотрения исторического фона, на котором они появились.

Именно в историческом контексте мы будем рассматривать катрены Нострадамуса. При внимательном изучении легко выявляются источники его пророческого вдохновения, та натура, с которой он писал свои знаменитые «Пророчества».

Начало сочинения описывает Нострадамуса за его «прикровенным трудом»:

1-1
Estant assis de nuict secret estude,
Seul repouse sus la selle d'aerain,
Flambe exigue sortant de solitude,
Faict proferer qui n'est a croire vain.

[Пророк] сидит ночью, в удалении, в кабинете,
Один, в покое, на бронзовом сиденье,
Тонкий язык пламени, исходящий из уединения,
Заставляет изрекать [вещи], вера в которые не напрасна.

1-2
La verge en main mise au milieu de BRANCHES
De l'onde il moulle & le limbe & le pied.

Un peur & voix fremissent par les manches,
Splendeur divine. Le divin pres s'assied.

С посохом в руке, посреди Бранхид,
Водами смачивает кайму [одежды] и стопы.
Пар и голос трепещут [его] рукавами.
Божественное сияние. Божество располагается рядом.

Здесь поэт-пророк (то есть сам Нострадамус) приобщается к божественному духу для того, чтобы возвестить народу о грядущих событиях. Мишель Монтень, напрямую обращаясь к античному опыту, писал в эссе «О суетности»:

«Поэзии, и только поэзии должно принадлежать в искусстве речи первенство и главенство. Это – исконный язык богов. Поэт, по словам Платона, восседая на треножнике муз, охваченный вдохновением, изливает из себя все, что ни придет к нему на уста, словно струя родника; он не обдумывает и не взвешивает своих слов, и они истекают из него в бесконечном разнообразии красок, противоречивые по своей сущности и не плавно и ровно, а порывами. Сам он с головы до пят поэтичен, и, как утверждают ученые, древняя теогоническая поэзия – это и есть первая философия».[130]

Действительно, в диалоге «Ион» (534 b) Платон говорит: «Поэт – это существо легкое, крылатое и священное; и он может творить лишь тогда, когда сделается вдохновенным и исступленным и не будет в нем более рассудка; а пока у человека есть этот дар, он не способен творить и пророчествовать».[131]

Описание процесса пророчествования заимствовано Нострадамусом из книги флорентийского неоплатоника Петра Кринита *«De honesta discipilina»*, где пересказывался трактат греческого философа IV века Ямвлиха Халкидского «Ответ учителя Абаммона на письмо Порфирия к Анебону и разрешение содержащихся в нем сомнений» (в латинском переводе Марсилио Фичино и под названием *«De mysteriis AEgyptiorum»* – «О египетских мистериях» он появился в конце XV века). Там, в частности, говорится: «Женщина, дающая оракулы в Бранхидах, или исполняется божественным сиянием, держа в руках жезл (латинское *virga* означает не только «жезл», «посох», но и «ветвь». – *А.П.*), изначально предоставленный неким богом, или предрекает будущее, сидя на оси, или восприемлет бога, смачивая ноги или край одежды в воде или вдыхая исходящий от воды пар. Во всех этих случаях она, приготовляя необходимое для встречи бога, получает его частицу извне».[132]

Текстуальное совпадение первых катренов Нострадамуса с рассуждениями Ямвлиха в передаче Кринита позволяет предположить, что *un peur* («страх») во втором катрене – опечатка от *vapeur* («пар»).

Ночь, тишина, одиночество – непременные условия контакта с божественным разумом. Нострадамус изображает себя вместо жрицы или сивиллы, водяной источник в Бранхидах преображается у него в рабочий кабинет натурфилософа, бронзовый треножник – в бронзовое кресло без спинки *(selle),* а экстатический возглас жрицы «Вот бог!» *(Ecce deus!)* – в спокойную констатацию: «Божество располагается рядом». Бог приходит и «диктует» оракулу пророчества, как это описано в «Энеиде» Вергилия (VI, 42–51):

> В склоне Эвбейской горы зияет пещера, в нее же
> Сто проходов ведут, и из ста вылетают отверстий,
> На сто звуча голосов, ответы вещей Сивиллы.
> Только к порогу они подошли, как вскрикнула дева:
> «Время судьбу вопрошать! Вот бог! Вот бог!» Восклицала
> Так перед дверью она и в лице изменялась, бледнея,
> Волосы будто бы вихрь разметал, и грудь задышала
> Чаще, и в сердце вошло исступленье; выше, казалось,
> Стала она, и голос не так зазвенел, как у смертных,
> Только лишь бог на нее дохнул, приближаясь.

И вот оракул, охваченный пророческим энтузиазмом, оглядывает события мировой истории…

Глава вторая
ВСЛЕД ЗА ГЕРОДОТОМ

Главный источник вдохновения Нострадамуса кроется в прошлом. В письме Генриху II пророк писал: «Я рассчитал почти столько же событий грядущего времени, сколько и [событий] прошедших лет, включая и настоящее». И это неудивительно – ведь XVI век не имел представления об исторической эволюции. Согласно натурфилософским представлениям, история шла и идет по кругу, подобно сезонным изменениям в природе, пока ее ход не будет прерван Всевышним.

История служила и источником живого знания; ведь если она повторяется, то знающий прошлое может предвидеть и будущее. Об особенностях восприятия истории в ту эпоху хорошо написал российский историк Ю.П. Малинин:

«Ориентация на этические ценности не позволяла видеть в истории развития, изменения, не говоря уже об историческом прогрессе. Ясно ощущались лишь те исторические рубежи, что наметило христианство. Картина событий, разворачивающаяся в историческом времени, казалась лишь повторением одних и тех же ситуаций, где проявляются одни и те же человеческие свойства. „При нашей жизни, как мы знаем, ничего не произошло такого, подобного чему не было бы раньше, и поэтому, – пишет П. уане, – воспоминание прошлых событий очень полезно как для того, чтобы утешить, наставить и укрепить себя против несчастий, так и для того… чтобы воодушевиться и обрести силы для благих дел“. В прошлом видели почти что современную себе жизнь, только с другими персонажами, и потому неудивительно, что считалось, будто знание истории наделяет непосредственным предвидением будущего и дает ключ к любой жизненной ситуации, к разрешению любой проблемы. И когда, например, канцлер на Генеральных штатах 1484 года заверял депутатов в том, что новый король Карл VIII будет управлять страной наилучшим образом, то аргументировал он [это] только тем, что у короля „достаточно предвидения, приобретенного чтением и познанием прошлого“. По этой причине историческое знание в ту эпоху приобретало в глазах людей исключительную ценность». [133]

Поэтому неудивительно, что в катренах Нострадамуса мы в изобилии встречаем аллюзии на минувшие исторические события – от глубокой древности до первой половины XVI столетия.

Так, в четверостишии 1—40 речь идет о событиях 1254–1263 годов:

La trombe faulse dissimulant folie
Fera Bisance un changement de loys:
Hystra d'Egypte qui veult que l'on deslie
Edict changeant monnoyes & aloys.

Обманчивая труба [Раскола], несущая безумие,
Принудит Византию к изменению законов.
Из Египта придет желающий отпущения грехов;
Он издаст эдикт, изменяющий деньги и пробы.

В 1204 году Византийская империя, почти целиком захваченная крестоносцами, временно прекратила свое существование. Французский король Людовик Святой, попавший в плен к мусульманам в Египте, был выпущен за выкуп на свободу и, вернувшись в 1254 году во Францию, причастившись и исповедовавшись, издал ордонанс, регулирующий правила чеканки монеты. Почти одновременно, в 1261 году, никейский узурпатор Михаил VIII Палеолог разгромил крестоносцев, отбил у них Константинополь и восстановил Византийскую империю, возложив на голову корону ромейского автократора – императора. Греческая православная церковь, более полувека бывшая в подчинении у римского папы, вновь расправила крылья: на земли Византии вернулся «восточный закон». С точки зрения Запада, конечно, это было не освобождение, а раскол (схизма).

В катрене 1—53 Нострадамус сводит воедино центральные события первой половины XVI века – Реформацию и испанскую колонизацию Америки. Американское золото позволило Испании на короткое время стать самой богатой страной Европы. Вскоре, однако, избыток золота на рынке привел к «революции цен», инфляции и экономическому банкротству государства:

Las qu'on verra grand peuple tormente
Et la loy saincte en to tale *r*uine:
Par autres loyx toute Chrestiente,
Quand d'or d'argent trouve nouvelle mine.

Увы! Увидят большой народ в беспокойстве
И святой закон в полном упадке,
И весь христианский мир от других законов,
Когда будет найден новый источник золота и серебра.

В катрене 1—57 мы встречаем цитату из античного романа:

Par grand discord la trombe tremblera.
Accord rompu dressant la teste au ciel:
Bouche sanglante dans le sang nagera:
Au sol la face ointe de laict & miel.

Из-за великого раздора прогремит труба [войны],
Соглашение нарушено; [раздор] поднимает голову к небу.
[Его] окровавленный рот тонет в крови,
В землю лицом, намазанным молоком и медом.

В «Сатириконе» Петрония (CXXIV, 1) этими же словами дано аллегорическое описание раскола между Цезарем и Помпеем:

Вот загремела труба, и Раздор, растрепав свои космы,
Поднял навстречу богам главу, достойную ада:
Кровь на устах запеклась, и плачут подбитые очи…

В оригинале Петроний пародирует «Фарсалию» Лукана, но ирония римского писателя осталась незамеченной Мишелем Нострадамусом. Как и Петром Кринитом, автором уже упомянутой книги *«De honesta discipline,* откуда Нострадамус явно позаимствовал этот фрагмент.

Последняя строка отсылает к другому литературному произведению, более близкому по времени написания к эпохе Нострадамуса – «Декамерону» Боккаччо: «Затем султан приказал, чтобы Амброджиоло тотчас же привязали в каком-нибудь высоком месте города к колу и на солнце, вымазали его медом и не отвязывали до тех пор, пока он сам не упадет, что и было сделано… А Амброджиоло в тот день, как был привязан к колу и вымазан медом, к великому своему мучению, был не только умерщвлен, но и съеден до костей мухами, осами и слепнями, которыми изобилует та страна».

Боккаччо, со своей стороны, воспользовался расхожим фольклорным сюжетом: неверный муж, вымазанный медом и молоком, в наказание за измену привязан к дереву на съедение насекомым.

Этот же мотив – пытка насекомыми за прелюбодеяние, – появляется в катрене 6—89:
Entre deux cymbes piedz & mains estaches,
De miel face oingt & de laict substante:
Guespes & mouches, fitine amour fasches

Poccilateur faulcer, Cyphe temptee.

[Он **стоит**] меж двух сосудов, со связанными руками и ногами,
С лицом, намазанным медом, напитанным молоком,
Мучимый осами и мухами из-за тайной любви.
[Палач], прикинувшись виночерпием, выльет чашу.

Здесь пытка обретает изощренный характер: мучитель делает вид, что собирается утолить жажду жертвы, но перед ее носом опорожняет чашу на землю.

Катрен 1—86 отсылает читателя к войне между римлянами и этрусками в 508–507 годах до н. э.:

La grande royne quand se verra vaincue,
Fera exces de masculin courraige:
Sus cheval, fluve passera toute nue,
Suite par fer: a foy fera oultrage.

Великая королева, увидев себя побежденной,
Проявит избыток мужской смелости:
Верхом на лошади пересечет реку полностью обнаженная,
Вооруженное преследование; совершит надругательство над обещанием.

Вот как описывает этот эпизод Тит Ливий (II, 13): «Гаю Муцию в награду за доблесть выдали сенаторы поле за Тибром, которое потом стали называть Муциевыми лугами. Такая почесть подвигла даже женщин к доблестному деянию во имя общего дела: одна из девушек-заложниц, по имени Клелия, воспользовавшись тем, что лагерь этрусков был расположен невдалеке от Тибра, обманула стражу и, возглавив отряд девушек, переплыла с ними реку под стрелами неприятеля, всех вернув невредимыми к близким в Рим. Когда о том донесли царю, он поначалу, разгневанный, послал вестников в Рим вытребовать заложницу Клелию – остальные-де мало его заботят; а затем, сменив гнев на изумление, стал говорить, что этим подвигом превзошла она Коклесов и Муциев, и объявил, что, если не выдадут заложницу, он будет считать договор нарушенным, если же выдадут, он отпустит ее к своим целой и невредимой. Обе стороны сдержали слово: и римляне в соответствии с договором вернули залог мира, и у этрусского царя доблесть девушки не

только осталась безнаказанной, но и была вознаграждена; царь, похвалив ее, объявил, что дарит ей часть заложников и путь выберет кого хочет. Когда ей вывели всех, она, как рассказывают, выбрала несовершеннолетних; это делало честь ее целомудрию, и сами заложники согласились, что всего правильней было освободить тех, чей возраст наиболее беззащитен. А по восстановлении мира небывалая женская отвага прославлена была небывалой почестью – конной статуей».

Бегство Клелии произошло в нарушение клятвы, данной этрускам – отсюда и «надругательство над обещанием».

Отголоски древнегреческих мифов звучат в катрене 1—77:

> Entre deux mers dressera promontoire
> Que puis mourra par le mords du cheval:
> Le sien Neptune pliera voyle noire,
> Par Calpre & classe aupres de Rocheval.
>
> Между двумя морями воздвигнется выступ [того],
> Кто потом погибнет от удил лошади.
> Его Нептун свернет черный парус,
> Через Кальпу и флот близ Ронсеваля.

Кальпа – гора на испанском берегу Гибралтара, а иногда весь Гибралтар (по-гречески «кальп» означает также «конский бег», «галоп»). Бог Нептун считался покровителем лошадей. Ронсеваль – ущелье в Западных Пиренеях в провинции Наварра (Испания), где 15 августа 778 года баски, выступавшие на стороне арабов, уничтожили арьергард франкских войск Карла Великого, отступавших во Францию после неудачной осады Сарагосы. В бою был убит военачальник Роланд, ставший героем французского эпоса «Песнь о Роланде». Но это лишь предположительная идентификация.

Согласно греческому мифу, Ипполит, которого проклял Тезей, погиб, упав с лошади и запутавшись в ее поводьях. Третья строка катрена вызывает в памяти миф о Тезее, который, возвращаясь домой от Минотавра, забыл заменить свои черные паруса на белые, что вызвало самоубийство его отца Эгея. Действие обоих легенд происходило в Центральной Аттике, а не в районе Гибралтара; вероятно, Нострадамус просто «перенес» их на Иберийский полуостров.

В катрене 1—87 вновь фигурируют персонажи древнегреческих мифов:

> Ennosigee feu du centre de terre

Fera trembler au tour de cite neufve:
Deux grands rochiers long temps feront la guerre
Puis Arethusa rougira nouveau fleuve.

Огонь, вытряхнутый из глубины земли,
Поколеблет округу нового города.
Двое великих будут долго сражаться со скалами,
Затем новая река заставит Аретузу покраснеть.

«Сражаться со скалами» – французская идиома XVI века, означающая изнурительную бессмысленную борьбу; в современном французском (и русском) языке ей соответствует выражение «сражаться с ветряными мельницами». Аретуза – в древнегреческой мифологии нимфа, которую полюбил Алфей, превратившийся для ее преследования в реку в Пелопоннесе. Аретуза взмолилась о помощи к Артемиде и была превращена ею в ручей в Сиракузах в Сицилии, с которым влюблённый Алфей соединил свои воды. Течение этой реки проходит под морскими волнами. Бог моря Нептун, прозванный римлянами *Ennosigaeus* («Колебатель земли»), «ведал» также вулканической активностью. Нострадамус предсказывает извержение вулкана и землетрясение близ «нового города», скорее всего Неаполя (греч. *Neapolis:* «новый город»).

К событиям 1548 года отсылает катрен 1—90:

Bourdeaux, Poitiers, au son de la campane
A grande classe ira jusques a l Angon,
Contre Gauloys sera leur tramontane,
Quand monstres hydeux naistra pres de Orgon.

Бордо, Пуатье при звуках набата,
Большой толпой пойдут до Лангона,
Их трамонтана будет [направлена] против галлов,
Когда близ Оргона родится отвратительный урод.

Трамонтана – холодный северный ветер, дующий из-за гор, а также Полярная (путеводная) звезда; в катрене слово явно использовано во втором значении. Что до урода, то здесь Нострадамус вспоминает о весне 1554 года, когда в Оргоне (поселок на реке Дюранс, близ Сен-Реми и Салона) родился двухголовый козленок, которого привезли в Салон показать пророку.

Весной—летом 1548 года в Ангумуа, Сентонже, Перигоре,

Бордо и Гиени вспыхнул масштабный соляной бунт, спровоцированный введением Генрихом II высокого налога на соль. По звону набата поселки и города брались за оружие. В Бордо был убит королевский наместник. Мятеж охватил большую территорию; восставшие шли в бой с криком «Да здравствует Гиень!». Речь шла об отделении Аквитании от Франции; вожди восставших вошли в контакт с Англией и просили ее помощи; французский флот блокировал устье Гаронны. Восстание было жестоко подавлено коннетаблем Анном де Монморанси. Гиень была возвращена Англией Франции лишь в 1453 году, и в XVI веке английские короли не оставляли надежды вернуть ее. Еще в 1514 году в Ажене совет горожан («коммуна») отстранил муниципалитет от власти и взял управление городом в свои руки. При этом высказывались намерения отделить всю Гиень от Франции и вернуть ее под английскую власть. Напомним, что позднее Нострадамус несколько лет прожил в Ажене, где память о местной «жакерии» была еще жива.

О мятеже в Гиени повествует и катрен 7—12:

> Le grand puisne fera fin de la guerre,
> Aux Dieux assemble les excuses:
> Cahors, Moissac iront long de la serre,
> Reffus Lestore, les Agennois razes.
>
> Великий младший положит конец войне,
> Пред богами […] соберет прощенных.
> Каор, Муассак пройдут далеко от темницы.
> Неповиновение Лектура, аженцы сметены.

Все перечисленные города находятся в Гиени. Во второй строке не хватает двух слогов – возможно, это следы вмешательства цензора. «Великий младший» – очевидно, подавивший мятеж герцог Гиз, представитель младшей ветви Лотарингского дома.

В катрене 2–5 фигурирует Антуан Эскален дез Эймар, барон де Ла Гард, адмирал Восточного флота Франции и личный друг Нострадамуса:

> Qu'en dans prison, fer & letre enfermee
> Hors sortira qui puys fera la guerre,
> Aura par mer sa classe bien ramee
> Apparoissant pres de Latine terre.
>
> Когда заключенный пером и шпагой в тюрьму

Выйдет – тот, который потом начнет войну, —
Его флот будет упорно грести по морю
И появится рядом с Латинской землей.

Прославленный «капитан Полен» провел в тюрьме три года. Ему вменялось в вину избиение секты вальденсов в Провансе в 1545 году, когда де Ла Гард командовал карательными войсками. Приказ об «охоте на еретиков» отдал король Франциск I, однако его сын и преемник Генрих II под влиянием фаворитов инициировал судебное преследование де Ла Гарда, президента парламента Прованса Менье д'Оппеда и других организаторов акции. После долгого и широко обсуждаемого судебного процесса барон был оправдан и в 1552 году вышел на свободу, чтобы принять участие в новых сражениях во славу Франции… и подарить Нострадамусу астролябию – ценный прибор, необходимый для вычисления положения звезд и планет.

Эскален дез Эймар, барон де Ла Гард, по прозвищу «капитан Полен», посол Франции при дворе османского султана Сулеймана Великолепного, выступает защитником Прованса от вторжений внешнего врага в катрене 2—59:

Classe Gauloyse par apuy de grand Garde
Du grand Neptune, & ses tridents souldars
Rousgee Provence pour sostenir grand bande:
Plus Mars Narbon par javelotz & dards.

Галльский флот [существует] поддержкой великого Гарда, —
Великого Нептуна – и его трезубых воинов.
Прованс обглодан налогами, чтобы поддержать большое войско,
А еще более – Марсов Нарбонн копьями и дротиками.

Нарбонн был основан римлянами под именем *Colonia Julia Paterna Narbo Martius,* отсюда и «Марсов Нарбонн». «Великим Нептуном», хозяином морей, Нострадамус называл флотоводца и в предисловии к «Парафразе Галена».

…Но за все надо платить, в том числе и за мир. Все издержки на содержание войска относились на счет местного населения, потому Прованс и был «обглодан налогами».

В следующем катрене (2—60) «капитан Полен» также выступает главным героем:

La foy Punicque en Orient rompue
Gang, Ind. & Rosne, Loyre & Tag. changeront,
Quand du mulet la faim sera repue,
Classe espargie, sang & corps nageront.

Пунийская честность разорвана на Востоке.
Ганг, Инд и Рона, Луара и Таг изменятся.
Когда голод мула будет утолен,
Флот окроплен, поплывут кровь и трупы.

Таг – река в Испании (Тахо) и Португалии (Тежу). Инд и Ганг – реки в Индии. «Пунийская честность» – римский иронический оборот, упомянутый, в частности, у Тита Ливия: «Захватив знамена, римляне кинулись бежать, стремясь ускользнуть от конницы. На следующий день, видя, что им грозит еще и голод, они сдались на честное слово Магарбалу, гнавшемуся за ними ночью со всей конницей: он пообещал, если они отдадут ему оружие, отпустить их, оставив каждому что-нибудь одно из одежды. Ганнибал соблюл уговор с пунийской честностью: всех бросил в оковы». Впрочем, пунийское вероломство вошло в поговорку в Риме задолго до Ливия.

Нострадамус называет «вероломными пунийцами» берберийских пиратов, чьи базы располагались на территориях древнего Карфагена. «Мулом», то есть метисом, здесь назван барон де Ла Гард, который, как предполагалось, происходил из смешанной французско-арабской семьи. Весь катрен перекликается с пассажем из предисловия к «Парафразе Галена», посвящающего ее де Ла Гарду: «Я с уверенностью утверждаю, что Ваше превосходительство осуществило пророчество Сивиллы, которое недавно было найдено в самых глубоких пучинах Запада, близ Геркулесовых столпов:

[Этот] камень с таинственными надписями сдвинется,
Когда увидишь ты, Запад, сокровища Востока.
Ганг, Инд, Таг изменятся,
Каждый будет обмениваться желанными для себя товарами».

Здесь Нострадамус толкует чужое пророчество, которое, по его мнению, указывает на де Ла Гарда как на посредника между Западом и Востоком и покровителя торговли. Эта же тема звучит и в одном из альманахов: «Произойдет великое чудо – Ганг, Инд и Таг станут обмениваться товарами» (PP I, 223). Любопытно, что

это пророчество не имеет отношения к Сивиллиным книгам. В атласе «Театр Мира» фламандского картографа Абрахама Ортелия, изданном в 1570 году в Антверпене, на страницах с картами Америки оно приводится со ссылкой на публикацию иезуита Якоба Наварха от 1505 года с небольшим разночтением в третьей строке: «Ганг, Инд, Таг (чудесное дело!)». Ортелий так комментирует его: «Эти сивиллины стихи, как пишет Якоб Наварх, были найдены в 1505 году в основании выступа Луны (называемого в народе Рока-де-Синна), выгравированные на уровне океана на четырехугольной колонне во времена дона Эммануила, короля португальского». Сам картограф трактовал эти строки как предсказание открытия Нового Света. В более позднем издании от 1575 года он сообщает о результатах своих изысканий: «Этот стих не является древним и взят не из Книг Сивилл, но из комментариев к ним».

Приключения барона де Ла Гарда, «великого Нептуна», продолжаются в катрене 3–1:

> Apres combat & bataille navale,
> Le grand Neptune a son plus haut beffroy,
> Rouge aversaire de fraieur viendra pasle,
> Metant le grand ocean en effroy.
>
> После сражения и морской битвы
> Великий Нептун на вершине своего могущества, —
> Красный противник побледнеет от страха, —
> Повергает большой Океан в ужас.

В этом катрене «красным противником» названы испанские Габсбурги; красный цвет был для них династическим и присутствовал на флагах и штандартах, о чем не раз упоминают в своих мемуарах французские полководцы XVI века:

«[Имперцы] вывесили на башне белый флаг с красным крестом, не переставая кричать в замке: „Империя! Империя!“»[134]

«[Я] завладел Понт-а-Муассоном вместе с красными флагами и перевязями, от чего император пришел в крайнюю ярость… Я услышал еще вчера… что он безостановочно скачет по полям, собрав всех своих солдат в красных перевязях, кавалерийские штандарты, испанский и бургундский флаги».[135]

«Благодаря доброй фортуне они не потеряли ни одного человека, не будучи узнанными, переодевшись торговцами, с незамеченными белыми крестами и перевязями и скрытыми под накидками доспехами».[136]

Летом 1545 года флот из 26 галер под командованием адмирала де Ла Гарда прошел через Гибралтар, контролируемый испанцами (это был весьма рискованный маневр), вышел в Атлантику и высадил десант в союзной французам Шотландии. Эта дерзкая операция показала, что испанское господство на морях может быть поставлено под вопрос.

В катрене 6—90, по-видимому, также идет речь о де Ла Гарде, освобожденном из тюрьмы после процесса по обвинению в избиении вальденсов:

L'honnissement puant abhominable,
Apres le faict sera felicite:
Grand excuse pour n'estre favorable,
Qu'a paix Neptune ne sera incite.

Отвратительная, смрадная немилость
После события сменится довольством.
Великий извинится за то, что не был благосклонен
К тому, чтобы Нептун не был побужден к миру.

В катрене 2—90 Нострадамус обращается к трагической истории Венгрии в XVI веке:

Par vie & mort change regne d'Ongrie:
La loy sera plus aspre que service,
Leur grand cite d'urlemens plaincts & crie,
Castor & Pollux ennemis dans la lyce.

Из-за жизни и смерти изменится Венгерское царство.
Закон станет более суровым, чем крепостничество.
Их большой город [наполнится] стенаниями, жалобами и криками.
Кастор и Поллукс – враги на ристалище.

В битве при Мохаче в 1526 году турки разбили венгерскую армию, король Лайош II погиб, большая часть страны стала турецкой. Столица габсбургской Венгрии была перенесена в Пожонь (Братиславу); Фердинанд Габсбург предъявил права на венгерский престол, в то время как в оккупированной турками части страны королем был провозглашен Янош Запояи. Последовала гражданская война; Янош был разбит Фердинандом и удалился в Трансильванию. В 1541 году он обратился к султану Сулейману, который вторгся в Австрию и осадил Вену.

Вернувшийся Янош передал корону Венгрии султану и получил ее вновь уже как вассал. Трансильвания стала протестантским княжеством под турецким протекторатом, а Западная Венгрия – ареной постоянных столкновений между имперцами и турками. Все это имело крайне печальные для Венгрии последствия – за столетие население страны сократилось с 4,5 до 2,5 миллиона, хозяйство пришло в полный упадок.

В первой строке речь идет о *смерти* короля Лайоша и *жизни* Яноша. Кастор и Поллукс – мифологические братья-диоскуры, сыновья Зевса и Леды, олицетворение боевого братства. Очевидно, говоря о них, Нострадамус имеет в виду венгерских дворян, вынужденных сражаться друг против друга в составе имперской и османской армий. Вторая строка показывает, что автор был знаком с ситуацией в Венгрии, где в XVI веке начался процесс повторного закрепощения крестьян, налагавший на них зачастую гораздо более тяжкие повинности, чем в предшествующую эпоху. В исторической литературе это явление получило название «второго издания крепостничества».

В катрене 2—99 Нострадамус вспоминает об осаде Рима галлами в 390 году до нашей эры:

> Terroir Romain qu'interpretoit augure,
> Par gent Gauloyse seras par trop vexee:
> Mais nation Celtique craindra l'heure,
> Boreas, classe trop loing l'avoir poussee.
>
> Римская земля, чьи пределы очерчены авгуром,
> Будет сильно измучена галльским народом.
> Но кельтская нация убоится того часа,
> [Когда] Борей слишком далеко отнесет ее флот.

В первой строке речь идет о городе Риме, чьи границы были установлены Ромулом посредством *auguratio* – особого обряда, построенного на толковании знамений (например, полета птиц). Борей – порывистый, холодный ветер, а также бог северного ветра, чье обиталище, как верили древние греки, находится во Фракии. Нострадамус считает, что французы – потомки галлов или кельтов – попытаются взять Рим, но сильный ветер слишком далеко отнесет их флот, посланный в поддержку осадной армии.

Реформация как важный фактор политической истории Европы XVI века фигурирует в катрене 3—67:

> Une nouvele secte de Philosophes
> Meprisant mort, or, honneurs & ricliesses

Des monts Germains ne seront limitrophes:
A les ensuivre auront apui & presses.

Новой секте философов,
Презирающих смерть, золото, почести и богатства,
Германские горы не будут границей;
[Эти философы] получат поддержку и рвение тех, кто пойдет за ними.

Нострадамус говорит об анабаптистах (перекрещенцах) – последователях радикального течения сектантского типа в Западной и Центральной Европе. Анабаптисты отвергали крещение детей и требовали вторичного крещения в сознательном возрасте при вступлении в анабаптистскую общину. Они также отрицали церковную организацию, иерархию и таинства, осуждали богатство и социальное неравенство и практиковали общность имуществ (а в некоторых крайних случаях, например, в Мюнстерской коммуне под руководством Иоанна Лейденского – и общность жен). Шире всего анабаптизм распространился в Германии, где его адепты во главе с Томасом Мюнцером приняли активное участие в Крестьянской войне 1524–1525 годов. В захваченных городах они вводили образ жизни, соответствовавший раннехристианским заветам: «Все же верующие были вместе, и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Деян. 2, 44–45).

Следует подчеркнуть, что анабаптизм базировался на идее близости конца света и прихода Антихриста, в преддверии которого Божьи избранники (то есть сами анабаптисты) объединятся для финальной битвы с Сатаной. Британский историк Кэроли Эриксон пишет: «В течение нескольких дней Мюнстер стал библейским городом, в котором, согласуясь с идеями морали Ветхого Завета, должны были править старейшины. Все существующие законы, авторитеты и семейные связи больше не признавались, и был установлен новый порядок. Ян из Лейдена объявил полигамию естественным образом жизни, заявив, что она одобрена пророками, и подал пример своим последователям, взяв семнадцать жен. Среди них была вдова его предшественника, Яна Мат-тиса, а также бывшая монахиня по имени Дивара, о которой говорили, что это самая красивая женщина в городе. Тут же были придуманы регалии и церемониал королевского двора. Яна из Лейдена провозгласили королем Яном, а его старшую жену – королевой Диварой. При

дворе находились камергеры, мажордомы и маршалы, шестнадцать младших жен короля служили при королеве как замужние фрейлины. Все городские церкви, естественно, были ограблены, а облачения и драпировки послужили материалом для нарядов придворных. Когда король Ян проезжал верхом через город на одном из своих великолепных коней (всего у него их было больше тридцати), на нем был костюм из золотой и серебряной парчи, отороченный малиновым бархатом и украшенный золотыми нитями… У короля Яна были также символы королевской власти: богатая золотая корона и драгоценная держава с девизом „Самый справедливый король всего мира“. Он и его сподвижники в весьма замысловатых выражениях намекали, что недалек тот день, когда правление анабаптистов распространится на весь мир».[137]

Об анабаптистских сектах, практиковавших примитивный коммунизм, идет речь также в катрене 4—32:

> Es lieux & temps chair au poiss. donra lieu.
> La loy commune sera faicte au contraire:
> Vieux tiendra fort, puis oste du milieu
> Le Jtavrci koivn фьЛшт) mis fort arriere.
>
> Во время и в месте, [где] мясо уступит место рыбе,
> Общепринятый закон будет ниспровергнут.
> Старик будет крепко держаться, затем его возьмут из среды.
> [Правило] «у друзей все общее» оставлено далеко позади.

Первая строка явно построена на поговорке *ni chair ni poisson* («ни рыба ни мясо»); возможно также, что Нострадамус имел в виду период Великого поста, когда вместо мяса ели рыбу. «Брать из среды» означает «уничтожать». Этот оборот встречается в знаменитой реплике апостола Павла, относящейся, как считается, к Антихристу: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фесс. 2,7). Под «удерживающим теперь» Антихриста от пришествия, как правило, понимается государственная власть или (на Западе) папство. Вероятно, в этом ключе следует понимать третью строку катрена: «удерживающий теперь» погибает, открывая дорогу Антихристу.

«У друзей все общее» (греч. **Jtavrcx koivt**| cpiXayn, лат. *amicorum communia omnia)* – формула общности имущества первых христиан. В «Деяниях апостолов» (4, 32) об этом говорится так: «У

множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее». Формула эта часто повторялась гуманистом Эразмом: в частности, ею открываются его знаменитые «Адагии».

Анабаптисты упоминаются и в альманахе на 1563 год: «Не умиротворенные покуда люди не станут слушаться ни короля, ни правосудия; еще больший беспорядок: будет практиковаться „панта койна“; каковое [правило] станет применяться без закона, без веры, без разумной причины, без всякого надзора» *(Alm. 1563, PL septembre)*.

В катрене 2—20 описаны издевательства над протестантами (как сообщает Жан Шавиньи, католики в шутку называли гугенотов «братьями и сестрами»[138]):

> Freres & seurs en divers lieux captifs
> Se trouveront passer pres du monaque,
> Les contempler ses rameaux ententifz,
> Desplaisant voir menton, front, nez, les marques.
>
> Братья и сестры, схваченные в разных местах,
> Будут проведены перед монархом.
> Его отпрыски внимательно осмотрят их,
> Огорченные видом клейм на [их] подбородках, лбах и носах.

Тему германской Реформации продолжает катрен 3—76; здесь Нострадамус предсказывает ее спад:

> En Germanie naistront diverses sectes,
> S'approchans fort de l'heureux paganisme,
> Le cueur captif & petites receptes,
> Feront retour a payer le vray disme.
>
> В Германии появятся многие секты,
> Сильно приближающиеся к «счастливому» язычеству.
> С порабощенным сердцем и уменьшенными доходами
> Вернутся к уплате истинной десятины.

Реформация проводилась под флагом борьбы за отмену десятины – обязательного десятипроцентного налога в пользу Церкви. В Германии той эпохи действительно хватало радикальных сект, которых обвиняли в язычестве даже их коллеги – умеренные протестанты. Таким образом, в этом катрене

Нострадамус предрекает – как потом выяснилось, напрасно – скорый спад реформационного движения в Германии и возвращение ее под крыло католической церкви. При этом он с полным основанием считал налоговый гнет церкви меньшим злом в сравнении с духовным рабством, которое насаждали некоторые протестантские вожди – например, Кальвин, при котором в Женеве процветали репрессии и доносы.

С Нострадамусом был солидарен известный гуманист Этьен Ла Боэси, написавший в своем «Рассуждении о добровольном рабстве»: «Не подлежит сомнению, что вместе со свободой заодно утрачивается и доблесть. Порабощенный народ не находит никакой радости в борьбе и не стремится к ней: он идет на опасность как бы связанный и совершенно оцепенелый, как бы находясь на поводу, он отнюдь не чувствует, чтобы в нем кипела жажда свободы, которая заставляет презирать опасность и внушает желание снискать себе честь и славу храброй смертью среди своих товарищей. Люди свободные стремятся сделать как можно больше для общего блага, каждый в меру своих сил старается сделать все возможное; они все хотят иметь свою долю либо в беде поражения, либо в благе победы. Напротив, люди порабощенные утрачивают не только этот воинственный пыл, но вдобавок и всякую энергию во всех прочих вещах, они слабы, малодушны и не способны ни на какие подвиги. Тираны хорошо знают это, и, видя эту перемену в людях, они всячески содействуют тому, чтобы люди еще больше теряли человеческий облик».[139]

Катрен 2—21 содержит аллюзию на убийство послов Франциска I к султану Сулейману Великолепному на территории Миланского герцогства. Этот инцидент стал поводом к очередной войне между Валуа и Габсбургами в 1542–1544 годах:

> L'embassadeur envoye par biremes
> A mi chemin d'incogneuz repoulses:
> De sel renfort viendront quatre triremes,
> Cordes & chaines en Negrepont trousses.
>
> Посол, отправленный на биремах,
> На полпути отброшен чужаками,
> В подкрепление с моря придут четыре триремы.
> На Негропонте скручены веревки и цепи.

Бирема – легкая галера с двумя рядами весел. Заградительные веревки и цепи натягивались на входе в порт в период ожидания атаки вражеского флота. Негропонт –

средневековое название греческого острова Эвбея.

В катрене 2—29 Нострадамус предсказывает второе нашествие гуннов:

L'oriental sortira de son siege,
Passer les monts Apennins, voir la Gaule:
Transpercera du ciel les eaux & neige:
Et un chascun frapera de sa gaule.

Восточный [правитель] покинет свою страну,
Чтобы перейти Апеннинские горы, навестить Галлию;
Пройдет небесные снега и воды
И каждого поразит своим жезлом.

Гунны – кочевой народ, сложившийся в степях Приуралья из тюркоязычных хунну, прикочевавших туда из Центральной Азии, и местных угров и сарматов. С 370-х годов гунны начали движение на Запад, что дало толчок так называемому Великому переселению народов. Покорив аланов Северного Кавказа, гунны во главе с вождем Баламбером перешли Танаис (Дон), разгромили готов в Северном Причерноморье. Покоренные племена они облагали данью и принуждали участвовать в военных походах. Наивысшего могущества гуннский союз племен достиг при Аттиле (правил в 434–453 годах). В 451 году под его командованием гуннское войско перешло Альпы («небесные снега и воды») и вторглось в Галлию, но на Каталаунских полях было разбиты римлянами, вестготами и франками. В 455 году в Паннонии гунны были вновь разбиты и ушли в Причерноморье, а их племенной союз распался. Название «гунны» наравне со «скифами» и «сарматами» еще долго использовалось для общего наименования причерноморских кочевников, а то и всех народов Восточной Европы.

Тот же Аттила появляется и в катрене 5—54:

Du pont Euxine, & la grand Tartarie,
Un roy sera qui viendra voir la Gaule:
Transpercera Alane & l'Armenie,
Et dans Bisance lairra sanglante Gaule.

У Эвксинского Понта и великой Тартарии
Появится некий царь, который навестит Галлию,
Перейдет Аланию и Армению
И оставит в Византии окровавленный жезл.

Здесь боевой путь степняков обозначен вполне точно: от Черного моря («Эвксинского Понта»), через Среднюю Азию («великую Тартарию»), Южный и Северный Кавказ («Армения» и «Алания»), они обрушатся на Византию и, наконец, вторгнутся во Францию. Возможно, пророк имел в виду турок-османов, которые к тому времени уже завладели Византией и Кавказом (в таком случае это своеобразное «обратное предсказание»), стояли у ворот Вены и теоретически вполне могли вторгнуться в Италию, а затем и во Францию, пойдя тем самым по стопам гуннов.

В катрене 2—34 описана дуэль – сравнительно новое явление, стремительно обретавшее популярность в XVI веке:

> L'ire insensee du combat furieux
> Fera a table par freres le fer luire
> Les despartir mort, blesse, curieux:
> Le fier duelle viendra en France nuire.
>
> Безумная ярость бешеного соперничества
> Заставит сидящих за столом братьев сверкнуть сталью [клинков].
> Их разнимут, смертельно ранен любопытный.
> Жестокая дуэль принесет Франции вред.

До 1547 году для поединка между дворянами еще требовалось разрешение короля. После этого Генрих II перестал дозволять дуэли, и с этого времени поединки стали частным делом, предпринимаемым дуэлянтами на свой страх и риск. Явление приняло грандиозный размах во всей Европе, так что даже Тридентский церковный собор в 1563 году проклял дуэль как «дьявольский обычай». Во Франции волна дуэлей представляла собой серьезную социальную проблему. В одном из альманахов Нострадамус писал: «Марс в Близнецах испытает, внеся смертельный раскол, братьев, заставляя их сверкать сталью» *(Alm. 1565, NL novembre)* – цитата почти дословная. В связи с этом катреном вспоминается латинская крылатая фраза: «Spemmutat discordia fratrum» – «рознь между братьями убивает надежду».

В катренах 2—39 и 2—40 причудливо переплелись Итальянские войны, прямо названные Нострадамусом, и свидетельство Геродота. Обрушение школы здесь служит предзнаменованием кровопролития:

> Un an devant le conflit Italique,
> Germain, Gaulois, Hespaignols pour le fort:

Cherra l'escolle maison de republique,
Ou, hors mis peu, seront suffoques morrs.

За год до итальянской войны
Германцев, галлов, испанцев из-за крепости,
Обрушится школа, государственное здание,
Где, за малым исключением, все задохнутся насмерть.

Un peu apres non point longue intervalle.
Par mer & terre sera fait grand tumulte,
Beaucoup plus grande sera pugne navale,
Feus animeux, qui plus feront d'insulte.

Чуть позже, после небольшого промежутка,
На море и земле произойдет великое волнение.
Морской бой будет гораздо большим.
[Будут] яростные огни, которые причинят больше всего вреда.

Геродот в своей «Истории» писал: «Обычно, когда какому-нибудь городу или народу предстоят тяжкие бедствия, божество заранее посылает знамения. Так же и хиосцам явлены были перед этими невзгодами великие знамения… незадолго до морской битвы в самом городе обрушилась крыша школы, и из 120 детей только один избежал гибели…Непосредственно за этим могущество города было сокрушено в морской битве».

«Яростные огни» – по-видимому, воспламеняющая смесь (греческий огонь), которая в то время еще использовалась в морских сражениях.

Социальным изменениям посвящен катрен 2—89:

Du jou seront demis les deux grandz maistres
Leur grand pouvoir se verra augmente:
La terre neufve sera en ses haults estres
Au sanguinaire le nombre racompte.

Двое великих магистров будут освобождены от ярма.
Их большая власть расширится
На новую землю; в высоких башнях замка
Кровожадному будет сообщено о числе.

Великий магистр – гроссмейстер, глава духовно-рыцарского ордена, как правило, назначаемый римским папой. «Новой

землей» в XVI веке называли землю, служащую предметом обновляемого арендного договора или захваченную у противника. Речь в катрене идет о секуляризации духовно-рыцарских орденов, которой сопровождалась Реформация в XVI веке. Этот процесс был начат в 1525 году гроссмейстером Тевтонского ордена Альбрехтом Бранденбургским, сложившим с себя сан и превратившим владения ордена в Прусское герцогство. В последней строке «кровожадному» (вероятно, папе римскому) доносят о политических и имущественных потерях Святого престола вследствие секуляризации орденов.

В катрене 3—27 красочно описан союз Франциска I (прямо названного по имени) с султаном Сулейманом Великолепным:

> Prince Libyque puissant en Occident
> Francois d'Arabe viendra tant enflammer:
> Scavans aux letres fera condescendent,
> La langue Arabe en Francois translater.
>
> Ливийский принц, могущественный на Западе,
> Так воспламенит Франциска Аравией,
> [Что тот] благосклонно позволит знающим толк в образованности
> Переводить с арабского языка на французский.

«Ливийский» (североафриканский) принц здесь – алжирский бейлербей Хайреддин Барбаросса, вассал Османской империи. «Аравией» во Франции XVI века часто называли весь мусульманский Восток. В тот период Франция и Турция, имевшие общего врага – империю Габсбургов, – сотрудничали довольно тесно. Это сотрудничество не сводилось лишь к военным и торгово-экономическим аспектам. В 1540 году декретом короля Франциска I в Коллеже была учреждена кафедра арабского языка, был разработан печатный арабский шрифт для публикации научных трактатов. Группа переводчиков работала над их изданиями и на французском языке.

В катренах 3—73 и 6—84 Нострадамус обращается к истории царя Спарты Агесилая:

> Quand dans le regne parviendra le boiteux
> Competiteur aura proche bastard:
> Luy & le regne viendront si fort rogneux,
> Qu'ains qu'il guerisse son fait sera bien tard.
>
> Когда хромоногий достигнет трона,

Его соперником станет его родственник-бастард, [который скажет:]
Он и царство станут такими облезлыми и запаршивевшими,
Что когда он выздоровеет, его дело будет уже кончено.

Celuy qu'en Sparte claude ne peut regner,
I1 fera tant par voye seductive:
Que du court, long, le fera araigner,
Que contre Roy fera sa perspective.

Хромоногий – тот, кто не может править в Спарте, —
Будет действовать путем соблазна,
Так что долго ли, коротко, его заставят признать перед судом,
Что его план – [война] против царя.

Агесилаю Плутарх посвятил отдельное жизнеописание: «Красота его в юные годы делала незаметным телесный порок – хромоту… В Спарте был некий предсказатель Деопит, знавший много старинных прорицаний и считавшийся очень сведущим в божественных делах. Он заявил, что будет грехом, если спартанцы выберут царем хромого, и во время разбора этого дела прочитал следующее прорицание:

Спарта! Одумайся ныне! Хотя ты с душою надменной,
Поступью твердой идешь, но власть взрастишь ты хромую,
Много придется тебе нежданных бедствий изведать,
Долго хлестать тебя будут войны губительной волны.

Против этого возразил Лисандр, говоря, что если спартанцы так боятся этого оракула, то они должны скорее остерегаться Леотихида. «Ибо, – сказал он, – божеству безразлично, если царствует кто-либо хромающий на ногу, но если царем будет незаконнорожденный и, следовательно, не потомок Геракла, то это и будет 'хромым цареньем'». На этих-то основаниях и при таких обстоятельствах Агесилай был провозглашен царем; он тотчас вступил во владение имуществом Агида, лишив этого права Леотихида как незаконнорожденного… Агесилай, во всем повинуясь своему отечеству, достиг величайшей власти и делал все, что хотел».

Информированный современник Нострадамуса мог усмотреть

параллель между Агесилаем и Генрихом II; французский король также страдал физическим недостатком – гипоспадией (неправильным расположением выхода мочеиспускательного канала), хотя этот изъян далеко не столь заметен, как хромота. Как и Агесилай, Генрих испытывал избыточную, по мнению многих, любовь к военным и военной жизни. Наконец, с Агесилаем его роднило неограниченное доверие к фаворитам. Плутарх пишет о спартанском царе: «В своих отношениях с согражданами он был безупречен, когда дело касалось врагов, но не друзей: противникам он не причинял вреда несправедливо, друзей же поддерживал и в несправедливых поступках».

В катрене 3—79 причудливо переплелись постулаты стоической философии и история Марселя:

> L'ordre fatal sempiternel par chaisne
> Viendra tourner par ordre consequent:
> Du port Phocen sera rompue la chaisne:
> La cite prinse, l'ennemy quand & quand.
>
> Вечный, роковой порядок, [скрепленный] цепью,
> Повернется согласно закону последовательности.
> Будет порвана цепь фокейского порта.
> В это же время город захватят враги.

Авл Геллий в своем сочинении «Аттические ночи» отмечал: «Рок… определяется Хрисиппом, первейшим философом среди стоиков, примерно так: рок, говорит он, есть определенный порядок вещей, вечный и неукоснительный, а также цепь, которая влечет и увлекает сама себя согласно вечным порядкам последовательности, к коим она прилажена и присоединена». Фокейский порт – Марсель, основанный фокейцами в 600 году до н. э. Цепь на входе в порт имела исключительную важность: она защищала порт от захвата противником; как правило, порт запирался на цепь каждую ночь. В 1425 году флоту короля Альфонса Арагонского удалось порвать цепь марсельского порта, несмотря на все усилия защитников, в результате чего город пал. У Нострадамуса цепь разрывают не люди, а рок, что приводит к захвату города.

Катрен 4—39 посвящен борьбе рыцарских орденов с Турцией на Средиземном море:

> Les Rodiens demanderont secours
> Par le neglet de ses hoyrs delaissee.
> L'empire Arabe revalera son cours

Par Hesperies la cause redressee.

Жители Родоса попросят о помощи, —
[Острова,] из-за небрежности покинутого своими наследниками.
Арабская империя замедлит свой ход,
[Христианское] дело восстановлено гесперийцами.

Под «Арабской империей» подразумевается Турция; именно так называл Османское государство современник Нострадамуса Жан Боден в своем знаменитом трактате «Лучший способ изучения истории». Родос в начале XIV века был захвачен у Византии духовно-рыцарским орденом иоаннитов (госпитальеров). В 1522 году турки выбили рыцарей с острова после полугодичной осады и в отсутствие поддержки от христиан с материка. Но уже в 1530 году госпитальеры получили от испанского («гесперийского», то есть западного) короля Карла V Габсбурга Мальту, которую удержали под натиском превосходящих османских сил, сковывая их и отвлекая от дальнейших завоеваний.

В катрене 4—41 Нострадамус пересказывает эпизод Второй Пунийской войны, хорошо знакомый всем, кто интересуется историей Древнего Рима:

Gymnique sexe captive par hostaige
Viendra de nuit custodes decevoyr:
Le chef du camp deceu par son langaige
Lairra a la gente, fera piteux a voyr.

[Представительница] женского пола, взятая в заложницы,
Ночью обманет своих сторожей.
Начальник лагеря, обманутый ее речью,
Уступит красотке, грустно смотреть.

«Красотка» – Софониба (Сафанбаал), дочь карфагенского полководца Газдрубала и супруга правителя Нумидии Сифака, союзника Рима. Сифак под ее влиянием повернул оружие против римлян. Другой нумидийский предводитель, Масинисса, захватил Софонибу в плен, однако, вняв ее речам, влюбился в нее. Вот как об этом пишет Тит Ливий: «Она была в расцвете юности, на редкость красива; в ее просьбах, когда она, то обнимая колени Масиниссы, то беря за руку, молила не выдавать ее римлянину,

звучало столько ласки, что душу победителя переполнило не только сострадание – нумидийцы покорны богине любви, – пленница пленила победителя. Подав ей правую руку, Масинисса пообещал исполнить все ее просьбы и ушел во дворец. Тут он начал сам с собой обсуждать, как ему исполнить свои обещания. Ничего он придумать не мог, и любовь подсказала ему решение опрометчивое и бесстыдное: он вдруг велит немедленно, в этот же самый день, готовиться к свадьбе, чтобы ни Лелий, ни сам Сципион не смогли распорядиться Софонибой как пленницей – она уже будет женой Масиниссы. Когда свадьбу справили, явился Лелий; он был так раздосадован, что собирался отправить Софонибу прямо с брачного ложа к Сципиону вместе с Сифаком и прочими пленными. Мольбами Масинисса добился, чтобы решение о том, с кем из двух царей должна разделить судьбу Софониба, было отложено и предоставлено Сципиону. Отослав Сифака и пленных, Лелий с помощью Масиниссы овладел остальными нумидийскими городами, где держались еще царские гарнизоны».

Римский полководец Сципион, однако, потребовал привезти ее в Рим в цепях:

«"По милости богов, покровителей Рима, Сифак побежден и взят в плен. Значит, он сам, его жена, его царство, земля, города, население его страны, все, что принадлежало Сифаку, – добыча римского народа. И царя, и его жену, если бы даже не была она карфагенянкой, если бы даже не знали мы, что отец ее вражеский военачальник, следует отправить в Рим: пусть сенат и народ римский решат, как будет угодно, судьбу той, о которой говорят, что она отвратила от нас царя-союзника и заставила его безрассудно взяться за оружие. Победи себя: смотри, сделав много хорошего, не погуби все одной оплошностью; не лиши себя заслуженной благодарности, провинившись по легкомыслию".

Масинисса слушал; лицо его заливала краска, глаза были полны слез; он сказал, что всегда будет во власти военачальника, и попросил отнестись по возможности снисходительно к связывающему его опрометчивому обещанию – ведь он дал Софонибе слово не передавать ее ни в чью власть. В смятении ушел он от Сципиона к себе; выпроводив свидетелей, долго сидел, вздыхал и стенал – это слышали стоявшие вокруг палатки – и наконец с глубоким стенаньем кликнул верного раба, хранившего яд (цари всегда держат яд при себе, ведь судьба превратна), и велел ему отнести Софонибе отравленный кубок и сказать: «Масинисса рад бы исполнить первое обещание, которое дал ей как муж жене, но те, кто властен над ним, этого не позволят, и он исполняет второе свое обещание: она не попадет

живой в руки римлян. Пусть сама примет решение, помня, что она дочь карфагенского вождя и была женой двух царей».

Слуга передал эти слова и яд Софонибе. «Я с благодарностью, – сказала она, – приму этот свадебный подарок, если муж не смог дать жене ничего лучшего; но все же скажи ему, что легче было бы мне умирать, не выйди я замуж на краю гибели». Твердо произнесла она эти слова, взяла кубок и, не дрогнув, выпила».

О Софонибе писали также Аппиан и Диодор. Образ женщины, обратившей свои чары на пользу народа и погибшей ради него, оказался весьма востребованным в эпоху Ренессанса. Софонибе была посвящена картина Рембрандта и трагедия Меллена де Сен-Желе, придворного поэта Генриха II.

В катрене 4—54 появляется таинственный французский король с уникальным именем:

> Du nom qui onques ne fut au Roy gaulois,
> Jamais ne fut un fouldre si craintif,
> Tremblant l'ltalie, l'Espagne, & les Anglois
> De femme estrangiers grandement attentif.
>
> Такого имени еще не бывало у галльского короля,
> Никогда не было столь боящегося молнии.
> Трепещут Италия, Испания и англичане.
> В высшей степени внимателен к иностранкам.

Этот катрен толкователи обычно относят к Наполеону, однако в XVI веке он воспринимался скорее как ретроспективное пророчество. Франциск I, король Франции в 1515–1547 годах, воевал в Италии, враждовал с Испанией и Англией. Его интерес к иностранным принцессам вошел в поговорку. Сам он был женат на Элеоноре Габсбург, а своего сына, будущего короля Генриха II, женил на флорентийке Екатерине Медичи. Наконец, имя Франциска действительно было первым среди французских монархов. Как писал неизвестный поэт в стихах на восшествие Франциска I на престол:

> Ведь не было среди наших французских королей
> Никогда ни одного, который носил бы имя Франциска.

Что касается молнии, то доселе неизвестно, боялся ли ее Франциск. Известно, что страх перед молнией у эрудитов XVI века вызывал скорее благоприятные ассоциации. Светоний писал

в биографии почитаемого в эпоху Возрождения императора Октавиана Августа: «Перед громом и молнией испытывал он не в меру малодушный страх… при первом признаке сильной грозы скрывался в подземное убежище». Покровитель искусств и ценитель античной словесности Франциск I вполне мог подражать Августу и не стесняться своей боязни грозных атмосферных явлений.

В катрене 4—88 вновь появляется реальное лицо – политический деятель, кардинал и канцлер Франциска I Антуан Дюпра (1464–1535):

Le grand Antoine du nom de fait sordide,
De Phthyriase a son dernier range:
Un qui de plomb vouldra estre cupide,
Passant le port d'esleu sera plonge.

Великий по имени Антуан от гнусной вещи,
От фтириаза изгрызет себя до конца.
Тот, кто пожелает быть жадным до свинца,
Проходя через порт, будет утоплен избранником.

В 1507 году Дюпра стал первым председателем парижского парламента. Луиза Савойская поручила ему воспитание своего сына, будущего короля Франциска I, который после обретения престола в 1515 году назначил Дюпра на должность канцлерома. Стремясь покрыть большие военные расходы своего короля, Дюпра постоянно повышал налоги; это, разумеется, не способствовало его популярности. Молва обвиняла канцлера даже в порче монеты – разбавлении свинцом золотого сплава, из которого чеканились экю. Тем не менее до последних дней король доверял Антуану Дюпра, который в 1527 году получил сан кардинала, а позже даже пытался стать римским папой. Дюпра умер от фтириаза (педикулеза), оставив огромное наследство в 280 тысяч ливров. Последняя строка катрена, впрочем, остается неясной.

В катрене 4—93 Нострадамус предрекает появление замечательного французского монарха, подобного Октавиану Августу:

Un serpent veu proche du lict royal,
Sera par dame, nuict chiens n'abayeront:
Lors naistra en France un prince tant royal,
Du ciel venu tous les princes verront.

Змей вблизи королевского ложа будет замечен
Дамой, ночью залают собаки.
Тогда во Франции родится величественнейший принц,
Пришедший с небес; все принцы [это] увидят.

Змея в Древнем Риме была посвящена Аполлону. Светоний в жизнеописании Августа сообщает об обстоятельствах зачатия Октавиана его матерью Атией: «У Асклепиада Мендетского в „Рассуждениях о богах“ я прочитал, что Атия однажды в полночь пришла для торжественного богослужения в храм Аполлона и осталась там спать в своих носилках, между тем как остальные матроны разошлись по домам; и тут к ней внезапно скользнул змей, побыл с нею и скоро уполз, а она, проснувшись, совершила очищение, как после соития с мужем. С этих пор на теле у нее появилось пятно в виде змеи, от которого она никак не могла избавиться, и поэтому больше никогда не ходила в общие бани; а девять месяцев спустя родился Август и был по этой причине признан сыном Аполлона. Эта же Атия незадолго до его рождения видела сон, будто ее внутренности возносятся ввысь, застилая и землю и небо; а ее мужу Октавию приснилось, будто из чрева Атии исходит сияние солнца».

Загадочные обстоятельства зачатия принца указывают на его сверхъестественное происхождение. О таком монархе Нострадамус писал и в «Переводе „Иероглифики“ Гораполлона»:

Такой король взаправду послан небом,
Используя свою власть во благо.[140]

В катрене 10–89 Август появляется вновь:

De brique en marbre seront les murs reduits
Sept & cinquante annees pacifiques,
Joie aux humains renoue Laqueduict,
Sante, grandz fruict joye & temps melifique.

Стены из кирпичных станут мраморными.
Пятьдесят семь мирных лет.
Радость смертным, обновлен водопровод,
Здоровье, великие плоды, радость и медоносное время.

Светоний в уже упомянутом жизнеописании сообщал: «Он (Август. – *А.П.*) так отстроил город, что по праву гордился тем,

что принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным; и он сделал все, что может предвидеть человеческий разум, для безопасности города на будущие времена». Октавиан действительно правил 57 лет, из которых 44 были по-настоящему мирными – по тем временам это весьма немало.

В катрене 4—96 Нострадамус пишет о династическом союзе Англии и Испании:

> La soeur aisnee de l'isle Britannique,
> Quinze ans devant le frere aura naissance:
> Par son promis moyennant verrifique,
> Succedera au regne de balance.
>
> Старшая сестра с Британского острова,
> Родившаяся за 15 лет до брата,
> Посредством своего ужасного суженого
> Унаследует царство Весов.

«Брат» и «сестра» – это Эдуард VI (1537–1553) и Мария I (1516–1558), дети Генриха VIII Тюдора от разных жен. Нострадамус ошибся или же счел нужным уменьшить разницу в их возрасте с 21 до 15 лет. Под «царством Весов» астрологи понимали Испанию. В 1554 году Мария Тюдор («Кровавая») вышла замуж за испанского принца Филиппа Габсбурга – сына Карла V, врага Франции и убежденного (до фанатизма) католика. Два года спустя он стал королем Испании под именем Филиппа II. Очевидно, Нострадамус считал, что этот брак приведет Тюдоров на трон Испании. На деле династический союз оказался непрочным – вскоре Мария умерла, не оставив потомства, и Англия досталась ее сестре Елизавете I, не питавшей симпатий ни к католикам вообще, ни к испанцам в частности.

В оригинале в конце третьей строки фигурирует несуществующее слово – *verrifique*. Разные комментаторы и исследователи предлагали разные его толкования; по мнению автора этих строк, речь идет об искаженном опечаткой *terri-fique* – «ужасный». Действительно, Филипп II имел репутацию крайне жестокого монарха, особенно после кровавого подавления протестантского восстания в Нидерландах в 1567 году. Напомним, однако, что характеристика «Пророчеств» относится к периоду не позже 1555 года, когда Филипп еще не был королем, и заставляет в очередной раз удивиться прозорливости Нострадамуса.

В катренах 5–6 и 5—75 описан древнейший эпизод из истории Рима – инаугурация легендарного царя Нумы Помпилия:

Au roy l'Agur sus le chef la main mettre,
Viendra prier pour la paix Italique:
A la main gauche viendra changer le sceptre,
De Roy viendra Empereur pacifique.

Августур возлагает руку на голову королю,
Молится о мире в Италии,
Переложив жезл в левую руку.
Король станет мирным императором.

Montera hault sur le bien plus a dextre,
Demouura assis sur la pierre quarree:
Vers le midy pose a la senestre,
Baston tortu en main, bouche serree.

Поднимется как можно выше по правую руку,
Усядется на квадратный камень,
К югу, определив [его] по левую сторону,
С кривым посохом в руке, со сжатыми губами.

Тит Ливий описывает этот эпизод в «Истории Рима» (1,18): «Приглашенный в Рим, он, следуя примеру Ромула, который принял царскую власть, испытав птицегаданием волю богов касательно основания города, повелел и о себе воспросить богов. Тогда птицегадатель-августур, чье занятие отныне сделалось почетной и пожизненной государственной должностью, привел Нуму в крепость и усадил на камень лицом к югу. Августур, с покрытою головой, сел по левую его руку, держа в правой руке кривую палку без единого сучка, которую называют жезлом. Помолившись богам и взяв для наблюдения город с окрестностью, он разграничил участки от востока к западу; южная сторона, сказал он, пусть будет правой, северная – левой; напротив себя, далеко, насколько хватал глаз, он мысленно наметил знак. Затем, переложив жезл в левую руку, а правую возложив на голову Нумы, он помолился так: „Отец Юпитер, если боги велят, чтобы этот Нума Помпилий, чью голову я держу, был царем в Риме, яви надежные знаменья в пределах, что я очертил“. Тут он описал словесно те предзнаменованья, какие хотел получить. И они были ниспосланы, и Нума сошел с места уже царем».

Катрены 5—90 и 5—91 трудно понять, не ознакомившись предварительно с классическим медицинским трактатом Гиппократа «Об эпидемиях»:

Dans les cyclades, en perinthe & larisse,
Dedans l' Sparte tout le Pelloponnesse:
Si grand famine, peste, par faulx connisse,
Neuf moys tiendra & tout le cherrouesse.

В Кикладах, в Перинфе и Лариссе,
В Спарте, [по] всему Пелопоннесу
Величайший голод, мор от опершегося на серп
Девять месяцев продержатся по всему Херсонесу.

«Опершийся на серп» – Сатурн, изображавшийся в виде старика с косой или серпом. Его влияние считалось в астрологии причиной эпидемических заболеваний.

Au grand marche qu'on dict des mensongiers
Du bout Torrent & camp Athenien:
Seront surprins par les chevaulx legiers,
Par Albanois Mars, Leo, Sat. un versien.

На большой рыночной площади, которую называют [площадью] Лжецов,
Весь бурный поток и афинское поле
Будут застигнуты врасплох легкой кавалерией
Албанцев; Марс [во] Льве, Сатурн [в] первом [градусе] Водолея.

Площадь Лжецов – рыночная площадь в Афинах, упоминавшаяся Гиппократом в трактате «Об эпидемиях» (III, 2). «Бурный поток и афинское поле» – Аттическая равнина и текущая по ней река Кефис. Наемная легкая кавалерия (стратиоты) играла заметную роль в войнах XVI века в Южной Европе. Обычно она именовалась «албанской», хотя в нее также входили греки, черногорцы или сербы. В «Мемуарах» Филиппа де Коммина мы находим интересное описание этих воинов, имевших превосходную репутацию (VIII, 7): «Стратиоты напоминают мусульманских конников, одеты они и вооружены, как турки, но на голове не носят уборов из полотна, называемых тюрбанами; люди они суровые и круглый год спят на открытом воздухе, как и их лошади. Они все греки, приходящие из тех мест, которыми владеют венецианцы; одни из Наполи-ди-Романия в Морее, а другие из Албании, из-под Дураццо. У них хорошие турецкие лошади. Венецианцы доверяют им и постоянно держат их на службе. Я видел их всех, когда они высадились в Венеции и им

был устроен смотр на острове, где расположено аббатство Сан-Николо; их было почти полторы тысячи. Люди они храбрые, и сражаться с ними нелегко».

Марс во Льве, Сатурн в первом градусе Водолея – редкая конфигурация; в XVI веке она наблюдалась только в октябре 1520 года. Если слово un («первый») является опечаткой *en* («в»), тогда диапазон расширяется: это могут быть 1520, 1550, 1579 годы и так далее. В целом эти «греческие» катрены предсказывают вторжение легкой конницы христиан в Аттику после длительной эпидемии.

В катрене 6—39 Нострадамус упоминает Тразименское озеро, где Ганнибал в апреле 217 года до н. э. разгромил римские войска. Его название стало нарицательным именем для обозначения военной катастрофы:

L'enfant du regne par paternelle prinse,
Expolie sera pour delivrer:
Aupres du lac Trasimen l'azur prinse,
La troupe hostaige pour trop fort s'enyvrer.

Царственный инфант из-за захвата отца
Будет обобран, чтобы его освободить.
Близ лазури Тразименского озера взято
Войско в заложники с сильного перепоя.

Вероятно, первые две строки – аллюзия на пленение Франциска I после поражения французов в битве при Павии в 1525 году, после которого Франции пришлось заплатить огромный выкуп.

В катрене 6—66 ретроспективно описаны события первой четверти XVI века:

Au fondement de la nouvelle secte,
Seront les oz du grand Romain trouves:
Sepulcre en marbre apparoistra couverte,
Terre trembler en Avril, mal enfouetz.

При основании новой секты
Будут найдены останки великого римлянина:
Появится гробница, облицованная мрамором —
Землетрясение в апреле, – плохо закопанная.

В 1519 и 1521 годах сообщалось о находке в Риме гробницы

императора Августа. К этому же периоду (1517–1520) относится начало активной деятельности Мартина Лютера, ознаменовавшей начало Реформации («основание новой секты»).

Катрен 6—69 сообщает о крестьянских войнах:

La pitie grande sera sans loing tarder,
Ceulx qui donnoient seront constrains de prendre:
Nudz affamez de froit, soif, soy bender,
Les monts passer commettant grand esclandre.

Великое сожаление случится без долгой задержки.
Те, кто давал, окажутся вынужденными взять.
Голые, изнуренные холодом, жаждой, объединившись,
Перейдут горы, вызывая большое смятение.

Первая треть XVI века отмечена в Европе рядом серьезных крестьянских восстаний, самым мощным из которых была война 1524–1526 годов в Германии. Крестьяне поднимались против своих господ также во Франции, Венгрии, Испании, что было связано с усилением крепостного гнета в условиях упадка феодального хозяйства и развития товарно-денежных отношений. Нострадамус с его мировоззрением гуманиста не мог не отметить, что крестьяне были вынуждены восстать из-за тяжелейших условий своей жизни.

В катрене 7—29 пророк обращается к обстоятельствам очередной франко-испанской войны:

Le grand due d'Albe se viendra rebeller,
A ses grans peres fera le tradiment:
Le grand de Guise le viendra debeller:
Captif mene & dresse monument.

Великий герцог Альба взбунтуется,
Совершит предательство своих предков.
Великий де Гиз победит его,
Уведет в плен и воздвигнет монумент.

Осенью 1556 года испанцы атаковали владения римского папы Павла IV; испанскую армию вел неаполитанский вице-король герцог Альба «Дражайший». Папский ультиматум Альбе действия не возымел, и папа отлучил от церкви Альбу, императора Карла V и его сына, испанского короля Филиппа II. Получив призыв Павла IV о помощи, Генрих II отправил через

Альпы армию под командованием герцога Франсуа де Гиза. На первых порах Гиз действовал против Альбы вполне успешно. Однако после разгрома французов под Сен-Кантеном летом 1557 года папа примирился с Габсбургами, и Гиз с частью армии спешно вернулся во Францию. Таким образом, у катрена правильное начало, но неверный финал; он явно написан между осенью 1556 года и летом 1557-го.

В катрене 7—38 описана гибель Генриха II, но не Валуа, а Наваррского:

> L'aisne Royal sur coursier voltigeant,
> Picquer viendra, si rudement courir:
> Gueule, lypee, pied dans Pestrein pleigant,
> Traine, tire, horriblement mourir.
>
> Старший королевич, гарцуя на скакуне,
> Погоняя, понесется вскачь очень резко.
> Морда… Пасть… Нога запуталась в стремени,
> Его повлечет, потащит, – ужасная смерть.

Король Наварры погиб в мае 1555 года вследствие несчастного случая во время верховой езды; катрен опубликован только в 1557 году, что заставляет усомниться в его пророческом характере.

В катрене 8—15 также появляется реальное историческое лицо:

> Vers Aquilon grand efforts par hommasse
> Presque l'Europe & Punivers vexer,
> Les deux eclypses mettra en telle chasse,
> Et aux Pannons vie & mort renforcer.
>
> Великие армии мужеподобной на Севере
> Досадят почти [всей] Европе и [всему] свету.
> Из-за двух затмений устроит сильнейшие гонения
> И усилит жизнь и смерть для паннонцев.

Катрен посвящен сестре императора Карла V Марии Венгерской (1505–1558), регенште Нидерландов в 1531–1555 годах. Мария действительно часто сама возглавляла армии вторжения во Францию с севера, причем лично следовала во главе войска. В мирное время она активно предавалась охоте и длительным конным походам, и современники отмечали ее

высокие спортивные качества. Однажды гуманист Роджер Эшем, путешествуя по германским землям, неожиданно встретил регентшу. Она ехала верхом одна, на милю впереди своей свиты из 30 дворян. Оказалось, что они завершали поход, на который вместо семнадцати дней затратили тринадцать. «Мария – воительница, амазонка, – писал Эшем в восхищении. – Она необыкновенно хороша, когда стремительно мчится в седле или охотится всю ночь напролет».[141]

Ее «мужской» авторитет был так высок, что в 1555 году Карл V консультировался с ней во время заключения Восельского перемирия с Францией: «Она приехала и дала ему замечательные советы, однако в письме венецианцам, бывшим на переговорах, выразила сожаление, что „не допущена к участию по причине своего пола“, несмотря на ее искреннее желание».[142] Современник Нострадамуса и Марии Пьер Брантом в биографии регентши писал: «Наша королева Мария Венгерская, однако, была очень красивой и приятной и весьма любезной, хотя и показала себя немного мужеподобной».[143]

Последние две строки катрена кажутся непонятными. По предположению Пьера Брендамура, речь здесь идет о весенних затмениях 1540 года, считавшихся астрологами очень важными. В начале 1540 года в Нидерландах разразился мятеж (Гентское восстание), жестоко подавленный Марией и Карлом V при фактической поддержке Франциска I. Кроме того, Мария была вдовой короля Венгрии (Паннонии) Лайоша II, погибшего при Мохаче в 1526 году.

В катрене 8—72 Нострадамус вспоминает о победе французов под Равенной, на Перузийском поле:

> Champ Perusin o l'enorme deffaite
> Et le conflit tout au pres de Ravenne,
> Passage sacre lors qu'on fera la feste,
> Vainqueur vaincu cheval manger la venne.
>
> Перузийское поле – о, какое огромное поражение!
> И война совсем рядом с Равенной.
> Священная процессия во время праздника.
> Конь победителя ест овес побежденного.

11 апреля 1512 года, на Пасху, французские войска под командованием Гастона де Фуа, герцога Немурского, разгромили под Равенной войска «Священной лиги». Роже Прево предлагает совсем уж мрачное толкование последней строки: зверства солдат воюющих армий в XVI веке доходили до того, что пленным

вспарывали животы и засыпали во внутренности овес, а потом заставляли лошадей поедать его. К счастью, синтаксис катрена вполне позволяет прочитать его в более гуманном ключе.

Катрен 8—37 посвящен пертурбациям английской политики:

La forteresse aupres de la Tamise
Cherra par lors le Roy dedans serre,
Aupres du pont sera veu en chemise
Un devant mort, puis dans le fort barre.

Крепость близ Темзы
Падет, когда в ней будет заточен король.
Около моста будет замечен в рубахе
Один перед смертью, затем заперт в форте.

Известно, что во время Войны Алой и Белой розы в Англии (1455–1485) были убиты целых три короля – Генрих VI, Эдуард V и Ричард III. Кстати, в период написания «Пророчеств» английский престол много лет занимали только королевы – Мария Кровавая и Елизавета I. Это пророчество не раз пытались отнести к Карлу I Стюарту, который в момент своей казни 30 января 1649 года действительно был в простой белой рубахе, причем казнь состоялась во дворце Уайтхолл, расположенном около старого Лондонского моста.

В катрене 8—76 Нострадамус яростно обличает некоего жестокого английского монарха:

Plus Macelin que roy en Angleterre
Lieu obscur nay par force aura 1'empire:
Lasche sans foy, sans loy saignera terre,
Son temps s'approche si pres que je souspire.

В Англии – более мясник, чем король,
Рожденный в безвестном месте, силой захватит власть.
Подлый безбожник, беззаконник, окровавит землю.
Его время так близко, что мне больно.

Возможно, что мишенью ярости Нострадамуса здесь служит Генрих VIII – английский король, действительно отличавшийся крайней жестокостью к своим подлинным и мнимым противникам. Он принадлежал к молодой («безвестной») династии Тюдоров, хотя и не захватывал власть силой. Его время было действительно близко к Нострадамусу: король умер в 1547

году, за восемь лет до первой публикации «Пророчеств»…

В катрене 9—77 также обыгрывается биография Генриха VIII Английского:

> Le regne prins le Roy conviera,
> La dame prinse a mort jurez a sort,
> La vie a Royne fils on desniera
> Et la pellix au fort de la consort.
>
> Заняв престол, король призовет
> Пленную даму к смерти по жеребьевке между судьями.
> Сыну королевы откажут в жизни,
> И наложница [обретет] силу консорта.

Анна Болейн, сменившая королеву Екатерину Арагонскую, была предана суду по обвинению в измене и казнена в 1536 году. Правда, ее ребенок (не сын, а дочь Елизавета), не был предан смерти, хотя такая опасность и угрожала ей неоднократно.

Катрен 9–1 также населен реальными персонажами:

> Dans la maison du traducteur de Bourc
> Seront les lettres trouvees sus la table,
> Bourgne, roux, blanc, chanu tiendra de cours,
> Qui changera au nouveau connestable.
>
> В доме предателя де Бура
> На столе будут найдены записи.
> Одноглазый, рыжий с проседью выдержит спад,
> Что превратит [его] в нового коннетабля.

Автор этих строк полагает, что в катрене описываются события вокруг ареста советника парижского парламента дю Бура и соперничества герцога Гиза и коннетабля Монморанси. Анн дю Бур был арестован летом 1559 года по приказу Генриха II за открытую поддержку протестантов и критику монарха («предательство»; слово *traducteur* – явная опечатка от *tradicteur,* «предатель»). «Одноглазым, рыжим с проседью» может быть только Франсуа Лотарингский, герцог де Гиз (1519–1563), получивший прозвище «Меченый» от шрама после ранения в глаз и щеку. Он действительно был рыжим и с проседью, если судить по прижизненным портретам. В 1552 году Гиз защитил Мец от армии Карла V, позже воевал в Италии, а в 1558 году отнял у англичан Кале. После смерти Генриха II он вместе с братом,

кардиналом Лотарингским, фактически взял в свои руки власть во Франции, оттеснив былого фаворита Генриха II коннетабля Анна Монморанси. Нострадамус предполагает, что в доме дю Бура будут найдены некие компрометирующие Монморанси бумаги, которые приведут к тому, что должность коннетабля получит Гиз.

При этом и Монморанси, и Гиз были ярыми католиками; в 1560 году они прекратили вражду и образовали альянс с целью искоренения «гугенотской ереси». Оба этих деятеля погибли на раннем этапе Религиозных войн.

Катрен 8—96 повествует о евреях, бежавших в Османскую империю от преследований инквизиции:

> La synagogue sterile sans nul fruit
> Sera receu entre les infideles
> De Babylon la fille du porsuit
> Misere & triste luy trenchera les aisles.
>
> Стерильная, без единого плода, синагога,
> Будет принята среди неверных
> Вавилона; дщерь гонения,
> Нужда и печаль подрежут ей крылья.

Нострадамус сгустил краски; несмотря на то, что жизнь еврейских беженцев на Востоке была, конечно, несладкой, все же турецкие султаны по отношению к ним проводили гораздо более терпимую политику, чем испанские короли. Здесь, как и в других катренах, пророк называет Османское государство Вавилоном.

Катрен 9–9 отсылает к знаменитому нимскому наводнению 1557 года:

> Quand lampe ardente de feu inextinguible
> Sera trouve au temple des Vestales,
> Enfant trouve feu, eau passant par trible:
> Perir eau Nymes, Tholose cheoir les halles.
>
> Когда светильник, пылающий неугасимым пламенем,
> Будет найден в храме весталок —
> Обнаружен усопший ребенок [в] воде, проходящей через решетку;
> В воде погибнет Ним, в Тулузе рухнут торговые ряды.

Решетки использовались для фильтрации воды, поступающей

в город. Детский труп, найденный в фильтрах водопровода, предвещал стихийное бедствие. Возможно и другое, более оптимистическое прочтение строки: «Огонь найдет ребенок, шедший по воде через решетку».

Наводнение осени 1557 года на юге Франции было необыкновенно сильным. Вода размыла наслоения почвы и обнажила античные постройки; было обнаружено много кладов. В Тулузе действительно рухнули торговые ряды, а Ним на время превратился в озеро с торчащими из воды верхушками крыш. О находке каких-либо светильников во время этого наводнения, однако, ничего не известно. По преданиям, «неугасимые» светильники (их еще называли «философскими лампами») горели в античных храмах; возможно, это были примитивные масляные или нефтяные лампы, горевшие намного дольше факелов. О том же наводнении (или о потопе 5 декабря 1536 года) идет речь в катрене 9—37:

Pont & molins en Decembre versez,
En si haut lieu montera la Garonne:
Murs, edifices, Tholose renversez,
Qu'on ne scaura son lieu autant matronne.

В декабре рухнут мост и мельницы,
Так высоко поднимется Гаронна;
Стены, здания [в] Тулузе опрокинуты так,
Что ни одна замужняя дама не узнает свой дом.

О Нимском наводнении повествует и катрен 10—6:

Sardon Nemans si hault desborderont,
Qu'on cuidera Deucalion renaistre,
Dans le collosse la plus part fuyront,
Vesta sepulchre feu estaint apparoistre.

Гардон в Немаузе так высоко поднимется над берегами,
Что решат, будто вновь родился Девкалион.
Большая часть убежит в колизей.
Появится гробница Весты с угасшим огнем.

Немауз – римское название города Нима, через который протекает река Гардон (Гаронна). Девкалион – легендарный царь Фессалии, сын Прометея, по воле Зевса спасшийся со своей женой в ковчеге, построенном по указаниям отца, и ставший

основателем нового человеческого рода. Нострадамус использует его имя как метафору вселенского потопа.

В катрене 9—20 несколько поколений комментаторов безосновательно видели описание ареста революционерами Людовика XVI в Варенне 22 июня 1791 года:

> De nuict viendra par la forest de Reines,
> Deux pars vaultorte Heme la pierre blanche,
> Le moine noir en gris dedans Varennes
> Esleu cap. cause tempeste feu, sang tranche.
>
> Ночью прибудет Реннским лесом,
> С двух сторон – [через] Воторт, Эрне [и] Пьер-Бланш —
> Черный монах в сером в Варенне,
> Избранный кап[итаном], – причина бури, огня, крови, резни.

Населенные пункты Воторт, Эрне (Эрве), Пьер-Бланш, Варенн, а также Реннский лес (лес близ городка Реннан-Грену́й) расположены в округе Майенн и почти в том же порядке перечислены в «Путеводителе по дорогам Франции»

Шарля Этьена. Роже Прево считает, что в этом катрене описывается карательная экспедиция Антуана дю Плесси, бенедиктинского монаха-расстриги, в 1562 году назначенного капитаном королевской пехоты и летом посланного в Мен для усмирения гугенотов. Резня протестантов произошла именно в местах, перечисленных Нострадамусом, а вот королевская карета в 1791 году двигалась к совсем другому Варенну (во Франции городов с таким названием несколько).

Катрен 9—23 повествует о несчастном случае в королевском семействе:

> Puisnay jouant au fresch dessouz la tonne,
> Le hault du toict du milieu sur la teste,
> Le pere roy au temple saint Solonne,
> Sacrifiant sacrera fum de feste.
>
> Младший играет на воздухе под беседкой.
> Верхушка середины крыши [падает ему] на голову.
> Король-отец в храме Святой Соленны,
> Принося жертву, воскурит праздничный дым.

Храм Святой Соленны (Сен-Соленн) – кафедральный собор

города Блуа. В феврале 1546 года во время предпасхального паломничества Франциска I в Солонь к югу от Блуа, в замке Ла-Рош-Гюйон при невыясненных до конца обстоятельствах погиб Франциск де Бурбон, герцог Энгиенский (на него из окна замка упал тяжелый кованый сундук). Расследование было прекращено королем Франциском, а происшествие объявлено несчастным случаем. Возможно, к гибели молодого герцога был причастен дофин Анри, будущий Генрих II – незадолго до гибели Франциска Бурбона они повздорили и даже подрались. Таким образом, и это «пророчество» при ближайшем рассмотрении относится к уже случившемуся событию, подробности которого, правда, были неизвестны большинству современников Нострадамуса.

Катрен 9—34 отсылает к испанско-французской войне 1503 года:
Le part soluz mary sera mittre,
Retour conflict passera sur la thuille:
Par cinq cens un trahyr sera tiltre,
Narbon & Saulce par coutaux avons d'huille.

Разрывом [акта] о разделе митроносец будет недоволен,
В ответ война пройдет по черепицам.
Пять сотен назовут одного предателем.
Нарбонн и Сальс – масло в счет снабжения провиантом.

В 1503 году было разорвано французско-испанское соглашение о разделе Италии. Арагонский король Фердинанд захватил Неаполь, что ввергло в ярость Жоржа Амбуазского, архиепископа Руана («митроносца») и министра иностранных дел Франции. Людовик XII осадил испанскую крепость Сальс между Нарбонном и Перпиньяном, в краях, где до сих пор строят дома с красными черепицами. Война была проиграна, а французский маршал Рье, командовавший войском в 500 солдат, был обвинен в предательстве. Что касается масла, то оно относилось к важнейшим продовольственным поставкам в армию.

В катрене 9—75 Нострадамус вспоминает историю Южной Франции:

De l'Ambraxie & du pays de Thrace
Peuple par mer mal & secours Gaulois,
Perpetuelle en Provence la trace
Avec vestiges de leur coustume & loix.

Из Амбракии и Фракийской земли

Народ [пришел] морем; несчастье и галльская подмога.
В Провансе [он оставил] неизгладимый след
С пережитками их обычаев и законов.

Амбракия (ныне Арта) – город и крепость в греческом Эпире. Говоря о галлах, автор, возможно, имеет в виду кельтское племя вольков-тектосагов, которое в III веке до нашей эры заселило как центр современной Турции (Галатию), так и юг Франции, где их столицей стала Толоса (нынешняя Тулуза). Возможно, впрочем, иное прочтение катрена – аллюзия на наследие Арабского халифата в провансальской культуре и традициях (музыка, танец, медицина, кухня). Арабы-мусульмане пришли в Европу морем с Востока, где находились Фракия и Эпир; их приход стал для христианского населения несчастьем, от которого избавила лишь галльская (в данном контексте французская) подмога. Как известно, в 732 году майордом франков Карл Мартелл разбил арабов при Пуатье, остановив тем самым их натиск на север.

Катрен 10–17 воскрешает в памяти тени эпохи Людовика XII:
La royne Ergaste voiant sa fine blesme,
Par un regret dans l'estomach encloz,
Crys lamentables seront lors d'Angolesme,
Et au germain mariage fort clos.

Королева-тюремщица увидит свою дочь поблекшей
От скорби, теснящей грудь.
Тогда жалобные крики донесутся из Ангулема,
И брак с германцем [будет] отменен.

По мнению Роже Прево, катрен отсылает нас к жизни королевы Анны Бретонской, супруги Карла VIII, а затем Людовика XII. В 1504 году она просватала свою горбатую и болезненную («поблекшую») дочь Клод за «германца» – будущего императора Карла V. Анна с дочерью бежала в Нант, намереваясь предложить Бургундию и Бретань Габсбургам в качестве приданого невесты. Генеральные штаты в Блуа воспротивились этому союзу, и Клод была выдана за герцога Ангулемского. Мать последнего, Луиза Савойская, свято верила, что ее сын будет царствовать во Франции, несмотря на то, что он не был прямым наследником престола: если бы у Анны родился сын, корона перешла бы к нему. Анна Бретонская страстно желала родить наследника Людовику XII, и каждая ее беременность вызывала «жалобные

крики из Ангулема». Однако три мальчика, рожденные Анной, умерли, и герцог Ангулемский взошел на престол под именем Франциска I.

Катрен 10–27 отсылает к печально знаменитому разграблению Рима:

> Par le cinquieme & un grand Hercules
> Viendront le temple ouvrir de main bellique,
> Un Clement, Jule & Ascans recules,
> Lespe, clef, aigle, n'eurent onc si grand picque.
>
> Посредством Пятого и великого Геркулеса
> [Двери] храмов открыты вооруженной рукой.
> Один Климент, Юлии-Аскании отодвинуты.
> Меч, ключ, орел никогда не были в такой великой ссоре.

В мае 1527 года армия императора Карла V (орел – символ Священной Римской империи), состоявшая в основном из германских ландскнехтов-протестантов под командованием перебежчика, экс-коннетабля Франции герцога Бурбона («Великого Геркулеса»), захватила Рим и подвергла его жестокому разграблению, сопровождавшемуся насилием над мирными жителями, пытками священнослужителей, осквернением храмов. Римский папа Климент VII фактически попал в плен. Юлии-Аскании – род легендарного Аскания-Юлия, сына Энея, прародителя римлян. Ключи апостола Петра изображены на папском гербе, а меч – на гербе Лондона; возможно, Нострадамус имеет в виду разрыв Генриха VIII Английского с католицизмом, последовавший вскоре после разграбления Рима.

Это разграбление описывается и в катрене 6—98:

> Ruyne aux Volsques de peur si fort terribles,
> Leur grand cite taincte, faict pestilent:
> Piller Sol, Lune & violer leurs temples:
> Et les deux fleuves rougir de sang coulant.
>
> Беда вольсков, ужаснейший страх.
> Их большой город запятнан чумой.
> Разграблены Солнце и Луна, их храмы подвергнутся насилию,
> И обе [их] реки покраснеют от текущей крови.

Вольски (не путать с упомянутыми выше кельтоязычными

вольками) – древнее италийское племя в Лации, жившее по обе стороны реки Лирис, вплоть до Тирренского моря. «Большой город» – Рим, окруженный некогда землями вольсков. Две реки – Тибр и Лирис (ныне Гарильяно). Луна и Солнце – серебро и золото.

В катрене 10–40 вновь говорится о смерти 16-летнего Эдуарда VI, сына Генриха VIII от Джейн Сеймур, короля Англии в 1547–1553 годах:

> Le jeune nay au regne Britannique
> Qu'aura le pere mourant recommande,
> Iceluy mort lonole donra topique,
> Et a son fils le regne demande.
>
> Юнец, рожденный в британском царстве,
> Которое ему препоручит умирающий отец, —
> Когда тот умрет, – дядя даст снадобье, —
> Престол затребован его сыном.

Единственная ошибка (или преднамеренная сюжетная контаминация) заключается в том, что дядя и предполагаемый отравитель Эдуарда в реальной истории были не одним и тем же лицом. Фактическим правителем страны (протектором государства) поначалу был действительно дядя короля – Эдуард Сеймур, герцог Сомерсет. Однако в октябре 1549 года он был смещен герцогом Нортумберлендским, не состоявшим с королем в кровном родстве. Герцог вынудил больного Эдуарда подписать закон о престолонаследии, согласно которому трон переходил к Джейн Грей, племяннице Генриха VIII. Затем Нортумберленд оперативно женил своего сына Гилфорда Дадли на Джейн Грей и после смерти Эдуарда VI потребовал корону. В стране началась смута, в ходе которой народ и дворяне приняли сторону Марии Тюдор, старшей дочери Генриха VIII. Она и получила престол, а Нортумберленд, Дадли и Грей отправились на эшафот.

Ранняя смерть юного короля вызвала подозрения в отравлении, о чем пишет историк Кэроли Эриксон: «В феврале во время пребывания Марии во дворце до нее дошли слухи, что болезнь брата усугубляется с помощью медленно действующего яда… В последние дни, когда лекари сдались, откуда-то появилась знахарка, взявшаяся его вылечить, „если ей предоставят полную свободу действий“. Она дала ему принять что-то мерзкое, отчего его сморщенное тело начало раздуваться, как воздушный шар. Ноги невероятно отекли, а все „жизненные органы оказались смертельно засоренными“. Постепенно пульс

начал слабеть, кожа изменила цвет. Говорить он уже не мог, только еле дышал. Агония продолжалась несколько дней, а 6 июня Эдуард умер».[144]

Отношения Франции и Наварры затрагиваются в катрене 10–45:

> Lombre du regne de Navarre non vray,
> Fera la vie de sort illegitime:
> La veu promis incertain de Cambray,
> Roy Orleans donra mur legitime.
>
> Призрачная тень Наваррского королевства
> Произведет жизнь незаконного свойства.
> Ненадежной клятве, принесенной в Камбре,
> Король Орлеанский поставит законный заслон.

С 1512 года, когда большая часть Наварры была поглощена Испанией, наваррские короли не оставляли надежды отвоевать свою землю и склоняли союзную им Францию к активным действиям. В 1521 году французы снова пытались освободить Наварру. Что касается «клятвы в Камбре», то речь идет о Камбрейском мире 1529 года, закрепившем неудачу французов в Итальянских войнах. Герцог Орлеанский – титул Генриха Валуа до восшествия на престол в 1547 году.

В катрене 10–84 Нострадамус вспоминает нашумевшее дело Мартена Гера, вернувшегося домой после нескольких лет отсутствия и обнаружившего свою жену живущей с… его двойником. Дело долго рассматривалось парламентом Тулузы; 12 сентября 1560 года самозванец был признан виновным и казнен:

> La naturelle a si hault hault non bas
> Le tard retour fera marris contens,
> Le Recloing ne sera sans debatz
> En empliant & perdant tout son temps.
>
> Супруга столь высокого, высокого, не низкого [происхождения]
> Позднее возвращение сделает довольных опечаленными.
> Судебное ходатайство не обойдется без прений,
> Заполняя ими и теряя все свое время.

В катрене 10–92 речь идет о женевском терроре и смерти его вдохновителя Жака Кальвина, последовавшей в мае 1564 года:

Devant le pere 1'enfant sera tue:
Le pere apres entre cordes de jonc,
Genevois peuple sera esvertue,
Gisant le chief au milieu comme un tronc.

Перед отцом будет убит ребенок,
Потом отец в тростниковых веревках.
Женевский люд будет потрясен, —
Вождь лежит посреди него как бревно.

Казнь посредством стягивания грубыми тростниковыми веревками была одной из самых мучительных; во время Религиозных войн ее применяли обе стороны.

В катрене 8—13 Нострадамус переносит в наши дни античный миф о Беллерофонте:

Le croise frere par amour effrenee
Fera par Praytus Bellerophon mourir,
Classe a mil ans la femme forcenee
Beu le breuvage, tous deux apres perir.

Единокровный брат из-за безудержной любви
Вынудит Беллерофонта умереть из-за Прета.
Войско в Милане; женщина в исступлении
Выпьет яд, потом оба погибнут.

По преданию, царский сын Беллерофонт, убив человека, нашел убежище в Арголиде у тиринфского царя Прета. Жена Прета пыталась соблазнить гостя; после того как он отверг ее, обвинила Беллерофонта в покушении на ее честь. Не желая обагрять свои руки кровью гостя, Прет отправил Беллерофонта в Ликию к царю Иобату с письмом, в котором просил убить гостя. Иобат давал юноше разные смертельно опасные поручения: сразиться с чудовищем Химерой, отразить нападение воинственных амазонок. Беллерофонт с честью вышел из всех испытаний, женился на дочери Иобата и унаследовал его царство. Узнав о письме, он вернулся в Арголиду и убил коварную жену Прета.

Роже Прево увязывает катрен с легендой из «Истории Флоренции» Никколо Макиавелли (I, VIII). Лангобардская королева Розамунда (ее власть распространялась и на Милан) вынудила своего любовника Алмахильда убить ее мужа, короля Альбоина. Затем они бежали к византийскому экзарху Равенны

Лонгину. Далее Макиавелли пишет: «Лонгин решил, что наступило для него удобное время сделаться с помощью Розамунды и ее золота королем лангобардов и всей Италии. Он поделился этим замыслом с Розамундой и уговорил ее умертвить Алмахильда, а его, Лонгина, взять в мужья. Она согласилась, и вот, когда Алмахильд после бани захотел пить, она поднесла ему заранее приготовленный кубок с отравленным вином. Выпив едва половину кубка, он внезапно ощутил, что ему разрывает внутренности, понял, в чем дело, и принудил Розамунду проглотить остаток яда. Так вскорости оба они умерли, и Лонгин потерял надежду стать королем».

Глава третья
ПРИРОДА ЗАГАДОЧНАЯ И ПРЕДСКАЗЫВАЮЩАЯ

Помимо исторических преданий, у пророческого вдохновения Нострадамуса был еще один важный источник – традиция толкования предзнаменований (продигий). С давних времен считалось, что необычные и редкие явления природы предвещают важные события в жизни людей. В Древнем Риме толкованием знамений занимались гаруспики, члены особой жреческой коллегии. О продигиях писали крупные древнеримские авторы – Тит Ливий, Светоний, Кассий Дион, поэты Овидий, Вергилий, Лукан. Валерий Максим и Юлий Обсеквент посвятили продигиям отдельные сочинения, которые пользовались большим успехом у читателей эпохи Возрождения. В ту эпоху в большом количестве выходили и сборники рассказов о таинственных явлениях современных Нострадамусу авторов – эрудита и натурфилософа Конрада Ликосфена, хирурга Амбруаза Паре (его больше занимали уродства), Якоба Руфа, Пьера Буатюо и многих других.

Мишель Нострадамус, судя по всему, проявлял живейший интерес к «выходкам» природы. Мы помним, что в 1554 году провансальский астролог осматривал пару двухголовых уродов – ребенка и козленка, увидевших свет в Провансе. В том же году он стал свидетелем падения яркого болида. Все эти явления Нострадамус счел предзнаменованием тяжелого будущего, которое ожидает Францию. О продигиях он писал и в альманахах: «Родится урод, предрекающий упадок новых сектантов. Господь наставляет их на путь изначальной свободы» *(Alm. 1557, NL juillet)*.

Спектр природных явлений, попавший в поле зрения Нострадамуса при написании «Пророчеств», широк, но не оригинален – провансальский эрудит следует здесь римской традиции, знания о которой он почерпывал из книг Тита Ливия и Юлия Обсеквента, которые держал в своей библиотеке. Рождение уродов, появление неизвестных науке существ, аномальное поведение животных, нашествия насекомых, дожди из лягушек, крови, камней, метеоры, кометы, молнии, небесные миражи, стихийные бедствия – во всех этих вполне естественных проявлениях Нострадамус видит знамения, по которым можно прочесть будущее. Один из многих примеров – катрен 1—17:

Par quarante ans l'Iris n'aparoistra,

Par quarante ans tous les jours sera veu:
La terre aride en siccite croistra,
Et grans deluges quand sera aperceu.

В течение 40 лет Ирида не будет появляться,
В течение 40 лет будет видна каждый день.
Бесплодная земля иссохнет еще больше.
И великие потопы, когда [Ирида] вновь будет замечена.

Ирида, дочь Тавманта и Электры, – древнеримская богиня радуги. Катрен повествует о великой засухе, предшествующей концу света. Ришар Русса писал: «Ирида (Дуга Неба или Дуга Мира) совсем не будет видна в течение 40 лет перед этим сожжением по причине великой суши небесных светил.[145] Стоит отметить, что радуга, «шарф Ириды», помещалась на личном гербе королевы Екатерины Медичи. Первые 40 лет ее жизни прошли бесславно, в роли нелюбимой супруги, во всем уступающей блестящей фаворитке Генриха II Диане де Пуатье. Возможно, именно этот катрен, впервые опубликованный в 1555 году, и стал причиной пристального внимания королевы к пророчествам Нострадамуса. Действительно, в год своего сорокалетия королева после гибели мужа выдвинулась на первый план во французской политике и не уходила с него вплоть до своей кончины, которая последовала 5 января 1589 года – через 30, а не 40 лет.

1-23.
Au mois troisiesme se levant le soleil,
Sanglier, liepard, au champ mars pour combatre.
Liepard laisse, au ciel extend son oeil,
Un aigle autour du soleil voyt s'esbatre.

В третьем месяце, на восходе Солнца,
Вепрь и леопард сражаются на марсовом поле.
Утомленный леопард устремляет свой взор в небо,
Видит орла, кружащего вокруг Солнца.

Этот катрен – совершеннейшая загадка. Ни одно из объяснений его толкователями и современными учеными-исследователями нельзя считать приемлемым. В первой половине XVI века были весьма популярны рассказы о «сражениях в небесах» (например, в книгах Конрада Ликосфена и Джироламо Кардано), в которых участвовали воины с определенными

эмблемами либо животные. Орел во все времена был символом Священной Римской империи; леопарды (согласно законам геральдики, леопард – это тот же лев, повернутый в профиль) украшали герб Англии. Однако толкование этого катрена на том и заканчивается: неясно, кого обозначает вепрь. Этот зверь символизировал ярость и неукротимую силу и появлялся на штандартах армий разных стран. Во всяком случае, аллегория здесь неясна, в отличие от катрена 1—29, где появление на берегу «морского чудовища» служит предвестием иноземного вторжения:

Quand le poisson terrestre & aquatique
Par forte vague au gravier sera mis,
Sa forme estrange suave & horrifique,
Par mer aux murs bien tost les ennemis.

Когда рыба, живущая на земле и в воде,
Будет выброшена на гальку сильной волной, —
Странного вида, лоснящаяся и ужасающая, —
Враги очень скоро прибудут морем к стенам.

Находки неизвестных европейцам морских животных оживленно обсуждались в научной среде эпохи Возрождения; о них писали швейцарский естествоиспытатель Конрад Геснер, врач Гийом Ронделе, хирург Амбруаз Паре и другие современники Нострадамуса. Насколько можно понять описания и иллюстрации к их трактатам, речь идет о тюленях, морских коровах, морских львах и других вполне обычных для нас существах. Тогдашней зоологии эти животные были неизвестны и воспринимались как зловещие твари, сулящие различные невзгоды местностям, где их видели или ловили.

Природа, впрочем, способна посылать и «классические» знамения, хотя и их не так-то легко истолковать. Вот катрен 1-34:

L'oyseau de proye volant a la senestre
Avant conflit faict aux Francoys pareure
L'un bon prendra, l'un ambigue sinistre,
La partie foyble tiendra par bon augure.

Хищную птицу, летящую налево,
Накануне войны явившуюся французам,
Кто-то сочтет доброй, кто-то – двусмысленной и зловещей;
Слабая сторона примет ее за доброе предзнаменование.

«Птичьи знамения», ауспиции (от лат. *avis*– «птица» и *specio* – «наблюдать»), по древнеримским представлениям, помогали узнать волю богов. Считалось, что птицы подают знак полетом (орлы, коршуны), криком (вороны, совы) или поведением при кормежке (куры). Всякое общественное дело, любое действие должностного лица требовали птицегаданий. Ауспиции не открывали будущего, но показывали, одобряют ли боги задуманное. Об этом писал в своей «Истории» Тит Ливий (VI,41): «По птицегаданию основан этот город, без птицегадания ничто не обходится в войне и при мире, дома и в походе – кто этого не знает?» Ему вторил Тит Макций Плавт в комедии «Ослы» (258–261):

> Совершу гаданья. Птицы счастье предвещают мне.
> Слева дятел и ворона, справа подбодряет грач.
> Решено! Берусь за дело, если ваш совет таков!

При определении воли богов птица, летящая направо, считалась добрым или дурным предзнаменованием в зависимости от обстоятельств. В предсказании обыграна эта двойственность: увидев полет хищной птицы, французам не удается однозначно истолковать его значение.

В катрене 1—64 Нострадамус сконцентрировал предзнаменования, считавшиеся важными в Древнем Риме:

> De nuit soleil penseront avoir veu
> Quand le pourceau demy-homme on verra,
> Bruict, chant, bataille, au ciel battre aperceu
> Et bestes brutes a parler Ion orra.
>
> Подумают, что ночью видно Солнце,
> Когда увидят поросенка-получеловека.
> Шум, пение, батальон, сражающийся в небе, будет замечен,
> И услышат, как говорят скоты.

Юлий Обсеквент в «Книге знамений» сообщает о случаях появления «солнца» в ночном небе, миражах сражений армий в небесах, рождения свиней, похожих на человеческих младенцев, а также случаев, когда животные (чаще всего быки) говорили человеческим языком:

«12…ночью несколько часов видели солнце.

14. В Капуе ночью видели солнце… В Пизавре ночью сияло

нечто, похожее на солнце.

27. В Амитерне ночью наблюдалось солнце, и его свечение продолжалось некоторое время.

43. В небе и днем, и ночью видели сражающееся оружие между западом и востоком, причем запад потерпел поражение.

57. Во времена Суллы между Капуей и Вольтурном слышали великий шум отрядов и оружия, наряду с ужасными криками, как если бы две армии несколько дней вели сражение…

14. В Цере родились поросенок с человеческими руками и ногами и ребенок с четырьмя руками и ногами…

26. Бык заговорил.

27. Бык заговорил и был взят на общественное содержание». Валерий Максим (I, 5) также сообщал: «Во время Второй пунийской войны было установлено, что бык, принадлежавший Гнею Домицию, произнес: „Берегись, Рим!“»

О шуме с неба во время призрачных битв пишет и Овидий в «Метаморфозах» (XV, 780–785):

> …но не могут
> Боги железных разбить приговоров сестер вековечных, —
> Все же грядущих скорбей несомненные знаки являют:
> Стали греметь, говорят, оружием черные тучи;
> Слышался рог в небесах и ужасные трубные звуки, —
> Грех возвещали они…

В «Георгиках» Вергилия (1, 474–478) повествуется не только о битвах в небесах, но и говорящих животных:

> Частый оружия звон Германия слышала в небе.
> К землетрясеньям дотоль непривычные, вдруг содрогнулись
> Альпы, в безмолвье лесов раздавался откуда-то голос
> Грозный, являться порой таинственно-бледные стали
> Призраки в темную ночь, и животные возговорили.

Этот список будет неполным без пророчества великого современника Нострадамуса, Леонардо да Винчи: «Людям будет казаться, что они на небе видят новые бедствия; им будет казаться, что они взлетают на небо и, в страхе покидая его, спасаются от огней, из него извергающихся; они услышат, как звери всякого рода говорят на человеческом языке».[146]

Последнюю строку катрена Нострадамуса можно понять и фигурально. Дело в том, что слово «скоты» имеет не только

прямое, но и переносное, ругательное значение (совсем как в русском языке). Следовательно, продигии, перечисленные в первых трех строках, предвещают возмущение простонародья.

В следующем катрене 1—65 рождение безрукого младенца и сильный удар молнии служат предвестиями ранения королевского сына и, по-видимому, гибели трех неизвестных:

> Enfant sans mains jamais veu si grand foudre:
> L'enfant royal au jeu d'oesteuf blesse.
> Au puy brises: fulgures alant mouldre:
> Trois sous les chaines par le milieu trousses:
>
> Ребенок без рук, никогда не виданная столь большая молния,
> Королевский отпрыск ранен при игре в мяч,
> На холме поражены молниями, направляясь на молотьбу,
> Трое под дубами, поднявшись до середины.

У Обсеквента читаем: «В Приверне родилась безрукая девочка» (14). У него же встречаются десятки упоминаний сильных ударов молнии, например: «В храм Юноны Луцины ударила молния, повредив фронтон и двери. В сопредельных городах многое пострадало от ударов с неба».

Природа для современников Нострадамуса – не только источник предзнаменований, но и арена разгула стихий. Ришар Русса, повествуя о планетном цикле Меркурия, сообщает: «Огромная гора в нижней Бургундии раскололась и обрушилась, убив 5000 человек. Но в конце этого ужасного зрелища она встала в общий ряд с другими горами».[147] Нострадамус вспоминает об этом стихийном бедствии в катрене 1-69:

> La grand montaigne ronde de sept estades,
> Apres paix, guerre, faim, inundation:
> Roulera loing abysmant grands contrades,
> Mesmes antiques & grand fondation.
>
> Большая гора окружностью в семь стадий (1200 метров. – *А.П.),*
> После мира, войны, голода, наводнения,
> Двинется далеко, разрушая огромные пространства,
> В частности, древности и большие фундаменты.

В катрене 1—84 изменение вида небесных светил служит предзнаменованием политического убийства:

> Lune obscurcie aux profondes tenebres,
> Son frere pasle de couleur ferrugine:
> Le grand cache long temps sous les latebres,
> Tiedera fer dans la plaie sanguine.
>
> Луна затемнена глубокими потемками,
> Ее брат тусклый, цвета ржавого железа.
> Великий, долгое время прятавшийся в укрытии,
> Разогреет оружие в кровавой ране.

О подобном явлении (затмении Луны) применительно к гибели Юлия Цезаря писал Вергилий (Георгики, 1, 463–468):

> Солнце тебя обо всем известит. Кто солнце посмел бы
> Лживым назвать? О глухих мятежах, о кознях незримых
> Предупреждает оно, о тайком набухающих войнах.
> В час, когда Цезарь угас, пожалело и солнце о Риме,
> Лик лучезарный оно темнотой багровеющей скрыло,
> Ночи навечной тогда устрашился мир нечестивый.

Непосредственным источником для первых двух строк катрена Нострадамуса послужили, однако, не «Георгики», а стихи немецкого гуманиста Ульриха фон Гуттена (1488–1523). Гуттен, заметная фигура германского Возрождения, был одним из основных авторов сатиры «Письма темных людей». Он писал:

> Луна дважды стремится достичь темноты и прячется в потемках,
> И брат ее тусклый, цвета ржавого железа.[148]

Во всяком случае, последние строки недвусмысленно указывают на политическое убийство.

В катрене 2—15 появляются огни святого Эльма – слабые сполохи света над высокими предметами. Греки называли это явление именами неразлучных братьев Диоскуров, считая его добрым предзнаменованием; в Средние века место Кастора и Поллукса занимает святой Эразм – по-итальянски *San Elmo*. Однако у Нострадамуса огни святого Эльма вместе с кометой становятся предвестием убийства короля, разорительной войны и

интердикта (запрещение совершать богослужения в каком-нибудь городе или местности, налагавшееся папой римским в виде наказания) на земли Северной Италии:

Un peu devant monarque trucide
Castor Pollux en nef, astre crinite.
L'erain publiq par terre & mer vuide
Pise, Ast, Ferrare, Turin, terre interdicte.

Незадолго до убийства монарха
Кастор и Поллукс на корабле, бородатая звезда.
Государственная казна опустошена землей и морем.
Пиза, Асти, Феррара, Турин – земли, [на которые наложен] интердикт.

В катрене 2—16 молнии и свечение в небе выступают провозвестниками нового витка европейских войн, а заодно и торжественных празднеств:

Naples, Palerme, Secille, Syracuses
Nouveaux tyrans, fulgures feuz celestes:
Force de Londres, Gand, Brucelles, & Suses
Grand hecatombe, triumphe, faire festes.

[В] Неаполе, Палермо, Сицилии, Сиракузах
Новые тираны, молнии, небесные огни.
Сила из Лондона, Гента, Брюсселя, Сузы.
Великая гекатомба, триумф, справит праздник.

Суза – город в Пьемонте. Гекатомбой (жертвой ста тельцов) у древних греков называлось большое жертвоприношение по какому-либо из ряда вон выходящему случаю. Второе значение этого слова, широко используемое ныне – массовое кровопролитие, избиение людей, – появилось лишь в XVII веке.

В катрене 2—18 метеорит и ливень мешают людям вести войну:

Nouvelle & pluie subite impetueuse
Empeschera subit deux exercites.
Pierre, ciel, feuz, faire la mer pierreuse,
La mort de sept terre & marin subites.

Невиданный дождь, внезапный, бурный,

Внезапно помешает двум армиям.
Огненный небесный камень сделает море каменистым.
Внезапная смерть семерых на земле и море.

В катрене 2—32 речь идет о продигиях в южнославянских землях:

Laict, sang, grenoiles escoudre en Dalmatie
Conflit donne, peste pres de Balenne:
Cry sera grand par toute Esclavonie
Lors naistra monstre pres & dedans Ravenne.

Молоко, кровь, лягушки прольются в Далмации.
Случится бой, мор близ Баленны.
По всей Славонии будет великий крик,
Тогда родится урод около и внутри Равенны.

Первая строка описывает необычные дожди, хорошо известные еще римским авторам. Обсеквент пишет: «В Габии прошел дождь из молока»; «В Лукании прошел дождь из молока, а в Луне – из крови». Славонией в XVI веке называлась территория между реками Сава и Драва – нынешние Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия. «Баленна» остается неидентифицированной – возможно, это замок Баленн в Бретани. Наконец, последняя строка отсылает к знаменитому «равеннскому чудовищу». Это непонятное существо, обнаруженное французами после взятия Равенны в 1513 году, было очень популярно среди ученых XVI века (Конрад Ликосфен, Амбруаз Паре и др.).

В катрене 2—62 смерть таинственного «Мабуса» и мрачные знамения сулят бедствия:

Mabus puis tost alors mourra, viendra
De gens & bestes une horrible defaite:
Puis tout a coup la vengence on verra
Sans main, soif, faim, quand courra la comete.

Тогда Мабус вскоре умрет; произойдет
С людьми и скотом ужасный разгром.
Потом внезапно увидят возмездие;
[Урод] без руки, жажда, голод, когда промчится комета.

В катренах 2—41 и 2—42 серия знамений предвещает

гражданскую войну:

La grand' estoile par sept jours bruslera,
Nuee fera deux soleils apparoir:
Le gros mastin toute nuict hurlera
Quand grand pontife changera de terroir.

Большая звезда будет гореть семь дней,
Туча заставит появиться два солнца,
Большой сторожевой пес провоет всю ночь,
Когда великий понтифик сменит почву.

Durant l'estoyle chevelue apparente,
Les trois grands princes seront fait ennemis,
Frappes du ciel, paix terre tremulente.
Po, Timbre undants, serpant sus le bort mis.

Во время появления косматой звезды
Трое великих принцев станут врагами;
[Храм] Мира поражен с неба; содрогнется земля.
По и Тибр выходят из берегов, змеи выброшены на берег.

Источником Нострадамусу здесь вновь послужила «Книга предзнаменований» Обсеквента (68), где описаны зловещие предвестия раскола между триумвирами Цезарем (Октавианом Августом), Марком Лепидом и Марком Антонием: «Смерч вырвал бронзовые таблички из храма Верности. Были разбиты двери храма Опы… Семь дней горела приметная звезда. Сияли три солнца, и вокруг нижнего из них образовался венок, похожий на венок из колосьев, а когда солнце осталось одно, его свет в течение нескольких месяцев оставался болезненным…Были часты землетрясения. Молния била в верфи и многие другие места… Пад (древнеримское название реки По. – *А.П.*) вышел из берегов, а когда он вернулся в прежнее русло, то оставил после себя на берегу огромное количество гадюк. Перед жилищем великого понтифика [Марка Лепида] ночью слышали вой собак, и то, что крупнейшая собака была растерзана остальными, предрекало позорное бесчестие Лепида… Началась война между Цезарем и Антонием».

Незадолго до этих явлений триумвир Лепид получил звание великого понтифика и по римскому обычаю поселился в бывшем царском дворце на Форуме; вероятно, именно это имеет в виду Нострадамус в четвертой строке катрена 2—41.

В катрене 2—75 крик птицы предвещает голод:

La voix ouye de l'insolit oyseau,
Sur le canon du respiral estaige.
Si liault viendra du froment le boisseau,
Que l'homme d'homme sera Anthropophage.

Крик небесной птицы,
Сидящей на трубе дымохода, заслышан;
Цена буассо (мера объема, 12,5 литра. – *А. П.)* пшеницы станет такой высокой,
Что человек станет пожирать человека.

Катрены 2—91 и 2—92 представляют собой поэтическое переложение все того же Обсеквента:

Soleil levant un grand feu Ion verra,
Bruit & clarte vers Aquilon tendant:
Dedans le rond mort & cris lont orra
Par glaive, feu, faim, mort les attendants.

На восходе солнца увидят большое пламя,
Шум и гром протянутся к Северу.
Внутри круга – смерть, слышны крики,
Их ждет смерть от меча, огня и голода.

Feu couleur d'or du ciel en terre veu:
Frappe de hault, nay, fait cas merveilleuz:
Grand meurtre humain: prins du grand le nepveu,
Morts d'expectacles eschappe l'orguilleux.

На земле замечен небесный огонь золотого цвета,
Ударивший с высоты; новорожденный совершит чудесную вещь.
Большое умерщвление людей; схвачен племянник великого.
Умершие [во время] представлений, жестокосердный ускользнет.

Вот что пишет об этом древнеримский автор (54): «Когда в Италии во время законотворчества плебейского трибуна Ливия Друза начиналась война, в Городе было много знамений. На рассвете огненный шар с шумом пролетел от северной части неба. У Сполетия огненный шар золотого цвета слетел на землю; видели, как, увеличившись в размерах, он взлетел с земли по

направлению к востоку; он был таким большим, что мог закрыть солнце». Младенец, творящий чудеса, также заимствован у Обсеквента: «В Амитерне мальчик, родившийся от рабыни, при своем появлении на свет сказал: „Здравствуй!“» (41).

Разнообразные природные явления предрекают войну и гибель людей, а также, по-видимому, обрушение театра, сопровождающееся гибелью зрителей; «жестокосердный» правитель, однако, уцелеет.

О другом предзнаменовании рассказывает катрен 2—98:

> Celuy du sang resperse le visaige
> De la victime proche sacrifiee:
> Tonant en Leo augure par presaige:
> Mis estre a mort lors pour la fiancee.
>
> Тот, чье лицо окроплено кровью
> Близкой жертвы на заклании,
> [Как Юпитер-]громовержец во Льве предвещает через знамение,
> Будет предан смерти из-за невесты.

В Древнем Риме считалось крайне дурной приметой оказаться забрызганным кровью жертвенного животного. Римские историки приводят немало примеров, когда брызги крови, попавшие на одежду человека, предрекали его скорую смерть:

«[Когда Гай Фламиний] приносил жертву, теленок, раненый уже, вырвался из рук священнослужителей и обрызгал своей кровью многих из присутствовавших… Многие видели в этом предзнаменование больших ужасов» (Тит Ливий, XXI, 63).

«Когда на всем его пути, от города к городу, справа и слева закалывали жертвенных животных, то один бык, оглушенный ударом секиры, порвал привязь, подскочил к его коляске и, вскинув ноги, всего обрызгал кровью» (Светоний, Гальба, 18).

«Принося жертву, он был забрызган кровью фламинго» (Светоний, Калигула, 57).

«Человек из народа проскользил по крови жертв и дал уходившему [консулу Гаю Пансе] пальмовую ветвь, забрызганную кровью» (Обсеквент, 60).

В альманахе на 1556 год Нострадамус говорит о том же: «Тот, кто, принося жертву, окажется запачканным кровью, брызнувшей из жертвы, даст предзнаменование своей близкой кровавой смерти после [начала] войны» (PP II, 77).

В третьей строке катрена речь идет о сильной грозе; неясно, находится ли Юпитер во Льве, или же во Льве находится Солнце

(в августе), а Юпитер упоминается лишь как «носитель молний». Личность и роль «невесты» также неясны.

Огни святого Эльма на пиках солдат вперемежку с другими предзнаменованиями появляются в катрене 3–7:

Les fuitifs, feu du ciel sus les piques:
Conflit prochain des courbeaux s'esbatans,
De terre on crie aide secours celiques,
Quand pres des murs seront les combatans.

Беженцы, небесный огонь на пиках.
Близкая война, дерущиеся вороны.
С земли взывают о помощи, спасении с небес,
Когда воины будут у стен.

Это явление упомянуто у Тита Ливия (XXII, 1): «В Сицилии у многих солдат загорелись дротики; в Сардинии у всадника, объезжавшего караулы на стене, вспыхнул в руке жезл; на побережье сверкало множество огней… солнечный диск на виду у всех сделался меньше; в Пренесте с неба падали раскаленные камни; в Арпах видели на небе щиты и солнце, сражающиеся с луной; в Капене среди дня взошли две луны… в Фалериях небо словно раскололось и из огромной щели сверкнул нестерпимый свет… в Капуе небо, казалось, охвачено было огнем».

Еще одно популярное знамение – схватки между птицами. Обсеквент пишет (69): «В лагере Цезаря рассвет осветил орла над палаткой преторской когорты, который затем, потревоженный более мелкими птицами, летавшими вокруг него, исчез из поля зрения».

В катрене 3– 11 небесные миражи вновь знаменуют катастрофы в Венеции; к этому явлению прибавляется падение большого дерева в центре города:

Les amies batre au ciel longue saison,
L'arbre au milieu de la cite tumbe:
Vermine, rongne, glaive en face tyson,
Lors le Monarque d'Hadrie succombe.

Оружие будет долго сражаться в небе,
Дерево рухнет посреди города.
Паразиты, парша, меч, головня в лицо.
Тогда падет монарх Адрии.

«Головня в лицо» описывает либо пытки пленника, либо жестокую стратагему – в XVI веке осажденные воины нередко прибегали к метанию в лица атакующих горящих яблок, пропитанных серой, либо раскаленных углей. В памяти французов это словосочетание воскрешало инцидент 1521 года, когда во время военной игры в лицо королю Франциску I попала горящая головня. Впоследствии, чтобы скрыть шрам, король отпустил бороду.

Необычному поведению молнии посвящен катрен 3—13:

> Par foudre en l'arche or & argent fondu:
> Des deux captifs l'un 1'autre mangera,
> De la cite le plus grand estendu,
> Quand submergee la classe nagera.
>
> Ударом молнии в ларец расплавлены золото и серебро,
> Из двух пленников один сожрет другого.
> Самый великий человек города свергнут,
> Когда поплывет затонувший флот.

Джироламо Кардано в трактате «О хрупкости» (1547) описывал случаи, когда молния, ударив в ларь или сундук, плавила хранившиеся в нем золото и серебро, при этом оставляя сам сундук невредимым. Об этом свойстве молнии писал и Рабле: «Молния разрушает и сжигает только твердые, прочные и устойчивые тела, предметов же мягких, полых внутри и податливых она не трогает: она вам сожжет стальную шпагу, а бархатных ножен не повредит, превратит в пепел кости, а покрывающего их мяса не заденет».[149]

В катрене 3—42 предвестиями голода выступают дождь из камней в Тоскане и новорожденный с зубами:

> L'enfant naistra a deux dents a la gorge
> Pierres en Tuscie par pluie tomberont:
> Peu d'ans apres ne sera bled, ne orge,
> Pour saouler ceux qui de faim failliront.
>
> Родится ребенок с двумя зубами во рту.
> В Тускии пройдет дождь из камней.
> Немного лет спустя не станет ни пшеницы, ни ячменя,
> Чтобы насытить умирающих от голода.

Появление на свет зубастых младенцев относилось к числу

редких и однозначно негативных знамений, предрекающих голод. Тит Ливий писал: «В Ауксиме родилась девочка с зубами» (XLI, 21).

В катрене 3—91 появляется редкое знамение – оживление мертвого дерева:

> L'arbre qu'avoit par long temps mort seche,
> Dans une nuit viendra a reverdir:
> Cron. roy malade, prince pied estache
> Craint d'ennemis fera voile bondir.
>
> Дерево, которое издавна было иссохшим, мертвым,
> Зазеленеет в одну ночь.
> Хрон[ически] болен король, у принца развязаны руки,
> [Он] устрашает врагов, хлопая парусом.

Вполне вероятно, что Нострадамус сам видел дерево, о котором писал. Шавиньи, комментируя этот катрен, сообщает, что в 1572 году, вскоре после Варфоломеевской ночи, «в Салоне, подобно чуду, за день или два до сентябрьского равноденствия, старое дерево, которое именуют боярышником, которое уже давно было совсем сухим и мертвым, оказалось совсем зеленым, изобилующим листьями и цветами, как предсказал Нострадамус».

По странному совпадению Пьер Летуаль описывает такое же явление, относящееся к тому же времени, только к иному городу – Парижу: «Наутро после дня святого Варфоломея, ближе к полудню, увидели боярышник в цвету на кладбище Невинных. Как только слух об этом распространился по городу, народ прибежал туда такой большой толпой, что пришлось выставить стражу по округе… Многие католики истолковали это оживление боярышника как оживление французского государства». В катрене оживление мертвого дерева служит знаком активизации наследника перед лицом болезни монарха.

> 4-43.
> Seront oys au ciel les amies batre:
> Celuy an mesme les divins ennemis
> Voudront loix sainctes injustement debatre
> Par foudre & guerre bien croyans a mort mis.
>
> В небе будет шум сражающегося оружия.
> В этом же году враги Господа
> Захотят кощунственно оспорить святые законы.
> Правоверные преданы смерти молнией и войной.

Миражи битв в небе здесь рассматриваются как предзнаменования эксцессов, связанных с Реформацией, и гонений на ортодоксальных христиан. В те времена о подобных миражах сообщалось практически ежегодно, да и позже о них говорили не раз, хотя ни одного достоверного наблюдения до сих пор не зафиксировано.

В катрене 4—48 нашествие саранчи вызывает мор:

Plannure Ausonne fertile, spacieuse
Produira taons si trestant sauterelles:
Clarte solaire de viendra nubileuse,
Ronger le tout, grand peste venir d'elles.

Плодородная, просторная Авзонская равнина
Породит слепней и массу саранчи.
[Ими] затмится солнечный свет;
Все сожрут, от них придет великий мор.

Авзония – средняя и южная части Италии, а также поэтическое название всей страны. Здесь Нострадамус пересказывает Обсеквента (30), изменив место события: «В Африке появился огромный рой саранчи; брошенная ветром в море и извергнутая водами, она вызвала своим невыносимым зловонием и смертоносными испарениями тяжелый мор среди скота в Кирене и, по сообщениям, разложение унесло жизни 8000 человек». В этом нет ничего невероятного: в Северной Африке нашествия саранчи до сих пор происходят постоянно, а в Средние века они не раз случались и в Италии.

В катрене 4—55 силы природы предвещают убийство тирана:

Quant la corneille sur tour de brique joincte,
Durant sept heures ne fera que crier:
Mort presagee de sang statue taincte,
Tyran meurtri, au Dieux peuple prier.

Когда ворона на кирпичной башне
Прокаркает семь часов подряд,
[Произойдет] смерть, предзнаменованная статуей, окрасившейся кровью, —
Тиран умерщвлен, народ молится богам.

Светоний в биографии жестокого императора Домициана (23) сообщает: «За несколько месяцев до его гибели ворон на Капитолии выговорил: „Все будет хорошо!“» О кровоточащих статуях, широко известных в христианском мире, писал еще Обсеквент (70): «Во время Латинских игр на Альбанской горе, во время жертвоприношения кровь капала с плеча и большого пальца руки Юпитера».

В число предвестников невзгод – войн, засухи, неурожая – входят и метеоры, как в катрене 4—67:

> L'an que Saturne & Mars esgaulx combust,
> L'air fort seiche, longue trajection:
> Par feux secretz, d'ardeur grand lieu adust,
> Peu pluye, vent, chault, guerres, incursions.
>
> В году, когда Сатурн и Марс оба [будут] сожжены,
> Сильно иссушен воздух, длинный метеор.
> Скрытыми огнями выжжено большое пространство,
> Мало дождя, горячий ветер, войны, вторжения.

В астрологии планета считается «сожженной», когда находится в близком соединении с Солнцем. Влияние «сожженных» планет весьма неблагоприятно. Тесное соединение Солнца, Марса и Сатурна происходило в 1554, 1556 и 1558 годах. В том, что касается метеоров, Нострадамус повторяет классический астрологический трактат Псевдо-Птолемея «Сто афоризмов» (99): «Метеоры предрекают сухость воздуха; если они направляются с одной стороны, они предвещают ветер с этой стороны; если же они направляются из разных сторон, они предвещают редкость дождей, волнения в воздухе и военные вторжения».

В первой части книги мы уже ознакомились с описанием яркого метеора, свидетелем падения которого был Нострадамус. В его личной переписке также встречаются свидетельства интереса предсказателя к небесным феноменам: «Недавно в Арле видели род огненной стрелы или падучей звезды; иные сообщают, что ее видели также в Лионе и Дофине. Она сулит многие несчастья и различные мучения нашим соотечественникам. [На них] восстанет иноземная раса, будет великая сушь в воздухе: почти полностью иссохнут деревья и урожаи, колодцы и фонтаны не иссякнут лишь в немногих местах, а уровень воды в реках понизится; наконец, нависнет угроза голода, как мы отмечали в нашем предсказании на 1564 год».[150]

В катрене 5—59 метеор или комета предупреждает о войне

(«Марсе»):

> Au chef Anglois a Nymes trop sejour,
> Devers l'Espaigne au secours Aenobarbe:
> Plusieurs mourront par Mars ouvert ce jour,
> Quant en Artoys faillir estoille en barbe.
>
> Английский вождь слишком задержится в Ниме,
> В сторону Испании [придет] на помощь Агенобарб.
> Многие умрут из-за Марса, начатого в тот день,
> Когда в Артуа упадет бородатая звезда.

Агенобарб *(лат.:* «Меднобородый») – Хайраддин Барбаросса, правитель пиратского государства в Алжире, тогдашний союзник Франции. Артуа – графство на границе Франции и Нидерландов, ставшее в XVI веке ареной франко-имперских войн. Из первых двух строк трудно уяснить характер отношений «английского вождя» с Барбароссой; неясно также, что он делает в Ниме, городе на юге Франции.

О метеорах и кометах как провозвестниках катаклизмов и войн Нострадамус писал и в альманахах: «Следует более всего опасаться землетрясения, которое случится с жителями Востока и южанами одновременно. Косматая звезда, которая произведет это землетрясение, простреться до наших пределов, не без большого похода людей войны» *(Alm. 1561, preface)*.

В катрене 5—81 появление королевской птицы (орла) над неким «городом Солнца» (возможно, Римом; Солнце у Нострадамуса выступает символом христианства) предвещает успешную атаку врагов:

> L'oiseau royal sur la cite solaire,
> Sept moys devant fera nocturne augure:
> Mur d'Orient cherra tonnairre, esclaire,
> Sept jours aux portes les ennemis a l'heure.
>
> Королевская птица над городом Солнца
> Семью месяцами ранее явит ночное знамение.
> Восточная стена обрушится, гром, молния.
> Ровно [через] семь дней враг [будет] у ворот.

Кометы или «косматые звезды» с давних времен считались вестниками войн и прочих несчастий. У Нострадамуса комета, появившаяся на юге Европы, предвещает смерть римского папы

(катрен 6–6):

Apparoistra vers le Septentrion,
Non loing de Cancer l'estoille chevelue:
Suze, Sienne, Boece, Eretrion,
Mourra de Rome grand, la nuict disperue.

К северу появится
Недалеко от [знака] Рака косматая звезда.
Суза, Сиена, Беотия, Эретрия.
Умрет великий из Рима, ночь исчезла.

По-видимому, здесь Нострадамус имеет в виду событие, уже миновавшее к моменту публикации «Пророчеств». В июне—августе 1533 года в знаке Близнецов (предшествующем знаку Рака) появилась комета, имевшая к тому же северное склонение. Через год, в 1534 году, скончался римский папа Климент VII.

В катрене 6—97 описано извержение вулкана:

Cinq & quarante degres ciel bruslera,
Feu approucher de la grand cite neufve,
Instant grand flamme esparse saultera,
Quant on voudra des Normans faire preuve.

На 45-м градусе загорится небо,
Огонь приблизится к большому новому городу.
Мгновенно взовьется простертое пламя,
Когда захотят испытать нормандцев.

«Большой новый город» – Неаполь *(греч:.* «новый город»), близкий к 45-й параллели и находящийся в опасном соседстве с Везувием. Нострадамус знал о вулканической активности Везувия и не преминул предречь его новое извержение в альманахе на 1555 год: «В конце этого лунного месяца и в части следующего во многих странах устрашатся пожара, вызванного Везувием, как если бы вновь явился Фаэтон. Хотя большая часть его пламени неизбежно придет в 1607 году» (PP 367, 1555). Что здесь делают нормандцы – совершенно непонятно.

В катрене 9—83 землетрясение и необычные явления в небе заставляют иноверцев принять христианство:

Sol vingt de taurus si fort terre trembler,
Le grand theatre rempli ruinera,

L'air, ciel & terre obscurcir & troubler,
Lors l'infidelle Dieu & sainctz voguera.

Солнце в двадцатом [градусе] Тельца; земля содрогнется так сильно,
Что обрушится большой полный [людей] театр.
Воздух, небо и земля затемнятся и помутятся,
Когда неверный призовет Бога и святых.

В христианской житийной литературе упоминается немало случаев, когда молитвы святых вызывали разрушение языческих капищ, к которым христиане приравнивали и театры. Одно из таких событий связывается с именем святой Татианы и произошло в 227 году, когда страшное землетрясение потрясло все Восточное Средиземноморье и вызвало, в частности, обрушение знаменитого Колосса Родосского. Правда, ставший свидетелем этого император Александр Север не пожелал признать христианского Бога. Что ж, нечто подобное могло случиться в будущем. Ведь Нострадамус, как и многие его современники, верил в провозглашенную античными мудрецами цикличность истории – все, случившееся прежде, обречено повториться вновь, пускай и в другой форме.

Глава четвертая
ДЕБРИ БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ

XVI столетие стало эпохой великих потрясений. Колонизация Нового Света, борьба Валуа и Габсбургов за верховенство в Европе, экспансия Османской империи, усобицы в Англии, борьба с берберийскими корсарами, войны в Италии и Германии и конечно же Реформация со всеми ее перипетиями не могли не найти отражения в «Пророчествах» Нострадамуса. Первый же катрен, содержащий собственно предсказание, предрекает очередные глобальные перемены:

1-3
Quant la lictiere du tourbillon versee,
Et seront faces de leurs manteaux couvers,
La republique par gens nouveaux vexee,
Lors blancs & rouges jugeront a l'envers.

Когда носилки опрокинуты вихрем,
А лица укрыты плащами,
Государство мучимо новыми людьми,
Тогда белые и красные будут судить наоборот.

В этом катрене толкователи позднего времени видели предвестие Французской революции 1789 года. На самом же деле речь вновь идет о продигии (предзнаменовании). Здесь ураган, переворачивающий портшез правителя и вынуждающий людей закутываться в плащи, выступает предзнаменованием политических катаклизмов. Во времена Нострадамуса понятия «красные» и «белые» (республиканцы и роялисты эпохи революции) имели совсем иное значение;

красно-белые мантии носили судьи. Таким образом, грядущие перемены будут сопровождаться и изменением законов. Возможно, в катрене идет речь о реформатах («новые люди») и их конфликте с королевской и папской властью.

1-4
Par l'univers sera faict ung monarque,
Qu'en paix & vie ne sera longuement:
Lors se perdra la piscature barque,
Sera regie en plus grand detriment.

Будет один вселенский монарх,
Который недолго пребудет в мире и жизни.
Тогда заблудится рыбачья барка
И будет управляться с наибольшим ущербом.

Здесь рыбачья барка святого Петра – символ католической церкви, «вселенской монархии», – сбивается с пути; папа римский умрет, а Церковь ждут смутные времена.

1-7
Tard arrivé l'execution faicte
Le vent contraire, letres au chemin prinses
Les conjures xiiij. dune secte
Par le Rosseau senez les entreprinses.

Прибудет слишком поздно: казнь уже состоялась.
Встречный ветер, письма перехвачены в пути.
Четырнадцать заговорщиков из одной секты.
Предприятие одобрено Россо.

Последняя строка неясна: провансальское слово *sener* («одобрять кивком головы») употреблялось крайне редко, возможна опечатка от *fener* – «срезать», «скашивать». Ключевые слова катрена – «казнь» и «секта». В первой строке речь, видимо, идет об опоздавшем помиловании. Что же касается «Россо» (*Rosseau),* то это, вероятнее всего, итальянизм, означающий «красный»; в данном контексте – кардинал. Нострадамус часто употребляет это слово именно для обозначения кардиналов: «Новые красные люди будут избраны на величайшей и верховной конфирмации Церкви» *(Pronostication for 1559, DQ april)*.

1-8
Combien de foys prinse cité solaire
Seras, changeant les loys barbares & vaines:
Ton mal s'aproche: Plus seras tributaire
La grand Hadrie reovrira tes veines.

Сколько раз ты будешь взят, город Солнца,
Меняя варварские и пустые законы!
Твоя беда приближается. Будешь платить еще большую дань.
Великая Адрия вновь отворит тебе жилы.

«Великая Адрия» – Венеция, в XVI веке гегемон на Адриатическом море. Город Солнца – Гелиополис; в античное время городов с таким названием было несколько, но здесь, скорее всего, имеется в виду остров Мальта (Мелита), принадлежавший в то время рыцарям-госпитальерам. За Мальту сражались Габсбурги и Османская империя. Венеция также имела виды на остров, и Нострадамус предсказывает, что она вновь попытается захватить его.

В следующем катрене снова появляются «Адрия» (Венеция), мусульмане и Мальта:

1-9
De l'Orient viendra le cueur Punique,
Facher Hadrie & les hoirs Romulides,
Acompaigne de la classe Libycque,
Trembler Mellites: et proches isles vuides.

Пунийское мужество Востока
Измучит Адрию и наследников Ромула
В сопровождении ливийского флота.
Содрогнется Мелита, соседние острова будут опустошены.

Пунийцами римляне называли финикийцев, населявших Карфаген; в XVI веке так именовали берберийцев, а также арабов и мусульман вообще (в одном из альманахов Нострадамус называет арабский язык «пунийским»). Катрен описывает тогдашние события – набеги берберийских пиратов, союзников Турции, на Италию, населенную «наследниками Ромула», и их попытки овладеть Мальтой. В 1568 году остров подвергся осаде громадного османско-берберийского флота, но был спасен отвагой рыцарей, которых возглавлял Великий магистр Жан де Ла Валлетт.

1-14
De gent esclave chansons, chantz & requestes,
Captifs par princes & seigneur aux prisons:
A l'avenir par idiots sans testes
Seront receus par divins oraisons.

Песни, песнопения и молитвы рабского народа,
Заключенного в тюрьмы принцами и правителями,
В будущем безголовыми простаками
Будут восприняты как Божественные откровения.

Здесь описаны гонения на протестантов с их публичным пением псалмов на французском языке. Хотя во Франции к «новой вере» примыкала масса дворян, она (особенно на юге страны) оставалась демократическим движением, вызывавшим репрессии со стороны королевской власти и местных феодалов. Нострадамус предрекает протестантизму большое будущее, хотя и в негативном тоне.

1-15
Mars nous menasse par sa force bellique
Septante foys fera le sang espandre:
Auge & ruyne de l'Ecclesiastique
Et plus ceux qui d'eux rien voudront entendre.

Марс угрожает нам своей военной силой,
Семьдесят раз прольется кровь,
Апогей и разорение Церкви,
А потом – тех, кто не желает ничего о ней слышать.

Вследствие влияния Марса (в традиционной астрологии считавшегося «злой» планетой) Европу ждут многочисленные войны, а также падение некогда мощного престижа Церкви—с последующим наказанием тех, кто ее отверг. Крайности Реформации в Англии, Германии и Швейцарии давали обильную пищу для подобных пророчеств.

Катрен 2—38 указывает на мирные соглашения между королями Франции (Франциском I и Генрихом II) и императором Карлом V; периоды замирения монархов, как правило, сопровождались усилением гонений на протестантов. Впрочем, передышки длились недолго:

Des condemnes sera fait un grand nombre
Quand les monarques seront concilies:
Mais a l'un d'eux viendra si malencombre
Que guerres ensemble ne seront ralies.

Приговоренных будет великое число,
Когда монархи помирятся;
Но один из них встретит такие невзгоды,
Что [они] никоим образом не смогут стать союзниками.

О религиозных войнах в Германии явно идет речь в знаменитом катрене 2—24:

Bestes farouches de faim fluves tranner:
Plus part du camp encontre Hister sera,
En caige de fer le grand fera treisner,
Quand Rin enfant Germain observera.

Дикие звери, движимые голодом, переплывут реки.
Большая часть лагеря станет на Истре.
В железной клетке потащат великого,
Когда Рейн обратит внимание на дитя Германии.

В книгах многочисленных толкователей этот катрен относят к событиям Второй мировой войны. Правда, они несколько искажают перевод: «Большая часть лагеря будет против Гистера». Последняя строка в оригинале неясна, и перевести ее можно по-разному, однако не оставляет сомнений, что речь идет о неких катастрофических событиях, связанных с Германией. Третья строка, где речь идет о железной клетке, как известно, не сбылась. В этой связи приводится ничем не подтвержденная легенда, будто то ли Черчилль, то ли Сталин собирались провезти фюрера по Европе в такой клетке. Но главное, говорят толкователи, – имя Гитлера, которое фигурирует во второй строке в слегка измененной форме «Гистер». Оно приводится ими в качестве доказательства удивительного пророческого дара Нострадамуса.

На деле же *Hister* (Истр) – греческое название Дуная в его нижнем течении, между Паннонией и Мезией. Голодные звери действительно массово мигрируют в поисках пищи; железная клетка для преступников – вполне реальное изобретение Средних веков, популярное и во времена Нострадамуса. Вторая половина катрена совершенно неясна. Возможно, третья строка означает «Великий потащит [другого] в железной клетке» или «В железной клетке великий повлечет по воде». Четвертая строка допускает еще больше вариантов перевода: «Когда [это] будет наблюдать Рейн, дитя Германии»; «Когда ребенок будет наблюдать за германским Рейном»; «Когда германский ребенок будет наблюдать за Рейном». Жан-Поль Клебер предлагает интересное прочтение: «Когда германец увидит Рейн-дитя», то есть у истока. Интересно, что Рейн и Дунай (Данувий) берут начало в Шварцвальде, недалеко друг от друга. Вероятнее всего, катрен повествует о современных автору событиях вокруг Германии и борьбе курфюрстов против императорской власти.

Какой-то масштабный конфликт описан в катрене 1—92:

Sous un la paix par tout sera clamee,
Main non long temps pille & rebellion,
Par refus ville, terre & mer entamee,
Morts & captifz le tiers d'un milion.

При одном [правителе] повсюду провозглашен мир,
Но ненадолго, [начнутся] грабеж и мятеж;
Из-за отказа [сдаться] город атакован [с] земли и моря,
Мертвых и пленных – треть миллиона.

В этом случае смысл так туманен, что применить предсказание к какому-либо конкретному региону или событию не представляется возможным. Впрочем, у Нострадамуса такое происходит нередко.

2-68
De l'Aquilon les effors seront grands:
Sus 1'Ocean sera la porte ouverte,
Le regne en l'isle sera reintegrand:
Tremblera Londres par voile descouverte.

Север приложит большие усилия,
На Океане будет открыта дверь.
Царство на острове будет восстановлено,
Лондон задрожит, заметив парус.

После смерти Генриха VIII Англия («остров») долго страдала от внутренних междоусобиц, а французский флот неоднократно приближался к ее берегам. В этом катрене жители Северной Европы открывают путь в Атлантический океан (в то время его называли просто Океаном). Так и случилось в XVI веке, когда англичане и французы начали плавания в Америку и создали там свои колонии, нарушив колониальную монополию Испании и Португалии.

1-39
De nuict dans lict le supresme estrangle
Pour trop avoir subjourne, blond eslue:
Par troys l'empire subroge exancle,
A mort mettra carte, pacquet ne leu.

Ночью в постели Верховный задушен,
Потому что слишком зажился; светловолосый избранник,
—
Империи домогаются трое, – [его,] изнуренного,
Предаст смерти, записка в конверте не прочитана.

Здесь Нострадамус предрек насильственную смерть императору Карлу V. На Франкфуртском соборе 1519 года на титул императора, кроме Карла, претендовали Франциск I и Генрих VIII Английский («Империи домогаются трое»). Брат Карла Фердинанд Габсбург в 1531 году был избран «римским королем», что делало его фактическим наследником короны империи. В то же время Карл и Фердинанд (блондин, с точки зрения южанина Нострадамуса и в сравнении со жгучим брюнетом Франциском I) были в очень плохих отношениях друг с другом. Известен случай, о котором рассказывает их младший современник, хронист Брантом. Карл и Фердинанд однажды проезжали через военный лагерь, и немецкий ландскнехт крикнул императору: «Ваше Величество, если Вы заставите Вашего братца подстричься, я прощу Вам все жалованье, которые Вы мне задолжали». Император рассмеялся и двинулся дальше, сопровождаемый бледным от гнева и обиды Фердинандом.

Видимо, Нострадамус считал, что Фердинанд не остановится перед физическим устранением своего брата, причем тот не успеет прочитать донос о готовящемся покушении – именно при таких обстоятельствах, согласно Светонию, погиб Юлий Цезарь: «Кто-то из встречных подал ему записку с сообщением о заговоре: он присоединил ее к другим запискам, которые держал в левой руке, собираясь прочесть» (Божественный Юлий, 81.4). Однако записку он не прочел и был убит. Карлу V напрасно предрекали ту же участь – он умер своей смертью в 1556 году, после чего империя в самом деле досталась Фердинанду I Австрийскому.

Следующий катрен, 1—60, очень любят толкователи пророчеств Нострадамуса. В нем, по их мнению, предсказано правление Наполеона:

Un Empereur naistra pres d'ltalie,
Qui a 'Empire sera vendu bien cher:
Diront avecques quels gens il se ralie
Qu'on trouvera moins prince que boucher.

Близ Италии появится император,
Который будет задорого продан империи,
Скажут: «К каким людям он примыкает!» —

[Он], которого будут считать менее принцем, нежели палачом.

Однако первая строка может указывать не только на Корсику; «близ Италии» лежат и германские земли. Скорее всего, Нострадамус имел в виду императора Священной Римской империи (других императоров в его время не было), хотя бы того же Карла V Габсбурга. Действительно, тот очень дорого обошелся империи – на подкуп немецких князей, избравших его на трон, ушли колоссальные средства. С точки зрения французов, Карл был жестоким и негибким правителем.

Земельной реформе, которая могла бы спасти Францию от гражданской войны, посвящены катрены 1—78 и 2—95:

D'un chef viellard naistra sens hebete,
Degenerant par savoir & par amies
Le chef de France par sa soeur redoute:
Champs divises, concedes aux gendarmes.

От вождя-старика родится тупоумный,
Вырожденец в [том, что касается] знаний и оружия;
Вождь Франции устрашен своей сестрой;
Поля разделены, пожалованы воинам.

Les lieux peuples seront inhabitables:
Pour champs avoir grande division:
Regnes livres a prudents incapables:
Lors les grands freres mort & dissension.

Населенные места станут необитаемыми,
Чтобы произвести великое разделение полей.
Царства отданы недальновидным [правителям].
Тогда между братьями-сеньорами – смерть и распря.

В контексте истории Древнего Рима перераспределение земельной собственности при императоре Октавиане Августе помогло установлению гражданского мира. Очевидно, повторение этого опыта, по Нострадамусу, не даст ожидаемых плодов, а наоборот, послужит причиной смуты.

В катрене 3–9 будущее Франции оказывается зловещим – Бретань откалывается от королевства и вместе с Испанией, принадлежавшей ей Фландрией и союзной испанцам Англией вытеснит французов с их исконных земель:

Bourdeaux, Rouen, & la Rochele joints
Tiendront autour la grand mer oceane:
Anglois, Bretons, & les Flamans conjoints
Les chasseront jusques au-pres de Roane.

Бордо, Руан и Ла-Рошель, объединившись,
Будут удерживать [земли] вокруг Океанского моря;
Англичане, бретонцы и фламандцы в союзе
Погонят их до Роны.

В катрене 3—24 итальянская политика Франции расценивается как бесперспективная:

De l'entreprinse grande confusion,
Perte de gens, thresor innumerable:
Tu ny dois faire encor extension
France a mon dire fais que sois recordable.

Из экспедиции [выйдет] большое смятение,
Потери людей и бесчисленных сокровищ.
Ты не должна идти дальше,
Франция, пусть мои речи будут услышаны тобой!

Тема грядущего мятежа в Аквитании при поддержке Англии звучит в катрене 2–1:

Vers Aquitaine par insults Britanniques,
Et par eux mesmes grandes incursions
Pluies, gelees feront terroirs iniques,
Port Selyn fortes fera invasions.

На Аквитанию из-за британских атак
И из-за них самих – большие набеги.
Дожди, заморозки сделают земли бесплодными.
[Через] порт Селин будут осуществляться сильные вторжения.

Порт Селин здесь – «соляной порт»; речь идет о Ла-Рошели или Бордо.

В катрене 5—34 английское военное вторжение в Аквитанию начинается под прикрытием торговой операции:

Du plus profond de l'occident Anglois,
Ou est le chef de l'isle britannique:
Entrera classe dans Gyronde par Blois,
Par vin & sel, feuz caches aux barriques.

Из самой глубины английского запада,
Где находится глава Британского острова,
В Жиронду через Блуа войдет флот
Со спрятанными в винных и соляных бочонках огнями.

В Жиронду, эстуарий рек Гаронна и Дордонь, через Блуа (город в континентальной Франции) войти никак невозможно; здесь явная опечатка от *Blais* – Блай, ключевой портовый город в эстуарии. Соль и вино активно закупались Англией именно в Жиронде.

Тема английского вторжения через город Ла-Рошель *(rochelle* означает «скала») развивается в следующем катрене 5—35:

Par cite tranche de la grand mer Seline,
Qui porte encores a l'estomach la pierre:
Angloise classe viendra soubz la bruine,
Un rameau prendre du grand overte guerre.

Через вольный город большого соленого моря,
Который еще носит в груди камень,
Английский флот в тумане
Возденет ветвь большой явной войны.

Отметим несомненные поэтические достоинства катрена, ощутимые даже в русском подстрочном переводе.

Катрен 9—49, как полагают комментаторы, предсказывает казнь английского короля Карла II в 1649 году:

Gand & Bruceles marcheront contre Envers
Senat de Londres mettront a mort leur roy
Le sel & vin luy seront a l'envers,
Pour eux avoir le regne en desarroy.

Гент и Брюссель выступят против Антверпена,
Сенат[оры] Лондона предадут смерти их короля.
Соль и вино его опрокинут,
Из-за них в царстве беспорядок.

Тент, богатый город в Испанских Нидерландах, был известен своим вольнодумством; в Брюсселе находилась резиденция правителя Нидерландов. Антверпен же представлял собой крупнейший и богатейший порт этой страны. Первая строка, таким образом, предсказывает антииспанское восстание в Нидерландах. Соль и вино были главными статьями экспорта Франции в Англию; следует также упомянуть, что консортом (нецарствующим королем) Англии до 1558 года был Филипп II Испанский, супруг Марии Тюдор. Катрен, таким образом, предупреждает Англию от вовлечения в войну на стороне Испании, что может привести к гибели английского монарха. Толкователи, применяющие это предсказание к Карлу I, считают «соль» и «вино» символами торгово-промышленной буржуазии, ставшей движущей силой антимонархической революции. Однако вино в этом случае было бы логичнее заменить пивом – как известно, лидер революции Оливер Кромвель был пивоваром…

В катрене 3—32 Нострадамус предсказывает новый виток войны («Марс») в Италии и Германии, когда немало французов найдет свою могилу на территории Великого герцогства Тоскана:

Le grand sepulcre du peuple Aquitanique
S'aprochera aupres de la Tousquane,
Quand Mars sera pres du coing Germanique,
Et au terroir de la gent Mantuane.

Большая гробница аквитанского народа
Окажется вблизи Тосканы,
Когда Марс будет близ германского края
И на земле народа Мантуи.

В катрене 3—46 предсказываются перемены в Лионе, «городе Планка» (Лион под именем Лугдуна был основан в 43 году до н. э. римским консулом, цензором и полководцем Луцием Мунацием Планком):

Le ciel (de Plancus la cite) nous presaige
Par clairs insignes & par estoiles fixes,
Que de son change subit s'aproche l'aage,
Ne pour son bien, ne pour ses malefices.

Небо города Планка предвещает нам
Посредством ясных знаков и неподвижных звезд,
Что приближается время его внезапного изменения
Ни к лучшему, ни к худшему для него.

Богатейший торговый город Лион в середине XVI века представлял собой яркое и колоритное зрелище. Крестьяне из Савойи и Дофине осаждали городские ворота в поисках заработка, на улицах плакали голодные дети – и в то же время крупные торговые кланы купались в роскоши; классическая картина социального неравенства. В 1527 году в Лионе произошло восстание городских низов – бедняки взломали муниципальный хлебный амбар и разграбили дома нобилитета.

В катрене 8—62 Нострадамус письменно зафиксировал предсказание разграбления и осквернения лионского собора Святого Иоанна:

> Lots qu'on verra expiler le saint temple,
> Plus grand du rosne leurs sacrez prophaner
> Par eux naistra pestilence si ample,
> Roy fuit injuste ne fera condamner.
>
> Когда увидят разграбление священного храма,
> Величайшего на Роне, осквернение их святынь,
> От них родится обильнейший мор.
> Король уклонится, не заставит осудить неправедное дело.

Нострадамус неоднократно бывал в Лионе; там выходили его книги, там жили многие его друзья и знакомые. Как мы помним, согласно свидетельству современника Нострадамуса Габриеля де Саконе, пророк, будучи в Лионе в 1560 году, предрек тамошнему кафедральному собору печальное будущее. И действительно, 30 апреля 1562 года, когда город оказался в руках гугенотов, собор Святого Иоанна был разграблен и осквернен.

В катрене 3—55 предсказан сложный политический конфликт во Франции:

> En l'an qu'un oeil en France regnera,
> La court sera a un bien faschux trouble:
> Le grand de Bloys son ami tuera:
> Le regne mis en mal & doute double.
>
> В году, когда во Франции будет править одно око,
> Двор будет ввергнут в весьма тягостное смятение.
> Великий из Блуа убьет своего друга;
> Царство ввергнуто во зло, и страх удваивается.

Под «одним оком» можно понимать всевидящего монарха, но чаще этот эпитет понимают как «одноглазый». Так трактовал его и сам Нострадамус, утверждая, что именно в нем он предрек убийство короля Генриха II на турнире летом 1559 года. В предисловии к альманаху на 1562 год, обращаясь к своему другу Жану де Возелю, он хвалил его за то, что тот-де верно понял многие его катрены, «как, например, „в год, когда во Франции будет править одно око, семя Блуа убьет своего друга“». Чтобы подогнать катрен под событие, Нострадамус здесь заменил слово *grand* («великий») на *grain* («семя»). Позднее этот катрен стали истолковывать как предсказание убийства герцога де Гиза в Блуа по приказу Генриха III в декабре 1588 года.

Один из самых сложных и многозначных катренов, 3—57, охватывает европейскую историю на протяжении почти 300 лет:

> Sept foys changer verres gent Britannique
> Taintz en sang en deux cent nonante an:
> Franche non point par apui Germanique.
> Aries doute son pole Bastarnan.
>
> Увидят, как семь раз меняется британский народ,
> Крашенный кровью на двести девяностом году, —
> Вовсе не свободный, но благодаря германской поддержке.
> Овен боится своей широты в Бастарнии.

Бастарния – область в бассейне реки Прут и на берегу Черного моря до дельты Дуная. Согласно «Тетрабиблосу» Птолемея, она управляется зодиакальным знаком Овна наряду с Британией, Галлией, Германией, Палестиной, Идумеей и Иудеей – землями, лежащими между 48-м и 52-м градусами северной широты. Бастарны, племя европейской Сарматии, обитали на территории, примерно соответствующей нынешним землям Чехии и Словакии.

Очевидно, катрен повествует о политических переменах на Британских островах в связи с неясными событиями на европейском материке. Непонятно, от какой даты следует отсчитывать указанные 290 лет; вполне возможно, что имеется в виду большой цикл Сатурна, состоящий из 10 оборотов планеты и примерно соответствующий 290 годам. Окончание этого цикла в 1789–1792 годах и события, которые оно принесет, активно обсуждались астрологами уже с первых лет XVI века, когда

завершился предыдущий цикл.

Мишель Монтень писал в «Апологии Раймона Себонда»: «С моего рождения я трижды или четырежды видел, как менялись [законы] у наших соседей англичан, и не только в том, что касается политики, каковая лишена постоянства, но и в самом важном, что только может быть, а именно религии». Монтень имеет в виду англиканскую реформу 1534 года, проведенную Генрихом VIII, католическую контрреформу Марии Тюдор (1553) и англиканскую реставрацию королевы Елизаветы (1559). В этом контексте «семь перемен» Нострадамуса могут означать семь царствований, хотя около 40 лет – чересчур долгий средний срок для правления одного монарха.

3-58
Aupres du Rin des montaignes Noriques
Naistra un grand de gents trop tart venu,
Qui defendra Saurome & Pannoniques,
Qu'on ne saura qu'il sera devenu.

Близ Рейна и Норикских гор
Родится великий от людей, пришедших слишком поздно,
Который защитит сарматов и Паннонию,
[Да] так, что не узнают, кем он стал.

В первой и третьей строках вновь появляются римские топонимы и этнонимы. Норикские горы – Австрийские Альпы; сарматами римляне называли обитателей обширных территорий между Вислой и Волгой; во времена Нострадамуса имя Сарматии часто прилагалось к Польше и Литве. Паннония – провинция Римской империи, примерно соответствующая нынешней Венгрии.

Новый «великий» из молодого, не особенно знатного рода, происходящего из земель австрийских Габсбургов, будет оборонять Восточную Европу – скорее всего, от турков, натиск которых на эти территории не ослабевал на протяжении первой половины XVI века. Последняя строка не столь очевидна; видимо, Нострадамус хочет сказать, что головокружительная карьера уведет этого нового полководца на большое расстояние от родной земли, где о нем ничего больше не услышат.

В катрене 3—63 Нострадамус иронизирует над претензиями германских императоров (во время написания текста – Карла V) на преемственность от Древнего Рима. Единственное, что, по мнению Нострадамуса, объединяет Рим и Германию, – это то, что Германская империя рухнет при тех же обстоятельствах, что и

Римская:

> Romain pouvoir sera du tout abas,
> Son grand voysin imiter ses vestiges:
> Occultes haines civiles, & debats
> Retarderont aux bouffons leurs folliges.
>
> Римская империя будет полностью повержена.
> Ее великий сосед отправится вслед за ней.
> Скрытая гражданская злоба и сведение счетов
> Опередят безумства шутов.

Центральной фигурой катрена 3—66 выступает реальное историческое лицо:

> Le grand ballif d'Orleans mis a mort
> Sera par un de sang vindicatif:
> De mort merite ne mourra, ne par sort:
> Des pieds & mains mal le faisoit captif.
>
> Великий бальи Орлеана предан смерти
> Будет неким с мстительной кровью.
> Не умрет ни заслуженной смертью, ни случайной;
> По рукам и ногам [связанному], ему причиняет боль плен.

Бальи – чиновник короля, осуществлявший административную и судебную власть. В Орлеане эта должность была наследственной и принадлежала клану Гроло; в годы написания и публикации «Пророчеств» орлеанским бальи был Жером Гроло, один из виднейших лидеров гугенотов. Неясно, что заставило Нострадамуса предсказать этому человеку столь жестокую смерть; третья строка указывает на то, что его гибель будет не предусмотрена ни грузом греха, ни роком (фатумом). Так умирала Дидона у Вергилия (Энеида, 4, 696–697):

> Ибо судьбе вопреки погибала до срока Дидона,
> Гибели не заслужив, лишь внезапным убита безумьем…

В 1560 году Генеральные штаты собирались в Орлеане в присутствии Екатерины Медичи и юного короля Франциска II. Королева-мать и ее сын остановились в доме Жерома Гроло, куда

явились Антуан Бурбон, король Наварры, и его брат принц Конде, вождь протестантов. Король приказал арестовать всех троих, однако вождей протестантской партии спасла болезнь Франциска II; через месяц он умер (в особняке бальи), а Гроло благополучно бежал в свой замок в Иль-Бурдоне. Смерть настигла Жерома Гроло в 1572 году, во время печально знаменитой Варфоломеевской ночи в Париже; его зарезали прямо на улице, без всякого пленения.

В катрене 4–3 предсказатель описывает крупномасштабную войну Франции против Испании:

> D'Arras & Bourges, de Brodes grans enseignes
> Un plus grand nombre de Gascons batre a pied,
> Ceulx long du Rosne saigneront les Espaignes:
> Proche du mont ou Sagonte s'assied.
>
> Из Арраса и Буржа, из Эбродуна [идут] большие отряды,
> Большее число гасконцев сражается в пехоте.
> Жители берегов Роны пустят испанцам кровь
> Близ горы, где расположен Сагунт.

На марше – сборное войско с французского севера (Ар-рас), из центральной Франции (Бурж), из Альп (Эбродун, он же Амбрен), а также южане (гасконцы считались лучшими солдатами во всем королевстве) идут в Валенсию, где у подножия горы лежит Сагунт *(исп:*. Сагунто). В античные времена Сагунт был богатым процветающим городом, затем пришел в упадок. Любопытно, что во время Наполеоновских войн, в октябре 1811 года испанская армия была разбита под Сагунто французами, а город после долгой осады капитулировал.

Предлогом к войне могла стать смерть, как в катрене 4–2:

> Par mort la France prendra voyage a faire
> Classe par mer, marcher monts Pyrenees,
> Hespagne en trouble, marcher gent militaire:
> Des plus grand dames en France emmenees.
>
> Из-за смерти Франция предпримет экспедицию.
> Флот – по морю, маршем по Пиренейским горам.
> Испания в смятении, военный люд на марше;
> Знатнейшие дамы увезены во Францию.

Поводом для войны 1536 года стала смерть миланского

герцога Франческо II Сфорца; для Пармской войны 1547 года – убийство герцога Пармы, сына папы Павла III. В 1542 году война началась из-за убийства на территории Миланского герцогства двух французских посланников, направлявшихся по приказу Франциска I к турецкому султану. Французская армия неоднократно преодолевала Пиренеи (например, в 1521 году).

О некоем «вольном городе» повествует катрен 4—16:

> La cite tranche de liberte fait serve:
> Des profliges & resveurs faict asyle.
> Le roy change a eux non si proterve:
> De cent seront devenus plus de mille.
>
> Вольный город, ставший рабом свободы,
> Станет убежищем изгнанников и бродяг.
> Король переменится, [отныне] не столь заносчив по отношению к ним.
> Из ста [их] станет более тысячи.

Статус вольного города предусматривал целый ряд значительных привилегий, в том числе финансовых, наподобие освобождения от налогов. Крупнейшими и самыми известными вольными городами во Франции были Бордо и Ла-Рошель. С началом реформационного движения в этих городах начали собираться гугеноты и вообще лица, враждебные королевской власти. Франциск I вел медленное наступление на права и привилегии Ла-Рошели; ответом на его централизаторскую политику стало восстание 1543 года. Мятеж был подавлен, и в январе следующего года король простил ларошельцев, лишив, впрочем, город всех привилегий. При Генрихе II, однако, город начал вновь набирать силу. Ла-Рошель при поддержке из-за границы стала укрепленной базой гугенотов и полностью вернулась под контроль короны лишь в 1628 году после войны, сопровождавшейся знаменитой длительной осадой.

В катрене 4—31 описан один из духовных лидеров Реформации:

> La lune au plain de nuit sus le haut mont,
> Le nouveau sophe d'un seul cerveau la veu:
> Par ses disciples estre immortel semond
> Yeux au mydi. En seins mains, corps au feu.
>
> Луна посреди ночи на высоком холме;
> Новый мудрец узреет ее одиноким умом, —

Призванный своими учениками к бессмертию,
Глаза на юг, руки на груди, тело в огне.

Связь ума «нового мудреца» с Луной содержит намек на его психическую неадекватность; Луна – покровительница лунатиков и безумцев, в традиционной астрологии она представляет инстинкт, неконтролируемые порывы души, в противовес Солнцу, символизирующему осознанный дух человека. Кроме того, слово *sophe* (буквально «софист») носит презрительный оттенок, в среднефранцузском языке оно имело значение «резонерствующий обманщик». Итак, перед нами – полоумный лжепророк, обративший лицо, подобно языческому авгуру, на юг, надменно скрестивший руки на груди и обожествляемый последователями. Последние слова катрена указывают либо на горячий энтузиазм этого лжепророка, либо на гибель его на костре (возможно, даже самосожжение во славу своего учения).

В катрене 2—67 описано реальное событие из истории противоборства Франциска I и Карла V:

Le blonde au nez forche viendra commetre
Par le duelle & chassera dehors:
Les exiles dedans fera remetre,
Aux lieux marins commetants les plus forts.

Блондин вызовет [человека] с раздвоенным носом
На поединок и изгонит его наружу.
Он вновь поместит изгнанников вовнутрь,
Поручая самым сильным [охрану] морских мест.

«Человек с раздвоенным носом» – Франциск I (мужчины из рода Валуа гордились своими фамильными длинными «ястребиными» носами, считавшимися признаком благородного происхождения). «Блондин» же – император Карл V, происходивший от светловолосых Габсбургов. Раздосадованный отказом Франциска от навязанных в плену обязательств Карл предложил ему сразиться лично, поставив на кон Бургундию и Неаполитанское королевство; кто выиграет – забирает и то и другое. Франциск в ответ высмеял императора, напомнив, что король не может сражаться на дуэли.

В третьей строке катрена звучит тема политических эмигрантов. Дворяне, лишенные на родине привилегий и собственности, во множестве наводняли Европу XVI века, сеяли семена войны и ненависти, желая вернуть себе власть и блага с

помощью военной силы давших им приют монархов: «Изгнанники, которых именовали *fuorusciti,* приносили в советы и в окружение короля бациллы войны, производимые ненавистью и злобой. Во время приливов и отливов Итальянских войн потоки королевской армии приносили из-за гор элемент редкостной опасности. Альфьери говорит, что «человек-растение нигде не появляется на свет охотнее, чем в Италии». *Fuoruscito* представляет собой тип, обладающий неукротимой энергией. Как правило, это мятежник или банкрот, принц, солдат, авантюрист, жертва или же герой политических драм, каждодневно заливавших кровью [Апеннинский] полуостров, а зачастую и вовсе обычный преступник, отягощенный предательствами и убийствами».[151]

Нострадамус видел в изгнанниках серьезную угрозу миру и стабильности внутри страны: «Я весьма опасаюсь, что (если Господь не приложит к этому свою руку) очень значительное число людей изгнанных и высланных как добровольно, так и по принуждению, не имея возможности набраться терпения, как им было велено их принцами и суверенами, пожелают предпринять некий величайший заговор, как бы желая затмить Солнце, чего им не удастся никогда, если только подобно мелким мушкам» *(Alm. 1566, PL octobre).*

В катрене 4—69 изгнанники проявляют себя в полную силу:

> La cite grande les exiles tiendront,
> Les citadins mors, murtris, & chasses:
> Ceulx d'Aquillee a Parme promettront,
> Monstrer l'entree par les lieux non trasses.
>
> Изгнанники возьмут большой город,
> Горожане мертвы, убиты и изгнаны.
> Люди Аквилеи пообещают Парме
> Показать вход через не обозначенные [на карте] места.

Аквилея – город к западу от Триеста, на адриатическом побережье Италии. В эпоху Римской империи он был важным стратегическим пунктом, мостом между Италией и дунайскими землями. Однако в V веке его разграбили гунны и он утратил былое значение. Пармское герцогство было создано папой Павлом III в 1545 году для своего внебрачного сына Пьера Луиджи Фарнезе; в 1547 году он стал жертвой политического убийства, и в Парму вошла армия Карла V. Римский папа обратился за помощью к Генриху II, и в 1551 году началась так называемая Пармская война между Францией и империей.

В катрене 4—100 появляются нормандские сепаратисты:

De feu celeste au Royal edifice.
Quant la lumiere de Mars deffaillira:
Sept mois grand guerre, mort gent de malefice,
Rouan, Evreux au Roy ne faillira.

От небесного огня на королевском здании,
Когда угаснет свет Марса,
Семь месяцев [продлится] большая война, народ умирает от несчастий.
Руан, Эвре не уступят королю.

В первой строке возникает продигия: удар молнии во дворец. Нечто подобное описано Нострадамусом и в альманахах: «С неба низойдет огонь, который появится в нескольких странах и сожжет некий дворец: [этот] огонь будет велик» (PPI, 366). Светоний (Гай Калигула, 57) сообщает о такой трактовке этого знамения: «В Капуе в иды марта молния ударила в капитолий… и нашлись толкователи, уверявшие, что… знаменье возвещало опасность господину от слуг».

Руан, столица Нормандии, был видным центром гугенотского движения; Эвре, мало чем примечательный городок, расположен недалеко от Руана. Нормандский сепаратист действует и в катрене 5—84:

Naistra du gouffre & cite immesuree,
Nay de parens obscurs & tenebreux:
Qui la puissance du grand roy reveree,
Vouldra destruire par Rouan & Evreux.

Появится у залива и необъятного города,
Рожденный от родителей безвестных и темных,
Тот, кто почитаемое могущество великого короля
Пожелает уничтожить посредством Руана и Эвре.

В трех катренах в ряду фигурантов европейской политики появляется загадочный (на первый взгляд) персонаж – «Морская лягва»:

5-3
Le successeur de la duche viendra.
Beaucoup plus oultre que la mer de Toscane,

Gauloise branche la Florence tiendra,
Dans son giron d'accord nautique Rane.

Наследник герцогства зайдет
Много дальше Тосканского моря.
Флоренция удержит галльскую ветвь
В своем геральдическом треугольнике по соглашению с Морской лягвой.

Тосканское море – Лигурийское или Тирренское море (оба омывают Тоскану с запада). Цветок лилии упоминается здесь в связи с геральдическим совпадением: он присутствовал как на флорентийском гербе, так и на французском. Представительница правящего дома Флоренции Екатерина Медичи была женой французского короля Генриха II. Нострадамус здесь высказывает надежду на сохранение и упрочение альянса между Валуа и Медичи, а также на расширение французского влияния в Северной Италии. Этой идиллии способствует согласие таинственной Морской лягвы. Персонаж с этой кличкой выглядит достаточно могущественным, чтобы воскресить тени Древнего Рима и угрожать турецким владениям в Южной Европе, а также навигации османского флота:

5-95
Nautique rane invitera les umbres,
Du grand Empire lors viendra conciter:
La mer Egee des lignes les encombres,
Empeschant l'onde Tyrrene desflotez.

Морская лягва вызовет тени
Великой империи, затем начнет возбуждать
Эгейское море заграждениями из легких кораблей,
Мешая плаванию по тирренской волне.

Наконец, в катрене 9—60 происходит столкновение с мусульманами («измаильтянами») на Адриатике при участии Португалии и той же Лягвы:

Conflict Barbar en la Cornere noire.
Sang espandu trembler la d'Almatie,
Grand Ismael mettra son promontoire
Ranes trembler secours Lusitanie.

Столкновение с варварами в Черном Рожке.
Пролилась кровь, содрогнулась Далмация.
Великий Измаил воздвигнет свой отрог.
Лягвы задрожат, подмога Лузитании.

«Черный Рожок» – Кварнер, пролив между Истрией и островом Црес в северной Адриатике. Лузитания – Португалия. Разные комментаторы и исследователи предлагали десятки гипотез о том, кто (или что) назван Нострадамусом Лягвой. Под ним видели французов, тосканцев, даже абстрактных еретиков (Жан-Поль Клебер). Между тем тайны никакой нет. Морская лягва, она же морской черт, у Нострадамуса *nautique rane* – не что иное, как калька с латинского r*ana marina.* Так называется рыба, с незапамятных времен хорошо известная рыбакам средиземноморского побережья. О ней писали, в частности, Плиний, а также Гийом Ронделе – знакомый Нострадамуса по медицинскому факультету в Монпелье и автор «Естественной истории рыб». В современной ихтиологии она именуется *Lophius piscatorius,* а официальное русское название ее – европейский удильщик. Это крупная (до 1,5 метра в длину и массой до 15 килограммов) хищная рыба с очень неприятной внешностью (нижняя челюсть сильно выступает вперед). Удильщик известен своей прожорливостью и жадностью; нередко он погибает, давясь слишком крупной добычей.

Чтобы понять, кого имел в виду Нострадамус под Морской лягвой, достаточно посмотреть на эту рыбу. Природа наградила ее подобием удочки для привлечения жертв, а также способностью к мимикрии (изменению цвета в зависимости от окружения). Образ мимикрирующей прожорливой рыбы, обладающей удилищем, – живая карикатура на папский престол, символом которого издавна была рыбачья лодка святого Петра: «И сказал Симону Иисус: не бойся; отныне будешь ловить человеков» (Лук. 5:10).

Климент VII, папа римский в 1523–1534 годах, родной дядя Екатерины Медичи, на первых порах являлся ярым сторонником союза папства и Франции; в частности, он был инициатором брака между Екатериной и Генрихом в 1533 году. Его политическое лавирование между Габсбургами и Валуа действительно было похоже на мимикрию; впрочем, то же можно сказать и о других папах. В этом контексте становится ясной и роль Лягвы в катрене 5—95. Замысел «последнего крестового похода» папский престол лелеял еще с середины XV века, после взятия турками Константинополя.

С согласия главных христианских государств папа Лев X составил, наконец, план этой священной войны. Германский император обязывался выставить армию, к которой должна была присоединиться венгерская и польская кавалерия, чтобы, пройдя Болгарию и Фракию, атаковать турок по ту сторону горы Гема (Балкан). Король Франции со всеми своими силами, с войсками Венеции и других итальянских государств и с 16 тысячами швейцарцев должен был отплыть из Бриндизи и высадиться на берегах Греции, между тем как флоты испанский, португальский и английский выступили бы из Картахены и соседних с нею портов для перевозки испанских отрядов на берега Геллеспонта. Сам папа предполагал отправиться из Анконы морским путем к стенам Константинополя, назначенного общим сборным пунктом всех христианских сил.[152] И хотя «последний крестовый поход» не состоялся (помешали Реформация и нарастающие франзусско-габсбургские противоречия), слухи о нем устойчиво курсировали по Европе на протяжении всего XVI века.

В катрене 5—13 появляется Бельгия – топоним, забытый с окончания античных времен и возрожденный лишь в XIX веке:

> Par grand fureur le roy Romain belgique,
> Vexer vouldra par phalange barbare:
> Fureur grinsseant chassera gent lybique,
> Despuis Pannons jusques Hercules la hare.
>
> В большом бешенстве король римский Бельгию
> Захочет притеснить фалангой варваров.
> Скрежеща зубами от ярости, изгонит ливийцев
> От Паннонии до Геркулесовых столпов.

Римский король – титул наследника престола Священной Римской империи; в год публикации катрена (1557) его носил Фердинанд Габсбург. Бельгия, южная часть Испанских Нидерландов, служила ареной постоянных столкновений между империей и Францией. Именно здесь, по мнению пророка, один из Габсбургов проведет широкомасштабное наступление на турок и их вассалов – североафриканских («ливийских») пиратов.

В катрене 5—28 Нострадамус предсказывает заговор против «великого генузца», кондотьера Андреа Дориа. Первоначально союзник Франции, он затем перешел на службу к императору Карлу V, а в 1528 году стал фактическим правителем Генуэзской республики:

> Le bras pendu & la jambe liee,

Visaige, pasle au seing poignard cache:
Trois qui seront jures de la meslee,
Au grand de Gennes sera le fer lasche.

С подвешенной рукой и перевязанной ногой,
С бледным лицом, спрятав на груди кинжал,
Трое, которые составят заговор,
Выпустят сталь в великого из Генуи.
Здесь отразились события известного заговора Фиески, прославленного много лет спустя в трагедии Фридриха

Шиллера. В 1547 году трое братьев из знатного рода Фиески ди Лаванья попытались убить Дориа, но потерпели неудачу. Возможно, Нострадамус предвидел новые покушения на власть генуэзского правителя, но их не случилось – Андреа Дориа мирно скончался в ноябре 1560 года.

В катрене 5—38 пророк исподволь критикует своего монарха:

Ce grand monarque qu'au mort succedera,
Donnera vie illicite & lubrique:
Par nonchalence a tous concedera,
Qu'a la parfin fauldra la loy Salique.

Тот великий монарх, который унаследует мертвому,
Поведет недозволенную, похотливую жизнь.
Из-за беспечности будет всем уступать,
Так что в конце концов потребуется соляной закон.

Имеется в виду, скорее всего, не Салический закон (согласно которому во Франции женщинам запрещалось наследовать корону), а жаргонно-ироническое значение словосочетания *la loy salique* – габель, соляной налог. Генрих II предоставил широкую свободу действий фаворитам и, в частности, своей любовнице Диане де Пуатье. Их аппетиты требовали все возраставших расходов, что подтолкнуло Генриха уже в начале своего царствования к повышению табели. Это вызвало широкое недовольство населения.

В катрене 5—72 вновь подвергаются осуждению любовные утехи Генриха II:

Pour le plaisir d'Edict voluptueux,
On meslera la poyson dans l'aloy:
Venus sera en cours si vertueux,

Qu'obfusquera du Soleil tout aloy.

В угоду сладострастному эдикту
В закон подмешают отраву.
Путь Венеры будет столь доблестным,
Что [она] затмит всю пробу Солнца.

Венера – планета любви и чувственных наслаждений и одновременно медь, которую примешивают к золоту при порче монеты. Солнце в астрологии «ведает» королевской властью и золотом. В катрене проводится параллель между снижением полноценности монеты и эдиктами, дающими королевским любовницам невиданно широкие права.

В катрене 8—14 Нострадамус вновь выступает с морализаторскими проповедями, обращенными к власти:

Le grand credit d'or, d'argent l'abondance
Fera aveugler par libide l'honneur
Sera cogneu d'adultere Poifence,
Qui parviendra a son grand deslionneur.

Большой кредит, избыток золота и серебра
Ослепит честь безудержным влечением.
Станет известно о грехе прелюбодеяния
Впавшего в величайшее свое бесчестие.

Геральдическое сходство гербов Флоренции и Франции обыгрывается и в катрене 5—39, написанном во славу Екатерины Медичи, рожденной в Этрурии (Тоскане):

Du vray rameau de fleur de lys issu,
Mis & loge heritier d'Hetrurie:
Son sang antique de longue main tissu,
Fera Florence florir en l'armoirie.

Отпрыск подлинной ветви цветка лилии
Помещен и поставлен наследником Этрурии.
Его древняя кровь, вытканная очень давно,
Заставит расцвести Флоренцию на гербе.

В катрене 5—41 итальянка Екатерина Медичи, по французским представлениям принадлежавшая к незнатному

роду, приведет Францию к процветанию, влив свою «молодую» кровь в жилы древнего рода Валуа:

> Nay soubz les umbres & jornee nocturne,
> Sera en regne & bonte souveraine:
> Fera renaistre son sang de Pantique urne,
> Renouvelant siecle d'or pour l'aerain.
>
> Рожденный в тени, в ночное время
> Пребудет в царствовании и высочайшей доброте;
> Возродит свою кровь из античной урны,
> Возобновляя золотой век вместо бронзового.

Согласно данным Джироламо Кардано, Екатерина Медичи родилась в 4 часа 38 минут утра, до восхода (на астрологическом языке – «ночное рождение», с Солнцем под горизонтом). Под «возрождением из античной урны» подразумевается смешивание «новой» крови Медичи с «древней» кровью Валуа.

В катрене 5—40 Франция терпит притеснения от Испании (Гесперии, «западной страны») при весьма туманных обстоятельствах:

> Le sang royal sera si tresmesle,
> Constraint seront Gaulois de l'Hesperie:
> On attendra que terme soit coule,
> Et que memoire de la voix soit perie.
>
> Королевская кровь очень сильно перемешается,
> Галлы станут притесняться Гесперией.
> Будут ждать окончания срока
> И гибели памяти о голосе.

Очередная итальянская кампания французской армии изображена самыми мрачными красками в катрене 5—63:

> De vaine emprise l'honneur indue plaincte
> Gallotz errans par latins froit, faim, vagues:
> Non loing du Tymbre de sang terre taincte,
> Et sur liumains seront diverses plagues.
>
> Из-за тщетного захвата оплакана поруганная честь.
> Галлы блуждают в латинской земле, холод, голод, скитания.

Неподалеку от Тибра земля окрасится кровью,
И на людей обрушатся разные бедствия.

В катрене 5—83 протестанты замышляют заговор против короля:

Ceurx qui auront entreprins subvertir,
Nompareil regne puissant & invincible:
Feront par fraude, nuictz trois advertir,
Quand le plus grand a table lira Bible.

Те, кто затеют ниспровергнуть
Бесподобное, могущественное и неуязвимое царство,
Путем обмана, ночью известят троих,
Когда самый главный будет за столом читать Библию.

Стоит отметить, что за столом (то есть за едой) Библию читали только протестанты.

Осквернению храмов протестантами и кончине монарха или римского папы посвящен катрен 6–9:

Aux sacres temples seront faictz escandales
Comptfts seront par honneurs & louanges
D'un que on grave d'argent, d'or les medalles,
La fin sera en tormens bien estranges.

Совершенные в освященных храмах греховные дела
Будут приняты с почестями и похвалами.
Того, кого запечатлевают на серебряных и золотых медалях,
Конец случится в тяжелейших муках.

В катрене 5—85 нашествие насекомых служит предвестием войны в немецких землях из-за интриг кальвиновской Женевы:

Par les Sueves & lieux circonvoisins,
Seront en guerre pour cause des nuees:
Camp marins locustes & cousins,
Du Leman faultes seront bien desnuees.

Свевы и прилегающие земли
Вступят в войну по причине туч

Морских гусениц, саранчи и комаров.
Грехи [озера] Леман будут сильно обнажены.

Свевы – жители Швабии, германского княжества со столицей в Штутгарте; Леман – Женевское озеро.

В катрене 5—87 Нострадамус предсказывает династический союз между Испанией и Францией. Известно, что во время написания катрена велись переговоры о браке дочери Генриха II Елизаветы Валуа с принцем Астурии, сыном Филиппа II Испанского:

L'an que Saturne sera hors de servaige
Au franc terroir sera d'eaue inunde:
De sang Troyen, fera son mariage.
Et sera seur d'Espaignolz circonder.

В год, когда Сатурн выйдет из серважа,
Франкская земля окажется затопленной водой,
Троянская кровь справит свою свадьбу,
И сестра будет окружена испанцами.

Серваж – самая тяжелая форма крепостной зависимости, близкая к рабству. Имеется в виду выход Сатурна из знака «заточения» (Овен) или «изгнания» (Рак, Лев), отмеченный в 1505, 1507, 1528, 1535 годах и т. д. 1557 год, осенью которого был напечатан катрен, отмечен масштабными наводнениями в Европе и особенно во Франции. Елизавета Валуа в 1559 году вышла замуж за Филиппа II.

В катрене 6–3 Кёльнское архиепископство выходит из-под контроля императора:

Fleuve qu'esprove le nouveau nay Celtique,
Sera en grande de l'Empire discorde:
Le jeune prince par gent ecclesiastique,
Ostera le sceptre coronal de Concorde.

Река, которая испытывает кельтского новорожденного,
Окажется в великом раздоре с империей.
Юный принц посредством церковников
Освободит державный скипетр от соглашения.

В первой строке Нострадамус подразумевает древний

кельтский обычай проверять законнорожденность младенцев путем погружения в реку на мишенях для стрельбы из лука; если младенец тонул, то он считался незаконным. В XVI веке предпринималось несколько попыток секуляризации Кёльна. Архиепископ Герман V фон Вид в 1543 году поручил одному из лидеров протестантов Филиппу Меланхтону разработать основания для проведения Реформации в своих владениях, но был смещен. В итоге Кёльнское архиепископство было секуляризировано лишь в 1801 году Наполеоном.

Тема Кёльна, стоящего на берегу «кельтской реки» (Рейна), продолжается в катрене 6–4:

> Le Celtiq fleuve changera de rivaige
> Plus ne tiendra la cite d'Agripine:
> Tout transmue ormis le vieil langaige,
> Satume Leo, Mars, Cancer en rapine.
>
> Кельтская река сменит берега,
> Более не будет идти по городу Агриппины.
> Изменится все, кроме старого языка,
> Сатурн [во] Льве, Марс [в] Раке, в грабеже.

Римское название Кёльна – *Colonia Claudia Augusta Ara Agrippinensum* или просто *Colonia Agrippinensis,* отсюда и «город Агриппины». По астрологическим правилам, две «злые планеты», Сатурн и Марс, оказываясь во Льве и в Раке соответственно, оказываются «в изгнании» и «в падении», и их влияние становится особенно негативным. Такая конфигурация повторяется примерно каждые 30 лет и продолжается около двух месяцев: 08.08–28.09.1505, 29.08–05.11.1535, 10.04–22.05.1564, 08.05–25.06.1594 и т. д.

Рейну были свойственны периодические изменения русла из-за особенностей таяния ледяных торосов после особенно суровых зим. Нострадамус полагает, что следующее изменение будет настолько сильным, что река вообще уйдет за пределы города. Хотя этого не случилось, предсказание нельзя назвать совсем уж фантастическим. Известно, что город Нейс, например, некогда стоявший на берегу Рейна, ныне находится в пяти километрах от «кельтской реки».

В катрене 6—17 в туманной форме описаны преследования евреев («людей Сатурна», то есть субботы), отказавшихся принять христианство (гонениями на иудеев особенно «славилась» Испания):

Apres les limes bruslez les asiniers
Constrainctz seront changer habitz divers:
Les Saturnins bruslez par les meusniers,
Hors la pluspart qui ne sera couvers.

После пыток будут сожжены погонщики ослов.
Будут принуждены переодеться в другие одежды
Люди Сатурна, сожженные мельниками,
Кроме большей части, которая не будет одета.

Погонщик ослов (мулов) – как правило, невежественный человек простого происхождения. Мельники также котировались невысоко; их считали людьми крайне нечестными и вороватыми. «Мельники чаще всего плуты», – говорит Панург у Рабле. Однако в данном случае речь может идти о инквизиторах-доминиканцах (они носили белые рясы). Так или иначе, социальные низы активно помогали инквизиции в преследовании и уничтожении евреев, отказавшихся перейти в католичество или заподозренных в верности религии предков. В Испании в XV–XVI веках от 100 до 200 тысяч евреев (в том числе и крещеных) были вынуждены покинуть страну, спасаясь от гибели.

Еврейскую тему продолжает катрен 6—18:

Par les phisiques le grand Roy delaisse,
Par sort non art de l'Ebrieu est en vie:
Luy & son genre au regne hault poulse,
Grace donnee a gent qui Christ envie.

Король, оставленный врачами,
Еврейским волшебством, не [врачебным] возвращен к жизни.
Он и его род, высоко поднявшиеся в царстве,
Окажут милость народу, отказывающемуся от Христа.

Здесь король, которого отказались пользовать врачи, призывает мага-еврея, который и спасает его. В благодарность монарх вводит послабления для его народа. Многие монархи Европы (особенно в Италии) держали при себе врачей-евреев; они имели оправданную репутацию хороших лекарей, хотя их медицинские практики, основанные на традициях высокоразвитой арабской медицины, расходились с общепринятыми (клизмы и кровопускания) и нередко считались колдовскими.

Отношениям Франции и Дании посвящен катрен 6—41:

Le second chef du regne Dannemarc.
Par ceulx de Frise & l'isle Britannique,
Fera despendre plus de cent mille marc,
Vain exploicter voyage en Italique.

Второй вождь королевства Дании
Посредством людей Фрисландии и Британского острова
Потратит более ста тысяч марок, [чтобы]
Впустую предпринять экспедицию в Италию.

Фрисландия – область в Северных Нидерландах. Марка – мера веса, равная 233,8 грамма. Под «вторым вождем» Дании здесь явно понимается Кристиан II, король Дании и Норвегии в 1513–1523 годах, позже завладевший и Швецией. Объединив Скандинавию под своим скипетром, он стал союзником Франциска I в его планах покорения Италии, однако в 1523 году потерял престол в результате восстания. В дальнейшем Кристиан пытался вернуть себе власть, но в 1559 году умер в заточении. Возможно, Нострадамус считал, что ему удастся вернуть себе свободу и трон и даже вовлечь Данию в Итальянские войны. Известно, что Карл V покровительствовал Кристиану II и признал его права на Северную Германию.

В катрене 6—76 народ лишает жизни тирана и его приспешников:

La cite antique d'antenoree forge,
Plus ne pouvant le tyran supporter:
Le manchet fainct au temple couper gorge
Les siens le peuple a mort viendra bouter.

Древний город, творение Антенора,
Более не сможет терпеть тирана.
Притворный однорукий в храме перережет [ему] горло,
Народ предаст его приближенных смерти.

«Творение Антенора» – Патавия (Падуя), основанная легендарным троянцем Антенором, братом Приама. С XV века принадлежала Венеции.

Вопрос тирании поднимается и в катрене 10–90:

Cent foys mourra le tyran inhumain.

Mys a son lieu scavant & debonnaire,
Tout le senat sera dessoubz sa main,
Fache sera par malin themeraire.

Сто раз умрет бесчеловечный тиран,
На его место поставлен [человек] сведущий и добрый.
Весь сенат окажется у него под рукой,
Будет измучен злым смельчаком.

В катрене 6—78 Нострадамус предсказывает переход Италии на сторону Франции и ее монарха («басилевса»):

Crier victoire du grand Selin croissant,
Par les Romains sera l'Aigle clame:
Turin, Milan, & Gennes n'y consent,
Puis par eulx mesmes Basil grand reclame.

[Будут] возглашать победу великого Селина-полумесяца,
Римляне пожалуются на Орла.
Тицин, Милан, Генуя не согласны с этим.
Потом ими самими будет затребован великий басил[евс].

В катрене 6—95 династические проблемы, возможно, связанные с дележом наследства, становятся причиной восстания:

Par detracteur calumnie a puis nay,
Quant istront faictz enormes & martiaulx:
La moindre part dubieuse a l'aisnay,
Et tost au regne seront faictz partiaulx.

Из-за хулителя, оклеветавшего младшего,
Когда произойдут ненормальные и военные события,
Меньшая часть сомнительно [присуждена] старшему,
И скоро в царстве случатся мятежные дела.

В катрене 6—99 чума в действующей армии и партизанские атаки вынуждают Карла V или его наследника отказаться от плана вторжения во Францию через Пиренеи и Альпы:

L'ennemy docte se toumera confus,
Grand camp malade, & defaict par embusches,

Montz Pyrenees & Poenus luy seront fait refus,
Proche du fleuve descouvrant antiques cruches.

Ученый враг оконфузится:
Большой лагерь болен и разгромлен засадами.
Пиренейские горы и Апеннины станут ему недоступными,
Вблизи реки найдут античные вазы.

Таким образом, Габсбургу придется удовлетвориться археологическими находками…

В катрене 7—10 армия под командованием герцога Гиза выходит из Нормандии в море, минует Гибралтар (Кальпу) и наносит удар по «барселонским островам» (вероятно, Балеарам):

Par le grand prince limitrophe du Mans,
Preux & vaillant chef de grand exercite:
Par mer & terre de Gallotz & Normans,
Caspre passer Barcelone pille isle.

Великий принц, сосед [Ле-]Мана,
Храбрый и отважный вождь большой армии,
Морем и землей галлов и нормандцев
Пройдет через Кальпу, разграблен остров Барселоны.

Ле-Ман – столица Мена, исторической области в северо-западной Франции. Майенн, важнейший город Мена, в то время принадлежал Гизам. О тирании некоего священнослужителя («бритоголового») в приморском городе идет речь в катрене 7—13:

De la cite marine & tributaire,
La teste raze prendra la satrapie:
Chasser sordide qui puis sera contraire,
Par quatorze ans tiendra la tyrannie.

Морского и платящего дань города
Бритая голова овладеет сатрапией.
Изгонит сволочь, потом поступит наоборот,
На четырнадцать лет установив тиранию.

Сатрапия – в древней Персии военно-административный

округ, управляемый сатрапом, наместником, возглавлявшим ее администрацию. Под «сволочью» *(sordide)* могут подразумеваться не только люди, но и пороки управления, которые будут изгнаны, но при тирании расцветут вновь.

В катрене 7—24 оживший мертвец (в прямом или переносном, политическом смысле) заграждает цепями вход в крепость, в то время как герцог Лотарингский отравлен своим младшим сыном:

> L'ensevely sortira du tombeau,
> Fera de chaines lier le fort du pont:
> Empoysone avec oeufz de barbeau,
> Grand de Lorraine par le Marquis du Pont.
>
> Погребенный выйдет из могилы,
> Свяжет цепями форт у моста.
> Отравлен икрой рыбы-усача
> Великий [герцог] Лотарингии маркизом дю Поном.

Икра довольно вкусной рыбы-усача действительно считается ядовитой, хотя и не смертельной. Маркиз дю Пон-а-Муассон – титул младших сыновей герцога Лотарингского.

В катрене 7—32 Нострадамус не удержался от соблазна поиронизировать над «торгашеским» родом Медичи:

> Du mont Royal naistra d'une casane,
> Qui cave, & comte viendra tyranniser,
> Dresser copie de la marche Millane,
> Favene, Florence d'or & gents expuiser.
>
> У Монтереале родится от банка
> [Тот,] кто будет тиранить ставки и счета.
> Поднимет войско миланского рынка,
> Выкачивая золото и людей из Фавенции [и] Флоренции.

Монтереале – город к югу от Равенны, принадлежавший к папским владениям. Фавенция – Фаенца, город на севере папских владений. Флоренция, историческая столица Тосканы, с XV века находилась под властью купеческого рода Медичи. Их неоднократно изгоняли из города, но в 1530 году они при поддержке римского папы и императора возвратили себе власть и объявили Флоренцию герцогством. В свое время Медичи основали торгово-банковскую компанию, одну из крупнейших в Европе, и

субсидировали европейских монархов. Козимо I, современный Нострадамусу герцог Флоренции, объединил всю Тоскану, вступив в союз с испанскими Габсбургами. Известно, что он добывал деньги для усиления армии за счет конфискации состояний банкирских семей.

В катрене 7—34 Нострадамус открыто осуждает итальянскую политику французских монархов как бесперспективную и ведущую к нищете народа:

> En grand regret sera la gent Gauloise,
> Coeur vain, legier, croira temerite:
> Pain, sel, ne vin, eaue, venim ne cervoise,
> Plus grand captif, faim, froit, necessite.
>
> Галльский народ пребудет в большом сожалении,
> Поверив в отвагу тщеславного, хвастливого сердца.
> [Лишь] хлеб [да] соль, не вино и не ячменное пиво, [а] отравленная вода.
> Величайший пленен; голод, холод, нужда.

Действительно, «величайший» (Франциск I) в 1525 году попал в плен при Павии, и Франция заплатила за него огромный выкуп.

В катрене 8–1, как полагают комментаторы, Нострадамус в анаграмматическом виде назвал имя Наполеона:

> PAU, NAY, LORON plus feu qu'a sang sera.
> Laude nager, fuir grand aux surrez.
> Les agassas entree refusera.
> Pampon, Durance les tiendra enserrez.
>
> По, Най, Олорон будут [преданы] больше огню, чем крови,
> Ланды затопит, великий убежит от мятежников,
> «Сороки» воспретят ему вход,
> [В] Памп[л]оне Дюранс будет держать их в узилище.

Однако По, Най и Олорон – не части анаграммы, а реальные города-крепости в Беарне, входившем в состав Наварры. В середине XVI века в них было велико влияние протестантов; впоследствии эти крепости были переданы гугенотам.

Катрен очень труден для перевода, к тому же его текст явно искажен опечатками. Так, *Laude* (река Од, далекая от Беарна),

скорее всего, следует читать как *Landes* – низменность на Юго-Западе Франции. Слово *agassa* в провансальском языке значит «сорока», производное от него *agachoun* – сторожевая вышка; с другой стороны, по-латыни *agasso* – «конюх», «погонщик ослов или мулов». *Surrez* можно понять и как «сапожники», и как «инсургенты» (повстанцы), и как «место слияния рек», «холмогорье». *Pampon* может оказаться и Памплоной, столицей Наварры до захвата большей части ее территории Испанией в 1512 году, и Пампонью, поселком близ Кастель-Жалу, а Дюранс – как рекой в Провансе, так и поселком Дюранс в департаменте Ло и Гаронна на Юго-Западе Франции; Генрих IV держал там охотничий домик. Ясно, однако, что в целом речь идет о гражданской войне и истреблении протестантов на Юге Франции.

В катрене 8—40 фигурирует Тулуза:

Le sang du Juste par Taurer la daurade,
Pour se venger contre les Saturnins
Au nouveau lac plongeront la maynade,
Puis marcheront contre les Albanins.

Праведная кровь по Тору и Дораду, —
Чтобы отомстить за себя людям [Святого] Сатурнина, —
В озере снова утопят менаду,
Затем выступят против албанцев.

Тор и Дорад – церкви Богоматери в Тулузе. Во второй из них находится гробница святого Сатурнина, архиепископа Тулузы, казненного римлянами в III веке н. э. Менады (вакханки) – спутницы бога Диониса (Вакха). Во время праздничных шествий изображали свиту бога. В XVI веке этим словом называли обычных проституток. Жан-Поль Клебер сообщает, что в то время проституток, вопреки закону принимавших клиентов вне домов терпимости, топили в Гаронне. Неясно, однако, как под Тулузой могли оказаться «албанцы» – стратиоты, легкая конница, нанимавшаяся разными державами на Балканах.

В катрене 8—57 некий солдат получает императорскую корону, становясь притеснителем духовенства:

De souldat simple parviendra en empire,
De robe courte parviendra a la longue
Vaillant aux amies en eglise ou plus pyre,
Vexer les pretres comme l'eau fait l'esponge.

От простого солдата дойдет до империи,

От короткого платья дойдет до длинного.
Храбрый в бою, в церкви – гораздо худший:
Истощит священников, как губка впитывает воду.

«Короткое платье» во французском государственном лексиконе XVI веке – военный; «короткополыми судьями» назывались прево при маршалах и лейтенантах, не имевшие ученой степени, которые вершили правосудие при шпаге. «Длинное платье» – дворянин или священник, носитель административной власти. В 1527 году Франциск I создал в Шатле два офицерских корпуса – для «долгополых» и «короткополых». Существовали и «короткополые» хирурги, отличавшиеся от «долгополых» тем, что прошли обучение в специальных школах. Образ выжатой губки также хорошо известен: «Самых хищных чиновников, как полагают, он нарочно продвигал на все более высокие места, чтобы дать им нажиться, а потом засудить, – говорили, что он пользуется ими, как губками, сухим дает намокнуть, а мокрое выжимает» (Светоний, Веспасиан, 16).

В катрене 10–33 «длиннополые» (юристы, нотабли или священники) похищают флорентийского герцога:

La faction cruelle a robbe longue,
Viendra cacher souz les pointus poignars
Saisir Florence le due & lieu diphlongue
Sa descouverte par immeurs & flangnards.

Жестокая группа длиннополых заговорщиков
Спрячет под [одеждой] острые кинжалы.
Захватят флорентийского герцога, а в двоезвучном месте
Его обнаружат] недоросли и праздношатающиеся.

Катрен 8—58 описывает гражданскую войну в Англии и бегство одного из ее главных участников во Францию:

Regne en querelle aux freres divise,
Prendre les armes & le nom Britannique
Tiltre Anglican sera tard advise,
Surprins de nuict mener a Pair Gallique.

Царство, в сваре поделенное между братьями,
Возьмет британские герб и имя.
Англиканский титул будет замечен поздно,

Неожиданно, ночью уезжающим под галльское небо.

Англиканская церковь возникла в Англии в 1534 году, когда Генрих VIII провозгласил свой «Акт о супрематии». В 1549 году при короле Эдуарде VI была составлена «Книга общественного богослужения», регламентировавшая догматику и культ. Главой церкви является английский монарх. Не раз утверждалось, что предсказание имеет отношение к Карлу II, который после казни отца в 1649 году нашел убежище во Франции. Он вернулся на трон в 1660 году, прекратив противостояние между лидерами Английской революции, которое вполне можно считать «сварой между братьями».

В катрене 10–42 в измученной смутами «ангельской» Англии все же воцаряются мир и спокойствие:

Le regne humain d'Anglique geniture
Fera son regne paix union tenir,
Captive guerre demy de sa closture,
Long temps la paix leur fera maintenir.

Человеческое царство ангельского рождения
Удержит свое царство в мире и согласии,
Пленив войну и изгнав ее из своей ограды;
Долгое время их будет поддерживать мир.

В катрене 10–48 испанская армия идет на Францию, но подвергается разгрому:

Du plus profond de l'Espaigne enseigne,
Sonant du bout & des fins de l'Europe,
Troubles passant aupres du pont de Laigne,
Sera deffaicte par bandes sa grand troppe.

Рать из самой глубины Испании,
Выйдя из начала и окраин Европы,
Придет в замешательство, проходя мимо Пола-де-Лена,
Большое войско будет побеждено отрядом.

Вторая строка отсылает к мысу Финистерре на северо-западе Испании, западной окраине Европы (лат.: *finis terra,* «край земли»). Пола-де-Лена (в галлизированном виде Пон-де-Лень) – поселок в Испании, к югу от Овьедо. Шарль Этьен упоминает эти топонимы

в своем паломническом путеводителе: «Пон-де-Лег… Финистерре, который называют концом Европы».

В катрене 8—94 «венецианские албанцы» (православные балканские конники) громят «Дражайшего» – герцога Альбу, генералиссимуса Карла V и Филиппа II.

> Devant le lac ou plus cher fut gette
> De sept mois, & son host desconfit
> Seront Hyspans par Albannois gastez
> Par delay perte en donnant le conflict.
>
> Близ озера, где был брошен самый дорогой
> На семь месяцев, а его войско разгромлено,
> Испанцы будут сокрушены албанцами,
> Проигрыш из-за задержки начала сражения.

«Альбанцы» разгромлены албанцами – каламбур истории… который, однако, остался только на бумаге.

«Мирские цари» в катрене 8—99 переносят папский престол:

> Par la puissance des trois rois temporelz
> En autre lieu sera mis le saint siege:
> Ощ la substance de 1'esprit corporel,
> Sera remys & receu pour vray siege.
>
> Силой трех земных царей
> Святой престол будет перенесен в другое место,
> Где субстанция телесного духа
> Будет восстановлена и принята как истинное вместилище.

В двух последних строках упомянуто важное событие – Тридентский собор (1545–1563), на котором, помимо всего прочего, обсуждался догмат о таинстве Евхаристии: воплощаются ли тело и кровь Христовы в Святых Дарах. Протестанты отвергали его, собор долго искал компромисс.

Наконец в 1563 году собор оставил позицию католической церкви без изменений.

Катрен 9—45 посвящен возвышению Вандомской ветви (Бурбоны):

> Ne sera soul jamais de demander,
> Grand Mendosus obtiendra son empire

Loing de la cour fera contremander,
Pymond, Picard, Paris, Tyron le pire.

Никогда не переставая требовать,
Великий Мендоз обретет свою высшую власть.
Вдали от двора отдаст контрприказ Пьемонт, Пикардия, Париж, Тиррен[ия], зло.

Мендоз – прозрачная анаграмма от «Вандом» *(Vendosme)*. Пьемонт принадлежал Савойе и был объектом захватнических устремлений Валуа. Пикардия – северная провинция Франции, Тиррения – Тоскана.

Эта же тема продолжается в катрене 9—50:

Mandosus tost viendra a son hault regne
Mettant arriere un peu de Norlaris:
Le rouge blaisme, le masle a l'interregne,
Le jeune crainte & frayeur Barbaris.

Мендоз скоро достигнет высоты царства,
Все-таки опередив Норлариса.
Красный увядает, юноша в междуцарствии, —
Молодой страх и устрашение варваров.

Как «Мендоз» – анаграмма от «Вандом», так и «Норларис» – анаграмма от имени Лотарингии *(Lorraisri),* вотчины Гизов. Нострадамус, таким образом, предсказывает, что Бурбоны обойдут Гизов и получат корону Франции. Таким образом, уже в 1557 году провансальский пророк предвидел не только угасание династии Валуа, но и приход к власти Бурбонов, до которого оставалось еще более 30 лет. Новый монарх, по Нострадамусу, одержит верх и над алжирскими пиратами («варварами»).

В катрене 10–18 Бурбоны уверенно одерживают верх над Гизами – уже без всяких анаграмм:

Le rane Lorrain fera place a Vendosme,
Le liault mys bas & le bas mys en liault,
Le filz d'Hamon sera esleu dans Rome
Et les deux grands seront mys en deffault.

Лотарингский дом уступит место Вандом [скому]:
Верхний опущен, нижний поднят.
Сын Амона будет избран в Риме,

И двое великих окажутся в ущербе.

Любопытно, что третья строка допускает два совершенно противоположных толкования. Сыном Амона, древнеегипетского бога Солнца, когда-то именовался фараон. Этот титул носили также Александр Македонский и цари из династии Птолемеев. Поскольку животным Амона считался бык, этих царей изображали с бычьими рогами. Так что «сын Амона» – либо «рогатый» Антихрист, либо, напротив, благочестивейший папа (христианство – «религия Солнца»).

В катрене 9—46 в «тени тыкв» (очевидно, авторская ирония: как известно, тыква не дает тени) причудливо переплелись язычество и католический фанатизм:

Vuydez, fuyez de Tholose les rouges
Du sacrifice faire expiation,
Le chef du mal dessouz l'umbre des courges
Mort estrangler carne omination.

Уходите, бегите, красные, из Тулузы
Во искупление жертвы.
Глава зла в тени тыкв
Насмерть удавлен, прорицание по мясу.

Катрен 9—51 также описывает противоборство сект и «красных» (католиков):

Contre les rouges sectes se banderont,
Feu, eau, fer, corde par paix se minera,
Au point mourir ceux qui machineront,
Fors un que monde sur tout ruynera.

Против красных взбунтуются секты.
Огонь, вода, сталь, веревка, мир закончится,
До момента, когда заговорщики умрут,
Кроме одного, которого мир уничтожит раньше.

В катрене 9—52 на Францию надвигается гражданская война:

La paix s'approche d'un coste, & la guerre Oncques ne feut la poursuitte si grande, Plaindre homme, femme, sang innocent par terre Et ce sera de France a toute bande.

С одной и той же стороны приближаются мир и война.

Никогда еще не было столь великого гонения. Стенания мужчин и женщин, на земле – кровь праведников, А случится это по всем областям Франции.

Война на пороге и в катрене 9—55:

> L'horrible guerre qu'en l'occident s'apreste
> L'an ensuivant viendra la pestilence
> Si fort horrible que jeune, vieulx, ne beste,
> Sang, feu, Mercure, Mars, Jupiter en France.
>
> Ужасная война готовится на Западе,
> В следующем году придет мор, —
> Столь ужасные, что ни стар, ни млад, никакая тварь
> [Не избегут] крови и огня – Меркурий, Марс, Юпитер [в соединении] – во Франции.

Меркурий, Марс и Юпитер в соединении – относительно редкое явление, в XVI веке такое происходило только в 1528, 1564, 1566 и 1568 годах.

Но уже в катрене 9—66 Нострадамус обещает лучшее будущее:

> Ратх, union sera & changement,
> Estatz, offices bas liault, & liault bien bas,
> Dresser voiage le fruict premier torment,
> Guerre cesser, civil proces debatz.
>
> Наступят мир, союз и перемены
> Сословий, служб снизу вверх и сверху в самый низ.
> Подготовлено путешествие, муки [рождения] первого плода.
> Конец войне, гражданский процесс, прения.

В катрене 10–14, по-видимому, обыгрывается конец Карла V:

> Urnel Vaucile sans conseil de soy mesmes
> Hardit timide par crainte prins vaincu,
> Accompaigne de plusieurs putains blesmes
> A Barcelonne aux cliartreux convaincu.
>
> «Юрнель» в Воселе, [будучи] в несогласии с самим собой,
> Дерзкий-робкий из-за страха побежден и схвачен.

Сопровождаемый несколькими увядшими шлюхами,
В Барселоне обращен в число картезианцев.

Что имел в виду Нострадамус под «Юрнелем», установить не удалось. В Воселе в феврале 1556 года было заключено перемирие, чрезвычайно невыгодное для Карла V. Вскоре император отрекся от престола и удалился в монастырь Святого Юста, принадлежавший, правда, не картезианцам, а ордену святого Иеронима, и расположенный не в районе Барселоны, а в Эстремадуре. Условия его существования там были более чем комфортабельными, вплоть до присутствия женщин (что и имеет в виду Нострадамус, говоря об «увядших шлюхах»). В целом предсказание достаточно точное, но, увы, оно и на сей раз сделано задним числом.

Катрен 10–39, как мы помним, упоминался в донесении венецианского посла Микеле Суриано от 20 ноября 1560 года в связи с ухудшающимся здоровьем Франциска II:

Premier fils vefiie malheureux mariage,
Sans nuls enfans deux Isles en discord,
Avant dixhuict incompetant eage,
De 1'autre pres plus bas sera l'accord.

Первый сын, вдова, несчастный брак.
Совсем без детей, два острова в раздоре.
Не достигнув восемнадцати, в несознательном возрасте
Наряду с другим, низшим, заключит помолвку.

Франциск II, первый сын вдовствующей королевы Екатерины Медичи, женился на королеве Шотландии Марии Стюарт (брак между ними был заключен до наступления совершеннолетия). Помолвка Карла, младшего брата Франциска, с Елизаветой Австрийской была заключена в 1561 году, но переговоры о ней шли задолго до этого. О плохом здоровье юного короля знала вся Европа. Возвращение Марии на родину после смерти Франциска, последовавшей 5 декабря, в дальнейшем действительно привело к раздору Шотландии и Англии. «Островами», напомним, назывались не только части суши, со всех сторон окруженные водой, но и любые страны, куда нужно было плыть по морю.

В катрене 10–53 «Великий Селин», Генрих II, уже мертв, а его фаворитка Диана де Пуатье теряет влияние:

Les trois pellices de loing s'entrebatron,

La plus grand moindre demeurera a l'escoute:
Le grand Selin n'en sera plus patron,
Le nommera feu pelte blanche routte.

Три содержанки будут долго бороться друг с другом,
Величайшая ничтожнейшая останется на страже;
Великий Селин не будет более ее покровителем,
Объявит его усопшей пельтой белое войско.

Под тремя содержанками Нострадамус подразумевает любовниц Генриха II – Джоан Стюарт (леди Флеминг), Николь де Савиньи и Габриэль д'Эстре. «Величайшая ничтожнейшая» – Диана де Пуатье, сохранявшая власть над королем. Последняя строка требует детального разъяснения. Объявление монарха усопшим *(nommer feu)* входило в похоронный церемониал. После кончины Генриха II герольды (уполномоченные офицеры) прилюдно известили народ: «Молитесь Богу о душе высочайшего, могущественнейшего и добродетельнейшего, великодушнейшего принца Генриха Божией милостью короля Франции Христианнейшего Второго». «Белое войско» – французская армия (по цвету крестов, нашитых на мундиры); кроме того, белый был цветом траура. Пельтой же назывался греческий легкий кожаный щит в виде полумесяца; это слово Нострадамус мог прочитать у Геродота, Вергилия, Тита Ливия и других античных авторов. Напомним, что полумесяц был личной эмблемой Генриха II.

Неясно, был ли написан катрен до или после рокового турнира Генриха II. Близкий к нему катрен 10–55 также отсылает к обстоятельствам последнего поединка короля, где он назван Фебом (богом Солнца Аполлоном, другом Дианы, богини Луны):

Les malheureuses nopces celebreront,
En grande joye, mais la fin mallieureuse:
Mary & mere nore desdeigneront,
Le Pliybe mort, & nore plus piteuse.

Злосчастную свадьбу отпразднуют
В великой радости, но конец несчастен.
Муж и мать пренебрегут невесткой.
Феб мертв, и невестка еще более несчастна.

Действительно, пышные свадебные торжества, омрачившиеся гибелью короля, были скомканы и перешли в траур. Поведение Филиппа II было явно пренебрежительным: он отказался приехать

в Париж на собственную свадьбу с Елизаветой Валуа, прислав вместо себя герцога Альбу, который представлял жениха во время бракосочетания. Неясно, однако, кого следует понимать под «матерью»: матери Филиппа Изабеллы Португальской к тому времени уже давно не было в живых.

В катрене 8—81 Север наносит удар по Священной Римской империи и Испании, а мятеж в Южной Италии лишит Испанию податей:

> Le neuf empire en desolation,
> Sera change du pole aquilonaire.
> De la Sicile viendra l'esmotion
> Troubler Pemprise a Philip tributaire.
>
> Новая империя в разорении,
> [Она] будет изменена [странами] Северного полюса.
> Смута в Сицилии отрясет налоговое предприятие Филиппа.

«Новая империя» здесь – Священная Римская империя; обе Сицилии (Южная Италия и остров Сицилия) входили во владения испанских Габсбургов. Филипп II Габсбург уже был королем Испании в период написания катрена.

Интересен катрен 10–91 с точной датой, предсказывающий смену римских пап и носящий следы цензурной правки:

> Clerge Romain l'an mil six cens & neuf,
> Au chef de l'an feras election
> D'un gris & noir de la Compagne yssu,
> Qui one ne feut si maling.
>
> Римский клир, в году 1609-м
> В начале года [ты] выберешь
> Некоего серого и черного, выходца из Кампании,
> Который никогда не был столь злым. <…>

Третья строка содержит намек на цвета монашеского ордена – возможно, иезуитского. Кампания – область в Центральной Италии; однако исследователь творчества Нострадамуса Жан Дюпеб предлагает конъектуру *de compagnie Jesus,* «из компании Иисуса», то есть из ордена иезуитов.

В альманахах Нострадамус также писал о переменах в религии около 1609 года: «Чередование сект [в 1561 году]

умножится по вине людей невежественных, но щеголяющих словами, которые они произносят, хоть и не понимают; наказание за это придет, но весьма поздно, в 1607 году. Произойдет некое еще большее расхождение [во мнениях], нисколько не отличимое от расхождения 1504 года» *(Aim. 1561, avril)*. В 1609 году, однако, никаких выборов папы не проводилось.

В катрене 10—100, завершающем книгу пророчеств, предсказано усиление Англии на длительный срок:

> Le grand empire sera par Angleterre,
> Le pempotam des ans plus de trois cens:
> Grandes copies passer par mer & terre, Les Lusitains n'en seront pas contens.
>
> Великой империей станет Англия
> Вседержащей на срок более 300 лет.
> Большие армии пройдут по морю и суше;
> Лузитанцы не будут этим довольны.

Это предсказание безукоризненно по точности. Действительно, Англия, укрепляя свое могущество, захватила огромные колонии во всех странах света. Ее морская гегемония длилась с середины XVII века до середины XX – немногим более 300 лет. Другая морская держава – Португалия (Лузитания), – конечно же была этим недовольна.

Глава пятая
В ПОИСКАХ ДРЕВНИХ СОКРОВИЩ

Возрождение сопровождалось взлетом интереса к древности, что активизировало поиски памятников античной культуры. Франция, особенно Южная, хранила богатые следы присутствия древних римлян. Не проходило и года, чтобы искатели сокровищ и просто любители старины не выкапывали клад или древнюю постройку. Значительный толчок кладоискательству дало Нимское наводнение 1557 года, когда вода размыла многовековые наслоения почвы над забытыми памятниками. Ученые-эрудиты выискивали в античных сочинениях указания на сокровища, чтобы попытаться напасть на их следы. Например, знаменитое толосское золото, похищенное около 105 года до н. э. у галлов консулом Цепионом и пропавшее в районе Толосы (Тулузы), волновало не одно поколение искателей сокровищ. Кроме золота и построек, которые интересно было бы откопать, людей занимали предания о «философских лампах» – источниках света, которые римляне оставляли в гробницах и которые были способны гореть веками.

Нет ничего удивительного в том, что античному наследию посвящен обширный блок предсказаний Нострадамуса. Тему кладоискательства открывает катрен 1—21:

Profonde argille blanche nourir rochier,
Qui d'un abysme istra lacticineuse,
En vain troubles ne l'oseront toucher
Ignorans estre au fond terre argilleuse.

Глубинная белая глина вскормит скалу, —
Та, молочного цвета, что сочится из пропасти.
Напрасно обеспокоенные люди не осмелятся дотронуться до нее,
Не зная, что в глубине есть глинистая почва.

Отложения кальция на скалах и в пещерах действительно имеют молочный цвет. В письме кладоискателям Нострадамус писал о знаменитом античном кладе, якобы спрятанном в пропасти в крепости Константен близ Лансона в Провансе: «Под аркой Секста, в трех милях к западу, находится место, именуемое из-за его надежности Константеном, где, если смотреть в сторону моря, имеется приподнятый полукруг, в котором есть светящаяся

расселина в скале. Во времена Марка Антония проконсулом Аромином при власти Цезаря была заполнена именно эта пропасть. И да будут уверены искатели, что найдут там упомянутые останки главы триумвирата. В прошлом люди искали там сокровища и обнаружили плиту из мрамора и металлического свинца под белой глиной, поддерживающей скалу, а по правую руку там есть скрытая пропасть, и пусть поберегутся на глубине в 33 туазы (60 метров. – *А.П.*), сокровище лежит в стороне женщины на белом штандарте».[153]

О «сокровище Константена» среди кладоискателей и ученых-эрудитов (к которым относился и Мишель Нострадамус) издавна ходили легенды. В XVII веке несколько смельчаков попытались спуститься туда, но экспедиция кончилась трагически: все, кто побывал в пещере, умерли от удушья, сопровождаемого галлюцинациями. Кроме того, исследователи жаловались на массу слепней величиной с палец, до того больших, что они таскали колосья с близлежащих полей; кладоискатели говорили также, что при спуске у них погасли лампы. Сообщалось, что археологи-самоучки все же нашли некие отдельные римские артефакты.

В 1946 году спелеологи из Тараскона предприняли новую попытку спуститься в пещеру. Команда установила, что пропасть имеет приблизительно 90 метров в глубину. Спуск был прекращен после того, как газоанализатор показал опасную для жизни концентрацию углекислого газа. Это объясняет и затухание ламп, и гибель кладоискателей от удушья, и галлюцинации. О более поздних исследованиях Константена ничего не известно.

Судя по этому и многим другим катренам, Нострадамус серьезно интересовался античными сокровищами. Сведения, которые он сообщил кладоискателям, явно взяты из какого-то древнего источника. В катрене 1—27 появляется знаменитое толосское золото:

> Dessoubz de chaine Guien du ciel frappe,
> Non loing de la est cache le tresor,
> Qui par longs siecles avoit este grappe,
> Trouve mourra, l`oeil creve de ressort.
>
> В Гиени под дубом, пораженным с неба,
> Недалеко от него скрыто сокровище,
> Похищенное много веков назад.
> Нашедший умрет – глаз выбит пружиной.

Сообщение древнегреческого географа и историка Страбона

(География, IV, I, 13) гласит: «Далее передают, что тектосаги (племя галлов, проживавшее в районе современной Тулузы. – *А.П.*) участвовали в походе на Дельфы, и даже сокровища, найденные у них в городе Толосе римским полководцем Цепионом, говорят, представляют часть ценностей, захваченных ими в Дельфах, хотя местное население прибавило к этой добыче и часть своих личных драгоценностей, посвящая их богу, чтобы умилостивить его; Цепион же, присвоив эти сокровища, из-за этого бедственно окончил жизнь, так как родина изгнала его как святотатца… Рассказ Посидония более правдоподобен: он говорит, что сокровища, найденные в Толосе, составляли около 15 тысяч талантов. Часть из них хранилась в скрытых помещениях, а часть – в священных прудах. Это был металл без чекана, просто золото и серебро в необработанном виде… Ввиду того что страна была богата золотом и принадлежала народу богобоязненному и скромного образа жизни, во многих местах Кельтики хранились сокровища; безопаснее всего хранить сокровища было в прудах, куда опускали куски серебра и даже золота. Во всяком случае римляне после завоевания страны продавали эти пруды в пользу государственной казны, и многие из тех, кто купил их, находили там кованые куски серебра. И вот в Толосе было именно такое святилище, весьма почитаемое окрестными жителями, поэтому в нем скопилось чрезвычайно много сокровищ, ибо многие посвящали их божеству, причем никто не осмеливался посягать на них».

Толосское золото пропало еще в античные времена, но в эпоху Возрождения эрудиты не оставляли надежду найти его. Нострадамус, соединяя кладоискательский азарт с пророчеством, предупреждает: легко оно в руки не дастся.

В катрене 9–7 открытие гробницы также сулит несчастье от спрятанной в ней ловушки:

> Qui ouvrira le monument trouve,
> Et ne viendra le serrer promptement.
> Mai lui viendra & ne pourra prouve,
> Si mieux doit estre roy Breton ou Normand.
>
> Кто откроет обнаруженный монумент
> И проворно не закроет его,
> Того настигнет беда, и [он] не сможет испытать,
> Бретонский король лучше или нормандский.

Смысл последней строки неясен. Либо Нострадамус иронизирует по непонятному нам поводу, либо прав Жан-Поль

Клебер, полагающий, что открыватель не сможет определить, похоронен ли в гробнице король Нормандии или Бретани.

Впрочем, в трех катренах подряд (8—28, 8—29, 8—30) Нострадамус предсказывает находку древнего сокровища:

Les simulachres d'or & d'argent enf[i]lez,
Qu'apres le rapt au lac furent gettez
Au descouvert estaincts tous & troublez.
Au marbre escript presciptz intergetez.

Попавшие в сети изваяния из золота и серебра,
Которые после похищения были брошены в озеро,
К обнаружению потускнели и помутнели,
Письмена на мраморе разрушены и перемешаны.

Au quart pillier Ion sacre a Saturne.
Par tremblant terre & deluge fendu
Soubz l`edifice Saturnin trouvee urne,
D'or Capion ravy & puis rendu.

У четвертой колонны, посвященной Сатурну,
Расколотой землетрясением и наводнением,
Под Сатурниновым зданием найдена урна
С золотом, похищенным Цепионом и теперь возвращенным.

Dedans Tholoze non loing de Belvezer
Faisant un puy loing, palais d'espectacle
Tresor trouve un chacun ira vexer,
Et en deux locz tout & pres del vasacle.

В Тулузе, недалеко от Бельвезера
Во время рытья глубокого котлована [под] дворец для представлений
Найдено сокровище, тревожащее каждого,
И все – в двух местах близ Базакля.

«Сатурниново здание» – тулузская церковь Нотр-Дам-де-Тор, где похоронен святой Сатурнин. Базакль – район Тулузы, Бельвезер – городок к северу от нее.

В катрене 9—12 нищий гончар, обнаружив пресловутое толосское золото, становится богачом:

Le tant d'argent de Diane & Mercure

Les simulachres au lac seront trouvez,
Le figulier cherchant argille neufve
Luy & les siens d'or seront abbrevez.

Большие серебряные Дианы и Меркурия
Изваяния будут найдены в озере
Гончаром, искавшим новой глины.
Он и его близкие озолотятся.

Катрен 5–7 предсказывает обнаружение гробницы исторического деятеля:

Du triumvir seront trouvez les oz,
Cherchant profond tresor aenigmatique,
Ceulx d'alentour ne seront en repoz,
De concaver marbre & plomb metalique.

Будут найдены кости триумвира
Во время глубоких поисков таинственного сокровища.
Окрестный люд, не зная отдыха,
Вгрызается в мрамор и металлический свинец.

Триумвир – член триумвирата, дважды возникавшего в конце существования Римской республики в I веке до н. э. Первый триумвират объединял Юлия Цезаря, Гнея Помпея и Марка Красса, во второй входили Октавиан Август, Марк Антоний и Марк Лепид. Из свинца в римское время изготовлялись крышки гробниц. Об обнаружении гробницы императора Августа – фигуры, очень популярной в эпоху Возрождения, – объявлялось в 1519 и 1521 годах, но оба раза сообщения оказывались ложными. Возможно, Нострадамус имеет в виду события 1555 года. Тогда в районе Анкары послы императора Фердинанда II обнаружили плиты с записанной на них биографией Октавиана – «Деяниями божественного Августа».

В катрене 5—57 тема сокровищ причудливо переплетается с детскими воспоминаниями Нострадамуса:

Istra du mont Gaulsier & Aventin,
Qui par le trou advertira l`armee:
Entre deux rocz sera prins le butin,
De SEXT mansol faillir la renommee.

Пойдет от холмов Госье и Авентина

[Тот,] который через дыру предупредит армию.
Между двумя скалами будет взята добыча.
Падет доброе имя мавзол[ея] Секста.

Высокий каменистый холм Госье и мавзолей Секста, входящий в комплекс античных построек Гланум (арка и мавзолей, надпись на котором начинается со слова SEXT), находятся в непосредственной близости от родины Нострадамуса – Сен-Реми. Авентин – один из семи холмов Рима. Вероятно, Нострадамус усмотрел внешнее сходство между Авентином и Госье. Рядом с холмом Госье есть ущелье (две скалы) с большой дырой, выходящей на главную дорогу; это ущелье идеально подходит для размещения дозора, могущего предупредить о чем-либо армию, идущую на юг или на север. Что до третьей строки, то древняя провансальская легенда гласит, что испанский эмир Абдель Рахман в стародавние времена спрятал в районе двух скал у Госье сказочный клад – «сокровище Золотого руна».

В катрене 8—34 вновь появляются руины Гланума:

Apres victoire du Lyon au Lyon
Sus la montaigne de JURA Secatombe
Delues & brodes septieme million
Lyon, Ulme a Mausol mort & tombe.

После победы Льва в Лионе
На горе Юра гекатомба.
Дофине и [Э]брод[ун] – седьмой миллион —
Лев, «Вяз» [Сен-Поль-де-]Мозоля, покойник и могила.

Горный массив Юра тянется между Савойскими Альпами и Шварцвальдом. Делюс – маленький населенный пункт рядом с Безансоном, во Франш-Конте. Под *Delues,* вероятно, следует понимать жителей Дофине, а под *Brodes* – савойцев. «Вязовым» назывался главный портал монастыря Сен-Поль-де-Мозоль вблизи родного города Нострадамуса Сен-Реми. Что касается «льва» в последней строке, то речь идет о скале причудливой формы на холме Госье, которую местные жители до сих пор называют именем царя зверей. Однако все остальное в катрене совершенно непонятно. Малая родина Нострадамуса появляется и в катрене 4—27:

Salon, Mansol, Tarascon de SEX l`arc,
Ou est debout encor la piramide,

Viendront livrer le prince Dannemarc
Rachat honni au temple d'Artemide.

Салон, [монастырь Сен-Поль-де-]Мозоль, Тараскон, арка Секс[та],
Где еще возвышается пирамида,
Отдадут датского принца;
Постыдный выкуп в храме Артемиды.

Рядом с монастырем Сен-Поль-де-Мозоль (мавзолей Святого Павла) находится упомянутый уже Гланум, группа античных руин. Среди них – не только мавзолей Гланум и арка Секста, но и каменная стела; словом «пирамида» в среднефранцузском языке назывались самые различные античные обелиски, стелы и т. д. «Пирамидой» этот монумент называют до сих пор. Артемида – греческая богиня охоты и дикой природы. «Датский принц» отсылает читателя к древней провансальской легенде, согласно которой некий правитель датчан (возможно, викингов) был некогда разгромлен в Камарге.

8-46
Pol mensolee mourra trois lieuës du rosne,
Fuis les deux prochains tarasc destrois:
Car Mars fera le plus horrible trosne,
De coq & d'aigle de France freres trois.

[В] мавзолее [Святого] Павла умрет в трех лье от Роны,
Убежав двумя ближайшими проходами у тараски.
Поскольку Марс произведет ужаснейшую грозу
[Меж] Петухом и Орлом [и] тремя братьями Франции.

Мавзолей Святого Павла действительно находится в трех лье от Тараскона, что на берегу Роны. На этой реке между Бокером и Тарасконом находится опасный из-за своих водоворотов и утесов проход. Согласно легенде, там живет тараск – в провансальском фольклоре чудовище, полузверь-полурыба, обитавшее в лесу близ Роны и пожиравшее путников и моряков с проплывающих мимо судов. «Петух» – Франция, «Орел» – Священная Римская империя.

«Три брата» остаются неидентифицированными – возможно, это союзники Франции. Катрен явно описывает сражения за Прованс; как известно, «Орел» при жизни Нострадамуса дважды вторгался на родину пророка.

Впечатляющая картина несметных сокровищ изображена в

катрене 5—66:

> Soubz les antiques edifices vestaulx,
> Non esloignez d'aqueduct ruyne:
> De Sol & Luna sont les luisans metaulx.
> Ardante lampe Traian d'or burine.
>
> Под древними постройками весталок,
> Недалеко от разрушенного акведука,
> Есть блестящие металлы Солнца и Луны,
> Пылающая лампа, [изваяние] Траяна, вырезанное из золота.

«Постройки весталок» – храм богини Весты. Жрицы богини, весталки, обязаны были поддерживать постоянный священный огонь. «Разрушенный акведук» – знаменитый древнеримский акведук Пон-дю-Гар (49 метров высотой), соединяющий города Юзес и Ним. «Блестящие металлы Солнца и Луны» – золото и серебро. Марк Ульпий Траян – римский император (53—117), при котором империя достигла своих максимальных границ. Нострадамусу Траян мог быть интересен и тем, что, согласно легенде, этот император занимался астрологией.

Помимо изваяния Траяна и прочих сокровищ, в склепе, описанном Нострадамусом, замурована так называемая «философская лампа» или «неугасимая лампада». Легенды о таких светильниках пользовались стойкой популярностью на протяжении многих веков. Святой Августин в своем трактате «О граде Божием» (XXI, 6) оставил описание волшебной лампы в храме Изиды в Египте, которую не могли потушить ни дождь, ни ветер. В 1401 году близ Рима была обнаружена гробница сына троянского царя Эвандра, освещенная подобной «вечной лампой»; огонь ее якобы горел 2600 лет.[154] Наиболее обширный свод подобных случаев оставил итальянский гуманист Эрмолао Барбаро (1410–1471), известный своим переводом басен Эзопа (именно его письмо с описанием свадебного пиршества Нострадамус опубликовал в своем сборнике рецептов в переводе на французский язык). Например, Барбаро описал найденную в 1450 году в земле падуанским крестьянином «философскую лампу» с горящим пламенем. На урне, в которой она находилась, читались надписи на латыни, посвящающие ее в дар Плутону от имени Максима Оливия.[155] Итальянский ученый Гвидо Панчиролли

(1523–1599) рассказывает, что в апреле 1485 года на Аппиевой дороге, близ Рима, была открыта гробница Туллии,

дочери Цицерона, умершей в 44 году до н. э. Археологов поразила лампа, горевшая в гробнице 1500 лет.[156] Трудно судить, сколько в этих историях правды. Известно, что позднее, в 1669 году, поиск состава, способного давать неугасимый свет, привел алхимика Бранда к открытию фосфора.

В катрене 7—14 серпоносец Сатурн становится причиной наводнений, обнажающих античные памятники, а также новой волны протестантизма:

> Faulx exposer viendra topographie,
> Seront les cruches des monuments ouvertes
> Pulluler secte, faincte philosophie,
> Pour blancs, noires, & pour antiques verts.
>
> Серп выставит напоказ топографию,
> Будут явлены урны памятников.
> Размножатся секты, фальшивое любомудрие,
> [Выдавая] за белое – черное и незрелое – за древнее.

Слово «топография» – «описание мест» – ошибочно используется Нострадамусом в значении «место» как таковое.

В катрене 8—27 в Провансе находят некие латинские надписи, связанные с римским императором:

> La voye aurelle l'une sur l'autre fornix
> Du muy deser hor mis brave & genest,
> L'escript […] d'empereur le fenix
> Veu en celuy ce qu'a nul autre n'est.
>
> Аврелиева дорога, одна арка на другой,
> Кроме крупки и дрока пустыни Ле-Мюи,
> […] надпись императора-феникса,
> Увиденном в том, кем не является никто иной.

Аврелиева дорога (на латыни *Via Amelia per Alpes Maritimas)* – путь от Рима до Арля через Приморские Альпы и Прованс. Дорога была построена при императоре Августе и до сих пор являет собой уникальный памятник древнеримского дорожного строительства. Акведук, через который проходит участок этой дороги поблизости от города Фрежюса в Провансе, выглядит как череды арок друг на друге. Ле-Мюи – бесплодная степь к западу от Фрежюса, поросшая крупкой (научное название «драба альпийская») и золотистым дроком.

Третья строка неясна; в ней не хватает двух слогов, возможно, слова *trouvee* – «найдена». Феникс – мифическая птица, обладающая способностью сжигать себя и вновь возрождаться из пепла. Выступала в качестве символа монарха: умирая, она оставляла после себя единственного потомка, «наследника». Согласно некоторым вариантам легенды, именно «наследник» предает огню тело родителя. В «Анналах» Тацита (VI, 28) читаем: «В консульство Павла Фабия и Луция Вителлия (34 год н. э. – *А.П.*) после длительного круговорота веков птица феникс возвратилась в Египет и доставила ученым мужам из уроженцев этой страны и греков обильную пищу для рассуждений о столь поразительном чуде». Это сообщение о явлении Феникса было воспринято как предзнаменование кончины императора Тиберия, последовавшей два года спустя.

В катрене 8—66 обнаруживается гробница еще одного великого римлянина:

> Quand l`escriture D.M. trouvee,
> Et cave antique a lampe descouverte,
> Loy, Roy, & Prince Ulpian esprouvee,
> Pavilion Royne & Duc sous la couverte.
>
> Когда [будет] обнаружена надпись D.M.
> И открыта пещера с древним светильником,
> Закон, король и принц испытаны Ульпианом,
> Под балдахином королева и герцог под покровом.

D.M., то есть *Deis Manubis,* «богам Манам» – традиционное посвящение на древнеримских надгробиях, служившее также началом эпитафии. Маны – обожествленные души умерших, связанные с переходом людей в царство теней; также боги преисподней. Светоний в жизнеописании Тиберия (75) сообщает, что, когда Тиберий умер, некоторые римляне «молили Землю-мать и богов Манов не давать покойнику места, кроме как среди нечестивцев». Маны появляются и в «Переводе „Иероглифики“ Гораполлона»: «как они [египтяне] обозначали подземных богов, которых они именовали Майами, D.M.». Кого следует понимать под именем Ульпиана, неясно. Возможно, это император Траян *(Marcus Ulpius Trajanus)* либо Домиций Ульпиан (170–228) – римский юрист, автор фундаментальных сочинений по римскому праву. Во всяком случае, чем занимались герцог и королева, остается неясным, хотя догадаться об этом можно.

В катрене 9—32 находка римской гробницы с капитальными надписями (древнейшее латинское монументальное письмо)

служит предвестием морской войны:

De fin porphire profond collon trouvee
Dessoubz la laze escriptz capitolin.
Os poil retors Romain force prouvee,
Classe agiter au port de Methelin.

В глубине найдена колонна драгоценного порфира.
Под плитняком – капитальные надписи,
Останки с вьющимися волосами. Римская доблесть подвергнута испытанию:
Флот поколеблен в порту Митилена.

9-84
Roy expose parfaira l`hecatombe,
Apres avoir trouve son origine,
Torrent ouvrir de marbre & plomb la tombe
D'un grand Romain d'enseigne Medusine.

Король-подкидыш завершит гекатомбу,
Узнав о своем происхождении.
Бурный поток обнажит гробницу из мрамора и свинца
Великого римлянина с медузой на штандарте.

Медузы, в древнегреческой мифологии крылатые чудовища, чей взгляд превращает живое существо в камень, изображались на штандартах триумвиров Октавиана, Лепида и Антония. О ком из них идет речь, непонятно. Важно, что в этом случае, как и во многих других, взгляд предсказателя обращен не в будущее, а назад, в глубины античной истории, которую прекрасно знали сам Нострадамус и его современники-эрудиты.

Глава шестая
БЕЗЖАЛОСТНЫЕ СТРАТАГЕМЫ

Особое место в «Пророчествах» Нострадамуса занимает тема жестокостей и ужасов войны. XVI век в этом отношении знаменовал собой переломный момент в военной истории. Многочисленные конфликты требовали все больших армий, в которых сражались теперь не только (и не столько) дворяне. Все чаще и чаще приглашаются наемные солдаты, формировавшиеся в соединения по национальному или региональному принципу – например швейцарская пехота, немецкие ландскнехты и рейтары, албанские и далматинские кавалеристы, кастильские «терсиос», гасконская и шотландская пехота (кстати, провансальцы, соплеменники Нострадамуса, имели репутацию людей миролюбивых и, следовательно, плохих солдат). Разумеется, дворяне в таких отрядах составляли меньшинство.

Технические новшества – огнестрельное оружие и артиллерия – «обезличивали» смерть. Пули и осколки пушечных ядер прилетали как бы неизвестно откуда, от противника, которого не видишь в лицо, и отразить их не было никакой возможности ни новичку, ни старому опытному воину. Перед свинцом все были равны, и офицеры вместе с редкими солдатами-дворянами вынуждены были принимать новые правила игры. Отныне их поведение, а стало быть, и приказы уже не определялись «благородными» рыцарскими обычаями войны, бытовавшими в Средневековье. Новые традиции были весьма негуманными. Обычным делом стала беспощадность, доходившая до крайней жестокости к врагу, его мирному населению, а очень часто – и к своему собственному.

Надо сказать, что такое одичание армий имело конкретные причины. В войсках не было амбулаторного лечения, как и санитарной службы. Очень часто раненому на поле боя не обеспечивались элементарные уход и лечение; сплошь и рядом солдаты добивали как раненых врагов, так и своих собственных боевых товарищей. Военно-полевая хирургия находилась в самом зачатке, до открытия анестетиков и антисептиков любая операция – от зашивания раны до ампутации – превращалась в пытку с сомнительным исходом. Став инвалидом или просто состарившись, солдат не имел права на какую-либо социальную защиту – ни пенсии, ни крыши над головой. В монастыри военных брали крайне неохотно из-за дурной репутации и «отягощенности грехом убийства». Впрочем, что говорить об инвалидах – даже

здоровые и крепкие воины после заключения мира и роспуска армии оказывались обездоленными.

Все это стало причиной новой солдатской психологии – «живи сегодняшним днем и бери от жизни все, что можешь». В Средние века этим принципом руководствовались разве что пираты и разбойники; в Новое время разбойниками стали едва ли не все солдаты регулярных армий. Их небрежное отношение к жизни, своей и особенно чужой, приводило к эксцессам, ввергавшим в ужас даже привыкших ко многому современников. В 1541 году в стычке у местечка Мопа в Италии солдаты французского маршала Блеза Монлюка, разозленные гибелью одного из их боевых товарищей, сожгли заживо солдат противника, загнав их в дома. В 1551 году в местечке Мобер капитан Гурд и 25 его солдат (преимущественно дворяне), попав в плен к имперцам, были заживо изрублены на куски. 28 октября 1552 года в бою у Невшателя бургундцы и ландскнехты принца Альбрехта Бранденбургского перерезали 200 французских дворян из роты д'Омаля, в том числе сдавшегося в плен принца крови герцога Рогана. В битве при Ренти в июне 1553 года французы устроили резню отступавших противников, невзирая на происхождение; герцог Эммануил-Филиберт Савойский и испанский принц Фернандо чудом спаслись, спрятавшись в лесу.

Испанский маркиз де Гуаст, осаждавший город Мондови в Пьемонте, пообещал честью дворянина сохранить жизнь, свободу и оружие защитникам города. Однако после капитуляции де Гуаст нарушил слово и велел перебить весь гарнизон – более 1200 человек швейцарцев, французов и итальянцев. 10 марта 1555 года герцог Альба взял замок Фрасинет; его комендант был повешен, французских солдат сослали на галеры, а итальянцев просто перерезали. Французы, мстя за гибель капитана Ракана, повешенного испанцами после штурма города Сан-Мартин, при взятии замка Гравезан вздернули испанского капитана и шестерых солдат, а остальной гарнизон перебили. 31 октября 1554 года маршал Монлюк, оборонявший Сиену, выпустил из города несколько тысяч стариков, женщин и детей, чтобы спасти их от голода. Испанцы устроили им резню, сопрождавшуюся актами беспрецедентного садизма, от которых становится не по себе даже современному историку, знакомому с жестокостями Второй мировой войны.

Вероломство, резня мирного населения и пленных, жестокие военные хитрости – все «прелести» новой войны – не ушли от внимания Нострадамуса. Его «Пророчества» в полной мере отразили страх и отвращение, которые испытывали мирные европейцы перед бесчинствами армий – как своих, так и чужих.

Эти зверства особенно контрастировали с расцветом культуры и учености, являя собой один из трагических парадоксов позднего Возрождения.

Вот, например, катрен 1—30:

> La nef estrange par le tourment marin
> Abourdera pres de port incongneu,
> Nonobstant signes de rameau palmerin
> Apres mort, pille: bon avis tard venu.
>
> Иноземный неф из-за морской бури
> Причалит у неизвестного порта.
> Несмотря на знаки, подаваемые пальмовой ветвью,
> После – смерть, грабеж; добрый совет опоздал.

Неф – одномачтовый грузовой и транспортный корабль, достигавший длины 20–23 метров и 200 тонн водоизмещения. В XVI веке пальмовая ветвь уже была символом мира; нередко она использовалась в том же значении, что и белый флаг в наши дни. В этом катрене моряки махали пальмовой ветвью, чтобы уверить порт в своих добрых намерениях и бросить якорь для ремонта и отдыха, им позволили войти в порт, после чего морякам пришлось раскаяться в своей доверчивости… Синтаксис катрена допускает и иное прочтение – моряки обманули горожан и устроили резню и грабеж мирных жителей; однако логика подсказывает, что с командой блудного нефа, вдобавок потрепанного непогодой, жители города справились бы без труда.

В катрене 1—33 описана характерная для эпохи Итальянских войн тактика взятия города: артиллерия размещается на господствующих высотах, и после первого же обстрела город сдается, чтобы артиллерия не уничтожила его целиком:

> Pres d'un grant pont de plaine spatieuse,
> Le grand lyon par force Cesarees
> Fera abbatre hors cite rigoreuse,
> Par effroy portes luy seront reserees.
>
> Около большого моста, у просторной долины
> Великий Лев при помощи сил цезаря
> Обстреляет из орудий упрямый город.
> Из страха ворота перед ним будут распахнуты.

«Цезарь» здесь – император Священной Римской империи, а

«Великий Лев» – вероятно, крупный полководец, как и в катрене 1—35:

Le lyon jeune le vieux surmontera.
En champ bellique par singulier duelle,
Dans caige d'or les yeux luy crevera:
Deux classes une, puis mourir, mort cruelle.

Молодой лев победит старого
На ратном поле в одиночном поединке.
В золотой клетке выколет ему глаза.
Из двух флотов – один, затем умрет жестокой смертью.

Этот катрен, как уже говорилось, был без особых оснований принят за предсказание гибели короля Генриха II на турнире. В нем изображен поединок двух воинов, молодого и старого, причем старый носит золотой (или золоченый) шлем. На щитах обоих воинов изображены львы. Глаза, слабо защищенные щитком забрала, считались во времена Нострадамуса самой уязвимой частью тела закованного в латы воина: при попадании туда копьем тяжелая травма была почти неминуема. Фраза «из двух флотов – один» подразумевает, что из двух флотов победит один. Сравните: «…море наполовину наполнится различными кораблями и флотами как христианскими, так и варварскими: из двух флотов – один» *(Alm. 1563, PQ avril)*. Вероятно, здесь продолжается тема аллегорических миражей-сражений: поединок двух воинов в небе предрекает победу одного из флотов. Остается добавить, что золоченый шлем ассоциируется с имперскими знаками достоинства. Не исключено, что предсказание имеет патриотический смысл и означает победу французов над имперцами.

В катрене 3—71 обстоятельства оборачиваются против осаждающих, в то время как осажденным удается выстоять:

Ceux dans les isles de long temps assieges
Prendront vigueur force contre ennemis:
Ceux par dehors morts de faim profliges,
En plus grand faim que jamais seront mis.

Люди на островах в долгой осаде
Наберутся мужества и силы против своих врагов;
Люди снаружи, мертвые от голода, побежденные,
Изголодаются как никогда.

Голод, главное оружие осаждающих, действительно нередко обращался им во вред; перебои со снабжением армии вынуждали ее снимать осаду.

4-8
La grand cite d'assaut prompt repentin
Surprins de nuict, gardes interrompus
Les excubies & veilles sainct Quintin,
Trucides, gardes & les pourtails rompus.

Большой город быстрым и внезапным штурмом
Ночью захвачен врасплох, караулы прерваны.
[В час] ночной службы в канун дня святого Квентина
Стража перебита и ворота взломаны.

В этом катрене современники увидели предсказание взятия крепости Сен-Кантен испанскими войсками летом 1557 года (катрен был впервые опубликован в 1555 году, за два года до этого события). «Реализация» пророчества вдохновила Пьера Ронсара на знаменитые стихи во славу Нострадамуса в «Элегии Гийому Дезотелю». Действительно ли Нострадамус предвидел падение Сен-Кантена? Ответ на этот вопрос может дать только адекватный перевод третьей строки. Пьер Брендамур полагает, что речь идет не о Сен-Кантене как имени города, а о святом Квентине, чей день приходится на 30 или 31 октября, или о святом Квинтии, чей день приходится на 1 апреля (по другим данным – 29 и 31 марта). Жан-Поль Клебер спорит с Брендамуром и утверждает, что третью строку следует читать как «Охрана и часовые Сен-Кантена». Нелишне уточнить в этой связи, что Сен-Кантен был взят после 16-дневной осады и штурма, а не путем ночной атаки на городские ворота. Сам Нострадамус, насколько известно, никак не комментировал это предсказание.

О военных нравах XVI века свидетельствует катрен 4—15:

D'ou pensera faire venir famine,
De la viendra le rassasiement:
L'oeil de la mer par avare canine
Pour de l'un l'autre donrra liuyle, froment.

Откуда ожидали голода,
Придет насыщение:
Морское око вследствие собачьей жадности
Всем подряд будет отдавать масло и зерно.

Скорее всего, под «морским оком» подразумевается некий адмирал, ведающий блокадой вражеского города. Не устояв перед искушением, он станет тайком продавать врагам продовольствие – в нарушение королевского приказа, зато с немалой пользой для собственного кармана. По тем временам такое поведение отнюдь не было чем-то необычным.

Катрен 4—92 описывает интриги среди военных, также весьма обычные в XVI веке:

Teste tranchee du vaillant capitaine,
Sera gette devant son adversaire:
Son corps pendu de sa classe a l`antenne,
Confus fuira par rames a vent contraire.

Отрубленная голова храброго капитана
Брошена к ногам его соперника.
Его тело, повешенное на морской рее,
Понесется на веслах, колеблемое встречным ветром.

В катрене 5–8 попытка применить зажигательную смесь против города приводит к обратному результату:

Sera laisse le feu vif, mort cache,
Dedans les globes horrible espouventable,
De nuict a classe citй en pouldre lasche,
La cite a feu l`ennemy favorable.

Будет выпущен живой огонь; смерть скрыта
Внутри шаров – страшная, чудовищная.
Ночью город выпустит порох во флот.
Город в огне, врагу повезло.

В катрене 6—34 мы встречаем древнее осадное орудие – катапульту, использующую в качестве снарядов воспламеняющиеся вещества:

De feu volant la machination.
Viendra troubler au grand chef assieges:
Dedans sera telle sedition,
Qu'en desespoir seront les profliges.

Огнеметательная машина
Потревожит осажденного великого вождя.

Внутри произойдет такой бунт,
Что побежденные впадут в отчаяние.

Катрен 6—92 описывает зверства по отношению к пленной даме (или заложнице):

Prince de beaute tant venuste,
Au chef menee, le second faict trahy:
La cite au glaifue de pouldre, face aduste,
Par trop grand meurtre le chef du roy hay.

Принц [есса] столь изящной красоты
Отведена к вождю; тот заставил предать
Город; мечом в порохе сожжено лицо.
Из-за слишком большого убийства королевский вождь ненавидим.

В катрене 7—40 солдаты, спрятавшись в бочках, подобно сорока разбойникам из арабской сказки, захватывают городские ворота:

Dedans tonneaux hors oingz d'huille & gresse
Seront vingtun devant le port fermes:
Au second guet par mort feront prouesse,
Gaigner les portes & du guet assommes.

Внутри бочонков, снаружи перемазанных маслом и жиром,
21 человек закроются перед портом.
Во вторую стражу совершат подвиг ценой жизни:
Отобьют ворота и будут убиты стражей.

В катрене 8—21 флот выступает разносчиком заразы:

Au port de Agde trois fustes entreront
Portant l`infect non foy & pestilence
Passant le pont mil milles embleront,
Et le pont rompre a tierce resistance.

В порт Агд войдут три фусты,
Неся зловоние, безбожие и заразу.
Проходя мост, похитят тысячу тысяч,

И мост сдастся на третьем приступе.

Агд (Агата) – порт в Юго-Западной Франции; чума в нем бушевала в 1348 году, будучи занесена из Марселя во время общеевропейской эпидемии. В портовых городах чума обычно появлялась с крысами в трюмах кораблей; об этом Нострадамус писал и в альманахах: «В латинских регионах случатся очень опасные [болезни] от заразного контагия, не только по земле, но и посредством морских флотов» (LGP 1557).

В катрене 9—82 мор и стихия помогают войскам захватить город:

Par le deluge & pestilence forte
La cite grande de long temps assiegee,
La sentinelle & garde de main morte,
Subite prinse, mais de nul oultragee.

Наводнением и сильным мором
[Будет] долго осаждаем большой город.
Часовые и стража убиты в рукопашной.
Внезапный захват, но никаких бесчинств.

Договоренности воюющих сторон об обмене пленными при подписании мира нередко нарушались, о чем повествует катрен 10—1:

A l`ennemy l`ennemy foy promise
Ne se tiendra, les captifs retenus:
Prins preme mort & le reste en chemise,
Damne le reste pour estre soustenus.

Клятва, данная врагом врагу,
Не будет сдержана, пленные удержаны.
Взявший награду [предан] смерти, а остальные [убиты] в рубахах.
Прокляты остальные за то, что получали поддержку.

В катрене 10—4 бегство с поля боя не портит репутацию военачальника:

Sus la munuict conducteur de l`armee
Se saulvera, subit esvanouy,

Sept ans apres la fame non blasmee,
A son retour ne dira oncqu ouy.

В полночь предводитель армии
Спасется, внезапно исчезнет.
Семь лет спустя с незапятнанным именем
По его возвращении никогда не скажут о том, что слышали.

В катрене 10–13 солдаты пробираются в город под грузом фуража, что было распространенной военной хитростью еще в античное время:

Soulz la pasture d'animaux ruminant
Par eux conduicts au ventre herbipolique
Soldatz caichez les armes bruit menant,
Non loing temptez de cite Antipolique.

Под кормом для жвачных животных,
Привезенным ими в чрево травяного рынка,
Солдаты спрятались, бряцая оружием.
Бросятся в атаку недалеко от города Антиполя.

Антиполь – это Антиб, город в Савойе близ Ниццы. Согласно легенде, ту же хитрость применили воины галльского племени сегобригов, пробравшихся на праздник Флоры близ Массилии.

В катрене 10–82 военная фортуна демонстрирует свои капризы:

Cris, pleurs, larmes viendront avec coteaux
Semblant fouyr donront dernier assault
Lentour parques planter profons plateaux,
Vifs repoulsez & meurdrys de prinsault.

Крики, плач, слезы придут вместе с ножами, —
Делая вид, что убегают, предпримут последнюю атаку.
окрестностях укрепленных лагерей глубоко вобьют заостренные частоколы,
[Но будут] живо и внезапно отброшены и перебиты.

В катрене 10–88 под мирным грузом снова прячутся военные – на сей раз моряки:

Piedz & Cheval a la seconde veille
Feront entree vastient tout par la mer,
Dedans le poil entrera de Marseille,
Pleurs, crys, & sang, onc nul temps si amer.

Пеше и конно во вторую стражу
Войдут, опустошая все у моря.
В [грузе] шерсти войдут в Марсель;
Плач, крики и кровь, никогда не было столь горького времени.

Отметим поэтичность катрена 10–97, где беспечность капитана приводит флот в руки пиратов:

Triremes pleines tout aage captif,
Temps bon a mal, le doux pour amertume:
Proye a Barbares trop tost seront hastifs,
Cupid de veoir plaindre au vent la plume.

Триремы полны пленниками всех возрастов.
Погода меняется с хорошей на плохую, сладость сменяется горечью.
Добыча слишком рано поторопится к варварам,
Алчно глядящим, как жалуется перо на ветру.

Французский фразеологизм «бросать перо на ветер» означает «отдаться на волю судьбы». Вольный и жестокий ветер авантюры дышит во всех приведенных катренах, предсказания которых, однако, соответствуют слишком многим обстоятельствам тогдашних войн, чтобы указывать на какие-либо определенные события.

Глава седьмая
ГОРОДА ОБРЕТАЮТ ИМЕНА

Уже при жизни Нострадамуса в продаже появились первые печатные путеводители, адресованные паломникам, торговцам и работникам, отправившимся искать заработок куда глаза глядят. Во Франции самыми популярными и достойными доверия считались путеводители Этьенов по Франции, Европе и Ближнему Востоку *(Le guide des chemins de France, chez Charles Estienne, Paris, 1552; Les voyages de plusieurs endroits de France: & encores de la Terre Saincte, d`Espaigne, & autres pays, Les Fleuves du royaulme de France, chez Charles Estienne, Paris, 1552)*.

Эрудиция Нострадамуса охватывает не только крупные европейские центры, такие как Лион, Кельн, Будапешт, Лондон и другие. В его центуриях упоминается множество населенных пунктов, идентификация которых долго была затруднена: номенклатура географических названий в XVI веке еще не устоялась, а источники, которыми пользовался Нострадамус – а именно путеводители Этьенов, – были привлечены к исследованию «Пророчеств» сравнительно недавно. Тогда и оказалось, что Пьер-Бланш, Воторт, Бривьеска, Ранверсо, Курсан, Нарбон, Соль, Тюшан, Лаграс – не хитроумные анаграммы, обозначающие неизвестно что (или кого), а названия реальных населенных пунктов в устаревшем (но принятом в XVI веке) написании.

8-3
Au fort chasteau de Viglanne & Resviers
Sera serre le puisnay de Nancy:
Dedans Turin seront ards les premiers,
Lors que de dueil Lyon sera transy.

В крепости-замке Вильяны и Ревье
Будет заперт младший из Нанси.
В Турине будут сожжены первые,
Когда Лион оцепенеет от скорби.

Населенные пункты, указанные в первой строке, оказались крепким орешком для толкователей пророчеств Нострадамуса. Их не смог идентифицировать даже Жан-Поль Клебер – автор объемистого труда, подводящего итоги многолетних исследований. Между тем речь идет о городках Авильяна и

Ранверсо в Пьемонте, лежащих на дороге из Савойи. В том же виде они встречаются в «Путеводителе по дорогам Франции» Шарля Этьена (издание 1552 года): «Вильяна *(Viglanne),* Ревье *(Resviers),* госпиталь Св. Антония – 1 лье, Риволи – 2 лье, Турин – 2 лье».[157] Исследователей сбило с толку галлизированное написание названий городов (не будем забывать, что Пьемонт тогда был официально включен в состав Франции), а также то, что Ранверсо уже давно поглощен городом Бутильера-Альта и не существует как самостоятельный населенный пункт. Нанси – столица Лотарингии, вотчины Гизов, захваченная Генрихом II у Карла V. В катрене, таким образом, описываются Итальянские войны и возможное пленение кого-то из Гизов.

Однако не все населенные пункты, которые встречаются у Нострадамуса, удается идентифицировать. В катрене 8–5 обнаружение «философской лампы» служит предзнаменованием интриг в Швейцарии и кончины французского короля:

> Apparoistra temple luisant orne,
> La lampe & cierge a Bome & Breteuil.
> Pour la lucerne le canton destorne,
> Quand on verra le grand coq au cercueil.
>
> Появится сверкающий украшенный храм,
> Лампа и свеча – в Борне и Бретейе.
> Из-за отвращенного [от веры] кантона Люцерн
> Тогда увидят великого Петуха в гробу.

Борн – населенных пунктов с таким названием во Франции два, и оба находятся в Провансе, к северу от Монпелье. Кроме того, есть Ла-Борн к югу от Парижа и Ле-Борн рядом с Тулузой. Два города с названием Бретей находятся к северу и к западу от Парижа. Возможно, мы имеем здесь дело с искаженными названиями швейцарских населенных пунктов.

В катрене 8—22 мы также встречаем целую россыпь названий маленьких французских городков, лежащих на паломническом пути из Франции в аббатство Монсеррат в Испании. У Нострадамуса, однако, с гор в Восточные Пиренеи спускаются не паломники, а безжалостные солдаты в серых мундирах:

> Gorsan, Narbonne, par le sel advertir
> Tucham, la grace Parpignan trahye,
> La ville rouge n'y vouldra consentir.
> Par haulte vol drap gris vie faillie.

Курсан, Нарбон через Соль предупредят
Тюшан, Лаграс; Перпиньян предан.
Вильруж не пожелает с этим согласиться.
Через высоту [в] Вальс [спустится] серая ткань; жизнь окончена.

Катрен 8—48 также наполнен редкими топонимами:

Saturne en Cancer, Jupiter avec Mars,
Dedans Fevrier Chaldondon salvaterre.
Sault Castallon assailly de trois pars,
Pres de Verbiesque conflit mortelle guerre.

В соединении Сатурн в Раке, Юпитер с Марсом.
В феврале Сальдуондо, Сальватерра,
Кастулонский проход атакованы с трех сторон.
Сражения близ Бривьески; смертельная война.

Тройное соединение Марса, Юпитера и Сатурна в Раке имело место в феврале 1504 года. Сальдуондо, Сальватерра, Бривьеска – маленькие испанские поселки и городки на паломническом пути из Франции в город Сантьяго-де-Компостела в испанской провинции Галисия. Там с IX века покоится одна из самых почитаемых святынь католического мира – тело апостола Иакова, покровителя Испании. Городок Бривьеска (это слово имело несколько форм написания – *Birviesca, Birbiesca, Virviesca, Virvesca)* лежит на пути из Памплоны в Бургос. Кастулонский проход, он же Кастулонский лес, также находится на севере Испании. В том виде, в каком названия этих поселков появляются у Нострадамуса, они фигурируют в путеводителе Шарля Этьена, которым пророк явно широко пользовался.

В целом катрен описывает войну в испанских Пиренеях, где сражения шли еще в 1503 году. В 1520–1521 годах французы вторгались в Испанию, чтобы помочь восставшим против Карла V комунерос – городским общинам Валенсии и Каталонии. Комунерос, состоявшие в основном из горожан и крестьян, основали священную хунту (союз) в Авиле и требовали устранения иностранцев от всех должностей, обложения дворянства и духовенства налогами и восстановления древних вольностей народа. Несмотря на поддержку Франции, комунерос были разгромлены дворянским ополчением при Вильяларе 21 апреля 1521 года. При этом их движение окончательно не затихло, и Нострадамус мог предполагать, что оно еще даст о

себе знать в ближайшие годы.

Продолжает испанскую тему катрен 8—49:

Satur au beuf jove en l'eau, Mars en fleiche,
Six de Fevrier mortalite donra,
Ceux de Tardaigne a Bruge si grand breche,
Qu'a Ponteroso chef Barbarin mourra.

Сатурн в Быке, Юпитер в Воде, Марс в Стрел[ьц]е.
Шестого февраля даст пагубу
Людей Тардахоса, в Бургосе столь большая брешь,
Что в Монтерросо умрет варварский вождь.

Если под «Водой» понимать знак Водолея, то указанная конфигурация наблюдалась лишь в феврале 1499 и 1736 годов. Если «Вода» – один из зодиакальных знаков стихии Воды (Рак, Скорпион, Рыбы), то такая конфигурация складывалась в 1527, 1557, 1587 годах и т. д., но при этом ни разу не попадала на февраль. Тардахос и Монтерросо – маленькие испанские поселки на пути в Сантьяго-де-Компостела. *Bruge* – явная опечатка от *Burge* (Бургос). Этот город, бывшая столица Старой Кастилии, также находится на пути в Сантьяго.

О чуме в Испании повествует катрен 8—86:

Par Arnani tholoser ville franque,
Bande infinie par le mont Adrian,
Passe riviere, Hurin par pont la planque
Bayonne entrer tous Bilioro criant.

Через Эрнани, [малую] Толосу, Вильяфранку
Бесчисленное войско через гору [Сан-]Адриано
Пересечет реку Юрен по доскам моста,
Войдет в Байонну, все с криками «Но-о!».

Эрнани, Толоса, Вильяфранка – маленькие города в Северо-Западной Испании по ту сторону границы от Байонны; гора Сан-Адриано (Сьерра-де-Сан-Адриано) находится там же; Юрен *(Hurin)* – маленькая речка в районе границы. Все эти топонимы (в галлизированном виде) появляются в «Путешествиях…» Шарля Этьена: «Конец Французского королевства, река Юрен, Эрнани… Тулузетта… Вильфранк… Гора Сен-Адриан».

В последней строке Нострадамус предлагает читателю каламбур: крик *Bihoro* применялся для понукания лошадей;

одновременно это слово ассоциируется с городом Бигорр, недалеко от которого разворачиваются события – вторжение Испании во Францию.

Редкие топонимы появляются и в катрене 9—15:

Близ Парпана задержаны красные.
Они истреблены из среды и уведены далеко.
Трое изрублены на куски, а пятеро перенесут несчастье
Ради сеньора и прелата из Бургуэна[-Жалье].

Парпан – город в Граубюндене, юго-восточном кантоне Швейцарии. Бургуэн-Жалье – город в Савойе на дороге Лион—Париж—Женевское озеро. Граубюнден имел особое значение: через него проходил путь из владений австрийских Габсбургов в Северную Италию, где господствовала испанская ветвь династии. Габсбурги неоднократно пытались захватить кантон, который в XVI веке был одним из постоянных союзников Франции. В катрене описывается поражение имперцев («красных») в Граубюндене в связи с французскими интересами в Савойе.

9-56
Camp pres de Noudam passera Goussan ville
Et a Maiotes laissera son enseigne,
Convertira en instant plus de mille,
Cherchant les deux remettre en chaine & legne.

Лагерь близ Удана пройдет Гуссенвиль
И в Мароле расположит свой отряд.
Мгновенно перекрестит более тысячи,
Желая вновь облечь двоих в цепь и дерево.

Текст катрена сильно пострадал при наборе; на деле речь идет о городках и деревнях с названиями Удан, Гуссенвиль, Мароль, расположенных к западу от Парижа в сторону Дрё. Здесь мы опять видим заимствование из «Путеводителя по дорогам Франции» Этьена: «Дорога в Дрё. Удан – 12 лье. Гуссенвиль – 1,5 лье. Мароль – 0,5 лье (зимой обход позади деревни)». Вероятно, катрен повествует о Религиозных войнах.

9-57
Au lieu de DRUX un Roy reposera
Et cherchera loy changeant d'Anatheme
Pendant le ciel si tres fort tonnera,

Portee neufve Roy tuera soymesme.

В местечке Дрё остановится король,
Изыскивая закон, [могущий] отменить анафему.
Во время сильнейшего грома в небесах
Король убьет собственного новорожденного.

Дрё – город в Нормандии в 100 километрах от Парижа. В 1562 году там произошло яростное сражение католиков с гугенотами, направлявшимися в Нормандию, куда, по их ожиданиям, должны были прибыть им на помощь английские войска. Последняя строка настолько ужасна, что само собой напрашивается переносное толкование – но какое?

9-86
Du bourg Lareyne parviendront droit a Chastres
Et feront pres du pont Authoni panse,
Sept pour la paix cautelleux comme martres
Feront entree d'armee a Paris clause.

Из Бур-ла-Рена прибудут прямо в Шатр
И сделают остановку близ Пон-д'Антони.
Семеро ради мира, двуличные, как куницы,
Произведут ввод армии в закрытый Париж.

9-87
Par la forest du Touphon essartee,
Par hermitage sera pose le temple,
Le due d'Estampes par sa ruse inventee,
Du Mont Lehori prelat donra exemple.

В расчищенном лесу Торфу
В пустыни будет заложен храм.
Герцог д'Этамп измышленной им хитростью
Подаст пример прелату Монлери.

Лес Торфу *(Тофи),* название которого у Нострадамуса превратилось в *Touphon* (Туфон), находился близ города Этамп в Иль-де-Франсе. Действие обоих катренов происходит в герцогстве Орлеанском, на очень небольшом отрезке дороги, связывающей Бур-ла-Рен и Орлеан. Топонимы, перечисленные Нострадамусом, в том же порядке фигурируют в «Путеводителе по дорогам

Франции»: «Бур-ла-Рен – 2 лье; Пон-д'Антони – 1 лье; Лонжюмо – 2 лье; город Монлери – 2 лье, харчевня; город Шатр, что под Монлери – 2 лье; Торфу, на вершине горы – 1,5 лье (лес Торфу, ныне выкорчеванный); Этреши-ле-Ларон – 1,5 лье; пустынь, бывший разбойничий притон – 1,5 лье; город и прелатство Этамп с замком – 2 лье, ночлег». В пророчестве имеются в виду гражданские свары и, вероятно, предательство столицы. Лес Торфу и округ Этампа в июле 1465 года были ареной ожесточенных сражений между бургундцами и французами.

10-47
De Bourze ville a la dame Guyrlande,
L'on mettra sus par la trahison faicte,
Le grand prelat de Leon par Formande,
Faux pellerins & ravisseurs defaicte.

От города Бургоса до дамы [и] венка
Вздернут за совершенное предательство
Великого прелата Леона; через Тормантос —
Поражение ложных паломников и похитителей.

В первой строке идет речь о городе Овьедо к северу от Леона в Северной Испании; там, как сообщают «Путешествия…» Шарля Этьена, хранятся святыни – капли молока Девы Марии и терновый венец Спасителя. Городок Тормантос (в галлизированном виде Форманда) лежит на дороге в Сантьяго-де-Компостела. Для полноты картины стоит добавить, что разбойники и мятежники в те времена часто рядились в одежды паломников.

Глава восьмая
СЕНСАЦИЯ ЭПОХИ РЕНЕССАНСА

Язык Нострадамуса, безусловно будучи двусмысленным и «прикровенным», тем не менее часто поражает читателя своей яркостью, динамичностью и образностью. Пророк обладал редким даром, как выражаются журналисты, «зацепить» читателя, заставить его глубоко задуматься над смыслом тех или иных строк. Иные катрены напоминают броские заголовки на первых полосах современных газет. Широта тем, которые Нострадамус выбирал для своих предсказаний, удивляет даже сейчас, в эпоху Интернета.

О пертурбациях в двух сословиях – дворянском и церковном – повествует катрен 2—10:

Avant long temps le tout sera range
Nous esperons un siecle bien senestre:
L'estat des masques & des seulz bien change
Peu trouveront qu'a son rang veuille estre.

На долгое время все будет подчинено.
Мы предвидим весьма зловещий век.
Состояние масок и отшельников сильно изменится.
Найдут немногих, кто пожелает остаться в своем ранге.

Маски, защищающие от пыли, считались неотъемлемой частью дворянских дорожных костюмов. «Отшельники» выступают здесь как символ всего духовного сословия. При желании этот катрен можно воспринять как очередное предсказание событий Великой французской революции, когда дворяне и представители духовенства подверглись репрессиям, отчего многие из них постарались отречься от своего «ранга».

Катрен 2—13 написан в совершенно христианском духе; физическая смерть – день возрождения человека и его встречи с Богом:

Le corps sans ame plus n'estre en sacrifice:
Jour de la mort mis en nativite.
L'esprit divin fera l'ame felice
Voiant le verbe en son eternite.

Тело без души более не будет жертвой.

День смерти станет днем рождения,
Божественный дух осчастливит душу,
Узревшую Глагол в его бесконечности.

В Новом Завете сказано: «Блаженны чистые сердцем; ибо они Бога узрят» (Мтф. 5:8); «И узрят лице Его, и имя Его будет на челах их» (Откр. 22:4). В данном случае это не пророчество, а кредо – уникальный случай в книге Нострадамуса.

В катрене 2—35 фигурирует банальный пожар:

Dans deux logis de nuit le feu prendra,
Plusieurs dedans estoufes & rostis.
Pres de deux fleuves pour seur il aviendra
Sol, l'Arq, & Caper tous seront amortis.

В двух жилищах ночью займется пламя,
Многие внутри задохнутся и сгорят.
Это точно случится у двух рек,
[При] Солнце в Стрельце и Козероге; все умрут.

Жан-Эме де Шавиньи во «Втором лике французского Януса» утверждает, что катрен отсылает к пожару в Лионе в конце 1500 года, когда торговцы, съехавшиеся в город по случаю ярмарки, задохнулись и сгорели в охваченной пламенем двухъярусной гостинице.

Любопытную интригу описывает катрен 2—36:

Du grand Prophete les letres seront prinses
Entre les mains du tyrant deviendront:
Frauder son roy seront ses entreprinses,
Mais ses rapines bien tost le troubleront.

Писания великого пророка будут перехвачены
И попадут в руки тирана.
Он затеет обман своего короля,
Но того эти хищения очень скоро возмутят.

В катрене 2–3 солнечный жар убивает рыб, а нехватка ввозимого провианта порождает голод и заставляет жителей острова поедать падаль —

Pour la chaleur solaire sus la mer

De Negrepont les poissons demis cuits:
Les habitans les viendront entamer
Quand Rod. & Gennes leur faudra le biscuit.

Из-за солнечного жара над морем
У Негрепонта рыбы наполовину сварятся.
Жители выпотрошат их,
Когда им не хватит сухарей с Родоса и из Генуи.

Негрепонт – средневековое название острова Эвбеи, в 1470 году захваченного турками у Венеции. Катрен напоминает историю с массовым отравлением липарцев рыбой, описанную Юлием Обсеквентом (29): «Гора Этна наряду с землетрясением разбрасывала пламя вдаль и вширь вокруг своей вершины, и близ Липарских островов закипело море, несколько кораблей сгорело и несколько моряков задохнулось от дыма. В округе оказалось рассыпано много мертвой рыбы, которую липарцы с излишней жадностью уносили для своих трапез и впоследствии пострадали от отравления, так что невиданный доселе мор опустошил острова. Это знамение, согласно ответам вопрошенных гаруспиков, предрекало смуту, которая и произошла впоследствии».

В катрене 2–8 излагается программа умеренной реформации церкви: клир должен вернуть исконные установления времен раннего христианства и сократить чересчур большое число святых:

Temples sacres prime facon Romaine
Rejeteront les goffes fondements,
Prenant leur loys premieres & humaines,
Chassant, non tout, des saints les cultements.

Священные храмы, на первичный римский манер,
Отбросят нелепые основы,
Вернувшись к своим первым и гуманным законам,
Изгоняя, но не полностью, культ святых.

В катрене 2—97 предрекается угроза жизни римского папы:

Romain Pontile garde de t'approcher
De la cite qui deux fleuves arrouse,
Ton sang viendras au pres de la cracher,
Toy & les tiens quand fleurira la rose.

Римский понтифик, остерегайся приближаться
К городу, омываемому двумя реками.
Ты будешь плеваться кровью неподалеку оттуда, —
Ты и твои люди, когда зацветет роза.

Здесь речь идет о «французском междуречье» – районе между Соной и Роной; в месте их слияния стоит Лион. Роза, как известно, зацветает в конце весны. Возможно, корни этого катрена также следует искать в прошлом. Роже Прево сообщает, что в 1305 году в Лионе состоялась интронизация Климента V. Во время торжественной церемонии рухнула часть городской стены, на которую взобрались сотни зевак. Погибло множество людей, а сам понтифик уцелел лишь чудом.

В катрене 3—30 монарх чужими руками устраняет конкурента:

Celuy qu'en luite & fer au fait bellique,
Aura porte plus grand que lui le pris,
De nuit au lit six luy feront la pique,
Nud sans harnois subit sera surpris.

Того, кто борьбой и оружием в ратном деле
Одержит верх над другим, более великим,
Ночью в постели заколют шестеро;
Голый, без доспехов, будет внезапно захвачен врасплох.

Извечной теме – ужасам смерти, приходящим на смену радостям жизни – посвящен катрен 4—20:

Paix uberte long temps lieu louera
Par tout son regne desert la fleur de lis:
Corps morts d'eau, terre la Ion apportera,
Sperants vain heur d'estre la ensevelis.

Мир и изобилие долго будут царить в [одном] месте.
Цветок лилии, во всем его царстве [будет] пустыня.
Мертвые тела принесены туда по воде и суше
В тщетной надежде на удачу погребения.

Цветы лилии изображались на гербе Франции с XII столетия; позднее они были помещены Анжуйским домом на герб Прованса.

Лилия красовалась и на гербе Флоренции.

Впрочем, даже у Нострадамуса не все перемены – к худшему, как свидетельствует катрен 4—21:

> Le changement sera fort difficile:
> Cite, province au change gain fera:
> Cueur haut, prudent mis, chasse lui habile.
> Mer, terre, peuple son estat changera.
>
> Изменение будет очень трудным.
> Город и провинция выиграют от этой перемены.
> Поставлено [у власти] подходящее благородное, разумное сердце из древнего рода.
> Народ изменит свое положение на суше и на море.

В катрене 6—14 мы неожиданно встречаем изложение популярнейшего фольклорного сюжета: король, потерпев поражение в битве, спасается от врагов, обменявшись одеждой с простым солдатом:

> Loing de sa terre Roy perdra la bataille,
> Prompt eschappe poursuivy suivant prins
> Ignare prins soubz la doree maille
> Soubz fainct habit & l'ennemy surprins.
>
> Король проиграет сражение вдали от своей земли.
> Быстро убежит, преследуемый, сопровождающий его схвачен,
> Невежа схвачен в золоченой кольчуге,
> В ложной одежде, – и враг в изумлении.

В катрене 6—37 обрушение здания служит причиной гибели монарха и ложного обвинения, в то время как истинный виновник скрывается:

> L'oeuvre ancienne se parachevera,
> Du toict cherra sur le grand mal ruyne:
> Innocent faict mort on accusera:
> Nocent caiche, taillis a la bruyne.
>
> Древнее творение разрушится,
> Крыша рухнет на великого – злая погибель.
> Невинного обвинят в том, что он подстроил смерть.

Виновный скроется в лесной поросли в тумане.

Об обрушении театра повествует и катрен 3—40:

Le grand theatre se viendra redresser:
Le dez getes & les rets ja tendus.
Trop le premier en glaz viendra lasser,
Par arcz prostraits de log temps ja fendus.

Большой театр будет обновлен,
Накинутый навес и натянутые сетки
Чересчур стянут старую [постройку] в большом шуме
Из-за рухнувших арок, давно растрескавшихся.

В «Анналах» Тацита (IV, 62–63) мы находим рассказ об обрушении амфитеатра при императоре Тиберии в Фидене, который мог послужить Нострадамусу косвенным источником в написании катрена: «Некто Атилий… взявшись за постройку в Фидене амфитеатра, чтобы давать в нем гладиаторские бои, заложил фундамент его в ненадежном грунте и возвел на нем недостаточно прочно сколоченное деревянное сооружение, как человек, затеявший это дело… ради грязной наживы. И вот туда стеклись жадные до таких зрелищ мужчины и женщины, в правление Тиберия почти лишенные развлечений этого рода, люди всякого возраста, которых скопилось тем больше, что Фидена недалеко от Рима; это усугубило тяжесть разразившейся тут катастрофы, так как набитое несметной толпой огромное здание, перекосившись, стало рушиться внутрь или валиться наружу, увлекая вместе с собой или погребая под своими обломками несчетное множество людей, как увлеченных зрелищем, так и стоявших вокруг амфитеатра… При этом несчастье было изувечено и раздавлено насмерть пятьдесят тысяч человек».

Сходный инцидент описывается в катрене 6—51:

Peuple assemble, voir nouveau expectacle,
Princes & Roys par plusieurs assistans:
Pilliers faillir, murs, mais comme miracle
Le Roy sauve & trente des instans.

Народ собрался посмотреть новое зрелище,
Принцы и король со многими сопровождающими.
Рухнут опоры, стены, но, словно чудом,

Король и тридцать присутствующих спаслись.

В катрене 6—72 некая кликушествующая дама в угоду черни осуждается как ведьма:

Par fureur faincte d'esmotion divine.
Sera la femme du grand fort violee:
Juges voulans damner telle doctrine,
Victime au peuple ignorant imolee

Из-за притворного исступления божественного переживания
Жена великого подвергнется большому насилию.
Судьи, желая осудить такую доктрину,
Отдадут жертву на заклание невежественному народу.

В катрене 6—93 Нострадамус с мрачной иронией рассказывает о некоем прелате, павшем жертвой своих амбиций:

Prelat avare d'ambition trompe,
Rien ne sera que trop viendra cuider:
Ses messagiers & luy bien attrape,
Tout au rebours voir, qui le bois fendroit.

Жадный прелат из-за обманутых устремлений
Не найдет ничего лучшего, как слишком замечтаться.
Его посланники и он сам схвачены.
Все видит иначе тот, кто колет дрова [для костра].

В катрене 6—94 «вероломные пунийцы» (читай – берберийские корсары) жестоко наказываются путем поставки им отравленного продовольствия:

Un roy ire sera aux sedifragues,
Quant interdictz seront liarnois de guerre:
La poison taincte au sucre par les fragues,
Par eaux meurtris, mors, disant terre, terre.

Король разгневается на нарушителей соглашения,
Когда будут запрещены воинские доспехи.
Ядом, подмешанным в сахар к клубнике,
На водах умерщвлены, вкусив, со словами «земля,

земля!».

Североафриканские корсары нередко нарушали официально заключенный союз с Францией, грабя ее корабли наравне с судами других европейских стран.

Пикантная любовная история в высших кругах изложена в катрене 7–9:

Dame a l`absence de son grand capitaine,
Sera priee d'amours du Viceroy:
Faincte promesse & malheureuse estraine
Entre les mains du grand prince Barroys.

Дама в отсутствие своего великого полководца
Будет молима о любви вице-королем.
Лживое обещание и злосчастный подарок
В руках великого принца Бара.

Во Франции должности вице-короля не было, зато испанские монархи назначали вице-королей в Неаполь, Палермо, Сицилию, Барселону, на Майорку и т. д. «Принц Бара» – титул старшего сына герцога Лотарингского; возможно, речь идет не о титуле, а о месте рождения, и тогда речь идет о герцоге Гизе, рожденном в Барском замке. Таким образом, де Гиз узнает о любовных приключениях испанской королевы – хороший подарок тогдашним любителям сплетен!

Во время Итальянских войн с солдатами нередко расплачивались кожаными бонами, когда казна была пуста. Память об этом сохранил катрен 7—25:

Par guerre longue tout l'exercite expuise,
Que pour souldartz ne trouveront pecune:
Lieu d'or, d'argent, cuir on viendra cuser,
Gaulois aerain, signe croissant de lune.

Войско полностью измотано долгой войной,
Для солдат не найдут денег.
Вместо золота [и] серебра будут чеканить на коже, —
[Этакие] галльские медяки со знаком полумесяца.

Полумесяц, личный герб Генриха II, изображался на французских монетах периода его правления.

В катрене 7—41 Нострадамус пытается найти рациональное объяснение легендам о «домах с привидениями». Оказывается, таинственный шум производят узники, погребенные в состоянии летаргии (мнимой смерти):

Les oz des piedz & des mains enserres,
Par bruit maison long temps inhabitee:
Seront par songes concavant deterres,
Maison salubre & sans bruyt habitee.

Скованы кости ног и рук,
Из-за шума дом долгое время необитаем.
Будут выкопаны погребенные во сне.
Дом здоров и без шума, [снова] заселен.

Катрен 7—42 описывает попытку отравления дворянского отпрыска:

Deux de poison saisiz, nouveau venuz,
Dans la cuisine du grand Prince verser:
Par le souillard tous deux au faict congneux,
Prins qui cuidoit de mort l'aisne vexer.

Двое вновь прибывших схвачены, яд
Подливая на кухне великого принца.
Оба застигнуты на месте судомойщиком,
Схвачен тот, кто мечтал извести до смерти старшего.

Катрен 8—23 описывает любовно-политическую интригу:

Lettres trouvees de la royne les coffres,
Point de subscrit sans aucun nom d'hauteur
Par la police seront cachez les offres.
Qu'on ne scaura qui sera l'amateur.

В ящиках для бумаг королевы найдены письма
Без подписи, без имени автора.
Из политических соображений предложения будут сокрыты,
Так что не узнают, кто любовник.

Волнующая любовная история с трагическим финалом звучит

в катрене 8—25:

Coeur de l`amant ouvert d'amour fertive
Dans le ruysseau fera ravyr la Dame,
Le demy mal contrefera lassive,
Le pere a deux privera corps de l`ame.

Смелость воздыхателя, открывшего тайную любовь,
В ручье восхитит даму.
Половину беды подделает похотливая,
Отец лишит душ тела обоих.

Совсем уж пикантный случай изложен в катрене 8—32:

Garde toy roy Gaulois de ton nepveu
Qui fera tant que ton unique filz.
Sera meurtry a Venus faisant voeu,
Accompaigne de nuict que trois & six.

Остерегайся, галльский король, своего племянника,
Который сделает так, что твой единственный сын
Будет умерщвлен, давая обет Венере,
Сопровождаемый ночью троими и шестью.

Под «обетом Венере», видимо, следует понимать сексуальный контакт. Последняя строка наводит на мысль об оргии, хотя, возможно, Нострадамус всего лишь хотел указать на число злоумышленников, которым предстоит убить принца на ложе любви.

Катрен 8—35 описывает вполне обычные капризы погоды на берегах рек Баиза и Дордонь и вблизи города Дамазана, находящегося на юго-западе Франции.

Dedans l`entree de Garone & Bayse
Et la forest non loing de Damazan
Du marsaves gelees, puis gresle & bize
Dordonnois gelle par erreur de mezan.

В устье Гаронны и Баизы
И в лесу неподалеку от Дамазана
Замерзшие ивы, потом град и северный ветер.
Дордонь замерзает из-за странствий синиц.

В катрене 8—41 Нострадамус приводит поучительную политическую историю:

Esleu sera Renad ne sonnant mot,
Faisant le saint public vivant pain d'orge,
Tyrannizer apres tant a un cop,
Mettant a pied des plus grans sus la gorge.

Будет избран молчаливый Лис,
Изображающий святого, напоказ живущий на ячменном хлебе.
Затем внезапно начнет тиранствовать,
Ставя ногу на горло самым великим.

Образ хитрого Лиса весьма распространен в мировом фольклоре. Политических фигур, соответствующих этому образу, также было немало – например, средневековый папа римский Бонифаций VIII, который, как говорили о нем, прокрался на престол, как лиса, правил, как лев, а умер, как собака; также уместно будет вспомнить о Джироламо Савонароле.

В катрене 8—74 король становится жертвой собственного пренебрежения к любви подданных:

En tetre neufve bien avant Roy entre
Pendant subges luy viendront faire acueil,
Sa perfidie aura tel recontre
Qu'aux citadins lieu de teste & recueil.

В новую землю далеко вперед вошел король,
Пока подданные готовили ему встречу.
Его коварство встретит нечто противоположное
Вместо празднества и приема со стороны.

Таким образом, безразличие монарха к искреннему радушию жителей вновь присоединенных территорий вызовет среди них обратную реакцию.

В катрене 8—82 слуга пытается отравить жестокого хозяина:

Ronge long, sec faisant du bon valet,
A la parfin n'aura que son congie
Poignant poyson & lettres au collet
Sera saisi eschappe en dangie.

Долго угнетаемый, истощенный добрый слуга
В конце концов дождется лишь своего увольнения.
С сильным ядом в письме, за воротник
Будет схвачен, ускользая от опасности.

Отравленное письмо фигурирует и в катрене 1—41:

Ночью город будет осажден и захвачен,
Мало кто спасется; конфликт недалеко от моря.
Женщина падет от радости по возвращении сына.
Яд и запечатанное письмо будут в конверте.

К каким конкретным событиям отсылают оба катрена, непонятно. Впрочем, это касается едва ли не большинства пророчеств Нострадамуса.

Катрен 5–5 выглядит как обличение тирании:

Soubz umbre faincte d'oster de servitude,
Peuple & cite, l'usurpera luy mesmes:
Pire fera par fraulx de jeune pute,
Livre au champ lisant le faulx proesme.

Под предлогом избавления от рабства
Народа и города сам его узурпирует.
Сотворит зло из-за обмана юной потаскухи,
Доставленный в лагерь сверкающий фальшивый камень.

Последняя строка непонятна; комментаторы читают ее как «Доставленный в лагерь, читая фальшивую поэму» (или торжественную речь). Однако слово *proesme* означало также «страз», цветной горный хрусталь, использовавшийся для изготовления имитаций драгоценных камней, и в этом случае *lisant* («читающий») – опечатка от *luisant* («сверкающий»). Нострадамус не в первый раз говорит здесь об установлении личной тирании под предлогом освобождения народа. Этьен Ла Боэси писал о тираноборцах, использующих громкие слова о свободе ради установления своей собственной единоличной власти: «Другие, последовавшие за этим попытки, направленные против римских императоров, были лишь заговорами честолюбцев, крах которых недостоин сожаления, ибо легко убедиться, что они стремились не уничтожить корону, но возложить ее на другого, они замышляли изгнать тирана и

сохранить тиранию. Подобным людям я первый не пожелал бы успеха, и я рад, что они своим примером показали, как не следует злоупотреблять священным именем свободы для прикрытия низких замыслов».[158]

В катрене 5—26 происходит сенсация: некий «народ рабов» достигает зенита военной славы:

La gent esclave par un heur martial,
Viendra en hault degre tant eslevee:
Changeront prince, naistre un provincial,
Passer la mer copie aux montz levee.

Рабский народ благодаря военной удаче
Поднимется на высочайший уровень.
Сменят принца, появится провинциал.
Войско, поднявшееся в горы, пройдет морем.

Иногда, по созвучию, в этом «рабском народе» видят славян, что открывает широкий простор для предсказаний о будущем России. Можно, например, увидеть в «провинциале» Ленина или Сталина, сменивших принца (то есть правителя) из дома Романовых. Но предсказания так туманны, что вряд ли дают основание для подобных смелых трактовок.

В катрене 8—100 Нострадамус подводит печальный «промежуточный итог» человеческой истории:

Pour l`abondance de larme respandue
Du hault en bas par le bas au plus hault
Trop grande foy par ieu vie perdue,
De soif mourir par habondant deffault.

Из-за обилия пролитых слез
Верхами на низы, низами на верхи,
Слишком большая вера, в игре потеряна жизнь.
Смерть от жажды из-за обильной нехватки.

В катрене 9—11 Господь карает людей за неправедную расправу:

Le juste a tort a mort Ion viendra mettre
Publiquement & due millieu estaint:
Si grande peste en ce lieu viendra naistre,

Que les jugeans fouyr seront constraint.
Праведника по ошибке предадут смерти
Публичной, и [он будет] истреблен из среды.
Столь великий мор произойдет в этом местечке,
Что судьи будут вынуждены бежать.

Катрен 9—14 непрост для прочтения, однако явно повествует о жестокостях правосудия:

Mys en planure chaulderons d'infecteurs,
Vin, miel & huyle, & bastis sur forneaulx
Seront plongez sans mal dit mal facteurs
Sept fum extaint au canon des borneaux.

Красильный чан наполнен до краев
Вином, медом и маслом, и воздвигнуты жаровни.
[Туда] будут погружены без вины объявленные злодеями.
Семь дымов взовьются по канону скудоумных.

Слово *infecteur* во французском языке означает «разносчик заразы». Как мы помним, немало «сеятелей чумы» было безвинно лишено жизни по обвинению в распространении эпидемий. Автор этих строк, однако, считает, что в данном случае слово произведено от латинского *infector,* «красильщик». Во всяком случае, о чанах, до краев наполненных «сеятелями чумы», история не сообщает. Последняя строка неясна до крайности; слова b*orneaux* во французском языке нет и не было. Возможно, Нострадамус «подогнал» под рифму множественное число от *borne* («скудоумный, ограниченный»). *Canon* означает не только «канон», но и «труба дымохода». Во Франции смертная казнь путем варения заживо полагалась за очень небольшой ряд преступлений, направленных против государства и монополии короля на власть (в частности, подделку монеты).

В катрене 9—48 ураган налетает на «большой город у морского Океана» – Бордо:

La grand cite d'occean maritime,
Environee de maretz en cristal:
Dans le solstice hiemal & la prime,
Sera temptee de vent espouvantal.

Большой город у морского Океана,

Окруженный топями в хрустале,
Во время зимнего солнцестояния и весной
Будет испытан страшным ветром.

Бордо был одним из центров соледобычи; солончаки блестят на солнце, как хрусталь – отдадим должное образности языка Нострадамуса.

Печальная участь некоей дамы описывается в катрене 9—78:

La dame Greque de beaute laydique,
Heureuse faicte de procs innumerable,
Hors translatee au regne Hispanique,
Captive prinse mourir mort miserable.

Женщина, обладающая красотой Лаиды,
Осчастливленная бесчисленными воздыхателями,
Вывезена в Испанское царство.
Плененной, схваченной, умереть [ей] печальной смертью.

Лаида (Лаис) – гетера из древнегреческого города Коринфа; была убита соперницами, завидовавшими ее красоте. Возможно, Нострадамус имел в виду Елизавету Валуа (1545–1568), дочь Генриха II, ставшую в 1559 году супругой Филиппа II Испанского. Она отличалась слабым здоровьем и умерла вскоре после рождения второй дочери Катарины.

В катрене 10–41 мы неожиданно встречаем описание музыкального или песенного фестиваля; в эпоху Возрождения они регулярно проводились по всей Франции:

En la frontiere de Caussade & Charms
Non guieres loing du fonds de la vallee,
De ville Franche musicque a son de luths,
Environnez combouls & grand myttee.

На рубеже между Косадой и Кайлюсом,
Совсем недалеко от низа долины,
[Из] Вильфранша [доносится] музыка под звуки лютней
В сопровождении кимвалов и больших струн.

Косада, Кайлюс и Вильфранш – небольшие города близ Ажена. Непонятно, к чему Нострадамус предсказывал столь

заурядное событие – разве что для смягчения общего мрачного колорита своих «Пророчеств».

Катрены 10–76, 10–77 и 10–78 повествуют об изменчивости фортуны:

Le grand senat discernera la pompe,
A l'un qu'apres sera vaincu chasse,
Ses adherans seront a son de trompe,
Biens publiez ennemys deschassez.

Великий сенат устроит торжественное шествие в честь
Того, кто потом будет побежден, изгнан.
[Его] единомышленников с большим шумом
Имущество выставлено на продажу; враги изгнаны.

Trente adherans de l'ordre des quyretres
Bannys leurs biens donnez ses adversaires,
Tous leurs bienfais seront pour desmerites
Classe espargie delivrez aux corsaires.

Тридцать единомышленников из класса квиритов
Изгнаны, их добро роздано [их] противникам.
Всех их добрые дела поставлены им в вину.
Разметанный флот [со ссыльными] отдан корсарам.

Квириты – суверенный римский народ, граждане Рима. Во Франции эпохи Возрождения этим словом иногда именовались добропорядочные граждане, обладавшие собственностью; позже их стали называть «буржуа».

Subite joye en subite tristesse
Sera a Romme aux graces embrassees
Dueil, cris, pleurs, larm. sang excellant liesse
Contraires bandes surprinses & troussees.

Нежданная радость в нежданной печали
Случится в Риме с [людьми,] осыпанными милостями.
Траур, крики, плач, слезы, кровь, великое ликование.
Войска противника захвачены врасплох и связаны

Глава девятая
ПЛАНЕТЫ НА МАРШЕ

Астрология XVI века ощутимо отличалась от современной. Для звездочетов раннего Нового времени история человечества базировалась на сложной системе планетных циклов. Ритмы соединений дальних планет Солнечной системы, Юпитера и Сатурна, были положены в основу мировой («мунданной») астрологии, пытавшейся предсказать судьбу государств и народов. Главным источником, из которого Нострадамус почерпывал конкретные сведения по мировой астрологии, была «Книга состояния и смены времен» Ришара Русса, лангрского каноника и астролога.

В катрене 1—48 Нострадамус определяет хронологические рамки своих пророчеств:

> Vingt ans du regne de la lune passes
> Sept mil ans autre tiendra sa monarchie:
> Quand le soleil prendra ses jours lasses
> Lors accomplir & mine ma proppetie.
>
> Прошло 20 лет царствования Луны,
> За семь тысяч лет прострется ее единовластие.
> Когда Солнце возьмет оставленные ею дни,
> Тогда исполнится и завершится мое пророчество.

Согласно астрологической традиции, восходящей к XII веку, семь архангелов (Михаил, Варахиил, Саткиил, Самаил, Аннаил, Рафаил и Гавриил) являются управителями семи небесных тел – Сатурна, Юпитера, Марса, Солнца, Венеры, Меркурия и Луны. Они также управляют семью периодами времени по 354 года и 4 месяца в порядке, обратном дням недели: Сатурн, Венера, Юпитер, Меркурий, Марс, Луна, Солнце. Отправной точкой служит 5200 год до н. э. – дата сотворения мира по Евсевию Кесарийскому.

В изложении Ришара Русса эта схема выглядит так: «Затем правил Марс, до 6732 года и 4 месяцев (от „сотворения мира“; конец правления Марса относится к 1533 году. – *А.П.*), в третий раз; и в конце концов, – Луна, которая правит теперь, заняла царство, которое она должна пронести, чтобы завершить свой обычный путь через 354 года и 4 месяца, в 8 месяце 7086 года (1888. – *А.П.*); а после нее – Солнце, до года 7441 (2242. – *А.П.*); а

после Солнца также должен царствовать, уже в четвертый раз, Сатурн, если, однако, мир не прекратит свое существование, подойдет к своему концу. Но, исходя из вышесказанного, представляется, что сейчас мы находимся под владычеством седьмого тысячелетия, производящего последнее стояние, после которого должен произойти чудесный сдвиг; и, если считать от нынешнего 1548 года, согласно Иакову Бургундскому и другим, Марс закончил свое правление и руководство 13 лет и 8 месяцев назад (=1535); а согласно Евсевию Кесарийскому… 15 лет и 8 месяцев назад (=1533), с какового времени доныне (как мы уже сказали выше) Луна управляет и ведет мир с архангелом Гавриилом, то есть могуществом Господним».[159]

Следовательно, в 2242 году следует ожидать конца света – а с ним и окончания срока пророчеств Нострадамуса. Впрочем, задолго до светопреставления мир станет свидетелем многих грандиозных событий. Следующий по порядку катрен сообщает, что мусульмане, пользуясь благоволением к ним Луны во время ее «большого периода», расширят свои владения почти до северных границ европейского континента:

1-49
Beaucoup beaucoup avant telles menees
Ceux d'Orient par la vertu lunaire
L'an mil sept cent feront grand emmenees
Subjugant presques le coing Aquilonaire.

Много, много раньше этих событий
Люди Востока благодаря лунной силе
К 1700 году совершат большие нашествия,
Почти покорив северный край.

Аквилон – северный ветер, у Нострадамуса «Аквилонский край», «Аквилон» обозначает некие «северные земли». Что значит этот топоним – до конца неясно. Разные комментаторы понимают под ним Англию, Россию, Украину, Прибалтику, Скандинавию… Наконец, «землей северного ветра» может быть и Германия; ведь *aquila* по-латыни значит «орел», который во времена Нострадамуса был символом Священной Римской империи. К тому же германские земли лежат севернее Франции.

Возвращаясь к катрену, следует отметить, что тема грядущего торжества Востока над Западом была распространена в Европе задолго до рождения и ислама, и даже христианства. В «Книгах Сивилл» (VI, 72–75) говорится:

Тогда богатой Азия станет,
Снимешь в те дни ты наряд с широкой красной каймою,
И облачишься, печалясь, в одежду скорби глубокой,
О надменное царство, о дочь латинского Рима!

В раннехристианскую эпоху этот мотив отнюдь не был забыт. Христианский писатель Лактанций (III–IV века) в своих «Божественных установлениях» предсказывал: «Запад попадет в рабство, а Азия получит власть повелевать». После прихода ислама, завоеваний арабов и «второго мусульманского нашествия» – натиска Османской империи в Восточной и Центральной Европе в XVI веке – многократно предреченное Нострадамусом грядущее торжество Полумесяца не выглядит странным. Возможно, провансальский пророк полагал, что сама «лунная» символика большого планетного цикла 1533–1888 годов благоволит религии, на знамени которой изображена Луна.

1-56.
Vous verres tost & tard faire grand change
Horreurs extremes, & vindications:
Que si la lune conduicte par son ange
Le ciel s'approche des inclinations.

Вы увидите рано и поздно, как произойдет великая перемена,
Крайние ужасы и отмщения.
Когда Луна ведома своим ангелом,
Небо приближается ко [времени, когда не будет] колебаний [равноденствия].

Цикл Луны, ведомый архангелом Гавриилом, принесет неисчислимые несчастья. В последней строке катрена подразумевается конец света, когда небесный свод займет то положение, которое он занимал при Сотворении мира.

Смена планетарных циклов как отправная точка для важных перемен несколько раз встречается в «Пророчествах».

1-25
Perdu, trouve, cache de long siecle
Sera pasteur demi dieu honore,
Ains que la Lune acheve son grand cycle
Par autres veux sera deshonore.

Потерянный найден, скрывавшийся в течение долгого века,
Будет пастырь почитаем, как полубог.
Когда Луна закончит свой большой цикл,
Будет обесславлен другими обетами.

По поводу этого катрена среди исследователей нет единства. Пьер Брендамур видит в нем предсказание упадка христианства. Иисус Христос, «добрый пастырь», с конца XIX века (завершение цикла Луны) уступит место новым богам. Однако Спаситель не скрывался «в течение долгого века». Автора этих строк предположил, что «полубог» здесь – Гермес Трисмегист, легендарный основатель магических наук. Ренессансные неоплатоники (в частности, Марсилио Фичино) полагали Гермеса предтечей Христа. В таком прочтении доктрина герметизма, долгое время остававшаяся тайной, была в XVI веке «рассекречена» наукой, а сам Гермес возвеличен. Однако к концу XIX века о нем вновь забудут (что, кстати сказать, и произошло).

Нельзя, однако, сбрасывать со счетов еще одну возможную трактовку катрена, по которой *pasteur* – не пастырь, а именно «пастор» (протестантский священнослужитель) – в таком значении это слово использовалось во французском языке с 1541 года. В этом случае катрен предсказывает взлет и падение протестантизма. Впрочем, словом *pasteur* в то время именовали и католических священников.

Оракульному языку присущи многозначность и двусмысленность – это закон жанра, и Нострадамус, как мы видим на примере этого катрена, владел им мастерски. Это приводило в восторг его поклонников, вызывало неистовый гнев у критиков… и головную боль у исследователей и толкователей его творчества.

1-16
Faulx a l'estang joinct vers le Sagitaire
En son hault AUGE de 1'exaltation,
Peste, famine, mort de main militaire:
Le siecle approche de renovation.

Серп соединен с оловом в Стрельце
В своем высоком ложе экзальтации.
Бедствия, голод, смерть от военных сил.
Век приближается к обновлению.

Estang («пруд») – явная опечатка от *estaing* («олово»), исправленная Пьером Брендамуром. Коса (или серп) – атрибут жнеца-Сатурна, также символ планеты; мы еще не раз встретимся с серпоносцем-Сатурном. Здесь предсказаны невзгоды, ожидающие человечество в XVII–XVIII веках. Согласно астрологическим представлениям, соединение Сатурна и Юпитера в зодиакальном знаке Стрельца (Юпитер в знаке Стрельца обладает особой силой – отсюда и указание на «возвышение») влечет значительные политические перемены. С 1500 по 1800 год эти планеты соединялись в Стрельце четырежды: в декабре 1603-го, в октябре 1663-го, в январе 1723-го и в ноябре 1782 годов.

Современник Нострадамуса Ришар Русса, резюмировавший астрологические и эсхатологические представления своей эпохи в «Книге состояния и повреждения времен, доказывающей посредством авторитетов Священного Писания и астрологических резонов близость конца Света» (вышла в Лионе в 1550 году, за пять лет до публикации «Пророчеств» Нострадамуса), писал о XVII столетии: «Тогда соединятся Сатурн и Юпитер в Стрельце, каковой, как уже было сказано, – самый сильный в своем триплицитете. И тогда отец разрушения, смерти, плача, болей, тревог и потерь – Сатурн, в знаке стихии Огня, окажется в своем ложе поднятым и возвышенным, а Юпитер – падшим в своем ущербе, без всякого управления и, как бы в лапах врагов, всеми оставленный. И не смогут ни он, ни другие планеты смягчить и сдержать зловредность и обозленность упомянутого Сатурна. Потому в этом веке [XVII. – *А. П.]* будут изобиловать мор, голод и все виды разрушения, как тела, так и имущества».[160]

В конце XVIII века, в 1789–1792 годах, должен был начаться новый большой цикл Сатурна – отсюда и указание на «обновление века». Речь идет о 300-летнем цикле Сатурна, состоящем из 10 оборотов планеты, каждый из которых длится около 30 лет. Ришар Русса писал, ссылаясь на древнего арабского астролога Альбумазара, о периоде смены цикла Сатурна как о моменте значительных изменений в мире: «Альбумазар, сей знаменитый и достославный астролог, учит нас и показывает нам в своей книге о великих соединениях, в восьмой части второго трактата, что секты и сроки царств, и их перестановки, происходят и продолжаются согласно движению и длительности десяти обращений Сатурна, в особенности когда перемещение происходит в подвижных знаках, а именно в Овне, Раке, Весах или Козероге… где Юпитер кадентен или, говоря иначе, несчастлив. Ибо, находясь в таком положении и состоянии, он не может ни оттолкнуть от себя злотворность Сатурна-серпоносца,

ни сопротивляться ей… И эти десять указанных оборотов происходят на протяжении времени около трех веков…Около этих десяти оборотов Сатурна случаются разнообразные, ужасные и примечательные ухудшения и изменения, когда они [обороты] совершаются».[161]

Этому большому циклу посвящен отдельный катрен 1—54.

> Deux revolts faits du malin falcigere,
> De regne & siecles faict permutation:
> Le mobil signe a son endroict si ingere,
> Aux deux egaux & d'inclination.
>
> Десять оборотов, сделанных злым серпоносцем,
> Производят перестановку власти и веков;
> Входит в свое место подвижного знака,
> Где оба равны и [где не будет] склонений.

«Два» *(deux)* – очевидная опечатка от «десять» *(dix)*. В третьей строке речь явно идет о Весах; во времена Нострадамуса астрологи называли «подвижными» знаки, которые ныне называются кардинальными – Овен, Рак, Весы и Козерог. Последняя строка трудна для понимания. Видимо, речь идет о конце света, когда, по представлениям астрологов прошлого, небесная ось остановит свое движение, как писал сам Нострадамус в предисловии к своим пророчествам (46): «И [все] это согласно суждению по наблюдениям за звездами; хотя мы находимся в седьмой тысяче, которая завершает все, приближаясь к восьмой, где находится свод восьмой сферы в высотном измерении, где великий вечный Бог завершит кругооборот, [и] где небесные образы возвратятся на свои места, и где высшее движение, которое делает нашу Землю прочной и устойчивой, [остановится, и] „не поколеблется она во веки и веки“, – с оговоркой, что это случится лишь во исполнение Его воли, и никак иначе».

И в катрене, и в приведенном пассаже Нострадамус вновь пересказывает книгу Ришара Русса: «Знайте же, друзья мои читатели, что близко царство Божие: оно наступит в 7-м тысячелетии, в котором мы уже сейчас находимся; и в котором восьмая Сфера (которая является высоким высотным Сводом и красотой Господней) завершит кругооборот (revolution): и небесные тела вернутся туда, откуда они начали свое движение, и прекратят его».[162]

Русса, в свою очередь, смешивает теорию о конце света в начале восьмого тысячелетия (то есть около 1800 года по системе

Евсевия Кесарийского) и астрономическую теорию о прецессии (смещении) равноденствий: ось весеннего и осеннего равноденствий медленно перемещается над воображаемой седьмой сферой (орбитой Сатурна, самой дальней из известных в то время планет Солнечной системы) в восьмой сфере, сфере неподвижных звезд. Популярные в Европе Альфонсинские таблицы (эфемериды) утверждали, что период полного прецессионного оборота составляет 7 тысяч лет и по его истечении небосвод вернется в исходное положение, что, как предполагалось, будет означать конец света. Обновление цикла Сатурна, как уже говорилось, ожидалось в 1789–1792 годах, а фактическое начало цикла пришлось на 1791 год.

В своем «Послании Генриху» (41–42) Нострадамус пишет, что 1792 год ознаменует собой величайшее в истории гонение на христианство. Планетные конфигурации, описанные в начале пассажа, соответствуют 18 января 1606 года: «[Я] вычислил и рассчитал настоящие пророчества, целиком согласно порядку в цепи [последовательности], который содержит свой кругооборот, все посредством астрономического учения и моего природного дара, и через некоторое время и во время его, с того момента, когда Сатурн будет двигаться попятно с 7 апреля по 25 августа, Юпитер – с 14 июня по 7 октября, Марс – с 17 апреля до 22 июня, Венера – с 9 апреля до 22 мая, Меркурий – с 3 февраля по 24 число того же месяца и после 1 июня до 24 числа того же месяца, и с 25 сентября до 16 октября; Сатурн в Козероге, Юпитер в Водолее, Марс в Скорпионе, Венера в Рыбах, Меркурий в течение месяца в Козероге, Водолее и Рыбах, Луна в Водолее, Голова Дракона в Весах, Хвост – в противоположном знаке. Затем последует соединение Юпитера с Меркурием, с аспектом квадратуры Марса и Меркурия, и Голова Дракона окажется [в соединении с Луной одновременно] с соединением Солнца и Юпитера; год будет мирным, без затмения. Но не во всем, и станет [он] началом того, что будет долго продолжаться впоследствии. Начиная с этого года будет организовано величайшее гонение на христианскую церковь, какого не бывало [даже] в Африке, и оно продлится до 1792 года, который будут полагать [годом] возобновления века».

Два катрена, 3–5 и 3—34, посвящены влиянию солнечных и лунных затмений на экономическую ситуацию. Природа затмений в XVI веке была уже хорошо известна астрономам и астрологам. Металл Солнца в астрологии – золото, металл Луны – серебро; солнечное затмение, согласно астрологическим воззрениям, предвещало ущерб курсу золота, а лунное – курсу серебра. Колебания же курсов драгоценных металлов, как правило,

приводят в новому витку роста цен.

Pres, loin defaut de deux grands luminaires
Qui surviendra entre l'Avril & Mars.
O quel cherte! mais deux grands debonaires
Par terre & mer secourront toutes pars.

Близко-далеко от затмений двух великих светил,
Которые произойдут между апрелем и мартом,
О, какая дороговизна [настанет]! Но двое снисходительных великих
По суше и по морю придут на помощь всем сторонам.

Quand le defaut du Soleil lors sera,
Sus le plain jour le monstre sera veu:
Tout autrement on l'interpretera.
Cherte n'a garde: nul ny aura pourveu.

Когда произойдет солнечное затмение,
Посреди бела дня увидят знамение.
Его истолкуют совершенно иначе;
Не боятся дороговизны; никто не будет ее предвидеть.

В катрене 4—25 толкователи видят предсказание открытия телескопа:

Corps sublimes sans fin a l`oeil visibles
Obnubiler viendront par ses raisons:
Corps, front comprins, sens, chief & invisibles,
Diminuant les sacrees oraisons.

Бесконечно сублимируемые вещества, видимые глазу,
По этим причинам затемнят
Тело, включая чело, сознание, голову и невидимые [части человека],
Ослабляя святые молитвы.

На самом деле Нострадамус говорит здесь об алхимии. Под «невидимыми частями» подразумеваются две части, из которых состоит душа согласно христианской доктрине – телесная и интеллектуальная. Многократная сублимация (перегонка и возгонка) отсылает к поискам философского камня. В предисловии к своим «Пророчествам» Нострадамус предостерегал

своего сына Сезара от занятий алхимией, утверждая, что от нее исходит угроза духовной деградации и ослабления веры (26, 28): «А еще, сын мой, я заклинаю тебя ни в коем случае не расходовать твой разум на те бредни и тщетности, которые иссушают тело и приводят душу к погибели, смущая слабый ум, – а именно на тщетность более чем мерзкой магии, давно проклятой Святым Писанием и Господними заповедями, которые не включают суждений юдициарной астрологии, посредством которой – вместе с Божественным вдохновением и озарением, с постоянными ночными бдениями и расчетами, – мы изложили на письме наши пророчества».

Алхимическая тема звучит в катренах 4—28 и 4—29:

Lors que Venus du sol sera covert,
Souz l'esplendeur sera forme occulte,
Mercure au feu les aura descouvert
Par bruit bellique sera mis a l'insulte.

Когда Венера будет покрыта Солнцем,
[Ее] форма скроется под сиянием.
Их откроет Меркурий, объятый огнем,
[И] будет атакован ратным шумом.

Le Sol cache eclipse par Mercure
Ne sera mis que pour le ciel second.
De Vulcan Hermes sera faite pasture:
Sol sera veu pur rutilant & blond.

Скрывшееся Солнце, затемненное Меркурием,
Будет поднято лишь до второго неба;
Гермес станет пищей для Вулкана.
Солнце увидят чистым, сияющим и светлым.

Здесь описан процесс очистки низкопробного золотого сплава (Венера – медь, Солнце – золото, Меркурий – ртуть, «ратный шум», то есть Марс – железо). Золото, разбавленное медью, амальгамируется горячей ртутью путем растирки железным пестом. «Второе небо», согласно астрологическо-алхимической терминологии – планета Меркурий (Гермес) и ее металл, ртуть. Ртуть из амальгамы выпаривается на огне (Вулкан), в результате золото (Солнце) очищается до высочайшей пробы. Амальгамирование с последующим обжигом и поныне применяется для очистки драгоценного металла от примесей.

В катрене 4—30 избыток золота становится причиной

экономических проблем:

> Plus xi. fois Luna Sol ne voudra,
> Tous augmentes & baisses de degre:
> Et si bas mis que peu or Ion coudra:
> Qu'apres faim peste descouvert le secret.
>
> Одиннадцатикратно не пожелают, чтобы Луна и Солнце
> Повысились и опустились в цене.
> Их будут так низко ценить, что станут мало чеканить из золота,
> И после голода и мора тайна будет раскрыта.

Здесь описана реальная ситуация XVI века, когда приток золота и серебра из испанских колоний привел к падению курса драгоценных металлов, росту цен на товары и падению заработной платы. Золотые монеты обесценивались – соответствующие эдикты выходили один за другим, что вызывало панику на рынке и припрятывание товаров, что лишь подхлестывало рост цен. Правительства впервые столкнулись с инфляцией в таких масштабах и просто-напросто не знали, что делать. Масла в огонь подливали и алхимики, некоторые из которых злоупотребляли своими познаниями для порчи монеты – снижения пробы золота путем добавки в него меди или серебра. Эдикты грозили за переплавку и порчу монет смертной казнью вплоть до сварения заживо или заливания горла расплавленным металлом, однако слухи о злонамеренных алхимиках упорно циркулировали, вызывая дополнительное беспокойство.

Согласно Нострадамусу, цена золота упадет так низко, что государство будет вынуждено втайне приостановить чеканку монеты; это, в свою очередь, вызовет голод и эпидемию, о причине которой станет известно лишь много позже.

В катрене 4—33 также описываются некие манипуляции с металлами:

> Juppiter joint plus Venus qu'a la Lune
> Apparoissant de plenitude blanche:
> Venus cachee soubs la blancheur Neptune,
> De Mars frappe par la granee branche.
>
> Юпитер, соединенный более с Венерой, чем с Луной,
> Появится в белой полноте.
> Венера, сокрытая под белизной Нептуна,
> Поражена пестом, утяжеленным Марсом.

У алхимиков прошлого металлы назывались по планетам, которыми они, согласно герметической традиции, управляются: Юпитер – олово, Венера – медь, Сатурн – свинец, Луна – серебро, Солнце – золото, Марс – железо, Меркурий – ртуть. Но что понимать под Нептуном? Этот катрен стал причиной недоразумения: многие толкователи увидели в нем указание на открытие планеты Нептун в 1864 году. Другие считают, что в этом катрене описывается некая алхимическая реакция, и Нептун – не что иное, как вода.

На самом же деле у алхимиков Нептуном именовалась бронза, сплав меди (Венеры) и олова (Юпитера), как, например, в трактате Леонардо да Винчи «О ложных науках»: «И затем провулкань (прогрей на огне) хорошенько, чтобы Венера и Юпитер перенептунились сколь возможно мельче». Речь здесь идет… об отливке колокола: в бронзу добавляется небольшое количество серебра (Луны), а затем к отлитому предмету прилаживается пест из железа (Марса). В самом деле, колокольные языки изготавливаются из железа, а в колокольную бронзу до недавних времен добавляли серебро – считалось, что благодаря ему колокол будет более звучным. Остается загадкой, зачем Нострадамусу понадобилось мистифицировать читателя.

Изобилие золота («Солнца») и серебра («Луны») в катрене 5—32 сменяется нищетой:

> Ou tout bon est, tout bien Soleil & lune,
> Est abondant sa ruyne s'approche:
> Du ciel s'advance vaner ta fortune,
> En mesme estat que la septiesme roche.
>
> Где все красиво, все хорошо, Солнце и Луна
> В изобилии, приближается разорение,
> Грядет с небес, чтобы ввергнуть твою судьбу
> В то же состояние, что и седьмую скалу.

Последняя строка неясна. Вероятно, речь идет о Сатурне – седьмой планете в астрологической иерархии, «ведающей» в том числе голодом и нищетой. Возможно также, что речь идет о семи римских холмах (слово *roche* во французском языке XVI века означало не только «скалу», но и «гору»). Во время нашествия гуннов была выведена из строя система акведуков, снабжавших Рим водой, и семь холмов Вечного города стали безжизненными. Только в XVI веке, когда усилиями римских пап водопровод был

восстановлен, на римских холмах вновь появились жилые дома, дворцы и храмы.

Колебание курса золотых и серебряных монет неблагоприятно отражалось на общественных настроениях. Современник Нострадамуса Жан Гломо красочно описал в своем дневнике обесценивание монет в феврале 1549 года: «В указанном году 15 февраля были обесценены маленькие дузены (монеты достоинством в 12 денье, или 1 су. – *А. П.*) и все другие монеты из неблагородного металла. Экю с изображением солнца (золотая монета массой 3,3 грамма. – *А. П.*), которые раньше стоили 45 су, стали стоить 46 су, а [серебряные] тестоны достоинством 11 су стали стоить 11 су 4 денье по турскому эталону. Это произвело шум, волнение, большие слухи, вместе с таким убытком людям от обесценивания упомянутых монет, что, по сообщению одного человека, никогда еще в царстве Христианнейшего короля (Франции. – *А. П.*) не было такого бедствия, как это. Ибо были такие, кто с полной мошной денег умирал от голода. Нельзя было ничего ни купить, ни продать». [163]

Катрен 6—23 хорошо отражает эти настроения:
D'esprit de regne munismes descriees,
Et seront peuples esmeuz contre leur Roy:
Paix, faict nouveau sainctes loix empirees
Rapis one flit en si tresdur arroy.

Духом царствования монеты обесценены,
И люди взбунтуются против своего короля.
Снова заключен мир; святые законы ухудшатся.
[Народ] никогда еще не грабили столь жесточайшим образом.

Глава десятая
ЭТОТ НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ ВОСТОК

События в Европе – противостояние Габсбургов и Валуа, Реформация, Религиозные войны – происходили на фоне активной экспансии Османской империи. Султан Сулейман Кануни (в Европе его называли Великолепным) разворачивал широкое наступление на европейские земли. После битвы при Мохаче в 1526 году под власть османов попала почти вся Венгрия. Сулейман теснил венецианцев в южнославянских областях, осаждал Вену, вторгался в пределы Германии. Одновременно союзники османов на Средиземном море – берберийские пираты – держали в страхе южное побережье континента. Ренессансные эрудиты задавались вопросом, не суждено ли повториться мусульманским завоеваниям времен Халифата и не является ли султан Сулейман самим Антихристом. Тем не менее французский король Франциск I заключил союз с Турцией и ее алжирскими вассалами: в отчанной битве с Габсбургами все средства были хороши. Как мы сейчас увидим, Нострадамус считал, что этот союз откроет «варварам» путь в Центральную Европу.

Уже в первой центурии (катрен 1—18) появляется «Магомет», он же Великий Турок:

> Par la discorde negligence Gauloyse,
> Sera passaige a Mahommet ouvert:
> De sang trempe la terre & mer Senoyse
> Le port Pliocen de voiles & nefs couvert.
>
> Из-за раздора и небрежности Галлии
> Будет открыт путь Магомету.
> Земля и Генуэзское море напитаются кровью,
> окейский порт наполнится кораблями и парусниками.

Французы уже в XVI веке имели репутацию нации легкомысленной и небрежной; под «раздором» же Нострадамус явно подразумевает внутренние распри в королевстве (в частности, между гугенотами и католиками). Во время борьбы с императором Карлом V Франциск I заключил соглашение с турецким султаном. Флот пирата Хайреддина Барбароссы, вассала Турции, зимовал в 1543 году в Тулоне и Марселе (напомним, основанном фокейцами в 600 году до н. э.) и принимал участие в осаде и штурме Ниццы. Позднее, при

преемнике Франциска Генрихе II, флот Османской империи под командованием адмирала Драгута Рейса также воевал на стороне Франции, оборонявшей Сиену (в 1552 году) и Корсику (захваченную у Генуи при поддержке мусульманского флота в 1553 году) от Испании и ее союзников Флоренции и Генуи.

Оборона Сиены была наполнена драматическими событями; голод косил защитников города. Маршал Монлюк писал позднее в своих воспоминаниях: «Войдя в марте, мы полностью проиграли, ибо с середины февраля во всем городе не оставалось ни единой капли вина. Мы съели всех лошадей, ослов, мулов, кошек и крыс, которые были в городе. Кошки продавались по 3–4 экю, а крысы – по одному экю. Во всем городе в живых оставались лишь четыре старые кобылы, тощие как никто, которые приводили в действие мельницы… нет ничего страшнее голода». [164]

Французский гарнизон Сиены капитулировал 17 апреля 1555 года, за две недели до выхода «Пророчеств» Нострадамуса. Корсику пришлось эвакуировать позднее, и по миру в Като-Камбрези (1559) Валуа отказывались от претензий на этот остров (в состав Франции Корсика вошла лишь во второй половине XVIII века). «Сиенского моря» не существует – здесь явная опечатка от *Genoyse,* «Генуэзское». Ошибка типографа, скорее всего, объясняется тем, что Сиена в дни, когда версталась книга, была у всех на устах.

Неудачные для Франции операции на Апеннинском полуострове описаны в катрене 3—23:

> Si France passes outre mer lygustique,
> Tu te verras en isles & mers enclos:
> Mahommet contraire: plus mer Hadriatique:
> Clievaulx & d'asnes tu rougeras les os.
>
> Если [ты], Франция, перейдешь Лигурийское море,
> Ты увидишь себя запертой на острове и в море;
> Магомет враждебен; еще больше – Адриатическое море.
> Ты будешь глодать кости лошадей и ослов.

Хотя турецкий и алжирский флоты действовали в союзе с Францией, Нострадамус явно не ждал от этого альянса ничего хорошего. Об этом он писал в альманахе на 1555 год: «Путь, открытый галлами-христианами варварам, приведет к поражению самих христиан. Ибо в 1655 году варвары захватят все. Поэтому я едва сдерживаю слезы, хотя срок этот и далек. Ибо могущество обитателей Юга поднимется на столь высокий престол, что

следует опасаться, как бы варвары через сто лет не заняли [Европу] до сих пределов (то есть до Франции. – *А. П.),* но это случится не на памяти ныне живущих» (PP 1—351, 352).

Пресловутая «французская небрежность» упомянута и в катрене 1—73:

> France a cinq pars par neglect assailie
> Tunys, Argiels esmeus par Persiens,
> Leon, Seville, Barcelonne fafflie
> N'aura la classe par les Venitiens.
>
> Франция из-за небрежности атакована с пяти сторон,
> Тунис и Алжир ввергнуты в смятение персами,
> Леон, Севилья, Барселона падут,
> Не получив флота от венецианцев.

Здесь мусульмане уже вовсю хозяйничают в Испании и атакуют Францию, при этом Венеция уклоняется от участия в конфликте. При этом Нострадамус «вводит» в крупномасштабные боевые действия в Европе и Берберии нового участника – Персию (Иран). Иран в пророчествах Нострадамуса занимает особое место. Европейцы возлагали большие надежды на турецко-персидские войны; предполагалось, что они подорвут могущество Турции и отвлекут ее от натиска на христианские земли. Войны между Османской империей и персидской династией Сефевидов в 1514–1555 годах действительно были ожесточенными; в результате их обширные территории Ирана – Западная Армения и Месопотамия – отошли к Османской империи. Турки захватили зависимую от персов Грузию, несколько раз совершали нападения на Иранский Азербайджан, вследствие чего Сефевидам пришлось перенести столицу из Тебриза в более защищенный Казвин.

Поскольку дипломатические контакты между Ираном и Европой начались лишь в XVII веке, представления об этой стране на Западе в середине XVI века были весьма размытыми. Франсуа Рабле то ли в шутку, то ли всерьез в предисловии к четвертой книге «Пантагрюэля» ставит знак равенства между шахом Ирана и легендарным пресвитером Иоанном, властителем мифической христианской страны на Востоке, вложив в уста Юпитера следующие слова: «Мы прекратили распрю между пресвитером Иоанном, царем персидским, и султаном Сулейманом, императором константинопольским. Мы утишили брань меж татарами и московитами». В то же время ранее, в XLI главе третьей книги, Рабле правильно называет властителя Ирана шахом: «С божьей помощью я бы замирил султана турецкого с

шахом персидским, татар с московитами».

Ришар Русса в третьей части своей книги изображает «персидского царя» чуть ли не христианином. В частности, он излагает совершенно немыслимую, анекдотическую историю о «персидском царе Зеноне», который в XVI веке якобы отдал в жены свою дочь некоему французу, «лангрскому принцу», воевавшему в Италии вместе с персами (!). Однако «персидская царевна» привезла с собой целую свиту злых духов, инкубов и суккубов. Зенон, человек достойный и доблестный, был очень опечален этим и прислал принцу своего родственника, а также мощи трех библейских отроков, которых в Вавилоне на жаровне во время оно пытался сжечь Навуходоносор: Анании-Седраха, Мисаила-Мисаха и Азарии-Авденаго. Эта реликвия была продемонстрирована Франциску I, а также кардиналам и прелатам в августе 1521 года. Силой мощей злые духи были успешно изгнаны.

Для Нострадамуса на первом этапе его пророческой деятельности Иран также являл собой совершеннейшую загадку. В выписках Шавиньи из альманаха на 1552 год Персия (Иран) и персы упомянуты трижды:

«Венгрия и Большая Греция будут вновь атакованы персами».

«15 числа нынешнего месяца [сентября] в Персии непременно будет одержана великая победа, там умрет великое множество варварского народа».

«[Ожидается] поддержание мира неким королевским альянсом, каковое, видимо, должно усыпить и пригасить огонь и кровь. Случится это во Франции, Испании, Венгрии, и между персами и лакедемонянами, которые ныне являются варварами».

В первом случае «персами» явно названы турки; в отличие от османов, персы никогда не вторгались в Венгрию. Во втором случае неясно, подразумевает Нострадамус под «Персией» Иран или Турцию. Третий пассаж уже разделяет персов и турок: Лакедемон, более известный как Спарта, занимал южную часть Пелопоннеса (Морей), который в XVI веке находился под властью Турции.

В альманахах на 1565 и 1566 годы Нострадамус уже четко различает Иран и Турцию:

«В течение всего этого месяца июля в самой глубине Востока, в Вавилонии начнется смертельная война; в дальнейшем они (жители Востока) ослабнут из-за свар между собой. Также смертельная война случится в Персии между теми, кто носит белую чалму, и теми, кто носит чалму синего, или небесного цвета; и люди, носящие небесный цвет, пожелают попытаться пройти из Азии через Африку в Европу, чему воспрепятствуют

арфиканцы. Затем в течение следующего месяца будут заключены некие мирные соглашения, сопровождаемые [все же] постоянной ненавистью, раздором и убийствами между белыми и синими» *(Alm. 1565, juillet)*.

«[Марс во Льве] означает величайший упадок, разрушение и неисчислимые потери турецкой нации в походах как морских, так и сухопутных» *(Alm. 1566, juillet)*.

Нострадамус часто именует «белыми головами» турок, носивших белые тюрбаны, а «синими» персов, хотя в ту эпоху головные уборы их воинов (кизилбашей) были не синими, а красными. Война между «синими головами» и «белыми» вновь разыгрывается в катрене 2–2:

> La teste blue fera la teste blanche
> Autant de mal que France a fait leur bien.
> Mort a l`anthenne grand pendu sus la branche,
> Quand prins des siens le roy dira combien.
>
> Синяя голова сделает белой
> Столько же зла, сколько Франция ей сделала добра.
> Труп на рее, великий повешен на ветке,
> Когда король скажет, сколько его людей взято.

По мнению француза Нострадамуса, альянс между Франциском I и султаном Сулейманом Великим был проявлением милости Валуа к своему турецкому союзнику. Еще один катрен (1—70) напрямую связывает Иран и Францию:

> Pluie, faim, guerre en Perse non cessee
> La foy trop grande trahira le monarque,
> Par la finie en Gaule commencee:
> Secret augure pour a ung estre parque.
>
> Непрекращающиеся дождь, голод, война в Персии,
> Слишком большая вера предаст монарха.
> Там заканчивается [война], начавшаяся в Галлии.
> Тайное знамение, чтобы одному быть сдержанным.

Что послужило источником пророческого вдохновения Нострадамуса – неясно. Известно только, что «непрекращающиеся дожди» отнюдь не свойственны иранскому климату. Возможно, мы имеем дело с опечаткой от слова *plaie* («бедствие»).

В катрене 2—96 Иран угрожает прямым вторжением в

турецкие владения, якобы предсказанным падением яркого метеора в Провансе:

Flambeau ardant au ciel soir sera veu
Pres de la fin & principe du Rosne:
Famine, glaive: tard le secours pourveu,
La Perse tourne envahir Macedoine.

Вечером в небе будет увиден пылающий светоч
Близ конца и истока Роны.
Голод, меч; подмога пришла поздно.
Персия возобновляет захват Македонии.

В катрене 3—31 Нострадамус описывает сражения двух «восточных гигантов» в Закавказье и Северном Иране:

Aux champs de Mede, d'Arabe & d'Armenie,
Deux grands copies trois foys s'assembleront:
Pres du rivage d'Araxes la mesnie,
Du grand Solman en terre tomberont.

На полях Мидии, Аравии и Армении
Трижды встретятся два больших войска.
Близ берега Аракса силы
Великого Солимана падут наземь.

Мидия – историческая область, соответствующая нынешним Иранскому Азербайджану и Курдистану; Аракс – река в Иране, Турции и Закавказье. Здесь по имени назван «Великий Солиман» – Сулейман Кануни, османский султан в 1520–1566 годах. Армения и Мидия, действительно, были ареной ожесточенных столкновений между Ираном и Турцией в 1514–1555 годах.

Мидия появляется и в катрене 3—64 как база для вторжения Ирана в Турцию:

3-64
Le chef de Perse remplira grande OLXAAES
Classe trireme contre gent Mahumetique
De Parthe, & Mede: & piller les Cyclades:
Repos long temps au grand port Ionique.

Глава Персии заполнит большие олькады, —
Флот трирем против магометан, —

[Солдатами] из Парфии и Мидии, разграбит Киклады.
Флот долго простоит на якоре в большом ионическом порту.

Олькада – греческое буксирное и грузовое судно. Трирема (триера) – боевое гребное судно с тремя рядами весел, расположенных один над другим в шахматном порядке. Парфия – область к юго-востоку от Каспийского моря, провинция древней Персии. Киклады – группа островов Эгейского моря вокруг Делоса. Что следует понимать под «большим ионическим портом», Нострадамус наверняка затруднился бы сказать сам. На Ионическом море много портов: Модона, Сиракузы, Отранто, Рагуза…

В катрене 3—78 иранцы захватывают нескольких германцев и – ни много ни мало – короля Шотландии, тогдашнего союзника Франции в борьбе против Англии. Экспансия «синей головы» в этом катрене достигает апогея – иранские корабли беспрепятственно проходят Гибралтар (Кальпу):

Le chef d'Escosse avec six d'Alemagne
Par gens de mer Orientaux captifs:
Transverseront le Calpre & Hespagne
Present en Perse au nouveau roy craintif.

Глава Шотландии с шестерыми из Германии
Схвачены людьми восточных морей.
Перейдут Кальпу и Испанский [пролив],
Подарены, боязливые, в Персии новому царю.

О других, более мирных, подарках Ирана идет речь в катрене 3—90:

Le grand Satyre & Tigre de Hyrcanie,
Don presente a ceux de l`Ocean:
Un chef de classe istra de Carmanie
Qui prendra terre au Tyrren Phocean.

Большой сатир и тигр из Гиркании —
Дар, поднесенный людям Океана.
Глава флота выйдет из Кармании,
Высадится в фокейском [порту] Тирренского [моря].

Гиркания – дикая земля к северу от Парфии и к юго-востоку от Каспия (Каспийское море называлось также Гирканским). В античное время она была известна своими лесами и тиграми. Вергилий в «Энеиде» (4, 367) пишет: «В чащах Гирканских ты был тигрицей вскормлен свирепой». Кармания (Караман) – провинция древней Персии, ныне Ларистан. «Сатирами» в античности называли не только мифических козлоногих существ, но и вполне реальных обезьян. «Люди Океана» здесь – французы. Турки преподносят своим христианским союзникам в дар экзотических персидских животных, доставив их на своем корабле через Средиземноморье в Марсель («фокейский порт»). Действительно, летом 1533 года турецкий султан подарил Франциску I тигра, верблюда и обезьяну. За ними ухаживали, показывали иностранцам, верблюд принимал участие в королевских процессиях и дожил до правления Генриха II.

Одновременно с выходом первого издания «Пророчеств» надежда на взаимное ослабление двух мусульманских гигантов стала призрачной. 29 мая 1555 года в Амасии (Малая Азия) был заключен мир, по которому Иран сохранил территории, захваченные им в Закавказье, а Османская империя – арабский Ирак с Багдадом; были разделены также Армения и Грузия. Следующая полоса турецко-иранских войн началась лишь в 1578 году. Однако Нострадамус все же надеялся на новый конфликт между мусульманскими империями.

«Великий турок» в катрене 5—25 назван «арабским принцем»; в самом деле, почти все арабы к тому времени объединились под властью турок:

Le prince Arabe, Mars, Sol, Venus, Lyon,
Regne d'Eglise par mer succombera:
Devers la Perse bien pres d'un million,
Bisance, Egipte ver. serp. invadera.

Арабский принц, – Марс, Венера во Льве, —
Уничтожит царство Церкви на море.
К Персии [идет] около миллиона.
Паразиты и змеи вторгнутся в Византию и Египет.

Здесь описаны победное шествие турок по Средиземноморью, в ходе которого пали такие островные твердыни, как Кипр и Родос, а также масштабное наступление османов против Ирана. Последняя строка неясна до конца; Византия перестала существовать под ударами турок в 1453 году, а Египет был присоединен к Османской империи в 1517 году. Очевидно, речь

идет о природных бедствиях вроде нашествия саранчи в Малой Азии и Египте.

В катрене 5—27 Иран отбивает у Османской империи Трапезунт (Трабзон), область на юго-восточном берегу Черного моря, и угрожает прорывом в Средиземное море:

Par feu & armes non loing de la marnegro
Viendra de Perse occuper trebisonde:
Trembler Pharos, Methelin, Sol alegro,
De sang Arabe d'Adrie couvert unde.

Огнем и оружием недалеко от Черного моря
Персия займет Трапезунт.
Дрожат Фарос, Митилена, Солнце палит,
Адриатическая волна обагрится арабской кровью.

Остров Фарос находится близ Александрии, а Митилена – на острове Лесбос, захваченном турками еще в 1462 году.

В катрене 5—86 рождение урода служит предзнаменованием наводнения, изгнания части дворян и новой атаки Ирана на Турцию («Византию»):

Par les deux testes & trois bras separes,
La cite grande par eaues sera vexee:
Des grans d'entre eulx par exil esgares,
Par teste perse Bisance fort pressee.

Из-за двух голов и трех разделенных рук
Большой город будет изнурен водами.
Великие сбиты с толку изгнаниями из их числа,
Византия сильно теснима персидской головой.

Особый интерес представляет катрен 9—73, так как в нем вроде бы содержится указание на вторжение Ирана («синий тюрбан») в Фуа, историческую область на юге Франции:

Dans Foix entrez Roy ceiulee Turban,
Et regnera moins revolu Saturne
Roy Turban blanc Bizance coeur ban
Sol Mars, Mercure pres la hurne.

Во Фуа войдет царь в синей чалме
И процарствует менее одного оборота Сатурна.

Царь в белой чалме в Византии, изгнанник-победитель.
Солнце, Марс, Меркурий вблизи Урны.

Однако правильность прочтения катрена подвергается сомнению. В некоторых ранних изданиях «Пророчеств» вместо Фуа фигурирует Фес – город в Марокко, крупный торговый и политический центр. Один оборот Сатурна занимает около 30 лет.

Смысл третьей строки раскрывается в одном из альманахов Нострадамуса:

«В течение всего месяца июля явит себя великий упадок арабов и всех их армий. И, согласно яснейшим указаниям этого соединения [планет], через 21 год, 7 месяцев и 14 дней, начинающегося в январе, являет себя начало изменения Византии, во Фракии, вследствие великих расколов. Царства будут затоплены византийской кровью; изгнанник воцарится на престоле. Явлено перемещение царства, как и упадок магометанства по истечении 960 лет (начиная с года хиджры, 622-го; упадок ислама, таким образом, относится к 1582 году; 960 лет – большой цикл соединений Юпитера и Сатурна. – *А. П.*); накануне срока в 72 года начнется некий великий раздор между белой и синей головами, или между белизной и небесным цветом; и с ними произойдут некие величайшие события» *(Alm. 1566, PL juillet)*.

Последняя строка указывает на конфигурацию планет, во время которой произойдет вторжение Ирана в Марокко (что поставило бы под удар гегемонию Турции в Северной Африке). Соединение Солнца, Меркурия и Марса в знаке Водолея – частое явление, отмеченное в январе—феврале 1505-го, феврале—марте 1520-го, январе 1522-го, январе 1539-го, январе 1554-го, январе—феврале 1567-го и феврале 1584 годов. С учетом того, что в альманахе предсказано начало упадка ислама в 1582 году, последняя дата представляется самой подходящей. Не вполне ясно, почему, предсказывая смуту в Турции и упадок ислама, Нострадамус в других катренах утверждал, что могущество «закона Мохаммеда» не поколеблется раньше XIX века. В начале осени 1566 года умер Сулейман Великолепный; при его преемниках Османская империя уже не росла, однако до ее политического крушения действительно оставалось более 350 лет. Впрочем, к ее гибели Иран не имел ни малейшего отношения.

Наконец, самый интересный катрен, связанный с ирано-турецким противоборством – 3—77:

Le tiers climat soubz Aries comprins
L'an mil sept cens vingt & sept en Octobre,
Le roy de Perse par ceux d'Egypte prins:
Conflit, mort, pte: a la croix grand opprobre.

Третий климат, тот, что под Овном,
В году 1727-м, в октябре
Царь Персии схвачен египтянами.
Война, смерть, поражение; большое посрамление кресту.

Ришар Русса, описывая соответствие планет территориям, сообщает: «Марс управляет Фракией, жестокой Азией и западными частями римских земель; он доминирует над третьим климатом, называемым александрийским. Знаки его силы – Овен и Скорпион».[165] 1727 год не является сколько-нибудь выдающимся в астрологическом отношении; источник, которым мог пользоваться Нострадамус при определении этой даты, не выявлен. Любопытно, что в реальной истории 4 октября 1727 года после очередной персидско-турецкой войны в Хамадане был подписан мирный договор на крайне невыгодных для Ирана условиях. Согласно этому соглашению, персидский шах Ашраф признал турецкого султана Ахмета III халифом всех мусульман-сунитов, а также признал отход к Оттоманской империи персидских владений – Армении, Грузии, Ирака и почти всего Западного Ирана. По меткому определению иранского историка Рамазани, «это драматическое продвижение турок сделало более реальной подчинение страны османами, чем когда-либо за долгую историю Ирана».[166] Шах Ашраф фактически сделался марионеткой турок («египтян»). Правда, уже в 1729 году он был свергнут полководцем Надиром, которому удалось захватить трон и вернуть почти все утраченные территории. Неясно, однако, что означает в этом контексте «большое посрамление кресту».

В катрене 2–4 берберийские корсары совершают опустошительные набеги на средиземноморское побережье Европы:

Depuis Monech jusques au pres de Secile
Toute la plage demourra desolee,
I1 ny aura fauxbourg, cite, ne vile
Que par Barbares pillee soit & vollee.

От Монако до самой Сицилии
Все побережье пребудет в отчаянии.
Не будет такого пригорода, поселка или города,

Который не был бы разграблен и обворован варварами.

Крепость Монако (Монек) была одним из важнейших стратегических пунктов на средиземноморском побережье.

О тех же набегах повествует и катрен 4—68

En l`an bien proche non esloigne de Venus,
Les deux plus grans le l'Asie & d'Affrique:
Du Ryn & bister, qu'on dira sont venus,
Crys, pleurs a Malte & coste ligustique

В будущем году, недалеко от Венеры,
Двое самых великих Азии и Африки
С Рейна и Истра, как скажут, придут.
Крики, плач на Мальте и Лигурийском берегу.

Толкователи Нострадамуса, переиначивая «Истр» в «Гистера», считают, что под «самыми великими Азии и Африки» Нострадамус подразумевал ось Берлин – Рим – Токио, участники которой развязали Вторую мировую войну. Мальта, принадлежавшая в те годы Англии, подвергалась блокаде Германией и Италией, а «плач на Лигурийском берегу» – не что иное, как бомбардировка Генуи авиацией союзников.

На самом деле «Венера» здесь – Венеция, а «двое самых великих Азии и Африки» – султан Сулейман Великолепный и его вассал, вождь алжирских пиратов. Мальта и итальянское побережье подвергались регулярным атакам флота мусульман на Средиземном море. Сам же катрен повествует о будущих военных успехах мусульман в Европе: им, как считал Нострадамус, суждено дойти от Дуная (Истра) до Рейна.

В другом «катрене Гистера», 5—29, вновь упомянуты турки:

La liberie ne sera recouvree,
L'occupera noir fier vilain inique:
Quant la matiere du pont sera ouvree,
D'Hister, Venise fachee la republique.

Свобода не будет вновь обретена, —
Ее присвоит черный жестокий, мерзкий, неправедный.
Когда будет изготовлен материал моста
ерез Истр, государство Венеция [будет] измучено.

Здесь вполне ясно, что речь идет не о мифическом Гистере, а об Истре (Дунае). На этот раз «черный» тиран (видимо, турок или берберие) угрожает Венеции.

В катрене 1—28 мусульманский флот вновь маячит у южных берегов Франции:

> La tour de Bouq gaindra fuste Barbare,
> Un temps, long temps apres barque hesperique,
> Bestail, gens, meubles tous deux feront grant tare
> Taurus & Libra quelle mortelle picque!
>
> У Тур-де-Бук фуста варваров поднимет паруса
> Через долгое время после гесперийского судна.
> Оба предпримут большой набег на животных, людей, движимое имущество;
> Телец и Весы, какая смертельная схватка!

Фуста – малое подвижное судно с длинным корпусом и низким бортом, способное идти как на парусах, так и на веслах (парусная галера). Тур-де-Бук («Козлиная башня») – сторожевая постройка XII века в Пор-дю-Бук, близ Мартига в Провансе. Ее пытались захватить в 1425 году испанцы, а в 1536-м имперские войска, вторгшиеся в Прованс. У греков Гесперией («страной заката») именовалась Италия, но у Нострадамуса под этим названием фигурирует и Испания: «…что и произойдет в странах итальянской, гесперийской [=Испании], германской и французской» (LGP 1557).

Видимо, Нострадамус полагал, что вслед за Габсбургами его родное побережье «испытают на прочность» уже «варвары», то есть жители Берберии. Берберийские корсары были настоящей грозой европейских флотов и побережий, что не раз отражалось в альманахах Нострадамуса:

«Христиане Леванта и морей Средиземного, Сицилийского, Лигурийского, Корсиканского, Адриатического и Сардинского много претерпят от фуст и внезапных вторжений варваров» (LGP 1557).

«В следующем месяце и в течение всего мая совершат насилия фусты варваров, пиратов, грабителей, морских разбойников, всякого рода похитителей» *(Alm. 1566, NL de Mars)*.

Последняя строка катрена в таком случае может означать период осады (с мая по октябрь, когда Солнце пребывает в Тельце и Весах).

Вождь североафриканских корсаров Хайреддин Барбаросса («господин Хереддин», как его именовали в официальных

французских документах, или «Хередда» – в просторечии) назван по имени в катрене 5—14:

Saturne & Mars en leo Espaigne captifve,
Par chef lybique au conflict attrape:
Proche de Malthe, Heredde prinse vive,
Et Romain sceptre sera par coq frappe.

Сатурн и Марс во Льве, Испания вовлечена
Ливийским вождем, напросившимся на конфликт;
Близ Мальты Хередда взят живьем,
И римский скипетр поражен петухом.

Сатурн и Марс встречаются во Льве 2 раза в 30 лет (в 1505–1506, 1535–1536, 1565–1566 годах и т. д.). В астрологии соединение этих двух «злых» планет, особенно во Льве, считается неблагоприятным. Этот катрен посвящен событиям лета 1535 года, когда Карл V предпринял удачную экспедицию в Тунис, в ходе которой флот Хайреддина потерпел тяжелое поражение. В том же году возобновилась война в Италии между Карлом V (владетелем римского скипетра) и Франциском I (символом Франции уже в XVI веке был петух), чьим союзником выступил Хайреддин. Однако алжирский правитель никогда не попадал в плен к христианам, в отличие от своего старшего брата Аруджа (Барбароссы I). Следует отметить, что к моменту публикации пророчества оба брата уже давно лежали в могиле.

В катрене 9—100 Запад терпит поражение в морской битве:

Navalle pugne nuit sera superee,
Le feu aux naves a l'Occident ruine:
Rubriche neufve la grand nef coloree,
Ire a vaincu, & victoire en bruine.

Морской бой будет выигран ночью.
Огонь на суда, разорение Западу.
Большой новый корабль раскрашен охрой.
Ярость к побежденному, – и победа в тумане.

Корабли в XVI веке раскрашивались в разные цвета – отсюда и «охра». Черно-белые гравюры тех лет не передают всей красоты тогдашних парусников и галер.

Катрен 5—94 представляет собой компиляцию из сборника пророчеств «Чудесная книга», широко распространенного во

Франции того времени:

> Translatera en la grand Germanie,
> Brabant & Flandres, Gand, Bruges & Bologne,
> La tresve faincte le grand due d'Armenie
> Assallira Vienne & la Cologne.
>
> Перенесет в Великую Германию,
> Брабант и Фландрию, Гент, Брюгге и Булонь
> Ложное перемирие; великий герцог Армении
> Будет штурмовать Вену и Кельн.

Великая Германия (лат.: *Germania Magna)* – в древнеримской географии – область к западу от Рейна, к северу от Дуная и к востоку от Сарматских гор; здесь – германские земли Священной Римской империи. Брабант и Фландрия, Гент, Брюгге – земли и города герцогства Бургундского, включенные в состав Священной Римской империи («Великой Германии») в конце XV века после дележа «Бургундского наследства». Гент, с его развитым цеховым производством и традициями самуправления, в XVI веке считался рассадником смут и вольнодумства. Булонь – город в северной Франции, важный стратегический пункт; захваченный Генрихом VIII, был выкуплен Францией в 1540 году.

Под «ложным перемирием», возможно, следует понимать Восельское перемирие между Генрихом II и Карлом V, заключенное в феврале 1556 года и нарушенное уже осенью; перемирие признавало завоевания обеих сторон (в том числе и в отношении того, что касалось бургундских земель). «Великий герцог Армении» здесь – турецкий султан и вообще восточный правитель. Предрекаются новое вторжение Турции в германские земли и осада Вены, а также атака на Кельн. Весь катрен представляет собой контаминацию пассажей из двух разделов «Чудесной книги». Первый, так называемое «Пророчество Тибуртинской Сивиллы», гласит: «Армяне, продолжая свои грабежи, выдвинутся со стороны Востока и вступят в войну с римлянами». Второе, приписанное святой Бригитте, сообщает: «Католики более не услышат ничего о турецком императоре, однако германские принцы не найдут согласия с Орлом (германским императором. – *А.П.*), и между ними вспыхнут междоусобные войны. Тогда объявится наследник Доглосия, пятнадцатый император, который опустошит Польшу, Мисию, Азию и [область реки] Прут. Он войдет в Пикардию (Северную Францию. – *А.П.*), Брабант и Фландрию и найдет смерть вблизи золотого яблока Агриппины *(Colonia Agrippina,* Кельн. – *А.П.*), как

предсказал Мерлин. Запечатлейте это в ваших сердцах, о верные!»

Нострадамус хочет сказать примерно следующее: пока монархи воюют за передел бургундских земель, турецкий султан Сулейман готовит удар по Германии. В 1529 году он действительно осаждал Вену и вторгался в германские земли; до Кельна он не дошел, но Нострадамус всего лишь повторяет старое пророчество. Сулейман I Кануни, однако, умер в 1566 году, через два месяца после кончины Нострадамуса. Новая осада турками Вены имела место в 1583 году и также оказалась безуспешной.

В катрене 5—55 предсказано появление завоевателя, который отвоюет у христиан Геную и Гранаду, а также потревожит Испанию:

De la felice Arabie contrade,
Naistra puissant de loy Mahometique:
Vexer l'Espaigne conquester la Grenade,
Et plus par mer a la gent lygustique.

В стране Плодородной Аравии
Родится могущественный в магометанском законе.
Изнурит Испанию, покорит Гранаду,
А потом, через море, – лигуров.

Плодородная (Счастливая) Аравия – историческая область на юге Аравийского полуострова, нынешние Йемен и Оман. Во времена Халифата, в X–XI веках, генуэзское побережье действительно было завоевано арабами, а сам город – разрушен.

В катрене 6—54 Османская империя захватывает Марокко:

Au poinct du jour au second chant du coq,
Ceulx de Tunes, de Fez & de Bugie:
Par les Arabes captif le Roy Maroq,
L'an mil six cens & sept, de Liturgie.

На заре, при втором крике петуха,
Людьми Туниса, Феса и Бужи,
Арабами пленен царь Марокко,
В году от литургии 1607-й.

Тунис принадлежал Испании в 1535–1570 годах. Бужи (ныне Беджайя) – портовый город на севере Алжира, с 1509 года находившийся под властью Испании. В 1555 году он был отбит алжирскими пиратами и стал их важной базой. Фес в то время

был столицей Марокко. В 1557 году, ровно за 50 лет до указанной в катрене даты, правитель Марокко Мохаммед аль-Махди был убит алжирским пашой в ходе операций, проводимых турками в Магрибе, в частности против Феса и Бужи. С захватом Марокко турки могли бы блокировать Гибралтар и запереть Средиземное море. Однако присоединить эту страну к своим владениям им так и не удалось.

Астрологически упоминание 1607 года могло быть обусловлено тем, что 26 февраля (по новому стилю) произошло полное солнечное затмение, хорошо видимое в Северной Африке – в частности, в перечисленных Нострадамусом городах. Затмение происходило в начале дня, «на заре». Согласно астрологическим законам, наибольшее влияние затмения оказывают в местностях, откуда их можно наблюдать. Воздействие затмений традиционно считается неблагоприятным.

В катрене 6—80 берберийские пираты вторгаются в Европу, в то время как турецкий султан теснит персов и христиан:

> De Fez le regne parviendra a ceulx d'Europe,
> Feu leur cite, & lame trenchera:
> Le grand d'Asie terre & mer a grand troupe,
> Que bleux, pers, croix, a mort deschassera.
>
> От Феса царство достигнет европейцев,
> Их города в огне, клинок будет рубить.
> еликий из Азии по суше и по морю [приведет] большое войско,
> Которое загонит синих персов [и] крест до смерти.

Последнюю строку можно понять и так, что «крест» (то есть христиан, европейцев) «загонят до смерти» персы, вступившие с турками в союз. Возможно и другое прочтение: крест загонит и персов, и турецкое войско. Это классический пример оракульной двусмысленности, часто используемой Нострадамусом.

В катрене 10–31 измаильтяне («сыны Измаила», мусульмане-арабы) проникают в германские земли и в Карманию, область между Ираном и Персидским заливом, закапывая заживо иранских воинов:

> Le saint empire viendra en Germanie,
> Ismaelites trouveront lieux ouverts.
> Anes vouldront aussi la Carmanie,
> Les soustenens de terre tous converts.

Священная империя придет в Германию,
Измаильтяне найдут открытые места.
Ослы также захотят Карманию,
Все защитники засыпаны землей.

В катрене 5—73 будущее Европы обрисовано в совершенно удручающем виде:

Persecutee sera de Dieu l`eglise,
Et les sainctz temples seront expoliez:
'enfant la mere mettra nud en chemise,
Seront Arabes aux Polons raliez.

Божья Церковь подвергнется преследованиям,
И священные храмы будут разграблены.
Мать завернет голого ребенка в рубашку.
Арабы вступят в союз с поляками.

Эскалация реформационного движения сочетается здесь с парадоксальным на первый взгляд союзом Польши и турок. Однако в Европе XVI века такой альянс отнюдь не казался странным и тем более невозможным. Польше действительно угрожали турецкие войска, и ее осторожное лавирование между Западом и Османской империей неоднократно вызывало подозрения о сговоре Речи Посполитой с мусульманами. После захвата Венгрии турками в 1526 году австрийские Габсбурги и польские Ягеллоны возлагали друг на друга вину за неоказание помощи королю Лайошу II; это было темой одной из самых болезненных дискуссий в Европе того времени.

В катрене 9—90 полководец Священной Римской империи сдается турецкому султану:

Un capitaine de la grand Germanie
Se viendra rendre par simule secours
Un Roy des roys ayde de Pannonie,
Que sa revolte fera de sang grand cours.

Полководец [из] Великой Германии
Сдастся под предлогом подмоги
Царю царей при поддержке Паннонии,
Так что его бунт произведет великое кровопролитие.

Строго говоря, интрига этого катрена не ясна до конца; значение глагола *se rendre* – не только «сдаваться», но и «отправляться», «предстать перед кем-либо». Во Франции к тому же «королем королей» именовали преимущественно французского монарха. Однако присутствие здесь Венгрии, большая часть которой в XVI веке была оккупирована турками, свидетельствует в пользу приведенного варианта прочтения.

В катрене 9—94 турецкая армия через Восточную Германию выходит на берег Балтийского моря:

Faibles galleres seront unies ensemble
Ennemis faux le plus fort en rampart:
Faible assallies Vratislave tremble,
Lubecq & Mysne tiendront barbare part.

Слабые галеры объединятся.
Злые враги, сильнейший – на линии обороны.
Слабые атакованы, содрогнется Вратислав,
Любек и Мейсен примут сторону варваров.

Любек – вольный имперский город на берегу Балтийского моря; Мейсен – город в Саксонии на реке Эльбе. Вратислав (лат.: *Wratislavia)* – не Братислава, как можно подумать, а старое название нынешнего польского города Вроцлав, который под немецким названием Бреслау входил в состав Священной Римской империи, находясь на восточном ее рубеже.

В катрене 10–61 Нострадамус использует малоизвестные восточноевропейские топонимы:

Betta, Vienne, Emorre, Sacarbance,
Voudront livrer aux Barbares Pannone:
Par picque & feu, enorme violance,
Les conjurez descouvers par matrone.

Бетта, Вена, Эмона, Скарабанция
Пожелают сдать варварам Паннонию;
От свары и огня огромная жестокость.
Заговорщики раскрыты матроной.

Бетта на Драве, в Штирии – один из «неуловимых» городов Нострадамуса, идентифицированных лишь в начале XXI века. Во времена Нострадамуса написание этого названия варьировалось в очень широких пределах: *Betta, Bettaw, Pettaw, Pettau, Petovio.* Ныне

она именуется Птуем – это древнейший город Словении, известный с римских времен. Эмону (лат.: *Emone, Aemona, Emana,* у Нострадамуса – *Emorre,* явная опечатка) идентифицировать проще. Так называлось древнеримское поселение, на месте которого позднее выросла Любляна, ныне столица Словении (тогдашнее название – Лайбах). Скарабанция – римское название современного города Шопрон в Венгрии. В XVI веке все эти населенные пункты оставались в составе владений австрийских Габсбургов. Катрен предсказывает, что приграничные дунайские области примут сторону Турции, однако их заговор будет разоблачен некоей замужней дамой (матроной).

В следующем катрене, 10–62, турки продолжают наступление в славянских областях и исламизируют местное население:

> Pres de Sorbin pour assallir Ongrie,
> L'heroult de Bude les viendra advertir:
> Chef Bizantin, Sallon de Sclavonie,
> A loy d'Arabes les viendra convertir.
>
> Близ Сорбии [соберутся], чтобы атаковать Венгрию,
> Герольд из Буды известит их.
> Византийский вождь славонскую Салону
> Обратит в арабский закон.

Под «Сорбией» понимается либо Сербия (к моменту написания «Пророчеств» она уже была захвачена турками), либо собственно Сорбия (Лужица или Сорбская марка) – область в юго-восточной Германии близ Дрездена. В Сорбии до сих пор проживает славянский микронарод – лужицкие сербы (сорбы, лужичане). В XVI веке Сорбия пребывала в составе Чешского королевства под властью австрийских Габсбургов. Буда – историческая часть Будапешта на правом берегу Дуная; в XVI веке она и левобережный Пешт были еще отдельными городами. Под «византийским вождем» следует понимать султана. «Славонская Салона» – далматинский город Сплит, в 1527 году захваченный турками у Венеции. Постоянные сражения в Центральной Европе (Австрия, Далмация и Венгрия) и исламизация оккупированной турками части Балкан – исторические реалии первой половины XVI века.

В катрене 5—68 Франция спасает Европу от мусульманского нашествия:

> Dans le Dannube & du Rin viendra boire,
> Le grand Chameau ne s'en repentira:

Trembler du Rosne & plus fort ceulx de loire:
Et pres des Alpes coq le ru`i'nera.

На Дунае и из Рейна напьется
Великий Верблюд, [и] не раскается в этом.
Содрогнется Рона и более сильные с Луары,
А близ Альп Петух его погубит.

Магометане без особых усилий захватят Центральную и Западную Европу, но в Альпах Франция («Петух») прервет их победное шествие.

В катрене 5—69 древний монарх-спаситель приходит на помощь потомкам:

Plus ne sera le grand en faulx sommeil,
L'inquietude viendra prendre repoz:
Dresser phalange d'or, azur, & vermeil,
Subjuguer Affrique la ronger jusques aux oz.

Великий более не пребудет в ложном сне.
Беспокойство отправится на покой.
Потрясая фалангой из золота, лазурита, вермеля,
Подчинит Африку, обглодает ее до костей.

Здесь пересказывается христианская эсхатологическая легенда, распространенная как на Западе, так и на Востоке. Согласно западному ее варианту, Карл Великий не мертв, он спит где-то в Шварцвальде, дожидаясь часа, когда он воспрянет ото сна, чтобы возглавить новый крестовый поход против «неверных». Восточное христианство также испытало влияние этой легенды. Например, в «Слове Мефодия Патарского о царстве народов и последних временах» (XI) говорится: «Тогда внезапно восстанет на них (арабов. – *А. П.*) царь Эллинский, то есть Римский, с яростью великой. Пробудится как человек, вставший ото сна, как бы [от] возлияний. О нем думали люди, что он мертвый и ни на что не годен». У Нострадамуса воскресший правитель, потрясая императорским скипетром, отправит войска на покорение мусульманской Африки.

В катрене 6—49 описан успешный крестовый поход на дунайские земли, находящиеся во власти турецкого султана:

De la partie de Maimer grand Pontife,
Subjuguera les confins du Dannube:

Chasser les croix par fer raffe ne riffe,
Captifz, or, bagues plus de cent mille rubes.

Со стороны Маммера великий понтифик
Покорит пределы Дуная,
Крест[оносц]ы охотятся, от стали – полное разграбление,
Пленные, золото, сокровищ более чем на 100 000 рубов [веса].

Неясно, что такое «Маммер»; возможно, это искаженное немецкое название реки Неман – *Memel*. В те времена рассматривались вполне осуществимые планы удара по туркам с севера, со стороны Немана – его должны были нанести объединенные силы Польши и немецких княжеств. Руб – старинная мера веса в 25 ливров (около 50 килограммов); 100 тысяч рубов = 4,530 тонны.

В катрене 3—61 описывается еще один крестовый поход – на этот раз в Месопотамию:

La grande bande & secte crucigere
Se dressera en Mesopotamie:
Du proche fleuve compaignie legiere,
Que telle loy tiendra pour ennemie.

Большое войско и секта крестоносцев
Утвердится в Междуречье.
[Будет] легкий эскадрон от ближайшей реки,
Который этот закон сочтет вражеским.

Впечатляющие детали последнего крестового похода описаны в катрене 5—70:

Des regions subjectes a la Balance,
Feront troubler les monts par grande guerre:
Captif tout sexe deu, & tout bisance,
Qu'on criera a l'aulbe terre a terre.

Края, подчиненные Весам,
Заставят горы содрогнуться из-за большой войны.
Порабощены пленники обоих полов и вся Византия,
О чем на рассвете будут кричать от земли к земле.

«Края, подчиненные Весам» – Запад вообще, Испания или Италия. Армия Запада здесь вторгается в Малую Азию.

В катрене 10–95 Испания завершает свой «личный» крестовый поход на Юг:

> Dans les Espaignes viendra Roy trespuissant,
> Par mer & terre subjugant or midy,
> Ce mal fera rabaissant le croissant,
> Baisser les aesles a ceux du vendredy.
>
> В испанских землях явится могущественнейший король,
> Морем и сушей покоряя Юг.
> Это несчастье, вновь принижая Полумесяц, заставит
> Опустить крылья людей пятницы.

Таким образом, Испания подчинит Средиземноморский бассейн, что ослабит «людей пятницы» (мусульман), но также поставит под угрозу амбиции Генриха II («Полумесяц»). Действительно, интересы Франции и Османской империи смыкались; этим был вызван франко-турецкий альянс, сдерживающий Габсбургов на Юге Европы.

В катрене 6—85 французы в союзе с португальцами высаживаются на юго-востоке Малой Азии, в Тарсе:

> La grand cite de Tharse par Gaulois,
> Sera destruicte, captifz tous a Turban:
> Secours par mer du grand Portugalois,
> Premier d'este le jour du sacre Urban.
>
> Большой город Таре галлами
> Будет разрушен, все в чалмах пленены.
> От великого португальца [придет] помощь по морю
> В первый день лета, посвященный святому Урбану.

День святого Урбана праздновался 25 мая по юлианскому календарю.

В катрене 5—78 два могущественных европейских союзника наносят сокрушительный удар по «варварам», и католичество – барка Святого Петра – торжествует:

> Les deux unys ne tiendront longuement,
> Et dans treze ans au Barbare satrappe:
> Aux deux costes seront tel perdement,

Qu'on benira la barque & sa cappe.

Двое объединенных недолго будут удерживаться,
И через 13 лет варварскому сатрапу
С двух сторон нанесут такой урон,
Что благословят лодку и ее мантию.

В катрене 3—97 на мусульманские территории приходит другая религия (по-видимому, христианство):

Nouvelle loy terre neufve occuper
Vers la Syrie, Judee, & Palestine:
Le grand empire barbare cornier,
Avant que Phebes son siecle determine.

Новый закон воцарится в новой земле
К Сирии, Иудее и Палестине.
еликая варварская империя обрушится
Прежде, чем Феба завершит свой век.

Феба – Луна, сестра Феба-Аполлона, бога Солнца. Таким образом, события, описанные в катрене, должны произойти до окончания цикла Луны (1888 год). «Великая варварская империя» – османская Турция. Нострадамус предсказывает падение Османской империи и вычленение из ее состава Святой земли. Следует отметить, что он ошибся лишь на 30 лет – в 1918 году империя распалась под натиском Антанты, и Сирия с Палестиной стали колониями европейских держав (что при желании также можно считать «новым законом»).

В катрене 9—43, однако, крестоносцы оказываются разгромлены:

Proche a descendre l`armee Crucigere
Sera guettee par les Ismaëlites
De tous cottez batus par nef Raviere,
Prompt assaillis de dix galeres eslites.

Готовая к высадке крестоносная армия
Попадет в ловушку измаильтян.
Со всех сторон побиты парусниками,
Мгновенно атакованные десятью отборными галерами.

Судьба пленных крестоносцев незавидна, как следует из катрена 9—62:

Au grand de Cheramon agora
Seront croisez par ranc tous attachez,
Le pertinax Oppi, & Mandragora,
Raugon d'Octobre le tiers seront lascpez.

На большом […] в Керамонагоре
Будут в шеренгу построены все крестоносцы.
Стойкий опий и мандрагора,
Октябрьский «Рогон», третьего, будут выпущены.

В первой строке не хватает двух слогов; скорее всего, выпало слово *marche,* «рынок». Керамонагора, по-гречески «Гончарный рынок» – античный город в Мисии, северо-западной части Малой Азии. Опий – высушенный млечный сок незрелых семенных маковых коробочек, морфинсодержащий наркотик. В XVI веке он считался действенным лекарством. В турецкой армии опий давали солдатам для поднятия боевого духа, а капитаны раздавали его морякам при приближении бури. Мандрагора – растение семейства пасленовых, с клубневидными корнями, содержащими алкалоиды, которым приписывалась магическая сила; они использовались в качестве возбудителя сексуального желания (Нострадамус в своем сборнике рецептов приводил рецепт афродизиака из мандрагоры). В реальности же мандрагора – опаснейшее ядовитое растение, способное вызвать смертельное отравление из-за содержащегося в ней атропина. В небольших дозах вызывает спячку и сонливость, судороги, измененное состояние сознания (слуховые и зрительные галлюцинации), длительное ухудшение зрения. Известно, что на Востоке отваром мандрагоры поили пленников, чтобы подавить в них сопротивление. «Рогон» – неидентифицированный топоним или прозвище. Судя по всему, в катрене идет речь о торговле на рынке пленными крестоносцами – и их последующем освобождении.

6-7
Norneigre & Dace, & l'isle Britannique,
Par les unis freres seront vexees:
Le chef Romain issu de sang Gallique,
Et les copies aux forestz repoulsees.

Норнегрия с Дакией и Британский остров
Будут терзаемы объединившимися братьями, —

Римский вождь галльской крови, —
И войска вновь отброшены в леса.

Разными комментаторами предлагались разные толкования этого катрена. Странный топоним *Norneigre* они переводят как «Норвегия». В XVI веке написание этой страны во французском языке еще не устоялось. Однако в альманахе на 1566 год Нострадамус, говоря о Норвегии, называл ее *Nordvergie,* что совсем не похоже на *Norneigre.* По-видимому, катрен – по крайней мере в своей «географической» части – вдохновлен средневековым пророчеством Иоганна Ватигеро, опубликованным при жизни Нострадамуса, в частности, в знаменитой «Чудесной книге» – сборнике политических пророчеств о будущем Франции. Ватигеро, в частности, говорит: «Армения, Фригия, Дакия и Новаргия *(Novargia)* будут жестоко подчинены своими врагами; они будут разграблены и опустошены жестоко и необратимо». Новаргия и Норнегрия, – конечно, не одно и то же, но и Норвегией здесь, как говорится, не пахнет.

Автор этих строк полагает, что «Норнегрия» Нострадамуса – Северное Причерноморье. Это вполне уместно в географическом контексте: Дакия – римская провинция, занимавшая часть территории современной Румынии (Трансильванию, Банат, Олтению). Что до «объединившихся братьев», то этот образ принадлежит к христианской эсхатологической традиции; в «последние времена» мир будет разделен между двумя или тремя владыками. Кроме того, северные братья-короли потревожат Восток. О них писал и Нострадамус: «И выйдут владыки Севера, числом двое, победителями над людьми Востока, и от этого произойдет столь великий шум и ратный гром, что весь этот Восток содрогнется от страха перед этими северными братьями – не братьями» (Послание Генриху II, 38).

Сколько же лет суждено сражаться Востоку и Западу? В катрене 4—50 Нострадамус предполагает, что их противостояние продолжится до конца времен:

Libra verra regner les Hesperies,
De ciel, & terre tenir la monarchie:
D'Asie forces nul ne verra peries
Que sept ne tiennent par rang la hierarchie.

Весы увидят владычество Гесперии,
Предержащей власть над небом и землей.
Никто не увидит, как гибнут силы Азии,
Прежде чем во главе иерархии не сменятся семеро.

Первые две строки с небольшим искажением заимствованы из трактата римского астролога Марка Манилия «Астрономика» (IV, 773–774):

> Геспер принадлежал Весам, когда основывался Рим,
> Ныне владеющий миром, решающий судьбы брошенных на весы народов.

Под Геспером здесь понимается Луна, под Гесперией – Запад. Последняя строка катрена указывает, что Восток будет повержен лишь после завершения полного цикла семи планет-управителей; цикл Солнца, венчающего эту иерархию, закончится около 2242 года.

Сходная мысль высказана и в катрене 5—11:

> Mer par Solaires seure ne passera,
> Ceulx de Venus tiendront toute l`Affrique:
> Leur regne plus Sol, Saturne n'occupera,
> Et changera la part Asiatique.
>
> Люди Солнца точно не пройдут море.
> Люди Венеры овладеют всей Африкой.
> Их царство не будет более включать [земли] Солнца и Сатурна,
> И изменится азиатская часть [их страны].

Трактовка и перевод катрена основаны на астрологических управителях почитаемых в соответствующих религиях священных дней и планет: Солнце – воскресенье и христианство; Венера – пятница и ислам; Сатурн – суббота и иудаизм (чьи земли – Иудея и Палестина). Под Африкой в географии эпохи Возрождения понималась Северная Африка, а под Азией – Малая Азия. По мнению Нострадамуса, Запад не сумеет удержаться за Средиземным морем и вся Северная Африка окажется под контролем исламских народов. В Малой Азии (собственно Турции) грядут перемены. Насколько можно понять третью строку, Османская империя потеряет Святую землю – вероятно, в результате нового крестового похода.

В катрене 5—53 Нострадамус предсказывает вечное соперничество ислама и христианства:

La loy du Sol, & Venus contendens,
Appropriant l'esprit de proprieties
Ne lun ne lautre ne seront entendens,
Par Sol tiendra la loy du grand Messie.

Законы Солнца и Венеры соперничают,
Присваивая дух пророчества.
Ни один, ни другой не будут услышаны.
Силой Солнца удержится закон великого Мессии.

Согласно катрену 8—59, Восток, порядком потрепав Запад, все-таки проиграет:

Par deux fois hault, par deux fois mis a bas
L'orient aussi l'occident foyblira
Son adversaire apres plusieurs combats
Par mer chasse au besoing faillira.

Дважды возобладав и дважды будучи повергнутым,
Восток также ослабит Запад.
Его противник после нескольких сражений
Изгнан с моря, потерпит неудачу в затруднении.

Под первым возвышением Востока следует понимать времена Халифата, под вторым – турецкую экспансию в XV–XVI веках. Следовательно, битва с Османской империей будет последним сражением христианского Запада с Востоком.

Глава одиннадцатая
НА КРАЮ ИСТОРИИ

Особый интерес представляет та часть пророчеств Нострадамуса, которая повествует о последних временах перед концом света. Пришествие Антихриста, важнейшей фигуры христианской эсхатологии, «сына греха, человека погибели», как его называл апостол Павел, занимало христиан во все времена, а особенно в XV–XVI столетиях, когда ожидание конца света было особенно сильным в связи с религиозным расколом. Франсуа Рабле даже посмеялся над ним: «Разве ты не знаешь, что близится конец света?.. Я слышал, антихрист уже народился. Правда, пока он только царапает кормилицу и нянек и до времени не обнаруживает своих сокровищ: он еще мал» (III, XXVI).

Фигура Антихриста часто появляется в пророчествах Нострадамуса, причем неоднократно пророк называет его по имени. В книге провансальского предсказателя смешались разные легенды о «сыне греха» – и его союз с мусульманами, как в «Откровении Мефодия Патарского», и то, что Антихрист станет воплощением Нерона или Калигулы, гонителей первых христиан, и длительная война, которую будет вести с Антихристом его земной антипод – Последний Монарх христианского мира.

Важным предвестием Второго пришествия должна стать реставрация языческих культов. Массовый интерес к античности в эпоху Ренессанса не обходился без эксцессов, вызывавших серьезные подозрения у ортодоксальных христиан. Например, в 1560 году поэты «Плеяды» устроили пир в античном духе, в ходе которого Пьер Ронсар собственноручно принес в жертву козла. Этот и другие примеры, по мнению Нострадамуса, не были случайными – они являли собой тенденцию.

1-42
e dix Kalendes d'Apvril de faict Gotique
Resuscite encor par gens malins:
Le feu estainct, assemblee diabolique
Cherchant les or du d'Amant & Pselyn.

В десятый день [до] апрельских календ готическое дело
Вновь воскрешено злодеями.
При погашенном огне сатанинское сборище
Изыскивает мерзости А[да]манта и Пселла.

10-й день до апрельских календ – день казни Иисуса Христа. Лактанций в сочинении «О смертях гонителей» (II, 1) пишет: «На исходе правления Тиберия Цезаря, как мы читаем в Писании, Господь наш Иисус Христос был казнен иудеями по истечении (правильно – „за“. – *А. П.*) 10 дней [до] апрельских календ при двух консулах Близнецах». Безусловно, устраивать празднества в день памяти Спасителя могут только язычники и дьяволопоклонники. Что до «готического» (на языке эрудитов Возрождения «варварского») дела, то в альманахе Нострадамуса на 1555 год читаем: «Готические и варварские дела начнут давать новые побеги недалеко от Рима, включая Италию».

Последняя строка катрена непроста для понимания. «Мерзости Адаманта и Пселла» *(les ords d'Adamant & Pselyn)* – исправление (конъектура) французского исследователя Ж. Дюпеба. Адамант (Адамантий, что означает «прочный как алмаз») – прозвище раннехристианского богослова Оригена (ок. 185 – ок. 253). Михаил Пселл (1018–1096) – византийский политический деятель, писатель, ученый. И Пселл, и Ориген боролись с гностическими течениями в христианстве, обвиняя гностиков в ужасных богохульствах. Например, они утверждали, будто те собираются 23 марта, за 10 дней до апрельских календ, и в темноте предаются кровосмешению. Младенцы, рожденные от этих инцестов, затем поедаются ими в магических целях. Примечательно, что во времена Нострадамуса католики приписывали гугенотам точно такие же преступления. Это навело Дюпеба на предположение, что *Gotique* следует читать как *Gnostique* – «гностическое». Однако после частичной публикации альманаха на 1555 год, где также фигурирует «готическое дело», следует признать, что оснований для такой конъектуры недостаточно.

Впрочем, и так ясно, что катрен предсказывает: 23 марта сатанинское сборище варваров, погасив лампы, будет предаваться мерзостям, описанным богословами Адамантием и Пселлом. Вскоре эти нечестивые дела выйдут из подполья:

1-44
En brief seront de retour sacrifices,
Contrevenans seront mis a martyre:
Plus ne seront moines abbes ne novices:
Le miel sera beaucoup plus cher que cire.

Вскорости вернутся жертвоприношения,
Нарушители будут преданы мукам,
Более не будет монахов, священников и послушников,

Мед станет намного дороже, чем воск.

Возвращение языческих культов будет сопровождаться жестокими гонениями на церковь, как во времена ранних христиан. Воск, из которого изготовлялись церковные свечи, окажется никому не нужен: мед, символ удовольствия, будет намного милее. Нострадамус упоминал об этом и в своем письме Генриху II (28): «Будут воздвигнуты храмы, как в первые времена, и верховному жрецу будет возвращено его изначальное состояние, и он начнет блудить и купаться в роскоши, творить и совершать тысячу преступлений».

Где язычество и гонения на христиан – там и шумные празднества, и тирания наподобие Нероновой. Этьен Ла Боэси (1530–1563), современник Нострадамуса, автор тираноборческого трактата «Рассуждение о добровольном рабстве», расходившегося в рукописных копиях, писал: «Театры, публичные игры, представления, фарсы, зрелища, гладиаторы, невиданные животные, медали, картины и тому подобные глупости – таковы были у античных народов приманки рабства, цена их свободы и оружие тирании. Таковы были приемы, такова была практика, таковы были приманки, применявшиеся античными тиранами для удержания подданных под своим ярмом. Таким образом, народы, сбитые с толку этими развлечениями, увеселяемые пустыми забавами, устраиваемыми перед их глазами, привыкали к рабству так же простодушно, – но только с несравненно худшими последствиями! – как малые дети, которые выучиваются читать лишь для того, чтобы знать содержание ярко раскрашенных картинок в книжках… Простой народ всегда таков: он жаден и падок на удовольствия, которых не может получить честным путем, и бесчувствен к несправедливости и мучениям, с которыми нельзя мириться без ущерба для чести».[167] Нострадамус вторит Ла Боэси в катрене 1—45:

Secteur de sectes grand preme au delateur:
Beste en theatre, dresse le jeu scenique:
Du faict antique ennobli l'inventeur,
Par sectes monde confus & scismatique.

Гонитель сект [учредит] большую награду доносчику,
Зверь в театре, поставлены сценические игры.
Пожалован дворянством изобретатель [этого] античного дела,
Сектами мир запутан и ввергнут в раскол.

Здесь упоминается плата доносчикам (доносителям на тайных протестантов во Франции в первой половине XVI века полагалась награда), оживлявшая в памяти худшие периоды римской истории: «Плата доносчикам вызывает не меньше негодования, чем их преступления» (Тацит, История, I, 2). Здесь и массовые зрелища – спутники тирании («сценическими играми» – *ludi scenici* – в дохристианском Риме называли театральные представления, в противоположность *ludi circenses,* представлениям на цирковой арене). Впрочем, в катрене 2—12 некий монарх карает протестантов-неоязычников, закрывающих монастыри и расхищающих церковные ценности:

> Yeux clos, ouverts d'antique fantasie
> L'habit des seulz seront mis a neant,
> Le grand monarque chastiera leur frenesie:.
> Ravir des temples le tresor par devant.
>
> С закрытыми глазами, обращенными на античную выдумку,
> Обиталище отшельников будет обращено в ничто.
> Великий монарх покарает их безумство,
> [Но] прежде похитят сокровища из храмов.

В катрене 1—50 гонения на протестантов и раскол христианства становятся прелюдией к появлению Антихриста:

> De l'aquatique triplicite naistra
> D'un qui fera le jeudy pour sa feste:
> Son bruit, loz, regne, sa puissance croistra,
> Par terre & mer aux orients tempeste.
>
> От водного тригона родится
> Некто, который сделает четверг своим праздником,
> Молва о нем, слава, царство, его могущество возрастут,
> С земли и моря на Восток придет буря.

Водным тригоном именуется группа зодиакальных знаков стихии Воды – Рак, Скорпион и Рыбы. Согласно принципам астрологии Альбумазара о планетных циклах, владычество каждой из четырех стихий (Огня, Воздуха, Земли и Воды) длится 240 лет, на протяжении которых соединения Юпитера и Сатурна – самых дальних и медленных из известных на то время планет Солнечной системы – происходят почти исключительно в знаках

этих стихий. Эти соединения считаются ключевыми для судеб всего мира. В частности, считалось, что во время соединений Юпитера и Сатурна в стихии Воды рождаются основатели религий и крупных сект. Такие соединения происходили в мае 1504-го, январе 1524-го, сентябре 1544-го, августе 1563-го и т. д.

В этом катрене речь идет о создателе новой мировой религии, за которой будет закреплен особый день недели (подобно тому, как священными днями у мусульман, иудеев и христиан являются пятница, суббота и воскресенье соответственно). Этот день – четверг, в Древнем Риме посвященный верховному языческому богу Юпитеру. Образ героя, при таинственных обстоятельствах появившегося на свет в связи со стихией воды, был очень популярен в эпоху Возрождения. Таков, например, Юноша Моря, герой знаменитого испанского рыцарского романа «Амадис Гальский», которым зачитывалась ренессансная Европа.

Если встреча Юпитера и Сатурна в знаке стихии Воды ознаменует приход Антихриста, то соединение этих планет в начале знака Овна («главе Овна», *caput Arietis)* чревато войнами и смутами. В альманахе на 1564 год Нострадамус кратко упоминал об этом «зловредном» соединении; в катрене 1—51 о нем сказано более подробно:

> Chef d'Aries, Juppiter & Saturne,
> Dieu eternel quelles mutations!
> Puis par long siecle son maling temps retourne,
> Gaule & Italie quelles esmotions!
>
> Глава Овна, Юпитер и Сатурн.
> Боже всевышний, какие перемены!
> Затем через долгий век его злое время вернется.
> Галлия и Италия, какие волнения!

О влиянии соединения Юпитера и Сатурна в Овне в начале XVIII века Нострадамус мог прочесть у Ришара Русса: «Примечательнейшее сближение и соединение Сатурна и Юпитера, которое произойдет близ главы Овна, в году нашего Господа 1702 по всему миру явит на земле славные, восхитительные и более чем величайшие изменения и сдвиги». [168] Кроме 1702 года Юпитер и Сатурн соединялись в Овне еще дважды – в 1762 и 1821 годах, однако не в начале этого знака.

Катрен 6–2 также посвящен грядущим соединениям Юпитера и Сатурна. Он тем более интересен, что Нострадамус назвал в нем конкретные даты – и не одну, а сразу две:

En l`an cinq cens octante plus & moins,
On attendra le siecle bien estrange:
En Pan sept cens, & trois cieulx en tesmoings,
Que plusieurs regnes un a cinq feront change.

В году [1]580, более или менее,
Будут ждать очень тяжелого века.
В году [1]703, о том свидетельствуют небеса,
Несколько царств поменяют 1 на 5.

1580-е годы как период великих перемен упомянуты и в «Письме к Генриху II» (5): «Я помышлял оставить записи о годах, городах, поселках, краях, где произойдет большинство [событий], в том числе о годе 1585-м». 1583–1585 годы – период «большого соединения» Юпитера и Сатурна в знаке Овна. Астрологи ожидали в это время больших перемен в мире; в частности, Джироламо Кардано считал, что в 1583 году произойдет распад Священной Римской империи. Вероятно, о расколе империи (который, по мнению Нострадамуса, должен произойти в начале XVIII века, при следующем соединении Юпитера и Сатурна в Овне) идет речь в третьей строке катрена.

В реальной истории 1580 и 1703 годы действительно были ознаменованы значительными политическими событиями. В 1579–1580 годах образовались независимые Нидерланды, Филипп II присоединил Португалию к Испании, а во Франции началась очередная религиозная война. В 1703 году началась война за испанское наследство, Савойя вступила в союз с империей, а Португалия присоединилась к антифранцузской коалиции.

Не только Юпитер, соединяясь со «зловредным» Сатурном, вызывает негативные последствия. Другая «зловредная» планета, Марс, также способна натворить бед, как предполагает катрен 1—52:

Les deux malins de Scorpion conjoints,
Le grand seigneur meurtry dedans sa salle:
Peste a l'eglise par le nouveau roy joint,
L'Europe basse & Septentrionale.

Две зловредные [планеты] соединятся в Скорпионе.
Великий властитель умерщвлен в своем зале.
Бедствие – церкви; новым королем объединены
Нижняя и Северная Европа.

Марс и Сатурн соединяются в Скорпионе каждые 30 лет. В XVI веке такое соединение приходилось на декабрь 1511-го, декабрь 1513-го, январь, май, июнь 1542-го и август 1572 годов. Объединить Европу Северную (Скандинавия) и Нижнюю (по-видимому, Нижняя Германия) могла только Реформация. В реальной истории этого пока не случилось.

Тема Антихриста, «Человека четверга», развивается в катрене 2—28:

> Le penultime du surnom du prophete
> Prendra Dial pour son jour & repos:
> Loing vaguera par frenetique teste,
> Et delivrant un grand peuple d'impos.
>
> Предпоследний, носящий прозвище пророка,
> Возьмет Юпитеров [день] как день своего отдыха;
> Будет скитаться вдалеке силой своей буйной головы,
> И [он] освободит большой народ от налогов.

«Юпитеров» – конъектура Пьера Брендамура (в оригинале – *Diane,* «Диана», вне контекста). Согласно христианским эсхатологическим представлениям, незадолго до конца света на землю явится пророк Илия (вместе с патриархом Енохом), чтобы обличить Антихриста; он будет последним пророком. Антихрист же присвоит себе пророческое звание, став предпоследним. Агрессивный «Человек четверга» будет искать популярности, добиваясь снижения налогов (напомним, что протестантское движение получило поддержку в том числе и потому, что боролось с налоговым засильем церковных властей).

По-видимому, этот же персонаж, опасный стяжатель славы с именем самой Судьбы, появляется и в катрене 1—76:

> D'un nom farouche tel profere sera,
> Que les troys seurs auront fato le nom:
> Puis grand peuple par langue & faict duira
> Plus que nul autre aura bruit & renom.
>
> Будет наречен столь свирепым именем,
> Которое будут иметь три сестры Судьбы.
> Затем он поведет великий народ словами и делами,
> Как никто другой стяжает молву и славу.

Три сестры Парки (лат.: *tria Fata)* – в древнеримской

мифологии богини судьбы.

По-видимому, тот же лидер появляется и в катрене 3—35, где уточняется страна его происхождения:

Du plus profond de l'Occident d'Europe,
De pauvres gens un jeune enfant naistra,
Qui par sa langue seduira grande troupe:
Son bruit au regne d'Orient plus croistra.

В самой глубине Западной Европы
У бедных людей родится юный мальчик,
Который своим языком соблазнит большую толпу.
Потом его известность достигнет царства Востока.

Осталось только выяснить, что такое «глубина Западной Европы» для Нострадамуса. Ответ на этот вопрос можно найти в альманахах: «[Люди,] пребывающие в самой глубине Запада, окажутся в продолжительных вредных раздумьях, размышлениях над новыми стратагемами и военными хитростями, в частности самые могущественные [люди] счастливейшего Британского острова» *(PI 1562, p.125)*.

«Возникнут… в стороне самых глубинных [жителей] Запада, в частности по всему Британскому острову, некие тайные волнения» *(Alm. 1565, octobre)*.

Получается, что Антихристом, по Нострадамусу, станет англичанин. После его прихода языческие обычаи вернутся в худшем их виде, как об этом говорит катрен 2—30:

Un qui les dieux d'Annibal infernaulx
Fera renaistre, effrayeur des humains
Onq' plus d'horreurs ne plus pire fournaux
Qu'avint viendra par Babel aux Romains.

Некто, кто адских богов Ганнибала
Воскресит, [станет] устрашением людей;
Величайшие ужасы и худшие жаровни,
Которых не бывало еще никогда, придут к римлянам через Вавилон.

«Ганнибаловы» (то есть карфагенские) божества, требовавшие человеческих жертвоприношений, представлялись даже язычникам-римлянам отвратительными, адскими. Жаровни для сожжения тех, кто отказывается поклоняться идолам,

упоминаются в библейской книге пророка Даниила (3, 1–9): «Царь Навуходоносор сделал золотой истукан, вышиною в шестьдесят локтей, шириною в шесть локтей, поставил его на поле Деире, в области Вавилонской… Тогда глашатай громко воскликнул: объявляется вам, народы, племена и языки: в то время, как услышите звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и симфонии и всяких музыкальных орудий, падите и поклонитесь золотому истукану, которого поставил царь Навуходоносор. А кто не падет и не поклонится, тотчас брошен будет в печь, раскаленную огнем».

На жаровнях мучили людей и в Древнем Риме. Лактанций в трактате «О смертях гонителей» (XIII, 2–3) пишет: «Некий человек, несмотря на то, что это было небезопасно, с большим мужеством сорвал (со стены) и разорвал на куски этот эдикт, говоря с издевкой, что он представляет победы готов и сарматов. Он был немедленно доставлен, и его подвергли не просто мучениям, но положенным пыткам жаровней, после чего он с поразительным терпением принял смерть на костре».

В катрене 2—46 «обновление времен» (лат.: *renovatio temporum)* сопровождается целой серией аномальных природных явлений:

> Apres grand trouble humain, plus grand s'apreste
> Le grand mouteur les siecles renouvele.
> Pluie, sang, laict, famine, fer, & peste
> Au ciel veu, feu courant longue estincele.
>
> После великой человеческой смуты приближается еще большая.
> Великий двигатель обновляет века.
> Дождь из крови, молока; голод, сталь и мор,
> В небе виден огонь, длинная бегущая вспышка.

Картина «обновления» здесь бесконечна далека от эпических образов Вергилия (Эклога IV, 5): «Сызнова ныне времен зачинается строй величавый…» У Нострадамуса обновление планетного цикла сопровождается смутами, войной, эпидемиями, голодом и зловещими знамениями – небесным огнем, метеорами, необычными дождями. Картина сходна с образами «последних времен» Коммодиана (Апологетическая поэма, 899–904):

> После этого мор, войны, голод, знаменья зловещие
> Так смешаются вместе, что поколеблется разум.
> Тогда неожиданно прогремит с неба труба,

Звук, который потрясет сердца повсеместно.
И увидят тогда огненную колесницу средь звезд
И бегущий огонь, возвещающий народам о пожаре.

Не только войны ослабляют мир; ожидается великий голод, такой сильный, что люди будут поедать листву с деревьев, а молоко у матерей иссякнет:

1-67
La grand famine que je sens approclier,
Souvent tourner, puis estre universele:
Si grande & longue qu'on viendra arracher
Du bois racine, & 1'enfant de mammelle.

Великий голод, приближение которого я чувствую,
Будет появляться то здесь, то там, затем станет всемирным,
Таким великим и долгим, что будут отрывать
Корни от деревьев и младенца от соска.

Языческие обряды вернутся во всей красоте, с жертвоприношениями и воздвижением памятников правителям, как предрекает катрен 3—26:

Des rois & princes dresseront simulacres,
Augures, creuz eslevez aruspices:
Corne, victime d'oree, & d'azur, d'acre:
Interpretes seront les extispices.

Воздвигнут изваяния королей и принцев
Авгуры с воздетыми жезлами, гаруспики;
Жертвы с рогами, покрытыми золотом и акрской лазурью;
Будут истолковываться экстиспиции.

В Древнем Риме авгуры – одна из древнейших жреческих коллегий, толковавшая волю богов на основании ауспиций – наблюдений за полетом и криком птиц, небесными явлениями, едой священных кур и т. д. Гаруспики в Древнем Риме – жрецы, осуществлявшие экстиспиции – гадание по внутренностям жертвенных животных, а также толковавшие явления природы (гром, молнию и др.). Во второй строке упоминаются авгурские

жезлы с загнутыми концами (лат.: *lituus),* а в третьей – обычай раскрашивать рога жертвенных животных.

В катрене 1—32 Нострадамус затрагивает тему «перемещенной империи»:

> Le grand empire sera tost translate
> En lieu petit qui bien tost viendra croistre:
> Lieu bien infime d'exigue comte
> Ou au milieu viendra poser son sceptre.
>
> Великая империя вскоре будет перемещена
> В маленькое место, которое очень скоро увеличится, —
> Незначительнейшее место в ничтожном графстве,
> Посреди которого [он] водрузит свой скипетр.

У аморфной Священной Римской империи не было общепризнанной столицы, поэтому имперские регалии с течением веков перемещались из города в город. В XVI веке Валуа, раздосадованные монополией Габсбургов на императорскую корону, выдвинули теорию «перемещенной империи» *(translatio imperii),* согласно которой именно французы, а не германцы, являются законными преемниками древних римлян (и, следовательно, обладают правом на Апеннинский полуостров). Жан Боден в «Методе легкого познания истории» (1566) писал в связи с этим: «Германская империя не является преемником римских форм управления. Немцы распространяют свою власть едва ли на сотой части мира, а король Испании имеет территорию и численность населения куда больше, чем у германцев».[169]

Согласно эсхатологической традиции императорская корона может перемещаться из одной страны в другую, пока последний монарх после Второго пришествия не вернет ее Всевышнему. Ведь монарх – всего лишь наместник Бога на земле в Его отсутствие, и с Его пришествием нужда в светской власти отпадает: «И снимет царь Римский венец свой и возложит его на Крест, и прострет руки свои к небу и передаст царство свое Богу и Отцу» (Слово Мефодия Патарского о царстве народов и последних временах, XII, 7).

> 3-49
> Regne Gauloys tu seras bien change:
> En lieu estrange est translate PEmpire
> En autres meurs, & loys seras range:
> Rouan & Chartres te feront bien du pire.

Галльское царство, ты очень изменишься.
Империя перенесена в иностранное место.
Подчинишься чужим нравам и обычаям,
Руан и Шартр причинят тебе много зла.

Руан – столица Нормандии, Шартр находится несколько южнее. Враждебность Нормандии по отношению к Франции, возможно, объясняется эсхатологическими легендами о нечестивых царях Севера, которым предстоит всячески притеснять христиан: «И в продолжение этого астрологического расчета, сопоставленного со Св. Писанием, гонение на церковников будет исходить от власти царей Севера, объединившихся с восточными. И это гонение продлится 11 лет, [или] чуть меньше, а потом главный царь Севера падет» («Письмо к Генриху II», 50). В образе отступающей под враждебным натиском империи Нострадамус мог вдохновляться переносом столицы Венгерского королевства в заштатный город Пожонь (Братиславу) после захвата турками Будапешта в 1526 году.

Согласно катрену 3—92, в далеком будущем (XXIII век) скипетр будущей Французской империи окажется в Савойе:

Le monde proche du dernier periode,
Saturne encor tard sera de retour:
Translat empire devers nation Brodde:
L'oeil arraclie a Narbon par Autour.

Мир близок к последнему сроку.
Медленный Сатурн вновь возвращается.
Империя перенесена в сторону бродов,
Око Нарбонна вырвано Ястребом.

Сезар Нострадамус объясняет, что «бродами» *(Brodes)* провансальцы называли потомков аллоброгов – кельтского племени, жившего между рекой Роной, Женевским озером и Альпами, в современных Дофине и Савойе. Пьер Брендамур уточняет, что речь идет, скорее всего, о городе Эбродуне – современном Амбрене, который в XVI веке находился на дальней пограничной окраине Французского королевства. Цикл Сатурна, как мы помним, начнется около 2242 года. Последняя строка катрена неясна; возможно, речь идет о захвате Южной (Нарбонской) Галлии мусульманами, как это уже было во времена Халифата. Однако нигде в «Пророчествах» мы не находим связи

между арабским или турецким нашествием и последними временами; судя по всему, Нострадамус предполагал масштабное вторжение мусульман в Европу до середины XVII века, в то время как конец света ожидался им лишь в XXIII столетии.

В катрене 5—45 империя перемещается в Арденнский лес на границе современных Франции, Бельгии и Люксембурга, который в XVI веке относился к Нидерландам:

> Le grand Empire sera tost desole,
> Et translate pres d'arduenne silve:
> Les deux bastardz par Paisne decolle,
> Et regnera Aenobarbe nez de milve.
>
> Великая империя вскорости будет опустошена
> И перемещена к Арденнскому лесу.
> Двое бастардов обезглавлены старшим,
> И воцарится Агенобарб, с носом, как у коршуна.

Агенобарб («Меднобородый») – родовое имя семьи Домициев, из которой вышел, в частности, консул Домиций Агенобарб, разбивший в 122 году до н. э. галльское племя аллоброгов. Кроме того, «Рыжебородый» (Barbarossa) – прозвище Фридриха I, германского короля и императора Священной Римской империи. Это прозвище носили также братья Арудж и Хайреддин, правители пиратского государства в Алжире (братья Барбаросса). Наконец, фамильное имя Агенобарб носил император Нерон. В период его правления появилось пророчество о том, что он погибнет, чтобы воскреснуть на Востоке. В дальнейшем считалось, что «матереубийца» Нерон – новый или воскресший – появится на земле незадолго до конца света и будет либо Антихристом, либо его непосредственным предтечей. Об этом пишет, например, Коммодиан в «Поучениях» (41, 5–8):

> Когда мир придет к концу своему вместе с живущими…
> Тогда Нерон вырвется из преисподней…

То же предсказывают и «Книги Сивилл» (V, 27–35):

> …государем
> Станет чудовищный змей, войной дышащий тяжкой,
> Руку который на мать поднимет и смуту посеет,
> Сам нападая, гоня, убивая, творя беззаконье.
> Гору, что между двух волн, рассечет и забрызгает грязью.

После же смерти исчезнет. Затем вернется обратно,
С Богом равняясь. Но скоро покажет, что вовсе не Бог он.

В катрене 10–93 тема «перенесенной империи» доходит до абсурда, превращаясь в перетаскивание короны туда-сюда совместно с археологическими находками:

La barque neufve recevra les voyages,
La & aupres transfereront l'empire,
Beaucaire, Aries retiendront les hostages,
Pres deux colomnes trouvees de porphire.

Новая лодка предпримет вояжи;
Империю будут переносить то туда, то сюда.
Бокер и Арль удержат заложников
Близ двух найденных порфировых колонн.

Бокер и Арль – города в Провансе на разных берегах Роны недалеко друг от друга. Практика взятия заложников, отвечающих за поведение армии на территории союзного государства или города, была широко распространена в XVI веке.

В катрене 2—79 появляется знаменитый Хирен (или Ширен) – великий французский монарх, которому, согласно Нострадамусу, предстоит добиться впечатляющих успехов:

La barbe crespe & noire par engin
Subjuguera la gent cruele & fiere.
Le grand CHYREN ostera du longin
Tous les captifs par Seline baniere.

Черная курчавая борода хитростью
Покорит гордый и жестокий народ.
Великий Хирен выпустит из смрадной темницы
Всех пленников силой [своего] знамени с полумесяцем.

Первые две строки – указание на турок и их вассалов, жестоких берберийских пиратов, населявших побережье Северной Африки.

Но кто такой «Великий Хирен»? В «Пророчествах» он появляется несколько раз, и, судя по всему, Нострадамус прочил этому персонажу блестящее будущее, в частности императорскую корону. *Chyren* – прозрачная анаграмма имени *Henryc* (так

читалось это имя на провансальском наречии и на французском языке XVI века). «Пророчества» вышли в период правления Генриха II, и логично было бы предположить, что Нострадамус имел в виду его. Однако многие толкователи считают, что речь идет о некоем будущем властителе Франции. Дело, однако, в том, что «Хирен» появляется и в альманахах, в контексте текущей ситуации: «Вознесем молитвы Господу, и пусть молитва будет всеобщей, чтобы Ему было угодно… оградить Свой народ от заразных болезней, с тех пор как Он пожелал предотвратить войны и дать долгую жизнь этому великому Хирену» *(Alm. 1557, juin)*.

По этому поводу критик Нострадамуса Лоран Видель писал: «Когда ты в своих альманахах говоришь „Великий Хирен“, подразумевая Генриха, буква С совсем не нужна… во всяком случае, если ты говоришь по-французски. Но если ты мне скажешь, что на языке твоей родины Генриха называют Генриком, я буду удовлетворен и признаю твою победу».

Идентичны ли Хирены «Пророчеств» и альманахов? Видимо, да. Возвращаясь к описанным в катрене событиям, следует признать, что к моменту публикации катрена они остались в прошлом. В 1551 году посланник Генриха II Габриэль д'Арамон сумел добиться от турков освобождения плененных в Триполи рыцарей-иоаннитов. Личную эмблему и знамя короля украшал полумесяц в честь его фаворитки Дианы Пуатье. Итак, Хирену уготовано великое будущее… С другой стороны, в прочих своих предсказаниях Нострадамус, как уже говорилось, предрек династии Валуа скорое угасание.

В катрене 7–7 армия «Полумесяца» (Генриха II) берет реванш за поражение над «красными» (испанцами):

> Sur le combat des grans clievaulx legiers,
> On criera le grand croissant confond:
> De nuict ruer monts, habitz de bergiers,
> Abismes rouges dans le fosse profond.
>
> Во время боя больших шеволежеров
> Прокричат, что великий Полумесяц побежден.
> Ночью [воины] ринутся через горы в одеждах пастухов,
> —
> Красные сброшены в глубокую пропасть.

Шеволежеры – легкая кавалерия (буквальный перевод с французского). Позднее эти соединения стали называться уланами.

В катрене 8—54 «Хирен-Селин» (Генрих II) возвращает Франции ее города:

Soubz la colleur du traicte manage,
Fait magnanime par grand Cliyren selin,
Quintin, Arras, recouvrez au voyage
D'espaignolz fait second banc macelin.

Под прикрытием брачного соглашения
[Случится] героическое деяние великого Хирена-Селина.
[Сен-]Кантен и Аррас возвращены в походе.
Из испанцев вновь сделан мясной ряд.

В данном случае Нострадамус имеет в виду брак дочери Генриха II Елизаветы Валуа и сына испанского короля Филиппа II дона Карлоса, который должен был состояться летом 1559 года одновременно со свадьбой принцессы Маргариты и герцога Савойского (на турнире в честь этого события Генрих II погиб). Решение о браке было принято во время подписания мира в Като-Камбрези в апреле 1559 года. Город Сен-Кантен пережил испанское вторжение летом 1557 года, а Аррас был отбит у Англии герцогом Гизом в 1558 году. Предсказанному реваншу Франции над Испанией не суждено было состояться на всем протяжении XVI века.

В катрене 4—77 Генриху II – или, если принять гипотезу некоторых толкователей и исследователей, некоему грядущему французскому монарху, – отводится роль объединителя Италии, а также освободителя Средиземноморья от алжирских корсаров:

Selin monarque l`talie pacifique,
Regnes unis Roy chrestien du monde:
Mourant vouldra couclier en terre blesique,
Apres pyrates avoir cliasse de l'onde.

Селин – монарх, Италия умиротворена,
Царства объединены. Христианнейший король мира,
Умирая, пожелает лежать в земле Блуа,
Изгнав пиратов с морских волн.

«Селин» здесь указывает на связь с Селеной, Луной. Как известно, Генрих II выбрал в качестве личной эмблемы стилизованный полумесяц в честь своей фаворитки Дианы Пуатье (Диана – богиня Луны). Блуа – центр графства и епископства,

любимая резиденция французских королей Франциска I и Генриха II. Усыпальница французских королей находится в Сен-Дени, однако, согласно Нострадамусу, таинственный Селин нарушит эту традицию и велит захоронить себя в Блуа.

В последней строке образованный читатель XVI века мог усмотреть косвенную аллюзию на эпизод биографии Юлия Цезаря в изложении Светония (Божественный Юлий, 4): «Уже в зимнюю пору он возле острова Фармакуссы попался в руки пиратам и, к великому своему негодованию, оставался у них в плену около сорока дней. При нем были только врач и двое служителей: остальных спутников и рабов он сразу разослал за деньгами для выкупа. Но когда, наконец, он выплатил пиратам пятьдесят талантов и был высажен на берег, то без промедления собрал флот, погнался за ними по пятам, захватил их и казнил той самой казнью, какой не раз, шутя, им грозил».

В катрене 4—86 также вроде бы появляется император из французских королей:

L'an que Saturne en eaue sera conjoinct,
Avecques Sol, le Roy fort & puissant:
A Reims & Aix sera receu & oingt,
Apres conquestes murtrira innocens.

В году, когда Сатурн соединится в Воде
С Солнцем, сильный и могущественный король
В Реймсе и Эксе [будет] принят и помазан.
После завоеваний умертвит невинного.

В Реймсе в 496 году франкский король Хлодвиг принял христианство; в дальнейшем в этом городе короновались французские монархи. А вот Экс представляет собой ключ к пониманию катрена. Если под ним понимается провансальский Экс (Экс-ан-Прованс), тогда речь идет об обычном французском короле – некоторое время Валуа короновались в этом городе как герцоги Прованса, что подчеркивало автономию этой провинции. Но возможно, что Нострадамус имеет в виду *Aix-la-Chapelle* – так французы называют Ахен, до XVI века место коронации императоров Священной Римской империи. В таком случае перед нами – Генрих II в императорской короне.

Надо сказать, что Нострадамус был вовсе не одинок в своих мечтах о французском короле в роли императора. Многочисленные пророчества, издававшиеся в XV–XVI веках, также сулили французским монархам перспективу коронации в Ахене. Еще Франциск I пытался получить корону Каролингов,

однако проиграл выборы Карлу Габсбургу. Генрих II также мог стать императором. Во время войн между императором Карлом V и германскими князьями-протестантами он сыграл на их противоречиях. В тайном договоре в Фридевальде 5 октября 1551 года Мориц Саксонский заручился поддержкой Генриха, согласившись на занятие Францией епископств Мец, Туль, Верден и Камбре; протестантские князья также пообещали французскому монарху трон императора на случай смерти или отречения Карла V. В 1553 году Мориц был разбит и погиб, однако ситуация в Германии постоянно менялась; 7 сентября 1556 года Карл отрекся от престола. Еще до этого обязанности императора выполнял младший брат Карла Фердинанд, но императором он был избран лишь в 1558 году, на следующий год после публикации катрена. До этого можно было ожидать, что императорские претензии Генриха II все же увенчаются успехом.

Что касается первой строки, то Сатурн соединяется с Солнцем в знаках стихии Воды 2–3 раза по 2–3 года подряд за 10 лет. Если под Водой подразумевается знак Водолея (8—49), то речь идет о более редком явлении—2–3 раза подряд за 30 лет цикла Сатурна: 1521, 1522, 1523, 1550, 1551, 1552, 1580, 1581 годы… Ни Франциск I, ни Генрих II не короновались в эти годы. Возможно, Нострадамус имеет в виду далекое будущее.

В катрене 5—74 новый французско-германский император громит мусульман и оградит Церковь от гонений:

De sang Troyen naistra coeur Germanique,
Qu'il deviendra en si haulte puissance:
Hors chassera gent estrange Arabique,
Tournant l'eglise en pristine preeminence.

От троянской крови родится германское сердце,
Которое станет очень могущественным.
Изгонит прочь чужеземный арабский народ,
Вернув Церкви изначальное превосходство.

Под «троянской кровью» здесь подразумевается раса французских королей; согласно распространенной в XVI веке теории, Валуа вели свое происхождение от Франка, потомка троянца Энея. По-видимому, этот же король предаст огню новых язычников, согласно катрену 5—77:

Tous les degres d'honneur ecclesiastique,
Seront cliangez en dial quirinal:
En Martial quirinal flaminique,

Puis un roy de France le rendre vulcanal.

Все степени церковных званий
Сменятся на Квириновы и Юпитеровы;
На Марсовы и Квириновы-Фламиновы.
Затем один французский король сделает их Вулкановыми.

Квирин, как и Фламин – эпитеты бога Юпитера. Жрецы Вулкана занимали низшую ступень в древнеримской иерархии жреческих коллегий; кроме того, Вулкан – бог огня, и строку, скорее всего, следует понимать как смерть на костре.

В катрене 5—79 появляется Великий законодатель («Ангельский пастырь») – образ, весьма распространенный в католической пророческой традиции; считается, что он будет сопутствовать начинаниям Великого монарха в последние времена перед концом света и приходом Антихриста (в части пророчеств Антихрист, Великий монарх и Великий законодатель будут современниками). Задача Великого законодателя – обновить Церковь, лишить ее пышности и во многом упростить обряды, восстанавливая, таким образом, утраченный ею авторитет:

La sacree pompe viendra baisser les aesles
Par la venue du grand legislateur:
Humble haulsera vexera les rebelles,
Naistra sur terre aucuu aemulateur.

Священная пышность опустит крылья
С приходом великого законодателя.
Возвысит скромного, замучит бунтовщиков.
На земле не родится ему соперника.

В катрене 8—53 этот «Ангельский пастырь» появляется вновь:

Dedans Bolongne vouldra laver ses fautes,
Il ne pourra au temple du soleil,
Il volera faisant choses si haultes
En hierarchie n'en fut oncq un pareil.

В Болонье захочет смыть свои грехи,
Он не затворится в храме Солнца.
Он вознесется, совершая высочайшие вещи.

В иерархии никогда не было подобного ему.

Болонья – город в папских владениях, управлявшийся кардиналом-легатом. Здесь в 1515 году проходила важная встреча папы Льва X и короля Франциска I. В 1530 году Карл V венчался здесь итальянской и императорской коронами. «Храм Солнца» – очевидно, кафедральный собор (Солнце – символ христианства).

Союз Последнего Монарха и Великого законодателя, примиряющий соперников, описан в катрене 8—95:

Le seducteur sera mis en la fosse,
Et estache jusques a quelque temps,
Le clerc uny le chef avec sa crosse
Pycante droite attraira les contens.

Соблазнитель будет брошен в темницу
И связан до некоторого времени.
Священнослужитель в союзе с вождем со своим жезлом,
Острым и прямым, привлечет соперничающих.

Образ связанного «соблазнителя» – Сатаны – мы неоднократно встречаем в «Письме к Генриху II» (26): «Затем из побега, бывшего столь долгое время бесплодным, происходящего от 50-го градуса, выйдет тот, кто обновит всю христианскую церковь. И будет заключен великий мир, союз и согласие между одними из детей с заблудшими умами и разделенными на разные царства. И будет заключен такой мир, что главный подстрекатель и зачинщик марсовых мятежных группировок посредством различия между верующими (Сатана. – *А. П.*) окажется связанным в глубочайшей преисподней».

Далее говорится (48): «И еще раз будет связан Сатана. И будет заключен вселенский мир между людьми, и Церковь Иисуса Христа будет избавлена от какой бы то ни было скорби, хотя сарацины пожелают подмешать дегтя в мед, со своим заразным соблазном. А случится это в преддверии седьмого тысячелетия, когда святыня Иисуса Христа не будет попираема неверными, пришедшими с Севера. Мир приблизится к некоему великому пожару, хотя, согласно моим расчетам в моих пророчествах, течение времени идет дальше».

В катрене 5—80 французский правитель отвоевывает Малую Азию у мусульман:

Logmion grand bisance approuchera,

Chasse sera la barbarique ligne:
Des deux loix l'une Pestinique lecliera
Barbare & franche en perpetuelle brigue.

Великий Огмий приблизится к Византии,
Варварский союз будет изгнан.
Из двух законов [победит] один, языческий ослабнет.
Варвар и франк в постоянной вражде.

Огмий – герой кельтской мифологии, славившийся силой и красноречием; его язык соединялся с ушами слушателей золотыми цепочками. В античные времена он отождествлялся с Геркулесом и Меркурием: «Из богов они больше всего почитают Меркурия. Он имеет больше, чем все другие боги, изображений; его считают изобретателем всех искусств; он же признается указывателем дорог и проводником в путешествиях; думают также, что он очень содействует наживе денег и торговым делам» *(Юлий Цезарь.* Записки о галльской войне, VI, 17). Фигура Огмия была очень популярна среди французских ренессансных эрудитов; в образе этого божества нередко изображали Генриха II. Нострадамус подразумевает под Огмием будущего правителя Франции, сына и наследника уже упомянутого Хирена – императора Европы. Если императором должен был стать Генрих II, то Огмий – почти наверняка четвертый сын Генриха II, Франциск-Эркюль (Геркулес) Валуа, герцог Анжуйский и Алансонский (1555–1584).

Огмий появляется и в неясном до конца катрене 6—42:

A logmyon sera laisse le regne,
Du grand Selin qui plus fera de faict:
Par les Italies estendra son enseigne,
Regi sera par prudent contrefaict.

Огмию будет оставлено царство
Великого Селина, – который сделает еще больше:
Развернет свой стяг над итальянскими землями,
Будет управляться изображающим из себя предусмотрительного.

В катрене 6—70 Великий Хирен становится во главе мира:

Au chef du monde le grand Chyren sera,
Plus oultre apres ayme craint redoubte:

Son bruit & loz les cieulx surpassera,
Et du seul tiltre victeur fort contente.

Великий Хирен станет во главе мира
После «Все дальше»; его любят, боятся, страшатся.
Его слава и похвала ему превзойдет небеса.
А [он] вполне удовлетворен титулом победителя.

Во второй строке обыгрывается личный девиз императора Карла V «Все дальше» (лат.: *Plus ultra)*.

В катрене 9—33 французский король, носящий короны Рима и Дании (!), угрожает (Северной) Италии и Венеции (республике святого Марка):

Hercule Roy de Romme & d'Annemarc,
De Gaule trois Guion surnomme,
Trembler l`itale & l'unde de sainct Marc
Premier sur tous monarque renomme.

Геркулес, король Рима и Дании,
Титулованный званием Вождя Тройственной Галлии,
Заставит дрожать Италию и волну святого Марка,
Признанный первым монархом среди всех.

Тройственная Галлия – историческое разделение Франции: «Галлия по всей своей совокупности разделяется на три части. В одной из них живут белги, в другой – аквитаны, в третьей – те племена, которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем – галлами» *(Юлий Цезарь.* Галльская война, I, 1).

В катрене 9—41 все тот же Хирен захватывает папские владения:

Le grand Chyren soy saisir d'Avignon,
De Romme letres en miel plein d'amertume
Letre ambassade partir de Chanignon,
Carpentras pris par duc noir rouge plume.

Великий Хирен завладеет Авиньоном,
Из Рима – медовые письма, полные горечи.
Шаниньон отправит письмо дипломатической почтой,
Карпантра захвачен черным герцогом с красным пером.

Авиньон и прилегающие к нему земли представляли собой папский анклав во Франции, не подчинявшийся королю. Карпантра, город к северо-востоку от Авиньона, также принадлежал к папским владениям. Шаниньон – неидентифицированный топоним или имя. Черный герцог с красным пером – возможно, савойский герцог (черный и красный – традиционные цвета Савойи).

В катрене 8—77 появляется Антихрист:

> L'antechrist trois bien tost annichilez,
> Vingt & sept ans sang durera sa guerre,
> Les heretiques mortz, captifs, exilez,
> Sang corps humain eau rogie gresler terre.
>
> Антихрист очень быстро уничтожит троих.
> 27 лет – кровь – будет длиться его война.
> Еретики мертвы, пленены, высланы.
> Кровь, трупы, вода краснеет, земля скована морозом.

Согласно христианской эсхатологической традиции Антихрист уничтожит трех земных царей: «[Цари] соберут многочисленные войска, презрят возделывание земли (а это есть источник всех бедствий), разорят ее и опустошат. Тогда внезапно с пределов окраин выступит против них могущественный неприятель, который, поразив трех царей, властвующих в Азии, соединится с остальными и будет избран ими общим вождем. Он произведет нестерпимые жестокости во вселенной, нарушит божественные и человеческие законы, изобретет ужасные средства поддержания своего владычества, уничтожит прежние постановления и выдумает новые, осквернит святыню, расхитит имущество народов, будет грабить и умерщвлять невинных» *(Лактанций.* Божественные установления, VII, XVI).

Коммодиан пишет в «Поучениях» (41, 5–8):

> Когда мир придет к концу своему вместе с живущими
> И вселенная разделится между тремя властелинами,
> Тогда Нерон вырвется из преисподней…

Тема трех мирских владык неоднократно поднимается Нострадамусом в «Письме к Генриху II» (14): «Между тремя братьями будут большие раздоры, затем [они] объединятся и найдут согласие, так что три четверти Европы содрогнутся; младший по возрасту поддержит и приумножит христианскую

монархию. Секты возвысятся и внезапно падут, арабы отступят, царства объединятся, и будут приняты новые законы».

И далее (37): «Какому жестокому притеснению подвергнутся тогда принцы и управители царств, в частности морских и восточных, и языки (=народы), смешавшиеся в великом сообществе, языки латинян и арабов, [смешавшиеся] посредством связи [через] пунийцев. И все эти восточные цари будут изгнаны, повержены, истреблены, но не полностью, силами царей Севера и посредством близости нашего века, посредством троих, тайно объединившихся, ищущих смерти и строящих козни и ловушки друг другу. И обновление Триумвирата продлится семь лет, [так] что влияние этой секты распространится по свету и будет поддержано приношение святой и непорочной жертвы».

Мороз в эсхатологии той эпохи также играл немалую роль. Как писал Ришар Русса: «Истинная зима мира будет такой же, как и зима в нашем обыденном понимании, – холодной и влажной». [170]

Длительная, в четверть века, война Антихриста против земных владык подробно описана Нострадамусом в «Письме к Генриху II» (50–55): «И в продолжение этого астрологического расчета, сопоставленного со Святым Писанием, гонение на церковников будет исходить от власти царей Севера, объединившихся с восточными. И это гонение продлится 11 лет, [или] чуть меньше, а потом главный царь Севера падет. По прошествии этих лет внезапно явится его южный союзник, который на протяжении трех лет будет еще сильнее притеснять людей церкви путем соблазна вероотступничества одного, который закрепит всю абсолютную власть за воинствующей церковью. И святые люди Господа, блюстители Его закона, каждый религиозный чин подвергнутся величайшему гонению и притеснению, так что кровь истинных служителей церкви будет литься повсюду.

И одному из земных царей его приверженцы вознесут такую похвалу: что он-де пролил больше человеческой крови невинных служителей церкви, чем кто-либо смог иметь вина. И упомянутый царь совершит невероятные злодеяния против церкви. Человеческая кровь будет струиться по главным улицам и в храмах, как вода во время бурного дождя. И от крови покраснеют ближайшие реки, а из-за другой, морской, войны покраснеет море, так что в послании одного царя другому будет сказано: «Битвы вогнали в краску морской простор».

Потом, в тот же год и последующие, придут ужаснейший мор, еще более примечательный из-за предшествовавшего ему голода, и величайшие горести, каких никогда не бывало с изначального

[дня] основания христианской церкви, [пройдут] по всем латинским краям, оставляя след в некоторых испанских странах.

И тогда третий царь Севера, услышав сетования народа о его главном титуле, соберет огромнейшую армию и пройдет ущельями его близких предков и прадедов, и вернет большую часть [вещей] в свое состояние. И великий викарий в мантии будет восстановлен в своем изначальном положении, – но безутешный, и сверх того – совершенно беспомощный. И случится так, что святая святых будет разрушена язычеством, а Ветхий и Новый Заветы – гонимы и сжигаемы.

После этого Антихрист станет адским правителем, и вновь – в последний раз – вострепещут все царства христианского мира, а также и неверные, на протяжении 25 лет. И произойдут тяжелейшие войны и сражения, и будут города, поселки, замки и другие строения сожжены, опустошены, разрушены, с великим пролитием крови весталок; замужние и вдовы [будут] изнасилованы, грудных младенцев станут насмерть швырять о стены городов. И столько бедствий произойдет по вине Сатаны, адского правителя, что почти весь свет окажется разгромленным и опустошенным. И перед этими событиями некие необычные птицы возгласят в воздухе: «Ныне, ныне», и через некоторое время исчезнут».

Антихрист (или его предтеча, агрессивный лжепророк) фигурирует также в катрене 8—78:

Un Bragamas avec la langue torte
Viendra des dieux [piller] le sanctuaire,
Aux heretiques il ouvrira la porte
En suscitant Peglise militaire.

Тесак со лживым языком
[Разграбит] святыню богов,
Откроет дверь еретикам,
Возрождая воинствующую церковь.

Преследования истинных христиан продолжаются в катрене 8—80, причем гонения исходят от церковника высокого ранга («великого красного» – по цвету кардинальских одежд):

Des innocens le sang de vefue & vierge.
Tant de maulx faitz par moyen se grand Roge
Saintz simulaclires trempez en ardant cierge
De frayeur crainte ne verra nul que boge.

Кровь невинных, вдов и девственниц, —
Столько несчастий совершено посредством великого красного.
Святые образа погружены в кипящий воск.
От страха и боязни никто не шелохнется.

Кровь священства льется и в катрене 8—98:

Des gens d'eglise sang sera espandu,
Comme de l'eau en si grande abondance:
Et d'un long temps ne sera restanche
Ve Ve au clerc ruyne & doleance.

Прольется кровь людей Церкви,
Как вода, в величайшем обилии.
И долгое время [это] не будет ограничено.
Увы, увы! Священнослужителям – разорение и сетования.

Но не только священники пострадают от гонений. Об этом говорит катрен 1—62:

La grande perte las que feront les letres:
Avant le cicle de Latona parfaict:
Feu, grand deluge plus par ignares sceptres
Que de long siecle ne se verra refaict.

Увы! Какой великий ущерб понесет ученость,
Прежде чем завершится цикл Латонии,
От огня, великого потопа, но более от невежественных скипетров,
Чего за долгие века нельзя будет восстановить.

Латония – дочь Дианы (Латоны) и Аполлона, богиня Луны. У Вергилия в «Энеиде» (IX, 403–406) о ней сказано:

Тотчас же Нис размахнулся сплеча и с копьем занесенным,
Взоры к Луне обратив, произнес такую молитву:
Ты, что взираешь на нас, помоги в беде, о Латоны
Дочь, владычица рощ, краса многозвездного неба!..

По мнению Нострадамуса, до конца XIX века следует ожидать ущерба ученым и культуре из-за войн, стихийных бедствий, но в первую очередь – от невежественных правителей. Нострадамус высказывал эту мысль не только в «Пророчествах», но даже в своем сборнике рецептов – видимо, считая ее важной: «Легко можно заметить, что за совсем недолгое время славная ученость так расцвела, – особенно в последние 100 лет или даже меньше, – что Флоренция произвела множество людей столь всесторонне образованных, что я осмелюсь утверждать, что в нынешнем веке воцарился истинный аттический (греческий. – *А. П.*) язык. И мы обязаны нашим предшественникам, оставившим нам столько письменных памятников. Благодаря им мы понимаем их время и сможем судить о будущем ущербе учености, каковой может случиться как вследствие пожара или потопа, так и невежественной небрежности».[171]

«Невежественные скипетры» в глазах Нострадамуса имели вполне реальные политические прототипы. Генрих II по своему культурному уровню был очень далек от отца, Франциска I: «От солдата он имел прежде всего физические качества. Он любил борьбу и жестокие упражнения. Современники отмечали в нем эту исключительную любовь к мускульной жизни. В бытность свою дофином Генрих скучал в обществе людей науки; после того как он стал королем, его мнение о них только ухудшилось. Но – рубить деревья; но – сражаться на шпагах и в толпе, укрощать лошадей, носиться на ристалище, вольтижировать, прыгать и играть в мяч: во всех этих экзерсисах он воистину был первым. Восхищался он лишь солдатами. Соранцо писал: „Если вы не солдат, вам не место при этом дворе“».[172]

Гонения на культуру и науку, падение престижа образованности вообще тесно связаны с «варварским» Средневековьем, но также и с агрессивным язычеством с его гонениями на раннее христианство: «Литература же почиталась среди дурных искусств, а тех, кто ее создавал, изгоняли и проклинали, как врагов» *(Лактанций.* О смертях гонителей, XXII, 2).

В катрене 4—18 поднимается тема преследования астрологов:

> Des plus letres dessus les faits celestes
> Seront par princes ignorants reprouves:
> Punis d'Edit, chasses, commes scelestes,
> Et mis a mort la ou seront trouves.
>
> Наиболее сведущие в небесных делах

Будут осуждены невежественными принцами.
Наказанные эдиктом, преследуемые как преступники
И убиваемые там, где будут обнаружены.

К предсказательной астрологии власти светские и церковные относились, в общем, негативно, хотя до гонений на астрологов (тем более с казнями) дело никогда не доходило.

Отметим, что преследования и убийства звездочетов ассоциировались с временами жестоких римских императоров, таких как Тиберий.

В альманахе на 1566 год Нострадамус записал удивительный пассаж: «Рассчитывая обращение конца этого года, я открыл, что в очень скором времени гадание, основанное на суждении о звездах, будет запрещено. Я открыл, что в этой сфере возникнет такое множество помех (из-за слишком большого числа людей, которые пожелают ей заняться и злоупотребят ею), что это полностью отвратило меня от того, чтобы посвятить в него кого бы то ни было из моих детей, хотя они и наделены к этому природными способностями, а особенно – один из них. [Хотя, наверное,] все-таки не стоит из-за птиц отказываться от сева».

В катрене 8—71 гонения на звездочетов продолжаются:

Croistra le nombre si grand des astronomes
Cliassez, bannis & livres censurez,
L'an mil six cens & sept par sacre glomes
Que nul aux sacres ne seront asseurez.

Столь возрастет число астрономов
Изгнанных, сосланных, – и [их] отреченных книг
В году 1607-м, что [даже поедая] просфоры,
У святых даров никто не будет в безопасности.

1607 год, однако, не был ознаменован гонениями на астрологов (как и на астрономов). Правда, незадолго до этого, в 1600 году, в Риме был сожжен Джордано Бруно, однако причиной его гибели стали не астрономические исследования, как часто считается, а еретические философские взгляды.

Гонения на науку продолжаются в катрене 6–8:

Ceulx qui estoient en regne pour scavoir,
Au Royal change deviendront apouvris:
Uns exiles sans appuy, or n'avoir,
Lettres & lettres ne seront a grans pris.

Те, кто был в царстве для учености,
По смене короля окажутся разоренными.
Некоторые высланы без вспомоществования или достояния,
Образованные и образованность не будут высоко цениться.

Новый Нерон (возможно, тот самый Антихрист) бесчинствует в катрене 9—17:

Le tiers premier pys que ne feit Neron,
Vuidez vaillant que sang humain respandre:
R'edifier fera le forneron,
Siecle d'or, mort, nouveau roy grand esclandre.

Третий первый, худший, чем был Нерон, —
Бегите, храбрецы, от пролития человеческой крови, —
Велит вновь воздвигнуть жаровню.
Золотой век мертв; новый король, великий грех.

Нострадамус следует здесь западноевропейской эсхатологической традиции, отраженной в «Апологетической поэме» Коммодиана (875–884):

Предпишет, чтоб идолам вознесли они бы куренья,
И чтобы никто не мог скрыться, все облачились в венки.
Тогда кто из верных откажется, примет счастливую смерть,
В противном же случае станет одним из толпы.
Тогда не будет и дня мира, прекратится жертва Христу,
Повсюду льющаяся кровь, которую описать невозможно,
Господствуют слезы, немеет рука, сжимается сердце, —
Хотя все эти несчастья и полагаются мученикам, —
На море, на земле, на островах и даже в тайниках
Их, разыскавши, найдут, поведут [на закланье,] как жертву.

О «кончине» золотого века при монархе-садисте упоминал Светоний (Тиберий, 59):

Цезарь конец положил золотому Сатурнову веку —
Ныне, покуда он жив, веку железному быть.

Эта же эпиграмма цитируется Нострадамусом в альманахе на 1556 год (PP II, 2). Примечательно в этой связи замечание Нострадамуса в альманахе на предыдущий, 1555 год: «Один [правитель] на протяжении восьми лет будет [подобным] Траяну, затем станет Нероном» (PP I, 440; Траян был олицетворением мудрого и умеренного правителя). В 1555 году исполнялось восемь лет со дня восшествия на престол Генриха II. Неужели провансальский пророк прочил Генриху и императорскую корону христианского Запада, и позорный венец «матереубийцы» одновременно?

Зверства Нерона описаны и в катрене 9—53:

Le Neron jeune dans les trois clieminees
Fera de paiges vifz pour ardoir getter
Heureux qui loing sera de telz menees,
Trois de son sang le feront mort guetter.

Молодой Нерон в три печи
Прикажет бросить пажей, чтобы сжечь их живьем.
Счастлив тот, кто будет далеко от этих событий.
Трое из его крови устроят ему смертельную ловушку.

В трех катренах подряд Великий мучитель является, как говорится, в полный рост. Здесь его биография сходна с жизнеописанием Калигулы (12–41 н. э.), римского императора, печально прославленного как садист и маньяк-убийца. У Нострадамуса (катрен 10—9) новый Калигула – испанец:

De Castfflon figuieres jour de brume,
De feme infame naistra souverain prince
Surnom de chausses perhume luy postliume,
One Roy ne feut si pire en sa province.

Во время зимнего солнцестояния в крепости Фигераса
От порочной женщины родится высший правитель.
Прозвище от сапог [дано] ему, последнему ребенку,
Никогда не было столь дурного короля в его стране.

Фигерас – город в Испанских Пиренеях (там, кстати, в 1904 году родился Сальвадор Дали). В катрене допущена сюжетная

контаминация: в день зимнего солнцестояния (лат.: *bruma)* родился не Калигула, а Нерон. «Порочная женщина», Агриппина, тезка достойной родительницы Калигулы, была матерью Нерона. Проводя детство в военных лагерях, в одежде простого солдата, будущий император Гай получил прозвище Калигула (лат.: *caliga* – «сапожок»). В Древнем Риме прозвище *postumuis,* «последний», давалось ребенку, родившемуся после смерти отца, а также последнему отпрыску. Постумием был Калигула, а также Нерон.

10-10
Tasclie de murdre enormes adulteres,
Grand ennemy de tout le genre liumain
Que sera pires qu'ayeulx, oncles, ne peres
En fer, feu, eau, sanguin & inhumain.

Запятнанный убийством, потрясающими прелюбодеяниями,
Великий враг всего рода человеческого.
Какой ужас [случится] с дедами, дядьями и отцами
В стали, огне, воде; кровожадный и бесчеловечный.

Таким образом, новый Калигула пересекает французскую границу по Пиренеям и атакует Савойю.

10-11
Dessoubz Joncliere du dangereux passage
Fera passer le postliume sa bande,
Les monts Pyrens passer liors son bagaige
De Parpignam courira due a tende.

Опасным [горным] перевалом под Ла-Хункерой
Проведет последний ребенок свое войско;
Пересечет Пиренейские горы, не взяв с собой военного багажа,
Из Перпиньяна атакует герцога в Танде.

Испанский город Ла-Хункера (по-французски Жонкер) находится севернее Фигераса; Перпиньян пребывал в составе испанских владений до 1659 года. Танд – савойский город к северо-востоку от Ниццы. Опасный перевал Пертюс ведет из Ла-Хункеры в Перпиньян.

Америка, которой, согласно современным толкователям Нострадамуса, посвящено немало катренов, в «Пророчествах»

упоминается лишь единожды, в сверхзагадочном контексте и в связи с Антихристом:

10-66
Le chef de Londres par regne PAmerich,
L'isle d'Escosse tempiera par gellee:
Roy Reb auront un si faux antechrist,
Que les mettra trestous dans la meslee.

Глава Лондона посредством царства Америки.
Шотландский остров окаменеет в мороз.
Король [и] мятежник получат лживейшего Антихриста,
Который всех их вовлечет в схватку.

Не факт, что последнее слово первой строки значит именно «Америка»; слова *Americh* нет ни в одном словаре. Появление Антихриста относит катрен к последним временам; в то же время Англия и Шотландия, два протестантских королевства, в XVI веке постоянно боролись за главенство в Британии. Не исключено, что король, мятежник и Антихрист – одно и то же лицо, а именно Генрих VIII, разорвавший связь с папским престолом. Но тогда непонятно, при чем тут Америка: в XVI веке Англия еще не принимала участия в колонизации Нового Света.

Ближе к концу «Пророчеств» тема конца света звучит все отчетливей. В катрене 10–71 близкий финал мира и «Великий Четверг» отождествляются:

La terre & Pair gelleront si grand eau,
Lors qu'on viendra pour jeudi venerer,
Ce qui sera jamais ne feut si beau,
Des quatre pars le viendront honnorer.

Земля и воздух заморозят массу воды,
Когда обожествят Четверг.
То, что будет, никогда не было столь красиво.
Его восславят четыре части [света].

Повторим цитату из книги Ришара Русса: «Истинная зима мира будет такой же, как и зима в нашем обыденном понимании, – холодной и влажной».[173] Это же, кстати, относится к окаменевшей от мороза Шотландии из предыдущего катрена.

Знаменитый катрен 10–72 предсказывает новую эпоху

Возрождения в 1999 году:

L'an mil neuf cens nonante neuf sept mois
Du ciel viendra un grand Roy deffraieur
Resusciter le grand Roy d'Angolmois.
Avant apres Mars regner par bon lieur.

В седьмом месяце 1999 года
Небесный великий царь-устрашитель
Воскресит великого короля Ангумуа,
[Который будет] до и после Марса править удачливо.

Длительное время толкователи считали этот катрен пророчеством третьей мировой войны и угрозы с Востока: *Angolmois* полагали анаграммой слова *Mongolois,* «монголы». На самом же деле «небесный великий царь-устрашитель» (или, если читать по изданию 1568 года – «царь-искупитель»), то есть Господь, присылает на Землю второго Франциска I, воина, ценителя образованности и покровителя искусств, короля Французского и герцога Ангулемского. Ангумуа или Анголмуа (лат.: *Angolisma),* как часто называли этот город в XVI веке – например, в «Путеводителе по дорогам Франции» Шарля Этьена, – столица Ангулемского графства, вотчины Ангулемской ветви династии Валуа, к которой принадлежал Франциск.

Но и новое Возрождение закончится. В катрене 10–73 «Великий человек Юпитера» – Антихрист, глава неоязыческой церкви – осуждает «порочные нравы» в сравнении с «лучшими» временами прошлого.

Le temps present avecques le passe
Sera juge par grand Jovialiste,
Le monde tard luy sera lasse,
Et desloial par le clerge juriste.

Нынешнее время при помощи прошлого
Будет судить великий человек Юпитера.
Мало-помалу мир будет связан им, —
Нелояльным, согласно церковным юристам.

Известно, что Лютер и другие реформаторы (а также диктаторы позднего времени) укрепляли свое влияние в том числе и путем критики существующих порядков, уличая властей предержащих в отступлении от «заветов старины». Лишь клирики

воспротивятся Лжемессии.

В катрене 10–75 Лжемессия приходит с Востока, торжествуя над тремя царями:

Tant attendu ne reviendra jamais
Dedans l'Europe, en Asie apparoistra
Un de la ligue yssu du grand Hermes,
Et sur tous roys des orientz croistra.

Столь ожидаемый никогда не вернется
В Европе, – появится в Азии,
Один из союза, произошедший от великого Гермеса,
И возвысится надо всеми царями Востока.

О приходе Антихриста, «второго Нерона», из Азии писал еще Коммодиан в «Апологетической поэме» (791—2; 835—8; 892–895):

Это случится по исполнении шести тысяч лет,
Когда, верю я, мы будем уже на берегу гавани…
…Когда настанет сей срок, придет он, преступный,
Которому иудеи и римляне поклоняются [как божеству].
Хотя будет и другой, которого ожидают с Востока,
Они ополчатся, губя нас вместе с Нероном-царем…
…Царь [придет] от Востока вместе с четырьмя народами;
Увлечет за собою на Рим многочисленные племена,
Которые окажут ему помощь, увеличивая могущество его,
Моря наполняя многими тысячами кораблей…

В катрене 10–86 мы присутствуем при последнем сражении Великого монарха и Антихриста:

Comme un gryphon viendra le roy d'Europe
Accompaigne de ceux d'Aquilon,
De rouges & blancz conduira grand troppe
Et yront contre le roy de Babilon.

Подобный грифону, явится король Европы,
Сопровождаемый людьми Севера,
Поведет большое войско красных и белых,
И [они] пойдут против царя Вавилона.

Грифон – фантастическое животное с головой орла и туловищем льва, воплощение зоркости и силы. В христианской символике грифон – символ единства человеческого и Божественного начал во Христе. Армия Европы – испанцы («красные»), французы («белые»), а также северяне (германцы, скандинавы, поляки и русские) пойдут на царя Вавилона. Вавилон часто упоминается как место рождения Антихриста; «новый Вавилон» – его будущая империя. В «Откровении Иоанна Богослова» (17, 4–5) сказано: «И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства ее; и на челе ее написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным».

Наконец, в катрене 10–74 Господь останавливает ход времен и воскрешает мертвых:

> Au revolu du grand nombre septiesme
> Apparoistra au temps Jeux d'Hecatombe,
> Non esloigne du grand eage mfflesme,
> Que les entres sortiront de leur tombe.
>
> Завершение великого седьмого числа
> Предстанет во время игр гекатомб [ион]а,
> Близ великой тысячной эпохи,
> Когда погребенные выйдут из своих могил.

Согласно иудейской и раннехристианской эсхатологии, миру отпущено 6 тысяч лет существования: «Ибо во сколько дней создан этот мир, столько тысяч лет он просуществует… Ибо день Господень как тысяча лет, и как в шесть дней совершилось творение, то очевидно, что оно окончится в шеститысячный год» *(Ириней Лионский.* О тираническом царстве Антихриста). Автор повторяет знаменитую сентенцию апостола Петра: «Одно то не должно быть сокрыто от вас, возлюбленные, что у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2-е Послание Петра, 8). «Игры гекатомбиона» – античные олимпийские игры, которые, как полагали гуманисты Возрождения, устраивались в месяц гекатомбион, начинавшийся первым новолунием после летнего солнцестояния (22 июня по новому стилю).

Когда, по Нострадамусу, произойдет второе пришествие? В эпоху Возрождения усилия эрудитов были направлены на определение даты Сотворения мира; ведь, располагая ею, можно установить, когда земная история пресечется. Нострадамус не

остался в стороне от этих попыток. В его альманахах мы встречаем несколько разных вариантов датировки Творения: в альманахах на 1565 и 1567 годы это 5000 год до н. э., на 1557, 1559, 1562, 1563 и 1566 годы – 3967 год до н. э. Кроме того, в альманахе на 1566 год помещена развернутая таблица, по которой мир был сотворен в 4056 году до н. э. В «Послании Генриху II» Нострадамус приводит две хронологии: от 4173 и 5757 годов до н. э.

Судя по всему корпусу текстов Нострадамуса, сам предсказатель колебался между двумя окончательными вариантами даты Сотворения мира: 3761 год до н. э. (лежащий в русле иудейской традиции) и 4173 год до н. э., близкий к хронологии латинской Библии (Вульгаты). В первом случае второе пришествие должно произойти в 2239–2240 годах, во втором – в 1826–1827 годах.

В катрене 10–99 описан золотой век: Бог будет питать всякую тварь, на земле воцарятся мир и братство:

> La fin le loup, le lyon, beuf, & l'asne,
> Timide dama seront avec mastins,
> Plus ne clierra a eux la douce manne,
> Plus vigilance & custode aux mastins.
>
> Конец; волк, лев, бык и осел,
> Трепетная лань будут с псами.
> На них не будет более падать сладкая манна,
> Более [не будут нужны] бдительность и охрана псов.

В послании Генриху Нострадамус писал (56): «И после [всего] того, что продолжалось долгое время, почти возродится новое царство Сатурна и золотой век. Господь Создатель возговорит, вняв скорби Своего народа. Сатана будет связан и брошен в глубокую пропасть адской бездны. И тогда установится между Богом и людьми вселенский мир, и [Сатана] пребудет связанным на протяжении около тысячи лет, и могущество церкви обретет свою величайшую силу, а потом [Сатана] будет развязан (для окончательного суда. – *А. П.*)».

* * *

Несмотря на все усилия, часть катренов Нострадамуса по-прежнему остается непонятой даже опытными и эрудированными исследователями. При этом язык их может быть простым и ясным,

а может быть и совершенно запутанным, – на их смысл он не проливает света.

Образцом многозначительной загадочности предстает катрен 1—81:

D'humain troupeau neuf seront mis a part
De jugement & conseil separes:
Leur sort sera divise en depart
Kait, ©bita, Xambda mors, bannis esgares.

От человеческой массы отделены девятеро,
С иным судом и защитой.
Их судьба сложится иначе.
[А] Кап[па], Тэта, Лямбда мертвы, изгнаны, рассеяны.

Лексика катрена не вызывает сомнений, однако смысл последней строки совершенно неясен. Французский исследователь Роже Прево предложил гипотезу, согласно которой греческие буквы отсылают к цифрам. В древнегреческом языке цифр не было, и счет велся с помощью особо выделенных букв. Буква «каппа» соответствовала 20, «тэта» – 9, «лямбда» – 30. Если это так, то $9 + 20 + 30 = 59$.

По предположению Мишеля Кармана, опубликовавшего в 1988 году небольшую, но содержательную статью, здесь описаны обстоятельства события, связанные с уничтожением ордена тамплиеров (храмовников). Орден, созданный в 1118 году крестоносцами Иерусалимского королевства, к XIV веку обладал колоссальными денежными богатствами и земельными владениями. Тамплиеры были крупнейшими банкирами в средневековой Европе, ссужая феодалов, церковников и монархов; подчинялся орден лишь своему магистру и папе римскому. Французский король Филипп IV, опасавшийся роста политической и военной мощи ордена, а также охочий до его казны, возбудил против него процесс по обвинению в ереси. В 1310 году 59 тамплиеров были сожжены в Париже. Дела девятерых рыцарей были выделены в отдельное судопроизводство, и их сожгли в Санлисе. Высшее руководство ордена было сожжено 18 марта 1314 года в Париже. Тамплиеры, арестованные в Англии, отделались покаянием и были освобождены. Орден же прекратил свое существование, хотя его не раз пытались возродить. Такая трактовка катрена создает почву для далеко идущих спекуляций о знакомстве Нострадамуса с традицией тамплиеров и даже его роли хранителя тайн ордена. Впрочем, ни Мишель Карман, ни Роже Прево, впоследствии

отыскавший еще одно указание на историю тамплиеров в центуриях, не причисляли Нострадамуса к «последним храмовникам».

В катрене 3—94 появляется некий персонаж, чье доброе имя переживет века и после забвения воссияет во всем своем блеске:

> De cinq cents ans plus compte lon tiendra
> Celuy qu'estoit l'ornement de son temps:
> Puis a un coup grande clarte donrra
> Que par ce siecle les rendra trescontens.
>
> Пятьсот лет не будут более принимать в расчет
> Того, кто был украшением своего времени.
> Затем внезапно он окажется под ярким светом,
> Что сделает [их] очень довольными в этом веке.

Трудно сказать, о ком идет речь. Возможно, главный герой катрена – Франциск I, покровитель наук и искусств. Многие современные толкователи считают, что Нострадамус здесь имел в виду самого себя. Такое прочтение нельзя назвать адекватным; в то, что Нострадамус считал, что его тексты будут поняты лишь через 500 лет, еще можно поверить, но вряд ли он стал бы называть самого себя «украшением своего времени».

В катрене 3—95 Нострадамус упоминает Днепр:

> La loy Moricque on verra defafflir:
> Apres une autre beaucoup plus seductive,
> Boristlienes premier viendra faillir:
> Par dons & langue une plus attractive.
>
> Закон мавров окажется ослабевшим
> Перед лицом другого, более соблазнительного;
> Борисфен падет первым,
> [Новый закон] более привлекателен своими дарами и языком.

«Закон мавров» – безусловно, ислам. В альманахе на 1565 год Нострадамус писал: «Среди людей маврской *(morique),* или магометанской *(Mahumetique)*, секты возникнет во сто раз больше споров, возбуждений, ратных волнений, чем в христианском мире… Победа пребудет с людьми Запада, а с маврской сектой – упадок…; [положение планет] показывает, таким образом, византийцам серьезный упадок маврского царствования и

монархии посредством великих раздоров и расколов среди них».

Борисфен – греческое название Днепра, в XVI веке протекавшего по территориям Руси, Польско-Литовского государства и Крымского ханства. Это название носил также остров Березань на северо-западе Черного моря в античное время; на нем открыто древнейшее на территории бывшего СССР древнегреческое поселение. Согласно Геродоту, борисфениты блюли культ Вакха с его экзальтацией, за что их осуждали скифы (именно за исполнение эллинских вакхических обрядов скифы казнили своего царя Скила). В астрологическом смысле Борисфен – значительная территория на востоке Европы. Ришар Русса пишет о подчиненном Меркурию «шестом климате, климате Борисфена» – территории Центральной Европы от истоков Днепра до области южнее Уральских гор.

Автор этих строк полагал, что катрен предсказывает захват Крымского ханства и обращение его жителей в христианство – в 1555 году армия московского князя Ивана Васильевича вошла в степи, примыкающие к Крыму. Однако слово *seductive* («соблазнительный») имеет отрицательный привкус, и Нострадамус не стал бы так писать о христианстве, пусть даже и восточном. Поэтому вопрос остается открытым.

Еще один загадочный бестиарий представлен в катрене 5–4:

> Le gros mastin de cite deschasse.,
> Sera fasclie de Pestrange alliance:
> Apres aux champs avoir le cerf chasse,
> Le Loup & POurs se donront defiiance.
>
> Большой сторожевой пес изгнан из города,
> Обозленный странным альянсом.
> После, загнав в полях оленя,
> Волк и медведь вызовут друг у друга недоверие.

Олень, пес, медведь, волк в XVI веке не были определенными символами государств, народов или политических группировок, поэтому расшифровать этот катрен не представляется возможным. То же можно сказать и о катрене 10–99, где появляется другая компания животных:

> La fin le loup, le lyon, beuf, & l'asne,
> Timide dama seront avec mastins:
> Plus ne clierra a eux la douce manne,
> Plus vigilance & custode aux mastins.

Конец; волк, лев, бык и осел,
Трепетная лань будут с псами.
На них не будет более падать сладкая манна,
Более [не будут нужны] бдительность и охрана псов.

Интригующий катрен 5—96 посвящен террору властей и общему молчанию:

Sur le millieu du grand monde la rose,
Pour nouveaux faictz sang public espandu:
A dire vray on aura bouclie close,
Lors au besoing viendra tard l'attendu.

На розу большого мира
Ради новых свершений пролита народная кровь.
Сказать по совести, у всех будет закрыт рот.
Тогда по необходимости ожидаемый явится поздно.

В последней строке, видимо, речь идет о приходе избавителя-тираноборца.

6-5
Si grand famine par unde pestifere,
Par pluye longue le long du polle arctique:
Samarobryn cent lieux de Phemispere,
Vivront sans loy, exempt de pollitique.

Столь великий голод от чумной волны,
От долгого дождя вдоль Северного полюса.
Самаробривцы в ста лье от свода
Будут жить без закона, избавленные от центральной власти.

Самаробривой в эпоху Римской империи назывался центр галльского племени амбианов в Бельгийской Галлии, ныне город Амьен. Под Самаробривой во время галльской войны располагался лагерь Юлия Цезаря. В первой половине XVI века пограничный Амьен часто страдал от войн Валуа с Габсбургами. Знаменитый Амьенский собор действительно имеет куполообразный свод. Понятие «без закона» принадлежит римскому праву; речь идет об общине, которой позволено жить по своим внутренним установлениям, а не по общегосударственным

законам. Такой привилегией обладали многие галльские (кельтские) племена. Совершенную загадку являет катрен 6—35:

Pres de Rion, & proche a blanche laine,
Aries, Taurus, Cancer, Leo la Vierge:
Mars Jupiter le Sol ardra grant plaine,
Boys & cites, lettres caches au cierge.

Близ Риона, рядом с белой шерстью —
Овен, Телец, Рак, Лев, Дева, —
Марс, Юпитер, Солнце сожжет большую равнину,
Леса и города; письмо запечатано свечой.

Рион – главный город провинции Овернь, которая славилась качественной шерстью; отсюда и упоминание «белой шерсти». Во второй строке определены хронологические рамки события: оно произойдет в период пребывания Солнца в знаках Овна, Тельца, Рака, Льва и Девы – с 10–11 марта по 10–11 сентября (хотя странно, что Нострадамус не упоминает Близнецы – знак между Тельцом и Раком). Соединение Марса и Юпитера, двух «огненных планет» – довольно частое явление. Катрен предсказывает длительную засуху в Оверни; однако упоминание запечатанного воском письма делает его совершенно непонятным. Может быть, его следует понимать как образ – природа тает под палящим Солнцем, подобно свечному воску. Но при чем тут письмо?

В катрене 6—44 в ряд продигий «затесалось» нечто, совершенно невозможное в XVI столетии, а именно – управление погодой:

De nuict par Nantes Lyris apparoistra,
Des artz marins susciteront la pluye:
Arabiq gouffre grand classe parfondra,
Un monstre en Saxe naistra d'ours & truye.

Ночью над Нантом появится Ирида.
Морские искусства вызовут дождь.
Большой флот потонет в Аравийском заливе.
В Саксонии родится урод от медведя и свиньи.

Ирида – радуга; Аравийский залив – Красное море. Известно, что Сулейман Кануни направлял туда турецкий флот, который был доставлен в море по Суэцкому перешейку. Климатом, как известно, человек научился управлять лишь в XX веке, а до того

искусственный дождь существовал только в фантазиях Рабле: «Гастер задолго до нашего прибытия изобрел искусство и способ вызывать с неба дождь; для этого надобно было только нарезать луговой травы, травы обыкновенной, но мало кому известной, – должно полагать, что один лишь стебелек этой именно травы, некогда в засушливое лето брошенный аркадским жрецом Юпитера в источник Агно на горе Лике, вызывал пары, которые потом сгущались в тучи, из туч же шел дождь и обильно орошал всю окрестность».[174]

Допускающим различные толкования является и катрен 6-61:

> Le grand tappis plie ne monstrera,
> Fors qu'a demy la pluspart de Phistoire:
> Chasse du regne loing aspre apparoistra,
> Qu'au fait bellique cliascun le viendra croire.
>
> Большой сложенный ковер покажет
> Лишь наполовину большую часть истории.
> Изгнанный из царства вдалеке покажется суровым,
> Так что в ратном деле ему поверит каждый.

Одна из самых убедительных гипотез предложена Роже Прево. На коврах, которые разворачивались в полевых шатрах монархов во время военных походов, изображались, как правило, сцены из истории страны. Следовательно, некий иностранный государь будет разгромлен прежде, чем в его стане успеют развернуть ковры. На родине же он будет много рассказывать о своих ратных подвигах. По мнению Прево, в этом катрене Нострадамус излагает ход сражения у стен Меца в 1552 году. Карл V осадил город, однако армия де Гиза молниеносным ударом вынудила императора поспешно оставить поле боя. Французы взяли в качестве трофея гобелены из шатра императора со сценами из жизни Хлодвига.

Весьма таинственно выглядит катрен 8—69:

> Aupres du jeune le vieux ange baisser,
> Et le viendra surmonter a la fin:
> Dis ans esgaux au plus vieux rabaisser,
> De trois deux Pun Phuitiesme serapliin.
>
> Близ молодого ангела старый понизится,
> А в конце концов возвысится над ним.
> 10 лет равны, затем старый понизится вновь,
> Из трех – два, один – восьмой серафим.

Даже знакомство с ангельской иерархией не помогает постичь смысл этого катрена.

10-8
Index & poulse parfondera le front
De Senegalia le Conte a son filz propre
La Myrnarmee par plusieurs de prinfront
Trois dans sept jours blesses mors.

Указательным и большим пальцем разобьет лоб
Граф Сенигалии своему собственному сыну.
Мирнармея несколькими в коротком порядке (?)…
Через семь дней трое раненых мертвы.

Первые две строки вполне ясны по синтаксису и так же таинственны по смыслу. В «Третьей книге» Рабле глухонемой пророк Козлонос жестами предсказывает будущее Панургу: «Козлонос с любопытством смотрел на него, затем поднял левую руку и пальцы ее сжал в кулак, за исключением большого и указательного: их он приставил один к другому так, что они едва касались ногтями.

– Я догадался, что он хочет сказать этим знаком, – объявил Пантагрюэль. – Во-первых, это означает женитьбу, а во-вторых, как учат пифагорейцы, число тридцать. Вы женитесь».

В Светониевой биографии Тиберия (68) читаем: «Левая рука была ловчее и сильнее правой, а суставы ее так крепки, что он… щелчком мог поранить голову мальчика и даже юноши». Что этот «щелбан» означает у Нострадамуса – неясно.

Сенигалия – город в Италии, к северу от Анконы. В 1474 году папа Сикст IV выделил его из папских владений для своего племянника Джованни делла Ровере. Последний женился на дочери герцога Урбинского Федерико. Сын Джованни Франческо Мария был усыновлен бездетным наследником Федерико Гвидобальдо I, герцогом Урбино, к которому и перешла Сенигалия. Во время написания «Пророчеств» герцогом был его внук Гвидобальдо II. Третья строка безнадежно испорчена наборщиком; о чем (или о ком) в ней идет речь – совершенно непонятно.

В катрене 10–21 неясная интрига получает трагическое разрешение:

Par le despit du Roy soustenant moindre,

Sera meurdry luy presentant les bagues,
Le pere au filz voulant noblesse poindre
Fait comme a Perse jadis feirent les Magues.

Из-за презрения короля, поддерживающего меньшего,
Будет убит преподносящий ему сокровища.
Отец с сыном, желая уколоть дворянство,
Поступил так, как в Персии ранее поступали маги.

В последней строке, очевидно, Нострадамус намекает на волхвов, пришедших с Востока поклониться новорожденному Иисусу и вручить ему ценные дары. Согласно одной из версий народной легенды, они были персами.

В катрене 1—63 некоторые комментаторы видят предсказание изобретения воздухоплавания:

Les fleaux passes diminue le monde
Long temps la paix terres inhabitees
Seur marcliera par ciel, terre, mer, & onde:
Puis de nouveau les guerres suscitees.

Прошедшие бедствия ослабили свет,
Долгое время – мир на населенных землях
Уверенно пройдет по небу, земле, морю и волне,
Затем снова начнутся войны.

Слово *inhabitees* здесь значит не «необитаемые», а, наоборот, «населенные», от латинского глагола *inhabito* – «обитать, жить, населять». Нострадамус повторяет старую как мир идею: все меняется к худшему, а если и наступает передышка, то в дальнейшем разрушительные силы все равно берут реванш. Эту идею часто повторяли поэты и философы его эпохи, например Эсташ Морель:

День ото дня движется, ослабевая,
Кругообращение этого мира,
И государства непрерывно движутся
От лучшего к худшему, к своей гибели.[175]

В этом, в общем-то неоригинальном и предельно обобщенном пророчестве (после череды войн наступает мир, а затем вновь приходит война) есть любопытный нюанс. Что хотел сказать

Нострадамус в третьей строке, упомянув «хождение по небу»? Не исключено, что он все-таки предвидел появление воздухоплавания. Если это предположение верно, то, возможно, в том же ключе следует понимать и третью строку катрена 1—55:

Sous Popposite climat Babylonique
Grande sera de sang effusion,
Que terre & mer, air, ciel sera inique:
Sectes, faim, regnes, pestes, confusion.

Под противоположным Вавилонскому климатом
Произойдет великое пролитие крови,
Что небо будет неправедным к суше и морю, воздуху,
Секты, голод, царства, мор, смута.

«Климат» – научное понятие XVI века; под ним понималась полоса территории вдоль определенной широты. «Вавилонским климатом» (климатом, где некогда располагалось Ассирийское царство) назывались широты, где длительность дня в день летнего солнцестояния составляет 14 часов 24 минуты. «Под противоположным климатом» значит «на той же широте». Конечно, Нострадамус, как и другие авторы того времени, имел весьма смутное представление о далеких странах и континентах (например, Россия была для него страной не более и не менее реальной, чем «царство пресвитера Иоанна»), с лихвой восполняя знания догадками и фантазиями. Поистине, он был сыном своего века, в котором коренились истоки и смысл большинства его предсказаний – как бы ни хотелось многим отнести их к более отдаленным временам.

Глава двенадцатая
НОСТРАДАМУС В РОССИИ

Длительное время о Нострадамусе на русском языке практически не писали. Причина тому – и общеевропейский рационализм, в границах которого Нострадамусу долго не было места даже в его родной Франции, и церковная цензура, с подозрением относившаяся к любым пророчествам, тем более исходящим из католической среды. В советские годы на смену церковной цензуре пришла партийная, еще более жесткая. Посему не следует удивляться скудости русской нострадамоведческой библиографии.

Одной из первых работ о Нострадамусе, опубликованной на русском языке, стала статья теолога и историка Льва Платоновича Карсавина «О свободе», напечатанная в 1922 году в журнале Петербургского философского общества «Мысль». Карсавин поднимает фундаментальный вопрос, рано или поздно встающий перед каждым исследователем явления пророчества вообще и прорицаний Нострадамуса в частности – существует ли будущее? Он, в частности, пишет: «Религия ссылается на случаи пророчеств и видения будущего; она допускает и утверждает данность его святым… Но раз дан во всей конкретности хотя бы один момент будущего, надо допустить, что дано все будущее, все его моменты… разрушительные для „свободы воли“ выводы очевидны». Затем Карсавин приводит несколько документально подтвержденных случаев пророчеств (преимущественно сделанных медиумами в состоянии гипнотического транса). Доказав таким образом, что пророчество – не шарлатанство и не заблуждение, ученый приступает к рассказу о Нострадамусе и анализирует 9 сбывшихся, по его мнению, катренов.

Карсавин придерживается точки зрения, согласно которой Нострадамус мог видеть грядущие события в некоем подобии сомнамбулического сна, не теряя, однако, связи с окружающим миром. Даты будущих событий он мог уточнить с помощью астрологических вычислений: «Будущее усматривается не как возможность или одна из возможностей. Ясновидение не догадка, а именно видение, самое ясное, полное и отчетливое, такое же, за исключением отношения его к будущему, как и видение прошлого». Конечно, Карсавин не пытается моделировать будущее – он исследует феномен: «Разгадать смысл этих катренов удается лишь „после факта“, но они от того своего значения не теряют». Статью Карсавина можно назвать первой русской

нострадамоведческой работой. Напомним, что в те годы не было еще русского перевода «Пророчеств». Статья открыла для русского думающего читателя имя и творчество Нострадамуса.

В 1938 году, когда Вторая мировая война была не за горами, в Париже вышла книга «Нострадамус. Пророк европейской истории», написанная русским эмигрантом, ученым-филологом Михаилом Гениным. По форме она представляет собой историко-философское эссе, напоминая расширенную версию статьи Л. П. Карсавина. В ней переплетаются несколько сюжетных линий – биография Нострадамуса, 1792 год как дата «обновления века» и, наконец, жизнь Наполеона I и судьба династии Бурбонов. Число катренов, отобранных Гениным для своей работы, невелико – всего 13. Эссе носит ярко выраженный апологетический характер; кроме того, нельзя забывать, что рассчитано оно на русского читателя, практически незнакомого с писаниями Нострадамуса. Интересна позиция самого автора. Если Людовик XVI вызывает у него безусловную симпатию, то Наполеон в его эссе выглядит фигурой разрушительной, апокалиптической. Статья отражает то состояние глубокой подавленности, в котором пребывали эмигрантские круги накануне Второй мировой войны. Однако автор не предпринимает попыток узнать по тем же пророчествам Нострадамуса, что же ожидает Европу и Россию в течение хотя бы нескольких ближайших лет….

М. Генин – интересный пример русского мистика с монархическими убеждениями, выбравшего для выражения своих взглядов тему роли Нострадамуса во французской истории. В философско-мистической части своей книги он придерживается воззрений немецких философов (в частности, Иммануила Канта), согласно которым прошлое, настоящее и будущее представляют собой единый поток. Как и Л. П. Карсавин, он ссылается на факты и случаи ясновидения, пророческих снов и видений. Подобно Карсавину, Гении приходит к выводу о предопределении, привлекая также концепции Льва Толстого: «Каждое действие, кажущееся произвольным, в историческом смысле не произвольно, а находится в связи со всем ходом истории и определенно предвечно». Тенин говорит, однако, что если внешние события предопределены самой сущностью грубого, материального мира, являясь составной частью непрерывного процесса, то развитие внутреннего мира индивидуума отнюдь не фатально. «Этот внутренний мир, – считает автор, – настолько бывает прекрасен, что лучшие из людей… лишались жизни во вселенной, предопределенной временно и пространственно, с целью сохранить независимый, а потому бессмертный и свободный, в глубине своей сущности духовный мир». Таким

образом, по М. Тенину, единственный выход из замкнутого круга предопределения – смерть. В качестве примера он упоминает Христа и Сократа. Но если человек хочет остаться свободным именно для жизни, если у него нет возможности умереть красивой смертью, – что тогда? Тенин не дает ответа на этот вопрос, упуская из виду, что кроме Сократа, Людовика XVI и Наполеона на земле существовали и существуют десятки миллионов людей, обеспокоенных проблемой свободы воли и судьбы.

Эмигрантские ученые и публицисты и позже не раз упоминали имя Нострадамуса в своих трудах, а вот в Советском Союзе его имя было окружено плотной завесой молчания. Одно из немногих упоминаний о пророке в литературе тех лет можно найти в книге Г. Гурева «История одного заблуждения: Астрология перед судом науки», вышедшей в 1970 году в Ленинграде. Автор с типичной для того времени безапелляционностью громил астрологию и прочие «лженауки», вскрывая их роль в обмане народа в интересах правящих классов. При этом он умудрился не процитировать ни одного из катренов Нострадамуса – лишь кратко изложил с множеством ошибок и умолчаний его биографию, изобразив пророка верным слугой Екатерины Медичи и прочих «реакционеров». Но даже такие редкие упоминания будили интерес к Нострадамусу в кругах интеллигенции – особенно диссидентов, которые жадно тянулись ко всему, что отвергал советский официоз.

В 1974 году поэт русского зарубежья Вячеслав Клавдиевич Завалишин (1915–1995) выпустил в США поэтический перевод (вернее, вольный пересказ) пророчеств Нострадамуса. Поэтический уровень этого перевода крайне невысок, как и его соответствие оригиналу. Скупые комментарии к катренам отличались тенденциозностью с сильным антисоветским уклоном. Завалишин окончил филфак Ленинградского университета, занимался древнерусской литературой, а в годы Великой Отечественной войны попал в плен и оказался в Германии, откуда впоследствии перебрался за океан. Он преподавал русскую литературу в Колумбийском университете, сотрудничал на радио «Свобода» и выпустил несколько книг стихов и прозы. Интерес к Нострадамусу возник у него еще в юности. Он вспоминал: «Когда в ежовщину мои родители, отец и мать, были арестованы, у них конфисковали небольшую книгу о Нострадамусе с переводом на русский катренов и фрагментов двух апокалипсисов, выпущенную в начале двадцатых годов. Книга эта была признана антисоветским памфлетом под маской средневековой схоластики…» Кроме свидетельства Завалишина,

об этой книге ничего не известно, хотя ее издание вполне возможно – в начале 1920-х в Советской России еще допускались подобные вольности.

В своем переводе Нострадамуса Вячеслав Завалишин ставил вполне конкретную задачу: доказать, что значительная часть предсказаний Нострадамуса посвящена истории XX века и роли в ней России. Вот как он перевел уже знакомый нам катрен 1–3:

> Я вижу, как рушатся царские троны,
> Когда их сметает людской ураган.
> Республику сделает хуже короны.
> И белых, и красных жестокий обман…
> Напомним подлинный текст катрена:
> Когда носилки опрокинуты вихрем,
> А лица укрыты плащами,
> Государство мучимо новыми людьми,
> Тогда белые и красные будут судить наоборот.

Эти «невинные» изменения смысла дают представление о методе работы Завалишина и степени точности его перевода, который до сих пор пользуется популярностью у нетребовательной российской публики. Легкой руке Вячеслава Клавдиевича обязано своим существованием и пророчество о 73 годах большевистской власти, найденное им в послании Нострадамуса Генриху II. Вот что там говорится в точном переводе: «В месяце октябре произойдет так, что случится некое великое перемещение – такое, что подумают было, что махина Земли… погрузилась в вечные потемки. Этому будут предшествовать великие землетрясения… с разрастанием новой Вавилонии, презренной дщери, приращенной мерзостью первого всесожжения; и продержится она лишь 73 года и 7 месяцев».

А вот как трактует этот же отрывок В. Завалишин: «И в октябре вспыхнет великая революция, которую многие сочтут самой грозной из всех, когда-либо существовавших. Жизнь на Земле перестанет развиваться свободно и погрузится в великую мглу. А весною и после нее произойдут великие перемены, падения королевств и великие затмения; и все это сопряжено с возникновением нового Вавилона, мерзкой проституцией, отвратительной духовной опустошенностью, и это продлится 73 года и 7 месяцев». В комментариях он отмечает: «Если принять во внимание, что это пророчество имеет непосредственное отношение к Октябрьской революции в России в 1917 году, то надо согласиться и с тем, что начало крушения порожденных этой революцией порядков следует отнести к 1991 году. Окончательно

же русская революция изживет себя в 2025 году». Это предсказание, сделанное, напомним, в 1974 году, сбылось с удивительной точностью – Советская власть рухнула в августе 1991 года, просуществовав 73 года и 10 месяцев. Весь вопрос в том, имел ли Нострадамус в виду Россию – ведь в его тексте говорится о землетрясениях, а чуть ниже речь идет о появлении Антихриста (он же Неистовый). Конечно, землетрясения можно понимать в переносном смысле, а в Антихристе видеть кого-либо из большевистских вождей, но это явно выходит за рамки научного комментирования.

Вскоре после выхода книги Завалишина журнал «Знание – сила» (№ 6 за 1975 год) поместил статью известного историка, специалиста по Юго-Восточной Азии Эдуарда Оскаровича Берзина «Нострадамус – сын своего века». В довольно обширной статье автор рассказывал о жизни и судьбе Нострадамуса, а также о его пророчествах. Впервые за много лет в статье был опубликован ряд катренов и даже портрет Нострадамуса, заимствованный из издания 1605 года. Статья выдержана в сугубо скептическом духе, и это понятно – советская печать, тем более центральная, ничего иного и не пропустила бы. У Берзина Нострадамус выглядит самоуверенным астрологом с претензией на звание пророка, чьи предсказания, как правило, не сбывались. Зато предвидения Нострадамуса о развитии техники (подводный флот, авиация, космонавтика, оптика), по мнению автора, заслуживают внимания наряду с гениальными прозрениями Роджера Бэкона и Леонардо да Винчи. Таким образом, Нострадамус ставится на один уровень с авторами социально-технократических утопий – и не более того. Но и не менее. Разумеется, о возможных связях пророчеств Нострадамуса с современной историей Берзин ничего не говорит. В 1992 году он выпустил в издательстве «Республика» книгу «Нострадамус и его предсказания», где достаточно грамотно (хотя и не без ошибок) пересказал ряд западных популярных работ о провансальском провидце. Это издание стало первой ласточкой нового российского нострадамоведения, за которой последовала целая стая прожорливых чаек – трудов многочисленных толкователей «Пророчеств».

Современная русская литература о Нострадамусе страдает той же болезнью, что и западная (прежде всего англоязычная). Имя этой болезни – дилетантство. Писать о провансальском пророке берутся люди, несведущие ни в истории, ни в филологии. В то же время тексты провансальского предсказателя весьма трудны, и заниматься ими, не зная языка оригинала, недопустимо. Эта очевидная мысль никак не доходит до авторов-дилетантов, большинство которых возводит собственный

дилетантизм в своего рода культ, утверждая, будто невежество – залог объективности. Разумеется, среди американских (да и французских) авторов дилетантов тоже достаточно. Однако пророчества Нострадамуса – плод западной культуры, и французу требуется меньше сил и времени, чтобы постичь их хотя бы в общих чертах. К тому же западные читатели не в пример требовательнее отечественных (я говорю о широкой массе, а не о круге интеллектуалов, которые во все времена и во всех странах составляют меньшинство).

Толкуя на свой страх и риск пророчества Нострадамуса, многие «эксперты» не рассматривают ни обстоятельства его жизни (не считая нескольких сомнительных легенд), ни ее исторический и культурный фон. В результате жизнь и творчество салонского предсказателя оказываются вырванными из общего историческо-культурного контекста. Такой Нострадамус, «не помнящий родства», очень удобен авторам-дилетантам. Ведь на самом деле вся история с «толкованием пророчеств великого астролога» затевается ими, как правило, с целями, бесконечно далекими от научных.

Технология написания подобных трудов проста. Автор, имея в голове уже четко сложившееся видение (не путать с видением) будущих событий, выстраивает в зависимости от них цепочки катренов, опираясь на произвольные датировки и взятые с потолка факты. Нередко доводится слышать, что в пророчествах Нострадамуса можно увидеть все, что угодно. Добавим: при желании. Прочитав десятки книг толкователей-дилетантов, автор этих строк пришел к выводу, что они приступают к написанию своих трудов, лишь сочинив готовый сценарий, роли статистов в котором предстоит исполнить катренам. Для обоснования своих сомнительных теорий авторы обращаются к прошлому, находя в катренах соответствия событиям минувших событий – иногда привязки катренов «задним числом» занимают половину книги, а то и больше. В тех случаях, когда тексты катренов явно противоречат концепции автора, в ход идут манипуляции с источником, в том числе и откровенно нечестного характера – искажения переводов, разного рода додумывания, голословные утверждения. Нехватку знаний они пытаются компенсировать самоуверенностью.

В том, что касается исторической и текстологической достоверности, сочинения отечественных дилетантов примерно соответствуют своим зарубежным «клонам». Иначе и быть не может: одинаковый жанр предполагает сходный уровень, несмотря на некоторую разницу в деталях. Например, наши нострадамоведы прочат России от имени Нострадамуса великое

будущее, в то время как ее судьба в представлении западных толкователей не столь радужна. Кстати, особая пикантность ситуации заключается в том, что, как помнит читатель, слово «Россия» в пророчествах Нострадамуса не встречается ни разу. Попытки связать нашу страну с «Аквилоном», «Сарматией» или «Севером» далеко не всегда выглядят убедительно.

Если же говорить об авторской этике и литературных достоинствах (которыми непременно должна обладать даже популярная так называемая «эзотерическая» литература), то российские нострадамоведы-дилетанты сильно отстают от своих западных коллег: сказываются отсутствие традиций и нехватка знаний. В результате к самоуверенности здесь прибавляется наивность, впрочем, порой весьма и весьма агрессивная. От некоторых самодеятельных толкователей автор этих строк слышал, что для правильного прочтения Нострадамуса не нужно знать ни французский язык, ни биографию пророка, ни исторический контекст, в котором пророчества были написаны!

Особая тема – поиск пресловутого «ключа Нострадамуса». Еще в XIX веке исследователи задались вопросом: какой прок от туманных предсказаний, в которых к тому же почти нет дат? Неужели Нострадамус не понимал, что без хронологических привязок или хотя бы намеков на даты событий его тексты лишены какой-либо рациональной ценности? Тогда-то и было выдвинуто предположение, что Нострадамус при написании и публикации своих центурий тем или иным образом зашифровал в них даты грядущих событий. С тех пор многие любители (именно любители; историки-исследователи даже не пытались найти «ключ Нострадамуса», уподобляя его знаменитому черному коту в темной комнате, которого, может, на самом деле и нет) исписали тысячи страниц и напрасно побеспокоили сотни журналистов, чтобы возвестить миру о волнующем открытии: ключ, наконец, найден! При этом скрывается тот факт, что сам Нострадамус ни словом не обмолвился о каком-либо ключе к своим пророчествам, который волшебным образом расставит все по своим местам.

Интересная особенность всех «найденных» ключей в том, что они безусловно подходили к катренам, якобы предсказывавшим уже прошедшие события, но в том, что касается будущего, неизменно попадают, как говорится, пальцем в небо. Предсказания, сделанные на основе расшифровок, ни разу не сбылись. Да и сама технология поиска ключей может впечатлить разве что неискушенную публику: из произвольной фразы Нострадамуса, вырванной из контекста, в искаженном переводе, делаются далекоидущие выводы. К примеру, некие отечественные толкователи Нострадамуса усмотрели особый смысл в

завещательном распоряжении пророка окружить свой гроб четырьмя фунтовыми свечами. Они решили, что речь идет о свечах ценой по фунту (ливру) серебра, и забили тревогу: ведь такие свечи были бы огромными! Здесь-то, решили они, и кроется ключ к пророчествам Нострадамуса. На самом деле в завещании Нострадамуса шла речь о свечах по фунту весом; свечи же весом 0,5 килограмма – отнюдь не раритет, бывали и больше. Да и здравый смысл подсказывает, что завещание, продиктованное мучимым артритными болями Нострадамусом – именно завещание, а не указание будущим поколениям, где искать пресловутый ключ. Никакого скрытого смысла, конечно, здесь нет и быть не может. Такая путаница неизбежна при игнорировании исторических реалий XVI века, а говоря проще – невежестве авторов.

История с фунтовыми свечами – всего лишь эпизод в «ключеискательской» эпопее, причем еще и не самый гротескный. Джон Хоуг, Эрика Чисэм, Стивен Полас и прочие зарубежные толкователи-дилетанты, сулящие от имени Нострадамуса то столкновение с кометой, то третью мировую войну, выглядят вполне респектабельно на фоне иных отечественных авторов. В силу причин, о которых приходится только догадываться, российские любители не считают нужным выучить хотя бы современный французский язык, чтобы ознакомиться с «Пророчествами» в оригинале; они полагают это совершенно излишним для того, чтобы называть себя «расшифровщиками Нострадамуса». Например, такой ценный и малоизученный даже на Западе источник, как «История Прованса» Сезара Нострадамуса, для них просто не существует, потому что… не переведен на русский язык. Некий «нострадамовед», подвизавшийся заодно на ниве фоменковской «альтернативной хронологии», в свое время заявил автору этих строк, что источники XVI века, которые он не может прочесть из-за незнания языков, он считает «позднейшей фальсификацией, недостойной научного (!) исследования». Стоит ли говорить, что ни один из этих документов он даже не держал в руках? Главным же историческим источником по жизни и творчеству Нострадамуса он с детской простотой полагает… художественный фильм «Нострадамус», вышедший в 1994 году…

Ученость вызывает у подобных «экспертов» раздражение. Более того, они отказываются даже покупать исследовательские работы о XVI веке и Нострадамусе, довольствуясь тем, что можно бесплатно найти в Интернете – при этом заранее обходя великолепные, но сложные для невежд статьи Жака Альброна, Робера Беназра и других добросовестных исследователей и

отдавая предпочтение таким же безграмотным «расшифровкам», воруя друг у друга нелепые и фантастические квазигипотезы. Они обнаруживают в «Пророчествах» даже указания на свои персоны и во всеуслышание заявляют об этом – разумеется, в доказательство удивительного пророческого дара Мишеля Нострадамуса. Один любитель решил, что провансальский маг предсказал не только его, но и его бывших любовниц. В такой вот непринужденной, можно сказать семейной атмосфере и рождаются труды отечественных «шифроискателей». Показательно, однако, что будущее «по Нострадамусу» выглядит в их исполнении довольно бледно и неубедительно. Рождение новой религии, возрождение страны, глобальная война и/или катаклизм, приход к власти сильного и мудрого правителя – вот, пожалуй, и все, что могут пообещать «дешифраторы» своим читателям. Ничего нового здесь нет – совершенно то же самое предсказывают респектабельные зарубежные толкователи, за вычетом колоритных курьезов вроде обнаружения в катренах своих увлечений давно прошедшей юности. Конечно, семейный цирк – не наука, но зато весело…

Популярность идеи «ключа Нострадамуса» легко объяснима. Мало кому улыбается перспектива длительной кропотливой работы по изучению текстов провансальского предсказателя; куда соблазнительнее решить задачу одним махом, по щучьему велению. Озарение или исследование? Динамитная шашка или удочка? Эта дилемма знакома многим нетерпеливым рыбакам. Многие предпочли бы динамит. Однако факт остается фактом: ни один из предлагавшихся на протяжении почти двух столетий ключей не подошел к тексту «Пророчеств». История науки, со своей стороны, свидетельствует: озарения и счастливые научные находки, вроде бы случайные, никогда не случаются на пустом месте. Прежде чем Дмитрий Иванович Менделеев увидел во сне набросок своей знаменитой периодической таблицы элементов, он потратил много лет и сил на вполне сознательные изыскания: «Я над ней, может быть, двадцать лет думал, а вы думаете: сидел и вдруг… готово».

Разумеется, нострадамоведческие изыскания не столь ресурсоемки, да никто и не требует от исследователя таких жертв, тем более в наше непростое время. Но ведь астероиды и кометы уже давно открывают почти исключительно астрономы-любители; ничто не мешает и добросовестным нострадамоведам приступить к серьезному изучению трудов Нострадамуса, без чего в конечном итоге невозможно понять его «Пророчества» в полном объеме. Единственным критерием надежности исследователя здесь должна служить вовсе не ученая степень, а хорошее знание французского языка, трезвое представление о трудностях, с

которыми неизбежно придется столкнуться, умение и желание пользоваться специальными историческими словарями, а также знакомство с реалиями XVI века. При этом исследователь может искренне считать Нострадамуса величайшим пророком всех времен – или же отказывать ему даже в сиюминутной политической интуиции. Главное – не позволять личной вере искажать смысл написанного пророком. Патрис Гинар, например, считает Нострадамуса великим пророком и яростно критикует «вульгарно-исторические», по его мнению, концепции покойного Пьера Брендамура, – но это не мешает ему, Гинару, транскрибировать и публиковать в Интернете для всех желающих редчайшие источники, не меняя в них ни единого слова. Без этой работы месье Гинар так и остался бы одним из многих интернетовских крикунов, однако он делает реальное, полезное дело, да еще и бескорыстно, являя собой образец достойного и честного исследователя.

Каким быть российскому нострадамоведению? Неужели вкладу России в мировую «нострадамиану» суждено ограничиться безобразными антинаучными выходками дилетантов? Россия далека от Франции, и вряд ли в нашей стране могут сыскаться источники, непосредственно связанные с Нострадамусом – например, прижизненные издания утраченных на Западе альманахов. Однако это вовсе не значит, что российским исследователям остается лишь слепо идти по стопам западных коллег.

Первая задача, как уже говорилось выше, – всестороннее изучение языка Нострадамуса, прежде всего на материале его альманахов. Они остаются до сих пор неизученными даже на Западе, однако тексты многих из них доступны. Перевод этих альманахов в электронный вид, а затем и на русский язык как группами, так и любителями-одиночками мог бы значительно способствовать исследованиям.

Вторая задача – изучение судьбы наследия Нострадамуса в России. На Западе его пророчества, в особенности их туманно-угрожающий стиль, оказали глубокое воздействие не только на астрологию и прогностику, но и на литературу, живопись, музыку, отразившись в творчестве Гёте и Бальзака, Александра Дюма и Генриха Манна. Переводя гётевского «Фауста», Борис Пастернак заинтересовался личностью салонского предсказателя и даже изучал хранившееся в Ленинской библиотеке редчайшее издание «Пророчеств» 1557 года. Конечно, этот пример нельзя считать показательным – в целом до 1980-х годов Нострадамус в нашей стране не был ни популярен, ни широко известен. Тем не менее на протяжении веков ему отдавали дань многие любители

«тайного знания». Особый интерес представляет советская эпоха, когда мистика и эзотерика находились под фактическим запретом. В личных фондах государственных архивов страны терпеливых исследователей могут ожидать удивительные находки – например, неопубликованные рукописи отечественных любителей Нострадамуса и толкователей его пророчеств.

Очевидно, что план подобной работы прост и не требует каких-либо сверхусилий. В то же время находки, которые ожидают нас на этом пути, непременно внесут вклад в общее дело прояснения смысла «Пророчеств». Вне зависимости от личных пристрастий, возраста и убеждений добросовестные исследователи способны пролить свет на некогда таинственную и до сих пор во многом загадочную фигуру салонского прорицателя и его наследие, сделать их еще более понятными и близкими. А это, в свою очередь, знаменует победу разума над мраком невежества, о которой мечтал Нострадамус. Ведь, как известно, ночь кончается тогда, когда мы начинаем различать черты другого человека.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как это нередко бывает с выдающимися людьми, смерть Нострадамуса стала лишь прологом к бессмертию его книги. Имя салонского пророка до сих пор на слуху, а его «Пророчества» до сих пор переиздаются огромными тиражами и вызывают оживленные дискуссии и ожесточенные споры.

Кем же он был, этот странный и в то же время такой обычный для эпохи Возрождения человек? Магом и волшебником, великим пророком Европы – или же хитрым шарлатаном, дурачащим легковерную публику вот уже четыре с половиной столетия? Думается, ни один из этих ответов не может исчерпать всей глубины вопроса. Упрощение – худший враг понимания; Мишель Нострадамус, одна из сложнейших фигур своей эпохи, не укладывается в короткие формулировки современного рационального мира.

Безусловно, он верил в то, что унаследовал от своих предков некий пророческий дар. Не подлежит также сомнению, что астрология служила для него лишь прикрытием – никакой звездочет не в состоянии предсказать события в таких подробностях, какие приводятся в альманахах и «Пророчествах». Это лукавство не укрылось от внимания профессиональных астрологов – современников Нострадамуса, которые и обвиняли его в самозванстве – мол, из-за таких, как ты, наш квартал и пользуется дурной славой…

В то же время ни один из критиков и хулителей Нострадамуса не обвинял его в том, что предсказания провансальского волшебника не сбывались. Совсем напротив – противники готовы были признать за ним способность влиять на события, приноравливая их к своим пророчествам и прогнозам. При всей курьезности этого взгляда он дает представление об авторитете, которым обладал наш герой. Судя по свидетельствам современников, в своих годичных альманахах Нострадамусу действительно удавалось более или менее верно угадывать будущее – ведь популярность и тиражи его прогнозов не снижались, а росли. Хотя глубокий анализ его календарей еще впереди, выборочные сопоставления их с реальными событиями позволяют утверждать, что основные тенденции близкого будущего Нострадамус чувствовал очень хорошо.

Как объяснить этот феномен? Был ли Нострадамус гениальным политологом-аналитиком, пользовался ли он, как сейчас говорят, некоей инсайдерской информацией, которую ему могла поставлять его покровительница Екатерина Медичи? Или

же нам следует признать, что он действительно обладал даром предвидения будущего?

Исследование «Пророчеств» показывает, что Нострадамус мог предвидеть глобальные тенденции, однако пасовал перед частностями. Впрочем, частности – ничто; главное, что мрачная картина «дивного нового мира», изображенного в видениях Нострадамуса, чем бы ни вдохновлялся их автор, не имела ничего общего с наивными и светлыми прогнозами ренессансных гуманистов. Нострадамус, вне зависимости от своих экстрасенсорных способностей, слишком хорошо понимал человеческую природу. Высказывая, подобно многим своим современникам, веру в силу человеческого разума, он в то же время сомневался в чистоте его намерений.

Стоит ли говорить, что время блестяще (если здесь уместно это слово) подтвердило его скептицизм? История показывает, что человек если и меняется, то крайне медленно и неохотно; именно поэтому каждое поколение век за веком вновь открывает для себя «Пророчества» Нострадамуса.

Читатель XXI столетия легко заметит сходство книги провансальского предсказателя с лучшими романами-предупреждениями мировой литературы – «Войной миров» Уэллса, «Днем триффидов» Уиндема и «1984» Оруэлла. Человек – жертва Провидения; человек – жертва собственных творений; наконец, человек – жертва произвола властей; эта отнюдь не святая троица благополучно пережила революции и мировые войны, с триумфом войдя в третье тысячелетие.

И вместе с тем «Пророчества» Нострадамуса – нечто более глубокое, чем сборник кошмарных снов о грядущем. Сдержанный оптимизм, негодование, ирония, даже юмор – на страницах «Пророчеств» нашлось место всей гамме человеческих чувств. Они делают книгу Нострадамуса *естественной.* Именно эта естественность и защищает «Пророчества» от старения, подобно эликсиру вечной молодости – извечной мечте алхимиков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОТЕРЯННЫЕ КАТРЕНЫ НОСТРАДАМУСА

Как известно, литературное наследие Мишеля Нострадамуса отнюдь не ограничивается знаменитыми «Пророчествами». Провансальский ясновидец оставил после себя немало альманахов – ежегодных астрологических прогнозов, которые, собственно, и стяжали ему прижизненную славу. Многие альманахи переводились на иностранные языки – итальянский, немецкий, английский. Популярность Нострадамуса была столь высока во всей Западной Европе, что издатели не гнушались тем, что ныне именуется пиратством: нередко альманахи перепечатывались без разрешения (а стало быть, без выплаты автору и правообладателю вознаграждения). Известны также случаи публикации коллажей из его альманахов на прежние годы – с «обновленной», однако, датой.

Для исследователя «Пророчеств» важно все, что выходило из-под пера Нострадамуса – изучение языка предсказателя помогает разобраться в особенностях его работы со словом, проникнуть в тайны его творческой мастерской. Автору этих строк неоднократно удавалось понять некоторые туманные словесные обороты, встречающиеся в «Пророчествах», благодаря альманахам, где эти же словосочетания были поставлены автором в гораздо более ясный контекст. Одним словом, для исследователя любой текст Нострадамуса являет собой великую ценность. Тем более ценен текст, недоступный доселе и лишь теперь вводимый в научный оборот; вдвойне такой текст ценен, если в нем содержатся ни много ни мало как неизвестные катрены Нострадамуса.

Как уже говорилось, Мишель Нострадамус, помимо «Пророчеств», оставил 154 катрена, помещенных в альманахах на 1555–1567 годы. Катрен открывал предсказания на каждый месяц года; кроме того, в альманахах на 1555, 1559 и 1562–1567 годы присутствуют дополнительные катрены, описывающие год в целом. Альманах на 1567 год завершает также четверостишие *La fin de l'an* – «О конце года».

В этом ряду «текущих катренов» зияет, однако, досадный пробел. Ни одного альманаха на 1556 год не сохранилось. Он был библиографической редкостью и в XVI веке, судя по тому, что экс-секретарь Нострадамуса Шавиньи, оставивший объемистый рукописный свод выписок из альманахов, выразил сожаление, что календаря и катренов на этот год ему найти не удалось. Не сохранились и переводы этого альманаха (если они вообще были). Выходит, нам не суждено прочесть стихи о 1556 годе?

В библиотеке Иллинойсского университета хранится единственный в мире экземпляр английского перевода альманаха Нострадамуса на 1564 год.[176] В библиографическом справочнике Мишеля Шомара он описан под № 60; в своде Робера Беназра он, однако, отсутствует. На то есть своя причина: этот альманах – коллаж. Исходный текст урезан до минимального объема: краткие прогнозы, заимствованные из французского оригинала, сведены к самым общим фразам о погоде и болезнях. Словом, это типичное пиратское издание, и числиться бы ему в таковых и дальше, если бы не одиннадцать катренов, сопровождающих эти «астрологические выжимки». Ведь, судя по всему, эти четверостишия – не что иное, как весточка из иного мира, где пребывает пропавший альманах на 1556 год.

Предоставим слово Пьеру Брендамуру, внимательно прочитавшему английский альманах и сделавшему правильные выводы о ценности этого документа: «Фронтиспис, начало альманаха (в том числе описание января) и конец предсказания утрачены… Я не смог идентифицировать катрены, но они, похоже, вышли из-под пера Нострадамуса – это заметно и по манере, и по следам рифм, уцелевшим после перевода… Комментарии к темам равноденствий и солнцестояний соответствуют данным на 1556 год, что наводит меня на мысль, что некоторые фрагменты этой подделки, в том числе пророческие катрены, переписаны из альманаха на этот год. Таким образом, сей документ придает этому изданию исключительную важность».[177]

И вот английский альманах на 1564 год доступен.[178] Действительно, перед нами перевод, местами явно искаженный; вторая половина катрена на июнь пострадала больше всего. Каков же источник этих 44 строк? Во-первых, неизвестный переводчик мог сам выдумать катрены или взять их из источника, не связанного с Нострадамусом. Это маловероятно; в строках явно присутствует присущий провансальскому астрологу стиль и колорит, который проглядывает даже сквозь перевод (кстати, подстрочный; неизвестный англичанин не стал его зарифмовывать, за что мы должны быть ему благодарны – ведь стихи в поэтическом переводе утрачивают значительную часть смысла и настроения, вложенного в них автором). Приходится согласиться здесь с Пьером Брендамуром, чье мнение мы привели выше.

Вторая гипотеза – источником для английского перевода послужило несколько альманахов Нострадамуса на разные годы, и по какой-то причине переводчик заимствовал астрологические данные из издания на 1556 год, а катрены – из другого. Однако

все катрены из всех альманахов на 1555–1567 годы сохранились, и они не имеют ни малейшего сходства с английскими. Напрашивается предположение, что речь может идти о четверостишиях из альманахов на 1550–1554 годы. Однако, согласно Шавиньи, катрены в альманахах Нострадамуса стали появляться лишь с издания на 1555 год.

Наконец, согласно третьему, самому соблазнительному варианту «родословной» английских катренов, они действительно относятся к 1556 году. Это самое логичное предположение – раз неизвестный переводчик переписал астрологические данные из альманаха именно на этот год, то почему он не мог взять оттуда же и пророческие стихи?

Окончательный ответ на вопрос о происхождении английских катренов могут дать, конечно, лишь добросовестные исследования. А поскольку любое исследование начинается с публикации источника, то мы приводим здесь все английские четверостишия в соответствии с оригиналом, а также их русский перевод.

Февраль

Many manifest signes shalbe shewed,
Donger, colde, strife shalbe betwene frendes
Suche acts following, shall so overcome,
That many people shalbe come enemies.

Будет явлено много ясных знамений,
Опасность, холод, раздоры между друзьями.
Последуют такие деяния, столь всеохватные,
Что многие люди станут врагами.

Март

Many Cities would rise by,
Against the people of y frenche shippes,
They cannot preuaile their power,
They shalbe so kept in pensife and melacolike.

Многие города восстанут
Против людей с французских кораблей.
Они не смогут превозмочь их могущество,

Они останутся в вольномыслии и меланхолии (безумии. *– А. П.)*.

Апрель

The banished shalbe at onemoment,
Quickly succoured of all their adversaries
And monuments shalbe discouered
During the time of all their ajfayres.

Изгнанник в одно мгновение окажется
Быстро защищенным от всех своих противников,
И монументы будут обнаружены
Во время всех этих событий.

Май

Spaine in trouble, for the confusion
Of the best whiche shall make him self known.
Or cast forth of many a Realme
Of their inhabiters whiche shall deny their maister.

Испания в смятении из-за смуты
Лучшего, который заставит о себе говорить.
Многих исторгнет царство
Из их обитателей, кто отвергнет своего господина.

Июнь

Sect heresy in the end shalbe left
By the wil of all the inhabitants
The citezins shall geue ouer, being ouer wery of the time
In their misdeedes seing the.

Еретическая секта в конце концов будет оставлена
По общей воле жителей
Горожане оставят, долгое время будучи (?)
Узрев в их злодеяниях (?)

Июль

The great bishop shalbe lift on hye
Peace and unitye between the Infidels
The night being come the day shortly risinge
There shalbe concerned a death moste cruel.

Великий епископ будет возвышен.
Мир и союз между неверными.
Ночь пришла, вскоре настанет день,
Их постигнет жесточайшая смерть.

Август

Wery late shall come y comaundemet
Of one great lord shal cause himselfe to be hid
ever man saw suche putting down
Of great labours y shalbe caused to be in redynes.

Слишком поздно придет повеление
Великому господину, что принудит его самого спрятаться.
Никогда человек не видывал подобного притеснения.
От великого труда он покраснеет.

Сентябрь

Sedition shall quickly driven away
Of y number of those whiche shall holde y cousel
The ship shalbe from aboue y water drive away
Towards the Turks it wilbe easy to fight.

Смута будет быстро изгнана —
[Смута] нескольких, держащих совет.
Корабль окажется быстро изгнанным с воды.
Против турок будет легко сражаться.

Октябрь

Turky in trouble, sorowe and distress,
lor the fight, of ennemies comberous,
Shall be put to suche great oppression,
That in fighting shalbe stroken of death.

Турция в смятении, скорби и нужде
Из-за обременительной битвы с врагами
Окажется под таким великим гнетом,
Что в сражении подвергнется смертельному удару.

Ноябрь

The hail, rage, and the fierce torment
Shall do muche harme, in places nere by
A man of his owne parso would not trust
Of one great murder, y y neighbours will make.

Град, гроза и жестокая буря
Причинят великий урон в близлежащих местах.
Человек не поверит собственному пастырю
Из-за великого убийства, совершенного соседями.

Декабрь

By the agrement of Venus and Mercury
Shalbe void the mercurialistes
Put ashore shalbe without thought or care
Very nere by the Jovialistes.

По соглашению Венеры и Меркурия
Будут освобождены люди Меркурия (судейские. – *А. П.),*
Высажены на берег без попечения и заботы,
Совсем близко от людей Юпитера (священство. – *А. П.).*

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИШЕЛЯ НОСТРАДАМУСА

1503, 14 (или 21) декабря – в городе Сен-Реми в Провансе в семье торговца Жака (Жома) де Нотрдама и его супруги Рене около полудня родился сын Мишель.

1517 – отец Нострадамуса Жак записан в городские архивы Сен-Реми как нотариус и писец.

1519 – Нострадамус начинает учебу в папском городе Авиньоне.

1521 – отправляется в странствия, чтобы овладеть искусством траволечения и набраться врачебного опыта.

1529, 23 октября – поступает на медицинский факультет университета Монпелье в Провансе.

1533 – получает докторскую степень и селится в Ажене, где он женится и заводит двоих детей.

1534 – в присутствии свидетелей критикует культ святых католической церкви.

1538 – теряет семью во время эпидемии чумы. Одновременно получает приказ явиться к инквизитору Тулузы в связи с антикатолическими высказываниями. Чтобы избежать расследования, он покидает Ажен.

1539 – появляется в Бордо.

1540, 22 сентября – Франциск I подписывает указ о присвоении французского подданства отцу Нострадамуса, «весьма угодному нам Жаку де Нотрдаму», и его брату Пьеру.

1544 – под руководством врача Луи Серра Нострадамус борется с чумой в Марселе.

1546 – борется с чумой в провансальском городе Экс.

1547, 6 февраля – документ в архивах Сен-Реми упоминает Нострадамуса в числе наследников его отца. Будущий пророк наследует всего 1 экю, так как Жак де Нотрдам истратил значительную сумму денег на учебу своего сына.

Лето – приглашен в Лион для борьбы с эпидемией чумы. 11 ноября – женится на вдове Анне Понсар (Понсарт) по прозвищу Жемелла («Близняшка») и селится в Салоне.

1548 – Нострадамус в Италии; он посещает Венецию, Геную и Савону.

1550 – возвращается из Италии и выпускает первый астрологический альманах. В дальнейшем эти издания становятся

ежегодными.

Около 1551 – у Нострадамуса рождается дочь Мадлен.

1552, 1 апреля – заканчивает работу над рукописью «Книжицы о притираниях» – сборника косметических и кулинарных рецептов.

1553 – сочиняет латинскую надпись для общественного фонтана в Салоне. Приступает к написанию «Пророчеств». 18 декабря – у Нострадамуса рождается сын Сезар.

1554, 13 апреля (Страстная пятница) – Жан-Эме де Шавиньи, ученик поэта Жана Дора, начинает работу у Нострадамуса в качестве личного секретаря.

Июль – Нострадамусу на осмотр привезен двухголовый младенец. Через полтора месяца такому же осмотру подвергнется двухголовый козленок. По заключению предсказателя, рождение этих уродов предвещает религиозный раскол и смуту во Франции.

1555, весна – в Лионе напечатана «Книжица о притираниях».

30 апреля – лионский типограф Масе Боном получает «привилегию» (исключительное право) на публикацию «Пророчеств».

4 мая – в Лионе в типографии Бонома напечатаны «Пророчества магистра Мишеля Нострадамуса».

Между 20 мая и 27 июля – Нострадамус по приглашению королевской семьи отправляется в Париж. Находясь проездом в Лионе, он высказывает опасения за свою жизнь. 15 августа – после месячного путешествия прибывает в столицу королевства, где его лично встречает коннетабль Анн де Монморанси.

25 октября – оправившись от болезни, направляется в Сен-Жермен, где встречается с Генрихом II и Екатериной Медичи.

1556– у Нострадамуса рождается сын Шарль. Новая поездка в Италию; впоследствии в Турине будет найдена мраморная доска с надписью «1556. Здесь жил Нострадамус».

27 июля – вкладывает 200 экю в строительство канала в степи Кро, ведущееся инженером Адамом Крапоном.

1557 – в Милане опубликован итальянский перевод альманаха Нострадамуса на 1558 год.

26 сентября – в Лионе, в типографии Антуана дю Рона, выходит второе, расширенное издание «Пророчеств магистра Мишеля Нострадамуса».

3 ноября – у Нострадамуса рождается сын Андре.

1558 – выходит второе издание «Парафразы Галенова увещевания Менодота в изучении изящных искусств, а также медицины». Рождается дочь Анна.

27 июня – заканчивает работу над посвятительным письмом Генриху II, предпосланным полному изданию «Пророчеств».

14 августа – заканчивает рукопись брошюры «О значении лунного затмения, которое произойдет 16 сентября 1559 года». В этом или следующем году она выйдет в Париже. Нострадамус предупреждает о скорой гражданской войне и глобальных переменах во Франции. 1559 – в Лондоне напечатаны английские переводы альманаха на 1559 год и брошюры о значении лунного затмения 16 сентября. Декабрь – Маргарита Валуа прибывает в Салон. С официальным приветствием принцессе выступает Нострадамус; Маргарита с глазу на глаз беседует с ним.

1560 – выпущен немецкий перевод альманаха на 1560 год. Выпущен английский перевод альманаха на 1561 год. В Париже выпущено «Чудесное предсказание на 1560–1568 годы». Пьер Ронсар публикует стихи во славу Нострадамуса.

1 мая – первые беспорядки на религиозной почве в Салоне. 22 сентября – вкладывает дополнительно 200 экю в строительство канала Крапона.

1561 – у Нострадамуса рождается дочь Диана. Он приглашен в Турин на встречу с Эммануилом-Филибертом Савойским и его супругой Маргаритой Валуа.

4 апреля (Страстная пятница) – новые беспорядки в Салоне. Нострадамус, заподозренный в принадлежности к протестантам, бежит от погрома в папский центр Авиньон. Он арендует в этом городе дом, однако в конечном итоге остается в Салоне.

1562 – в Италии опубликован итальянский перевод альманаха на 1563 год.

4 февраля – Нострадамус пишет ответ каноникам Оранжа, обратившимся к нему за консультацией по поводу пропавших священных сосудов. Ответ предсказателя уклончив: он лишь говорит, что Провидение жестоко накажет святотатцев. 13 февраля – ссужает еще 100 экю инженеру Крапону. 1563 – Ронсар подвергается критике за восхваление Нострадамуса. В Лондоне напечатан английский перевод альманаха на 1564 год.

1564, 17 октября – двор прибывает в Салон. Как гласит легенда, Карл IX сказал вышедшим его встречать городским представителям: «Я прибыл сюда только затем, чтобы увидеть Нострадамуса». Предсказатель и его семья приглашены в замок Шато-д'Эмпери, где остановилась королевская семья. Нострадамус некоторое время сопровождает царственный двор в поездке по стране и делает в присутствии королевы ряд сенсационных предсказаний о скором мире в стране и браке одного из Валуа с Елизаветой Английской. Здесь же он получает титул королевского советника и лейб-медика.

1565, 21 декабря – пишет письмо королеве-матери Екатерине Медичи с обещаниями скорого мира во Франции. Напечатан

итальянский перевод альманаха на 1565–1570 годы.

1566, 17 июня – составляет завещание.

20 июня – делает дополнение к завещанию. 2 июля – умирает во сне.

5 июля – похоронен в Салоне по католическому обряду.

Осень – издан последний альманах Нострадамуса (на 1567 год).

БИБЛИОГРАФИЯ

I. ИСТОЧНИКИ

1. СОЧИНЕНИЯ НОСТРАДАМУСА

«Пророчества»

[1555] Les Propheties de M. Michel Nostradamus. Lyon, chez Mace Donhomme. 1555. [Reproduction en facsimile.] Paris, 1984.

[1557U] Les Propheties de M. Michel Nostradamus. Dont il en y a trois cents qui n'ont encores iamais este imprimees. A Lyon, chez Antoine du Rosne. 1557 [Утрехтский экземпляр].

[1557MB] Les Propheties de M. Michel Nostradamus. Dont il en y a trois cents qui n'ont encores iamais este imprimees. A Lyon, chez Antoine du Rosne. 1557 [Московский экземпляр].

[1568] Les Propheties de M.Nostradamus. Dont il en y a trois cents qui n'ont encores iamais este imprimees. A Lyon, Par Benoist Rigaud. 1568. Avec permission, [в одном издании с:] Les Propheties de M.Nostradamus. Dont il en y a trois cents qui n'ont encores iamais este imprimees. A Lyon, Par Benoist Rigaud. 1568.

Nostradamus M. Les premieres Centuries ou propheties (edition Mace Bonhomme de 1555). Edition et commentaire de l`Epitre a Cesar et des 353 premiers quatrains par Pierre Brind'Amour. Geneve: Droz, 1996.

Propheties de Nostradamus: Les Centuries, texte integral. Par Jean-Paul Clebert. Paris, Broche, 2003.

Альманахи

[Alm. 1557] Almanach pour l'an 1557. compose par Maistre Michel Nostradamus, docteur en medecine de Salon de Craux en prouence, Item la declaration Lunaire de chacun moys, Presageant les choses advenir en ladite annee. contre ceulx qui tant de foys m'ont fait mort. Immortalis ero vivus, moriensque, magisque Post mortem nomen vivet in orbe meum. Paris. Iaques Keruer.

[LGP 1557] La grand pronostication nowelle avec portentevse prediction, pour l'An M.D.L.VII. composee par Maistre Michel nostradamus, docteur en medicine de Salon de Craux en Prouence. Contre ceux qui tant de foys m'ont faict morts. Immortalis ero vivus, moriensque, magisque, post morem nomen viuet in orbe meum. Paris. Iaques Keruer. 1557.

[Pr. for 1559] The Prognostication of maister Michel Nostradamus, Doctour in Phisick. In Province for the year of our Lorde, 1559. With the predictions and presages of every moneth. Antwerpiae.

[Les significations de l'Eclipse] Les Significations de l'Eclipse, qui sera le 16 septembre 1559. laquelle fera sa maligne extension inclusiuement, jusques a l'an 1560 diligemment observees par Maistre Michel Nostradamus, docteur en medecine de Salon de Craux en Provence. Avec une sommaire responce a ses detracteurs. Paris, Guillaume le Noir, 1558.

[Alm. 1561] Almanach, pour l'an 1561. Compose par Maistre Nostradamus docteur en medecine, de Salon de Craux, en Provence. Le roy roy naistre du doulx la pernicie, L'an pestilent les esmeus nubileux, Tien'qui tiendra, des grands non leticie, Et passera terme des cauilleux. Paris. Guillaume le Noir Rue S. Iaques.1560.

[PI1562] Reproduction tres fidele d'un manuscrit inedit de M. De Nostredame, dedie a Pape Pie IV. Mariebourg: Sub St Michaelis Invocm, 1906.

[Almanach nouveau pour 1562] Almanach nouveau, pour l'an. 1562. Compose par Maistre Michel Nostradamus, docteur en medecine, de Salon de Craux, en Provence. Quatrain de l'an universel. Saison d'hyver ver bon sain mal este. Pernicieux automn' sec froment rare. Du vin assez mal yeulx faitz moleste. Guerre mutins seditieuse tare. Paris. Gufflaume le Noir Jehans Bonfons.

[Aim. 1563] Almanach pour l'an M.D.LXIII. avec les presages, calcule, & explique par M. Michel Nostradamus, Docteur en medecine, Astrophile de Salon de Craux en Provence. Dedie au tresill. Seign. & tresexcellent capi-taine, le S. Francoys Fabrice de Serbellon, General pour N.S. Pere aux choses de la guerre, en la Comte de Venaiscin. Quatrain de l'an universel. Le ver sain, sang, mais esmeu, rien d'accord, Infinis meurdres, captifz, mortz, pre-venus, Tant d'eau & peste, peu de tout sonnes cors, Prins, mortz, fuys, grand devenir, venus. Imprime en Avignon, par Pierre Roux

[Aim. 1565] Aeterno ac P.D.O.V.V.S. Almanach pour l'an M.D.LXV avecques ses tresamples significations & presages d'un chacun mmoys, compose par M. Michel Nostradamus, docteur en medecine, medecin du roy, & astrophile a Salon de Craux en Provence. Lyon. Benoist ODO.

[Aim. 1566] Almanach pour L'an M.D.LXVI. auec ses amples significations & explications, compose par Maistre Michel de Nostradame docteur en medecine, conseffler et medecin ordinaire du roy, de Salon de Craux en Provence. Lyon. Anthoine Volant & Pierre Brotot.

Другие сочинения

Dupebe /.Nostradamus. Lettres inedites. Geneve: Droz, 1983.

Nostradamus. Interpretation des Hieroglyphes de Horapollo. Texte inedit etabli et commente par Pierre Rollet. Barcelona: Edicioun

Ramoun Berenguie, 1968.

Excellent & moult utile opuscule a touts necessaire, qui desirent auoir cognoissance de plusieurs exquises Receptee, diuise en deux parties. La premiere traicte de diuerses facons de Fardemens & Senteurs pour illustrer & embellir la face. La seconde nous monstre la facon & maniere, de faire confitures de plusieurs sortes, tant en miel, que sucre & vin cuict, le tout mis par chapTtres, comme est fait ample mention en la Table. Nouuellement compose par maistre Michel de Nostredame docteur en Medicine de la ville de Salon de Craux en Provence, & de nouueau mis en lumiere. A Lyon, Par Antoine Volant, 1555.

Paraphrase de C. Galen, svs Pexortation de Menodote, aux etudes des bonnes Artz, mesmement Medicine: Traduict de Latin en Francoys, par Michel Nostradamus. A Lyon, Ches Antoine du Rosne. 1557.

2. АНТИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Aulus Gellius. Noctes Atticae. Pisa: Giardini, 1993. (Scriptorum Romanorum qua; extant omnia; 635–650).

[Julius Obsequens]. Livy. [Ab urbe condita. English & Latin. Foster.] v. 14 Summaries, fragments, and Obsequens… with a general index to Livy. By A. C. Schlesinger, with general index to Livy by R. M. Geer. (Loeb classical library).

Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1971.

Геродот. История / Пер. с греч., ст., коммент. Г. А. Стратановского. М.: Науч. – изд. центр «Ладомир», 1993 (репринтное воспроизведение издания 1972 г.).

Гиппократ. Избранные книги. М.: Сварог, 1994 (репринтное воспроизведение издания 1936 г.).

Книги Сивилл / Пер. с греч., ст., коммент. М. и В. Витковских. М.: Энигма, 1996.

Лукан М. А. Фарсалия. М.: Науч. – изд. центр «Ладомир», 1993 (репринтное воспроизведение издания 1951 г.).

Лукиан Самосатский. Сочинения: В 2 т. / Под общ. ред. А. И. Зайцева. СПб.: Алетейя, 2001.

Манилий М. Астрономика. (Наука о гороскопах) / Пер., вступ. ст. и коммент. Е. М. Штаерман. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Овидий. Метаморфозы / Пер. с лат. С. Шервинского. М.: Художественная литература, 1977.

Петроний Арбитр Г. Сатирикон. М., Л.: Госиздат, 1924.

Плавт Т. М. Ослы; Хвастливый воин; Стих; Эпидик; Купец; Перс; Клад М.: Изд. центр «Терра» [б.г.].

Плавт Т. М. Привидение; Три монеты; Куркулион; Псевдол;

Пленники; Вакхиды; Амфитрион. М.: Изд. центр «Терра» [б.г.].

Платон. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1972.

Плутарх. О том, что пифия более не прорицает стихами // Плутарх. Исида и Осирис. Киев: УЦИММ-ПРЕСС, 1996. С. 97–127.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 3 т. СПб.: Кристалл, 2001.

Светоний Транквилл Г. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. М. Л. Гаспарова. М.: Правда, 1991.

Страбон. География / Пер. с греч., ст., коммент. Г. А. Стратановского. М.: Науч. – изд. центр «Ладомир», 1994 (репринтное воспроизведение издания 1964 г.).

Тацит К. Анналы; Малые произведения. М.: Науч. – изд. центр «Ладомир», 1993.

Тацит К. История. М.: Науч. – изд. центр «Ладомир», 1993. Тит Ливии. История Рима от основания города: В 3 т. М.: Наука, 1989–1993.

Ювенал Д. Ю. Сатиры. СПб.: Алетейя: ТОО «Магик-пресс», 1994.

[Юлий Цезарь]. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. с лат. и коммент. М. М. Покровского. М.: Науч. – изд. центр «Ладомир», 1993 (репринтное воспроизведение издания 1948 г.).

Ямвлих Халкидский. О египетских мистериях / Пер. с греч., вступ. ст. Л. Ю. Лукомского; коммент. Р. В. Светлова. М.: АО Х.Г.С., 1995.

3. БИБЛИЯ И ПАТРИСТИКА

Библия. Синодальный перевод (любое издание).

[Ириней, епископ Лионский]. Творения. М.: Паломник: Благовест, 1996 (репринтное воспроизведение издания: СПб.: Книгопродавец И. Л. Тузов, 1900).

Коммодиан. Апологетическая поэма // Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 263–270.

Коммодиан. Поучения // Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 262.

Лактанций. Божественные установления // Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 270–283.

Лактанций. О смертях гонителей // Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 283.

Откровение Псевдо-Иоанна // Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 428–436.

Откровение Псевдо-Мефодия Патарского («Слово Мефодия Патарского о царстве народов и последних временах») // Учение об Антихристе в древности и средневековье. СПб.: Алетейя, 2000. С. 436–454.

4. ИСТОЧНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

[Amadis de Gaule]. Le premier livre de Amadis de Gaule qui traicte de maintes adventures d'armes & d'amours, qu'eurent plusieurs chevaliers & dames, tant du royaulme de la Grand Bretaigne, que d'aultres pays / traduict nouvellement d'espagnol en francoys par le seigneur des Essars, Nicolas de Herberay. A Paris par Denys Janot, 1540.

Beze T. de. Histoire ecclesiastique des eglises reformees au royaume de France. T. III. Paris, 1889.

Brantdme Pierre de Bourdeille, seigneur de. CEuvres completes de Branthome. Tt. I–XII / [avec une introd. et des notes par M. Prosper Merimee…. et M. Louis Lacour….]. Nendeln (Liechtenstein): Kraus reprint, 1977 (Fac-sim. de Ped. de Paris: P. Jannet, 1858.

[Crinitus P.]. Petri Criniti viri doctissimi de Honesta disciplina, Lib. XXV. Poetis Latinis, Lib V. Et Poematon, Lib. II. Cum Indicibus. Lugdundi apud Seb. Gryphium, 1543.

Calendar of the State Papers relating to Scotland and Mary, Queen of Scots 1547–1603. Vol. I: 1547–1563. – Edinburgh: H.M. Stationery office, 1898.

Calendar of the State Papers, Foreign series, of the Reign of Elisabeth, 1562. – London, H. M. Stationery office, 1867.

Defrance E. Catherine de Medicis, ses astrologues et ses magiciens-envouteurs. Documents inedits sur la diplomatie et les sciences occultes du XVIe siecle. Avec vingt illustrations. Paris: Mercure de France, 1911.

Dispacci degP ambasciatori veneziani Giouanni Michiel Ambasciatore Nicolo de da Ponte Bernardo Nauagiero Ambasciatori straordinari Michiel Surian Ambasciatore Aluise Benrizzo Secretario Marin de Caualli Giouanni da Lezze Ambasciatori straordinari 3 Marzo 1560—2 Ottobre 1561.

[Du Verdier A.]. Prosographie, ov description des personnes illvstres, tant Chrestiennes que prophanes. Ov se continuant Phistoire et chronologie, depvis l'an DCC.LI. premier dv regne de Pepin Roy de France, est contenu tout ce qui a succede de remarquable en tout le monde, mesmes en France, Paduenement a la couronne de Hues Capet chef de la troisieme race, & de ses successeurs iusques a present que regne nostre tres-grad & tres victorieux Roy Henri IIII. Par Antoine dv Verdier sievr de Vavprovas, gentilhomme Foresien & ordinaire de la

maison du Roy. Tome Troisieme. A Lyon, par Pavl Frelon. M.DCIII.

[Estienne C]. Le guide des chemins de France, chez Charles Estienne, Paris, 1552.

[Estienne C]. Les voyages de plusieurs endroits de France: & encores de la Terre Saincte, d'Espaigne, & autres pays, Les Fleuves du royaulme de France, chez Charles Estienne, Paris, 1552.

[Gaurico L.]. Lucae Gaurici… tractatus astrologicus in quo agitur de prae-teritis multorum hominum accidentibus per proprias eorum genituras ad ungem examinatis quorum exemplis consimilibus unusquisquem de medio genethlia cus vaticinari poterit de futuris quippe qui per varios casus artem experentia fecit exemplo monstrante viam… [Venetiis]: [apud Petrum Schoeffer], [1542].

[Gesner C]. Nomenclator aquatilium animatium. Tiguri, 1560.

[Gueraud /.]. La chronique lyonnaise de Jean Gueraud. 1536–1562 / Publiee avec une introduction et une table, par Jean Tricou. – Lyon: Imprimerie Audinienne, 1929.

La Planche R. Histoire de l'estat de France, tant de la Republique que de la Religion, sous le regne de Francois II; par Regnier, sieur de le Planche. Paris, 1836.

La premiere invective du Seigneur Hercule le Francois, contre Monstradamus traduilte du latin. Lyon, Pierre Roux, 1557.

Les edicts et ordonnances des treschrestiens Roys Francois I. Henry II. Francois II. Charles IX. Henry III. Henry IV. & Louy XIII… A parts, Chez lean & Estienne Richer… M.DC.XXVII.

Les propheties dv seigneur dv Pavilion lez Lorriz. A Paris pour Antoine le Clerc, tenant sa boutique au Palais deuant la Chapelle de messieurs les Presidents. 1556. Avec privilege.

L'Estoile P. de. Memoires pour servir a Phistoire de France. V. II: Depuis 1589 jusqu'en 1611. Cologne: Chez les heritiers de Herman Demen, 1719.

Lettres de Catherine de Medicis. T. X. Paris, 1909.

[Lycosthenes C]. Prodigiorum ac ostentorum chronicon, quae praeter naturae ordinem, motum, et operationem, et in superioribus & his inferioribus mundi regionibus, ab exordio mundi usque ad haec nostra tempora, acciderunt… Basel: Per Henricum Petri, [1557].

[MeUin]. CEuvres completes de Mellin de Sainct-Gelays. Tt I–III / Ed. rev., annot. et publ. par Prosper Blanchemain; avec un commentaire inedit deB.de La Monnoye, des remarques de MM. Emm. Phelippes-Beaulieux, R. Dezeimeris, etc. Nendeln (Liechtenstein): Kraus reprint, 1970. [Fac-sim. de Ped. de Paris: [s.n.], 1873.]

Marconville J. de (sic). Recueil memorable d'aucuns cas merueilleux aduenuz de noz ans… Paris, 1564.

Michaelis Hospitalii Galliarum Cancellarii epistolarum seu sermonum libri sex. Lutetiae, Apud Mamertum Patissonium

Typoghraphum Regium, in officina Roberti Stephani. M.D.LXXXV. Cum priuilegio.

Mirabilis Liber. [Paris]: 1519.

Monluc B. de. Commentaires 1521–1576. Edittion critique Paul Courteault, coll. Bibliotheque de la Pleiade. Paris: Gallimard, 1964.

Narration de P entree du Roy Charles IX en la cite d'Avignon & du bon receuil que messieurs de la ville luy ont faict. Augnon, par Pierre Roux. 1564.

[Nostredame C. de]. L'Histoire et Chronique de Provence de Caesar de Nostradamus Gentilhomme Provencal ov passent-de-temps-en-temps-et-en-bel-ordre les Anciens Poetes Personnages & families Illustres qui ont fleuri despuis VC ans ovltre plusieurs Races de France, DTtalie, Hespagne, Langvedoc, Davghine et Piemont y rencontrees auec celle qui despuis se sont diversement annoblies avec celle qui despuis se sont diversement annoblies comme aussi les plus signalles combats et remarquables faicts d'Armes qui sy font passez de temps en temps iusques a la paix de Vervins. Imprime A Lyon Chez Simon Rigaud Pour la societe Caldoriene 1614. Auec priviliege du Roy.

[Ortelius /.]. Theatrum Orbis Terrarum. 1570.

Panisse-Passis, le comte de. Les comtes de Tende de la Maison de Savoie. – Paris: Firmin-Didot, 1889.

[Pare A.]. Les oeuvres de M. Ambroise Pare, avec les figures & portraits tant de Panatomie que des instruments de cliirurgie, & de plusieurs monstres. A Paris: chez Gabriel Buon, 1575.

Pingree D. The thousands of Abu Ma'shar. – Lnd.: 1968.

Premier volvme de la bibliotheque du sieur de la Croix Dv Maine. Qui est un catalogue general de toutes sortes d'Autheurs, qui ont escrit en Francois depuis cinq cents ans & plus, iusques a ce iourd'hui: avec un Discours des vies des plus illustres & renommez entre les trois mille qui sont compris en cet oeuvre, ensemble un recit de leurs compositions, tant imprimees qu'autrement. Dedie et presente av Roy. Sur la fin de ce liure se voyent les desseins & proiects dudit sieur de la Croix, lesquels il presenta au Roy l'an 1583 pour dresser une Bibliotheque parfaite & accomplie en toutes sortes. Dauantage se voit le Discours de ses oeuvres & compositions, imprime de rechef sur la copie qu'il fist mettre en lumiere l'an 1579. – A Paris, Chez Abel L'Angelier, Librarire lure tenant sa boutique au premier pillier de la grand Salle de Palais. M.D.LXXXIIII. Avec privilege dv Roy.

Rabutin F. de. Commentaires des guerres en la Gaule belgique (1551–1550), ed. Ch. Gailly de Taurines, tome 1, Paris, Honore Champion, 1932.

Recueil de poesies francoises des XVe et XVIe siecles. Morales, facetieuses, historiques. Reunies et annotees par M. Anatole de Montaiglon. Tt. 1-16. Paris, MDCCCLV–LXXVIII.

[Rondelet G.]. Gulielmi Rondeletii…. Libri de piscibus marinis, in quibus verae piscium effigies expressae sunt… Lugduni: apud Matthiam Bonhomme, 1554.

[Ronsard P.]. CEuvres completes de P. de Ronsard. Tt 1-X. / Nouv. ed. publ. sur les textes les plus anciens avec les variantes et les notes par M. Prosper Blanchemain. Paris: P. Jannet, 1857.

Roussat R. Livre de Pestat et mutation des temps, prouvant par authoritez de l'Escripture saincte, & par raisons astrologales, la fin du Monde estre prochaine. A Lyon, chez Gufflaume Rouffle, a PEscu de Venise. 1550. Auec Priuilege du Roy. Paris: Gutenberg Reprints, 1981.

Saconay G. de. Discours des premiers troubles advenus a Lyon. Lyon, Michel Jove, 1569.

Saconay G. de. Genealogie et la fin des Huguenaux, & descouverte du Calvinisme. Lyon, Benoist Rigaud, 1572.

[Scaliger /.]. Viri Clarissimi Poemata in duas partes divisa. Pleraque omnia in publicum iam primum prodeunt: reliqua vero quam ante emendavus editasunt. Sophoclis Aiax Lorarius stylo Tragico a Iosepho Scaligero Iulii F. Translatus. Eiusdem Epigrammata Qvaedoem, turn Graeca turn Latina, cum quibusdam e Graeco versis. Anno M.D.LXXIIII.

Tommaseo N. Relations des ambassadeurs venitiens sur les affaires de France au XVIe siecle. – Paris: Imprimerie royale, 1838.

Ulrich yon Hutten. Poemata, ed. Bocking.

Valbelle H. de. Histoire journaliere d'Honorat de Valbelle (1498–1539), Aix-en Provence & Marseille, Universite de Provence. 2 vol. 1985.

[Videl L.]. Declaration des abus, ignorances et seditions de Michel Nostradamus, de Salon de Craux en Provence, oeuvre tres utile et profitable a un chacun. Nouvellement traduit de latin en francoys. – Avignon: impr. de P. Roux et J. Tramblay, 1558.

[Vieilleville] Memoires de Francois de Scepeaux, Sire de Viefffleville, & Comte de Duretal, Marechal de France; commencant en 1527, & finissant en 1571. Paris: Cuchet, 1787.

Боден Ж. Метод легкого познания истории / Пер., ст., прим. М. С. Бобковой. М.: Наука, 2000.

Боккаччо Дж. Декамерон / Пер. с ит. Н.Любимова. М.: Художественная литература, 1971.

Бруно Д. Изгнание торжествующего зверя. Самара: Агни, 1997.

Коммин Ф. де. Мемуары / Пер., ст. и прим. Ю. П. Малинина. М.: Наука, 1986.

Ла Боэси Э. Рассуждение о добровольном рабстве / Пер. с фр. Ф. А. Коган-Бернштейн. М.: АН СССР, 1952.

Леонардо да Винчи. Избранные произведения: В 2 т. М.:

Academia, 1935.

Макьявелли Н. История Флоренции / Пер. Н. Я. Рыковой; Общ. ред., послесл. и коммент. В. И. Рутенбурга. М.: Наука, 1987.
Монтень М. Опыты: В 3 кн. М.: Наука, 1979.

Нострдам Ж. де. Жизнеописания древнейших и наиславнейших провансальских пиитов, во времена графов Прованских процветших. Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993.

Помпонацци П. Трактаты о бессмертии души. О причинах естественных явлений или о чародействе. М.: Академия общественных наук при ЦК КПСС. Главная редакция, 1990.

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль / Пер. с фр. Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1973.

Фракасторо Дж. О контагии, контагиозных болезнях и лечении: В 3 кн. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954.

II. ЛИТЕРАТУРА

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

Feuer L. S. Vesalius and the Psychological Sources of the Anatomical Revolution // The scientific intellectual, the psychological and sociological origins of Modern science. NY-L, 1963. P. 167–182.

Green V. H. H. Renaissance and Reformation. A survey of European history between 1450 and 1660. London.: E.Arnold, [1965].

Heard N., Tull G. K. The beginning of European supremacy. London.: Blandford Publishers, 1969.

Hutchinson K. Towards a political iconology of the copernican revolution // Astrology, science and society: historical essays / Edited by Patrick Curry. Woodbridge, Suffolk; Wolfeboro, N.H.: Boydell Press, 1987.

Jouanna A., Hamon P., Biloghi D., Le Thiec G. La France de la Renaisance. Histoire et dictionnaire. Paris, 2001.

Renaudet A. Prereforme et humanism. Paris, 1981.

Romier L. Les origines politiques des guerres de religion. Tome I. Henri II et lTtalie (1547–1555). Paris: Perron et Cie, 1913.

Sarton G. Six Wings. Men of science in the Renaissance. Illustrated with contemporary portraits. – Bloomington: 1957.

Sarton G. The quest for truth: scientific progress during the Renaissance // The Renaissance: Six Essays. N.Y., 1962. P. 55–76.

Smoller L. A. History, prophecy, and the stars: the Christian astrology of Pierre d'Ailly, 1350–1420. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994.

Thorndike L.A history of magic and expiremental science. Vol. 1–8. N.Y., 1941.

Trevor-Roper H.R. Religion, the Reformation and social change. London, 1967.

Wilson C. The transformation of Europe, 1558–1648. Berkeley.: University of California Press, 1976.

Гартман Ф. Жизнь Парацельса и сущность его учения. М.: Новый Акрополь, 1997.

Эриксон К. Мария Кровавая. М.: АСТ, 2001.

Боткин Л. М. Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. М.: Наука, 1978.

Боткин Л. М. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989.

Боткин Л. М. Итальянское Возрождение: проблемы и люди. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 1995.

Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. М.: Юристъ, 1996.

Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. М.: Прогресс, 1986.

Горфункель А. Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М.: Мысль, 1977.

История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л. М. Брашной. М.: Высшая школа, 1999.

Пейте Ф. А. Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Кузнецов Б. Г. Идеи и образы Возрождения. (Наука XIV–XVI вв.). М., 1979.

Петров М. Т. Проблема Возрождения в советской науке. Спорные вопросы региональных Ренессансов. Л., 1989.

Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. М.: Наука, 1974.

Рутенбург В. Ж Титаны Возрождения. СПб., 1991.

Сорокина Т. С. История медицины: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ПАИМС, 1994.

Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы. М., 2006.

Штекли А. Э. «Город Солнца»: утопия и наука. М., 1978. Юсим М. А. Религиозные проблемы в этике Макиавелли // Социальные аспекты критики религии. Л., 1979.

2. НОСТРАДАМОВЕДЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Benazra R. Repertoire Chronologique Nostradamique (1545–1989). Paris.: La Grande Conjonction, Guy Tredaniel editeur, 1990.

Brind'Amour P. Nostradamus astrophile. Les astres et Pastrologie dans la vie et 1'oeuvre de Nostradamus, Ottawa, Presses de l'Universite d'Ottawa / Paris, Editions Klincksieck, 1993.

[Chavigny J. A. de]. La Premiere Face du Janus Francois, contenant som-mairement les troubles, guerres civiles & autres choses memorables advenues en la France & ailleurs des l'an de salut 1584 jusques a l'an 1589… extraite et colligee des Centuries et autres commentaires de M. Michel de Nostredame, jadis Consefflier & Medecin des Rois tres-Chrestiens Henry II Francois II & Charles IX… Lyon, Heritiers de Pierre Roussin, 1594.

Chevignard B. Presages de Nostradamus. Paris: Seuil, 1999.

Chomarat M. Bibliographie Nostradamus, XVIe, XVIIe, XVIIIe siecles. Baden-Baden & Bouxwiller.: Editions Valentin Koerner, 1989.

Leoni E. Nostradamus and his prophecies. NYC, 1982 [reprint of the 1961 ed.].

Leroy E. Dr. Nostradamus. Ses origines. Sa vie. Son oeuvre. Marseille: Laffite Reprints, 1993.

Millet O. Feux croisees sur Nostradamus au XVIe siecle // Divination et controverse religieuse en France au XVIe siecle. Paris, 1987. P. 103–121.

Nostradamus ou le savoir transmis. Lyon: Editions Michel Chomarat, 1997.

Prevost R. Nostradamus: mythe et la realite. Paris: Robert Laffont, 1999.

Schlosser L. La vie de Nostradamus. Paris, Pierre Belfond, 1985.

Берзин Э. О. Нострадамус и его предсказания. М.: Республика, 1992.

Пензенский А. А. Миф о Нострадамусе. М.: ТЕРРА-Книжный клуб: Агентство КРПА «Олимп», 2003.

Пензенский А. А. Нострадамус: миф и реальность. М.: Эксмо, 2003.

Пензенский А. А. Пророчества магистра Мишеля Нострадамуса. М.: Эксмо, 2004.

Пензенский А. А. Нострадамус. Эпоха великого прорицателя. М.: Ол-ма-Пресс, 2005.

Реньер М. Нострадамус. Ростов н/Д.: Феникс, 1998.

3. ПЕРЕВОДЫ И ТОЛКОВАНИЯ ПРОРОЧЕСТВ НОСТРАДАМУСА

Cheetham E. The Final Prophecies of Nostradamus. N.Y: A Perigee Book, 1989.

Cheetham E. The Further Prophecies of Nostradamus. 1985 and beyond. N.Y.: A Perigee Book, 1985.

Fontbrune J.-Ch. de. Histoire et prophetie des papes. Monaco: Editions du Rocher, 1984.

Fontbrune J.-Ch. de. Nostradamus historien et prophete. Ses propheties de 1555 a l'an 2000. Monaco: Editions du Rocher, 1982.

Ionescu V. Nostradamus. L'histoire secrete du monde. Paris: Editions du Felin, 1987.

Leoni E. Nostradamus and his prophecies. N.Y. etc.: Random House, 1982.

Roberts H. C. The Complete Prophecies of Nostradamus. N.Y.: Crown Publishers, 1994.

Бекль М. Нострадамус: жизнь и пророчества. М.: Панорама, 1995. Зима Д., Зима Н. Расшифрованный Нострадамус. М.: Рипол Классик, 1998.

Люстрио. Мир глазами Нострадамуса. Нострадамус глазами историков / Истолкование доктора Люстрио с комментариями И.

Г. Михайловой и Н. В. Скородум. [Рига, 1993].

Нострадамус М. Центурии / Пер. В. К. Завалишина. М.: ГПИ «Иско-на», 1992.

Пророчества магистра Мишеля Нострадамуса / Пер., вступ. ст. и коммент. А. А. Пензенского. М.: Эксмо, 2006.

Пророчества Мишеля Нострадамуса / Пер. с фр. В. Б. Бурбело, Е. А. Саломарской. Киев, Лыбидь, 1991.

Сапелкин А. А. Апокалипсис Нострадамуса. М.: Прометей, 1993.

Хоуг Дж. Нострадамус: Полное собрание пророчеств / Пер. с англ. Т. Гаврилова. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.

III. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

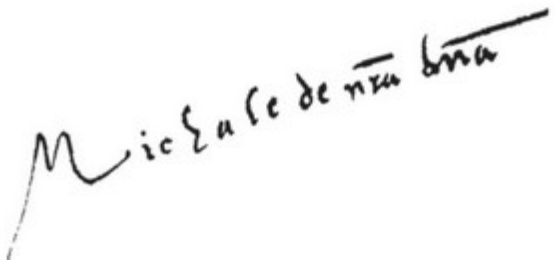
Godefroy F. Dictionnaire de Pancienne langue fran9aise et de tous ses dialectes du IXe au XVe siecle: compose d'apres le depoufflement de tous les plus importants documents manuscrits ou imprimes qui se trouvent dans les grandes bibliotheques de la France et de l'Europe… Paris, 1892 (10 vol.)

Huguet E. Dictionnaire de la langue francaise du seizieme siecle. Paris: Edmond Champion, 1925…

La Curne de Sainte-Palaye J. B. de. Dictionnaire historique de Pancien langage francois ou Glossaire de la langue francoise depuis son origine jusqu'au siecle de Louis XLV. Paris, 1892 (10 vol.)

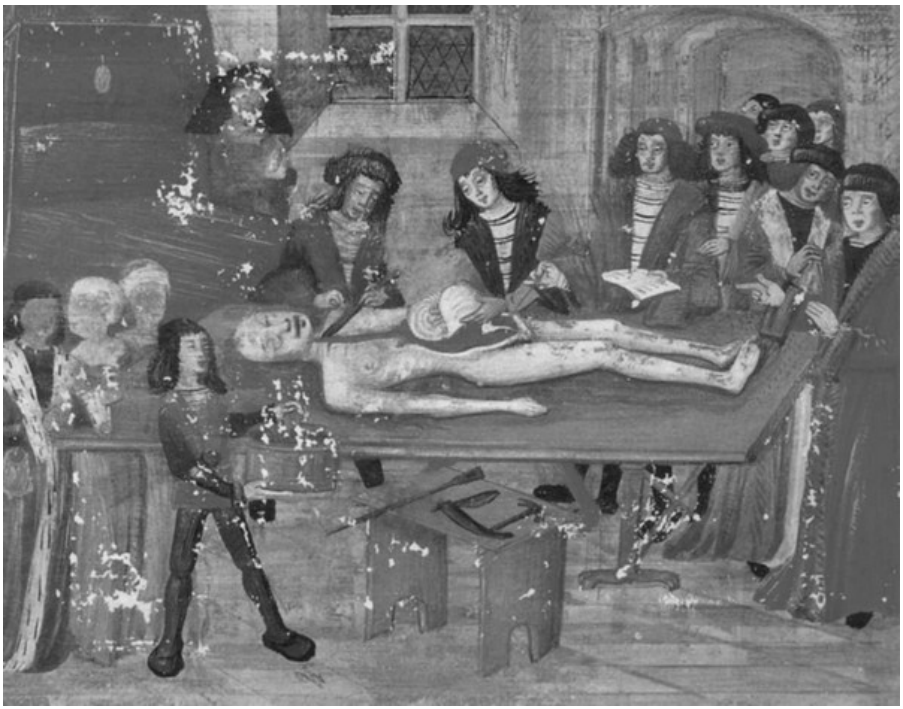
Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 3-е изд. М.: Русский язык, 1986.

ИЛЛЮСТРАЦИИ



Дом в городе Сен-Реми, где родился Мишель Нострадамус

Медицинский факультет университета Монпелье – «альма-матер» будущего пророка



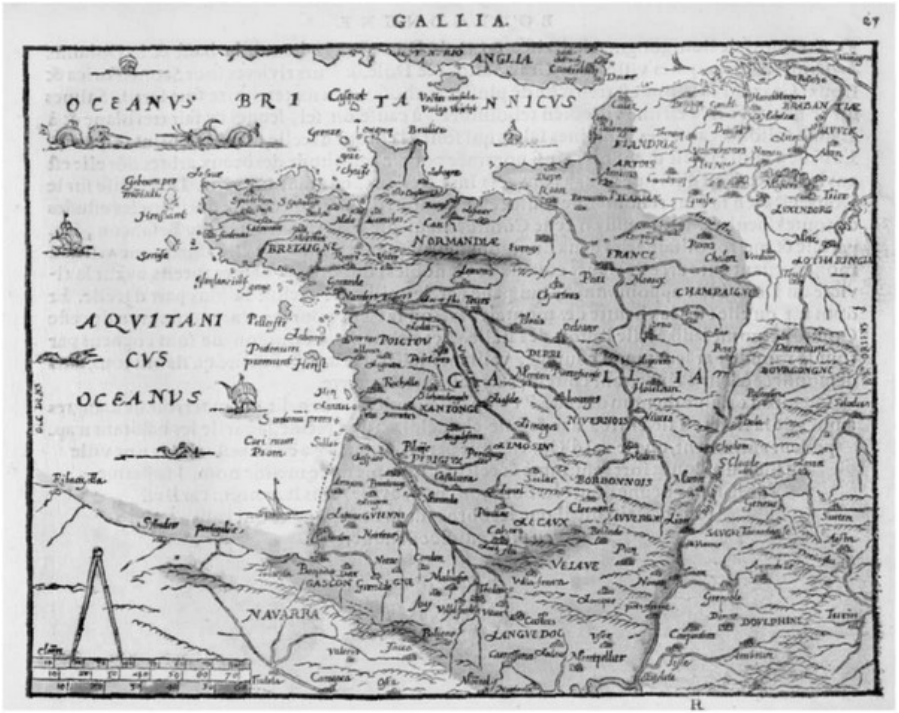
Студенты-медики вскрывают труп. Французская миниатюра XIV в.

Гермес Трисмегист – основатель астрологии и других тайных наук. Гравюра Жана де Бри

Жюль Сезар Скалигер

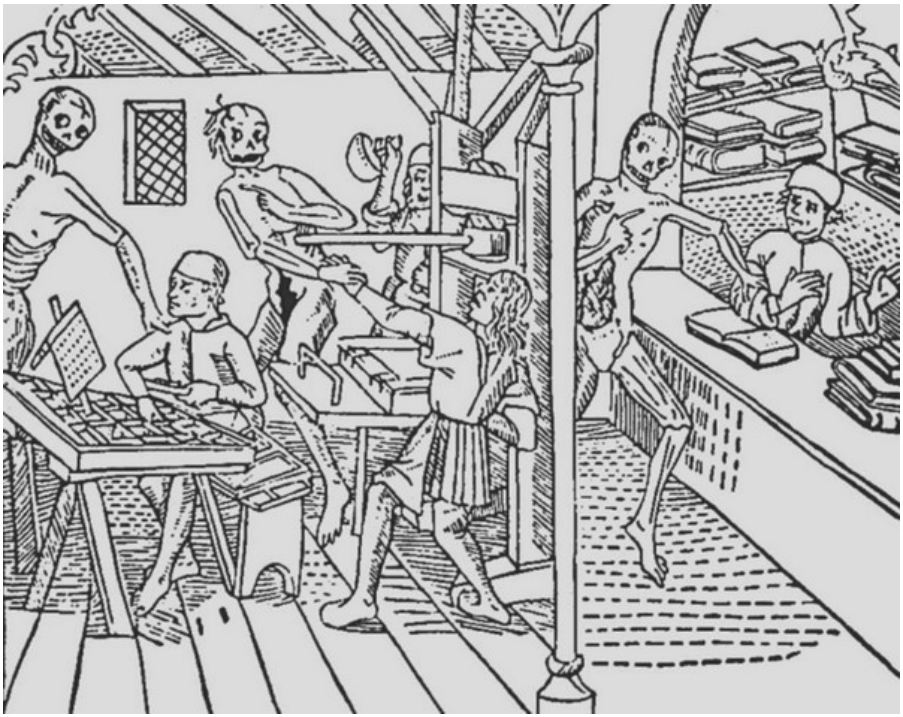
Франсуа Рабле

Парацельс (Теофраст фон Гогенгейм). Идеализированный портрет XVI в.



Карта Франции времен Нострадамуса

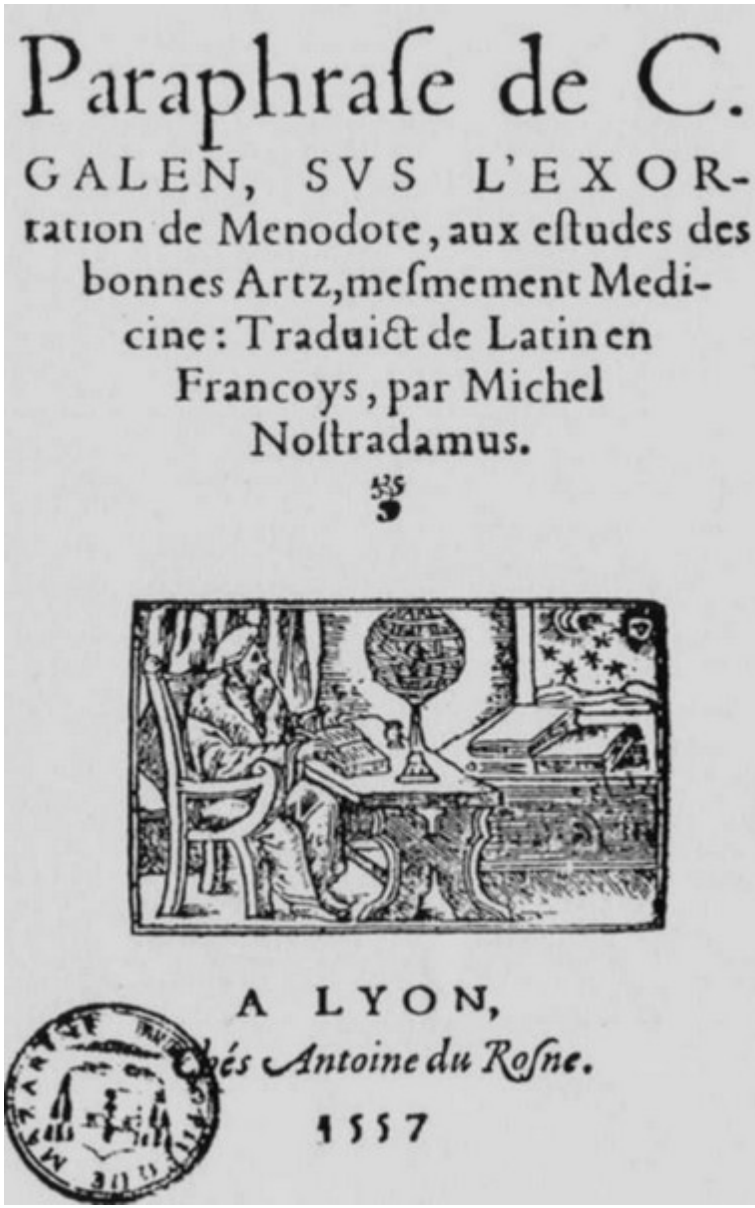
Король Франции Франциск I и его могущественный противник – император Карл V



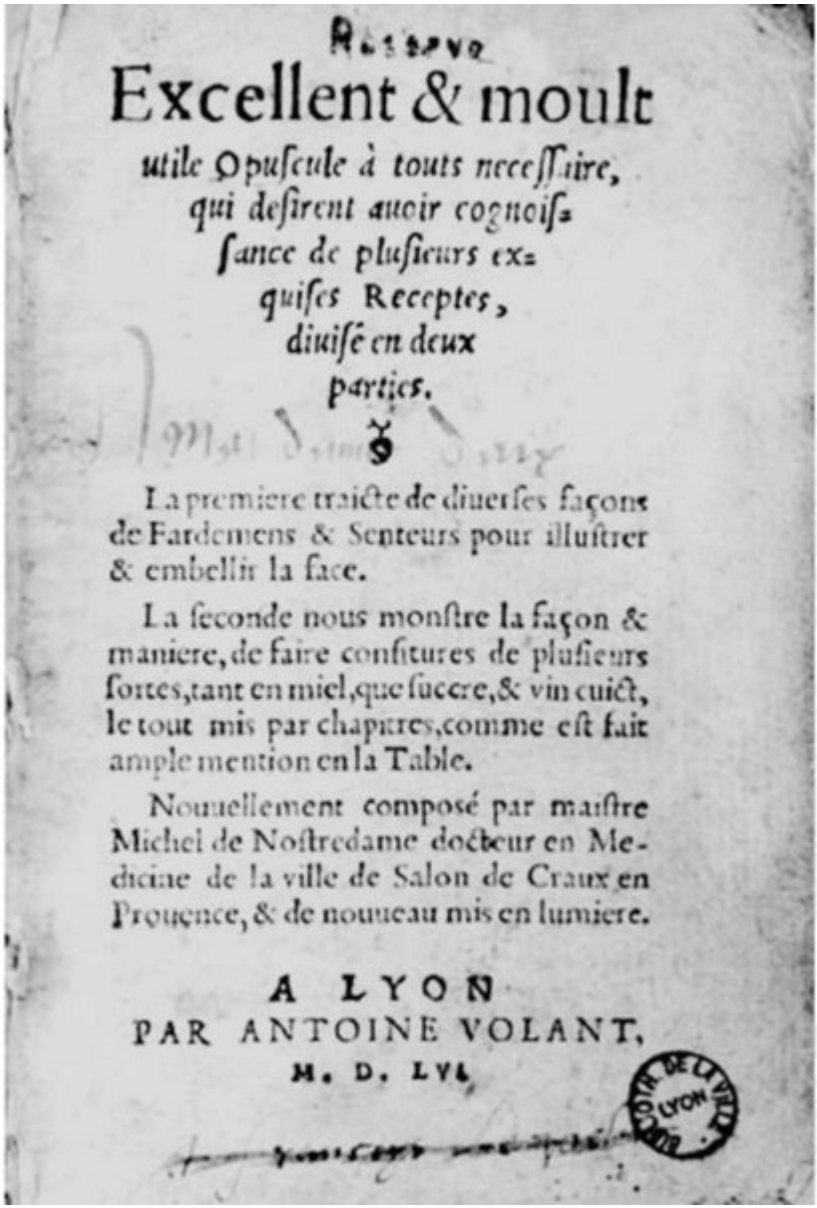
Чума поражает типографских работников. Гравюра XVI в.

Так выглядели «чумные доктора» эпохи Возрождения

Дом-музей Нострадамуса в Салоне


Paraphraſe de C.
GALEN, SVS L'EXOR-
tation de Menodote, aux eſtudes des
bonnes Artz, meſmement Medi-
cine: Traduict de Latin en
Francoys, par Michel
Noſtradamus.
A LYON,
Antoine du Roſne.
1557

Титульный лист «Перевода Галенового увещевания Менодота» – одного из первых сочинений Нострадамуса. 1557 г.



Excellent & moult

utile Opuſcule à touts neceſſaire, qui deſirent auoir cognoiſſance de pluſieurs exquiſes Receptes, diuiſé en deux parties.

La premiere traicte de diuerſes façons de Fardemens & Senteurs pour illuſtrer & embellir la face.

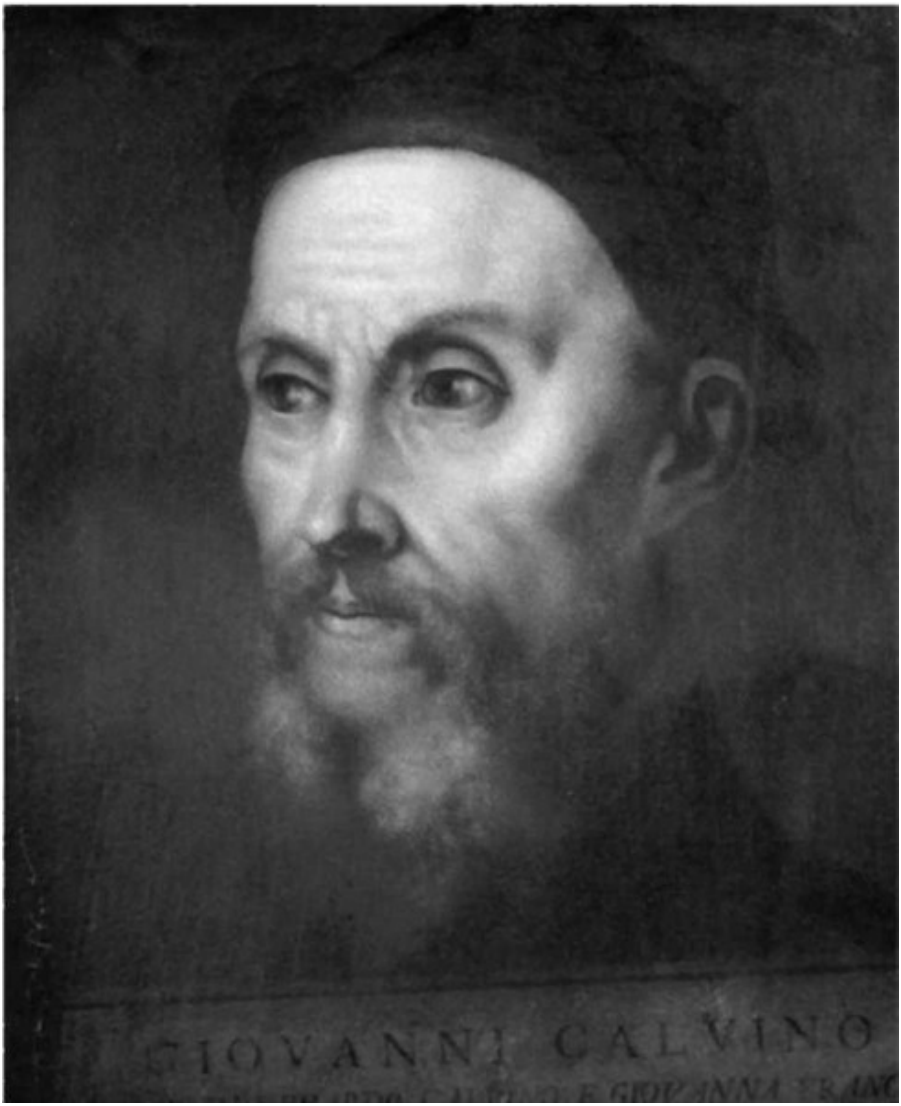
La ſeconde nous monſtre la façon & maniere, de faire confitures de pluſieurs ſortes, tant en miel, que ſucere, & vin cuict, le tout mis par chapitres, comme eſt fait ample mention en la Table.

Nouuellement composé par maiſtre Michel de Noſtredame docteur en Medicine de la ville de Salon de Craux en Prouence, & de nouueau mis en lumiere.

A LYON
PAR ANTOINE VOLANT,
M. D. LVI.

BIBLIOTHEQUE DE LA VILLE LYON

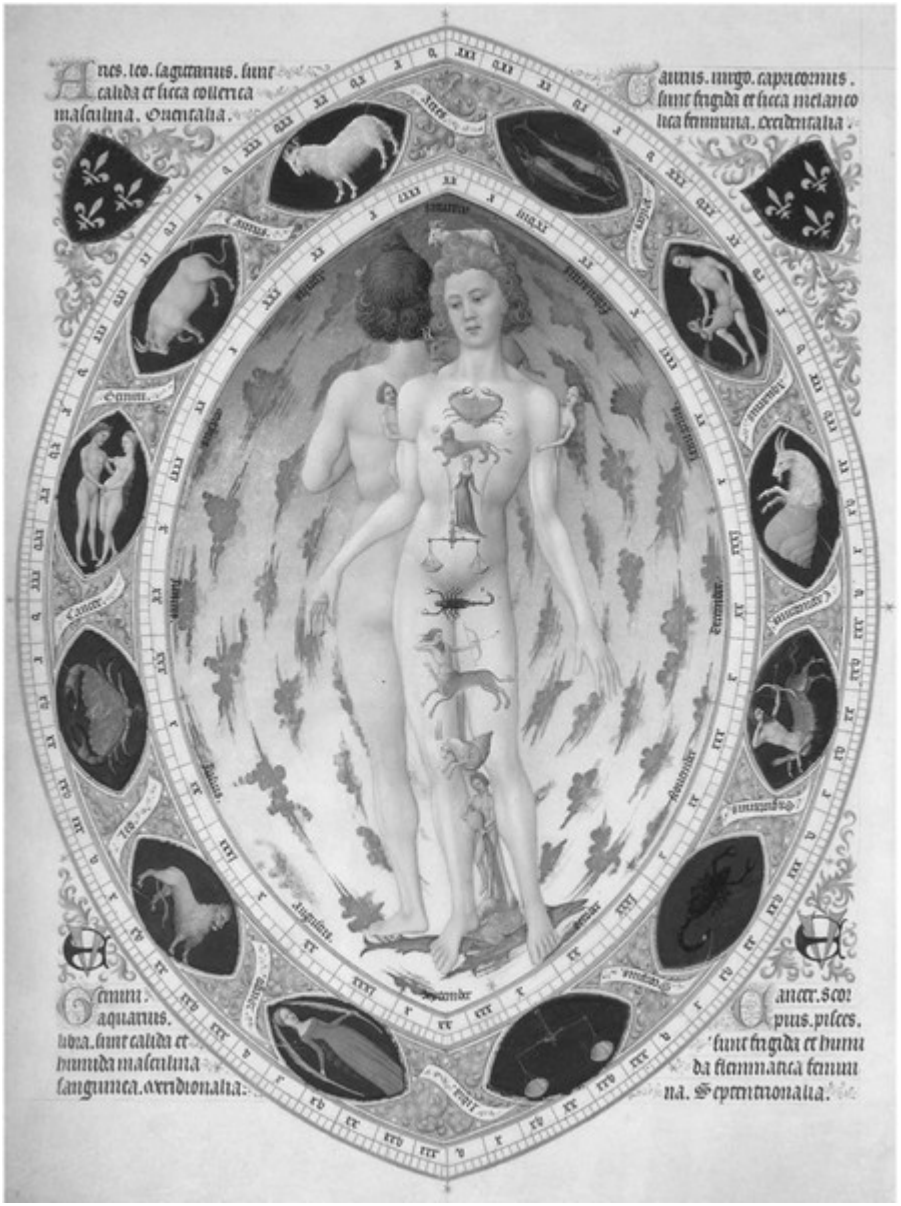
Титульный лист кулинарно-косметического сборника Нострадамуса. 1555 г.



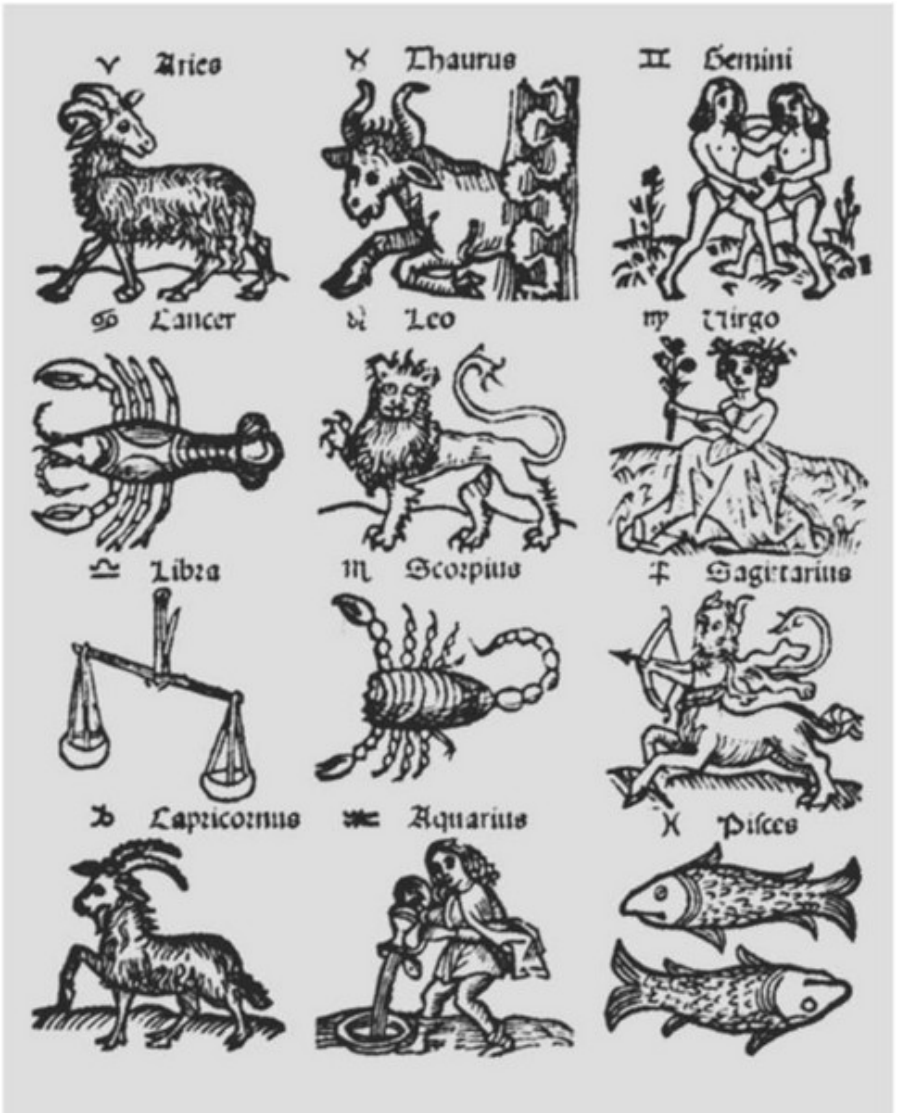
Жан Кальвин, один из лидеров Реформации

Римский папа в образе Антихриста. Протестантская карикатура XVI в.

Гравюра Альбрехта Дюрера «Четыре всадника Апокалипсиса». 1498 г.

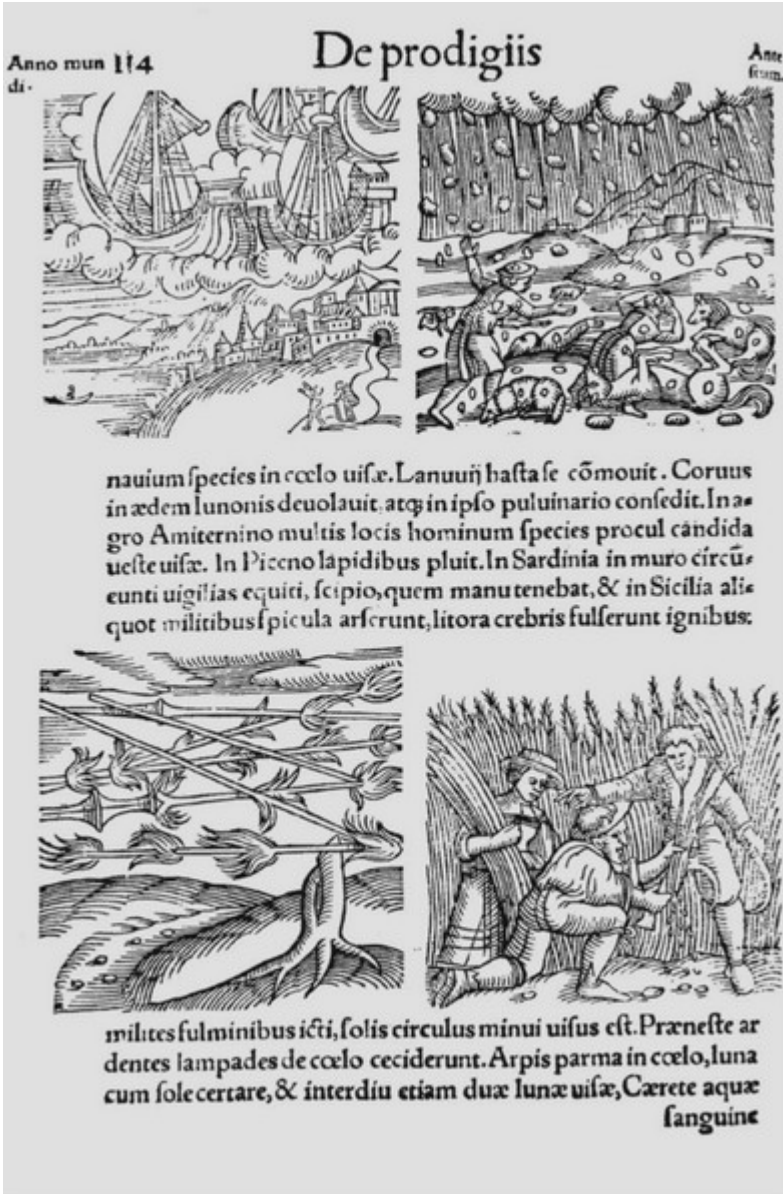


Человек-Микрокосм. Отражение знаков зодиака в человеческом организме. Иллюстрация к астрологическому сочинению XVI в.



Знаки зодиака. Ксилография. 1489 г.

Астролог и Смерть. Гравюра Ганса Гольбейна из серии «Пляска смерти»

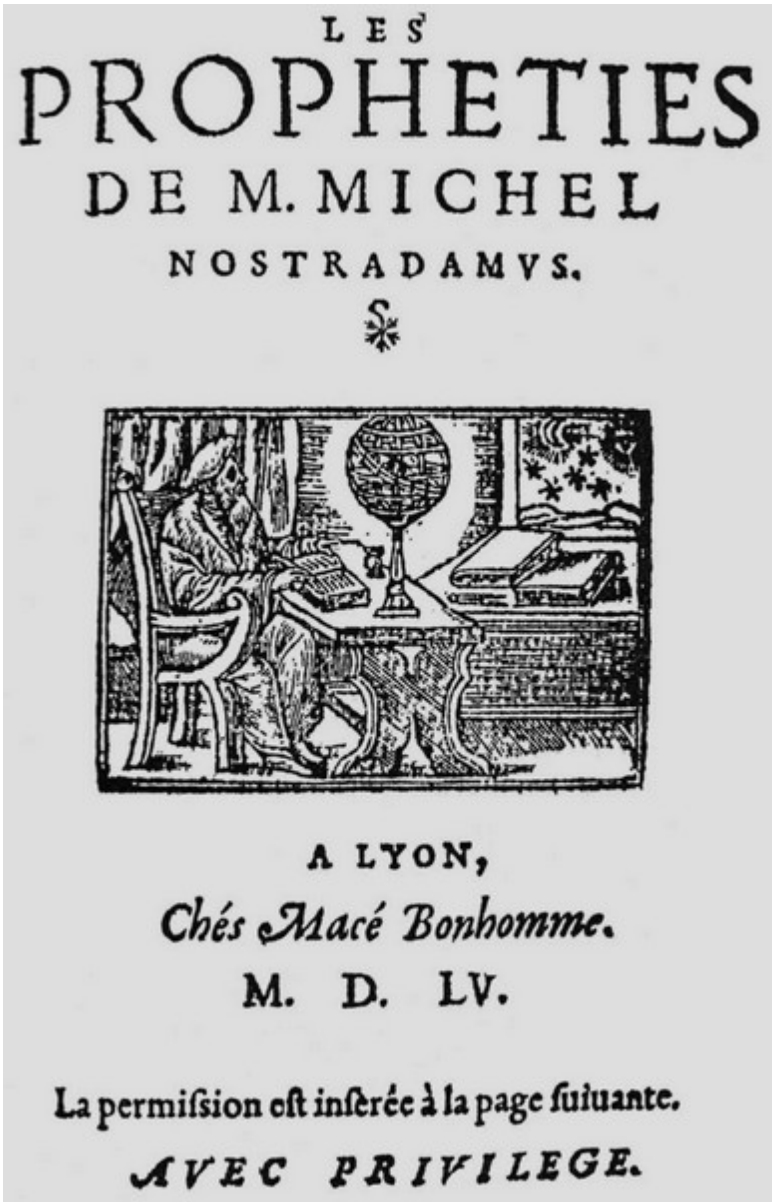


«Продигии» Конрада Ликосфена были одним из источников вдохновения Нострадамуса при составлении «Пророчеств»

Нострадамус и его толкователи. Карикатура XIX в.

«Фонтан Нострадамуса» в Сен-Реми

Нострадамус. Портрет XVII в.


LES
PROPHETIES
DE M. MICHEL
NOSTRADAMVS.

A LYON,
Chés Macé Bonhomme.
M. D. LV.

La permiſsion oſt inſérée à la page ſuiuante.
AVEC PRIVILEGE.

Титульный лист первого издания «Пророчеств». 1555 г.

LA GRAND'

PRONOSTICATION

NOVVELLE AVEC PORTENTEV-
ſe prediction, pour l'An M.D.LVII.

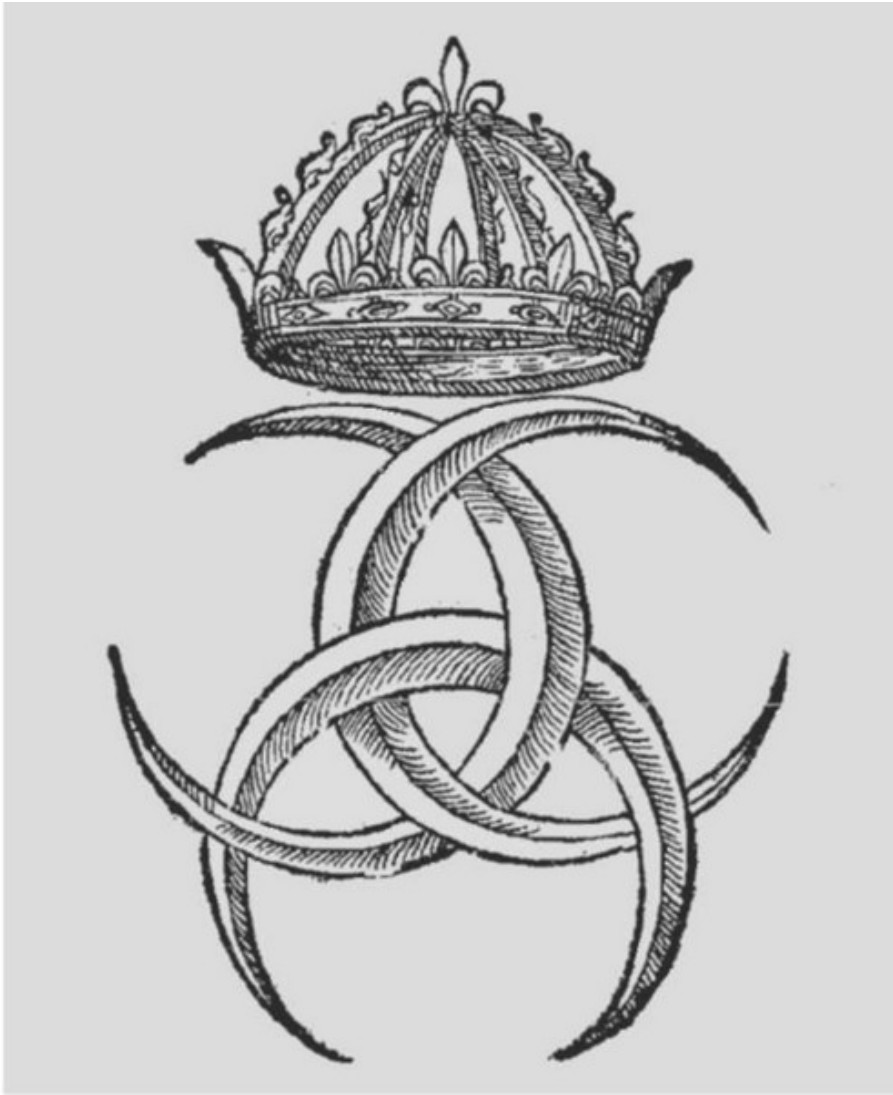
Compoſee par Maiſtre Michel de noſtre Dame,
Docteur en Medicine de Salon de Craux
en Prouence.

Contre ceux qui tant de fovs m'ont faict mort,
Immortalis ero viuus, moriénſque. magiſque,
Poſt mortem nomen viuet in orbe meum.

AVEC PRIVILEGE DV ROY.
A PARIS.
Par Iaques Keruer, Rue ſainct Iaques à l'enſeigne
des deux cochetz.
1557.

Альманах с предсказаниями Нострадамуса на 1557 год

Король Франции Генрих II

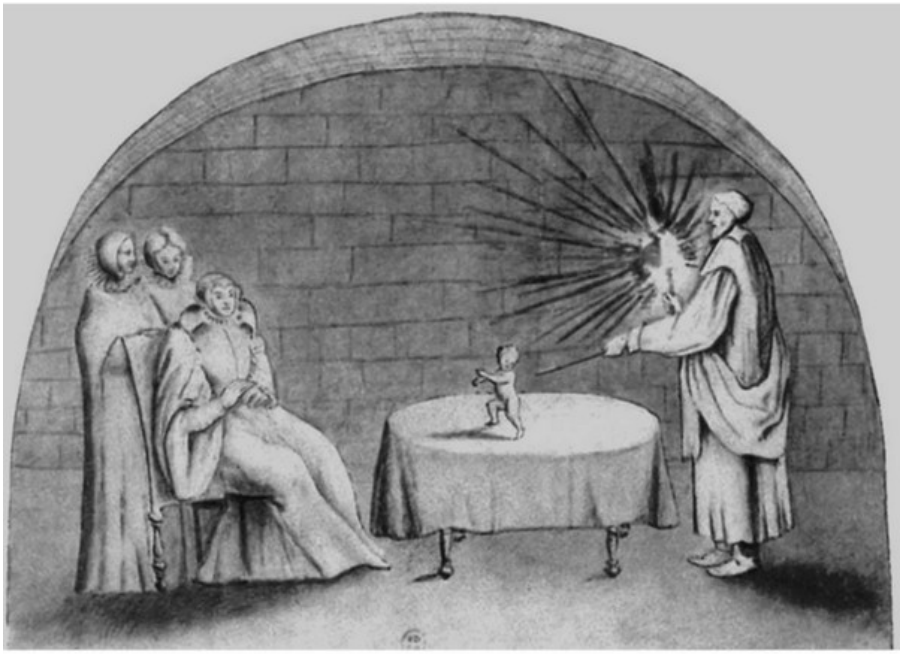


Полумесяцы в личном гербе Генриха II намекали на лунную богиню Диану, чье имя носила фаворитка монарха

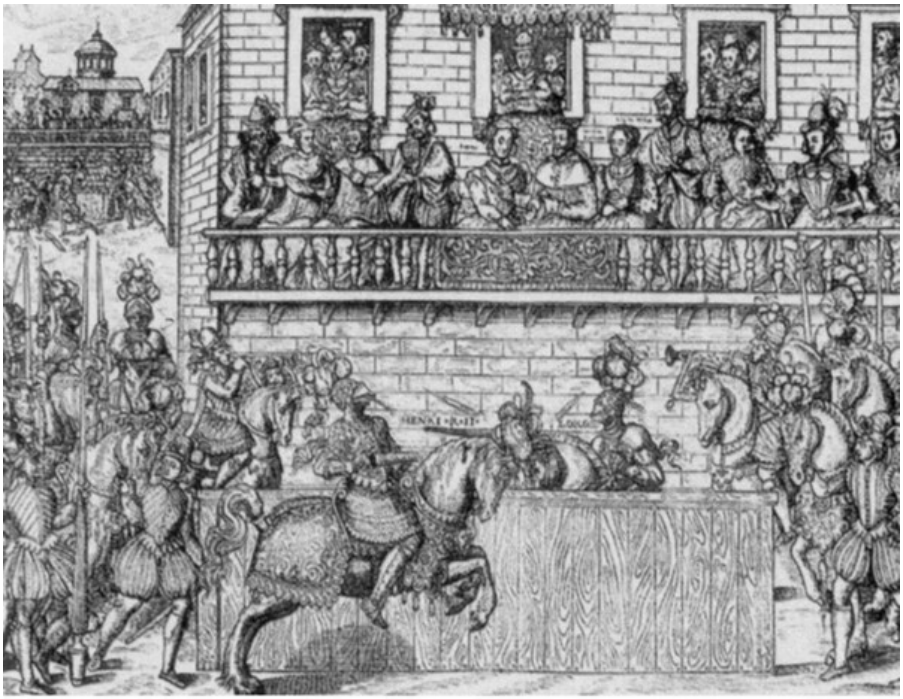
Диана де Пуатье в образе охотницы

«Черная королева» Екатерина Медичи

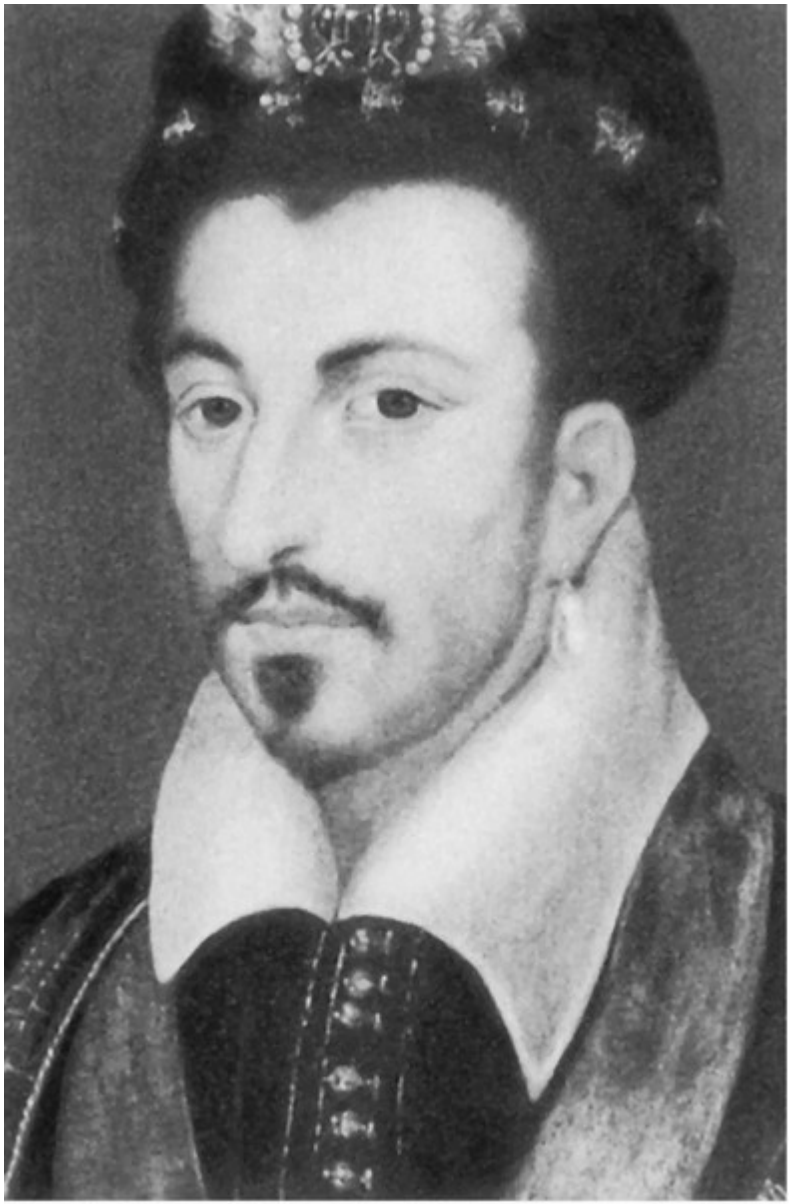
Коннетабль Анн де Монморанси



Встреча Нострадамуса и Екатерины Медичи в Салоне 16 октября 1564 года



Смертельное ранение Генриха II на турнире, предсказанное Нострадамусом. Гравюра XVI в.



Генрих IV Бурбон

Франциск II

Карл IX

Генрих III

Нострадамус в своем кабинете. Портрет XVII в.

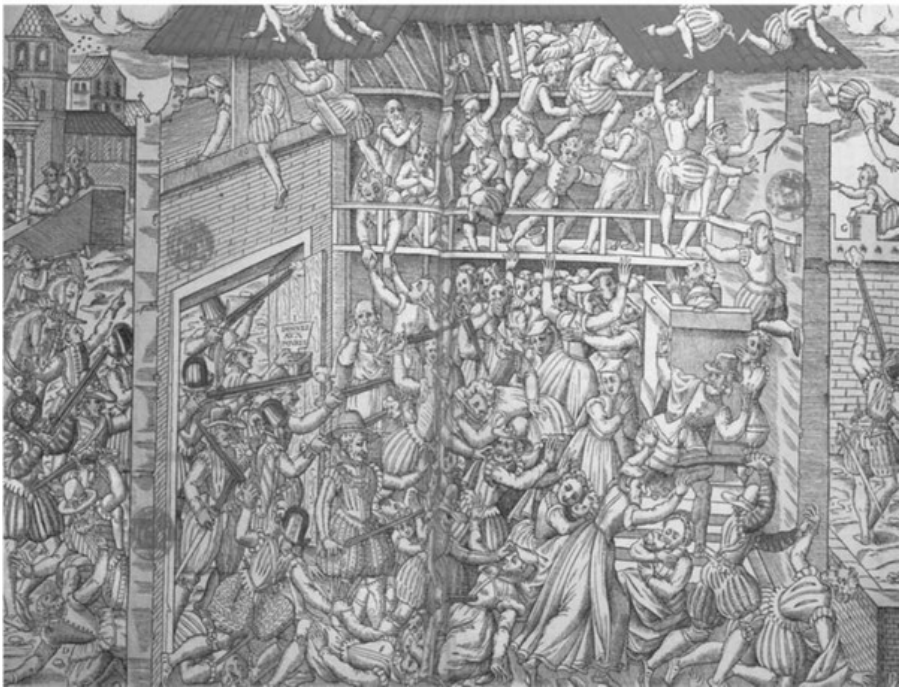
Немецкая листовка с предсказанием Нострадамуса по поводу наблюдения во Франции яркого болида

PRONOSTI-
CATION PERPETVELLE,
Recueillie de plusieurs Autheurs, par Maistre Michel Nostradamus. Auec les signes presetuatifz contre la Peste, & le gouuernement des quatre saisons de l'An, pour soy garder des maladies qui aduiennent, selon les Astres, & Cours des Lunes.

A PARIS,
Pour Iean Bonfons, rue neuue nostre Dame, à l'enseigne S. Nicolas.

Один из поддельных альманахов, выпущенных под именем Нострадамуса. 1559 г.

Герои предсказаний Нострадамуса – Генрих VIII Английский…



Резня гугенотов в Васси. 1562 г.

…и турецкий султан Сулейман Великолепный

Столкновения гугенотов и католиков в Тулузе

Сын Нострадамуса Сезар – автор жизнеописания отца

Титульный лист «Истории Прованса» Сезара Нострадамуса

Церковь Святого Лаврентия в Салоне

Мемориальная доска на доме Нострадамуса

Площадь Нострадамуса в Салоне с памятником пророку

notes

Примечания

2

Прованс – историческая область на юго-востоке Франции, на побережье Средиземного моря. Во II веке до н. э. ее территория вошла в первую римскую провинцию за Альпами *(Provincia Romana;* отсюда и название Прованс). В 855–863 годах Прованс был самостоятельным королевством, в 879 году вошел в состав королевства Нижняя Бургундия, получив статус графства. В 1113–1246 годах принадлежал графам Барселонским, в 1246–1481 годах – Анжуйской династии. В 1481 году Прованс был присоединен к Франции с сохранением провинциальной автономии, постепенно урезавшейся королевской властью. До XVI века Провансом в широком смысле иногда называли всю южную часть Франции (Окситанию).

Dupebe J. Nostradamus. Lettres inedites. P. 169.

http://cura.free.fr/dico8art/603A-epit.html

5

Лангедок – историческая область в Южной Франции к западу от Роны между Центральным массивом, побережьем Средиземного моря и Пиренеями. В XIII веке была центром еретического движения катаров (альбигойцев). Присоединена к французской короне в 1271 году в статусе самоуправляющейся провинции. Столица – Тулуза.

6

«Выйдя из леса, я обозрел окрестности» *(лат.)* – цитата из пролога к «Энеиде» Вергилия, написанного кем-то из комментаторов поэмы. Употреблялась в смысле обретения истины после напряженного ее поиска.

Nostredame M. de. Excellent & moult utile opuscule a touts necessaire. P. 3.

8

Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Книга III, глава XXXIV.

Hutchinson K. Towards a political iconology of the copernican revolution // Astrology, science and society: historical essays. Woodbridge, Suffolk; Wolfeboro, N.H.: Boydell Press, 1987.

10

Боткин Л. М. Итальянское Возрождение. Проблемы и люди. С. 385.

11

Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. С. 342.

12

Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения. С. 336.

Saint-Gelais M. de. (Euvres completes. P. 270–271.

14

Цит. по: *Гартман Ф.* Жизнь Парацельса и сущность его учения. С. 225.

15

Цит. по: *Гартман Ф.* Указ. соч. С. 230–231.

16

Бруно Д. Изгнание торжествующего зверя. С. 249.

17

Помпонацци П. Трактаты о бессмертии души. О причинах естественных явлений или о чародействе. С. 161.

18

Цит. по: *Гарэн Э.* Указ. соч. С. 331.

Так, именно на XVII век пришелся расцвет алхимии.

Гарэн Э. Указ. соч. С. 346.

Renaudet A. Prereforme et humanisme. P. 153.

22

Les Oeuvres de Me Francois Rabelais, docteur en medicine. P. 286. Пер. авт. В русском переводе Н. М. Любимова слову «astrophile» соответствует «звездочет».

23

Valbelle H. de. Histoire journaliere d'Honorat de Valbelle (1498–1539). T. II. 1985. P.107. Эти рассуждения относятся к 1521 году.

24

Цит. по: *Боткин Л. М.* Итальянские гуманисты: стиль жизни и стиль мышления. С. 72.

25

Книга II, глава XXII.

26

Книга II, глава V.

27

Jouanna A., Hamon P., Biloghi D., Le Thiec G. La France de la Renaisance. Histoire et dictionnaire. P. 1102.

Nostredame M. de. Excellent & moult utile opuscule a touts necessaire. P. 150.

Brind'Amour P. Nostradamus astrophile. P. 114.

30

Ibid.

31

Ibid.

32

Горфункель А.Х. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. С. 13–14.

[Scaliger J.] Viri Clarissimi Poemata in duas partes diuisa. P. 222.

34

Nostredame M. de. Excellent & moult utile opuscule a touts necessaire. P. 12.

35

Torne-Chavigny. Nostradamus eclairci. P. 121. Речь идет об архивах монтобанского епископства.

Jaubert E. Eclaircissement des veritables quatraines de Nostradamus. Amsterdam, 1656.

Фен-Ле-Сурс, нынешнее название – Фен-Веэль.

38

Пер. М. Генина.

39

Пер. Д. Морозова.

Перевод фрагментов из сочинений Нострадамуса и его современников, за исключением оговоренных случаев, принадлежит автору.

41

Эриксон К. Мария Кровавая. С. 39–40.

42

По легенде, святой Рох (Рокко) родился в Монпелье, затем жил в Италии, заболел чумой и был изгнан из Пьяченцы. Он нашел пристанище в бедной хижине недалеко от города. Охотничий пес жившего по соседству синьора стал воровать с хозяйского стола хлеб, который он относил больному. Его хозяин Готтар заинтересовался этим и проследил, куда бегает пес. Он сам стал ухаживать за Рохом и благодаря его наставлениям сделался отшельником. Вернувшись в Монпелье, Рох не был узнан родными. Его посчитали шпионом и бросили в тюрьму, где он и умер около 1380 года. При этом стены камеры, где он находился, озарились светом и около тела святого появились слова, начертанные ангелом: «Защитник от чумы». Впоследствии его останки были перенесены в Венецию, где его слава упрочилась и превзошла славу святого Себастьяна, которому тоже молились для избавления от чумы.

43

Фракасторо Дж. О контагии, контагиозных болезнях и лечении: В 3 кн. С. 40–41.

44

Documents inedits sur la grand peste de 1348. Paris, Londres et New-York, 1860. Рус. пер. приводится по: Супотницкий М. В., Супотницкая Н. С. Очерки истории чумы.

Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. Очерки истории чумы. Т. 1. С. 176.

Там же. С. 129–130. Смазывание ноздрей антисептиками как профилактическое средство применяется и сейчас.

47

Nostredame M. de. Excellent & moult utile opuscule a touts necessaire. P. 50–54.

48

История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения / Под ред. Л.М. Братиной. М.: Высшая школа, 1999. С. 436.

49

В Гаскони воровство, в зависимости от его масштаба, каралось урезанием носа или отсечением ушей.

50

Мидас – легендарный фригийский царь; по воле бога Диониса все, к чему он прикасался, обращалось в золото. По другому преданию, Аполлон наказал его ослиными ушами за то, что Мидас в состязании Аполлона с сатиром Марсием отдал предпочтение последнему.

51

Аверроэс (Ибн Рушд) (1126–1198) – знаменитый арабский философ и врач. «Коллигет» (латинизированное арабское слово «кулийят» – общее, система) – созданный им к 1166 году свод общих правил и законов медицины, известных на тот момент. «Коллигет» долгое время был самой авторитетной книгой у европейских медиков. Разумеется, в 7-й книге «Коллигета» (посвященной вопросам терапии) ни о каком безденежье речь не идет.

52

Город Бруаж в Провансе – важный центр соледобычи.

53

Пародия на расхожий пассаж в астрологических альманахах – та или иная страна пребудет в том же состоянии, в котором была и в прошлом году.

Имеется в виду послеобеденный отдых.

55

Из-за Реформации.

56

Триктрак – игра, в которой двое играющих передвигают по доске шашки навстречу друг другу соответственно очкам, выпавшим на костях.

57

Пещерные жители.

58

Речь идет либо о Сатурне-Кроносе, боге времени, либо (что менее вероятно) о Карле V Габсбурге, рожденном под восходящим знаком Козерога. В первой половине XVI века Турция завоевала большую часть Венгрии и предпринимала попытки захватить Австрию. И Венгрия, и Австрия принадлежали Габсбургам.

59

Игра слов. В астрологических альманахах прогнозы по месяцам и временам года рассчитывались по картам, составленным на новолуние («карта первой новой Луны», «карта второй новой Луны» и т. д.).

То есть долго отказывался от вступления в брак.

61

Les Propheties du Seigneur du Pavilion Lez Lorriz. Paris, Pour Antoine le Clerc, 1556. F4v-5rv.

62

Возможно, соединение планет. Lune – Луна либо Lune/Venus – Луна/Венера; «друг», в таком случае – Меркурий. В марте 1555 года эти небесные тела находились в непосредственной близости друг от друга в Водолее и Рыбах.

63

Напомним, что во времена Нострадамуса географы называли Африкой лишь северную, арабо-берберскую часть континента.

Nostredame C. de. Histoire et Chronique de Provence. P. 775.

Nostredame C. de. Histoire et Clironique de Provence. P. 776.

67

[Videl L.]. Declaration des abus, ignorances et seditions de Michel Nostradamus de Salon de Craux en Provence… Avignon, Pierre Roux et Jean Tramblay, 1558. P. 4.

La chronique lyonnaise de Jean Gueraud. 1536–1562. P. 85.

69

BnF ms fr 10485, f.187; Lettres de Du Bellay, ed. Nolhac. P. 28–29.

70

[Couillart A.]. Les propheties dv seigneur dv Pavilion lez Lorriz... P. 8V.

71

La premiere invective du Seigneur Hercule le Francois, contre Monstradamus (sic) traduilte du latin. Lyon, Pierre Roux, 1557.

[Videl L.]. Op. cit. F. E2rv.

Ibid. F. Clrv.

Ibid. F. B2rv.

Ibid. F. A4rv.

Le Monstre d'abus. Compose premierement en latin par Maistre Jean de La Dagueniere… Paris, Barbe Regnault, 1558. F. D3v.

Dupebe J. Nostradamus. Op. cit. P. 123.

Recueil de poesies francoises des XVe et XVIe siecles. Vol. IV. P. 294–295.

Цит. по: Brind'Amour P. Op. cit. P. 47.

81

Commentaries de Blaise de Monluc. T. II. P. 346–347.

82

Здесь и далее в ссылках на «Пророчества» Нострадамуса первая цифра указывает номер центурии, вторая – катрена. *(Прим. авт.)*

Ibid. P. 268.

Calendar of the State Papers, Foreign series, of the Reign of Elisabeth, 1562. P. 503–504.

Nostredame C. de. Histoire et Chronique de Provence. P. 783.

Brind'Amour P. Nostradamus astrophile. P. 451–452.

Nostredame C. de. Histoire et Chronique de Provence. P. 806.

88

Нострадамус посвятил Маргарите Савойской «Альманах на 1561 год», написанный в 1560 году.

89

Michaelis Hospitalii Galliarum Cancellarii epistolarum seu sermonum libri sex. Lutetiae, Apud Mamertum Patissonium Typoghraphum Regium, in officina Roberti Stephani. M.D.LXXXV. Cum priuilegio.

90

Histoire de l'estat de France, tant de la Republique que de la Religion, sous le regne de Francois II; par Regnier, sieur de le Planche. Paris, 1836. P. 64.

Nostredame C. de. Histoire et Chronique de Provence. P. 807.

92

Antiprognosticon contra inutiles Astrologorum Praedictiones Nostradami. Cunninghami, Lovi, Vaghani et reliquorum omnium. London, 1560. F. B2.

Saconay G. de. Genealogie et la fin des Huguenaux, & descouverte du Calvinisme, Lyon, Benoist Rigaud, 1572. F. 26v.

Saconay G. de. Discours des premiers troubles advenus a Lyon, Lyon, Michel Jove, 1569. P.136.

95

Saconay G. de. Genealogie et la fin des Huguenaux, & descouverte du Calvinisme, Lyon, Benoist Rigaud, 1572. F. 96r.

96

Calendar of the State Papers relating to Scotland and Mary, Queen of Scots 1547–1603. Vol. I: 1547–1563. P. 289.

Пер. А. Парина.

Ronsard P. (Euvres completes. Vol. II. P. 371 (Ode XXVIII).

99

Dispacci degl'ambasciatori veneziani Giouanni Michiel Ambasciatore Nicolo de da Ponte Bernardo Nauagiero Ambasciatori straordinari Michiel Surian Ambasciatore Aluise Benrizzo Secretario Marin de Gaualli Giouanni da Lezze Ambasciatori straordinari 3 Marzo 1560—2 Ottobre 1561. 4A. Disp. 43.

Desjardins A. Negociations. P. 427–428.

101

Tommaseo M. N. Relations des ambassadeurs venitiens sur les affaires de France au XVIe siecle. Paris, 1838. T. 1. P. 422–423.

Ibid. P. 542–543.

103

Les edicts et ordonnances des treschrestiens Roys Francois I. Henry II. Francois II. Charles LX. Henry III. Henry IV. & Louy XIII… A parts, Chez lean & Estienne Richer… M.DC.XXVII. P. 143–144.

Dupebe J. Nostadamus. Lettres inedites. P. 87.

105

Ibid.

Panisse-Passis, le comte de. Les comtes de Tende de la Maison de Savoie. P. 83.

Brind'Amour P.Nostradamus astrophile. P. 43.

Ibid. P. 134.

Ibid. P. 132.

Ibid. P. 133.

111

Ibid. P. 131.

L'Histoire de France.

Dupebe J. Op. cit. P. 140–143.

114

Действительно, цинковая пыль и медная руда применялись в металлургии XVI века для окрашивания сплавов в золотистый цвет.

115

Nostredame C. de. Histoire et Chronique de Provence. P. 795.

Brind'Amour P. Nostradamus astrophile. P. 81.

117

В том смысле слова, который вкладывался в него в XVI веке.

Sarton G. The Renaissance: Six Essays. P. 62.

119

Beze T. de. Histoire ecclesiastique des eglises reformees au royaume de France. T. III. Paris, 1889. P. 59–60.

120

Marconville J. de (sic). Recueil memorable d'aucuns cas merueilleux aduenuz de noz ans… Paris, 1564. F. 9rv.

121

Nostredame M. de. Excellent & moult utile opuscule a touts necessaire… P. 50–54.

122

Narration de l'entree du Roy Charles IX en la cite d'Auignon & du bon receuil que messieurs de la ville luy ont faict.. Auignon, par Pierre Roux. 1564.

123

Lettres de Catherine de Medicis. T. X. Paris, 1909. P. 145.

Defrance E. Catherine de Medicis, ses astrologues et ses magiciens-envouteurs, Paris, Mercure de France, 1911. P. 251–252.

125

LEstoile Pierre de. Memoires pour servir a l'histoire de France. V. II: Depuis 1589 jusqu'en 1611. P. 2.

Leroy E. Op. cit. P. 128.

Ibid. C. 262.

128

Нострдам Ж. де. Жизнеописания древнейших и наиславнейших провансальских пиитов, во времена графов Прованских процветших. Жизнеописания трубадуров. М.: Наука, 1993. С. 322–323.

http://cura.free.fr/dico-a/705Acn58.html

Монтень М. Опыты: В 3 кн. Кн. 3. С. 201.

131

Платон. Сочинения: В 3 т. Т.1. С. 138.

132

Ямвлих. О египетских мистериях. С.117.

133

Филипп де Коммин. Мемуары / Пер., вступ. ст. и прим. Ю. П. Малинина. М., 1986. С. 406–407.

Commentaires de Blaise de Monluc. Dec. 1543. P.113.

135

[Vieilleville] Memoires de Francois de Scepeaux, Sire de Vieleville, & Comte de Duretal, Marechal de France; commencant en 1527, & finissant en 1571. Paris: Cuchet, 1787. P. 174–175.

136

Rabutin F. de. Commentaires des guerres en la Gaule belgique (1551–1550), ed. Ch. Gailly de Taurines, tome 1, Paris, Honore Champion, 1932. P. 170.

Эриксон К. Указ. соч. С. 178.

138

[Chavigny J. A. de]. La Premiere Face du Janus Francois, contenant sommairement les troubles, guerres civiles & autres choses memorables advenues en la France & ailleurs des l'an de salut 1584 jusques a l'an 1589… extraite et colligee des Centuries et autres commentaires de M. Michel de Nostredame, jadis Conseillier & Medecin des Rois tres-Chrestiens Henry II Francois II & Charles IX… Lyon, 1594. P. 50–51.

139

Ла Боэси Э. Рассуждение о добровольном рабстве. М., 1952. С. 19.

Nostradamus M. de. Interpretation des Hieroglyphes de Horapollo. Texte inedit etabli et commente par Pierre Rollet. Barcelona, 1968. P. 163.

Эриксон К. Указ. соч. С. 390–391.

142

Там же. С. 391.

143

Branthome C. de. (Euvres completes. Paris: P. Jannet, 1858. T. XII. P. 100.

Эриксон К. Указ. соч. С. 369.

145

Roussat R. Livre de l'estat et mvtation des temps, prouuant par authoritez de l`Escripture saincte, & par raisons astrologales, la fin du Monde estre prochaine. A Lyon, chez Gufflaume Rouille, a l`Escu de Venise. 1550. P.137.

146

Леонардо да Винчи. Избранные произведения: В 2 т. М., 1935. Т. 2. С. 372.

Roussat R. Op. cit. P. 94–95.

Hutten U. von. Poemata, ed. Bocking. P. 253.

149

Книга III, глава XXXIII.

Dupebe J. Op. cit. P. 164.

151

Romier L. Les origines politiques des guerres de religion. Tome I. Henri II et l`ltalie. Paris, 1913. P. 132–133.

152

Мишо Ж. История крестовых походов. Глава XXXVII.

153

Nostradamus M. de. Interpretation des Hieroglyphes de Horapollo. Texte inedit etabli et commente par Pierre Rollet. Barcelona, 1968. P. 175.

Martianus. Liber Chronicorum, XII, 67.

Fortunius Licetus, IX; Scardeonius. De Antiq. Urbis Patavinae; Rubeus, De Destillatione; Lazius W. III, 18.

156

Pancirolli G. Raccolta di alcune cose piu segnalate, che ebbero gli antichi, e di alcune altre trovate da' moderni. Guidonis Pancirolli jc. clariss. Rerum memorabilium libri duo. quorum prior deperditarum: posterior noviter inventarum est. Ex Italico Latine redditi, & notis illustrati, ab Henrico Salmuth. Editio tertia. [2 vols]. Ambergae, typis Michaelis Fosteri, MDCXII (1612). Vol. I. P.115.

157

Le guide des chemins de France, chez Charles Estienne, Paris, 1552. P. 152.

Там же. С. 19.

159

P. 95.

Roussat R. Op cit. P. 131.

Ibid. P. 155–156.

Ibid. P. 139–140.

163

[Glaumeau J]. Journal de Jehan Glaumeau, Bourges, 1541–1562. Paris, 1867. P. 41–42.

Commentaires de Blaise de Monluc. P. 327.

Roussat R. Op. cit. P. 157.

http://www.sharvili.com/literature/history/
N.A.Sotavov_north_саиса-susXVIII.doc

167

Ла Боэси Э. Указ. соч. С. 20–21.

Roussat R. Op. cit. P. 63.

169

Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 261.

Roussat R. Op. cit. P. 65.

171

[Nostredame M. de]. Excellent & moult utile opuscule a touts necessaire… P. 14–15.

Romier L. Op. cit. P. 27.

Roussat R. Op. cit. P. 65.

174

Книга IV, глава LVII.

175

Poesies morales et historiques d'Eustacpe Morel, dit Cpastelain de Fimes, escuierpuissier d'armes de Charles VI, et son Bailli de Senlis. F. 122.

176

[Nostradamus. An almanack for the yere. M.D. lxiv]. University of Illinois at Urbana-Champaign Library. Location: Rare Book & Manuscript Library [non-circulating]. Call Number:529.5 H484a.

Brind'Amour P. Nostradamus astropliile. P. 489.

Автор выражает глубокую признательность профессорам Дэвиду Мэйси и Марку Титеру (США) за помощь в получении копии издания 1564 года.